ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Алексей Карпов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ
А. Карпов

ЖЗЛ

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

738

Алексей Карпов

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЖЗЛ
РУССКОЕ СЛОВО
1997

УДК 947.027
ББК 63.3(2)43
К 26

Издательство «Молодая гвардия»
благодарит Российский государственный архив
древних актов за предоставленные
иллюстративные материалы

© Карпов А. Ю., 1997 г.
© Издательство
«Молодая гвардия — ЖЗЛ»®,
художественное оформление,
1997 г.

ISBN 5-235-02274-2

ОТ АВТОРА

Писать книгу о Крестителе Руси, святом князе Владимире, очень трудно. Слишком многим мы обязаны этому человеку, слишком величествен совершенный им подвиг, слишком ослепительно, даже ослепляюще сияние, исходящее от его имени. Книжники прошлого — митрополит Иларион, мних Иаков, преподобный Нестор, «грешный» Феодосий, списавший «Слово о крещении Владимира», а также многие другие, чьих имен мы не знаем, безвестные составители летописи и переписчики княжеского Жития, — потрудились за нас и для нас, воссоздав образ святого князя. И вправе ли мы сегодня придирчиво ворошить исписанные ими страницы, отыскивая в их словах якобы скрытый подтекст, подозревая их в незнании, тенденциозном умолчании или, напротив, домысливании тех или иных эпизодов биографии князя Владимира? И более того, вправе ли мы вообще с присущим нам высокомерием и скептицизмом оценивать жизнь и деяния нашего великого предка, обсуждать закономерность и обоснованность каждого совершенного им шага? Мы, отделенные тысячелетием от его земного подвига, погрязшие в ханжестве и неверии, самоуверенности и цинизме?

Наверное, не вправе. Но примем этот грех на себя. Историк по своей природе циничен и, в той или иной степени, безнравствен. «Не судите, да не судимы будете» — увы, эта евангельская заповедь отнюдь не соблюдается им, бесцеремонно рядящимся в одинаково неуместную тогу обвинителя или адвоката.

Но, может быть, в какой-то мере оправдывает нас то обстоятельство, что подлинная биография князя Владимира не написана до сих пор [1]. Масштаб его деяний не определен.

Даже о главном событии его жизни — Крещении — мы знаем слишком мало — и главным образом из поздних легенд и преданий, которые, кажется, сильно расходятся с исторической действительностью. А потому прежде, чем обсуждать факты биографии святого Владимира, их надо, по крайней мере, установить.

Исследователь древней Руси поставлен в заведомо сложное положение. В его распоряжении очень мало источников, подлинных свидетельств прошлого. Так, от времени Владимира до нас не дошло *ни одного* подлинного исторического документа, написанного на пергамене — тогдашнем материале для письма [2]. В летописях, а может быть, и в других произведениях древнерусской письменности («древнейшем Житии», Прологе, «Церковном уставе» Владимира), возможно, сохранились следы каких-то древних записей, сделанных во времена Крестителя Руси. (Таковы, например, выписки из княжеских помянников, какие-то записи, сделанные при Киевской Десятинной церкви, может быть, фрагменты первоначальной киевской летописи — хотя ее существование достаточно гипотетично.) Но все они сохранились в составе более поздних сочинений (XI—XIV и более поздних веков), а дошли до нас в рукописях не ранее XIV века, то есть отделены от времени Крестителя Руси, по меньшей мере, тремя или четырьмя столетиями.

Правда, существуют еще надписи на монетах князя Владимира (и эти монеты многое могут рассказать об их заказчике-владельце); существуют печати сыновей Владимира, скреплявшие какие-то документы еще при его жизни, монеты Святополка и Ярослава Владимировичей, отчеканенные вскоре после его смерти; сохранились различные предметы материального быта конца X — начала XI века, в том числе и имеющие на себе краткие надписи-обозначения или даже княжеский знак самого Владимира — его знаменитый «трезубец»; наконец, археологами открыты остатки древних зданий Владимировой поры — в том числе Десятинной церкви и его каменных дворцов в Киеве. И все же это ничтожно мало, если сравнивать с эпохой Московской Руси или, тем более, с нашей новой и новейшей историей.

Памятники же более позднего времени содержат иногда одни лишь случайные обмолвки, намеки, обрывки и фрагменты некогда существовавших текстов. Недостаток сведений еще в древности неизбежно порождал легенды, которые со временем становились все более и более подробными и красочными, но, очевидно, все менее и менее достоверными. Чем крупнее личность и чем громче имя — тем больше легенд

возникает вокруг. Но в русской истории нет более значимого имени, чем Владимир Святой. Легенды, мифы окружают почти каждый его шаг, и за этой завесой очень трудно различить действительное и вымышленное, подлинное лицо князя Владимира и записанный позднейшими красками иконописный лик.

А нужно ли различать их — это каждый решает для себя сам.

Работу историка часто сравнивают с работой следователя, кропотливо разыскивающего новые факты, незаметные и ничего не значащие на первый взгляд, но способные, в конце концов, воссоздать подлинную картину случившегося. Иногда, наверное, это и в самом деле так. Но возможно и другое, куда менее привлекательное сравнение исследовательского труда — с манипуляциями заядлого игрока, раскладывающего некий сложный пасьянс. В его руках — зачастую случайный набор карт, он тщательно подбирает место для каждой из них — но вот появляется новая карта, и весь пасьянс рассыпается, и его приходится складывать заново. Пасьянс, конечно, сложится — но беда в том, что карты могут оказаться и краплеными, а некоторые из них и вовсе не вынуты из коробки.

Человеческая жизнь, конечно же, не карточная колода. Но свидетельства источников тоже могут быть подогнаны одно под другое, а все вместе — под некую заранее выстроенную схему, повернуты и так, и этак — не хуже, чем в детской мозаике или на карточном столе. Историка как раз и должно отличать в первую очередь критическое отношение к используемому им источнику — не голый, высокомерный скептицизм, но ясное понимание того, как именно появился и какую именно эпоху отражает тот или иной исторический документ. Работа с древнерусскими источниками в особенности требует кропотливого текстологического анализа в каждом конкретном случае — иначе мы вынуждены будем довольствоваться выдуманной историей, основанной на чьих-то догадках или даже недоразумениях, на поверхностных выводах и собственной фантазии. К сожалению, в отношении многих древнейших русских источников (в том числе и памятников так называемого «Владимирова цикла», то есть различных редакций Жития князя Владимира) подобная работа до сих пор по-настоящему не проведена [3]. И это обстоятельство вынуждает автора, может быть, чрезмерно перегружать книгу чисто исследовательским, источниковедческим материалом (большей частью отнесенным в примечания в конце книги).

Всякая биография есть всего лишь гипотеза. Тем более это относится к биографиям людей, живших тысячу лет назад. Автор отдает себе отчет в том, что Владимир, изображенный на страницах книги, может оказаться весьма далек от Владимира настоящего, действительная жизнь которого столь мало известна нам. Те, кто будет писать о Владимире позже нас, несомненно, лучше нас поймут и объяснят великие деяния Крестителя Руси. Но, может быть, и настоящая книга поможет кому-то в познании нашего прошлого — не столь отдаленного от настоящего и по-прежнему влияющего на него? Если так, то автор будет считать свою задачу полностью выполненной.

Уподобился еси купцу, ищущему добраго бисера, славнодержавный Владимире, на высоте стола седя матере градов, богоспасаемаго Киева, испытуя же и посылая к Царскому граду увести православную веру, и обрел еси безценный бисер Христа, избравшаго тя, яко втораго Павла, и отрясшаго слепоту во святей купели, душевную вкупе и телесную...

Из тропаря святому
и равноапостольному
князю Владимиру

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ

Князь Владимир был сыном великого князя Киевского Святослава Игоревича — князя-воина, князя-завоевателя, самого, пожалуй, яркого и заметного героя нашей первоначальной истории. Известно нам и имя матери Владимира. Ею была Малуша, ключница, «роба» княгини Ольги, матери Святослава.

Ключница — это та, кто ведает княжеским добром, всем обширным хозяйством великой княгини. Многое на княжеском дворе и за его стенами зависело от одного ее слова, многие спешили угодить ей, искали с ней дружбы. Она же была тверда и рассудительна, исполнительна и по мере надобности жестока — иначе бы не пришлась по нраву властной и не терпящей прекословия Ольге. Но была она к тому же молода и красива — и лицом, и станом, горда и неприступна, и, надо думать, не одно мужское сердце начинало сильнее биться при ее появлении. Не стал исключением и Святослав. Равнодушный к роскоши и великолепию, казалось бы, не знавший обычных житейских радостей, он не был частым гостем в княжеских покоях своей матери. Но чем-то заворожила его Малуша — молодостью ли, красотой ли, или удивительной своей судьбою. А может, и не было ничего между ними — может, по мимолетной прихоти, наспех, овладел князь нечаянно подвернувшейся ему служанкой. И так, наверное, тоже бывало нередко. Мы мало что знаем о тех давно ушедших днях, с трудом различая в тумане забвения и тишины лишь контуры событий и дат. Где уж нам угадывать чувства, которые влекли друг к другу наших далеких предков... Но так или иначе, а — свершилось. Нежданно-негаданно, вопреки обычаю, не по праву, но по нраву стала Малуша женой князя Святослава.

Н а р и с. — родовой княжеский знак Владимира Святославича. Сребреник Владимира IV типа. Оборотная сторона.

Имена древнерусских женщин, жен киевских правителей, редко появляются на страницах летописи. Случай с Владимиром — особый. Его биография вообще окутана множеством легенд — необычны были сами обстоятельства, при которых он появился на свет. Одна из таких легенд как раз и связана с происхождением его матери.

Малуша не была женой князя Святослава в полном смысле этого слова. Жены-полонянки — явление обыденное. Но Малуша была «робой» не самого князя, а его матери. Позднее предание рассказывает о жестоком гневе Ольги на свою чересчур пригожую ключницу. Ольга выслала ту из Киева в некое село Будутину весь. Здесь и родился Святославов сын [1].

Это предание сохранилось в знаменитой Никоновской летописи — крупнейшем летописном своде средневековой России, созданном в XVI веке. Для ее автора — книжника московской поры — образ «рабыни», простой девушки из народа, соединился с представлением о связи с нею князя Святослава, как о чем-то запретном и предосудительном. Многие и сейчас склонны считать Владимира незаконнорожденным сыном Святослава, «бастардом» (или, по-русски, байстрюком), изгоем, не имевшим прав на великокняжеский стол. Это не так. Древняя, языческая Русь совсем по-другому, нежели мы, смотрела на таинство брака. Владимир не мог считаться «незаконнорожденным» уже потому, что он был сыном князя, его продолжением и воплощением. Следовательно, он и сам был князем — с самого момента рождения. Как «семя княжеское» Владимир вобрал в себя все содержание и весь смысл княжеской власти. Он обладал княжеским именем — точнее, именем-титулом, дававшим его носителю право владеть людьми и землею.

Об имени героя нашего повествования следует сказать особо. Обычно имя Владимир кажется простым и понятным: его расшифровывают как «владеющий миром». Но в древнейших русских памятниках письменности — летописях, житиях, сказаниях — имя князя писалось через «е», а не «и»: «Володимеръ». Ученые объясняют это «меръ» как осколок древнего индоевропейского корня, означавшего величие, могущество, славу. (Слово существовало во многих ныне умерших языках. В готском «-mērs» — «великий», то же значение имело ирландское «mór», «mar», кимрское «mawr»; в древневерхненемецком «mâri» — «знаменитый».) Так что в буквальном переводе «Владимир» («Володимеръ») — «великий в своей власти» [2]. Называя так своего сына, Святослав, конечно, видел его преемником славных деяний своих предков. Имя несло и сакральный, магический смысл: оно определяло судьбу чело-

века, прямо влияло на него — названный им не мог не властвовать славой. Наконец, имя служило титулом — оно сразу, ясно и понятно для каждого, ставило его обладателя на недосягаемую для простых смертных высоту.

А вот о гневе Ольги и о ссылке Малуши память действительно могла сохраниться. Привыкшая властвовать всею землею, Ольга едва ли стала терпеть открытое нарушение обычаев в своем собственном доме. Так что родился Владимир скорее всего не в Киеве, а в сельце («веси»), принадлежавшем его бабке, — Будутине.

По обычаю русичей, до трех лет ребенок воспитывался матерью и неотлучно находился возле нее. Было ли так и с Малушиным сыном, мы не знаем. Но уже очень скоро Владимир окажется в Киеве, в княжеском тереме Ольги, куда путь Малуше был закрыт. Здесь будут проходить его детские, самые ранние годы. Как дальше сложилась судьба Малуши, нам неизвестно. Русские источники — и это понятно — о ней молчат [3]. Имя матери Владимира еще однажды всплывет в истории — уже в Новгороде, в ту пору, когда Владимир будет княжить в этом славном русском городе. Скандинавские саги расскажут о ней как о ведунье и прорицательнице, высоко почитаемой сыном и его людьми. Но насколько достоверны эти сведения, мы поговорим позднее.

Во всяком случае, по крайней мере, с трехлетнего возраста Владимир жил вдали от матери. Даже разговоры о Малуше в доме Ольги были, наверное, запрещены. Лишь людская молва, су́ды да перетолки да косые взгляды напоминали ему о ней. Хотя, как и любое дитя, Владимир многое должен был унаследовать от матери.

По своему происхождению Малуша была далеко не простолюдинкой. Само упоминание летописью ее имени свидетельствует об этом. Имя в язычестве — всегда знак определенной «особости», обособления от родового, общего для всех имени; оно появляется лишь при известном возвышении, возвеличивании человека. Древнейшая из дошедших до нас летописей — «Повесть временных лет», из которой мы и будем главным образом черпать сведения о жизненном пути киевского князя, — так рассказывает о происхождении Владимира: «Володимер был от Малуши, ключницы Ольгиной, та же была сестра Добрыне; отец же им был Малък Любечанин» [4] *.

---

* Здесь и в дальнейшем древнерусский текст цитируется в основном не буквально, но в облегченном, адаптированном виде, более понятном читателю; в то же время это и не совсем перевод — имена, названия, многие важные понятия и термины передаются так, как они сохранились в подлиннике.

Собственно говоря, имя Малуша (как и большинство женских имен того времени) — не самостоятельное, а производное от имени ее отца, Малъка*. Хорошо известен и брат Малуши — Добрыня Малъкович, дядя Владимира и, судя по всему, его воспитатель, «кормилец». Добрыне будет суждено сыграть исключительную роль в жизни своего племянника. Сначала он — руководитель и наставник юного князя, затем — советчик и единомышленник, его правая рука и воевода. Добрыня станет родоначальником целой династии посадников Великого Новгорода.

Столь тщательно выписанная родословная женщины, не принадлежавшей собственно к княжескому роду, — явление исключительное в древнейшей летописи. Вероятно, поэтому имена Малуши и Малъка возбудили воображение историков, стремившихся связать их с какими-нибудь другими известными фигурами русской истории. И здесь внимание исследователей привлекла к себе личность знаменитого древлянского князя Мала — того самого, который в 945 году стал одним из главных зачинщиков убийства киевского князя Игоря, деда Владимира по отцовской линии. Сначала в виде осторожного предположения, а затем со все большей уверенностью историки стали отождествлять деда Владимира Малъка Любечанина с Малом Древлянским. Как известно, вдова Игоря княгиня Ольга жестоко отомстила древлянам за смерть своего мужа, предав огню главный город их земли Искоростень. Князь же Мал якобы не был убит ни во время сражения между древлянами и киевлянами, ни после осады и взятия Искоростеня, но был схвачен и приведен в принадлежавший Ольге город Любеч; дети его, Добрыня и Малуша, оказались при дворе киевской княгини. Так возникла гипотеза о древлянском происхождении князя Владимира, ставшая ныне весьма популярной и едва ли не общепризнанной [5].

Легко увидеть, сколь соблазнительна такая гипотеза для биографа. Какие поистине шекспировские страсти можно было бы обнаружить, присматриваясь ко взаимоотношениям внутри княжеской семьи. Как должен был смотреть на своих родных Владимир, и как те — на него. Ибо для Ольги он был бы прежде всего внуком убийцы ее мужа, живым укором и предостережением; но и Ольга для своего внука — губитель-

---

* Во времена, о которых идет речь, буква «ъ» («ер») еще не потеряла своего звучания. Она произносилась как неопределенный гласный звук, вроде нынешних безударных «а», «о» или «ы». Имя отца Малуши звучало, вероятно, как «Ма́лко» или, может быть, «Ма́лык».

ницей (если не убийцей) его родного деда... Но оставим досужие рассуждения. С достаточно большой степенью уверенности можно сказать, что гипотеза эта сколь соблазнительна, столь же и несостоятельна. Во-первых, она не имеет под собой никаких оснований, кроме далеко не полного сходства в именах действующих лиц*. Во-вторых, и это главное, выше описанное развитие событий просто-напросто не могло иметь место. Можно допустить, что, взяв Искоростень и убив Мала, Ольга решила сохранить жизнь дочери древлянского князя и даже приблизила ее к себе. По обычаю, та в самом деле могла достаться в жены ее сыну. Но отцом Малуши назван Малък *Любечанин* — то есть житель (временный или постоянный) Любеча, старинного города на Днепре, несколькими километрами выше Киева по течению. Сохранение же Ольгою жизни главному убийце ее мужа кажется совершенно невероятным. Обычай кровной мести не мог быть нарушен. Ольга пролила море древлянской крови, и в этом море должна была течь кровь Мала Древлянского. Вообще завоевание чужой земли, чужого города и насильственное включение их в свою волость не мыслилось в древности без убиения тамошнего правителя и искоренения его рода по мужской линии. Такое убийство носило в языческом обществе ритуальный характер. Так было не только на Руси, но и на Руси тоже — так поступил, например, при захвате Киева знаменитый Олег, предшественник Игоря; так поступит, захватив Полоцк, и сам Владимир, о чем речь еще впереди. Немыслимо было и оставлять в живых сына убитого князя — наследника поверженной династии в настоящем и кровного местника в будущем. (Впрочем, чаще встречалось добровольное присоединение земли и превращение местного правителя в наместника великого князя.)

Да и ничто в имеющихся в нашем распоряжении источниках не подтверждает «древлянского» происхождения Владимира или его дяди. Когда отец Владимира Святослав будет

---

* Не исключено, что имена Мал и Малък — разного происхождения. Если в имени Мал без труда виден славянский корень [6], то основа имени Малък, вероятно, иная. В семитских языках (арабском, древнееврейском) слово «Malik» («малик») означает «царь», «правитель». Это слово проникало и в древнерусский язык, иногда осмысливаясь в нем как личное имя [7]. Так что «Малък» может быть и не именем вовсе, а титулом — скажем, хазарского бека, обосновавшегося в русском Любече. (Славянское же имя сына Малъка Добрыни в этом случае не должно смущать — как, например, и славянское имя Люта, сына варяга Свенельда, или даже славянское имя самого Святослава Игоревича.)

делить между тремя своими сыновьями Русскую землю, Древлянская область достанется не Владимиру, а его брату Олегу; имя Добрыни навсегда соединится с именем Великого Новгорода.

Генеалогия Владимирова рода по отцовской линии в X веке не шла, кажется, дальше его деда, киевского князя Игоря, так и оставшегося в русской истории под именем Игоря Старого, то есть «старейшего». Позже в летописи появится имя отца Игоря, варяжского князя Рюрика, призванного вместе с братьями Трувором и Синеусом и «с роды своими» править Новгородской землею.

Мы не будем разбирать сейчас знаменитую легенду о призвании варягов, как не будем вдаваться в дискуссию о том, кто такие варяги и какова их роль в складывании Древнерусского государства, с ожесточением ведущуюся в научном мире вот уже более двухсот лет. Скажем лишь о том, что появление этой легенды — даже если она и не вполне соответствует реальной исторической действительности — закономерно. Чем дальше отстоит правящий род от подвластного ему населения, чем меньше точек соприкосновения между ними в прошлом, тем выше (в глазах средневекового человека) его положение в настоящем. Князь-иноплеменник, завоеватель или просто пришлый находник — идеальная фигура для предка монарха во всей древней истории. (Реже в роли основателя династии выступает предок-изгой, безродный бродяга или даже просто обнищавший простолюдин — но в любом случае человек, стоящий вне обычного порядка вещей. Быть может, именно поэтому так волновало позднейших писателей-летописцев «плебейское» происхождение самого Владимира.) Да и в реальной истории чужеземец куда скорее своего, коренного сородича мог встать на недосягаемую высоту необходимого «царского» достоинства. Поэтому и мы примем Рюрикову генеалогию — тем более что другой у нас все равно нет — и будем звать потомков князя Игоря Старого привычным нам именем — Рюриковичи. Этническая отчужденность правящей династии от остального населения если и ощущалась при «вещем» князе Олеге, то ко временам Ольги и Святослава уже сходила на нет.

Нам неизвестна точная дата рождения Владимира. Летопись называет его третьим, то есть младшим, сыном князя Святослава: во всех перечнях Святославичей (а их в «Повести временных лет» два) имя Владимира идет после имен его братьев — Ярополка и Олега. Но это были дети от разных матерей. Малуша родила лишь одного сына, имя матери Ярополка и Олега до нас не дошло[8]. Так что, насколько

Владимир был младше своих братьев, неизвестно. Да и был ли он вообще младше Олега? Порядок перечисления сыновей Святослава мог определяться не их возрастом, а их происхождением от той или иной жены великого князя. Именно так перечислены, например, в летописи многочисленные сыновья самого Владимира. Правда, некоторые позднейшие летописи прямо именуют Владимира младшим из Святославичей, но к такому выводу их авторы могли прийти чисто логическим путем, исходя из известного нам текста «Повести временных лет».

Примерное время рождения князя Владимира можно установить с приблизительностью до 3—4 лет. Его отец, князь Святослав, родился около 942 года (6450-го по принятому на Руси счету лет «от сотворения мира») [9]*. Уже в трехлетнем возрасте, после гибели отца, он становится — конечно, только по названию — киевским князем и даже возглавляет киевское войско в походе на древлян. Посаженный на коня, согласно обычаю, Святослав начинает битву, бросив своей детской рукой копье в сторону врага. Копье пролетело между ушами коня и ударилось тому в ноги. Но почин был сделан и обычай соблюден. «Князь уже начал, потягнете, дружина, по князе!» — воскликнули киевские воеводы.

Мы не знаем определенного времени начала супружеской жизни в древней Руси; скорее всего такого срока просто не существовало. И все же, зная приблизительную дату рождения Святослава, легко высчитать, что Владимир не мог появиться на свет раньше 958—959 годов (напомню, что он не был первенцем). Сам же Владимир в первый раз женился, вероятно, около 978 года, еще будучи новгородским князем. Под 980 годом в «Повести временных лет» рассказывается о том, как Владимир силой взял за себя полоцкую княжну Рогнеду, дочь князя Рогволода. (На самом деле это произошло, видимо, зимой или весной 978 года.) Руководил им в этом насилии его дядя Добрыня: «и повеле быти с нею пред отцом и матерью». Руководство в деле такого рода обнаруживает несомненную юность князя — едва ли ему могло быть тогда больше 17—18 лет, и уж, во всяком случае, не меньше 14—15.

---

* Заметим сразу, что многие даты начальной русской летописи ставятся исследователями под сомнение — ведь записи о событиях той далекой поры делались много позже их самих; к тому же летописцы пользовались разными космическими эрами, то есть по-разному считали число лет от Сотворения мира до Рождества Христова. Поэтому там, где мы не можем проверить летописную датировку иными источниками, нам придется, пользуясь ею, помнить о ее известной относительности.

Так определяется примерное время его появления на свет — между 959 и 964 годами, а скорее — между 960 и 962-м [10]. Это время утверждения в Киеве и начала самостоятельного правления отца Владимира князя Святослава Игоревича. Летопись относит первые походы Святослава к 964 году. Надо полагать, что связь князя с ключницей его матери пришлась на киевский, «домашний», период его биографии.

Так появился на свет князь Владимир. Его происхождение, несомненно, выделяло его среди братьев. Не то, чтобы оно делало его меньшим князем, чем те, — конечно, нет. В смысле обычного княжеского права все они были равны и в равной степени наследовали отцовскую и дедовскую власть. Но обидное прозвище «робичич» долго будет преследовать юного княжича. Единоутробные Ярополк и Олег не могли не чувствовать превосходства перед своим единокровным братом, и, стало быть, с самой ранней поры между ними не могло не возникнуть отчетливого отчуждения. Едва ли братья даже воспитывались вместе и в равной степени, хотя мы и увидим всех троих в Киеве, при дворе великой княгини Ольги. Сын прежней слуги неизбежно вызывал у княгини чувство досады и раздражения; это чувство передавалось другим, более любимым ее внукам. Судя по тому немногому, что рассказывают нам летописи о характере сыновей Святослава, с наибольшей силой влияние Ольги сказалось на старшем из братьев — Ярополке. И менее всех подвержен был влиянию княгини-христианки Владимир.

Но и для Святослава Владимир не стал любимым детищем. Малушин сын напоминал князю не столько о сладости любви (которой, может быть, вовсе и не было), сколько о горечи и унижении разрыва. Позже мы столкнемся с явным проявлением пренебрежения к Владимиру со стороны отца. Да и вообще Святослава мало волновали дела семейные. В Киеве он бывал редко и своими детьми почти не занимался. В свою очередь, и Владимир, вероятно, не чувствовал привязанности ни к кому в своей семье — ни к отцу, ни к бабке, ни к братьям.

Главным событием, произошедшим с ним в эти, самые первые его годы, был, несомненно, обряд «постригов», перехода из женской половины семьи и дома в мужскую. В три года дитя становился мальчиком, будущим мужчиной. Обряд перехода сопровождался срезанием пряди волос, почему и получил название «постриги». Обрезание волос безвозвратно вырывало ребенка из мира женщин, обозначало его принадлежность к мужскому роду — ведь в ту пору волосы стригли только мужчины. С этого времени мальчика воспитывал отец или, как это всегда бывало в княжеских семьях, особый

воспитатель, «кормилец». Таким «дядькой» стал для Владимира его родственник со стороны матери Добрыня. В его лице Владимир и нашел человека, чье доброе отношение к себе он ощущал постоянно, на чью поддержку мог рассчитывать. Стоит ли удивляться, что именно его влияние сказывалось на Владимире сильнее всего.

Так, с самого раннего детства определилось особое положение Владимира в княжеской семье.

Впервые имя Владимира появляется в «Повести временных лет» одновременно с именами его братьев — в знаменитом рассказе об осаде Киева печенегами весной 969 года. Все три княжича были тогда еще малыми детьми. Святослав со своей дружиной находился вдали от Руси — «и затворилась Ольга во граде со внуками своими, Ярополком, и Олегом, и Володимером». С этого летописного сообщения и начинается известная нам биография будущего Крестителя Русской земли.

Что же за времена переживала тогда Русь, что представляла собой держава, властвовать над которой суждено будет Владимиру в течение почти четырех десятилетий?

К середине X века власть киевского князя простиралась на обширную территорию Восточно-Европейской равнины — от Старой Ладоги и Нового города на севере и до Киева и Родни на обжитом полянами поднепровском юге. Великий торговый путь, ведущий «из Варяг в Греки», был захвачен еще новгородским князем Олегом, прозванным Вещим. Утвердившись в Киеве, названном им «матерью городам Русским», Олег связал воедино две территории, два государственных образования, до этого развивавшихся самостоятельно и почти не зависевших друг от друга — Новгородско-Варяжскую северную Русь и Киевское полянское государство. Соединение Севера и Юга и положило начало существованию Древнерусского государства, называемого нами Киевской Русью.

Но государство это не было похоже на современные государства. Оно не имело границ, не знало единых законов. Дань, ежегодно выплачиваемая сельскими и родовыми общинами, племенами и племенными объединениями, а также само признание верховенства киевского князя и составляли все существо государственной власти. Дань шла князю и его дружине. Во времена Олега и Игоря либо сам князь, либо его ближайшие воеводы объезжали людей и земли, собирая все, что могло дать тогдашнее натуральное хозяйство. При княгине Ольге «полюдье» сменилось «повозом» — строго ограниченной уроками данью, свозимой на княжеские погосты.

Русская земля в X — начале XI в.

Это не было повинностью в нашем понимании. Князь воспринимался тогда как некая высшая сила, воплощавшая в себе все общество и всю землю. Он служил, как мы говорим сейчас, гарантом социальной стабильности и порядка, один мог защитить своих подданных не только в случае нападения чужаков, но и в случае любой другой беды — стихийного бедствия, неурожая. (Так, кстати говоря, и было: при голоде и недороде людей выручали запасы, собранные и тщательно хранимые в особых княжеских закромах.)

Все сущее должно иметь свою завершенность, свой венец. Человеческое общество не являлось исключением. Князь —

голова, его народ, подданные князя — тело. Подобно тому, как не может жить обезглавленное туловище и судорожны будут предсмертные движения его членов, не может и народ оставаться без князя. Потому и дань, собираемая для князя, обретала символический, ритуальный смысл ежегодного «кормления», понимаемого первоначально вполне буквально. Как лучший, откормленный телец приносится к жертвеннику — не для того, чтобы просто задобрить богов, но чтобы ощутить свою сопричастность им, свое единение с ними, — так и лучшее из того, что было собрано и возделано на земле, добровольно отдавалось на потребу и прокормление князю. Именно добровольно — почти всегда, кроме тех случаев, когда князь сам нарушал неписаные законы.

Нет и не может быть семьи без старшего и без младшего. Человек лишь тогда ощущает свою зрелость, свою исполненность силой, когда твердо осознает себя на середине жизненного пути, помнит, откуда он вышел и во что воплотится, кем был и кем станет, когда ежечасно созерцает седины своих отцов, видит курганы над могилами предков, слышит плач новорожденного в колыбели. Следование обычаям предков, неукоснительное соблюдение традиций, многочисленных предписаний, запретов давало человеку ощущение цельности своего существования, делало его деятельным и сильным. Это — в привычном круге бытия, в рамках своей семьи и своего рода. Раздвигая привычный круг, сталкиваясь с чужим миром, чаще враждебным, человек и весь его род в целом снова нуждались в точке опоры, снова искали ясный ответ на вопрос: кто они, чьи, откуда, нуждались уже в иной, высшей силе, стоявшей вне их самих, над ними, но и — рядом с ними. Такой объединяющей силой и был князь. Его власть примиряла и уравновешивала всех, ибо в равной степени возвышалась над каждым.

Именно в этом — объяснение того чувства сирости и обреченности, которое (как нам предстоит увидеть) будет охватывать людей, оставшихся без князя, без повелителя, — чувства, кажущегося нам, привыкшим не любить и не уважать всякую власть, нелепым и смешным.

«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Пойдите княжить и володеть нами». Памятные слова летописной легенды о призвании варягов выражают самую суть понимания княжеской власти, единственной способной дать «наряд», то есть порядок, устроение земле, способной прекратить бессмысленные усобицы, придать завершенность и осмысленность всему существованию человеческого сообщества. Внешним выражением такого единения земли и князя

и служил обряд взимания дани, «кормления» князя. Дань — знак причастности князя к земле и причастности земли к князю. «Кому дань даете? — спрашивал Олег, вступая в чужие пределы. — Мне дайте!» Вот формула добровольного вхождения земли в состав государства, единственное, необходимое и достаточное условие для этого. Большего в обыкновенных случаях не требовалось.

Конечно, эта же дань служила и обогащению князя и дружины. «Кормление» со временем теряло свой ритуальный, сакральный смысл, приобретая приземленное, чисто экономическое значение. Это с неизбежностью вело к разрыву, нарушению естественной связи между князем и его народом. Военные походы княжеских дружин, вовлечение древнекиевской знати в торговые операции с Византией, Хазарией и другими странами ускоряли расслоение древнерусского общества, усиливали корыстолюбие и стяжательство его верхушки [11]. Но во времена Святослава этот процесс еще не зашел слишком далеко. Князь по-прежнему воспринимался неразрывно, нерасчлененно от подвластной ему земли.

Древняя Русь не знала обожествления монарха, как это было в древних государствах Востока. Но княжеская власть, а значит, и ее носитель, князь, и у нас обретали черты мистические, сверхъестественные. (Как, впрочем, и в других раннесредневековых «варварских» государствах Европы.) Гибель князя — всегда трагедия для земли; но и земные неурядицы и несчастья гибельны для князя, ибо он неразрывно связан с землей, с миром, и если с теми творится что-то неладное, значит, и данные свыше магические силы покидают его. Князь — голова, земля — тело: «Тяжко голове без плечь, зло телу без головы» [12]. Когда, например, древляне предали смерти князя Игоря, дважды нарушившего обычай ежегодного полюдья, они не сомневались, что и все достояние Игорево — жена, дети и все княжение его — теперь по праву принадлежит им. Тело убитого князя оставалось в их земле. Ясно сознавая собственную правоту и полную неприкосновенность, древлянские послы вступили в покои киевской княгини, не прося, но требуя, чтобы та отдалась их князю. Хитроумное убийство древлянских послов поразило современников, почему и осталось навсегда в памяти потомков. Впрочем — в том-то и заключалась мудрость княгини, — это было вовсе не простое убийство, но лишь буквальное исполнение собственных требований древлян, требований, доведенных до бессмыслия. И все же войну с древлянами Ольга начала лишь после того, как тело убитого князя было предано

земле и все необходимые обряды соблюдены — притом с неслыханным пролитием жертвенной крови.

О таком понимании существа княжеской власти в дохристианском славянском мире нам следует постоянно помнить, когда мы станем рассуждать об особенностях биографии Владимира, о перипетиях его судьбы и о том, что происходило вокруг него.

В то же время во многом княжеская власть в древней Руси была гораздо более ограниченной, чем власть правителей нового времени. Она ничуть не вмешивалась в повседневную жизнь сельской и родовой общины, существуя рядом с нею, но вне ее. С князем была лишь его дружина — «старшая», с которой князь советовался, начиная новый поход, заключая мир, «устраивая» землю; и «младшая», используемая как обычная военная сила. Дружина собиралась из всяких людей, рвавших со своим миром ради княжеской службы или по каким-то причинам выпавших из него. Здесь были выходцы из разных земель, люди различных языков и народов, воины-профессионалы, особым образом вооруженные и обученные; каждый из них мог противостоять немалому числу простолюдинов. Дружину связывали с князем особые отношения. Поступая на службу, все они как бы входили в состав княжеской семьи — становясь «детьми» («чадами»), а иной раз и «братьями» (конечно, младшими) князя. Князь должен был защищать свою «чадь», обеспечивать ее всем необходимым. Из «старшей» дружины вышло сословие бояр — вассалов (то есть ближайших слуг и советников) князя.

Миром же правил обычай, идущий от отцов и дедов. В семье беспрекословно слушались старшего, иногда не по возрасту, но по всеобщему признанию таковым. «Старцы» при необходимости собирались для устройства общих для всего мира дел. Городскую жизнь правило вече. И здесь решения принимали «градские старцы».

Две ветви власти — княжеская (бояре) и мирская (старцы, вече) мирно сосуществовали рядом, пока еще почти не соприкасаясь друг с другом. Была, пожалуй, и третья «ветвь» — волхвы, языческие жрецы, верховодившие на языческих «игрищах» и общественных жертвоприношениях. Но их роль в религиозной жизни славян была довольно ограниченной — ибо эта религиозная жизнь сосредоточивалась главным образом в семье, где старшие брали на себя, помимо прочих, и чисто жреческие функции.

Так было во всех областях Русской земли — не только у славян. Русь с самого начала возникла как многоэтническое государство. Славяне не были даже самыми многочисленны-

ми обитателями лесных пространств Восточной Европы. Еще раньше них здесь расселились финские, или, правильнее — финно-угорские, племена — весь, мурома, меря и другие, объединенные для славян единым именем — «чудь», то есть чужие, «не наши». Говорили они по-своему, но жили рядом со славянами; те и другие перенимали соседские обычаи, брали друг у друга жен и постепенно смешивались, образуя единую древнерусскую народность.

Владимир принадлежал к княжескому роду. Его жизнь протекала иначе, чем жизнь большинства населения страны, в более тесном, замкнутом кругу. Поэтому и наше повествование будет сосредоточено главным образом вокруг княжеского терема, княжеской дружины и самого князя. Таковы почти всегда особенности жизнеописаний правителей. «Большая политика» как бы в насмешку называется «большой» — ведь она обычно затрагивает интересы не такого уж большого числа людей. Судьбы империй, военные походы и дипломатические союзы далеко не всегда проходят через судьбы отдельных семей. Впрочем, именно Владимиру — одному из немногих в истории — суждено было в буквальном смысле перевернуть жизнь своего народа; но об этом нам еще только предстоит говорить, и не скоро. Пока же Владимир был мал, и судьба его всецело зависела от воли отца и бабки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СВЯТОСЛАВ. СМЕРТЬ ОЛЬГИ

В 964 году отцу Владимира великому князю Святославу Игоревичу было 22 или 23 года. Большую часть оставшейся жизни — а прожил он, согласно летописи, неполных 30 лет — Святослав проведет в военных походах и сражениях. Суровый, неприхотливый, неукоснительно соблюдавший неписаные законы войны, этот князь навсегда остался в нашей истории образцом воина, полубылинным, полусказочным богатырем, витязем «без страха и упрека». Вот как с нескрываемым восхищением, явно опираясь на дошедшие до него дружинные предания-песни, писал о князе Святославе летописец XI века: «Князь Святослав, возросши и возмужавши, начал воинов собирать, многих и храбрых, и в походах легко ходил — словно пардус*, многие войны творил. В походах же ни возов за собой не возил, ни котла, и мяс не варил — но тонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину, на углях испекши, ел. И шатра не имел, но подклад стлал и седло в головах. Таковы же и все прочие его воины были. И посылал к странам, говоря: «Хочу на вы идти!» (статья 6492 (964) года) [1].

Сохранилось подробное описание внешности князя Святослава. Оно сделано несколькими годами позже — во время русско-греческой войны 970—971 годов. Византийский историк конца X века Лев Диакон, то ли по собственным воспоминаниям, то ли со слов очевидца, так описал поразивший греков облик русского князя: «Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрез-

* Пардус — гепард, барс.

На рис. — княжеский знак Святослава Игоревича. Костяная печать из Белой Вежи (Саркела).

мерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой» [2].

Воинскую доблесть и талант Святослава признавали все, кто когда-либо писал о нем. И это неудивительно. Первый поход князя летопись отнесла к 964 году. Погиб же Святослав спустя восемь лет, весной 972 года. На эти восемь лет пришлись: два похода на вятичей, разгром Хазарского каганата, приведший практически к полному уничтожению целого государства, покорение Дунайской Болгарии, вошедшей в состав «державы Святослава», отражение натиска печенегов на Русь и двухлетняя война с Византией, в ходе которой греки лишь ценой величайшего напряжения сил сумели остановить русские дружины, угрожавшие непосредственно их столице. Достаточно бросить взгляд на карту да вспомнить к тому же, что русские рати сражались преимущественно не на конях, а в пешем строю, чтобы оценить размах военной деятельности киевского князя.

Святослав вошел в историю с именем Храбрый. Поздние источники называют еще одно его прозвище — «Легкый» (то есть «лёгкий»), — данное ему, вероятно, за быстроту натиска, скорость передвижения. В «Похвальном слове» князю Владимиру, известном в рукописях XVI—XVII веков, князь получил такую характеристику: «Бе же телом легок, и мудр, и вельми храбр» [3].

Русский князь принадлежит к числу тех фигур, которые определяли или, по крайней мере, пытались определять ход мировой истории. Сокрушая препятствия, стоявшие на их пути, и не останавливаясь ни перед чем, они устремлялись к достижению своей цели, не всегда даже полностью осознанной, и устремляли вслед за собой целые народы. Кровь, людские слезы сопровождают почти каждый их шаг, но в памяти не склонной к сантиментам истории сохранились лишь результаты их неуемной деятельности — победы и поражения, созданные или разрушенные империи и царства, государственные перевороты и общественные переустройства. Я думаю, не будет большим преувеличением сказать, что имя русского князя Святослава стоит в одном ряду с именами других великих воителей раннего средневековья — Аттилы и Теодориха, Хлодвига и Карла Великого. Конечно, различны

масштабы этих полководцев, да и жили они в разных условиях — одни предводительствовали ордами диких племен, другие стояли во главе развитых государств. Но всех их объединяло стремление к созданию *своей* империи, к распространению *своей* власти на весь доступный их взору обитаемый мир, причем обитаемый, по преимуществу, культурными народами, плодами цивилизации которых можно было воспользоваться незамедлительно. Святославу не повезло. Гибель не позволила ему осуществить свой замысел. Его империя распалась, по существу, не успев даже образоваться. Но сам замысел был обозначен достаточно ясно.

В русскую историю князь Святослав вошел не столько как правитель своей земли, сколько как завоеватель чужой. Дружинный вождь, подвиги которого восхищали современников, Святослав тем не менее не стал героем ни одной русской былины; имя его не удержалось в памяти народа, сохранившись, однако, на страницах летописей и хроник — как русских, так и византийских. Родная держава, Русь, не занимала в уме князя главенствующего места. Она представлялась ему лишь частью той великой славянской империи, которую он замышлял создать на Дунае. Причем частью не самой главной. На страницах русской летописи мы почти не увидим Святослава в Киеве — он все время в разъездах, в военных походах, вдалеке от родного дома. Киевляне прямо упрекали своего князя: «Ты, княже, чужой земли ищешь, а своей охабився» (то есть пренебрегаешь, брезгуешь). И Святослав сможет лишь подтвердить их упрек. «Не любо мне в Киеве быть» — так ответит он матери и боярам.

Чем же объяснить это очевидное пренебрежение князя родной державой? Почему не Киев сделается средоточием его деятельности? Вероятно, можно искать разные причины, в том числе и, что называется, объективного характера. Например, такой причиной может быть естественный рост территории Древнерусского государства, интересы которого неизбежно сталкивались с интересами сопредельных стран. Это вызывало войны; одна война порождала другую — и русские дружины все дальше и дальше удалялись от родной стороны. «Путь из Варяг в Греки», некогда захваченный «вещим» Олегом, вел к Константинополю, называемому русскими Царьградом, — «новому Риму» и «новому Иерусалиму», величайшему из городов того времени. Слава о роскоши и великолепии этого «города царей» притягивала к нему искателей добычи со всех концов света. Русские князья также издавна нашли путь к Царьграду. Когда-то Олег перебрался

из Новгорода в Киев; теперь же Святослав стремился закрепиться еще южнее, еще ближе к границам великой Империи.

В устремленности Святослава к богатому югу сказывался, конечно, и его воинственный нрав. Пример миролюбия матери вряд ли мог привлечь молодого князя. После памятного похода на древлян Ольга не вела войн. Истосковавшиеся по заморским походам, сулившим баснословное обогащение и славу, киевские дружинники все чаще вспоминали времена Олега и Игоря. Святослав с его рано проявившимися качествами воина явственно напоминал им своих знаменитых предшественников.

Надо сказать, что Святослав, по-видимому, с детства не вполне уютно и свободно чувствовал себя в родном Киеве. Князь по рождению, он тем не менее и позже не мог творить свою волю в собственном государстве. В течение слишком длительного времени — без малого двадцать лет — Киевской державой единолично и самовластно распоряжалась мать князя Святослава, великая княгиня Ольга — женщина властная и умудренная, привыкшая и умевшая повелевать, как говорится, правительница волею Божьей. По мере взросления сына Ольга не спешила выпускать из своих рук бразды правления — как и большинство людей такого типа, она считала, что справится с делом лучше кого бы то ни было. Так бывает в иной семье. Киевская же держава была для княгини прежде всего большим хозяйством, за которым нужен глаз да глаз, мужниной «отчиной», сохранить которую ей надлежало со всем тщанием и бережливостью. Настоящий князь слишком долго был для нее лишь несмышленым дитем.

А что же Святослав? Ему оставалась та область приложения сил, в которой мать не могла, да и не желала заменить его, — войско. Дружина нуждалась в князе точно так же, как князь — в дружине. Святослав с готовностью отдался воинским упражнениям с самой ранней поры. Сын князя, он в три года сел на коня и стал старшим мужчиной в своем роду [4]. Воинская подготовка была обязательной и обычной для мальчика его происхождения и положения. Необычными были, наверное, успехи, которых достигал Святослав. Первым его наставником стал варяг Асмуд, а затем — варяг же Свенельд, воевода его отца Игоря, самый опытный и удачливый из всех полководцев Руси того времени. Непривычный и неприученный к управлению страной, Святослав находил себя в обстановке военного лагеря, среди походных шатров, бряцания оружия и воинственных кликов соратников.

Надо думать, такое разделение обязанностей устраивало Ольгу. Она сохраняла в своих руках управление Русской

землей, рядом же подрастал сын, умелый воин, предводитель дружины.

До 964 года мы не знаем ни об одном самостоятельном шаге князя Святослава в качестве правителя своей страны. Управлением державы и сбором дани, переговорами с иноземными послами — всем занималась княгиня. В 959—960 годах, в сношениях с западными странами, Ольга именовала себя «королевой русов». Немецкие хронисты, сообщая о ее посольстве ко двору короля (а затем императора) Оттона I, вообще не знают о том, что в это же время на Руси был и «король русов» — восемнадцатилетний великий князь Святослав Игоревич. Осенью 957 года княгиня посетила Константинополь, где ее принимал император Константин Багрянородный. В сохранившемся описании церемонии приема удивляет чрезвычайно низкий статус послов князя Святослава по сравнению даже со второстепенными членами посольства самой Ольги [5]. И это при том, что тринадцатью годами раньше, при князе Игоре, посол Святослава (тогда еще младенца) занимал второе место в дипломатической иерархии, уступая лишь послу самого Игоря.

Итак, сложившееся положение устраивало Ольгу. Но едва ли оно могло устраивать Святослава. Русские летописи не скрывают противоречий, существовавших между матерью и сыном. В значительной степени эти противоречия касались отношения к христианской вере, которая к середине X века получила заметное распространение в Киеве. В конце 50-х годов святое крещение приняла и княгиня Ольга. Русские летописи и немецкие хроники согласно утверждают, что это произошло в Константинополе (Царьграде), столице Византийской империи, которую сами греки гордо именовали Римской, или Ромейской. Княгиня получила новое имя — Елена — в честь равноапостольной матери святого императора Константина Великого. На Руси, впрочем, это имя почти не употреблялось — за исключением домашней церкви княгини: ее священники молились за здравие «рабы Божией Елены».

Прославляя первую в русской истории правительницу-христианку, летописец с неодобрением пишет о ее сыне: «Живяше же Ольга с сыном своим Святославом и учаше его креститися». Святослав же «не брежаше того ни во уши приимати, но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому» (то есть, не желая слышать о собственном крещении, Святослав не запрещал другим принимать новую веру, но лишь ругал и укорял их). И «не послуша матери, творяше норовы поганьския» (то есть языческие обычаи) [6].

Со времени святой Ольги тема борьбы в древнем Киеве языческого и христианского начал почти на половину столетия станет одной из определяющих. Святослав проявил себя ревностным язычником, горячим противником христианства. И дело здесь не только в его видимом стремлении выйти из-под материнской опеки, настоять на своем.

Для Ольги и для Святослава отношения с христианством в корне различны. Ольга — вдова князя, мать князя, но не более того. Святослав же сам был князем. Мы уже достаточно говорили о существе княжеской власти на Руси, чтобы понять: князь просто физически не мог принять новой веры. Он был неразрывно связан с землею, с миром — как голова и тело одного существа, — являлся естественным и необходимым звеном, «венцом» общественного устройства. Для того, чтобы вырвать его из этой слитности с миром, нужны были какие-то сверхъестественные обстоятельства.

Князь мог по-разному относиться к новой вере. Мог благоволить ей — как это было при князе Игоре, в дружине которого состояло немало христиан и при котором в Киеве существовала соборная церковь пророка Ильи. Мог, наверное, даже принять крещение — но, конечно, лишь внешне, как некий магический обряд, способный помочь в преодолении внезапно возникшего затруднения — так, согласно легенде, некогда поступил русский князь Бравлин в греческом городе Суроже в Крыму (впрочем, русский ли? и точно ли так поступил? — неизвестно). Язычество вообще, в силу присущего ему многобожия, терпимо относится к любой из религий, принимая в многочисленный пантеон своих божеств всякого нового бога и легко приспосабливая к своим нуждам всякий новый обряд. Но принять новую веру полностью, по-настоящему отринуться от веры предков, встать в своем ничтожестве перед Господом наравне с последним из своих подданных или даже рабов — это было бы для князя не просто гибельно, но противоестественно, кощунственно и, следовательно, невозможно. Именно так следует истолковывать помещенный в летописи ответ Святослава на увещевания его матери: «Как же я захочу ин закон принять, а дружина моя сему смеяться начнет?!»

В 961 году, вероятно, еще до рождения Владимира, из Германии в Киев прибыл монах Трирского монастыря святого Максимина Адальберт, незадолго до этого поставленный в «епископы ругов» (то есть русов). Его приезду предшествовало упомянутое выше посольство княгини Ольги, просившей императора Оттона прислать епископа и священников для ее

народа. Однако ожидавшегося крещения Руси не произошло. Миссия Адальберта закончилась крахом. Уже на следующий год ему пришлось покинуть Русь. С большим трудом избежав смертельной опасности, епископ спасся, но некоторые из его спутников были убиты [7].

Что произошло в Киеве за два прошедших после отправки посольства года? Сам Адальберт обвинил во всем «королеву Елену»: по его мнению, посольство Ольги было заведомо лживым. Но какие цели могла преследовать княгиня? Едва ли она стремилась, скажем, к дискредитации немецкого духовенства. Надо полагать, что ее намерения были вполне серьезными. В условиях обострившихся противоречий с Византией (которые, кстати, не скрывает и летопись) Ольга действительно намеревалась создать церковную организацию на Руси под патронажем папского престола. Скорее озлобление киевлян могло вызвать поведение самого Адальберта, его чрезмерная настойчивость в пропаганде нового учения. Но, как бы то ни было, очевидно: в 962 году в Киеве произошел резкий поворот в отношении к христианству, всплеск языческой реакции. И вплоть до самой смерти Святослава христианство будет оставаться в Киеве лишь более или менее терпимой религией чужаков.

Можно ли назвать события 962 года переворотом? И не связан ли этот переворот с возмужанием язычника Святослава, его выходом на первые роли в политической жизни древнего Киева? Вполне может быть, что да. Под 964 годом летопись говорит о возмужании двадцатидвух- или двадцатитрехлетнего Святослава: «Князь Святослав, возросши и возмужавши...» «Возмужание», вероятнее всего, следует понимать здесь не в физическом, а в чисто политическом смысле.

Неудача предпринятого Ольгой «крещения Руси» ясно показала утрату ею незримых нитей государственного всевластия. Ольга подчинилась. Киевлянам ли, своему ли сыну — но подчинилась. Тем самым как бы признавая наконец-то превосходство Святослава. Однако чисто внешне в Киеве мало что изменилось. Кажется, и после 962—964 годов Святослав не занимался внутренними делами своей страны. Однажды настояв на своем и добившись успеха, он предоставил матери по-прежнему заниматься привычным ей делом. Его же занимало совсем иное. Все его усилия, все его недюжинные способности были направлены теперь на осуществление другой цели. И этой целью была война.

В X веке война нередко велась ради самой войны. Ибо именно война давала богатство и силу князю и дружине, давала челядь — рабов (главный предмет русского экспорта

того времени), оружие, скот. Но вместе с тем, с течением времени, войны приобретали и чисто государственный характер, обеспечивая нормальную жизнедеятельность государства. Походы Олега и Игоря на Царьград завершились подписанием русско-византийских договоров — первых в истории Киевской Руси. Иным, уже мирным путем русская знать получала то же золото и серебро, ткани и всякое «узорочье» — на этот раз в виде «даней», которые по традиции выплачивала Византия находящимся с нею в мире «варварским» государствам, и в виде вывозимых русскими купцами из Царьграда «заморских» товаров, обмененных на продукты русского хозяйства — мед, воск, пушнину, а также рабов. Торговля находилась всецело в руках князя. Только он мог распоряжаться имевшимися излишками сельскохозяйственного продукта. Купеческие же предприятия того времени представляли собой оборотную сторону военных походов, а сами купцы — тех же воинов, способных с оружием в руках преодолеть громадный и опасный путь, разделяющий Русь и Византию. Византийская империя поглощала и избыток военной силы, начинавший представлять опасность для самого существования Русского государства — многочисленные отряды иноземных находников, искателей добычи, главным образом варягов, переходивших на службу к царьградским императорам. Взаимовыгодные отношения с Империей поддерживались в течение всего правления княгини Ольги.

Знаменитые походы князя Святослава — особенно поначалу — также решали вполне государственные задачи. Об этих походах следует рассказать особо. Хотя ни Владимир, ни его братья по малости лет не принимали в них никакого участия, военные предприятия их отца, несомненно, оказали на их судьбы огромное влияние. И, пожалуй, в наибольшей степени — на судьбу Владимира. Именно ему спустя десятилетия придется распутывать тугие политические узлы, завязанные его деятельным родителем.

В 964 году Святослав вступил в земли вятичей — славянского племенного союза, жившего в междуречье Оки и верхней Волги, единственного восточнославянского племени, остававшегося до поры вне поля зрения киевских правителей. Поход не принес ожидаемого результата. Вятичи отказались платить дань. И дело было не в них самих. Вятичи являлись данниками хазар — вековых противников Руси в Восточной Европе. Так, со спора о вятичской дани, разгорелся русско-хазарский конфликт, приведший к знаменитому хазарскому походу князя Святослава Игоревича.

К X веку Хазарский каганат уже пережил период своего

расцвета. Его правители все еще контролировали значительные территории между Азовским (Сурожским) и Каспийским (Хазарским, или, по-русски, Хвалисским) морями — восточный Крым и Тамань, часть нынешнего Дагестана, нижний Дон и низовья Волги. Но немалую часть своих владений Хазария уже потеряла — особенно после появления в южнорусских степях кочевников-печенегов. Миновало и то время, когда дань хазарам выплачивали славянские племена — поляне, северяне и радимичи. Вятичи оставались последним восточнославянским племенем, зависимым от Каганата.

О русско-хазарских отношениях и о роли Хазарии в истории Руси написано немало. Особенно — в самое последнее время, когда вопросы эти приобрели не просто острый, но, я бы сказал, болезненный и неожиданно актуальный характер. В среде читающей и размышляющей на исторические темы русской публики получила широкое распространение гипотеза о существовании в русской истории особого «хазарского ига», сродни более позднему монголо-татарскому. Если же принять во внимание тот в высшей степени необычный факт, что официальной (хотя и не единственной) религией в Хазарском каганате был иудаизм, то легко было прийти к выводу о существовании и «еврейского ига», в течение нескольких столетий удушавшего русский народ [8].

Я думаю, что подобные представления — несомненное преувеличение. Бесспорен факт взимания дани хазарами с восточнославянских племен; бесспорно и то, что какое-то время хазары контролировали Киев. Об этом сообщают и древнерусские, и хазарские (еврейские) источники. Но выплата дани не означает закабаления. Даннические отношения не есть иго; они не затрагивают внутренних основ жизни общества, напротив, до какой-то степени обеспечивают ему определенное внутреннее равновесие. Не стоит переоценивать и тяжесть хазарской дани, носившей, вероятно, не столько экономический, сколько ритуально-символический характер. Разумеется, в условиях славянского язычества эти даннические отношения не могли иметь никакой религиозной окраски; напротив, число хазар-иудеев возрастет в Киеве после покорения Русью Хазарии.

Главное же заключается в том, что в зависимость от Хазарии попала не «Русь», не «Русская земля» и тем более не «русский народ», а отдельные славянские племена, не осознававшие на тот момент своего единства. Само вызревание государственности на поднепровском славянском юге происходило именно в рамках государственности хазарской и — одновременно — в противоборстве с нею. Можно сказать и

так: именно о хазарский суверенитет оттачивался суверенитет русский. Не случайно поляне, северяне и радимичи — то есть именно те племена, которые являлись данниками хазар, — стали ядром «южной Руси», государственного образования под верховенством Киева, бывшего одним из двух центров образования единого Древнерусского государства [9]. Эта территория и станет впоследствии именоваться «Русской землей» (в узком значении) в отличие от северной — Славянской. Знаменитая летописная легенда о «хазарской дани» киевских полян — первое зафиксированное летописью осознанное проявление славянами своей «русскости», своей этнической и политической самостоятельности. Не случайно и то, что киевские князья считали себя прямыми наследниками хазарских правителей — хазарский титул «каган» применялся к ним до конца XI века. Противоборство хазар и славян, а затем хазар и Руси продолжалось несколько веков — приблизительно с VIII и до середины X века. Хазарская война Святослава завершила более чем двухвековое противостояние.

Летопись датирует хазарский поход 965 годом. «В лето 6473, — читаем мы в «Повести временных лет», — иде Святослав на Козары. Слышавши же Козары, изидоша противу со князем своим каганом и ступишася бити. И бывши брани, и одоле Святослав Козаров, и град их Белу Вежю взя, и Ясы победи, и Касогы» [10].

Русская рать двигалась, вероятно, знакомым путем — по Северскому Донцу или Дону. Здесь, в среднем течении Дона, стояла хазарская крепость Саркел — главный форпост хазарского могущества на северо-западе. Название «Саркел» можно перевести на русский язык как «белый (или, по-другому, желтый) дом»; русские назвали ее Белой Вежей. Крепость выстроил для хазар в IX веке византийский инженер Петрона Каматир. Мощные, почти четырехметровой толщины стены, возвышавшиеся над ними башни служили для защиты северных рубежей Каганата не столько от кочевавших тогда поблизости венгров и печенегов, сколько от русичей, ставших главными противниками хазар в Подонье [11]. Именно Белая Вежа да лежавшая за нею Тьмуторокань, а не далекая прикаспийская столица Каганата Итиль, олицетворяли для русских Хазарию.

Вероятно, именно у стен «Белой крепости» была разбита армия кагана. Каган — верховный правитель Хазарского государства. Однако его роль была чисто символической, ритуальной. Едва ли он мог действительно стоять во главе войска. Подлинная власть в Хазарии принадлежала «царям», или «бекам», как их называли арабские писатели. Видимо,

упоминаемый летописью хазарский «князь» и есть «царь» Хазарии.

Союзниками русских в этой войне стали тюрки-огузы (известные в русских летописях под именем торков) и, может быть, печенеги [12]. Действовали ли они совместно со Святославом, или самостоятельно, мы не знаем. Возможно, нападению тюрков подверглась восточная часть Каганата, прикаспийские области. Во всяком случае, судя по дальнейшим событиям, основа хазарского военного могущества была сломлена именно во время похода 965 года.

Разрушив Саркел и, наверное, оставив в нем свой гарнизон, Святослав двинулся дальше — вниз по Дону и на юг, вдоль побережья Азовского моря — к Тьмуторокани, знаменитому городу на Таманском полуострове, у устья реки Кубань. Русская Тьмуторокань, греческая Таматарха (или Матарха), хазарский С-м-к-р-ц (Самкерц или Самкуш) — древний город, выросший на месте античной Фанагории, — служил яблоком раздора между Византийской империей, Хазарией и Русью. Русское княжество существовало здесь по крайней мере во времена князя Игоря; однако позже, в ходе одной из русско-хазарских войн, город с округой вновь перешел к хазарам. Русское войско столкнулось не только с хазарским гарнизоном Тьмуторокани, но и с тогдашними союзниками хазар — аланами (ясами, предками нынешних осетин) и касогами (предками адыгских народов Северного Кавказа — адыгейцев, черкесов, кабардинцев). Все эти области, издавна тяготевшие к Тьмуторокани, были завоеваны Святославом; ясы и касоги стали данниками и насильными союзниками русского князя.

Надо полагать, что возвращение Тьмуторокани было одной из важнейших задач хазарского похода Святослава. Присоединив город к своим владениям, Святослав разворачивал свою внешнюю политику на юг и юго-запад и вновь открывал столь необходимый Руси выход к Черному морю — тому самому, которое в X веке слыло у соседних народов «Русским». Большая же часть Каганата, в том числе главные прикаспийские области у Итиля (Волги), кажется, не заинтересовали князя. Во всяком случае, на Каспий сам он не двинулся. Возможно, уже тогда его взгляды были обращены в противоположную сторону — к Дунаю и Балканам, а может быть, уже и к самому Царьграду.

Хазарии был нанесен сокрушительный удар. Но это еще не было разгромом, хотя до гибели Каганата оставалось около трех лет. То, что произошло позже, не поддается точному объяснению. В 968-м или в начале 969 года — когда все силы

Святослава были прикованы к Дунаю — на Хазарию обрушился новый страшный удар неведомо откуда взявшейся русской рати. На этот раз русы прошли по всей территории Каганата — от старой столицы Самандара (в нынешнем Дагестане) до Итиля в устье Волги. Города были уничтожены, земли разорены, виноградники вырублены, население частью разбежалось, частью было уведено в плен. Нападению русов подверглись также Волжская Болгария и земли соседних с болгарами буртасов*.

Что это была за рать? Дружина ли Святослава, посланная им еще раз против давнего врага? Или полки какого-то иного, неизвестного нам по имени русского князя? Или же на Хазарию напали вольные, никому не подчинявшиеся «бродячие» русско-варяжские дружины? Источники не дают ответа на этот вопрос. В IX и X веках название «Русь» далеко не всегда означало известное нам Киевское государство. Немало других «Русей» разбросано было на карте Европы — от Черного и до Балтийского моря. Да и вообще название «Русь» не всегда имело определенный этнический смысл: для авторов того времени «Русь» могло значить и просто нечто чуждое, грозное и страшное, находящееся на неведомом и загадочном севере. Ясно одно: русские летописи молчат о втором разгроме Хазарии — точно так же, как молчат они и о других, более ранних южных походах Руси X века. И это молчание не позволяет нам связывать «хазарские» события 968—969 годов непосредственно с деятельностью киевского князя.

Ни Самандар, ни Итиль уже не смогли возродиться, хотя жители и попытались вернуться на пепелища. Разгром Каганата довершили тюрки-огузы. Вскоре в Хазарию вступили войска соседнего Хорезма. Хазарский каганат как государство перестал существовать. Пройдут десятилетия, и волны Каспия сомкнутся над некогда процветавшей столицей государства. Точно так же на долгие столетия мрак забвения покроет и всю историю Каганата. Имя хазар еще будет мелькать в русской истории в течение почти всего XI века. Но оно будет обозначать лишь подданных русских князей, обитавших в некогда хазарской Тьмуторокани. На европейских картах средневековья название «Газзария» («Хазария») закрепится за Крымом.

---

* О втором походе Руси на Хазарию рассказал в своем сочинении арабский путешественник и географ, современник событий Абу-л-Касим Ибн Хаукаль. В том самом году, когда русские рати опустошили Самандар и Итиль, он посетил первый из названных городов и своими глазами смог увидеть опустошения, причиненные русами. Араб назвал и точную дату этого события — 358 год эры хиджры, то есть 968/969 год от Рождества Христова [13].

Однако мы забежали на несколько лет вперед. На исходе 965 года, после победоносного похода на Саркел и Тьмуторокань, Святослав с дружиной вернулся в Киев. И «приведе» к Киеву ясов и касогов — добавляет Новгородская летопись [14].

Богатейшие восточные товары, золото, оружие, кони, верблюды, пленники и пленницы... Суета, оживление и радость, вызванные дележом привезенной добычи, наполнили стольный город Руси. Ясские и касожские женщины славились красотой и в Европе, и в Азии. Надо думать, многие из них пополнили гаремы знатных вельмож, а может быть, и самого князя. Христианка Ольга не одобряла брачные обычаи своего народа. Но вслух своего мнения, наверное, не высказывала. Святослав поступал так, как считал нужным; его бояре и дружинники — также, в соответствии со своими убеждениями, а они были разные у христиан и язычников. Внуки Ольги были еще малы, поэтому разгул всеобщего ликования коснулся их только отчасти. Но роскошь переполняла терем княгини, окружала и живших в тереме юных княжичей. Это было торжество старой заповеди русских князей: золото и серебро добывают мечом, в бою, с помощью верной дружины. Но еще сильнее, чем богатство и роскошь, манила слава — та, ради которой славяне нередко готовы были отдать даже саму жизнь. Победы отца открывали детям путь, единственный достойный настоящего князя...

Год спустя киевская дружина вторично вторглась в земли вятичей. На этот раз их судьба была решена. Святослав победил вятичей на поле брани и возложил на них дань.

Так, казалось, были решены все острые внешнеполитические вопросы, беспокоившие Русское государство. Русь укрепилась на юге и на востоке. Союз с ясами и касогами усилил военную мощь Святослава. Печенеги держали мир и не беспокоили Русь, ибо Святослав и им внушил уважение к себе. Но это было лишь началом военных подвигов русского князя. Святослав готовился к новой войне. Противник в этой войне пока еще не был обозначен. Святослав ожидал случая, и случай не замедлил явиться.

Несомненно, за успехами Святослава внимательно следили в Константинополе. Правители Ромейской империи, изощренные в хитроумных дипломатических расчетах, с радостью встретили известие о крушении своего старого недруга — Хазарского каганата. Но они вряд ли стали переоценивать это событие. К тому времени Каганат был уже слаб. Интересы двух держав по-настоящему сталкивались лишь в Крыму:

несколькими десятилетиями раньше хазарские войска разорили Херсонес, главный город «византийского» Крыма, и прилегавшую к нему округу. Теперь же у восточного побережья Крыма появились русские дружины. Выход Руси к Черному морю не мог не беспокоить Империю. Святослав явно становился опасен для нее. За двадцать лет мирного правления Ольги византийцы успели позабыть о некогда страшившей их «русской угрозе» с севера. Мир, заключенный с князем Игорем, казался незыблемым. И в этих условиях Империя попыталась втянуть Святослава в решение своих собственных непростых проблем, одновременно отвлекая русского князя подальше от своих причерноморских владений.

В это время византийский престол занимал Никифор Фока. Прославленный полководец, знаменитый своей отвагой и поистине геркулесовой физической силой, он не был прирожденным императором (василевсом), но узурпатором престола. Вскоре после смерти императора Романа (по слухам, насильственной) Никифор, бывший тогда стратигом-автократором Азии (всей восточной половины Византийской империи), провозгласил себя василевсом ромеев и триумфально вступил в Константинополь, где воссел на царский престол и сочетался браком с вдовой Романа красавицей Феофано. Формально Никифор считался лишь соправителем малолетних Василия и Константина, «порфирородных» детей умершего василевса Романа и Феофано. Никифор был выдающимся военачальником, сумевшим одержать ряд внушительных побед и поднять военный престиж Византии. Однако полководческий талант не всегда соединяется с государственной мудростью. Никифор совершил немало ошибок в управлении Империей и со временем возбудил к себе неприязнь и даже ненависть многих соотечественников. Возможно, именно недостаточная проницательность Никифора во внешних делах и привела к неожиданному повороту, в корне изменившему жизнь как Византии, так и Древнерусского государства.

Ранней весной 967 года из Константинополя в Киев выехал личный посланник василевса Никифора патрикий Калокир. Он был родом из Херсонеса Таврического и, следовательно, неплохо знал как внутренние русские дела, так и общую обстановку вокруг Причерноморья. Непосредственным поводом к поездке в Киев послужили весьма необычные события, произошедшие незадолго до этого в византийской столице.

Случилось же вот что. Василевс Никифор принимал послов болгарского царя Петра, считавшегося другом Империи и к тому же женатого на византийской принцессе. Послы

явились за ежегодной «данью» — так болгары (как, впрочем, и русские) называли регулярные выплаты византийского правительства соседним «варварским» народам. Казалось, ничто не предвещало внезапного разрыва. Василевс, однако, пребывал в мрачном состоянии духа. Едва послы объявили цель своего визита, как обычно спокойный и уравновешенный Никифор вспылил. Исполнившись гневом, он вскочил на ноги и воскликнул: «Горе ромеям, если они, словно рабы, принуждены платить дань грязному и низкому скифскому племени!» Рядом оказался отец императора патрикий Фока. «Неужели ты породил меня рабом? — загремел василевс, обращаясь к отцу. — Неужели я, самодержавный государь, покорюсь нищему и грязному племени?» Вне себя от бешенства, Никифор повелел отхлестать послов по щекам и выслать их из страны. «Идите, — кричал он, — и скажите своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, что великий и могучий государь ромеев в скором времени придет сам в его страну и сполна воздаст дань, чтобы он, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовать с них податей, как с невольников!» [15].

Вспышка Никифора кажется тем более странной, что выплата «дани» была обычной практикой Византийской империи. Это обходилось гораздо дешевле, чем неизбежные войны с соседями. «Варвары» служили также «щитом» Империи, прикрывая греков от других, еще более страшных, врагов. Болгары, например, должны были препятствовать нападению на Империю венгров. Так что ничего зазорного в глазах византийцев не происходило. Напротив, общественное мнение всегда ценило усилия императоров по установлению подобных отношений с окрестными племенами.

Был ли гнев Никифора искусно разыгран? Или же он действительно был оскорблен и не думал о возможных последствиях? Не слишком ли дерзкой показалась ему речь послов, быть может, выбравших неверный тон или недостаточно почтительных к царскому достоинству Никифора? Так или иначе, но слова Никифора означали лишь одно — войну, безусловную и неизбежную. Причем войну с серьезным и на самом деле опасным противником. Всего за сорок лет до этого болгарские войска вторглись на территорию Империи, разгромили армию ромеев и угрожали самому Царствующему граду, а тогдашний болгарский царь Симеон претендовал на императорский престол. Впрочем, времена изменились. Болгария потеряла часть былого могущества. Византия же, напротив, оправилась от потрясений и при Никифоре заметно усилилась в военном отношении.

Как показали последующие события, Никифор не мог рассчитывать на собственные силы. Он давно уже был втянут в изнурительную войну с арабами — которую, кстати, вел довольно успешно. Одновременно продолжалась и другая война — с Германской империей, развернувшаяся в южной Италии. Совершив поход к границам Болгарского царства, поход, носивший скорее демонстративный, чем разведывательный характер, и убедившись в сложности ведения войны в незнакомой гористой местности, василевс решил добиться победы другим путем. Посланный на Русь Калокир и должен был, по его задумке, привести против болгар русскую рать. Калокир двигался не налегке. Его сопровождал внушительный обоз, включавший, кроме прочего, предназначенное для русов золото — около 15 кентинариев (то есть около 455 килограммов). Для того времени сумма не столь уж большая. Никифор поскупился. Средний византийский наемник получал ежегодно 30 номисм золота. Суммы, привезенной Калокиром, хватило бы чуть больше, чем на три с половиной тысячи воинов. Святослав же должен был привести много больше. Впрочем, Никифор не нанимал Святослава, но лишь стремился задобрить его. Видимо, Калокиру было поручено ненавязчиво напомнить русскому князю о договоре, существовавшем между Русью и Византией. По этому договору Русь признала себя союзницей Империи и обязалась оказывать ей военную помощь в случае нападения неприятеля.

Калокир сумел завязать дружбу с «архонтом русов». Византийский историк Лев Диакон, от которого мы и знаем о подоплеке происходивших событий, объяснял уступчивость Святослава его жадностью к золоту. «Все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания», — разъяснял он [16]. Но, вероятно, дело было не только в золоте. Тем более что Святослав, по свидетельству русских летописей, проявлял полнейшее равнодушие к богатству.

Предложение Калокира пришлось по душе русскому князю другим. По словам Диакона, Калокир уже тогда дал ему понять, что Империя не станет препятствовать установлению власти Святослава над всей Дунайской Болгарией. Действовал ли Калокир по указанию Никифора? Или это была его личная инициатива? Последнее более вероятно, особенно в свете того, что, как выяснится впоследствии, Калокир не оставлял мысли самому занять византийский престол. Для этого ему нужен был союзник, каковым и становился Святослав. Позднее в Константинополе стали известны некоторые подробности пребывания Калокира в

Киеве. В частности, передавали, что, в нарушение законов Империи и норм христианской Церкви, патрикий совершил кощунственный акт — побратавшись с язычником Святославом.

Дунай издавна манил к себе киевских князей, начиная с легендарного Кия, основателя Киева и первого полянского князя. По представлениям людей древней Руси, именно Дунай был родиной славян, колыбелью их истории. «Сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорская земля и Болгарская, и от тех Словен разошлись по земле и прозвались именами своими» — так повествует древнейший киевский летописец о происхождении своего народа; с этих строк и начинается историческая часть «Повести временных лет».

Дунайские славяне, получившие имя болгар от завоевателей тюрков, пришедших с Волги и Урала, воспринимались киевскими славянами как ближайшие родичи. В этом отношении они немногим отличались, скажем, от древлян или дулебов, тиверцев — та же славянская речь («а язык Словенский един»), те же общие исторические судьбы. Правда, болгары были христианами. Но языческая Русь хорошо знала христиан и не питала к ним особого почтения или страха. Имели болгары своего царя — но ведь свои правители были и у древлян, и у вятичей, что не помешало киевским князьям завоевать их. Царское же достоинство правителя болгар не могло не привлекать Святослава. Было Святославу известно о Болгарском царстве и другое — расположенное вблизи Византийской империи, оно вобрало в себя отблеск славы последней; владевший Болгарией как бы держал в своих руках меч, занесенный над Византией.

Какое-то время Святослав, вероятно, колебался. Однако сама судьба положила конец его раздумьям. Святослав увидел себя во сне повелителем страны болгар. Люди того времени смело отдавались судьбе. Пророчество, открывшееся во сне, было верно истолковано князем. Киевские дружины двинулись в поход на Дунай.

«Повесть временных лет» относит дунайский поход Святослава к 6475 (967/968) году. Однако точнее, вероятно, дата, названная византийским историком XII века Иоанном Скилицей — по его словам, росы напали на Болгарию «на пятом году царствования Никифора, в августе месяце 11 индикта», то есть, в августе 968 года [17]. Лев Диакон называет численность войска Святослава — не считая обоза, оно состояло из 60 тысяч «цветущих здоровьем мужей»: Святослав «поднял на войну все молодое поколение тавров» (так Лев именует киевских русов) [18].

Летние месяцы прошли в хлопотах и подготовке к войне. Главное было запастись оружием и ладьями. Провиант не заботил киевского князя. Приближалась осень — время жатвы, и Святослав справедливо рассчитывал, что войско сможет легко прокормиться в завоеванной стране.

Наступление русов развивалось стремительно. Миновав днепровские пороги, их ладьи вышли в Черное море и двинулись вдоль его северного побережья. За устьем Дуная начиналась страна болгар. Те спешно готовились к отражению натиска (едва ли не предупрежденные коварными византийцами). Болгарское войско должно было помешать высадке неприятеля. Однако уже первая битва показала полное превосходство русов. Стремительно выпрыгнув из челнов и выставив вперед щиты, они обрушились на оборонявшихся. Болгары отступили в беспорядке. Исход войны, по существу, был решен. Рассказывают, что царь болгар Петр, потрясенный бегством своего войска, был поражен эпилептическим припадком и вскоре умер [19]. Восемьдесят болгарских городов — если это не преувеличение летописца — покорились Святославу. Так он стал полным хозяином всей северной части Болгарского царства.

Первая половина замысла императора Никифора казалась выполненной блестяще. Разгромленное Болгарское государство не представляло теперь никакой угрозы для Византии. Но дальнейшее развитие событий, а особенно та легкость, с которой Святослав добился успеха, беспокоили Константинополь. Становилось ясно, что русский князь не станет торопиться с возвращением на Русь. К этому времени, а может быть, и раньше, раскрылась двойная игра патрикия Калокира. Все это делало Святослава еще более опасным для Империи, нежели побежденные им болгары. Император Никифор, верный обычной практике византийских василевсов стравливать между собой своих собственных врагов, поддерживая то одну, то другую сторону, предпринял шаги к возможному сближению с Болгарией. Собственно, возможность такого сближения стали нащупывать уже вскоре после разрыва. Еще в июне 968 года, более чем за месяц до появления Святослава на Дунае, в Константинополе любезно встречали послов болгарского царя [20].

Поворот в политике Константинополя, должно быть, не сильно беспокоил русского князя. Вероятно, перспектива войны с Византией стала для него вполне ясной. Беда, однако, пришла совсем с другой стороны. Уязвимое место Святослава оказалось не в Болгарии, а на Руси, точнее, в Киеве, куда и надлежит нам теперь обратить свои взоры.

После ухода Святослава на Дунай его дети остались в Киеве с Ольгой — вновь, как и во время предыдущих отлучек своего отца. Ярополку исполнилось 10 лет или около этого; Олег и Владимир были еще младше. Ольга воспитывала внуков и, вероятно, по-своему обучала тому, как следует управлять государством. Можно предполагать, что исподволь она знакомила их и с таинствами христианской веры. Исподволь — потому что, узнай об этом Святослав, он бы разгневался. Впрочем, все это, наверное, относилось к Ярополку и Олегу — едва ли нелюбимый Владимир был обласкан заботами и наставлениями своей бабки.

По-прежнему Ольга держала в своих руках нити управления страной. Но простирались эти нити не так далеко, как ей бы хотелось, да и руки были уже не те. Возраст и болезни брали свое. Воевавший в Болгарии Святослав не интересовался делами даже родного Киева — тем более других, более отдаленных земель своей державы. К концу жизни Ольга с горечью видела, что многие из ее начинаний шли прахом. Война отодвигала князя от Киева, превращала Киев из стольного града в захолустье. Главное же, Ольгу и киевлян беспокоило то, что их город остался практически без защиты. В Киеве не было не только князя, но и полноценной дружины.

Зима и весна не вызывали тревоги. Рыхлый тяжелый снег, а затем распутица надежно защищали город от вторжений извне. Но в марте таял снег, в апреле — мае наливались травы в южнорусских степях, а значит, наливались силой и кони обитателей этих степей — кочевников. На исходе весны степи таили в себе несомненную опасность, и у этой опасности имелось свое имя — печенеги.

К середине X века отношения русских князей с печенегами большей частью были мирными. И князь Игорь, и его сын Святослав считали их своими союзниками и даже привлекали к совместной борьбе с общими врагами. Но мир был непрочен. Печенеги кочевали всего в одном-двух днях пути от русских земель и могли внезапно появиться у стен Киева или какого-либо другого русского города. Сами же они были почти неуловимы. Не случайно византийский император-писатель Константин Багрянородный, автор знаменитого трактата «Об управлении Империей», написанного для его сына Романа и последующих василевсов, указывал: «Знай, что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами» (то есть с печенегами). Даже «против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время, когда росы удалятся от своих, — напав,

все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться» (эти слова писались в начале 50-х годов X века) [21].

Нет сомнений, что перед уходом из Киева Святослав подтвердил мир с печенегами. Но Печенежская земля была разделена между несколькими ордами или родами (Константин называет их «фемами»). Каждой принадлежала своя территория, и действовали они, вероятно, также самостоятельно. Мир с одной из «фем» не означал мира со всей Печенежской землей. В начале 50-х годов вблизи Руси кочевали две печенежские орды — «фемы» «Харавои» и «Иавдиертим» (или «Иртим»). Два десятилетия спустя места кочевий могли и измениться. Устойчивости русско-печенежских отношений мешало и то обстоятельство, что печенеги не только представляли самостоятельную политическую силу, но и являлись, в определенной степени, орудием политики византийских императоров. Согласно трактату Константина Багрянородного, с 50-х годов X века во всей восточной политике Империи была сделана ставка именно на союз с печенегами. (Не случайно с рекомендаций о том, как можно использовать печенегов в борьбе с хазарами, болгарами, венграми и Русью, начинается трактат «Об управлении Империей».)

Так или иначе, но в конце весны 969 года случилось то, чего, наверное, больше всего опасалась Ольга. Печенеги нарушили мир с Русью и неожиданно подступили к Киеву. «И обступили печенеги город в силе великой, — сообщает летопись под 6476 (968/969) годом, — бесчисленное множество их было около града. И нельзя было людям ни выбраться из города, ни вести послать» [22]. Среди осажденных оказались Ольга и трое княжичей — Ярополк, Олег и Владимир.

Среди историков установилось твердое мнение, что натиск печенегов на Киев явился следствием дипломатических усилий Константинополя: стремясь отвлечь внимание Святослава теперь уже от Болгарии, они подтолкнули печенегов к войне с Русью. Во всяком случае, все получилось в точности так, как рекомендовал император Константин.

Вероятно, в первый раз видел Владимир тех, с кем предстояло ему впоследствии воевать более двадцати лет. «Темные брюнеты, с совершенно бритыми бородами», бедно одетые, — такими описывал печенегов арабский путешественник и дипломат X века Ахмед Ибн-Фадлан [23]. Впрочем, брили свои бороды и русы. Гораздо сильнее поражало в печенегах другое. Они как бы сроднились с лошадьми, все были верхом.

У стен Киева внезапно возник целый город из кибиток. Отовсюду неслись ржание лошадей, рев верблюдов, крики мужчин и женщин (ибо женщины и во время войн следовали за своими мужьями). В сторону осажденных летели тучи стрел, выпускавшихся из небольших луков, непохожих на те, которыми пользовались славяне. Киевлянам открылся совсем иной мир — непонятный и потому страшный.

Если Владимир и его братья видели печенегов впервые, то были в Киеве и такие, кто хорошо знал их прежде, и даже те, кому пришлось какое-то время пожить среди этого племени. Речь идет о заложниках. В те времена практически все межплеменные или межгосударственные вопросы решались путем обмена договаривающихся сторон заложниками. Отправляясь к печенегам для торговли (а русы покупали у них коров, овец и коней) или для заключения мира, непременно брали «талей» (заложников) — это обеспечивало посольству безопасность. В свою очередь, и печенеги требовали таких же заложников для себя. Среди заложников преобладали люди знатного происхождения, нередко ими оказывались дети.

Неизвестно, насколько затянулась осада Киева. Известно лишь, что следствием ее стал голод. Весна и начало лета всегда истощают силы людей. То, что запасено на зиму, съедено; новый урожай еще не созрел. Отрезанный от округи Киев не мог держаться долго. К тяготам голода прибавилась и более жестокая напасть — жажда, вызванная, видимо, засушливыми маем и июнем. Самое же страшное заключалось в том, что не было никакой возможности сообщить о случившейся беде князю Святославу. Город был обречен, и надеяться было не на кого.

Правда, через какое-то время к противоположной стороне Днепра подошла дружина Претича, одного из воевод Святослава, оставленных им на Руси. Вооруженные люди остановились в виду Киева. Но помочь осажденным они не могли. Дружина была слишком малочисленной. К тому же Претич не знал о том, что происходило в Киеве. Возможно, он надеялся, что киевляне давно дали знать Святославу о печенежском набеге, и терпеливо поджидал князя. Ольга, уже больная, оказалась бессильной что-либо предпринять. Ни дружины, ни даже возможности связаться с сыном или его воеводой у нее не было. Из близких к ней людей не нашлось никого, кто бы смог встать во главе города. Власть, выпавшую из рук княжеской семьи, подхватило вече. Две ветви власти — как это бывает в критические минуты — как бы поменялись местами. Собравшиеся на вече люди сами решили судьбу города, и решение было трагическим. Город надле-

жало сдать печенегам. Как полагается, была выговорена отсрочка — но безнадежно короткая, менее суток, до утра следующего дня. Голос княгини во время принятия этого решения, видимо, даже не прозвучал.

Как пережили Ольга и ее внуки эти драматические дни, одни из самых тяжелых в их жизни, можно только догадываться. Ольга молилась, уповая на помощь своего Бога. Княжичи были лишены даже этой надежды — ибо их боги редко вмешивались в людские дела, да и ублажать их было уже нечем.

Вот что рассказывает о случившемся предание, записанное в «Повести временных лет» [24]:

«Изнемогли люди [в Киеве] от голода и жажды. [И] собрались люди той стороны Днепра (дружина Претича. — *А. К.*) в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни из них кому-либо проникнуть в Киев, ни из города к ним. И опечалились люди в граде, и сказали: «Нет ли кого-нибудь, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите к утру [к городу], сдадимся печенегам?» И сказал один отрок: «Я проберусь». И сказали ему: «Иди». Он же вышел из города с уздечкой и побежал между печенегами, спрашивая, не видел ли кто-нибудь коня. Ибо знал он по-печенежски и принимали его за своего. А когда приблизился к реке, скинул порты, и бросился в Днепр, и побрел в брод. Печенеги же, увидев, устремились за ним, стреляя в него, но не смогли ничего ему сделать. Те же с другого берега увидели его и поплыли в ладье к нему, и взяли его в ладью, и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подступитесь к утру к городу, хотят люди сдаться печенегам». Сказал же воевода их по имени Претич: «Подступим к утру в ладьях и, взяв княгиню и княжичей, умчим их на этот берег. Если не сделаем так, погубит нас Святослав».

Юноша, отважившийся на подвиг, по всей видимости, был некогда одним из заложников, побывавших у печенегов — этим и объясняется его знание печенежского языка. Речь же Претича ясно показывает, что именно представлялось жизненно важным для русичей того времени. Не угроза падения Киева, но угроза пленения княжеской семьи заставила выступить воинов; именно за это пришлось бы им отвечать перед Святославом.

На следующее утро, перед рассветом (а светает в мае — июне совсем рано) люди Претича сели в ладьи и громко затрубили. Осажденные из города откликнулись им. Произошло чудо: «Печенеги же подумали, что князь пришел, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками

и с людьми к ладьям», — рассказывает летопись и приводит далее удивительный факт братания русского воеводы с печенежским князем. «Князь же печенежский, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» И ответил [тот] ему: «Ладья (в другом списке — «люди». — *А. К.*) с той стороны». И спросил князь печенежский: «А ты не князь ли?» Тот отвечал: «Я — муж его и пришел в сторожех*, а за мною идет полк с князем — бесчисленное множество». Говорил так, грозя им. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне друг». Тот отвечал: «Будет так». И подали руки друг другу, и отдал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, тот же дал ему доспехи, щит и меч. И отступили печенеги от града». Отступили, впрочем, совсем недалеко — так что «нельзя было коня напоить в Лыбеди из-за печенегов». Но главное все же было сделано, потому что, воспользовавшись замешательством врага, киевляне сумели отправить вестника князю Святославу на Дунай. Так, благодаря мужеству и находчивости воеводы Претича и безымянного киевского отрока Владимир и его братья избежали плена, а может быть, даже смерти.

В еще большей мере спасла Киев громкая слава, превратившая даже имя Святослава в грозное оружие. Теперь же, получив известие из Руси, сам князь поспешил домой. Горькие слова услышал он от посланцев родного города. Ибо киевляне велели передать князю так: «Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а своею пренебрегаешь. Едва не взяли нас печенеги, и матерь твою, и детей твоих. Если не придешь и не оборонишь нас, то опять возьмут нас. Или не жаль тебе ни отчины твоей? ни матери старой? ни детей своих?»

Оставив бо́льшую часть войска в Болгарии, Святослав с малой дружиной вернулся в Киев. «И, придя в Киев, целовал мать свою и детей своих, и печалился о бывшем от печенегов». А затем, соединившись с дружиной Претича и, может быть, с какими-нибудь другими военными отрядами, оттеснил печенегов в степи. Битвы, похоже, не было. Во всяком случае, летописи ограничиваются формулой: «И прогна печенеги в поле, и бысть мир». Да и времени для серьезной войны хронология событий не оставляет. Все происходило стремительно — в течение июня и самого начала июля.

К этому времени Ольга была уже при смерти. Рассказывая о пребывании Святослава в Киеве, летописец воссоздает такой диалог между князем и его матерью:

---

* Сторо́жа — передовой отряд, охранение или разведка.

«Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне в Киеве быть. Хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там — середина земли моей, ибо туда сходятся все блага: от Грек — злато, паволоки*, вина и плоды различные; от Чех же и от Венгров — серебро и кони, из Руси же — скора** и воск, мед и челядь». Отвечала ему Ольга: «Видишь меня, в болезни пребывающую? Куда же хочешь идти от меня? — ибо уже она разболелась... — Погреби меня и иди, куда хочешь».

Если верить преданию, записанному в «Повести временных лет», разговор этот состоялся всего за три дня до смерти княгини. Святослав открыто обозначил свой выбор. Киев и Русь не входили в расчет князя и более не интересовали его. Отсрочка же, испрошенная Ольгой, оказалась невелика.

11 июля 969 года Ольга скончалась. (Дата ее смерти сохранилась в церковной традиции как день празднования памяти блаженной княгини.) По оставленному ею завещанию, ее должны были похоронить по христианскому обычаю — она просила не насыпать кургана над могилой и не совершать тризну — ритуальный пир с обильными жертвоприношениями. «То была предвозвестница христианской земле — словно денница пред солнцем и словно заря пред светом. Она сияла, как луна в ночи — так и она светилась среди неверных человеков...» — прославлял много позже летописец-монах блаженную княгиню [25].

Хоронил Ольгу христианский священник, бывший при ней и прежде. Ее отпевали в церкви (может быть, домашней), а затем с пением положенных песнопений и с чтением обычных молитв предали земле. Гроб с телом княгини опустили в вырытую заранее яму и засыпали землей. Это было необычно и странно для киевлян, привыкших к совсем другому ритуалу погребения (во всяком случае, если хоронили членов княжеской семьи).

Святослав и его дети присутствовали на похоронах. Может быть, и раньше, случайно, слышал Владимир христианское богослужение. Но тогда оно никак не откладывалось в его сознании. Теперь же он сам участвовал в странном и чуждом ему ритуале. Неизвестно, на каком языке читал свои молитвы пресвитер. Может быть, и на греческом — ведь именно в Греции приняла княгиня святое крещение. Но даже если и славянская речь звучала в его устах, она едва ли была понятна княжичу. Он мог различать слова, но общий смысл ускользал от него.

---

* Паволоки — драгоценные ткани.

** Скора — меха.

Владимир не любил бабки и потому вряд ли мог искренне переживать ее смерть. Торжественность богослужения, величественность того, что происходило, не передавались ему. Перед Владимиром совершалось действие, которого он не понимал и которое оставляло неприятный осадок в его душе. Таким, наверное, надолго осталось впечатление Владимира о христианской вере — нечто чужое, угнетающее, тягостное...

Владимир, конечно, не знал, что смерть Ольги открывала новый этап его биографии. Еще ребенок, он выходил на авансцену истории, превращался в самостоятельную политическую фигуру, реально действующее лицо. Впрочем, как мы увидим, и этот новый этап его жизни останется пока еще очень темным, почти не освещенным историческими свидетельствами и документами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НОВГОРОД

Смерть Ольги освободила Святослава от последних обязательств перед киевлянами. Теперь он мог возвращаться на Дунай, куда спешно влекли его дела. Но прежде, чем покинуть Русь, Святославу предстояло обустроить ее, навести в ней порядок. Русь оставалась не просто окраиной вновь создаваемой им державы, но его главным оплотом, «тылом», откуда уводил он воинов для своей дружины и куда мог вернуться в случае неуспеха. От того, насколько надежен будет этот «тыл», зависели будущие успехи князя.

Святослав выбрал наиболее простой и естественный путь удержания Руси в повиновении. Он разделил Русскую землю между своими сыновьями. Каждый становился князем, полновластным в своем княжении, но каждый при этом оставался сыном, во всем послушным отцу.

На киевский престол был посажен старший, Ярополк. Мы не знаем, кто из отцовских воевод или «думцев» должен был править городом вместе с Ярополком (до времени следовало бы сказать: вместо Ярополка). В том, что такой человек имелся, сомнений не возникает — юный князь пока еще не был готов к самостоятельному правлению. Ближайшие воеводы (например, Свенельд) нужны были Святославу на Дунае. В Киеве, видимо, оставляли тех, кто поплоше. Позже рядом с Ярополком мы встретим воеводу Блуда; может быть, именно он был выбран княжичу «в место отца».

Второго сына, Олега, Святослав посадил «в Деревех» (то есть в Древлянской земле). Знаменитые «мести» княгини Ольги нанесли Древлянской земле жестокий и, казалось, непоправимый урон. Но, видимо, в силу обычая, она считалась второй по значению в Русском государстве.

Н а р и с. — украшение скандинавского типа, найденное на Городище, близ Новгорода. IX—X вв.

Участь же третьего сына Святослава, Владимира, пока не была определена. И снова мы видим, как будто само Провидение вмешивается в его судьбу — все произошло помимо его воли и даже помимо воли Святослава. Во всяком случае, так рассказывает предание, сохраненное «Повестью временных лет» [1]. Согласно этому преданию, в то самое время, когда Святослав делил Русскую землю между Ярополком и Олегом, в Киев явились послы из Новгорода, видимо, наслышанные о пребывании Святослава на Руси. Пришли же они просить себе князя. «Аще не поидете к нам, — говорили новгородцы, — то налезем князя собе» (то есть сами, на стороне, найдем для себя князя).

Смысл угрозы вполне ясен. Новгородцы нуждались в князе: его присутствие делало их полноправными в Русском государстве, ставило в равное положение с Киевом и Древлянской землей. В противном случае новгородцы угрожали разрывом с Киевом и выходом из состава Русского государства.

Святослав, однако, не воспринял их угрозу. «А бы пошел кто к вам?» — отвечал он насмешливым вопросом. «И отпреся (то есть отказались. — *А. К.*) Ярополк и Олег».

Некогда (вероятно, еще младенцем) Святослав сам сидел на княжении в Новгороде [2]. Он, конечно, знал об этом эпизоде своей биографии, как знал и о том, что Новгород был родиной его отца Игоря. Где-то на севере Руси родилась и мать князя Ольга. Однако теперь Новгород ничем не привлекал его. Устремленный на юг, к Дунаю и далее к Царьграду, Святослав сознательно отказывался от Северной Руси. Киев и Поднепровье оставались «тылом», окраиной; то, что лежало еще севернее, выходило за пределы геополитических интересов князя. Ярополк и Олег, которым для видимости предложили новгородское княжение, конечно, не посмели перечить отцу. Да по малости лет они и не могли этого сделать.

Ответ Святослава означал неизбежный распад Руси в ее старых пределах. Но — по крайней мере, формально — распада не произошло. У Святослава был еще один сын — Владимир, которого князь из равнодушия или по каким-то иным причинам в расчет пока не принимал. Но именно ему предстояло стать главным действующим лицом в разворачивающихся событиях. В княжеские разделы сумел вмешаться его предприимчивый и энергичный родич — дядя по матери Добрыня. Судьба племянника, естественно, чрезвычайно беспокоила его — ведь от нее напрямую зависели его собственные возвышение или падение. И Добрыня каким-то образом

смог переговорить с новгородцами. Его вмешательство оказалось решающим:

«Сказал Добрыня (Новгородцам. — *А. К.*): «Просите Владимира себе»... И сказали Новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира»; тот же отвечал им: «Вот он вам». И взяли Новгородцы Владимира к себе. И пошел Владимир с Добрынею, дядей своим, к Новгороду...»

Этот эпизод стал переломным в биографии Владимира и, уж во всяком случае, во многом определил его последующую судьбу государственного деятеля. Именно в Новгороде Владимир становится правителем, не княжичем, но князем, и — как брат братьям — равным Ярополку и Олегу. (Принцип старшинства братьев относительно друг друга в то время, в отличие от последующего, не имел большого значения.) Владимир оказался даже в более выигрышном положении, нежели его братья. Киев и, в меньшей степени, Древлянская земля, а значит, Ярополк и отчасти Олег, в последующем будут ощущать на себе пристальное внимание Святослава; им (особенно Ярополку) придется жить в постоянном ожидании его возможного возвращения в родной город. Новгород же, к которому Святослав выказал столь явное равнодушие, стал действительно независимым и самостоятельным. Следовательно, действительную независимость от отца и братьев получал и Владимир.

Летом 979 года Владимир покинул Киев. Ему предстояло проплыть по знаменитому пути, шедшему «из Варяг в Греки». Этот путь подробно описывал киевский летописец: «...по Днепру, а в верховьях Днепра — волоком до Ловоти, а по Ловоти — в Ильмень, озеро великое, а из того озера вытекает река Волхов...» Согласно легенде первым по Днепру до Ильменя проследовал святой апостол Андрей, направлявшийся столь кружным путем из Черного моря в Рим; впрочем, во времена Владимира этой легенды, конечно, никто не знал. Позднее, уже в историческую эпоху Руси, по тому же пути, только наоборот, из Новгорода в Киев, устремились варяжские военные отряды — сначала Аскольда и Дира, затем — Олега и Игоря. Но в первую очередь это был торговый путь. Обычно весной из Новгорода, Смоленска и других городов к Киеву направлялись ладьи-однодеревки. Сами лодки, а также те товары, которые везли на них, продавали в Киеве для последующей отправки в Византию. В летние месяцы путь был менее оживленным. Но и летом струги Владимира наверняка встречали лодки, спешившие им навстречу, или обгоняли те, которые двигались в одном с ними направлении.

Плыть приходилось против течения, с полной нагрузкой для гребцов. После города кривичей Смоленска, в верховьях Днепра, начиналась сложная система волоков, связывавшая между собой множество рек и речек — Двину, Торопу, Желну и другие. Иные из волоков тянулись на десятки верст. Новгородцам путь был хорошо знаком. Знали они и людей, живших в городках и селениях, лежавших на пути. В свою очередь, и их уже ждали на погостах — пристанищах для торговых людей («гостей»); таких погостов немало встречалось, особенно в местах волоков. Весть о том, что Новгороду везут своего князя — хотя и отрока, но истинного сына самого Святослава, — конечно, обгоняла путников.

Люди древней Руси жили в согласии с природой. Поклонялись стихиям — небу, огню, воде; источникам, рекам и озерам. Вода давала многое человеку, а если вдуматься, то почти все — еду и питье, здоровье и силу; кроме того, реки служили дорогой, удобной летом и зимой, связывавшей человека с окольным миром. Вся жизнь древнерусского человека была сосредоточена у воды — на берегах озер и рек. Но воду не только любили. Ее и боялись — ибо река или озеро могли легко утянуть в свои глубины любого, дерзнувшего плыть по их поверхности. Как всякая не подвластная человеку сила, река требовала особых даров и подношений. Дарением жертвы путник обозначал свое единение с обитателями водной стихии, задабривал и благодарил их. В жертву приносили то, чем богат был путник, — чаще еду: хлеб, мясо животных или птиц, которых для этой цели нарочно брали с собой.

Все было внове Владимиру во время этого путешествия. В первый раз мог он по-настоящему почувствовать величие Руси, растворяющей в себе всякого путника. Сколько плыли — а вокруг тянулся нескончаемый лес, лишь кое-где расчищенный для пашни. И как ничтожны казались следы вмешательства человеческих рук по сравнению с безбрежием девственной природы. Это величие не подавляло человека того времени, как оно, наверное, подавляло бы нас, оторвавшихся от своих корней. Но оно заставляло помнить о том, что сам по себе человек мал, что мир вокруг него неизмеримо силен и страшен — даже если этот человек князь и повелевает другими людьми. Оно учило простой мудрости бытия: живи по законам и обычаям предков — тех, которые уже растворились в окружающем мире и прошли огненной дорогой к благодатным нескудным пажитям, ни в чем не отступайся от них — и тогда этот мир примет тебя, даст тебе силу и волю. Ведь ты — плоть от его плоти, малая частичка его, и в тебе — часть его силы и величия...

Где-то к концу лета достигли Ловати. Здесь начиналась Новгородская земля. Новгородцы в пояс поклонились мальчику, вышедшему на берег. Отныне и они, и самый берег этот принадлежали ему. В родных пределах и плыть стало гораздо легче: река сама несла челны туда, куда было нужно. Вскоре, прижимаясь к берегу, миновали великое озеро Ильмень и вошли в Волхов. У самых истоков могучей реки лежал Новгород, в котором Владимиру предстояло княжить*.

На другой стороне Волхова было расположено капище — языческое святилище. Пройдет несколько лет, и по приказу Владимира Добрыня поставит на этом месте деревянный идол Перуна, отчего местность получит название Перынь. Но святилище существовало и раньше, до Владимира. Князь-отрок не мог миновать его, не принеся заготовленную жертву, не приобщившись к древним священным покровителям и защитникам здешней земли.

А земля эта многим отличалась от Киевской. Жестче и холоднее был климат. Раньше начиналась осень, дольше длилась зима. Даже реки текли к северу, а не к югу.

По преданию, Новгородскую крепость построил Рюрик, первый новгородский князь, пришедший из-за моря. Сначала он обосновался в Ладоге, а затем спустился вниз «ко Илмерю» (Ильменю), «и срубил городок над Волховом, и прозвал его Новгород». Выбранное им место оказалось на редкость удачным. Здесь были легкие для пахоты земли (подобных им нет во всей обширной Новгородской волости), но главное, отсюда шли торговые пути на север, юг, запад и восток. Очень скоро торговля стала главным занятием новгородцев.

Дома здесь строили из бревен, как правило, высокими, с подклетью, подальше от холодной, сырой земли. Землянок, какие встречались в Киеве, не было вовсе. Из бревен клали и мостовые. Для киевлянина той поры Днепр казался могучей, почти непреодолимой преградой. Новгородцы же давно свыклись со своей своенравной рекой и без труда переправ-

---

* Само существование Новгорода (как укрепленного города) во времена Владимира вызывает серьезные сомнения. Археологические данные свидетельствуют, что поселение возникло здесь не ранее первой половины — середины X века; первая деревянная крепость, кажется, была заложена лишь в 1044 году новгородским князем Владимиром Ярославичем, внуком Владимира Святого. Вероятным предшественником Новгорода считают ныне так называемое Городище (известное также как Рюриково Городище) — укрепленный центр, находившийся в 2 километрах от современного Новгорода вверх по Волхову, у самых его истоков. По-видимому, до начала XI века (княжение в Новгороде Ярослава Владимировича) Городище было резиденцией новгородских князей [3].

лялись в обе стороны. У берега теснилось множество челнов, а может быть, существовал и пловучий мост через Волхов.

Отличались от киевлян и сами новгородцы. Их предки пришли на берега Ильмень-озера с запада, из Прибалтики — другим путем, нежели остальные славяне. С западнославянскими землями, Прибалтикой и Скандинавией Новгород был связан теснее, чем с Поднепровьем, даже во времена Владимира (а может быть, даже особенно во времена Владимира, когда Киев на время перестал исполнять по отношению к Новгороду административные функции).

В низовьях Волхова, у впадения его в великое озеро Нево (Ладожское), располагалась Ладога — северные ворота Восточной Европы. Этот город издавна облюбовали скандинавы и выходцы из других районов Балтии. До Ладоги по «Варяжскому» (Балтийскому) морю плыли на морских судах, а дальше приходилось пересаживаться на плоскодонные ладьи. Новгород был первым собственно русским городом на этом пути; от него уходил и разветвлялся дальше великий торговый путь в страны Востока, Киев и Византию.

В Новгороде очень рано возникли иноземные «дворы». На улицах куда чаще, чем в Киеве, звучала заморская речь. Нередкими были диковинные товары, которые в Киеве могли позволить себе лишь князь и его ближайшее окружение.

Здесь совсем не прижилось христианство, распространенное среди верхушки киевского общества. Поклонялись языческим богам и прежде всех — дружинному богу Перуну. Имелись, правда, и дворы христиан и даже какой-то храм, наверное, для приезжих из христианских стран. Но христиан не любили.

То, что их князь отрок, с самого начала должно было прийтись новгородцам по нраву. Владимиру предстояло расти на их глазах; со временем он мог стать истинным новгородцем, готовым постоять за их город. Но ожиданиям не суждено было сбыться. Владимир, хотя и сжился с Новгородом, не забывал Киева и, конечно, мечтал о «золотом» княжеском престоле «матери городов Русских».

Настоящим правителем города стал в эти годы Добрыня. Он вознесся стремительно, из дядьки-воспитателя нелюбимого всеми княжича сделавшись повелителем главного города русского Севера. Его слово оставалось решающим для Владимира. Новгородские бояре и думать не могли о соперничестве с Добрыней во влиянии на своего князя.

Новгород при Владимире жил своей жизнью. Вести из Руси доходили до него — но скупые и к тому же с опозданием.

Совсем немногое — из вторых, а то и третьих уст — было известно в Новгороде о Святославе и о его великой войне на Балканах. А между тем ход этой войны должен был серьезно повлиять на судьбу города и его князя.

Той же осенью 969 года Святослав вернулся в Болгарию. Худые вести, которые он получил еще в Киеве, полностью подтвердились. Болгары восстали против завоевателей и, пользуясь отсутствием Святослава, выбили русов из нескольких крепостей*. Император Никифор заключил с болгарами военный союз, скрепить который должен был брак двух болгарских царевен с сыновьями покойного императора Романа — Василием и Константином (им было тогда соответственно тринадцать и десять лет). Осенью царевны вместе с болгарским посольством, умолявшим императора о помощи против русов, прибыли в Константинополь.

Святослав ответил болгарам немедленной и жестокой расправой. Восстание было расценено им как «измена» — ибо в глазах Святослава болгары стали его законными подданными и карать или миловать их он был волен по-своему. Святослав одолел болгар в битве. Согласно свидетельству византийского историка Льва Диакона, «объятых ужасом испуганных мисян (так Лев называет болгар. — *А. К.*) он умерщвлял с природной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь (современный Пловдив. — *А. К.*), он... посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность» [5]. Число жертв филиппопольской резни, может быть, преувеличено греческим хронистом, но самый факт не вызывает сомнений. Город надолго обезлюдел. И, видимо, не он один. «И поиде Святослав... воюя и грады разбивая, яже

---

* В «Истории Российской» В. Н. Татищева рассказывается о подвигах в Болгарии во время отсутствия там Святослава некоего воеводы Волка (из других источников неизвестного). Болгары, узнав об уходе Святослава, осадили Переяславец. Волк же, испытывая недостаток продовольствия и зная, что многие горожане «имели согласие» с болгарами, повелел тайно изготовить ладьи. Сам же объявил во всеуслышание, что будет оборонять город до последнего человека, и демонстративно приказал перерезать всех лошадей и солить и сушить мясо. Ночью русские подожгли город. Болгары устремились на штурм, а русские, выступив на ладьях, напали на болгарские ладьи и захватили их. Отряд Волка покинул Переяславец и беспрепятственно спустился вниз по Дунаю, а далее морем до устья Днестра. На Днестре Волк встретился со Святославом [4]. Откуда излечен этот рассказ, неизвестно.

стоять и до днешняго дне пусты», — свидетельствует об этом периоде войны «Повесть временных лет».

Потопив в крови сопротивление болгар, Святослав был готов начинать войну с Византией. К этому времени он заключил союз с одной из печенежских «фем» и привлек печенегов в свое войско. Такой же союз, возможно, был заключен с венграми, давними врагами Империи. И те, и другие были прирожденными всадниками. Это делало их необыкновенно полезными Святославу, чья собственная дружина состояла в основном из пеших ратников. Насильно были привлечены в армию и покоренные болгары.

В свою очередь, готовился к войне и император Никифор. Он спешно снаряжал пешее войско, собирал и обучал конницу, в том числе и тяжелую, с ног до головы закованную в броню.

На поле брани Никифор чувствовал себя увереннее, нежели на троне. Он уже предчувствовал радость сражения, надеясь на победу ромеев, но... «Небольшой толчок может поколебать судьбу человека», которая «висит на тонкой нити и часто обращается в противоположность», — глубокомысленно заметил Лев Диакон, сообщая о гибели императора Никифора Фоки в ночь с 10 на 11 декабря 969 года. Его убили в собственной опочивальне, во время сна. Убийцы скрывались в самом дворце Никифора — на женской половине, в покоях императрицы Феофано. (Молва приписывала этой женщине смерть по крайней мере трех императоров, двое из которых были ее мужьями, а один — свекром.) На византийский престол взошел новый узурпатор — Иоанн, прозванный Цимисхием (это прозвище, означающее в переводе с армянского языка «туфелька», он получил за свой небольшой рост). Формально Иоанн, как и убитый им Никифор, считался соправителем малолетних Василия и Константина.

Несмотря на свой малый рост, Иоанн отличался необычайной физической силой и ловкостью. Он был отважен, решителен, жесток, вероломен и, как и его предшественник, обладал талантами военачальника. При этом он был более изощрен и хитроумен, нежели Никифор. Византийские хронисты отмечали присущие ему пороки — излишнюю тягу к вину во время пиров и жадность до телесных наслаждений (опять-таки в отличие от почти аскета Никифора).

Итак, Святославу противостоял новый противник — и, пожалуй, более опасный.

Среди множества унаследованных Цимисхием проблем русская была наиболее сложной и требовала немедленного решения. Пытаясь выиграть время и оттянуть войну, император вступил в переговоры со Святославом. Отправленное им

посольство предложило «архонту русов» все золото, обещанное прежде Никифором, в обмен на немедленный уход из Болгарии и признание последней частью Византийской империи. Русы сделали свое дело — русы могли уйти. Это был шанс предотвратить войну — но шанс более чем призрачный, что хорошо понимали и Иоанн, и Святослав.

Святослав ответил решительным отказом. Он, напротив, настаивал на своих правах на Болгарию как на исконно славянскую землю («Пусть ромеи тотчас покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию», — заявил он). Угрозы Цимисхия начать полномасштабную войну и силой принудить русов убраться восвояси, как и следовало полагать, не испугали Святослава. В свою очередь, он пообещал вскоре «разбить свои шатры у ворот Византия». «Мы покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих (намек на состав византийского войска. — *А. К.*), а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых стращают всякими пугалами», — велел передать он императору. «Хочу на вы идти и взять город ваш» — вот смысл ответа Святослава грекам, каким запомнили его на Руси [5]. «Город ваш» — это Константинополь, столица Византийской империи.

За словами последовали дела. Русские вторглись на территорию Византии.

В Константинополе началась паника. Но император Иоанн действовал решительно и смело. Из Малой Азии и других территорий Империи к границам Болгарии уже стягивались войска. Во главе их император поставил известных военачальников магистра Варду Склира (брата своей покойной жены) и патрикия Петра. В области, занятые Святославом, были направлены лазутчики из болгар; через них грекам становились известными планы русов, расположение их войск и т. п.

К зиме 969/970 года русские захватили значительную часть Фракии — европейской части Империи. Но в битве под Аркадиополем (современный Люлебургаз в Турции, примерно в 140 километрах к западу от Стамбула) натиск русов был остановлен. Главный удар Варды Склира пришелся по печенежским частям, попавшим в заготовленную им ловушку и почти полностью истребленным. После этого сошлись основные силы русов и ромеев. Долгое время исход битвы оставался неясным. Однако в конце концов русским пришлось отступить, потеряв множество воинов.

Видимо, после этого сражения в ходе войны установилось определенное равновесие. Русские утвердились в Восточной Болгарии. (К этому времени в их руках находились сыновья покойного царя Болгарии Петра, Борис и Роман.) Их отряды в течение всего 970 года периодически опустошали пограничную византийскую область Македонию. Но масштабного наступления против Византии Святослав уже не предпринимал. Вероятно, сложившееся положение его устраивало. В свою очередь, императору Иоанну приходилось мириться с господством русов в Болгарии — по крайней мере, временно. Другие события, происходившие одновременно в Малой Азии, приковали его внимание.

В 970 году из места своей ссылки в Амасии в Кесарию Каппадокийскую бежал племянник убитого императора Никифора Варда Фока. Собрав вокруг себя ополчение, способное противостоять правительственным войскам, он торжественно и при скоплении народа сбросил со своих ног черную обувь и надел красную — являвшуюся знаком императорского достоинства. Тут же его объявили новым императором ромеев. Известие о мятеже чрезвычайно взволновало Цимисхия. Немедленно из Фракии был вызван Варда Склир, которого Иоанн и назначил стратилатом (предводителем) похода против мятежников. Склиру удалось склонить на свою сторону часть военачальников, находившихся в подчинении у его тезки. Покинутый ими Фока не решился на сражение и предпочел укрыться в крепости с символичным названием крепость Тиранов. Однако, осажденный стратилатом, он был вынужден сдаться. Император Иоанн повелел постричь Варду Фоку в монахи и выслал его вместе с женой и детьми на остров Хиос. Варде же Склиру было поручено набрать новых воинов и переправиться через Геллеспонт в Европу, где и готовиться к новой войне с русами. (Имена Варды Склира и Варды Фоки мы еще встретим рядом друг с другом на авансцене византийской истории; судьбы их пересекутся и с судьбой русского князя Владимира Святославича, о чем в свое время пойдет речь на страницах нашей книги.)

Военные действия между Русью и Империей возобновились весной 971 года. Причем случилось это неожиданно для Святослава и при неблагоприятных для него условиях. К этому времени распался союз Святослава с венграми и печенегами. Армия же Цимисхия, напротив, значительно усилилась. Византийские корабли заранее вошли в Истр (Дунай), чтобы воспрепятствовать возможному отступлению русов. Было припасено оружие, продовольствие и все прочее, необходимое для длительной войны. Сам император прибыл в Адрианополь (современный Эдирне), ставший главной базой греческих войск.

В апреле византийская армия прошла сквозь незащищенные ущелья, отделявшие Болгарию от Византии, и внезапно очутилась у Преславы, столицы Болгарского царства. То, что ущелья были оставлены Святославом без всякой охраны, стало, вероятно, его главной и решающей военной ошибкой в ходе всей войны с Византией. В течение двух дней, 12—13 апреля, Преслава была взята. По сообщениям византийских историков, лишь незначительная часть русов во главе со Сфенкелом, ближайшим сподвижником Святослава (может быть, Свенельдом?), сумела уйти к Доростолу, где находился сам князь. Бежал из города и Калокир, которого греки считали главным виновником своих бед. В руки византийцев попал юный болгарский царь Борис, находившийся в Преславе. Иоанн не стал наказывать его за сотрудничество с русами, но, объявив «законным владыкой булгар», воздал ему должные почести. Были отпущены на свободу и пленники-болгары, воевавшие на стороне Святослава.

Эти меры Иоанна, несомненно, способствовали переходу на его сторону населения Болгарии. Святослав же поступал как раз наоборот. Известие о падении Преславы привело его в крайнее раздражение. Обвинив в неудаче «изменников»-болгар, Святослав повелел собрать наиболее родовитых и влиятельных представителей болгарской знати (около трехсот человек) и обезглавить их всех. Многие болгары были брошены в темницы.

Отпраздновав 16 апреля в Преславе Пасху и переименовав город в честь победы в свое имя — Иоаннополь, — император Иоанн двинулся на Доростол. Этот хорошо укрепленный город, который славяне называли Дристрой (ныне — Силистрия), служил главной военной базой Святослава на Балканах. По пути ряд болгарских городов (в том числе Плиска — первая столица Болгарии) перешли на сторону греков. В свою очередь, и Святослав выступил навстречу врагу. 23 апреля невдалеке от Доростола войска сошлись; произошла кровопролитная битва. И русы, и греки выказали беспримерное мужество. К вечеру, однако, византийцы сумели оттеснить русов к городу. Решающую роль в победе византийцев сыграла конница, вовремя пущенная в дело Цимисхием. Русы, по обыкновению, сражались преимущественно в пешем строю; печенегов же и венгров среди них уже не было.

Начались тяжелые, изнурительные бои за город, продолжавшиеся около трех месяцев. Святослав не считал себя побежденным и отнюдь не бездействовал. Одно за другим у стен Дристры разворачивались кровопролитные сражения. Но каждый раз греки заставляли русских отступать. В этих

сражениях погибли главные военачальники русов — Сфенкел (?) и Икмор (русским источникам их имена неизвестны). В свою очередь, во время одной из вылазок русам удалось убить родственника императора Цимисхия Иоанна Куркуаса, руководившего стенобитными орудиями. Из-за богатой одежды русы приняли его за самого императора. Кичась, они насадили отрезанную голову военачальника на копье и выставили ее над городскими стенами.

Византийские хронисты отмечают исключительное мужество и ярость воинов Святослава, не щадивших в бою ни своей, ни чужой жизни. Даже побежденные, они почти не сдавались в плен. «Когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают, — рассказывал о русах Лев Диакон. — Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть» [6].

Последнее, решающее сражение произошло 21 июля [7]. Накануне ночью русы вышли на равнину перед городом и подобрали тела тех, кто погиб днем раньше (среди них было и тело Икмора). Русы положили мертвецов перед стенами, разложили костры и сожгли их, заколов предварительно множество пленных, мужчин и женщин. В числе принесенных в жертву были и грудные младенцы, задушенные русами, а также петухи, которых топили в водах Дуная.

Той же ночью Святослав собрал военный совет, который должен был решить, как поступить дальше. Одни из вождей предлагали дождаться глубокой ночи и, погрузившись на ладьи, тайком ускользнуть от врага. Другие, считая это слишком опасным, настаивали на немедленных переговорах с греками и заключении мира. Тогда Святослав обратился к своим соратникам. Он напомнил им о славе отцов — той, которая «шествовала вслед за войском росов» и «легко побеждала соседние народы и без кровопролития порабощала целые страны». Удивительно, но и враждебно настроенный к Святославу византийский историк Лев Диакон, и русский летописец схожими словами передают речь русского князя.

«И сказал Святослав: «Уже некуда деться нам. Волею или неволею — придется биться. Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми — ибо мертвые сраму не имут! Если же убежим — срам будет нам. Так не побежим же, но станем крепко. Я же перед вами пойду — если моя голова падет, то

позаботьтесь о себе сами». И отвечали воины Святославу: «Где ты главу свою — там и мы свои головы сложим!» [8].

Личное мужество Святослава не вызывает сомнений. В то же время ему чуждо было безрассудство. Свою жизнь он, безусловно, ценил. По словам византийского историка Иоанна Скилицы, император Иоанн предлагал русскому князю решить судьбу войны в личном поединке. Святослав не принял вызова и отвечал насмешливым отказом.

На заходе солнца русское войско выступило из города. Сражение началось небывалым натиском русов. В первых рядах бился князь Святослав. Византийские историки рассказывают о его единоборстве с богатырем Анемасом, сыном критского эмира. Тот прославился накануне убийством Икмора и теперь снова жаждал подвига. Анемас сумел выбить Святослава из седла, однако кольчуга и щит спасли князя. Анемас же, окруженный русскими, погиб.

Лишь внезапно разразившаяся буря остановила натиск русского воинства. И вновь конница византийцев решила исход битвы. Сам император повел ее в бой. Варде Склиру и стратопедарху Петру было поручено ударить с фланга по русскому войску и отрезать его от Доростола. Этот маневр также удался. Позже византийцы рассказывали, как некий всадник на белом коне спустился с неба и устремился на «варваров». Никто не видел его ни до, ни после битвы. Полагали, что это сам великомученик Феодор Стратилат помог ромеям одержать победу.

Последняя попытка изменить течение войны не удалась. Русы отступили. Сам Святослав, израненный стрелами и потерявший много крови, едва не попал в плен.

Но и грекам победа досталась дорогой ценой. На рассвете следующего дня Святослав отправил послов к императору Иоанну с просьбой о мире. Император принял их весьма благосклонно. По рассказу летописи, Святослав рассуждал так: «Если не створим мира с царем, узнает царь, что мало нас — и, придя, обступят нас в граде. А Русская земля далека, а печенеги нам ратны, а кто нам поможет?» И люба была его речь дружине.

По заключенному перемирию, русы обязались уступить грекам Доростол, освободить пленных и покинуть Болгарию. В свою очередь, византийцы обещали пропустить своих недавних врагов на родину и не нападать на их корабли по дороге. (Русские очень опасались «греческого огня», истребившего в свое время корабли князя Игоря.) По просьбе Святослава византийцы обещали также добиться от печенегов гарантий неприкосновенности русской дружины при ее воз-

вращении домой. Добыча, захваченная в Болгарии, судя по всему, оставалась у побежденных. Кроме того, греки должны были снабдить русов продовольствием и действительно выдали по 2 медимна хлеба (около 20 килограммов) на каждого воина.

Между двумя государствами был заключен мирный договор, текст которого сохранился в «Повести временных лет». В силу того, что этот договор почти на двадцать лет определил взаимоотношения Руси и Византии и впоследствии лег в основу византийской политики князя Владимира Святославича, приведем его текст целиком, в переводе на современный русский язык.

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе Русском, и при Свенельде. Писано при Феофиле синкеле, а к Ивану, нарицаемому Цимисхием, царю Греческому, в Дерестре, месяца июля, индикта 14-го, в лето 6479.

Я, Святослав, князь Русский, как клялся, так и утверждаю договором этим клятву свою: хочу иметь мир и совершенную любовь со всяким* великим царем Греческим, с Василием, и Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца века; и так же — те, кто есть подо мною, Русь, бояре и прочие. Никогда же не стану замышлять на страну вашу и воинов собирать и иного народа не приведу на страну вашу, ни на те, что есть под властью Греческой — ни на Корсунскую волость и сколько есть городов их, ни на страну Болгарскую. А если иной кто помыслит на страну вашу, то и я буду противник ему и буду воевать с ним. Как клялся царям Греческим, и со мною бояре и Русь вся, так и сохраним нерушимым договор; если же не сохраним то, о чем сказано прежде, пусть я, и те, кто со мною, и те, кто подо мною, да будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, скотьего бога, — и да будем исколоты, как золото, и своим оружием да иссечены будем. Будет же истинным то, что мы обещали ныне вам и написали на хартии** этой, и своими печатями запечатали» [10].

После заключения договора Святослав предложил Цимисхию встретиться лично. Встреча произошла на Дунае. Святослав приплыл в лодке. Греков поразило, что князь греб наравне с прочими гребцами. Выражение лица его было мрачным и свирепым. Видом своим князь почти не отличался

---

* Очевидно, что текст искажен. Вместо слов «со всяким», вероятно, должно было читаться: «с Иваном» или «с Цемьским» (Цимисхием) [9].

** Хартия — пергамен.

от приближенных. Это резко контрастировало с пышностью одеяний императора Иоанна, ожидавшего князя на берегу. Недавние враги побеседовали между собою (содержание беседы осталось в тайне) и вскоре расстались. Во все время разговора Святослав оставался в лодке и не поднимался со скамьи.

Так завершилась самая крупная и самая кровопролитная из всех русско-византийских войн. Из почти шестидесяти тысяч человек, приведенных Святославом на Дунай, на Русь возвращалось лишь около двадцати двух тысяч. (Этим цифрам, которые сообщает Лев Диакон, можно доверять — число воинов лежало в основе расчетов количества продовольствия, выданного Святославу; возможно, русский князь несколько завысил, но никак не преуменьшил численность своего войска.)

Впрочем, для Святослава война еще не была окончена. «Пойду на Русь, приведу еще больше дружины», — так согласно летописи рассуждал он. Теперь Русь снова была нужна Святославу — как база для подготовки новой войны, нового похода на Царьград. Да иначе князь просто не мог вернуться домой, признать себя побежденным, отказаться от мысли о создании своей державы.

Но и византийцы, вероятно, не считали борьбу полностью завершенной. В их распоряжении оставалась еще одна возможность нанести удар Святославу — может быть, смертельный. По условиям договоренности между Русью и Византией, греки должны были отправить посольство к печенегам и, в частности, просить их о беспрепятственном пропуске русской дружины через свою землю. Такое посольство было отправлено. Во главе его встал епископ Евхаитский Феофил — вероятно, тот самый, который оформлял русско-византийский договор. Печенеги согласились войти в число союзников Империи и дали обязательство не переправляться через Дунай и не нападать на Болгарию. Но вот по отношению к русам они заняли непримиримую позицию. Иоанн Скилица, от которого нам известно о результатах византийско-печенежских переговоров, полагал, что «пацинаки были раздражены тем, что Святослав заключил с ромеями договор» [11]. Но гораздо вероятнее, что Феофил и не настаивал на просьбе Святослава. Очень может быть, что он сам подсказал печенегам, как им следует поступить. Еще император Константин Багрянородный указывал: «...Когда росы с ладьями приходят к речным порогам», они «не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на руках». И «нападают тогда на них пачинакиты и легко — не могут же

росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню» [12]. Это была не просто любопытная информация писателя, но рекомендация, обращенная к правителям Византийской империи.

Осенью Святослав отправился в обратный путь. Он двигался на ладьях, берегом моря и затем вверх по Днепру, по направлению к днепровским порогам. Надеялся ли Святослав, что печенеги пропустят его? Возможно, византийцы давали ему какие-то гарантии на этот счет, сознательно вводя его в заблуждение. Или он по-прежнему надеялся на свою силу, а вернее — на свое громкое имя? А может быть, просто понимал, что иначе ему не довезти до Киева захваченную в войне добычу. Последнее наиболее вероятно. Не простая жадность двигала князем, но стремление войти в Киев победителем, а не побежденным.

Ближайший и наиболее опытный из воевод Святослава Свенельд советовал князю: «Обойди пороги на конях, ибо у порогов стоят печенеги». Но Святослав не послушал его. А Свенельд, конечно, был прав. Печенеги действительно ждали русских. По рассказу «Повести временных лет», о приближении русских печенегам сообщили «переяславцы» (надо понимать, болгары): «Вот идет к вам Святослав на Русь, забрав у греков много добычи и пленных без числа. А дружины у него мало».

В русско-византийском конфликте болгары были наиболее пострадавшей стороной. Но после победы Цимисхия над Святославом большая часть Болгарии (кроме Западной, не затронутой военными действиями) вошла в состав Империи. Царь Борис, с которым Иоанн столь учтиво обошелся в Преславе, позже был лишен всех царских регалий и низведен в сан магистра. Так что болгары не имели возможности действовать самостоятельно. «Болгарских» посланцев, отправившихся к печенегам, логичнее всего отождествить именно с посольством Феофила Евхаитского.

Дойдя до острова Хортица, который греки называли «островом Святого Георгия», Святослав убедился в невозможности дальнейшего продвижения — у брода Крария, находившегося перед первым на его пути порогом, стояли печенеги. Надвигалась зима. Князь решил отступить и зазимовать в Белобережье, где имелось русское поселение. Возможно, он надеялся на помощь из Киева. Но если так, то его надеждам не суждено было сбыться. Киевляне не смогли (а может быть, не захотели?) прийти на выручку своему князю.

Хлеб, полученный от византийцев, вскоре был съеден. Местное же население не имело запасов продовольствия,

достаточных для того, чтобы прокормить остаток армии Святослава. Начался голод. «И платили за конскую голову по полугривне», — свидетельствует о голоде в Белобережье летописец. Это очень большие деньги. Но, очевидно, золота и серебра у воинов Святослава было еще достаточно.

Печенеги не уходили. В конце зимы — начале весны 972 года Святослав предпринял отчаянную попытку прорваться к Киеву. Однако кончилась она трагически. «И напал на него Куря, князь печенежский; и убили Святослава, и отрезали голову его, и сделали из черепа чашу, оковав череп, и после пили из него» [13].

По сказанию поздних летописцев, на чаше была сделана надпись: «Чужих ища, своя погубих» (или: «Чужих желая, своя погуби») [14] — вполне в духе представлений самих киевлян о своем предприимчивом князе. «И есть чаша сия, и доныне хранима в казнах князей Печенежских; пьют же из нее князья со княгинею в чертоге, егда поимаются, говоря так: «Каков был сий человек, его же лоб (череп. — *А. К.*) есть, таков будет и родившийся от нас». Также и прочих воинов его черепа исковали серебром и держали у себя, пиюще из них», — рассказывает другое предание [15].

Так закончилась жизнь князя Святослава; так закончилась жизнь многих русских воинов, того «молодого поколения русов», которое князь увел на войну. Печальную весть принес воевода Свенельд, пришедший с «остаточными людьми» в Киев. Мы не знаем, каким образом удалось ему избежать гибели — вырвался ли он из печенежского окружения («збежа з бою», по выражению позднейшего летописца [16]), или двигался другим, сухопутным путем, еще раньше оставив князя.

По поверьям древних, даже останки великого воина, а тем более правителя, князя, таили в себе его сверхъестественное могущество, силу. И теперь, после смерти, сила и могущество Святослава должны были служить не Руси, а ее врагам печенегам.

В позднейшей так называемой Иоакимовской летописи приводятся некоторые дополнительные подробности о последнем периоде балканской войны. Святослав, согласно этому источнику, обвинил во всех своих неудачах христиан, входивших в состав его войска. Рассвирепев, он казнил среди других и своего брата князя Глеба (о существовании которого другие источники ничего не знают). По повелению Святослава в Киеве должны были разорить и сжечь христианские храмы; сам же князь по возвращении на Русь намеревался

истребить всех христиан [17]. Однако это не более чем домысел составителя летописи — позднейшего писателя или историка*.

Смерть Святослава оборвала те незримые нити, которые все еще связывали воедино отдельные части Русского государства. Киев, Древлянская земля, Новгород теперь становились полностью самостоятельными друг от друга. Кровное родство правителей этих земель, конечно, сохранялось, но исчезла та сила, которая в равной степени подчиняла их и делала одинаково послушными отцу**. Раздел Руси летом 969 года оказался предсмертным завещанием Святослава своим детям. В нем ничего не говорилось ни о «старейшинстве» Ярополка, ни, тем более, о каких-либо его правах по отношению к своим братьям. Разумеется, обладание Киевом — отцовским и дедовским престолом — делало Ярополка наиболее могущественным и авторитетным из русских правителей. Но завещание отца четко определяло границы его «волости», власти — Киев и Киевская земля, не более того.

Вероятно, еще при жизни Святослава от Киева отпали те территории, в которые он не посадил на княжение своих сыновей. Относительно некоторых земель мы знаем это наверняка: летописи сохранили нам имена самостоятельных князей Полоцка и Турова; сообщается в них об отпадении от Киева вятичей и радимичей. К 972 году единое Киевское государство распалось — и не только фактически, но и формально.

---

* Иоакимовская летопись была введена в научный оборот еще в XVIII веке первым русским историком Василием Никитичем Татищевым. Татищев считал ее автором Иоакима Корсунянина, первого епископа Новгорода (X век). Отсюда произошло и название летописи. О принадлежности летописи Иоакиму порой всерьез рассуждают и современные авторы — писатели и даже историки. Но очевидно, что открытый Татищевым летописный текст мог возникнуть не ранее XVII, а может быть, даже в XVIII веке. Бо́льшинство исследователей крайне низко оценивает степень достоверности этого источника, к которому, кстати, нам предстоит еще не раз возвращаться. Многие его сообщения явно восходят к домыслам историописателей XVII века. Наличие же какого-то древнего источника, из которого составитель летописи мог черпать сведения, не дошедшие до нас в иных летописных сводах, не выявлено и потому остается сомнительным.

** «Когда умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все политические связи между его сыновьями, — писал выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский, — политической зависимости младших областных князей от старшего их брата, садившегося после отца в Киеве, незаметно. Между отцом и детьми действовало семейное право; но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права...» [18].

Из всех древнерусских земель этого времени нас, конечно, более всего будет интересовать судьба Новгорода, а точнее, судьба княжившего в Новгороде Владимира Святославича. Однако с сожалением приходится констатировать, что новгородский период биографии Владимира, вплоть до его бегства из города около 977 года, совершенно не освещен в древнерусских источниках.

Правда, существует один иностранный источник, в котором о Владимире — новгородском князе — рассказывается, и весьма подробно. Этот источник — скандинавская сага об Олаве Трюгтвассоне, норвежском короле (с 994 по 999 или 1000 год), который детские годы провел в Новгороде (или Хольмгарде, как его называли скандинавы [19]), при дворе «конунга Вальдамара» (князя Владимира).

Скандинавские саги — источник своеобразный, трудный для исследования, особенно когда речь в них идет о событиях ранних и происходивших за пределами Скандинавии. В таких случаях не приходится рассчитывать на какие-либо точные соответствия между содержанием саги и реальными историческими фактами. Разновременные события, сохранившиеся в памяти сказителей, переплетались друг с другом, происходило смещение пространственных и временных ориентиров. Как и в других памятниках литературного творчества, в действие приходили законы жанра — схожие ситуации сходно решались, поэтому одни и те же сюжеты кочевали из саги в сагу. И все же сага об Олаве — источник уникальный и бесценный для древней Руси [20].

Олав, сын норвежского конунга Трюгтви, был еще младенцем, когда, после смерти отца, ему пришлось бежать из Норвегии. Он был отправлен на Русь («в Гарды»), где в городе Новгороде (Хольмгарде) жил его родственник, брат его матери Сигурд. В пути на корабль, на котором плыл Олав, напали пираты-эсты, разбойничавшие в восточной части Балтийского моря. Олав попал на остров Эйсюслу (Сааремаа), где был продан в рабство («и взяли за него отличного козла», — замечает сага). Спустя шесть лет Сигурд, бывший «в великой чести» у конунга Хольмгарда, отправился в землю эстов для сбора ежегодной дани для конунга. (Это, заметим, древнейшее свидетельство распространения власти новгородского князя на Прибалтику и, в частности, на Эстонию.) Сигурд случайно встретился со своим племянником и сумел узнать его и выкупить у прежнего владельца. Так Олав попал в Новгород. По закону, принятому тогда на Руси, в землях, подвластных князю, не позволялось жить сыновьям правителей из других земель без особого на то разрешения. Поэтому

Олав воспитывался втайне в доме Сигурда. Позже, однако, его тайна открылась.

Различные варианты записи саги по-разному рассказывают об обстоятельствах, при которых это произошло. По одной из версий, жене конунга Вальдамара Аллогии, «мудрейшей из женщин», стало известно, что в Гардах ощущается присутствие духов-хранителей некоего славного юноши, и она решила выяснить, кто же это. Княгиня попросила супруга созвать «тинг», то есть собрание свободных людей из всех подвластных ему областей. (Явление, безусловно, характерное для скандинавского, а не русского общества.) Люди, пришедшие отовсюду, встали в круг; княгиня подходила к каждому и пристально вглядывалась в глаза. Наконец, на третий день, она дошла до Олава и сразу же распознала его. Олав открыл свое происхождение, и после этого конунг и княгиня взяли его в свой дом и стали воспитывать как собственного сына [21].

Другая версия еще более романтична. Однажды, в двенадцатилетнем возрасте, Олав встретил на новгородском Торгу (скандинавские саги сохранили древнерусское название главной торговой площади Новгорода) человека, когда-то, еще у эстов, убившего его воспитателя Торольва. Убийца, некий Клеркон, был узнан по топору, принадлежавшему Торольву. Олав выхватил топор из рук Клеркона и зарубил эста. Но тем самым он нарушил закон, согласно которому жизнь любого человека, пока он пребывал в Новгороде, считалась неприкосновенной. «В Хольмгарде была такая высокая неприкосновенность мира, — рассказывал об этом знаменитый исландский поэт-скальд XIII века Снорри Стурлусон, — что, по закону, следовало убить всякого, кто убьет неосужденного человека». По совету Сигурда, Олав бежал к княгине и рассказал ей всю правду о себе. Та приняла мальчика под свое покровительство и повелела созвать своих воинов в полном боевом вооружении. Они должны были преградить дорогу людям, бросившимся преследовать Олава. «Княгиня владела половиной дружины и содержала ее на собственные средства, для чего собирала налоги и подати, как только требовалось. Было так и у конунга Вальдимара, что княгиня владела не меньшей дружиной, чем конунг, и они постоянно соперничали из-за родовитых людей», — разъясняет Снорри Стурлусон, раскрывая нам чрезвычайно любопытную особенность взаимоотношений внутри княжеской семьи (хотя и неизвестно, какого времени). Между конунгом и княгиней разгорелся спор из-за Олава. Люди требовали выдачи юного убийцы. Однако конунг, не желая еще большего кровопролития, пошел на уступку своей супруге и назначил выкуп за убийство

Клеркона. Княгиня заплатила выкуп. «С тех пор был Олав у княгини, и она его очень любила» [22].

Среди своих сверстников Олав выделялся силой, умом и воинской доблестью. По прошествии некоторого времени конунг Вальдамар сделал его вождем своей дружины. В распоряжение Олава было выделено несколько боевых кораблей, «и ходил он то в одну страну, то в другую, и быстро увеличивали его дружину норманы (норвежцы. — *А. К.*), и готы (готландцы. — *А. К.*), и даны (датчане. — *А. К.*)». Олав прославился своими подвигами и успехами в войнах: он покорил конунгу много городов и крепостей — из тех, которые «раньше принадлежали ему и которые другие отвоевали у него и подчинили себе» — и каждую осень привозил в Хольмгард богатую добычу — «разные сокровища, золото и ценные ткани и камни».

Согласно саге, Олав провел на Руси девять лет. Из-за зависти и козней ему пришлось покинуть страну. Несколько лет он провел в Виндланде (на южном побережье Балтийского моря, к востоку от полуострова Ютландия) и в Дании. Позже Олав вновь вернулся на Русь, но ненадолго. Сага связывает с Олавом само крещение князя Владимира, которое тот принял именно по его настоянию. (Хотя, заметим, согласно той же саге сам Олав крестился позднее, в Ирландии.)

Как мы видим, сага об Олаве Трюггвассоне содержит немало ценнейших подробностей, касающихся как жизни Новгорода, так и личности князя Владимира Святославича. Однако очевидно, что нарисованный ею портрет могущественного конунга Хольмгарда не может быть действительным изображением Владимира той поры. Прежде всего в саге нет и намека на юный (точнее, даже отроческий) возраст князя. Вальдамар предстает правителем, умудренным опытом и годами. Он намного старше Олава и относится к нему как к сыну. (Хотя реальные Олав и Владимир были, вероятно, почти ровесниками.) Вальдамар женат; саги называют имя его жены — Аллогия (в одной из редакций — Аурлогья). Русские источники не знают жены князя с таким именем, хотя и не исключают того, что Владимир мог впервые жениться еще в Новгороде — вероятно, после возвращения «из-за моря» около 978 года. (Об этом речь пойдет в следующей главе.)

Рассказывается в саге и о матери Вальдамара — некой колдунье и прорицательнице, бывшей «в великой чести» у конунга. Она изображена дряхлой и немощной старухой. По словам саги, ежегодно, зимой, во время зимнего языческого праздника (названного по-скандинавски «Йоль», что пример-

но соответствует христианскому Рождеству) «ее приносили в кресло и сажали перед почетным сидением конунга. И раньше чем люди принялись пить, спрашивает конунг мать свою, не видит ли и не знает ли она, нет ли какой-нибудь опасности или беды, которая грозила бы его земле, не приближается ли немирье или опасность, не хотят ли другие захватить его владения»; на что мать конунга давала точные и исчерпывающие ответы. Так, за девять лет до появления Олава «в Гардах» она угадала его рождение и сообщила о нем конунгу Вальдамару, уже тогда сидевшему на престоле в Хольмгарде [23].

Описываемые в саге события, конечно, нельзя воспринимать буквально. Они носят не конкретно-исторический, а эпический, полулегендарный характер. Такой же эпический характер имеют и персонажи саги. Так, фигура «конунга Вальдамара», как она нарисована сагой, является обобщенным эпическим изображением русского князя вообще — таким он и должен быть согласно представлениям скандинавских сказителей. Это правитель, которому берется служить главный герой саги. Он наделен соответствующими правителю-сюзерену чертами — соответствующим возрастом, опытом, мудростью и т. п. Конунг обязан иметь жену; причем жена его — как правило, «мудрейшая из женщин» (такова характеристика не только Аллогии, но и, например, Ингигерд, жены Ярослава Мудрого). В сагах жены правителей выступают обычно на стороне героя, тем более когда герой еще отрок. Поэтому нет необходимости искать конкретный прототип княгини, как это часто делают историки (предлагая на роль Аллогии, например, княгиню Рогнеду). Такой же обобщенный характер имеет и образ матери конунга — язычницы, пророчицы и колдуньи. Отсюда ее дряхлость и в то же время исключительная проницательность. Конечно, нельзя исключить возможность пребывания реальной матери Владимира Малуши в Новгороде при дворе ее сына, как и того, что именно ее гипотетическое языческое «ведовство» легло в основу рассказа саги о старухе прорицательнице. Но свидетельство саги об Олаве на этот счет вовсе не является достаточным. Возможно, кстати, что и в образе Аллогии, и в образе матери конунга отразились некоторые черты знаменитой бабки Владимира — княгини Ольги.

И все же в основе сюжета саги — несомненно, действительность. Не вызывает сомнений само пребывание Олава Трюгвассона — вполне реальной фигуры — в Новгороде. Его «сыновство» по отношению к ровеснику Владимиру — отражение различий в социальном статусе обоих юношей, один из которых был князем, а другой — его дружинником. Время

пребывания Олава на Руси совпадает с реальным временем княжения в Новгороде Владимира (Олав прибыл на Русь, вероятно, около 971 года) [24]. Реальны и многие черты Владимира — например, его ревность к язычеству, а затем принятие христианства (хотя и то, и другое навеяно, конечно, более поздним образом киевского князя Владимира), любовь к пышным пирам с дружиной.

Реальна, наконец, и та роль, которую в Новгороде играли скандинавы. Как мы увидим позже, именно варяжская (главным образом, скандинавская) дружина стала той силой, с помощью которой Владимир сумел утвердить себя на киевском престоле. Условия же для военного сотрудничества со скандинавами возникли с самого начала пребывания Владимира в Новгороде. (Характерно, что именно Владимир стал первым русским князем, имя которого упоминается в скандинавских сагах.) И эта связь с воинственным миром Севера явилась еще одним важнейшим последствием новгородского княжения Владимира Святославича.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЙНА. БРАТОУБИЙЦА

Пребывание князя Владимира в Новгороде было прервано драматическими событиями, разыгравшимися в Поднепровье и связанными с враждой, начавшейся между братьями Владимира князьями Ярополком и Олегом.

Недолгое княжение Ярополка в Киеве очень скудно освещено древнейшими русскими источниками, и в первую очередь «Повестью временных лет», которая ограничивается рассказом о вражде и войнах Ярополка с братьями Олегом и Владимиром. Ярополк вообще принадлежит к числу тех исторических деятелей, личности которых как бы затемнены личностями их преемников, более яркими и масштабными. Грандиозная фигура князя Владимира в последующем полностью затмила собой фигуру Ярополка, сделав ее на первый взгляд бледной, незначительной и неинтересной. А между тем шесть с небольшим лет самостоятельного княжения Ярополка в Киеве (с весны 972 года по лето 978-го) представляют исключительный интерес для историка. В год гибели Святослава Ярополку было, вероятно, двенадцать или тринадцать лет. Умер же он восемнадцати- или девятнадцатилетним юношей. И все же он успел немало сделать. Когда сейчас мы пристальнее вглядываемся в его княжение, мы приходим к мысли о том, что этот князь мог войти в русскую историю как реформатор и преобразователь; многие из его замыслов предвещали будущие свершения Владимира. Так, историки всерьез говорят о том, что при Ярополке Русь стояла перед возможностью принятия христианства.

Показательно, что о важнейшем из внешнеполитических предприятий Ярополка мы узнаем от иностранного автора (немецкого хрониста XI века Ламперта Херсфельдского), при

На рис. — змеевидная фигура. Змеевик «Крещение». XII—XIII вв. Оборотная сторона.

полном молчании русских источников. Ламперт же сообщает следующее. Весной 973 года, а точнее, на Пасху, 23 марта, к германскому императору Оттону I в город Кведлинбург прибыло в числе прочих иноземных посольств (от греков, итальянцев, венгров, датчан, болгар и др.) и русское посольство. Послы явились «с великими дарами». Вместе с императором они должны были принять участие в праздновании Святой Пасхи [1].

Нет сомнений, что послы «русов» прибыли из Киева (иной случай был бы оговорен немецким хронистом). Они отправились в путь, по-видимому, осенью или зимой 972/973 года — то есть всего через несколько месяцев после получения в Киеве известия о гибели Святослава. Это первый самостоятельный шаг правительства Ярополка, и он говорит о многом.

Участие в праздновании христианской Пасхи ясно свидетельствовало о том, что представители Руси были настроены, по крайней мере, благожелательно по отношению к христианской вере, а скорее всего и сами были христианами. Последнее более вероятно. Еще со времен Игоря и Ольги в Киеве жили христиане, немало их было среди приближенных киевских правителей. Кого же, как не единоверцев императора Оттона, должен был отправить Ярополк в Кведлинбург?

Посольство Ярополка обозначило выбор, сделанный Киевом. (Конечно, пока еще не самим Ярополком, но его окружением.) Это был тот самый выбор, который четырнадцатью годами раньше сделала бабка Ярополка княгиня Ольга, чьи послы побывали при дворе Оттона еще в 959 году.

Ярополк был старшим среди Святославичей и, вероятно, наиболее близким к Ольге, наиболее подверженным ее воспитательному воздействию. Можно думать, что усилия Ольги не пропали даром. Христианство не было пустым звуком для киевского князя. Наверное, те самые люди, на которых Ольга пыталась в свое время опереться и которые вместе с ней и под ее влиянием думали о преобразовании Руси и о вовлечении ее в лоно Церкви, теперь стояли возле него. И Ярополк прислушивался к ним. Святослава слишком долго не было в Киеве; его влияние стерлось, его воинственные антихристианские пристрастия успели забыться. Язычество же само по себе (и мы уже отмечали это) терпимо относилось к любой из новых религий. При Ярополке христианство, видимо, поощрялось и, во всяком случае, уживалось с традиционным язычеством, соперничая с ним во влиянии на князя.

Кстати сказать, христианское влияние князь ощущал постоянно — в своей собственной опочивальне. Христианкой

была его жена — некая греческая красавица, бывшая прежде монашенкой и попавшая в плен к русам во время балканской войны Святослава. По словам летописи, ее «привел» в Киев, в жены своему сыну, сам Святослав, «красоты ради лица ее». Если так, то это могло случиться в 969 году, когда Святослав на короткое время возвращался в Киев. (Юность княжича и разница в возрасте между ним и его невестой не могли смущать Святослава: напротив, женитьба превращала отрока во взрослого мужчину, свидетельствовала о способности править своей «волостью».) Женщина в княжеском тереме была не совсем уж бесправным существом; она редко могла творить свою волю, но голос ее порой звучал, и князь прислушивался к ее словам. Вероятно, гречанка и в неволе не забывала о Боге и пыталась приобщить к нему своего юного супруга.

О расположенности Ярополка к христианам рассуждают и составители уже известной нам Иоакимовской летописи. «Ярополк... был муж кроткий и милостивый ко всем, любил христиан, и если сам не крестился народа ради, то никому же не препятствовал», — читаем мы в «Истории Российской» В. Н. Татищева [2].

О дипломатической активности Ярополка свидетельствует и Никоновская летопись, содержащая ряд уникальных известий, отсутствующих в более ранних летописных сводах. Откуда их почерпнул составитель летописи, остается неясным. (Предположение о существовании некой «летописи Ярополка» [3], попавшей в XVI веке в руки московского летописца, кажется слишком невероятным.) Но как бы то ни было, добавления эти чрезвычайно любопытны и весьма содержательны. (Правда, следует оговориться, что хронология статей Никоновской летописи, посвященных Ярополку, сбита — как, впрочем, и хронология соответствующих статей «Повести временных лет» — по крайней мере, на два года; но об этом ниже.)

Так, в летописной статье 6487 (979) года (на самом деле в этом году Ярополка, видимо, уже не было в живых) сообщается о прибытии к киевскому князю послов от греческого царя и о заключении между ними мира и любви. И «яшася» греки Ярополку «по дань» — «как и отцу его, и деду его». Речь, очевидно, идет о подтверждении мирного русско-византийского договора 971 года.

«В том же году, — продолжает автор Никоновской летописи, — пришли послы к Ярополку из Рима, от папы» [4].

Это второе известие о контактах Ярополка с латинским Западом. (Заметим, что в сообщении Никоновской летописи о русско-византийских переговорах нет никаких намеков на

то, что затрагивалась религиозная тема.) О цели визита папских посланников можно догадываться: вероятно, они обсуждали возможность распространения влияния папского престола на Русь. Но едва ли они явились из самого Рима. Источник католической проповеди находился ближе. Император Оттон I, при дворе которого побывали послы Ярополка, делал все возможное, чтобы распространить свет христианской веры на языческие народы, жившие к востоку от его границ. В конце 60-х годов им было основано Магдебургское миссийное архиепископство для христианской пропаганды в славянских землях, главным образом, в Польше. На кафедру в Магдебург был поставлен епископ Адальберт — тот самый, который побывал в Киеве при княгине Ольге и продолжал считаться «епископом ругов» (то есть русов). Естественно, что Русь оставалась в сфере его самого пристального внимания. Политику императора Оттона I продолжил и его сын Оттон II (973—983).

В латинских источниках, кажется, имеются косвенные намеки на деятельность латинских проповедников в Киеве при князе Ярополке. Так, известный итальянский писатель и церковный деятель Петр Дамиани, епископ Остиенский (умер 1072) включил в составленное им Житие блаженного Ромуальда рассказ о подвигах на Руси ученика Ромуальда святого Бонифация (епископа Бруно), обратившего якобы в христианство «короля русов», крестившего множество народа и, в конце концов, принявшего на Руси мученическую смерть. О проповеди епископа Бруно на Руси сообщается также в Хронике французского монаха Адемара Шабаннского (умер 1034) [5]. Этот рассказ в основном вымышлен. (Епископ Бруно действительно побывал на Руси, но гораздо позже — уже после крещения Владимира, о чем мы достоверно знаем из написанного им около 1008 года письма к немецкому королю Генриху II; погиб же он во время своей миссии к язычникам-пруссам.) Латинские авторы, по-видимому, смешали Руссию с Пруссией. Но историки обратили внимание на то, что рассказ о Бруно-Бонифации обнаруживает некоторое знакомство с той ситуацией, которая сложилась на Руси во второй половине 70-х годов X века, при князе Ярополке. По словам Петра Дамиани, Бруно сумел обратить в христианство «короля русов». Однако брат короля, живший вместе с ним, отказался принять новую веру и был убит названным королем. «Другой брат, который жил отдельно от короля, когда пришел к нему достопочтенный муж, не хотел слушать его слов, но, пылая на него крайним гневом за обращение брата, тотчас схватывает его, а потом... приказал обезглавить его на своих

глазах в присутствии немалой толпы людей». Это вызвало его войну с «королем русов».

В самом деле, три брата, враждующие между собой, один из которых живет рядом с «королем», а другой — в отдалении от него, напоминают нам Ярополка, Олега и Владимира Святославичей. Но в таком случае, возможно, латинская легенда не есть простой вымысел; не исключено, что она вобрала в себя воспоминания о различных событиях, разновременных, но близких по характеру, — о действительном пребывании Бруно-Бонифация в Киеве в начале XI века, его миссии к язычникам-пруссам и гибели там, а также о пребывании на Руси при князе Ярополке каких-то безвестных латинских миссионеров, которые сумели подчинить своему влиянию Ярополка, но, вероятно, враждебно воспринимались Владимиром и Олегом [6]. Может быть, от рук Владимира, в конце концов пришедшего к власти в Киеве, они и погибли?

Ярополк так и не принял христианство. (Его кости были крещены лишь в 1044 году князем Ярославом Владимировичем.) Но, может быть, он намеревался это сделать? Ярополк шел путем своей бабки, княгини Ольги. Но он был еще слишком молод, слишком подвержен различным, порой противоположным влияниям и не всегда был последователен в достижении своих целей [7].

Успешной, видимо, была политика Ярополка в отношении печенегов. Об этом свидетельствует та же Никоновская летопись, сообщая под 6486 (978) годом: «Победил Ярополк печенегов и возложил на них дань». Вероятно, речь идет о более раннем времени. «Повесть временных лет» ничего не знает о русско-печенежских войнах при Ярополке. Но они, безусловно, были: гибель Святослава не могла не подтолкнуть печенегов к нападению на Русь. В конце концов, натиск кочевников был отбит. Под следующим, 979 годом составитель Никоновской летописи продолжает: «Пришел печенежский князь Илдея и бил челом Ярополку в службу. Ярополк же принял его, и дал ему грады и волости, и имел его в великой чести» [8]. Достоверность этого сообщения вызывает сомнения — слишком уж очевидно его сходство с позднейшими случаями переходов татарских и иных «князей» на московскую службу (можно думать, что именно из современной составителю летописи действительности появились в рассказе «грады и волости», данные Илдее). Но если Никоновская летопись сохранила действительный факт перехода одного из печенежских ханов в подданство киевскому князю, то перед нами — явление совершенно новое, не знакомое более раннему времени. Не неустойчивый союз с печенеж-

ской ордой (как это было при Игоре и Святославе), но вовлечение печенегов в состав собственно Киевского государства — вот путь, по которому пойдут взаимоотношения Руси со Степью лишь с XI века и позже. Существование русско-печенежского союза при Ярополке в любом случае не вызывает сомнений — о нем мы узнаем из летописного рассказа о последнем периоде войны между Ярополком и Владимиром.

О втором сыне Святослава, Олеге Древлянском, летопись рассказывает еще меньше. Это не удивительно. Все, что происходило за пределами Киевской земли и напрямую Киева не касалось, мало интересовало киевских летописцев. И все же даже скупое летописное повествование о вражде Ярополка и Олега позволяет нам увидеть некоторые черты характеров обоих князей. Такова особенность исторической памяти: в ней остается лишь самое важное, самое значимое. Летопись, составлявшаяся десятилетия спустя, и фиксировала то, что отложилось, запомнилось, то, что было самым характерным для действующих в ней лиц. Запомнилось же миролюбие и медлительность Ярополка и — как полная противоположность — вспыльчивость его брата Олега. Видимо, воинственный характер отца отразился в Олеге с наибольшей силой и успел проявиться достаточно рано и достаточно отчетливо, чтобы впечататься в сознание современников и остаться в памяти потомков. И это несмотря на то, что Олег умер совсем юным, почти отроком — в шестнадцать или семнадцать лет. (Существует предположение, что князь Олег Древлянский успел стать героем русских былин и именно он известен под именем былинного богатыря Вольги Всеславича [9]. Я не стану разбирать здесь это предположение, кажущееся мне все же неосновательным; замечу лишь, что вряд ли стоит искать в былинах, как это делается, непосредственного отражения каких-то конкретных исторических событий.)

О том, как правил Олег Древлянской землею, кто из его воевод направлял его действия, мы ничего не знаем. Судя по косвенным свидетельствам иностранных (чешских) источников, Олег вел самостоятельную внешнюю политику. Какие-то отношения связывали его с Древнечешским государством и, возможно, с чешским князем Болеславом II. Если учесть, что в 70-е годы X века Болеслав воевал с императором Оттоном, вероятным союзником Ярополка, то можно предположить, что древлянско-чешские контакты явились оборотной стороной наметившейся вражды Олега со своим старшим братом [10].

Вражда эта началась, казалось бы, с незначительного события, о котором тем не менее подробно рассказывается в «Повести временных лет»:

«В лето 6483 (975). Охотился Свенельдич, именем Лют: вышел из Киева и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, заехав, убил его Олег, ибо сам охотился» [11].

Летопись, конечно, лучше нас оценивает значимость каждого события. Эта встреча и последовавшее за нею убийство Люта сыграли огромную роль в истории Русского государства и привели к совершенно непредсказуемым и трагическим последствиям.

В глазах человека того времени поступок Олега был оправдан. Древлянская земля, куда в поисках охотничьих угодий забрел Свенельдов сын, принадлежала ему. Вмешательство чужака, чужого князя в дела его земли или даже одно присутствие такого чужака в его земле без его на то воли было прямым нарушением обычая и закона, посягательством на его власть. Вспомним, что согласно Саге об Олаве Трюггвассоне присутствие человека княжеского рода в чужих владениях без разрешения князя считалось недопустимым и влекло жестокую кару; Олаву, например, пришлось скрывать свое происхождение. Правда, Лют не принадлежал к княжескому роду. Но он был сыном Свенельда — человека, чья власть и чей авторитет, пожалуй, не уступали княжескому. Свенельд — совершенно исключительное явление в ранней русской истории. Согласно летописи он действует на протяжении более чем пятидесяти лет, с 922 по 972 год (первая дата, правда, явно искусственна), оставаясь первым из воевод при четырех правителях Киевской Руси. Видимо, это был человек выдающихся способностей. Прочности занимаемого им положения не помешало и то обстоятельство, что он косвенно оказался замешанным в гибели как Игоря, так и Святослава. (Забегая вперед, скажем, что смерть еще двух князей впрямую будет связана с именем этого поистине «черного гения» начальной русской истории.)

Появление Свенельдова сына в Древлянской земле таило в себе несомненную угрозу для Олега. (Не случайно он убивает Люта лишь после того, как узнает, чей сын очутился перед ним.) Едва ли нечаянно Лют заехал в пределы Олега. Дело в том, что еще князь Игорь Старый незадолго до своей смерти вручил Свенельду «древлянскую дань». (Это известие изъято из «Повести временных лет», но сохранилось в другой древнейшей летописи — так называемой Новгородской Первой младшего извода [12].) Дарение Игоря не могло быть забы-

то. Более того, по давности лет оно значило едва ли не больше, чем завещание самого Святослава, посадившего «в Древлянах» Олега. Вероятно, Свенельд и Лют посчитали, что пришло время вернуть себе законные права. (Впрочем, может быть, Лют действовал независимо от своего отца.)

То, что Лют открыто «заехал» в Древлянскую землю, показывало его притязания на обладание ею. Охота на зверя была искони княжеским занятием. Лют, следовательно, ставил себя в княжеское достоинство, вел себя как равный Олегу. Это был прямой вызов, и Олег принял его.

Мы не знаем, как отнесся Ярополк к выходке Люта. Надо полагать, он вовсе не разделял корыстных притязаний своего воеводы и его сына. Ибо таким образом — вольно или невольно — ставилась под угрозу законность завещания его отца, а ведь именно оно составляло правовую основу его собственной власти над Киевом. Скорее всего Ярополк вообще не был осведомлен о происходивших событиях и узнал о них лишь как о свершившемся факте.

Но так или иначе, а Свенельдов сын был убит. Олег — хотел он того или нет — вступил в открытую вражду с Ярополком.

Что оставалось делать Ярополку? Он попал в трудное положение, и выбора у него, по существу, не было. Обычай кровной мести соблюдался незыблемо. У убитого же Люта имелись родичи. И не кто-нибудь, а Свенельд, ближайший воевода Ярополка. Были у Свенельда и еще сыновья (имя одного из них — Мстиша — упоминается в летописи), но они ничем особенным себя не проявили, во всяком случае, в начавшихся событиях никакой самостоятельной роли не сыграли. Едва ли не восьмидесятилетний старец сам становился кровным местником за своего сына. И Свенельд жаждал крови — крови Олега, брата своего князя.

«И поднялась... ненависть между Ярополком и Олегом, — продолжает свой рассказ «Повесть временных лет», — и говорил всегда Ярополку Свенельд: «Пойди на брата своего и займи волость его», желая отомстить за сына своего».

Между тем князь не подчинялся обычным законам, по которым протекала жизнь иных людей. Он отвечал за все, что творилось в подвластной ему земле, — но точно так же подвластная ему земля принимала на себя все, что происходило с князем. Поэтому принять отмщение за гибель Люта должны были все древляне. Если Ярополк принимал сторону Свенельда — а он должен был это сделать, ибо Свенельд был *его* воевода, — ему надлежало начинать войну.

Однако Ярополк медлил. Согласно летописи лишь два

года спустя он начнет военные действия. Эта медлительность и позже будет отличать его. Едва ли здесь малодушие — по крайней мере, в противостоянии Олегу Ярополк мог быть уверенным в своем превосходстве. Скорее здесь проявились качества, которые тоже, хотя и не часто, встречаются у правителей, — милосердие, нежелание проливать кровь, братские чувства к близкому человеку. Ведь Олег был Ярополку братом не только по отцу, но и по матери — в древней Руси это всегда связывало братьев особо прочными узами. Нам неизвестно, пытался ли Ярополк какими-нибудь мирными средствами погасить возникший конфликт. Может быть, и пытался. Но сделать это было чрезвычайно трудно. Единственный путь — признать убийство Люта законным и справедливым. Но это означало бы разрыв со Свенельдом. Отцовский же воевода, видимо, также был дорог Ярополку. Но совестливость и желание угодить всем никогда не приносят политических выгод.

Свенельд сумел добиться своего. Под 6485 (977) годом (дата спорная) мы читаем в «Повести временных лет»: «Пошел Ярополк на Олега, брата своего, на Деревскую (то есть Древлянскую. — *А. К.*) землю. И вышел Олег против него, и исполчились оба. Сразились полки, и победил Ярополк Олега» [13].

Подобный исход был предопределен, ибо силы и возможности братьев вряд ли были сопоставимы. За Ярополком стоял Киев, сильнейший и в людском, и в экономическом отношении город южной Руси. Но то, что произошло дальше, вовсе не входило в расчеты киевского князя.

После поражения в битве Олег со своими воинами бежал в город Вручий (или, по-другому, Овруч). Город был укреплен. Через ров к городским воротам вел мост, и люди, стремясь под защиту стен, теснились на нем, сталкивая друг друга вниз. В давке множество людей падало в ров, вместе с ними падали и лошади, и лошади давили людей. Среди прочих упал в ров и князь Олег*. Когда Ярополк вступил во Вручий, он повелел отыскать брата. Думаю, для того, чтобы помириться с ним, а не покарать его. Олега искали повсюду, но не могли найти. И тогда один из древлян сказал Ярополку: «Я видел, как накануне столкнули князя с моста». Ярополк велел очистить вручевский ров. В течение половины дня («от

---

* Так рассказывает «Повесть временных лет». «Память и похвала князю Владимиру» Иакова мниха, использовавшая какой-то более древний летописный свод, дает другую версию случившейся трагедии: «...У Вруча града мост обломился с воями, и удавили Олега в гребли (во рву. — *А. К.*)».

утра и до полудня») изо рва вынимали трупы людей и наконец среди мертвых тел отыскали тело князя Олега. Его вынесли на землю и положили на расстеленный ковер. И подошел Ярополк, и начал плакать над телом брата, а затем с такими словами обратился к воеводе Свенельду: «Смотри, этого ты хотел?!»

Да, Свенельд своего добился. Убийца его сына принял мучительную и к тому же бесславную смерть. Но ценой отмщения стала не только жизнь князя Олега, и даже не только жизнь, по крайней мере, сотен людей, погибших во время вручевской трагедии, но и устойчивость всего порядка, сложившегося на Руси после Святослава.

Законными наследниками отцовской власти выступали сообща все трое Святославичей. Русская земля — хоть и формально, в некоем несбыточном идеале — была их совместным владением и достоянием. Смерть, причем насильственная, одного из братьев нарушала устойчивость положения оставшихся, ставила под сомнение их «легитимность», как бы мы выразились сейчас. Ярополк «перенял» «волость» своего брата, включил ее в свои владения. Внешне это, казалось, усиливало его. Но он — пускай невольно — стал виновником смерти брата; он нарушил незыблемую заповедь семейного и родового единства, нарушил предсмертную волю отца. Смерть брата еще отзовется ему. В конечном итоге она станет причиной его собственной гибели.

Понимал ли он это? Или одни только братские чувства переполняли его, когда глядел он на бездыханное тело брата? Так или иначе, но плач Ярополка не выдуман и скорбь его непритворна. («Ох, люто мне, брате мой дорогой! Лучше бы мне умереть, а тебе живу быть! — но все то сотона сотворил лукавством своим», — так передает слова Ярополка Никоновская летопись; но эти слова, конечно, выдумка, домысел летописца — так, по его представлениям, должен был оплакивать князь смерть своего брата.)

Ярополк винил в происшедшей трагедии Свенельда («Этого ты хотел?!» — бросил он ему в лицо). В дальнейшем мы не встретим имени Свенельда в летописи; он уйдет — в безвестность или в небытие. Но вряд ли от этого кому-нибудь станет легче.

У Олега, по-видимому, остался малолетний сын. Готовясь к войне со своим братом, он отправил его за пределы Руси. Русские летописи ничего не знают об этом. Но позднейшие чешские историки сохранили какие-то смутные предания о появлении в Моравии русского князя, сына Колги (Олега?) Святославича, племянника князей Ярополка и Владимира.

Именно его считали своим прародителем представители старинного моравского рода Жеротинов*.

Во второй раз Древлянская земля давала последний приют бренным останкам Рюриковичей. Сначала Игорю, теперь его внуку Олегу. Олег был похоронен недалеко от Вручего. Над его могилой насыпали высокий холм. «И есть могила его у Вручего и до сего дня», — замечает летописец XI века. В 1044 году князь Ярослав Владимирович извлек останки Олега из земли и положил их в Киеве, в Десятинной церкви, возле останков убийцы Олега князя Ярополка. Кости князей-язычников — невероятный случай в нашей церковной истории! — были посмертно крещены. Так приобщились к христианству Ярополк и Олег.

О вражде между братьями, растянувшейся по времени почти на два года, в Новгороде, конечно, знали. Но все же известие о гибели Олега потрясло и напугало Владимира. Причем напугало настолько, что князь немедля покинул Новгород и вообще Русь и укрылся «за морем».

Узнав об этом, Ярополк отправил в Новгород своих посадников и «переял» «волость» Малушиного сына — точно так же, как ранее «переял» «волость» Олега. «И бе володея един в Руси», — заключает летописец. «Русь» здесь — достояние Святославичей, главным образом, Поднепровье и Новгород, а не вся территория Древнерусского государства, значительная часть которой не входила в состав их владений.

Бегство Владимира кажется необъяснимым. Чего испугался он? Ведь Ярополк, насколько нам известно, не успел предпринять никаких шагов, враждебных новгородскому князю. Высказывалось предположение, что Владимир и Олег заключили между собой союз против старшего брата, и, следовательно, Владимир был косвенно вовлечен в Древлян-

---

* Этот князь был послан сюда своим отцом, опасавшимся «сурового тирана» Ярополка. «Тиран» действительно убил Колгу, но и сам был убит Владимиром, рассказывает польско-чешский писатель конца XVI века Бартоломей Папроцкий, несомненно, знавший историю борьбы трех Святославичей по русским источникам. Колга обеспечил своего сына большим запасом золота и серебра. В дальнейшем тот, однако, отказался от титула князя и принял достоинство рыцаря. Он получил прозвище «Враг» — якобы из-за своего любимого ругательства «Иди к врагу», то есть «к черту», — и его потомки стали называться Враговскими. Сын Колги стал родоначальником моравского рода Жеротинов. Начало всей этой истории Папроцкий относит к легендарному 862 (6370) году [14].

скую войну [15]. Однако источниками это предположение не подтверждено.

Вероятно, причина бегства Владимира коренилась в другом. Ярополк пролил кровь его брата, совершил тяжкое преступление — тем самым выведя себя за рамки обычных законов, определявших межкняжеские взаимоотношения и взаимоотношения внутри княжеской семьи. Теперь могла настать очередь Владимира, единственного оставшегося в живых его брата. И Ярополка — начни он войну с Владимиром — уже не смогли бы остановить никакие нравственные запреты, обычаи или законы. Завещание Святослава, составлявшее правовую (и нравственную) основу власти каждого из трех братьев, было попрано им и уже не могло защитить Владимира. И Владимир бежал — ибо не знал намерений Ярополка и страшился его.

Конечно, в этом бегстве легко увидеть обычное малодушие, свойственное юноше, даже мальчику, каким был тогда Владимир. Он бежал в страхе, спасая свою жизнь, когда ей в действительности, наверное, ничего не угрожало. Но в том-то и дело, что это нечаянное решение оказалось действенным; кажущееся постыдным бегство в конечном счете предопределило его будущую победу над братом. Вероятно, с самого начала Владимир и Добрыня (несомненно, сопровождавший его) не только искали убежища, но и рассчитывали набрать дружину для дальнейшей войны с Ярополком.

Полагают несомненным, что Владимир бежал в Скандинавию. Действительно, в составе его дружины мы увидим варягов-скандинавов. Имена некоторых из них — Сигурд, Олав — уже известны нам из Саги об Олаве Трюггвассоне, в которой описывается, вероятно, именно тот период княжения Владимира, когда он вернулся в Новгород с варяжской дружиной. Рядом с Олавом, конечно, находились и его сородичи — норвежцы, шведы, датчане, готландцы. В те времена перед викингами буквально трепетала вся Европа — от Англии на севере и до Италии на юге, от мирных обитателей приморских и приречных селений до владетельных монархов. Норманнские воины были свирепы, сильны, отлично вооружены и обучены; они привыкли, а главное, всегда были готовы к бою, к пролитию крови. Такими взрастила их суровая природа Скандинавии — бедной на земли, но богатой на сильных и отважных мужчин. В X и XI веках викинги представляли, несомненно, самую грозную военную силу во всей Европе. Да и на Руси на протяжении более чем полутора столетий (точнее, до Лиственской битвы 1024 года, в которой один из сыновей Владимира, Мстислав, разгромил варяжскую

дружину своего брата Ярослава) тот из русских князей, у кого в войске оказывалось больше варягов, неизменно одерживал верх над своим противником.

Но варягами на Руси называли не одних скандинавов. Варяжские дружины были разнородны: помимо скандинавов, они включали в себя балтийских славян, балтов, потомков кельтских народов, живших на южном побережье Балтики. В отличие от многих других стран Европы Русь не представляла собой объекта целенаправленной норманнской экспансии. Сюда устремлялись не для того, чтобы захватить землю, а для того, чтобы поживиться. Путей для этого было несколько: либо прямой грабеж, либо, чаще, торговля — и не только по торговому пути «в Греки», но, главным образом, по «великому меховому пути»; на него выходили также через Ладогу и Новгород. Этот путь — через Волжскую Болгарию и Хазарию — вел в сказочно богатые страны Востока. Немалую выгоду для варяжских искателей добычи давало поступление на службу к местным князьям и участие в войнах, которые те вели. Набрать варягов на свою службу можно было не только в Скандинавии, но и по всей Прибалтике — от Померании (Поморья) до Старой Ладоги (Альдейгьюборге скандинавских саг) — наиболее оживленной контактной зоны между Скандинавией и Русью. Отметим также, что скандинавские саги ни словом не упоминают о пребывании Вальдамара Старого в Швеции или Норвегии.

Предположительно ко времени бегства Владимира относится и его первая женитьба. Высказывалось мнение, будто Владимир женился в Скандинавии и первой его женой стала скандинавка. Так считал, например, автор Иоакимовской летописи, называвший даже имя «княжны варяжской» — Олава. Имя княжны и ее этническая принадлежность — не более чем простая догадка, но сам факт женитьбы вероятен. Известно, что старший сын Владимира — Вышеслав — родился от некой «чехини» (чешки) и скорее всего не позднее 978 года. Следовательно, брак с «чехиней» мог случиться в 977-м или в самом начале 978 года, то есть либо во время пребывания Владимира на чужбине, либо сразу после его возвращения в Новгород. Откуда взялась «чехиня» (а их в гареме Владимира было даже две), неизвестно [16].

Что ж, в 977 году Владимиру было приблизительно пятнадцать лет — для князя это достаточный возраст, чтобы иметь супругу. Отцом же можно стать и в пятнадцать, и в шестнадцать. (Добавлю, что присутствие княгини уже в Новгороде в какой-то степени подтверждает и Сага об Олаве Трюггвассоне.)

Пребывание Владимира за морем оказалось недолгим. Уже в конце того же 977 года или в начале следующего, 978-го, он вернулся в Новгород с варяжской дружиной и изгнал из города посадников Ярополка. «Идите к брату моему, — объявил им Владимир, — и скажите ему: «Владимир идет на тебя, пристраивайся (то есть готовься, выступай. — *А. К.*) биться». Никоновская летопись прибавляет, что Новгород был «взят» (надо понимать, приступом). Однако «Повесть временных лет» этого уточнения не знает. Да и последующие события свидетельствуют скорее о добровольном принятии Владимира новгородцами. Владимир возрос на их глазах, некогда они сами испросили его у Святослава. Едва ли новгородцев могли устроить присланные из Киева посадники Ярополка, правившие городом, конечно, в интересах своего князя. Так что «приступ» оказывался ненужным. Новгородцы сами изъявили готовность биться в дружине своего князя против Ярополка. Помимо пришедших с Владимиром варягов и словен (новгородцев), в составе княжеской дружины летопись называет кривичей и «чудь» (финно-угорское население Северо-Запада Руси — эстов, вепсов — весь, мерю и водь). Все эти племена и ранее были объединены вокруг Новгорода — не только при Владимире, но и задолго до него, при первых новгородских князьях. Северная Новгородско-Варяжская Русь, по существу, восстанавливалась в границах дорюриковой поры.

Владимир готовился идти дорогой Олега — из Новгорода на Киев. Вновь Север противостоял Югу. Но теперь предстояла война не за объединение двух частей Руси — они уже были объединены под властью Ярополка, — но за главенство в пределах объединенной Руси, за Киев.

Я не берусь рассуждать о том, что могло бы произойти, избери Владимир другой путь. Наверное, война не являлась неизбежностью. Ярополк, насколько мы знаем его, был готов к примирению. Захват им Новгорода стал следствием бегства Владимира, а не стремления киевского князя к единодержавию во что бы то ни стало. Владимир, однако, выбрал войну. Позже он так будет оправдывать свои действия: «Не я начал братию свою избивать, но Ярополк. Я же, убоявшись того, пошел против него». Отчасти он лукавил, ибо, наверное, знал, что смерть Олега приключилась скорее от несчастного случая, стечения обстоятельств, нежели стала результатом намеренного убийства. И все же слова Владимира были исполнены ясного смысла. Война с Ярополком явилась прямым следствием Древлянской войны.

Слишком немного знаем мы о Владимире той поры, чтобы до конца объяснить себе его выбор. Наверное, он не любил

Ярополка, как, впрочем, и Ярополк не любил его. Может быть, завидовал брату, обласканному еще с детства и теперь блиставшему в роли полноправного киевского князя на отцовском престоле. В событиях войны 978 года мы увидим присущее Владимиру желание опередить Ярополка даже в малом, унизить и уязвить его, отобрать то, что принадлежало ему по праву. Мы увидим Владимира жестоким и мстительным, не прощающим нанесенной ему обиды. Наверное, начиная войну за Киев, он жаждал сторицею воздать за те унижения, которые сам пережил в этом городе.

И все же Ярополк был братом ему. И, объявляя войну брату, Владимир преступал закон и обычай — как прежде преступил закон и обычай сам Ярополк. Одно зло влечет за собой другое — увы, неизбежный закон истории. Но Ярополк, вступая в Древлянскую землю, вовсе не желал убивать своего брата. Владимир же, вероятно, с самого начала замышлял братоубийство.

Ход войны 978 года может быть восстановлен лишь приблизительно, путем сравнения различных сохранившихся письменных источников. Многое мы знаем не наверняка. Отдельные свидетельства поздних летописей, казалось бы, могут прояснить картину — но мы не знаем, насколько они достоверны; каждое такое свидетельство требует тщательной источниковедческой проверки, большей частью до сих пор не произведенной. Что же касается «Повести временных лет», то она сосредоточивает свое внимание только на некоторых эпизодах происходивших событий.

Разъяснений прежде всего требует датировка войны между Владимиром и Ярополком. «Повесть временных лет», а вслед за ней и все другие летописные своды, относят ее к 6488 (980) году. Однако эта дата неверна. В нашем распоряжении есть другой источник — «Память и похвала князю Русскому Владимиру», написанная неким Иаковом мнихом (то есть монахом), вероятно, в XI веке. В ее составе читается текст, который исследователи называют «древнейшим житием» князя Владимира. Составитель «древнейшего жития», в свою очередь, использовал какую-то древнюю, не дошедшую до нашего времени летопись, более древнюю, чем «Повесть временных лет», — эта летопись, в частности, еще не знала «абсолютных» хронологических дат «от сотворения мира» и датировала происходящие события годами княжения того или иного князя. Использовались в «древнейшем житии» Владимира и другие, также несохранившиеся источники. Из одного из

них была извлечена точная дата вокняжения Владимира в Киеве — 11 июня 6486 (978) года [17]. Учитывая относительность датировок ранних статей «Повести временных лет» и глубокую древность того источника, которым пользовался составитель «древнейшего жития», ученые признают дату «Памяти и похвалы» Иакова мниха более достоверной, нежели летописную. Эта дата находит косвенное подтверждение и в расчетах так называемого «перечня княжений», помещенного в начальной части «Повести временных лет» перед погодными летописными статьями, а также в приведенных летописцем подсчетах возраста сына Владимира князя Ярослава [18].

Итак, примем, что война между братьями началась либо в конце 977-го, либо в начале 978 года.

Началась же она довольно вяло. Вновь, как и несколько лет назад, Ярополк промедлил с самого начала. Он не решился выступить против брата сразу после получения известия об объявлении войны. Никоновская летопись так объясняет медлительность киевского князя: услыхав слова Владимира, Ярополк «смутился и начал собирать множество воинов, ибо и сам он был весьма храбр. И сказал ему воевода его Блуд: «Отнюдь не может противостоять тебе твой меньший брат Владимир — как не может синица против орла воевать. Не смущайся боязнью и не утруждай себя собиранием воинов». Говорил же так Блуд господину своему с лукавством, ибо был прельщен и обласкан Владимиром».

Несколько по-иному передают слова обласканного Владимиром Блуда более поздние летописцы:

«Княже, для чего хочешь войско утруждать? — будто бы говорил он Ярополку. — Ведь я совершенно знаю, что Владимир в своих войсках любви не имеет и, как сын рабыни, укоряем. И когда увидят тебя войска его, все без боя тебе предадутся. Поэтому нет тебе нужды против него выступать» [19].

О роли Блуда, ближайшего после отстранения Свенельда воеводы Ярополка, речь еще впереди. Как я полагаю, позднейшие летописцы несколько забегали вперед и торопили события: тайные переговоры с Блудом Владимир начнет позднее.

Но и в самом деле Ярополк «смущался», то есть опасался выступать против своего брата. Ведь он сам был виновником начавшейся войны; новое столкновение могло упрочить за ним славу братоубийцы и законопреступника. Ярополк не был уверен в своей правоте — и эта его неуверенность передавалась киевлянам. Вероятно, он старался миром ула-

дить ссору. Но промедление, в конечном счете, погубило его. Позднее, когда Владимир обступит Киев, Ярополку придется бежать из города, не чувствуя поддержки со стороны горожан. Ибо бездействующий князь, не способный защитить своих подданных, терял в их глазах достоинство истинного князя.

В столкновениях за власть обычно побеждает тот, кто решительнее, смелее, но нередко еще и тот, кто беспринципнее, безжалостнее, кто в меньшей степени подвержен эмоциям и легче может преступить нравственные запреты, мешающие достижению намеченной цели. Вначале и Ярополк, и Владимир равно боялись друг друга. Но Владимир первым решился на военные действия и получил неоспоримые преимущества нападающего над обороняющимся. Может быть, сказалось присутствие рядом с ним Добрыни — безусловно, преданного ему и, безусловно, талантливого и решительного человека. Ярополку, наверное, не хватило Свенельда с его решительностью и жестокостью, с его способностью выпутаться из самого сложного положения. Ни окружающие его люди, ни сам Ярополк, как показали дальнейшие события, истинным полководческим даром не обладали.

По-видимому, было еще одно обстоятельство, которое Ярополку приходилось принимать во внимание. Автор Иоакимовской летописи, рассказывая о ходе войны, замечает: «Ярополк был нелюбим людьми, поскольку дал христианам великую волю» [20]. Мы уже говорили о покровительстве христианам со стороны киевского князя, о его возможных колебаниях в сторону христианизации Руси. Князь был человеком просвещенным, но видимое потакание одним своим подданным, в ущерб интересам других (коих было, конечно, больше), едва ли нравилось киевлянам. Усилению напряженности в отношениях между христианами и язычниками могло способствовать и отстранение от власти Свенельда, признанного вождя «языческой партии». Так что предположение, высказанное автором Иоакимовской летописи, оказывается и на этот раз вполне правдоподобным.

Ярополк, конечно, должен был что-то предпринять. Однако действия его первоначально носили не военный, а чисто дипломатический характер. Нам известно об одном его шаге — попытке заключения военного союза с князем Рогволодом, княжившим в Полоцке. (Этот город, главный в земле полочан, или западных кривичей, лежал на реке Полоте, у впадения ее в Западную Двину.)

По словам летописца, Рогволод «пришел из-за моря»; он был независим ни от Киева, ни от Новгорода, по крайней мере, со времен Святослава. Полоцкий князь — заключи с

ним союз Ярополк — надежно бы защищал Киевскую землю с северо-запада; его владения располагались между Киевом и Новгородом. К тому же Полоцк, возможно, связывали союзнические отношения с Туровом на Припяти, центром самостоятельной тогда Туровской земли. По легенде, сохраненной «Повестью временных лет», первый князь Турова — Туры — также пришел «из-за моря» (может быть, с Рогволодом?)*. Туровская земля непосредственно граничила с Киевской.

У Рогволода была красавица дочь по имени Рогнеда. Союз Киева с Полоцком намеревались скрепить браком Ярополка с Рогнедой. (То, что Ярополк уже был женат, конечно, не мешало этому — у знатных русов, тем более у князей, было в обычае иметь не по одной, а по нескольку жен.) Женщина, а тем более девушка, пользовалась в древней Руси гораздо большей свободой, нежели в последующие века нашей истории. Рогволод любил свою дочь, прислушивался к ее желаниям и старался не неволить ее. Рогнеда же была согласна идти за Ярополка, да и Киев, видимо, манил ее. Казалось, ничто не мешало установлению прочного династического союза двух княжеств.

Однако Владимир сумел вновь опередить своего брата и расстроить его замыслы, хотя первоначально попытка Владимира перехватить инициативу у Ярополка и, в свою очередь, вступить в союз с Рогволодом окончилась позорной и унизительной неудачей.

«...Послал [Владимир] к Рогволоду в Полоцк, — рассказывает об этом «Повесть временных лет», — с такими словами: «Хочу дщерь твою поять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же отвечала: «Не хочу розуть робичича, но Ярополка хочу». («Розуть» — то есть вступить в брак: по обычаю, невеста разувала своего супруга, тем самым признавая его власть над собой.) «И вернулись отроки Владимировы, и поведали ему всю речь Рогнедину» [21].

Итак, это был отказ, означавший не только личный выбор гордой княжны, но и политический выбор ее отца, полоцкого князя. Прозвучал же этот отказ вызывающе-оскорбительно для Владимира. Назвав новгородского князя «робичичем» (сыном рабыни), Рогнеда как нельзя больно уязвила его. Это была пощечина, снеся которую, Владимир превращался бы в посмешище для всех. Ведь слова княжны стали известны и

* В некоторых поздних летописях Туры назван братом Рогволода (см. прим. 24).

в Новгороде, и в Киеве. (Владимир «укоряем людьми своими как сын рабынин», — по словам позднейших летописцев, говорили про него в Киеве.)

Одобрял ли Рогволод откровенно оскорбительный тон своей дочери? И не сделал ли он ошибку в том, что слова Рогнеды были услышаны людьми Владимира? Последний вопрос, конечно, риторический, ибо мы хорошо знаем, чем завершился конфликт между Полоцком и Новгородом.

Владимир сумел даже из унижения извлечь для себя очевидную выгоду — как политическую, так и военную. И вновь большая часть заслуги в этом принадлежала его дяде. Добрыня счел себя оскорбленным в той же мере, что и племянник. Ведь унижалась честь его сестры, матери Владимира Малуши. Владимир «пожалился» дяде своему, читаем мы в летописи, и «исполнился ярости» Добрыня.

Ко времени переговоров с Полоцком Новгород в основном уже подготовился к войне. «Исполчилась» княжеская дружина, к набранным «за морем» варягам присоединились новгородцы и жители подвластных или союзных Новгороду земель. И Добрыня, по-прежнему остававшийся наставником и руководителем своего племянника, решился на немедленное возмездие. Обиду надлежало смыть кровью самих обидчиков. «И пришел Владимир к Полоцку, и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его поял себе в жены», — кратко сообщается в «Повести временных лет».

Более обстоятельный рассказ содержит Лаврентьевская летопись, в которой под 1128 годом записано предание о полоцких князьях. Главную роль в событиях, разыгравшихся в Полоцке, этот рассказ отводит Добрыне. Именно он, охваченный яростью, повелевает войскам двинуться на Полоцк. «Идоша на Полоцк, — продолжает летописец, — и победили (Добрыня и Владимир. — *А. К.*) Рогволода. Рогволод же вбежал в город. И приступили к городу, и взяли город» [22]. Об осаде города и о сражении, «учинившемся» «на поле» пред градом, сообщает и В. Н. Татищев, использовавший не дошедшие до нашего времени летописные своды (Лаврентьевскую летопись Татищев не знал).

Мощный и хорошо укрепленный город* пал на удивление

---

* Сага о Тидреке Бернском так описывает укрепления Полоцка: «Была там крепкая каменная стена, большие башни и широкие и глубокие рвы, а в городе было великое войско для его защиты». Впрочем, это вполне стандартное описание укрепленного европейского города, вероятно, не имеет отношения к историческому Полоцку [23].

быстро. Внезапность нападения и натиск варягов принесли Владимиру победу — первую (если не считать бескровного овладения Новгородом) в длинной цепи его военных успехов.

Участь правящей в Полоцке династии была ужасной. Рогволода, его жену и сыновей* убили. Но прежде чем это сделать, Добрыня в отместку за нанесенное ему оскорбление решил унизить и обесчестить их. «И поносил Добрыня Рогволода и дочь его, и нарек ее робичицей, и повелел Владимиру быть с нею пред отцом и матерью». И, следуя совету всегдашнего своего наставника, Владимир силою овладел Рогнедой на глазах ее родителей. «И нарек он имя ей — Горислава».

Не случайно это злодеяние Владимира сохранилось в народном предании. Оно раскрывает перед нами характер Владимира той поры — жестокого и мстительного человека, не прощавшего обиды или оскорбления: ведь не безвольным же исполнителем чужой воли был он в самом деле! И ни жалость, ни сострадание не пробудились тогда в нем.

То, что погиб Рогволод, конечно, не было чем-то из ряда вон выходящим. «Дивно ли, если муж пал на войне? Так умирали лучшие из предков наших», — воскликнет сто лет спустя тезка и потомок Владимира Святого Владимир Мономах. Правда, Рогволода убили не на поле брани, а безоружным, захваченным в плен — что ж, и это было в обычае того времени. Гибель ни в чем не повинных сыновей Рогволода могла бы показаться преступлением христианину Мономаху. Но для язычника она была объяснима: здравый смысл не позволял оставлять в живых сыновей убитого князя, способных впоследствии отомстить убийце. Дочь же (или жена) убитого князя, по обычаю, доставалась победителю как неотъемлемая часть добычи — так что и в принудительной женитьбе Владимира на Рогнеде проявилось лишь право сильного, не более того. Но сама причина войны, пожалуй, выходила за рамки обычного порядка вещей, да и степень жестокости Владимира и Добрыни вряд ли соответствовала тяжести нанесенной им обиды. Обесчестить дочь на глазах родителей и лишь затем хладнокровно умертвить их — это уже изощренное злодейство, и значило оно для того времени примерно то же, что и для нынешнего.

---

* Холмогорская летопись называет имя одного из сыновей Рогволода — Давыд [24].

Так кровью и слезами завершилось сватовство Владимира. Так неизменно, в различных записях русских былин, будет завершаться и сватовство былинного князя Владимира, в образе которого, как мы увидим, воплотились многие черты реального Владимира Святославича. О том, насколько впечаталась в память потомков полоцкая кровавая свадьба, свидетельствует тот факт, что даже в церковно-историческое сочинение — так называемую особую редакцию Жития святого Владимира, в повествование о крещении князя и о взятии им греческого города Корсуни (центральный эпизод всего Жития Крестителя Руси) — вошел вымышленный рассказ о том, как Владимир сначала заслал сватов к корсунскому князю, а затем, разгневанный отказом, обесчестил корсунскую княжну на глазах князя и княгини [25].

О горькой судьбе несчастной Рогнеды мы еще будем говорить на страницах книги. Теперь же вернемся к событиям войны между Владимиром и Ярополком, составляющей главное содержание настоящей главы.

Итак, Полоцк был взят, Полоцкое княжество упразднено, а его земли отошли Владимиру. Это резко изменило соотношение сил в борьбе между братьями. Полочане пополнили ряды новгородско-варяжской дружины. У Владимира появилась хорошая возможность для наступления на Киев. Ярополк же лишился столь необходимого ему союзника. Больше того, удача явно отвернулась от него, улыбнувшись Владимиру. В глазах людей того времени это обстоятельство, само по себе, свидетельствовало о бесперспективности его положения.

И тем не менее только теперь Ярополк, кажется, решается на активные военные действия. По свидетельству поздних летописей, он отправляет войско в землю кривичей, намереваясь не допустить Владимира к Киеву. Но было уже поздно.

На реке Друче (современная Друть), в трех днях пути от Смоленска, войска сошлись. Произошла битва, в которой дружина Ярополка потерпела поражение. «Добрыня с Владимиром победили полки Ярополковы не силою, не храбростью, но предательством воевод Ярополковых», — сообщает Иоакимовская летопись, вообще склонная приукрашивать Ярополка и осуждающая Владимира. В этой же летописи приведена любопытная подробность, еще больше снижающая образ Владимира: еще до битвы, услыхав лишь о приближении войск Ярополка, Владимир якобы «убоялся» и хотел бежать в Новгород — «но дядя его Добрыня... удержал Вла-

димира; и отправил с дарами в полки Ярополковы, к воеводам, водя их к Владимиру» [26].

Было или нет сражение на Друче, достоверно мы не знаем*. Древнейшие летописи о нем умалчивают. Известно лишь, что весной или в начале лета 978 года войска Владимира и Добрыни подступили к Киеву.

Подавленный неблагоприятным для него стечением обстоятельств, Ярополк опять не решился выступить против брата и затворился в городе. Началась осада, всегда гнетуще действующая на осажденных — ибо бездействие, помноженное на видимую взору силу врага, порождает безысходность и отчаяние.

Как долго продолжалась осада, мы точно не знаем. Какое-то время, конечно, понадобилось хотя бы для того, чтобы Владимир с войсками «обрывся» (то есть укрепился, окопался) на Дорогожиче, «между Дорогожичами и Капичем». «И есть ров тот и до сего дня», — замечает летописец [27].

Дорогожичи — пригород Киева, к северо-западу от самого города, несколько выше по течению Днепра. Сюда сходились пути, шедшие из Чернигова и ближних к Киеву крепостей — Белгорода и Вышгорода. Так что, надо думать, Владимир приблизился к Киеву естественным для него днепровским путем. И позднее, уже во времена удельной Руси, именно у Дорогожича останавливались князья, искавшие «златого» киевского стола. Тут часто случались сражения. «Кровью политой» называл летописец здешнюю землю. «Капичь» же — капище, языческое святилище, располагавшееся уже близ самой киевской крепости.

Киев был хорошо укреплен. Сам город возвышался на Старокиевской горе, господствующей над округой. Надо заметить, что древнейшая киевская крепость имела незначительные размеры, занимая лишь небольшой северо-западный угол будущего «города Владимира», примерно в 2 гектара. Все это облегчало защитникам города возможности обороняться. Вероятно, Ярополк заранее подготовился к осаде, и запасы, необходимые для поддержания жизни, в городе име-

---

* Рассказ о битве на Друче читается в Иоакимовской летописи. Учитывая, что летопись эта, возможно, была создана на Смоленщине (В. Н. Татищев получил список летописи из Бизюкова монастыря, находившегося в пределах тогдашней Смоленской губернии), можно допустить, что рассказ представляет собой отголосок каких-то смоленских преданий. Впрочем, поводом к созданию легенды могло стать и название реки Друча; корень здесь тот же, что и в слове «удручать» — то есть огорчать, избивать, наказывать.

лись. Но, как мы помним, длительную осаду, без поддержки извне, киевляне едва ли могли выдержать. А на поддержку извне надеяться не приходилось. Союзников у Ярополка уже не было.

Владимиру и Добрыне оставалось терпеливо ждать, пока ресурсы защитников города не истощатся и люди не начнут изнемогать от голода и жажды. Но ждать они не захотели. Существовал другой, более рискованный, но зато и более действенный путь овладения городом. Еще до того, как новгородско-варяжские дружины подступили к Киеву, может быть, вскоре после захвата Полоцка, к воеводам Ярополка были направлены тайные лазутчики с предложением перейти на сторону Владимира. На посулы и обещания не скупились. Главная ставка была сделана на воеводу Блуда. Ярополку он был, вероятно, «в место отца» — то есть в детские годы исполнял при нем роль кормильца и наставника. Впоследствии Блуд был оттеснен Свенельдом. Затем вновь возвысился, но обиду на князя, наверное, затаил. Это ли принимал во внимание многоопытный Добрыня, или знал о корыстолюбии и тщеславии старого воеводы? Или же (на что намекает Иоакимовская летопись) рассчитывал на неприязненное отношение Блуда к христианским пристрастиям своего князя? Последнее, думаю, менее вероятно: Блуд в равной степени отстранялся и от Ярополка, и от киевлян. Но вот до золота, а главное, до почестей и славы оказался охоч. Понимал он, наверное, и тщетность борьбы с варяжской дружиной Владимира и, как это часто бывает, воспользовался случаем ловко переметнуться на сторону сильного. «Поприяй мне!» (то есть «будь мне приятелем, другом»), — передавали Блуду слова Владимира. «Если убью брата своего, то хочу иметь тебя вместо отца. И многую честь от меня примешь». Расчет оказался безошибочно верным. «Буду тебе в сердце и в приязни» (то есть «в любви и в дружбе с тобою»), — отвечал Блуд князю Владимиру.

Каким был выбор других воевод Ярополка, мы не знаем. Можно догадываться, что и среди них оказались те, кто поддался на лесть и уговоры Владимира и Добрыни. Летопись называет имя лишь одного человека, до конца оставшегося верным своему князю. Это нѣкий Варяжко, ближний дружинник Ярополка. (Его имя, между прочим, свидетельствует о том, что варягов было немного в окружении киевского князя: иначе это этническое обозначение не смогло бы стать личным именем одного из дружинников.) Варяжко, видимо, догадывался об измене, но сделать ничего не смог. Ярополк доверял Блуду куда больше, чем ему. Обычная причуда истории. Голос

разума редко бывает услышан; преданность и верность оказываются невостребованными. Тот же, кто думает лишь о себе и в любую минуту готов переметнуться к врагу, торжествует. «О злая лесть человеческая!» — воскликнем и мы вслед за летописцем.

Итак, Блуд затворился в Киеве вместе с Ярополком. Он стал действовать осторожно, исподволь, но в то же время достаточно уверенно. И вскоре выяснилось, что Ярополк всецело полагается на него. Изменник оказался во главе защитников города.

Блуд постоянно пересылался с Владимиром, ставя его в известность обо всем, что происходило в Киеве. Он же давал советы Владимиру, как ему надлежит действовать, призывал пойти на приступ, обещая свою помощь. Владимир с Добрыней, однако, не решились на это. И оказались правы: Ярополк сам шел к ним в руки.

Блуд искал удобный случай убить князя. Но сделать это в самом Киеве было затруднительно. Ярополк оставался законным киевским князем. Его постоянно окружала дружина, в большинстве своем лично преданная ему. И Блуд сумел добиться того, что Ярополк покинул Киев. По рассказу «Повести временных лет», воевода проявил завидную изворотливость и, по существу, открыл князю измену, заговор, во главе которого стоял сам. «Кияне ссылаются с Владимиром, — убеждал Блуд вконец растерявшегося князя. — Велят ему: «Приступай к городу, предадим тебе Ярополка». И Ярополк поверил. Может быть, он и вправду знал что-то о тайных переговорах, только не знал, кто же на самом деле предал его. А может быть, другая сторона происходящего открылась ему благодаря словам Блуда. Владимир открыто заявлял, что борется не с киевлянами, но с Ярополком — братоубийцей и законопреступником. («Не я начал войну, но он. Я же, убоявшись его, выступил против», — говорил он, обращаясь к Блуду, а значит, и к киевлянам.) И эта его ложь (впрочем, в том-то и дело, что не вполне ложь) не пропадала даром, сказывалась на настроениях киевлян. Продолжение осады, неизбежным следствием которой должен был стать голод, грозило возмущением людей против Ярополка. Биться и умирать за него они уже не хотели. Мы знаем, что в критические минуты вече могло взять на себя власть в городе и объявить князю, намеревается ли город и дальше поддерживать его. Так что, наверное, не один лишь обман Блуда подталкивал Ярополка к бегству. Да и не все получилось так, как хотел Блуд. Во всяком случае, в руки Владимира Ярополк тогда не попал.

Он бежал в город Родню (или Родень), старую славянскую крепость в устье реки Рось, правого притока Днепра. Бросил Киев, бросил беременную жену. Дружина (и, конечно, неотступный Блуд) последовала за ним.

Выбор Родни как укрытия кажется необъяснимым. Само название этого города — происходящее от имени славянского божества Рода — свидетельствует о том, что здесь был старый языческий культовый центр полянской земли. Что же мог искать здесь Ярополк, чьи симпатии к христианству известны? Или он поспешил поменять свои взгляды и поискать защиты и покровительства у языческих богов? Это, конечно, можно было сделать и в Киеве. Возможно, Ярополк оказался в Родне случайно, внезапно застигнутый на пути своими преследователями. В таком случае, куда намеревался бежать несчастный князь? За Родней простирались уже чужие земли — ниже по Днепру, за порогами, начиналась страна печенегов. Может быть, он спешил укрыться у греков, договор с которыми заключил несколько лет назад? Не думаю. Более вероятным кажется мне другое предположение. Киевский князь направлялся к печенегам, с которыми также был связан договором. О том, что такая вероятность существовала, свидетельствует «Повесть временных лет». В конце родненской осады Варяжко прямо призывал Ярополка: «Беги, княже, в Печенежскую землю. Приведешь воев оттуда». Но достичь Печенегии Ярополку было не суждено [28].

Иаков мних называет точную дату вокняжения Владимира в Киеве — 11 июня 978 года. Оставшиеся без Ярополка киевляне сами отворили город и встретили Владимира как своего князя, с поклоном. Исполнилась его мечта. Владимир сел на столе своего отца и деда. Но война еще не была завершена.

Владимир осадил Родню. Он подошел к городу со всем своим войском, подавляя волю к сопротивлению немногочисленных защитников Ярополка. Через некоторое время в городе начался жестокий голод. Это не означает, что осада слишком затянулась. Просто Родня, в отличие от Киева, не была подготовлена к длительной войне; запасов, достаточных для князя и его дружины, в городе не хватило. О событиях в Родне рассказывает поговорка, известная на Руси и позднее: «Есть притча и до сего дня, — свидетельствует летописец XI века, — «Беда аки в Родне». Впрочем, вероятно, это лишь часть «притчи», не раскрывающая ее подлинный смысл. «Беда аки в Родне: брат брата убил», — наверное, так точнее звучала пословица [29], обыгрывая название города, в котором произошла трагедия («Ро́дня» это ведь еще и «родня́»).

О том, как завершилась война между братьями, «Повесть временных лет» рассказывает так: «Сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам не перебороть их. Заключай мир с братом своим». Говорил же так Блуд, обманывая князя. И согласился с ним Ярополк: «Так будет». И послал Блуд к Владимиру: «Сбылась-де мечта твоя. Веду к тебе Ярополка. Приготовься убить его».

Вновь летописец винит во всем Блуда, приписывая именно ему совет убить Ярополка. Но решение о судьбе брата должен был принимать сам Владимир. И здесь ни Добрыня, ни тем более Блуд не были указчиками ему.

И Владимир решился. Услыхав слова Блуда, Владимир собрал в Киеве, в своем дворце, ближнюю дружину. Сюда же было велено прийти Ярополку. Участь его была уже решена.

Наверное, Владимир дал через Блуда какие-то гарантии своему брату. Это было в порядке вещей. Иначе князь не пришел бы к нему. И Блуд вновь обращается к Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты ни дашь мне, все я приму». Ярополка пытается спасти Варяжко: «Не ходи, княже! — умоляет он. — Убьют тебя. Побеги к печенегам, приведешь воинов их». Но не послушался его Ярополк.

Сопровождаемый своей дружиной, он возвратился из Родни в Киев. И вот теремной двор его отца и, еще совсем недавно, его собственный. Мощные каменные стены внизу (верхняя часть дворца была деревянной), богатое убранство... Как недавно он покинул его. Сюда желал он ввести Рогнеду. Здесь принимал иноземных послов, отсюда диктовал свою волю своим подданным, вел переговоры с самим Владимиром. Сколь внезапно изменилось все. И теперь Ярополк явился пленником, послушным воле брата и ждущим его приговора о дальнейшей своей судьбе. Догадывался ли он, что его ждет? Этого мы не знаем — но если слово, обещавшее жизнь, было Владимиром произнесено, то Ярополк, конечно, надеялся на него.

И вот — развязка. Когда Ярополк вступил в двери, ведущие в покои Владимира, двое варягов, стоявших в дверях, подняли его «под пазуху» на мечи. Блуд же, неотступно следовавший за князем, проворно затворил двери, не дав ворваться внутрь людям Ярополка. Так погиб Ярополк. Владимир, наверное, увидел уже бездыханное тело. Все кончилось без его личного участия. Его собственные руки не обагрились кровью.

Большинство дружинников Ярополка безропотно перешли на сторону Владимира. Смерть князя освобождала их от каких-либо обязательств. Варяжке же удалось бежать из Киева к печенегам, к которым он безуспешно звал Ярополка. «И много воевал с Владимиром, водя печенегов», — прибавляет летопись. Лишь впоследствии с немалым трудом сумел Владимир привлечь его на свою сторону.

Мы много рассуждаем о любви к Отечеству, о преданности родной земле героев нашего повествования. Нет, в X веке служили не Родине, но князю. Ни Владимир, ни писавшие позднее летописцы не обвинили Варяжко в предательстве, когда он обратился за помощью к злейшим врагам Руси. Напротив, Варяжко остался в русской летописи примером беззаветной преданности своему князю, образцом для подражания, а не для осуждения.

Как сложилась судьба изменника Блуда, мы достоверно не знаем. Согласно новгородской летописной традиции, Блуд был «дядькой» и воеводой у князя Ярослава Новгородского. Он, в частности, возглавлял его войска в несчастливой для Ярослава битве с польским князем Болеславом Великим на Буге в 1018 году и стал главным виновником поражения. «И убили тут Блуда воеводу», — читаем, например, в Софийской Первой летописи [30].

Если доверять этому сообщению, то надо признать, что Владимир отчасти выполнил свои обещания, сделав Блуда «кормильцем» одного из своих старших сыновей. Но в «Повести временных лет» место Блуда занимает совсем другой воевода — некий Буды, и вряд ли это имя — результат описки летописца. Скорее, наоборот, позднейший книжник заменил непонятное ему имя Буды на хорошо известное и ставшее едва ли не нарицательным имя Блуд.

Совсем другое известие о Блуде читаем в «Истории» В. Н. Татищева:

«Блуд же, изменник Ярополков, принял от Владимира великую честь и возносился три дня». Но затем Владимир повелел убить его, произнеся якобы следующее: «Я, по обещанию своему, воздал тебе почести как приятелю своему. Теперь же сужу тебя как изменника и убийцу господина своего» [31].

Но достоверность этого известия также вызывает большие сомнения.

Так с помощью подкупа и обмана и благодаря братоубийству Владимир стал киевским князем, единолично восприняв наследие своего отца. Можно с уверенностью сказать, что

если бы он умер спустя несколько лет после своего вокняжения в Киеве, то остался бы навсегда в народной памяти лишь клятвопреступником и злодеем. Ибо все, что он сделал на пути к власти, выходило за рамки обычного даже применительно к его жестокому веку. Надругательство над невестой и целая череда убийств, прямое предательство, а затем и клятвопреступление. Но последнее его злодеяние перевешивало остальные. Владимир вошел в русскую историю как первый известный нам *сознательный братоубийца*. Ведь в отличие от самого Ярополка, тоже ставшего виновником смерти брата, он убил своего брата намеренно, расчетливо, тщательно подготовив свое преступление.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КИЕВ. ЯЗЫЧНИК

11 июня 978 года Владимир сел на княжение в Киеве. Ему было приблизительно шестнадцать лет — возраст юноши, но не мужа. На киевском же престоле Владимир просидел непрерывно тридцать семь лет — дольше, чем другие русские князья, время княжения которых достоверно известно. Именно здесь, в Киеве, окончательно выработался его характер; здесь он стал тем Владимиром, которого мы знаем, — выдающимся государственным деятелем, реформатором, преобразователем, защитником и радетелем родной державы, а не одним только насильником над нею.

Надо сказать, что реформаторская деятельность Владимира отнюдь не сводится к введению им христианства в качестве государственной религии. По крайней мере девять из тридцати семи лет киевского княжения Владимир оставался убежденным язычником. Но уже в это время он обнаруживает себя с новой стороны, в нем проявляются качества, которых мы ранее не имели возможности увидеть. Жестокость и решительность и в дальнейшем будут отличать его. Но наряду с ними мы увидим его милосердие и нищелюбие, способность понять и простить другого, прислушаться к чужому совету, даже если тот идет вразрез с его первоначальными намерениями. В истории крайне редко встречаются одномерные, выкрашенные в один цвет характеры. И Владимир не являл собой исключения.

К сожалению, древнейшие источники не сохранили нам описания внешности князя Владимира, не рассказали о том, какое впечатление производил он на окружавших его людей. Но зато сохранились многочисленные, хотя и схематические, изображения князя — на монетах его времени, «златниках» и

Рис. — изображение князя Владимира на сребренике III типа. Лицевая сторона.

«сребрениках». Таких монет известно около двухсот (один вид «златников» и четыре вида «сребреников»), многие сохранились не в одном экземпляре. Владимир изображен на их лицевой стороне, в обрамлении надписи: «Владимир на столе», «А се его сребро» или: «А се его злато». На реверсе — изображение Христа или родовой княжеский знак Владимира.

С монет на нас глядит довольно худое, удлиненное лицо, с резко обозначенными скулами. Черты лица, насколько их можно угадать, утонченные, «византийские». Длинный прямой нос, выделенный подбородок, большие глаза, дугообразные брови. Длинные усы — такие носил и его отец Святослав, похожие мы увидим на раннем изображении сына Владимира Ярослава Мудрого. Бороды нет, щеки и подбородок выбриты — что, опять же, напоминает известное описание внешности князя Святослава Игоревича. В целом, можно сказать, — красивое мужское лицо. Владимир на монетах не стар, но и не юн — все монеты относятся к более позднему, «христианскому» периоду его биографии [1].

Конечно, изображения на древнерусских монетах очень условны, схематичны. Для резчика главным было обозначить княжескую принадлежность этих монет, поэтому его усилия были сосредоточены, по-видимому, не столько на изображении внешности самого князя, сколько на тщательной прорисовке княжеского знака. На разных монетах Владимир выглядит по-разному. И все же, несомненно, монеты отражают какие-то реальные черты; именно они дают нам преимущественное право судить о внешности Владимира.

Совсем по-другому выглядит князь на миниатюрах древнерусских рукописей. В первую очередь я говорю о миниатюрах знаменитой Радзивиловской летописи (эта летопись датируется XV веком, но рисунки выполнены по гораздо более ранним оригиналам), а также Сильвестровского сборника XIV века [2]. Здесь у Владимира лицо широкое, круглое, нос, что называется, «картошкой», окладистая борода. Еще позднее сложится канонический иконописный образ святого князя — густые седые волосы, спокойный и мудрый взгляд, правильное, скорее полное, чем худое, лицо, внушительная длинная борода. Таким предстает Владимир перед нами — своими далекими потомками. Но едва ли эти изображения близки к действительности...

Мы же вернемся к Владимиру настоящему — Владимиру киевского времени, язычнику и братоубийце, пока еще юноше, силой оружия оказавшемуся на «златом» киевском престоле.

Овладев Киевом незаконным и преступным путем, открыто поправ отцовское завещание, Владимир столкнулся с немалыми трудностями. Прежде всего ему предстояло упрочить и узаконить свою власть, обрести опору и поддержку среди новых подданных. И первой, самой острой проблемой неожиданно стала для него варяжская. Что делать с нанятыми им варягами, оказавшимися теперь не просто ненужными, но и опасными для него самого? Правители, пришедшие к власти силой оружия, всегда находятся в известной зависимости от тех, на чье оружие они вынуждены опереться. Владимир был обязан победой иноземцам. Теперь те требовали для себя законной и, наверное, заранее оговоренной награды. Как правило, расплачиваться приходилось городу, завоеванному победителями.

«Се град наш, — объявили согласно «Повести временных лет» варяги Владимиру. — Хотим выкуп с горожан взять — по две гривны от человека».

Размер выкупа велик, но, в общем-то, вполне реален: спустя несколько десятилетий новгородцы, нанимая тех же варягов для войны со Святополком Окаянным, будут собирать «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр 18 гривен». Но и такая дань с истощенных осадой киевлян грозила разорением городу. Владимир должен был либо ублажить наемников и вконец рассориться с горожанами, либо защитить киевлян и каким-то образом избавить их от варягов. Он избрал второе.

«Сказал Владимир варягам: «Пождите с месяц, пока люди не соберут куны». Приближалась осень — время жатвы, и отговорка Владимира выглядела вполне уместной. Варяги согласились на отсрочку. Но со стороны Владимира это был сознательный обман. «Ждаша с месяц», и «не вдасть им» Владимир ничего. Взамен князь сумел прельстить варягов заманчивой перспективой обогащения в далекой Византии. Он обещал им «указать» туда путь, снабдить проводниками и, вероятно, припасами, а также сослаться по их поводу с византийскими императорами. Предполагалось, что в Византии варяги либо наймутся на службу к василевсам, всегда нуждавшимся в воинах, либо силой добудут себе такие богатства, которых в Киеве просто не было. Возможно, варягам была предложена еще одна «служба», которую те должны были напоследок «сослужить» князю.

Но не все из военачальников варяжского воинства были обмануты киевским князем. Некоторые, напротив, стали его сообщниками. Вероятно, на это и был расчет. В Константинополь же Владимир действительно отправил посольство, но

совсем с другими словами, нежели те, что были обещаны его прежним союзникам.

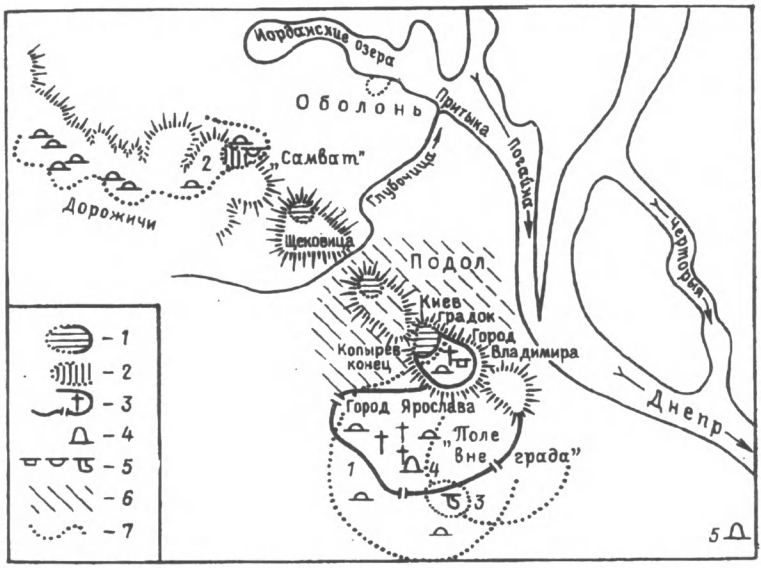
«И сказали варяги: «Сольстил ты нам (то есть обманул нас. — *А. К.*). Покажи нам путь в Греки!» И ответил Владимир: «Идите». И избрал среди них мужей добрых, смысленых и храбрых, и раздал им грады. Прочие же отправились в Царьград, в Греки. И послал Владимир пред ними послов, так говоря царю: «Вот идут к тебе варяги. Не моги их держать в граде, не то сотворят тебе зло — такое же, как и здесь. Но расточи их по разным местам, сюда же не пускай ни единого» [3].

Какое зло сотворили варяги на Руси, понятно. Но не сами же по себе! Владимир переменяется внезапно — он, сам приведший варягов в Киев и развязавший братоубийственную войну, вдруг обвиняет во всем происшедшем собственных наемников, а сам нарочито отстраняется от них. Это был удивительный по изворотливости и дальновидности политический ход. Киев избавлялся от присутствия чужаков, Владимир — от сильного и не вполне подчинявшегося ему лично войска, которому к тому же был обязан собственным возвышением. Наконец, уцелел международный престиж Киевского государства, ибо Владимир отводил от себя возможные обвинения в убийстве законного киевского князя, официально признанного Византией.

«Смысленые» же мужи становились теперь воеводами Владимира и его наместниками в городах и землях Руси. Нам известно, правда, имя лишь одного такого наместника, причем вовсе не из числа пришлых варягов. Это все тот же Добрыня, дядя Владимира, посаженный править Новгородом. Добрыня и позже будет участвовать в важнейших военных походах своего племянника в качестве воеводы и первого советчика. Но постоянная опека с его стороны, видимо, начинала утомлять Владимира.

Выбор наместников и посадников имел существенное значение для укрепления власти киевского князя. В подвластные ему земли Владимир направлял людей, не связанных родственными или иными узами с местным населением. Эти люди были преданы ему лично — практика, которая станет обычной для многих поколений правителей Русского государства. Иноземцы служат князю, а не стране — и тем надежнее для князя их служба.

И все же рассказ об избавлении Киева от варягов ясен не до конца. В летописи этот рассказ несет на себе черты фольклорного сказания, сказки: в нем прославляется хитрость Владимира, сумевшего обмануть корыстолюбивых чуже-



Киев в VI—XI вв. (Из книги: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.)

земцев. Но в то же время речь идет о вполне конкретном и весьма важном политическом шаге — посольстве в Византию, переговорах с Константинополем и оказании военной помощи Империи путем отправки туда воинов-варягов.

О переговорах Владимира с византийскими императорами и о прибытии в Империю военного контингента из Руси сообщают и иностранные источники. Но они датируют эти переговоры более поздним временем — 986—987 годами — и связывают их с крещением русского князя. Об обстоятельствах и последствиях русско-византийских переговоров мы будем говорить позже. Сейчас же замечу, что в летописном повествовании о варягах, по-видимому, соединились устные предания о мудрости Владимира в первое время его пребывания в Киеве и об освобождении города от уплаты варяжской дани, с одной стороны, и устные же припоминания об отправке русско-варяжской дружины в Константинополь — с другой. События же эти вряд ли были одновременными. Характерна ошибка, допущенная летописцем при упоминании «царя» греков. С 976 года, после смерти Иоанна Цимисхия, в Византии правили братья-соправители Василий и Константин, сыновья Романа II. Русские источники в тех

случаях, когда они сообщают о реальных контактах Руси с греками, называют их обоих и говорят о «царях», а не о «царе».

Вероятно, к первым годам киевского княжения Владимира относятся его мероприятия по укреплению и украшению города — как в военном, фортификационном, так и в политическом и культурном отношениях. В отличие от своего отца Владимир всегда считал Киев центром и средоточием своей державы и всячески заботился о его процветании.

Так, он занялся возведением новых укреплений («детинца»)*, чтобы защитить разросшийся более чем за век город. Линия укреплений «города Владимира» проходила к югу от древнейшего «городка Кия», вдоль склонов днепровских круч, и спускалась к киевскому Подолу — уже тогда оживленному торговому и ремесленному предместью. Она охватывала территорию примерно в 10 гектаров. Укрепления в основном состояли из мощных земляных валов, высота которых достигала шести метров, а ширина — девяти метров и более**, а также глубокого рва перед ними. (Следов какой бы то ни было каменной кладки внутри этих земляных валов археологи не обнаруживают.) Наверху вала, вероятно, находился деревянный частокол. В самих валах были устроены несколько ворот, особенным образом укрепленных. Археологи открыли остатки главных, въездных ворот «города Владимира», позднее получивших название «Софийских», или «Батыевых» [4].

Еще большее значение для укрепления власти киевского князя имела религиозная реформа, превратившая Киев в главный культовый центр всей Русской земли. Как рассказывает летопись, вскоре после вокняжения князь установил на киевском холме, близ своего теремного двора, изображения шести языческих богов — языческий пантеон, своего рода храм под открытым небом.

«И начал Владимир княжить один в Киеве, и поставил кумиров на холме вне двора теремного: Перуна деревянного (а глава сребряна, а ус злат), и Хорса, Дажьбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху (то есть совершали жертвоприношения. — *А. К.*) им, нарицая их богами, и приводили сынов своих и дочерей, и приносили жертвы бесам, и осквернялись землю требами*** своими. И осквернилась кровьми земля Русская и холм тот...» [5].

---

* Название «детинец» происходит от древнерусского слова «детьскыи» — младшие дружинники князя.

** Участок вала в северной части Старокиевской горы (на территории Исторического музея) сохранился до настоящего времени.

*** Требы — языческие обряды.

О языческой реформе Владимира написано чрезвычайно много. И все же подлинный ее смысл ясен не до конца. Так, историки совершенно по-разному, иногда прямо противоположно объясняют выбор Владимиром тех или иных божеств. И в самом деле — некоторых чтимых славянских богов (Велеса, Сварога, Рода) Владимир вовсе не выставил возле своего терема, а некоторые из тех, что были выставлены, кажется, не слишком почитались в древней Руси.

Главное божество в пантеоне Владимира — Перун. И это вполне понятно. Перун — дружинный, княжеский бог. Это бог грозы и молнии, разящий, карающий, бог оружия и войны. Его именем клялись воины Олега, Игоря и Святослава, заключая мир с греками. Русы-язычники противопоставляли Перуна христианскому Богу. Но при этом культ Перуна вовсе не был общеславянским. Более всего, помимо Руси, его чтили в Прибалтике, среди балтийских славян и балтов (предков литовцев), которые приносили Перуну (Перкунасу) кровавые, нередко человеческие жертвы. Наверное, немало поклонников Перуна — Перкунаса было среди пришедших с Владимиром варягов.

Владимир изобразил Перуна подобным человеку. Его туловище было сделано из дерева (очевидно, дуба), голова — из серебра, усы — из золота. Вспомним, что длинный ус являлся на Руси своего рода признаком княжеского достоинства. Перун и выглядел как князь — только небесный, а не земной. Более поздняя украинская Густынская летопись (XVII век) дополняет описание «Перунова кумира»: ноги у него были железные, глаза — из драгоценных каменьев. В руке Перун держал каменное подобие стрелы, усыпанное яхонтами. Перед главным из киевских божеств непрерывно горел огонь, который поддерживали жрецы [6]. Вид Перуна должен был внушать страх и трепет.

Из других божеств Владимирова пантеона наиболее известны Дажьбог и Стрибог. Дажьбог (или Даждьбог) — это бог солнца и света, даруемого солнцем, бог — податель всех благ. В отличие от Перуна это милующий бог. Русские князья считали его своим предком, «дедом»: «Даждьбожьими внуками» называет всех русских князей автор «Слова о полку Игореве». Стрибог же — повелитель и родоначальник ветров («Стрибожьих внуков», по образному выражению того же «Слова о полку...»), бог воздушной стихии, сеющей иногда не только жизнь, но и смерть.

Остальные три божества менее понятны. Их нередко считают неславянскими по происхождению. Но в полной мере

это относится лишь к двум — Хорсу и Симарглу. Это божества иранского мира, пришедшие в Киев с юга — либо еще в древние времена от скифов или сарматов, либо от более поздних аланов (ясов), хазар или торков. Хорс (персидское Xurset) — солнце, божество солнечного диска. (В таком смысле, помимо летописи, его знает еще и «Слово о полку Игореве» [7].) Хорс не относился к числу наиболее чтимых на Руси божеств. Его и позднее считали явно чужим для Руси, противопоставляя «еллинского старца» Перуна «Хорсу жидовину» (так в одном из списков древнерусского апокрифа «Беседа трех святителей»). Но в пантеоне Владимира Хорс стоит на почетном втором месте, сразу за Перуном. Вероятно, это объясняется особой связью, существовавшей в русском язычестве между князьями и их покровителем — Солнцем. Вспомним, что «Солнцем» («Солнышком», «Красным Солнышком») былины величают киевского князя Владимира. Князь правит своей землей, объезжая ее и надзирая за нею — так же и солнце, ежедневно передвигаясь по небесному своду, властвует над небом. Потому князь — воплощение солнца на земле, а солнце — воплощение князя на небе. Надо сказать, что и позднее, уже в христианской традиции, солнце нередко олицетворялось в образе «мужа», увенчанного венцом. Изображения такого мужа можно увидеть на миниатюрах древнерусских рукописей [8]. Но вот вопрос, почему не славянское, но иранское божество было избрано Владимиром для олицетворения верховного небесного светила, остается неразгаданным до сих пор.

Не менее загадочен Симаргл (Семаргл), непонятный уже для переписчиков «Повести временных лет». По всей видимости, он родствен иранскому демону Симургу (или Сэнмурву), являвшемуся, по некоторым представлениям, покровителем семян и ростков, всходов. Это божество также небесное, ибо оно покровительствует движению вверх, к небу. Иранские мифы изображали Сэнмурва в виде крылатого пса или некой фантастической птицы [9]. О существовании культа Симаргла на Руси из других источников ничего не известно. Уже вскоре после реформы Владимира о нем забыли. Позднейшие переписчики и истолкователи летописного текста, как правило, не понимали смысла этого имени и передавали его как два разных слова — «Сим» и «Регл» (или «Ергл»).

Единственное женское божество в пантеоне Владимира — Мокошь. До недавнего времени ее преимущественно считали божеством финно-угорского мира. Но основание для такого суждения — созвучие имени Мокоши с самоназва-

нием одной из двух этнических групп мордвы (мокша) — кажется недостаточным. В последнее время утвердилось иное мнение — о славянских корнях Мокоши [10]. И это мнение более основательно. Имя Мокоши сохранилось в русских диалектах (как название некоего домашнего женского божества), в топонимике (в том числе и западнославянской); знают Мокошь и другие памятники древнерусской письменности, помимо «Повести временных лет». Вероятно, имя Мокошь происходит от чисто славянского «мокнути», «мокрый». Это — богиня плодородия, а также орошающей землю живительной влаги.

Все эти боги, собранные Владимиром вместе, — «высшие», или «верхние» божества, так или иначе связанные с небом. Они олицетворяют все небесные стихии — благодатный солнечный свет и тепло, дуновение ветра, разящие гром и молнию, живительную небесную влагу. И над всем этим вышним миром властвует бог богов Перун.

Так на киевском холме возникает как бы второе небо, являющееся точным отражением или, лучше сказать, повторением подлинного божественного Неба.

Историки давно оценили, по крайней мере, одну сторону реформы Владимира. Перун, бывший ранее покровителем лишь князя и его дружины, превращался в верховное государственное божество, поклонение которому становилось обязательным для всех [11]. Но это влекло за собой существенные изменения в языческом мировоззрении славян.

Язычество, как известно, по своей сути не является государственной религией, но религией племенного общества, основанного главным образом на кровно-родственных отношениях. Поклонение силам природы делает каждый род и каждое племя, каждую семью самостоятельными в большинстве своих религиозных проявлений. Реформа Владимира ломала эту самодостаточность, приближала внутренний мир славянина к миру князя и княжеской власти, более того — прямо вовлекала в него. Киевлянин поднимался на княжеский холм, к господствовавшему над ним идолу Перуна, приносил ему жертву, участвовал в обрядовом пиршестве — тризне, приводил с собою своих сыновей и дочерей. Проливалась жертвенная кровь животных, а порой — мы будем еще говорить об этом — и человеческая кровь. Княжеский бог принимал на себя жертву, приносимую человеком, — и тем самым приобщал его к себе.

Подобные идолы Перуна воздвигались не только в Киеве, но и в других городах Руси, где появлялись наместники

Владимира. Определенно мы знаем об этом относительно Новгорода.

Новгородского Перуна поставил Добрыня, ставший новгородским посадником. В отличие от Киева идол стоял вне града, на старом капище ильменских славян в урочище Перынь, находившемся у самого истока Волхова из Ильменя, на небольшом плоском холме, превращавшемся во время половодья в остров. Деревянный идол возвышался в середине круглой площадки (ее диаметр археологи определили в 21 метр), обрамленной неглубоким рвом с восемью ячейками («лепестками») по сторонам света. В каждой из них горел костер. Вблизи Перуна располагались идолы других языческих богов, также окруженные кольцевыми рвами [12].

Немецкий дипломат и путешественник XVII века Адам Олеарий, побывавший в Новгороде и познакомившийся с новгородскими преданиями, так передавал одно из них — об облике древнего идола:

«Божество это имело вид человека с кремнем в руке, похожим на громовую стрелу или луч. В знак поклонения этому божеству содержали неугасимый ни днем, ни ночью огонь, раскладываемый из дубового леса. И если служитель при этом огне по нерадению допускал огню потухнуть, то наказывался смертью» [13].

Еще и в XVII веке приезжим показывали в Новгороде так называемые «перуновы палицы» — якобы точные копии той грозной палицы, которую держал в своих руках новгородский Перун.

Языческая реформа Владимира в наибольшей степени повлияла на мировоззрение киевлян. Но торжественные жертвоприношения, наверное, совершались возле языческих идолов во всех русских городах. Учреждение единого государственного культа связывало между собой отдельные части государства — причем узами, которые обещали стать более прочными, нежели обычные узы военного подчинения.

В то же время реформа Владимира — с присущими ей начатками единобожия (ибо культ Перуна в какой-то мере можно рассматривать как шаг к единобожию) [14], с упорядочением взаимоотношений и более или менее строгой иерархичностью среди языческих богов — несомненно, означала упадок самого славянского язычества. Ведь язычество в принципе не приемлет упорядоченности и иерархии. Для него весь мир, в том числе и человек внутри этого мира, изначально един и нерасчленим на соподчиняющиеся друг другу струк-

туры. Это обстоятельство, между прочим, отчасти объяснит нам тот факт, что пантеон Владимира просуществует всего лишь десять лет и будет разрушен самим Владимиром, избравшим себе иную веру.

О языческом пантеоне князя Владимира мы знаем не только со слов летописца. Уже в наши дни, в 1975 году, киевскими археологами было обнаружено и исследовано языческое святилище, находившееся в непосредственной близости от теремного дворца киевских князей. Особенности этого святилища (его местонахождение, конфигурация, время разрушения) позволили прийти к однозначному выводу: найденный памятник — тот самый «Перунов холм», о котором рассказывает летопись под 980 годом.

В плане капище представляет собой прямоугольник, вытянутый строго с севера на юг. Ширина его — 1,75 метра, длина — 7 метров. С севера, юга и востока имеются шесть округленных симметричных выступов — «лепестков», представляющих собой остатки постаментов шести божествам. Два больших достигали в диаметре 2 метров, четыре меньших — 1 метра. Примерно в метре к югу от святилища обнаружен так называемый зольник — чашеобразное углубление диаметром около 3 метров, заполненное чередующимися слоями угля, пепла и пережженной глины. Здесь находилось огромное кострище. Огонь горел непрерывно; время от времени жрецы выравнивали жертвенное место, обсыпая его глиной. Найденные в золе кости свидетельствуют о том, что в жертву приносили главным образом быков, а также свиней, птиц и рыб. Животных закалывали невдалеке, затем мясо тщательно разделывалось, отдельные куски бросали в огонь, а часть туши съедали на ритуальных пиршествах. Руководил священнодейством, наряду со жрецами-волхвами, сам князь.

В жертвеннике найден и боевой топорик — символ грозного Перуна. Им, наверное, убивали животных. Вблизи святилища обнаружены остатки и других кострищ. Внимание археологов привлекла также небольшая округлая яма. По кругу и в середине ее некогда были воткнуты 12 колышков (от них остались, конечно, только следы-вмятины). Здесь, наверное, происходили ритуальные гадания, сопутствовавшие языческому богослужению. Святилище действительно располагалось на крутом, высоком холме — естественном или, может быть, насыпанном по велению князя [15].

Возможно, Владимир установил в Киеве еще один идол, изображавший славянского бога Велеса. Но стоял он не на княжеской Горе, а внизу, на Подоле. (О существовании этого идола сообщают древнерусские Жития князя Владимира,

однако когда и кем он был установлен, — неизвестно [16].) Отсутствие столь чтимого на Руси бога в пантеоне Владимира порой приводило историков в недоумение. Однако оно объяснимо: Велес (или, по-другому, Волос) был божеством «нижнего» мира. Летопись именует его «скотьим богом», то есть богом богатства («скот», по-древнерусски, означает «деньги», «богатство»). Более поздние славянские обряды свидетельствуют о том, что Велеса почитали также как бога земледелия: «Волосу» «завивали» бороду во время жатвы в благодарность за дарованный урожай. Поэтому ему не было места рядом с «вышними», небесными божествами на «Перуновом холме». Он и оказался внизу. Велес противостоял Перуну — как противостояли эти враждующие друг с другом боги в мифологии славян.

Ко времени утверждения в Киеве Владимир, как мы знаем, был убежденным язычником, неприязненно относившимся к христианской вере. Полагают, что и Киевом он овладел на гребне борьбы язычества с христианством, используя настроения киевлян, недовольных чрезмерными прохристианскими пристрастиями Ярополка. Мы даже предположили, что в ходе борьбы братьев и, может быть, не без участия Владимира в Киеве погибли какие-то миссионеры-немцы. (См. об этом в предыдущей главе.)

В языческой реформе Владимира также нетрудно заметить ярко выраженную антихристианскую направленность. Археологические данные, кажется, подтверждают это. Дело в том, что при исследовании капища Владимира выяснилось, что для засыпки фундаментных рвов — оснований языческих идолов — использовали, в частности, обломки плинфы (древнерусского кирпича) и шифера. По-видимому, это остатки какого-то разрушенного каменного сооружения середины X века. Среди строительного материала встречается и штукатурка со следами фресковой живописи — типа той, какая применялась для украшения христианских церквей. Следовательно, можно предположить, что в основание языческих божеств легли обломки некоего раннехристианского киевского храма, причем разрушенного намеренно — либо Святославом, либо Владимиром [17]. Первое предположение кажется менее вероятным: Святослав после второй балканской войны так и не добрался до Киева, и его антихристианские намерения (если таковые имелись) не успели реализоваться. Владимир же одолел своего брата в ходе кровопролитной войны, в которой, возможно, пали многие из христиан — союзников Ярополка. Церковь, несомненно, казалась ему враждебной силой.

Но если это так, если действительно Владимир намеренно

разрушил христианский храм, то использование его обломков при возведении языческого святилища должно было иметь глубокий символический смысл. Христианство не просто подавлялось Владимиром, но заменялось организованным языческим культом, прямо противостоявшим христианскому. Так, позднее на местах разрушенных языческих капищ Владимир будет возводить христианские церкви, чтобы возвеличить и возблагодарить нового Бога, сменившего обветшавшие идолы.

И все же не одно желание искоренить христианскую веру двигало Владимиром. У него, несомненно, имелись свои, личные причины для религиозного рвения. Вспомним еще раз, что он захватил Киев в результате братоубийства и клятвопреступления. Гибель брата — такого же князя, как он сам, — чудовищным клеймом ложилась на него. Владимир был лишь одним из Святославичей (причем прежде всего *Святославичем*, и только потом *Владимиром*). И все те бедствия, которые преследовали «семя Святославово», самым непосредственным образом отражались на нем. Судьба, казалось, благоволила Владимиру по ходу войны с братом. Но итогом войны стала гибель брата — благо для Владимира-убийцы, Владимира-властолюбца и хищника престола, но трагедия для Святославова рода, для Владимира-князя. И не это ли значило, что рок отворачивался от него, что та сверхъестественная, магическая сила, которой он обладал как прирожденный князь, начинала покидать его?

Создание капища было еще и попыткой умилостивить богов, вернуть себе их благорасположение. И не только. Владимир обновлял старые божества — и вместе с ними обновлялся он сам. Покровительствуемый обновленным, украшенным и приобретшим невиданную власть Перуном, Владимир становился как бы иным, новым — уже не тем Владимиром, который совсем недавно взошел в Киев, пролив кровь брата.

Реформа имела еще одно последствие, о котором, впрочем, сам Владимир едва ли когда-нибудь догадывался. Насильно вторгшись в мир языческих божеств, выставив их для всеобщего поклонения у самого своего терема и подчинив своему богу, Владимир заступил ту незримую грань, которая отделяла князя от подвластного ему населения. В мироощущении человека древней Руси князь всегда стоял где-то рядом — но вне, над ним самим, на некой недосягаемой высоте. Теперь же общий для всех культ единого верховного божества в какой-то степени уравновешивал каждого — ибо делал всех одинаково подвластными ему. Реформа Владимира — высшая

точка в развитии русского язычества, его апогей. Но в то же время — и его надлом, нарушение общих закономерностей языческого мировоззрения. Наверное, можно сказать и так: языческая реформа князя Владимира — даже при ее антихристианской направленности (а может быть, и благодаря этой антихристианской направленности) — оказалась шагом на том пути, который в конце концов привел Владимира к принятию христианства.

О языческих пристрастиях Владимира свидетельствуют не только водруженные им идолы, но и его ставшие знаменитыми пиры. Эти пиры воспеты в летописях, а также в многочисленных былинах, действие которых обычно начинается со «столованья», «почестна пира» у киевского князя «Красна Солнышка» Владимира. Летописи, правда, рассказывают исключительно о пирах Владимира-христианина. Но корни княжеских пиров — языческие.

Совместная трапеза, и прежде всего принятие в пищу мяса жертвенного животного, — это обряд, идущий из глубокой древности. Он имел ритуальный, магический смысл, объединяя и даже породняя участников пиршества между собой, а всех их вместе — с тем божеством, которому приносилась жертва. Со временем связь пира с жертвоприношением стиралась, но не исчезала вовсе — не случайно, наверное, гридница Владимира, в которой он пировал с дружиной, соседствовала с «Перуновым холмом».

Конечно, княжеские пиры устраивали и до, и после Владимира. Но никогда они не получали такого значения, как при этом князе. Свидетельством тому — глубокая народная память, сохранившаяся в народных сказаниях, «старинах».

При Владимире пиры превращаются в своеобразный княжеский совет, прообраз будущей боярской думы. На них «думают» об «устроении земли», о войнах и мирах, вершат суд и расправу. Сюда, к «крылечку переному», приходят «мужики да все киевляне» со своими жалобами и обидами, с просьбами рассудить их, здесь узнают о новостях, происшествиях как в Киеве, так и в других, отдаленных землях, принимают богатырей на княжескую службу. Здесь, наконец, князь чествует свою дружину.

Как и его отец Святослав, Владимир был подлинным «дружинным» князем. Он лелеял и оберегал свою «чадь», стараясь не отказывать ей ни в чем. «Серебром и златом дружины не налезти (то есть не добыть, не найти. — *А. К.*), а с дружиною добуду себе и серебра, и злата, как добыли дед

мой и отец мой!» — так, по преданию, отвечал князь Владимир, услыхав ропот дружины, недовольной тем, что случилось на трапезе им есть деревянными ложками, а не серебряными. И повелел, не медля, исковать серебряные «ложицы» для дружины своей [18].

Но в то же время именно при Владимире княжеские пиры перестают быть чисто дружинными, замкнутыми. Круг их участников значительно расширяется. Согласно летописи, на пир званы «бояре, и гриди (дружинники. — *А. К.*), и сотские, и десятские, и нарочитые мужи»; в другом месте: «бояре, и посадники, старейшины по всем градам» и вообще «люди многи». Вторят летописи и былины, называя в числе приглашенных «князей да бояр», «могучих богатырей», но также и «купцов торговых» и даже «мужиков деревенских» (состав участников пиров, разумеется, зависел от того, в какой социальной среде исполнялась былина). Констатируя этот факт, обычно говорят о «демократизме» Владимира. Точнее, наверное, было бы сказать по-другому: Владимир придавал своим пирам (как и всему языческому ритуалу) всеобщий, государственный характер, включал их в систему государственного управления страной. А именно при князе Владимире — мы еще убедимся в этом — начинается процесс слияния двух основных ветвей государственной власти — княжеской и общинно-родовой, основанной на славянском самоуправлении. Потому-то все эти «сотские», «десятские» и вообще «старцы», «старейшины» становятся участниками Владимировых устроений наряду с представителями княжеской власти — боярами и дружиной.

Но, помимо прочего, пиры — это всегда еще и трапеза в самом простом, обыденном смысле этого слова: вкусная, обильная еда и питье, «веселие» и раздолье. «Не скоро ели предки наши», как выразился Александр Сергеевич Пушкин. А было что поесть и чего выпить. Столы ломились от яств. «И множество мяс бывало, — свидетельствовал летописец, — и от скотины (говядины), и от зверины (дичи), и всего в изобилии». Меды варили сотнями бочек, да впрок, с запасом — так что упиваться случалось всей дружине. И хлебов не жалели, и рыбы «драгоценной», и «овоща разноличного», и вообще «всякого ухищрения рук человеческих». «Перцу же выходила колода без князя, а с князем три колоды на неделю, а в колоде — восемь бочек», — так, с поистине эпическим преувеличением, описывал Владимировы пиры переяславльский книжник XV века [19].

Пожелала дружина — и «исковали» ей серебряные ложки, да и пили, наверное, из серебряных чаш, и разливали сереб-

ряными ковшами. И буйства, и удали молодецкой, и хмельного веселья довольно было на этих пирах. Гудцы наигрывали, да скоморохи веселили князя и его сотрапезников, а шутки все больше нескромные, срамные.

Владимир, без сомнения, любил вкусно поесть и сладко попить. И не зря позднейшему книжнику казалось, будто князь самолично способен был поглотить яств да приправ вдвое больше, чем вся остальная дружина. «Руси есть веселие пити, не можем без того быти» — так складно скажет князь позже, но скажет именно о своих пирах и подразумевая в первую очередь самого себя. Да и вообще, плотские, телесные наслаждения — будь то еда, питье или любовная утеха — играли в жизни Владимира далеко не последнюю роль.

Так, Владимир был непомерно сластолюбив. Познав женщину очень рано — лет в пятнадцать-шестнадцать, — он, по словам летописца, был «побежден похотью женскою» и сделался «несыт блуда».

Язычник, он имел пять законных, или, как говорили в древней Руси, «водимых» жен, но сверх того — еще и сотни наложниц в своих загородных резиденциях: «300 в Вышгороде, да 300 в Белгороде, да 200 на Берестовом, в сельце». Но и наложницы не могли удовлетворить необузданного в своих желаниях князя. «Ненасытен был в блуде, приводя к себе замужних жен и девиц растлевая» — так с осуждением писал о Владимире летописец XI века [20].

Эта «ненасытность» князя — отнюдь не вымысел позднейшего автора-христианина, стремившегося подчеркнуть греховность Владимира-язычника и противопоставить ей высоту его христианского подвига, как иногда полагают. Если летописец и преувеличивал, сравнивая Владимира с библейским царем Соломоном, имевшим, по преданию, до 700 жен и до 300 наложниц, то преувеличивал в цифрах, а не по сути. О чрезмерном распутстве Владимира свидетельствуют и другие источники, помимо «Повести временных лет», в том числе и иностранные — например, «Хроника» младшего современника Владимира Титмара, епископа Мерзебургского. Титмар, в частности, пишет не только о сластолюбии Владимира, но и о тех изнурительных средствах, которыми князь, уже после крещения, пытался обуздать свою неукротимую плоть.

Надо думать, что подобное «женолюбие» князя подвергалось осуждению лишь христианской моралью. Мужская сила язычника Владимира должна была почитаться проявлением присущей ему княжеской силы вообще, особой, сверхъестественной мощи. Она не только не роняла достоинства князя в глазах современников, но, наоборот, возвышала его. Уди-

вительно, например, но до нас не дошло ни малейших намеков на ропот недовольства насилиями Владимира со стороны киевских «мужей», жены которых якобы попадали на княжеское ложе. Видимо, ропота и не было.

Те из наложниц князя, которые приносили ему здоровых полноценных сыновей, становились «водимыми» супругами. Таковых, повторюсь, было пять, не считая гречанку Анну, с которой Владимир соединился христианским браком в 989 году.

Первой, как мы уже говорили, следует считать либо Рогнеду, либо некую чешку (автор Иоакимовской летописи считал ее скандинавкой), родившую князю первенца Вышеслава.

Насильно взятая в жены Рогнеда родила четырех сыновей: Изяслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода (в некоторых более поздних летописях вместо Мстислава назван Вышеслав), а также двух дочерей, одной из которых была знаменитая в будущем Предслава*. Кто из сыновей Рогнеды был старше, кто младше, не вполне ясно. «Повесть временных лет» называет первым Изяслава, Ярослав же следует третьим или четвертым в общем списке сыновей Владимира. Но, с другой стороны, в той же «Повести...», в рассказе о смерти Ярослава Мудрого в 1054 году, указан его возраст, исходя из которого князь должен был родиться в 6486 (978) году [21]. Историки с недоверием относятся к этой дате, видя в ней тенденциозное стремление летописца утвердить задним числом «старейшинство» Ярослава среди Владимировичей [22].

Умерла Рогнеда в 1000-м или в самом начале 1001 года. Ее судьба, даже и после замужества, была удивительной, можно сказать, исключительной для древней Руси. Видимо, Владимир с годами не охладел к ней, но продолжал страстно любить. Он и поселил ее отдельно, не в Киеве, а в пригородном сельце Предславино, на речке Лыбедь. (Название этого сельца, наверное, связано с именем дочери Рогнеды.)

Сохранилось красивое предание о Рогнединой мести Владимиру. Оно записано в Лаврентьевской летописи, в рассказе о полоцких князьях под 1128 годом. Содержание его следующее. После того как Владимир взял себе новых жен, Рогнеда вознегодовала на своего супруга и решила его погубить. Однажды, когда Владимир пришел к ней в опочивальню и остался с нею, Рогнеда взяла в руку нож и занесла его над

---

* Польский хронист XV века Ян Длугош, рассказывая о сестрах князя Ярослава, попавших в плен к Болеславу Польскому, называет наряду с Предславой некую Мстиславу (может быть, также дочь Рогнеды?).

спящим князем. Может быть, никогда Владимир не был так близок к смерти, как в эту минуту. Но внезапно ему случилось проснуться. Он перехватил руку княгини и отнял нож. И сказала Рогнеда князю: «Опечалена я, ибо отца моего ты убил и землю его полонил меня ради, а ныне уже не любишь меня с младенцем моим». И указала на спящего тут же младенца Изяслава. Владимир повелел княгине нарядиться во все убранство, как в день свадьбы ее, и сесть на постели в горнице, чтобы, вернувшись, казнить ее. Сам же вышел. И вот, сделав все так, как повелел ей Владимир, Рогнеда разбудила Изяслава и вручила ему обнаженный меч, и научила, что сказать, когда вернется отец. И когда вошел Владимир в горницу, встал сын против него с мечом в руке и произнес так: «Отче! или ты думаешь, что один здесь?» И отвечал Владимир: «Кто бы думал, что ты здесь?» И опустил меч свой, и вышел. И созвал Владимир бояр своих, и рассказал о том, что случилось. Сказали бояре ему: «Не убивай жены своей, княже, ради дитя своего, но отдай ей вместе с сыном отчину ее». Владимир построил город в отчине Рогнединой, и назвал его Изяславлем — по имени сына, и отдал им обоим. «С той поры, — заключает летописец, — поднимают меч Рогволожьи внуки против Ярославлих внуков» [23].

Противопоставление кажется странным: ведь и Ярослав был сыном Рогнеды и, следовательно, внуком Рогволода. Но легенда имеет отношение скорее к Изяславу и Изяславичам, чем к Рогнеде. Ибо именно Изяслав, поднявший руку на родителя, был осужден Владимиром и «выделен», то есть изгнан из своего рода. Отныне он перестанет считаться наследником своего отца — но лишь наследником своего деда по матери. А значит, имя «Рогволожьего внука» будет принадлежать ему одному. (Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что сыновья самого Изяслава, умершего рано, не будут принимать участия в борьбе за Киев после смерти Владимира [24].) Изяслав принял на себя преступление матери, даже усугубил его, но тем самым спас ей жизнь.

Но сколь живо и ярко предстает пред нами в этом предании образ гордой и своенравной Рогнеды — поруганной, растоптанной, но все же несломленной, пылающей жаждой отмщения, смешанной с ревностью и обидой. Удивительно — она ненавидит своего супруга, но в то же время, ненавидя, ревнует его и требует любви к ней одной! О, женщины — вечная загадка для историка.

Когда произошла эта драма? Судя по тому, что Изяслав находился при матери, ему было года три, не больше. Стало быть — еще в начале княжения Владимира, приблизительно

в 982—983 годах. Но если так, то Рогнеда вовсе не была оставлена Владимиром и продолжала пользоваться его благосклонностью и исполнять свой супружеский долг. Вряд ли она последовала за опальным сыном в его новый город. Вероятно, Владимир окончательно покинул Рогнеду лишь после своего крещения и женитьбы на Анне. (Хотя в самом ли деле окончательно? Трудно сказать.) Но мы еще вернемся к судьбе Рогнеды — когда будем говорить о крещении Владимира и о судьбе всего его языческого гарема.

Следующей женой Владимира стала «грекиня», вдова убитого им Ярополка, некогда поразившая своей красотой даже сурового Святослава. Бывшая монахиня досталась Владимиру в качестве военной добычи. Она была «непраздна», то есть ждала ребенка от Ярополка*. Но это не остановило убийцу ее мужа. И женщина, и дитя теперь принадлежали ему. Когда ребенок родился — а это оказался мальчик, — Владимир усыновил его. Новорожденного назвали Святополком. Впоследствии он станет убийцей своих братьев, Бориса, Глеба и Святослава, и под именем Святополка Окаянного навсегда войдет в русскую историю как ее главный злодей и преступник.

Летописец-христианин так рассуждал об изначальной греховной природе князя-убийцы: «От греховного кореня зол плод бывает: во-первых, потому что была мать его прежде черницею, а во-вторых, «залежал» ее Владимир не по браку, но как прелюбодеец. Потому-то и не любил Святополка Владимир, что был тот от двух отцов — от Ярополка и от Владимира» [26].

Но так можно было рассуждать, лишь примериваясь к браку с христианской точки зрения. В представлении же язычника отцом Святополка мог считаться только Владимир, и в этом смысле Святополк ничем не отличался от других его сыновей. Так что вряд ли Владимир испытывал какую-то особую неприязнь к пасынку — разве что в последние годы своей жизни, когда тот попытался восстать против него.

Позднее Владимир поимел еще двух жен — «другую чехиню» (в отличие от «первой», родившей ему Вышеслава) и болгарыню. От чехини родились два сына. «Повесть времен-

---

* Позднейшая Иоакимовская летопись называет имя княгини-гречанки — Предслава. Но имя это относится к числу других, явно вымышленных позднейшим писателем имен. Согласно польским источникам, Ярополк имел от своей супруги сына, родившегося еще до его смерти. Было ли это в действительности, и если было, то какова судьба княжича, мы не знаем [25].

ных лет» называет Святослава и еще одного Мстислава. Последнее имя — возможно, ошибка: в другом месте та же «Повесть...» называет в числе сыновей Владимира Станислава; согласно другим летописям он и был сыном «второй чехини». (Впрочем, может быть, Владимир имел среди своих сыновей и Станислава, и обоих Мстиславов — тогда число его сыновей следует увеличить до тринадцати [27].) Болгарыня же родила Владимиру Бориса и Глеба — будущих святых. (Автор Иоакимовской летописи называет матерью Святослава некую Мальфрид. Это имя (точнее, Малфредь) упоминается и в «Повести временных лет», под 1000 годом. Кем она была, неизвестно. Мать же Мстислава и Станислава (так!) имеет в Иоакимовской летописи имя Адиль, выбранное, по-видимому, совершенно произвольно.)

Всего Владимир имел двенадцать сыновей. Кто из его жен родил ему двух младших — Позвизда и Судислава, — мы не знаем*. Дочерей же у Владимира, наверное, было без счета. Нам известно по меньшей мере о девяти. (Столько сестер Ярослава Мудрого, по свидетельству Титмара Мерзебургского, попало в плен к Болеславу Польскому.) Одна из дочерей Владимира, Мария-Добронега (или Доброгнева), родилась, вероятно, уже от царевны Анны [29]. Киевские летописцы мало интересовались судьбами княжеских дочерей. Их было, наверное, много больше.

А сколько детей рождались мертвыми или умирали вскоре после рождения, не успев оставить свои имена в летописи? Так что число 20 — столько детей Владимира источники называют определенно (11 сыновей, исключая Святополка, и 9 дочерей) — следует, по крайней мере, удвоить. Остается только поражаться исключительной плодовитости этого человека!

Обилие сыновей составляло предмет гордости любого правителя. Сыновья — новые воплощения князя, проявление его силы и мужественности, продолжение его рода. Давая жизнь новому поколению, князь исполнял свой долг перед отцом и дедом, давшими жизнь ему самому. Но, сверх того, многочисленные сыновья делали князя сильнее чисто в политическом отношении. Владимир яснее, чем другие, прочувствовал это. По мере взросления сыновей он будет направлять

---

* В некоторых поздних летописях вместо Позвизда назван некий Василько. Автор Иоакимовской летописи, кажется, считал Позвизда и Судислава сыновьями Олега Древлянского, но это мнение произвольно [28].

их в различные отдаленные части своей земли — и тем самым будут распространяться его собственная власть и его собственное присутствие. Он как бы умножится, удесятерится. Новгород, Псков, Полоцк, Туров, Волынь, Ростов, Муром, Древлянская земля, Смоленск и даже далекая Тьмуторокань — все эти старые племенные центры, изначально чуждые Киеву, будут охвачены его властью — причем непосредственной, зримой.

Но для этого сыновья должны были хоть немного подрасти, по крайней мере, выйти из младенческого возраста. Главное же — самому Владимиру еще только предстояло утвердить свою власть над разрозненными частями Русской земли. Ведь после ухода Святослава на Дунай, а особенно после его смерти Русь распалась на отдельные земли, и далеко не все из них подчинялись Киеву. Так что мы явно забегаем вперед в своих рассуждениях о личности Владимира и о его политических дарованиях.

К концу 70-х годов X века власть киевского князя охватывала примерно половину территории прежней державы Игоря Старого. В первую очередь это была собственно Киевская область, удел Ярополка, включавший в себя земли полян и северян. Ярополку принадлежал и главный город Северской земли Чернигов, стоявший на Десне. После победы над Олегом киевскому князю отошла Древлянская область. Былое свободолюбие древлян со временем угасло. Происшедшую в Киеве «замятню» и троекратную смену собственных властителей они, кажется, пережили спокойно, не предприняв никаких видимых попыток отделиться от Киева. На какое-то время Ярополк подчинил себе Новгород, удел Владимира. Победив брата, Владимир, в свою очередь, получил возможность распоряжаться всеми подвластными ему землями. Естественно, за ним оставалась и Новгородская волость, включая земли тех племен, которые исторически тяготели к Новгороду, — чуди, мери и части кривичей.

Уже по ходу войны Владимир сумел значительно расширить свои владения за счет Полоцка и Полоцкой земли. Возможно, тогда же ему удалось подчинить себе земли дреговичей, живших вблизи обширных припятских болот. Центром их земли был Туров на Припяти. Легендарный Туры, пришедший, по преданию, как и полоцкий Рогволод, «из заморья», в летописи упоминается лишь однажды; о судьбе его мы ничего не знаем. (Если не связывать с его именем некую «Турову божницу» в Киеве.) В дальнейшем Туров

станет одним из основных областных центров государства Владимира.

Двигаясь к Киеву обычным водным путем, Владимир, как прежде его родич Олег Вещий, наверняка завладел и Смоленском, центром Кривичской земли. Но это было лишь начало нового объединения Руси.

Мы определенно знаем, что ко времени утверждения Владимира в Киеве вне власти киевского князя находились радимичи, жившие по реке Сожице (Соже), левому притоку Днепра, а также вятичи, расселившиеся на обширных пространствах в верховьях Оки и ее притоков. Эти два племени имели общие исторические судьбы. По преданию, их родоначальники, Радим и Вятко, были братьями и вместе пришли на Русь из Ляшской (то есть Польской) земли.

Значительно приблизились к Киеву западные рубежи государства. Земли бужан (или, позднее, волынян), дулебов, уличей, восточнославянских хорватов, ранее входившие в состав Руси, были утрачены киевскими князьями. Там же, на западе восточнославянского мира, видимо, севернее волынян, проживали загадочные лендзяне, которых еще император Константин Багрянородный называл данниками Игоря. После смерти Игоря власть Киева на них не распространялась.

Стоит ли говорить, что после гибели Святослава Киев утратил контроль и над своими южными колониями — Тьмутороканью и Белой Вежей.

Владимиру пришлось заново восстанавливать державу Рюриковичей. За первые восемь лет своего самостоятельного правления (978—985) Владимир совершил, по крайней мере, десять больших походов. Он воевал с полоцким князем Рогволодом, победоносно завершил войну с братом за Киев, дважды ходил на вятичей, завоевал Червенские города, отразил натиск печенегов, воевавших в союзе с Ярополковым воеводой Варяжко, покорил ятвягов, радимичей, вел войны с Волжской Болгарией и Хазарией. Уже вслед за этим последовали война с Византией, взятие Корсуни, присоединение восточнославянской Хорватии и военные действия в Трансильвании, война на севере, а также изнурительные войны с Польшей и печенегами. Владимир воевал даже чаще, чем его отец Святослав. Но в отличие от отца он не удалялся так далеко от дома. Все его помыслы были связаны с Киевом. Если нанести походы Владимира на карту в виде стрелок, то окажется, что они образуют почти правильный круг, центр которого приходится на Киев.

Пожалуй, Владимира нельзя назвать выдающимся полководцем. Он не раз бывал бит в отдельных сражениях. Он не

показывал чудеса храбрости на поле брани, подобно своему отцу. Но по-настоящему он, кажется, не проигрывал войн и в большинстве случаев достигал поставленной цели. Владимир предпочитал действовать скорее не как полководец, а как дипломат. Войны он начинал, как правило, тогда, когда успех мог прийти скорее всего, а его противник уже был ослаблен. В то же время, как мы увидим, случалось, что личная обида служила для него достаточной причиной для того, чтобы начать войну. Но даже в гневе Владимир не забывал о выгоде, которую сулил ему тот или иной шаг.

Большинство войн Владимира связаны либо с воссозданием отцовской и дедовской державы, либо с обеспечением экономических (прежде всего торговых) и политических интересов Руси. В отличие от отца Владимир выступал прежде всего защитником и радетелем Руси, а не завоевателем чужих земель. Наверное, именно поэтому он и остался в народной памяти не то чтобы любимым, но *обязательным* киевским князем, именно таким, которому, несмотря на присущие ему недостатки, берутся служить былинные богатыри, собирающиеся в Киев, ко двору «ласкового князя» «Красного Солнышка» Владимира.

Впрочем, обо всем по порядку.

Первый поход Владимира был обращен на запад, в земли волынян и дулебов, живших в верховьях Западного Буга и Стыри, а также по реке Сан, притоку Вислы. В древности эти земли именовали Червенскими — по их главному городу Червену. (Корень названия — тот же, что и в слове «червленый», то есть «красный»; позднее эта территория будет известна как Червонная Русь.)

Червенские города находились в сфере внимания киевских князей, по крайней мере, со времен Олега. Это объяснялось тем, что Червен, как и Перемышль в излучине Сана, служил перевалочным пунктом на важнейшем сухопутном торговом пути раннего Средневековья, пересекавшем почти весь Евразийский континент. Путь купцов вел из Центральной Европы через Краков, Прагу, Червенские города и Киев в Волжскую Болгарию и Хазарию, а оттуда в страны Ближнего и Среднего Востока. Русские князья уже давно овладели водной артерией «из Варяг в Греки»; контроль над значительной частью сухопутного трансконтинентального шляха «из Немец в Хазары» сулил не меньшие экономические выгоды.

По заветам отцов и дедов, этих выгод следовало добиваться мечом, с помощью верной дружины. Так рассуждал и

Владимир. Отправляясь на запад, он стремился возвратить себе достояние рода, твердо помня о дани, собираемой некогда его дедом.

Летопись сообщает о западном походе Владимира под 6489 (981) годом: «Иде Владимир к ляхам (полякам. — *А. К.*) и занял города их: Перемышль, Червен и иные грады, которые и до сего дня находятся под Русью» [30]. Последнее замечание принадлежит позднейшему редактору-переписчику. Основной же текст, кажется, близок по времени к последним годам княжения самого Владимира. Тем не менее в нем много неясного.

Нельзя, например, с уверенностью принимать летописную дату. Как мы помним, летопись датирует вокняжение Владимира 980 годом. На самом деле это произошло двумя годами раньше. Если предположить, что летописец распределял события по годам княжения Владимира — а это вообще было принято в древнейшем русском летописании, — то появляются основания для того, чтобы отнести поход к 979 году («второму лету» после его вступления в Киев) [31]. Конечно, это только предположение, и, строго говоря, возможна любая дата похода внутри временного промежутка с 978 по 981 год. Но 979 год выглядит, пожалуй, наиболее предпочтительным.

Не вполне ясно и другое: с кем в действительности воевал киевский князь? Дело в том, что, по общепринятому мнению, ни в 70-е, ни в 80-е годы X века Червенские города не принадлежали Польше. К Польскому государству они отошли лишь во втором десятилетии XI века, после успешной войны с Русью Болеслава Великого. Их государственная принадлежность в интересующее нас время остается спорной. Одни исследователи считают их не зависимыми ни от кого, другие полагают, что они были включены в состав Древнечешского государства. Последнее мнение находит косвенное подтверждение в источниках. Восточная граница Пражской епархии в X веке проходила, кажется, как раз по верховьям Буга и Стыри. Где-то здесь соприкасались земли Чехии и Руси согласно свидетельству еврейского автора X века Ибрагима Ибн Якуба. В это время Чешскому государству принадлежала так называемая Малая Польша, включая Краков. Вероятно, восточные рубежи Краковской земли захватывали и Волынь.

Это обстоятельство заставило ряд историков вообще отрицать факт войны между Русью и Польшей, считать ее позднейшим домыслом летописца [32]. Но можно ли так относиться к *прямому* свидетельству «Повести временных лет», источника, в этой части достаточно близкого к описываемым событиям? Едва ли [33].

Политическая ситуация в Центральной и Восточной Европе в 70-е годы X века была очень неустойчивой и запутанной, и границы государств менялись часто и весьма замысловато. Крупномасштабная европейская война, в которую с самого начала были втянуты Чехия и Польша, началась в 974 году, вскоре после смерти германского императора Оттона I и восшествия на престол его сына Оттона II. Мятеж против нового императора поднял герцог Генрих Баварский, которого поддерживали чешский князь Болеслав II Благочестивый, польский Мешко I и датский король Гаральд Синезубый. Военные действия продолжались до конца десятилетия и шли с переменным успехом. Отношения союзников между собой по ходу войны менялись. В конце лета — начале осени 977 года Оттону удалось наконец справиться с Болеславом Чешским; спустя полгода был заключен мир. Примерно в то же время происходит охлаждение отношений между Чехией и Польшей. В том же 977 году скончалась жена князя Мешка Добравка, сестра Болеслава Чешского. Союз двух славянских государств, стержнем которого и был брак Мешка с Добравкой, дал трещину. Вероятно, уже тогда начались поиски новой невесты для польского князя. (В конце концов, ее найдут в Германии.)

Не воспользовался ли Мешко неудачей своего бывшего шурина? И не тогда ли города Малой Польши (и в том числе, вероятно, Червенские грады) на какое-то время перешли под контроль Польши? В исторической литературе уже высказывалось такое предположение [34]. Во всяком случае, показания русской летописи как будто свидетельствуют именно о таком развитии событий.

Рассуждая о перипетиях политической истории древней Руси и других сопредельных с нею государств, мы, к сожалению, вынуждены опираться на слишком хрупкий фундамент гипотез и предположений. И если одно предположение подтверждает другое и делает возможным то или иное толкование непонятного и спорного источника, то это дает гипотезе право на существование — но не более того. Истина, увы, призрачна и зачастую неуловима.

Нас интересует не ход войны за германский престол, не столкновения между Германией, Чехией и Польшей сами по себе, но лишь та война, которую вел на западе князь Владимир. А результатом этой войны, очевидным и бесспорным, стало возвращение под власть Руси Волыни, то есть серьезное изменение политической ситуации на стыке Центральной и Восточной Европы, событие общеевропейского масштаба.

На мой взгляд, у нас есть основания предположить факт

военных действий Владимира как с Польшей, так и с Чехией. Первое предположение подтверждается самим летописным текстом [35]. В пользу второго свидетельствует хотя бы присутствие чехинь среди жен князя Владимира (хотя их появление могло иметь и другие причины). Но так или иначе, а действия Владимира, безусловно, оказываются вписаны в контекст общеевропейских событий конца 70-х — начала 80-х годов X века.

Судя по скупым и смутным свидетельствам немецких источников, осенью 979 года Оттон начал военный поход в Польшу [36]. Военные действия, однако, сложились не очень удачно для него. Ввиду начавшейся зимней непогоды и проливных дождей его войско повернуло назад. Вскоре был заключен мир между Германией и Польшей, скрепленный новой женитьбой князя Мешка — на немке Оде, дочери маркграфа Саксонской северной марки Дитриха (зима 979/80 года?).

Князь Владимир как нельзя лучше выбрал время для своего наступления на западе. Если мы принимаем предположение о том, что его поход состоялся в 979 году, то получается, что хронологически он точно совпал с польской кампанией Оттона.

Можно думать, что наступление Владимира было даже согласовано с германским императором. Во всяком случае, связи между Германией и Русью установились, по крайней мере, еще при князе Ярополке, и Владимир, придя в Киев, вряд ли поспешил разорвать их. И для Оттона, и для Владимира совместные действия против Польши были чрезвычайно выгодны. (Правда, мы предположили, что в самом начале княжения Владимира в Киеве были убиты некие немецкие миссионеры, направленные на Русь Оттоном. Но, во-первых, это остается лишь предположением, а во-вторых, Оттон II вовсе не был религиозным фанатиком и вполне мог закрыть глаза на случившееся, понимая значимость именно политической стороны союза с Киевом.)

Польский князь, занятый войной на своих западных рубежах, вероятно, не смог организовать отпор русскому войску. Возможно, восстановить свою власть над Червенскими городами попытались и чехи. Но Владимир оказался проворнее всех.

Так или иначе, но Европа признала его завоевания. С течением времени урегулировались отношения Руси с Польским и Чешским государствами. Свидетельство об этом сохранила «Повесть временных лет». Под значительно более поздним 996 годом она сообщает о том, что князь

Владимир «жил с князьями окольними в мире — с Болеславом Лядским (Польским. — *А. К.*), и Стефаном Угорским (Венгерским. — *А. К.*), и с Андрихом Чешским». Перечисленные здесь правители — современники последнего этапа жизни князя Владимира. Но историки обращают внимание на то, что к числу «окольних» (то есть соседних) с Русью государств отнесена Чехия. В XI веке Русь уже не имела с ней общей границы. Единственный чешский князь, который мог называться «окольним» (сопредельным) для Владимира, — это Болеслав II Благочестивый (умер в 999 году). Предполагают поэтому, что припоминание о мире с «окольним» чешским князем отражает мирный договор, последовавший за червенским походом князя Владимира [37].

Столкновение же с Польшей оказалось для Руси далеко не последним. Борьба за западные русские земли продолжится и в 90-е годы X века, и в XI столетии. Но тогда противником Владимира станет уже сын князя Мешка князь Болеслав Великий*.

Возможно, уже в начале 80-х годов X века Владимир поставил на Волыни город, названный его именем — Владимир (точнее, «Володимерь» — притяжательная форма к имени князя, то есть «Володимиров», «город Владимира»)**. Этот город стал центром всей вновь присоединенной округи. Построенный по велению князя и ставший оплотом княжеской

---

* В позднейшей Иоакимовской летописи читается яркий рассказ о войне Владимира с Мешком. Трижды пришлось Владимиру воевать с польским князем. Дважды его воеводы одерживали верх, но все же Мешко не прекращал военных действий, его войска доходили «даже до Горыни» (эта река, правый приток Припяти, долго служила западной границей Киевского государства). Владимиру пришлось лично возглавить поход. При реке Висе (Висле?) произошло решающее сражение, закончившееся полной победой русских дружин. Сам Мешко едва успел спастись, его войско было «погублено», а «предние мужи» все попали в плен. Владимир занял «все грады» польские. Мешко испросил мир у Владимира и отдал ему пять городов (Червенских?). Владимир согласился на мир, установив погодную дань с польских земель [38].

Этот рассказ не датирован. В. Н. Татищев рассказывал о схожих событиях под 990 годом [39]. Думаю все же, что перед нами вымысел, причем основанный, главным образом, на смутных известиях польских средневековых историков. (Сам Татищев отмечал сходство рассказа с известиями М. Стрыйковского.) В свою очередь, польские известия могут восходить к галицко-волынскому преданию XIII века, вероятно, смешавшему Владимира Святого с его правнуком Владимиром Мономахом (см. прим. 35).

** В «Истории Российской» В. Н. Татищева основание Владимира-на-Волыни датировано 992 годом. О достоверности этой даты см. прим. 5 к главе 11.

власти, пристанищем для княжеской администрации и дружины, он противостоял старым местным племенным центрам — Червену и Перемышлю. Позднее сюда на княжение будет посажен один из сыновей Владимира — Всеволод.

Не исключено, что уже в результате червенского похода власть Владимира распространилась и на более южные земли, заселенные восточнославянскими хорватами, — Поднестровье и Прикарпатье. Однако об окончательном присоединении этих племен к Киеву летопись сообщает лишь под 992 годом.

К тому же 6489 (981) году «Повесть временных лет» относит и другой поход Владимира — на славянское племя вятичей. Даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы усомниться в достоверности летописных датировок. Едва ли два столь противоположных по направлению похода — на запад и на северо-восток — могли быть совершены в один год. Однако если принять предложенную дату «Червенской войны» — 979 год, — все встает на свои места. Два года — вполне достаточный срок для того, чтобы уладить свои дела на Волыни и двинуться на Оку.

Вятичи были побеждены. Владимир, вероятно, не стал изменять систему управления, сложившуюся в вятичских землях. Он ограничился установлением дани с покоренного населения. «Возложил на них дань от плуга, как и отец его», — констатирует летопись. Дань «от плуга», или «от рала» — это дань с поля, обрабатываемого плугом. Она имела в виду какую-то определенную, но неизвестную нам в точности меру площади. (По разным, приблизительным подсчетам, «плуг» равнялся 5 или 8 современным десятинам.)

Святослав брал «от рала» «по щелягу». (Почему именно западноевропейская монета — шиллинг — стала в IX—X веках единицей обложения славянского населения, остается неясным*.) Владимиру этого показалось довольно. Для него важнее было доказать законность своих притязаний. Поэтому он подчеркнуто восстанавливал существовавший при отце порядок взаимоотношений с подвластной ему землей.

Однако вновь, как и при Святославе, одного похода на вятичей оказалось недостаточно. На следующий год вятичи «заратишася» (то есть восстали). В какой-то не дошедшей до нашего времени летописи, использованной в XVIII веке В. Н. Татищевым, о восстании вятичей рассказано более подробно.

---

* Дань платили, конечно, не самими монетами, но мехом, шкурками. «Щеляг» выступал в данном случае как единица их стоимости.

Не пожелав выплачивать дань, вятичи вступили в сговор с печенегами, призывая их совместно напасть на Владимира. Печенеги, однако, не посмели начинать войну против киевского князя и отказали вятичским послам.

Источник этих сведений неизвестен. Что касается печенегов, то, по свидетельству летописи, в первые годы после вокняжения Владимира они неоднократно нападали на киевские пределы в союзе с Ярополковым воеводой Варяжко. Чем заканчивались эти войны, мы не знаем. С Варяжко же, в конце концов, Владимир примирился. Вероятно, был заключен и русско-печенежский мир.

В 982 году Владимир совершил второй поход в Вятичскую землю. Вятичи вновь были побеждены на поле брани. «Повесть временных лет» не упоминает о каких-либо карательных мерах Владимира или об увеличении дани. Татищевский же источник, напротив, прибавляет к сказанному, что Владимир установил «сугубую» (то есть увеличенную вдвое) дань с непослушных.

Покорение вятичей все же не стало окончательным. Свободолюбие этого племени, нежелание подчиняться кому бы то ни было выделяли его среди прочих восточнославянских племен. В течение более чем ста лет вятичи не могли примириться со своей зависимостью от Киева. Еще и Владимиру Мономаху в конце XI века придется дважды воевать с вятичским вождем Ходотой и его сыном.

Эти времена ожесточенной борьбы вятичей против Киева отразились в народных былинах, и, в частности, в знаменитом рассказе о путешествии «старого казака» Ильи Муромца из города Мурома через «Брынские леса» к Чернигову. Путь Ильи, будущего богатыря «Красна Солнышка» Владимира шел вдоль рек Ока и Угра, на юг, через вятичские города и селения. Здесь и мнились сказителям старин те «дороги нехожалые», среди которых свивали свои гнезда страшные «Соловьи-разбойники». И действительно — ни пешему, ни конному не было здесь пути — и не только во времена Владимира Святого, но и сто лет спустя. Не зря Мономах, вспоминавший на склоне лет свою жизнь, в поучении детям ставил себе в особую заслугу то, что ходил из Переяславля Южного к Ростову прямой дорогой, «сквозь вятичей». Сыну же Владимира Святославича, святому Глебу, в 1015 году пришлось отправляться из того же Мурома в Киев кружным путем — через Смоленск и далее по Днепру.

Летопись, бывшая в распоряжении В. Н. Татищева, рассказывает о продолжении второго вятичского похода Владимира Святославича. Князь двинулся еще дальше, «в поле», и,

«покорив землю Польскую (в первоначальном тексте «Истории...» Татищева значилось: «покорив поляны». — *А. К.*), град Суздаль утвердил» [40].

Суздаль был основан не Владимиром, но еще раньше. Само название города свидетельствует скорее о финно-угорском происхождении его основателей. Что же касается названия «Поле» (Суздальское Ополье), то оно действительно встречается в летописях, но применительно к более позднему времени. Позднейшие летописи (например, Степенная книга царского родословия, которой, кстати, в данном случае пользовался и Татищев) сообщают о походе Владимира в суздальскую землю — но под 992 годом, и связывают этот поход с легендарным основанием князем Владимиром города Владимира-на-Клязьме (основанного, на самом деле, Владимиром Мономахом). Может быть, летопись, бывшая в распоряжении В. Н. Татищева, основывалась именно на этом предании?

Походы Владимира тем временем следовали один за другим, каждый год.

«В лето 6491 (983), — читаем в «Повести временных лет», — пошел Владимир на ятвягов, и победил ятвягов, и взял землю их» [41].

Ятвяги — литовское племя. Они расселились между реками Неман и Нарев. В конце X века их земли граничили как с Киевским государством, так и с принадлежавшей Польше Мазовией. К северу от ятвягов жили племена пруссов. Уже в силу своего географического положения земля ятвягов привлекала внимание правителей Руси, Польши и Германской империи. Однако она им не принадлежала и оставалась независимой. На этот раз Владимир не мог ссылаться на пример деда или отца; в своем ятвяжском походе он не имел предшественника.

Причины ятвяжского похода, по-видимому, схожи с теми, которые двигали Владимира в Польшу и Червенские грады. Прибалтика — еще одни ворота в Восточную Европу. Обладание ятвяжской землей означало, помимо прочего, контроль над важным участком торгового пути, шедшего по Неману и Висле (через приток Вислы Нарев). Пошлины, взимаемые с купцов, и сами товары, привозимые купцами с запада и востока, служили постоянным источником дохода, столь необходимого князю и его дружине.

Мы не знаем о каких-либо столкновениях Польши и Руси по поводу ятвяжских земель в конце X века. Позднее, однако,

польские правители смотрели на эту территорию как на зону своего исключительного влияния [42]. Уже вдова Мешка княгиня Ода в своем завещании указывала на важное значение той части польско-прусской границы, которая доходила «до места, называемого Русь». И при самом Мешке, конечно, Польшу не могло не волновать утверждение в этих землях киевского князя.

И вновь мы убеждаемся в точности и расчетливости действий Владимира. Время для начала похода было выбрано им не случайно.

В 983 году вспыхнуло большое восстание славян, живших к востоку от Лабы (Эльбы), — лютичей, ободритов и других. К этому времени они формально считались подданными германского императора и христианами, однако на самом деле оставались убежденными язычниками. Восстание было жестоким. Главный удар славяне нанесли по ненавистной им церкви. Они жгли монастыри, убивали немцев, особенно служителей церкви. Приносились кровавые жертвы языческим божествам. Власть немцев была низвергнута. По всему Полабью восторжествовало язычество, причем в наиболее свирепой и воинственной форме.

Восстание краем затрагивало и Польшу, ибо значительная часть славянского Поморья, от города Волин до Гданьска, в то время принадлежала ей. Польша была крещена совсем недавно, при князе Мешке в 966 году по латинскому образцу. Христианство не успело утвердиться и в ней. Языческие лозунги, проникая на ее территорию, становились популярными среди населения. Многочисленные враги Мешка из числа местной знати без труда могли воспользоваться ими в целях свержения династии Пястов. Нет сомнений, что Мешко с большим вниманием следил за развитием событий в Полабье. Его симпатии и поддержка были, конечно, не на стороне родственных славян, но на стороне императора-единоверца.

Земли пруссов и ятвягов не были затронуты войной. Христианство почти не проникало сюда, и для жестокой вражды между христианами и язычниками просто не было оснований. Но ненависть заразительна. И пруссы, и ятвяги вполне могли стать союзниками лютичей и ободритов. Это, конечно, понимали и в Польше, и в Германии. Поэтому объективно наступление Владимира в Прибалтике должно было восприниматься как жест в поддержку Империи, несмотря на то, что сам Владимир был язычником. Ибо это было наступление порядка и государственности против беспорядка и анархии.

Косвенные данные позволяют нам предположить, что война с ятвягами была недолгой. Летом (в июле?) Владимир вернулся в Киев*. Это кажется удивительным — ведь его противник был весьма силен.

Много воевавшие впоследствии с ятвягами поляки с содроганием отзывались о бесстрашии и свирепости этого народа. Никто из ятвягов не покидал поля боя. Женщины сражались наряду с мужчинами. И те, и другие «с охотой», как казалось врагам, принимали смерть. Как и русы, ятвяги смотрели на смерть с легкостью — как на переход в иной мир, в котором каждому надлежало предстать перед судом своих предков. Смерть с честью, в бою облегчала этот переход, гарантировала безбедное пребывание в загробном мире.

Владимир, вероятно, действовал не только с помощью силы. Но так или иначе, а по крайней мере часть Ятвяжской земли вошла в состав Русского государства[43]. Позднее на землях между Неманом и Наревом возникнет так называемая «Черная Русь» — одна из составных частей будущей Белоруссии. Однако сами ятвяги со славянами не смешались. Уже вскоре они освободились от дани киевским князьям и впоследствии не раз воевали с Русью.

Ятвяжский поход Владимира имел еще одно важное последствие для Руси. Вступив в Прибалтику, Русь как бы прикоснулась к кипящему котлу религиозной ненависти, заразилась враждой, охватившей и язычников, и христиан, живших в этом регионе. Мы уже говорили, что среди ятвягов и пруссов христиан почти не было. Зато они имелись на Руси. Воины Владимира и прежде неприязненно относились к последователям Христа. После их возвращения из ятвяжского похода эта неприязнь приняла более резкие формы и ознаменовалась жестоким убийством — первым открытым убийством на религиозной почве, о котором мы имеем достоверное свидетельство в источниках. Но об этом нам предстоит отдельный разговор — в следующей главе.

Очередной поход Владимира пришелся на 984 год. На этот раз князь направил свое войско на северо-восток, в земли радимичей. Покорением этого племени должно было в основном завершиться воссоединение восточнославянского мира.

О радимичской войне «Повесть временных лет» сообщает подробнее, чем о предыдущих военных предприятиях киевского князя. Причина этого, на первый взгляд, совершенно

---

* К 12 июля 983 года относится расправа в Киеве над варягами-христианами. Она произошла вскоре после возвращения Владимира из ятвяжского похода.

случайна — имя княжеского воеводы, возглавлявшего передовой отряд. В силу своей необычности оно попало в народную поговорку и уже через нее — в летопись. Но имя в язычестве всегда играет особую роль. Оно раскрывает сущность человека, само влияет на его судьбу и во многом способно определять ход событий.

«Был у Владимира воевода по имени Волчий Хвост, — рассказывает «Повесть временных лет». — И послал его Владимир вперед себя. Встретили радимичи Волчьего Хвоста на реке Пищане*, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и корит (то есть дразнит. — *А. К.*) Русь радимичей, так говоря: «Пищанцы [от] волчьего хвоста бегают» [44].

Смысл насмешки понятен без труда. Радимичи бежали с поля боя, чем и заслужили укоризны соседей. Но вся соль — в имени победителя. Здесь и горький подтекст: вечное противостояние гонителей и гонимых, бегающих и догоняющих — иными словами, «зайцев» (воистину, «пищанцев») и «волков». Но испугались-то «пищанцы» не самого «волка», а одного только «волчьего хвоста». «Волк» (Владимир) еще и не приблизился к ним. И всю силу своего оружия по-настоящему до конца не использовали ни те, ни другие.

Археологи предположительно определили место сражения радимичей и киевлян. Невдалеке от этого места обнаружено захоронение воина-радимича того времени. Его вооружение — панцирь, боевой топор, нож — не многим отличалось от вооружения киевского дружинника [45].

Владимир возложил на радимичей дань. Взималась она в виде «повоза» — иными словами, радимичи сами должны были свозить ее в княжеские города — вероятно, города по Днепру (Любеч) или по Десне (Чернигов). В известном смысле, такая дань была предпочтительнее прежнего «полюдья», ибо исключала возможность злоупотреблений со стороны княжеских тиунов или наместников. Но в то же время она была унизительнее, обиднее.

Радимичский «повоз» сохранялся еще и в XI веке. «И платят радимичи дань Руси, повоз везут и до сего дня», — отмечал позднейший редактор-летописец.

Как видим, в состав собственно Руси Радимичская земля не вошла. И в X, и в XI веке «Русью» называли не всю территорию Древнерусского государства, какой мы ее представляем, но лишь часть — непосредственное достояние Рю-

---

* Пищана, или Пищань (может быть, первоначально — Пещана, то есть, Песчаная?) — приток реки Сож в современной Белоруссии.

рикова рода. Вероятно, радимчская область, как и земли вятичей, сохранила свое самоуправление. Владимир так и не послал туда на княжение никого из своих сыновей.

Следующий 985 год отмечен в летописи большим походом Владимира на болгар. Руководил русскими войсками на этот раз Добрыня. Союзниками Владимира стали тюрки-огузы, называемые в русских источниках торками:

«В лето 6493 (985) пошел Владимир на болгар с дядей своим Добрынею, в лодьях. А торков привел берегом, на конях. И победил болгар» [46].

«Повесть временных лет» не уточняет, однако, какие болгары имелись в виду — волжские или дунайские. Одинаковое имя, под которым и те, и другие были известны на Руси, вызвало недоумение многих историков — начиная со средневековых историописателей Руси и кончая современными исследователями.

Сама логика рассказа, участие в походе торков-огузов, кочевавших в X веке на обширных пространствах от Аральского моря и до Днепра, — все это подсказывает восточное, волжское направление похода Владимира. Большинство летописцев XV—XVI веков так и полагало; они называли болгар, на которых напал князь Владимир, «низовскими» или «волжскими» [45].

Но существовала и прямо противоположная точка зрения. Василий Никитич Татищев в своей «Истории Российской» так излагал ход событий 985 года:

«Владимир, собрав воинство великое, и Добрыню, вуя (дядю. — *А. К.*) своего, призвав с новгородцы, пошел на болгоры и сербы в лодиах по Днепру, а конныя войска руские, торков, волынян и червенские послал прямо в землю болгорскую, объявив им многие их нарушении прежних отца его и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения».

Болгары здесь однозначно понимаются как дунайские. В числе участников войны с Владимиром Татищев называл и сербов. Далее в его «Истории» приведены подробности похода:

«Болгоры же не хотя платить онаго («награждения», или, иными словами, дани. — *А. К.*), но совокупившись со сербы, вооружились противо ему (Владимиру. — *А. К.*). И по жестоком сражении победил Владимир болгоров и сербов и попленил земли их, но по прозьбе их учинил мир с ними и возвратился со славою в Киев, взятое же разделил на войско и отпустил в домы их» [48].

Весь этот текст, конечно, осмыслен и истолкован самим

Татищевым. Можно вычленить летописную, известную из «Повести временных лет», канву его рассказа. Но версия похода — совершенно иная, чем в «Повести временных лет». Татищев, разумеется, не сочинил ее, но позаимствовал из более ранних средневековых источников — древнерусских или, что более вероятно, польских. Так или иначе, основа «дунайско-сербской» версии похода Владимира — древнерусская.

Дело в том, что о войне Владимира с дунайскими болгарами и сербами знают и польские средневековые хронисты, использовавшие, в свою очередь, русские источники. Так, польский хронист XVI века Мацей Стрыйковский сообщал, что Владимир «собрал большое войско, с которым, переправившись через Дунай, подчинил земли: Болгарскую, Сербскую, Хорватскую, Семиградскую, Вятницкую (Вятичскую. — *А. К.)*, Ятвяжскую, Дулебскую, и те земли, где теперь волохи, мултаны и татары добручские, и всех их привел в послушание одним походом и возложил на них дань...» [49].

Как мы видим, сведения польского хрониста относительно войн Владимира путаны. Поход Владимира на восточнославянских (но не балканских!) хорватов имел место, например, в 992 году; тогда же, возможно, Владимир воевал и в Седмиградии (Трансильвании). Войны же с вятичами и ятвягами летопись датирует 981—983 годами. Но откуда попали в «Хронику» Стрыйковского и в «Историю» Татищева сербы?

Свет на события проливает внелетописный источник, к которому мы уже обращались в нашем повествовании и информативность которого оценили очень высоко. Этот источник — «Память и похвала князю Русскому Владимиру» Иакова мниха. Именно в ней находится тот текст, который, очевидно, и вызвал недоумение средневековых описателей русской истории, но который сегодня способен дать однозначный ответ на вопрос о том, какие же болгары подверглись нападению Владимира в 985 году. После сообщения о победе князя над радимичами, вятичами и ятвягами мы читаем следующее: «...и серебряныа болгары победи» [50].

Название «серебряные болгары» было достаточно ясным для древнерусского читателя. Это именно волжские, или камские болгары, основавшие свое государство еще в VII или VIII веке на средней Волге и Каме. «Серебряными» их называли и позднее. Так, южнорусский летописец, составитель Киевской летописи, рассказывая о походе суздальского князя Всеволода Большое Гнездо в 1183 году «по Волге на Болгар», уточняет: «Сами же (суздальцы. — *А. К.*) поидоша на конях... к Великому городу Серьбреных Болгар» [51]. Упомянутый здесь

город — Болгар (или, позднее, Биляр), столица Волжского государства; русские называли этот город Великим. Еще в прошлом веке на основании данных топонимики было установлено, что местность вокруг самого Великого города в древности получила наименование «Серебряной»; так называлась и речка, впадавшая в реку Билярку [52].

Но для книжников более позднего времени название «серебряные болгары» оказалось совершенно непонятным. В одном из списков «Памяти и похвалы» вместо словосочетания «серебряныи болгары» читаем: «сербяныи болгары». Это-то сочетание и было прочитано еще более поздними списчиками или читателями текста как «сербяны и болгары». (Напомню, что в древнерусском письме слова не отделялись друг от друга пробелами.) Такое прочтение и оказалось в распоряжении М. Стрыйковского или его информатора, а также у В. Н. Татищева (если он не пользовался в данном случае как источником исключительно текстом Стрыйковского). Такое же понимание текста было предложено и в современной исторической науке; более того, оно сделалось едва ли не преобладающим [53]. Так возник очередной историографический миф — о «дунайском» походе князя Владимира 985 года.

(Вот и еще повод посетовать на неразработанность источниковедения нашей древнейшей истории. Сколь хрупка, оказывается, фактическая основа наших исследований. Один миф порождает другой. Легко догадаться, сколько споров вызвал этот несуществующий поход, сколько копий было сломлено, сколько предположений о причинах и последствиях похода было высказано. Как менялся взгляд на внешнюю политику Владимира, на историю русско-болгарских и русско-сербских отношений!)

Итак, поход 985 года был направлен на восток, в земли волжских болгар. На основании имеющихся источников это можно утверждать совершенно определенно.

Не первый раз Русь сталкивалась с миром ислама. Но если раньше походы русских в мусульманские (главным образом, прикаспийские) области больше напоминали пиратские, грабительские набеги, имевшие целью лишь захват добычи, то теперь Владимир начинал войну за обеспечение жизненно важных государственных интересов своей страны. Это была прежде всего торговая война — война за преобладание на восточном отрезке великого трансконтинентального торгового пути, шедшего по Волге в страны Востока. В какой-то степени она явилась оборотной стороной Червенского похода Владимира.

Трудно переоценить роль Волжской Болгарии в междуна-

родной торговле того времени. Практически все товары, провозившиеся из Европы и Руси на восток или в обратном направлении, проходили через Великий город болгар. Десятина, взимавшаяся болгарским царем с этих товаров, составляла основу экономического могущества страны. После разгрома Хазарии в 968 году Болгария освободилась от существовавшей ранее зависимости от Каганата. Правда, тогда же были разорены и многие болгарские города. Но нанесенный им ущерб оказался не столь велик.

Надо сказать, что к концу X века мир ислама в целом переживал не лучшие времена. Владимир, видимо, был в курсе событий, происходивших на громадных пространствах Азии. Окончательный распад Арабского халифата привел к тому, что правители Багдада потеряли всякий политический вес. В Сирии мусульмане терпели поражения в войне с Византией. На самом востоке мусульманского мира, в Средней Азии, еще недавно могущественная держава Саманидов клонилась к упадку; ее сотрясали мятежи и междуусобицы. Главным центром распространения ислама в Восточной Европе стал Хорезм. Это небольшое государство располагалось в низовьях Амударьи. Формально Хорезм подчинялся Саманидам, но проводил полностью самостоятельную политику. Особенно усилился Хорезм при эмире (позднее, с 996 года, хорезмшахе) ал-Мамуне Ибн Мухаммеде. После падения Хазарии ал-Мамун установил протекторат над ее бывшими территориями в низовьях Волги. Под влиянием Хорезма остатки хазарской знати в Итиле приняли ислам. Хорезм вышел на авансцену восточноевропейской политики.

Так же, как и Болгария, Хорезм был в значительной степени торговым государством. Между двумя странами существовали экономические противоречия. Более сильный в военном отношении Хорезм, несомненно, стремился к распространению своего влияния на север. Контроль над средней Волгой и Камой мог бы дать его правителям огромные экономические выгоды, и прежде всего доступ к меху, торговля которым была полностью монополизирована болгарскими купцами.

Но и Болгария, и Хорезм в одинаковой степени не могли допустить утверждения на Волге Руси. Наступление Владимира на болгар привело к тому, что все противоречия между Хорезмом и Болгарией отошли на второй план. Вероятно, правы те исследователи, которые полагают, что Хорезм оказал непосредственную политическую (а может быть, и военную) помощь своему мусульманскому соседу [54]. Владимир столкнулся с сильной антирусской коалицией.

Правда, у него нашлись и союзники — торки. В свое время торки-огузы и русы совместно выступили против Хазарии. Возможно, существовало какое-то устное соглашение между ними и Святославом, которое Владимир попытался восстановить. В X веке огузские племена раскололись надвое: часть их под влиянием Хорезма приняла ислам, часть осталась верна старой вере. Язычники-огузы враждебно относились к мусульманам и воевали с Волжской Болгарией и Хорезмом. Их-то и привлек на свою сторону Владимир.

Летопись, как мы помним, сообщает о победе Владимира над болгарами. Но последующий летописный текст свидетельствует о том, что победа эта оказалась весьма и весьма относительной:

«Сказал Добрыня Владимиру: «Оглядел я колодников (пленников. — *А. К.*). Все они — в сапогах. С этих нам дани не брать. Пойдем искать лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и дали клятву друг другу. И сказали болгаре: «Тогда не будет между нами мира, когда камень начнет плавать, а хмель начнет тонуть». И вернулся Владимир в Киев».

И снова анекдотичность ситуации, случайность повода, послужившего к заключению мирного соглашения, не должны свидетельствовать в пользу заведомой недостоверности летописного сообщения. Действительно, весь рассказ несет на себе ярко выраженную фольклорную, сказочную окраску. Чрезмерное внимание к кожаной обуви, например, заставляет нас вспомнить некоторые народные сказки, как русские, так и украинские. Но ведь повод для начала переговоров и истинная причина прекращения войны не совпадали во все времена.

Вероятно, Владимир и Добрыня столкнулись с сильным, хорошо организованным противником. Продвижение вперед оказалось делом проблематичным. И слова, произнесенные Добрыней, были обращены не только (и даже не столько) к Владимиру, сколько к русскому войску, а значит, и к тем русичам, которым предстояло встречать их после возвращения домой. Мир, заключенный после победы хотя бы в одном сражении, а тем более оправданный некой экзотической деталью, присущей местному населению, позволял возвратиться на Русь с честью, как говорится, сохранив лицо.

(Правда, русы сражались с обутыми в кожу византийцами — и не без успеха. Киевляне, конечно, прекрасно помнили об этом. Но — что и говорить! — перед «лапотниками» русские воеводы всегда чувствовали себя гораздо увереннее.)

Формула же «вечного мира», заключенного с болгарами,

наверняка передана в летописи буквально. Мирные договоры того времени не всегда фиксировались на письме. Слово произнесенное, особенно яркое, запоминающееся, способное надолго впечататься в память, было столь же весомо, как и записанное. Оно так же признавалось в дипломатической практике.

Мы не знаем всех условий «вечного мира». Возможно, обещание не нападать друг на друга и было единственным, о чем удалось договориться. Если так, то успех болгарской дипломатии очевиден. Владимир же своих целей не достиг. Известно, что переговоры между Болгарией и Русью продолжились. На следующий год в Киев прибыло посольство из Болгарии. За ним последовало ответное посольство Владимира. К тому же времени, вероятно, относится и посольство Владимира в Хорезм, о котором сообщают мусульманские источники. Насколько мы знаем, в ходе этих переговоров обсуждались религиозные вопросы, и, в частности, возможность принятия Русью ислама. Сама постановка такого вопроса весьма примечательна. Но религиозная тема вряд ли была единственной. Да и сами разговоры о преимуществах ислама едва ли не свидетельствовали о желании Владимира прощупать почву относительно возможности союза Руси с Хорезмом и раскола антирусского мусульманского блока. Очевидно, Владимир был не прочь использовать в своих интересах чрезмерное религиозное рвение эмира ал-Мамуна. А может быть, переговоры с Хорезмом имели еще одну тайную цель — оказать нажим на Византийскую империю, находившуюся в состоянии непрерывной войны с мусульманским миром. Но об этом — позже.

Так или иначе, но «вечный мир» с Волжской Болгарией Владимир соблюдал недолго. В 90-е годы возобновятся военные действия против Болгарии; впоследствии, кажется, будет заключено и торговое соглашение с этим государством.

Поход на болгар 985 года, вероятно, был связан с еще одним военным предприятием Владимира. О нем сохранилось уникальное известие в «Памяти и похвале Владимиру» Иакова мниха. Согласно этому источнику, Владимир ходил войной на хазар, «и победил их, и дань возложил» [55]. Иаков помещает хазарский поход между болгарской войной Владимира и его походом на Корсунь 988 года. Другие источники об этом событии не знают [56].

К 80-м годам X века Хазарский каганат прекратил свое существование. Его восточная часть отошла Хорезму. Означал

ли хазарский поход начало войны с Хорезмом? Очевидно, нет. Более того, можно предполагать, что военные действия Владимира явились следствием его соглашений с эмиром ал-Мамуном.

Как и Святослав, Владимир, очевидно, не претендовал на территории в низовьях Волги. Хорезм же, в свою очередь, не включал в зону своих интересов западную часть бывшего Каганата. Очевидно, Владимир не стал продвигаться по Волге: он двинулся в обход хорезмских владений — на Дон и далее, к устью Кубани.

Можно ли утверждать это с уверенностью? Ведь текст «Памяти и похвалы» не содержит указаний на маршрут продвижения Владимира, не сообщает, на какие именно хазарские земли распространил свою власть Владимир?

Я исхожу в своем выводе из того уже отмеченного выше факта, что в древнерусской письменности название «Хазары» применялось не ко всей территории бывшего Хазарского каганата, но лишь к его западной части — нижнему Подонью и Прикубанью, Тамани и, может быть, восточному Крыму. Эти же земли называли Хазарией в средние века и византийцы, и евреи, а позднее и европейцы.

Непосредственной целью Владимира было, по-видимому, восстановление суверенитета Руси над Тьмутороканью. И он достиг своего. Известно, что уже в начале XI века Тьмутороканъ с обширной прилегающей округой принадлежала Киеву. Владимир посадит сюда на княжение одного из своих сыновей — Мстислава.

Поход Владимира «на Хазары» неизбежно должен был привлечь пристальное внимание еще одного могущественного соседа Руси — Византийской империи. Интересы двух стран снова сталкивались в Причерноморье. Укрепив свое государство с запада и востока, развернув его на юг и получив выход к Азовскому и Черному морям, Владимир повторял путь своего отца, Святослава. Но за ним стояло сильное и, главное, прочное государство, которое Владимир вовсе не намеревался отдать кому бы то ни было или разделить на части, как это сделал его родитель.

Столкновение с Византией казалось неизбежным. Но Владимир уже проявил себя дипломатом и государственным деятелем в гораздо большей степени, чем полководцем. Он и в этой ситуации сумел не только избежать полномасштабной войны, но даже сделаться союзником византийских василевсов. Впрочем, это стало возможным в результате тех потрясений, которые пережила Византия в 80-е годы X века и о которых мы поговорим немного позже.

В этой главе речь шла главным образом о внешней истории Руси первых лет пребывания Владимира на киевском престоле, о военных действиях и дипломатических союзах. Но что творилось в душе князя? Ведь эти годы стали едва ли не важнейшими в его жизни.

Владимир взошел на престол язычником, противником христианства. Он много воевал, много занимался внутренними делами страны, он вершил суд, собирал дани, сажал по городам и землям своих наместников и посадников. Он достиг самых вершин власти.

Но пройдет девять или десять лет — и Владимир превратится из язычника в христианина. Он, князь, полновластный в своих проявлениях, так истово продолжающий на поле брани славные дела отца и деда, вдруг откажется от своей веры и примет чужую, казавшуюся раньше враждебной и неприятной ему. Как произойдет этот великий поворот в его жизни? Как придет он к тому шагу, который не только перевернет его личную судьбу, но и на тысячелетие определит исторические судьбы всего русского народа?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЫБОР

Летом 983 года войско Владимира возвратилось в Киев из ятвяжского похода. В ознаменование победы решено было принести жертву языческим богам, окрасить кровью Перунов холм и, прежде всего, кумир самого Перуна. Жертвоприношения после успешных войн были в обычае славян. Но на этот раз киевляне вознамерились отдать на заклание богам не какое-либо жертвенное животное (быка, барана или коня), но человека.

Что ж... И человеческие жертвоприношения были знакомы славянскому миру. Но совершались они, как правило, в исключительных случаях, когда жизни всего сообщества людей угрожала серьезная опасность. Так, например, как мы помним из истории Святославова похода на Дунай, после кровопролитного сражения с греками язычники-русы умертвили множество пленных. Их кровь должна была искупить кровь павших в бою соплеменников.

В позднейшие века русского язычества, когда, подавляемое властями, оно сопротивлялось наступлению христианской церкви, человеческие жертвоприношения стали более частыми. О них было известно давно — из летописей и церковных поучений XI—XIV веков, направленных на искоренение остатков языческих культов. Археологические же разыскания последних лет показали, что обвинения, содержавшиеся в этих поучениях, — вовсе не полемическое преувеличение христианских проповедников; они отражали реальную практику древнерусских жрецов. Многочисленные останки людей, принесенных в жертву, найдены в языческих святилищах на реке Збруч в Прикарпатье, исследованных совсем недавно, в 1982—1989 годах. Тела некоторых расчле-

---

На рис. — византийский крест X в., найденный в пределах Киевского княжества.

нены на части; нередко встречаются отдельные черепа, кости рук и ног; некоторые кости взяты как будто из специальных «хранилищ» человеческих останков, где умерщвленные ждали своей очереди быть брошенными в жертвенное пламя. В предполагаемых местах таких «хранилищ» перемешаны кости различных людей — детей и взрослых. Удивительно, но святилища эти действовали и жертвы приносились вплоть до середины — второй половины XIII века — времени, казалось бы, полного утверждения христианства в Киевском государстве [1].

В самом Киеве человеческие жертвоприношения были все же в редкость. По крайней мере, во времена князя Владимира. В зольнике киевского святилища на Перуновом холме, например, археологи не обнаружили никаких людских останков. Так что события 983 года, по-видимому, выходили за рамки обычного священнодействия.

Что же происходило на самом деле? Только ли благодарность за ниспосланную победу двигала киевлянами? Или у них имелись какие-то иные побудительные мотивы для религиозного рвения? Этого мы не знаем. Известно лишь, что в жертву задумали принести даже не пленника-ятвяга, но своего, киевлянина, причем из числа детей, живших в городе.

«...И сказали старцы и бояре, — свидетельствует «Повесть временных лет». — «Метнем жребий на отрока или девицу — на которого падет жребий, того и зарежем богам» [2].

Принесение в жертву ребенка, особенно младенца, — явление также распространенное в языческом обществе, в том числе и славянском. О младенцах, задушенных в водах Дуная воинами Святослава, мы уже вспоминали на страницах книги. Добавлю, что и на капище Богит на Збруче (вероятно, на том самом месте, где стоял знаменитый Збручский идол) также были обнаружены кости младенцев, принесенных в жертву.

Русы-язычники верили, что тело убитого возвращает земле ту жизненную силу, которая была в нем. Эта сила передается живым. Но сколь же многой жизненной силой — еще не растраченной! — обладает тело новорожденного. Ведь он как бы и не вступил еще окончательно в мир взрослых людей и является ближайшим посредником между здешним и потусторонним, между ведомым и неведомым. Возвращение его в тот неведомый, непостижимый мир, откуда он произошел, способно оберечь и сохранить тех, кто остается в мире ведомом и постижимом. («Отдай то в доме своем, чего сам не знаешь!» — то есть новорожденного, младенца, прежде всего первенца — сколькие герои русских сказок избавлялись такою жертвой от неминуемой беды, заручались поддержкой могу-

щественной потусторонней силы.) Вера в сверхъестественность приносимого в жертву младенца была присуща многим народам. Рассказывают, например, что легендарный скандинавский конунг Аун продлевал свою жизнь, принося в жертву богу Одину своих собственных сыновей и отбирая таким образом их жизненную силу [3]. Для общины в целом такой жертвой могло стать любое избранное богами дитя. Да и в русских поверьях кровь младенцев наделялась особой сверхъестественной силой. О кровавом обычае «детарезанья идолам от первенец» упоминает древнерусское «Слово святого Григория... о том, како первое погани сущие языци кланялись идолам и требы им клали...» (XIV век) [4].

Вероятно, что «отроки и девицы» летописной статьи 983 года (или «дщери и сыны» других вариантов записи этого сказания) подразумевали именно *малых* детей, младенцев, может быть, даже только первенцев.

Волю богов должен был указать жребий. (Обычная практика в языческом богослужении всех народов.) И жребий пал на двор некоего варяга, христианина.

Случайность ли это? Или люди сами помогли богам принять верное решение? Напомню, что драматические события, разыгравшиеся в Киеве, совпали по времени с великим восстанием полабских славян против христианства, что все Полабье и Прибалтика истекали кровью, а войско Владимира только что вернулось из Ятвяжской земли, то есть как раз из Прибалтики. И не прямым ли влиянием балтийско-славянского мира, обуянного чудовищной ненавистью к христианам, объясняется особая, антихристианская направленность киевского жертвоприношения?

Кажущееся уникальным в русской религиозной истории X века событие весьма напоминает и по форме, и по содержанию многочисленные кровавые жертвоприношения балтийских славян, какими их описывают западные хронисты и историки XI—XII веков. (Более ранние сведения просто не дошли до нас в такой же полноте.) Так, немецкий священник Гельмольд, автор «Славянской хроники», живший в XII веке в Поморье и хорошо знакомый с обычаями местных славян-язычников, свидетельствовал, что богу Световиту (верховному божеству балтийских славян, храм которого находился в Арконе на острове Рюген) ежегодно приносили в жертву христианина, причем такого, «какого укажет жребий». По уверениям язычников, кровь христиан доставляла особое наслаждение их богам. Гельмольд рассказал об ужасной судьбе епископа Иоанна, принявшего мученическую смерть в 1066 году в Ретре, главном городе славян-ободритов. Когда

епископ отказался отречься от Христа, язычники отрубили ему руки и ноги, а затем и голову; тело несчастного было выброшено на дорогу, голову же, воткнув на копье, принесли в жертву богу Редегасту [5]. Нет сомнений, что такие же, а может быть, и более кровавые сцены происходили на тех же землях и в 983 году. Многочисленные человеческие черепа и другие кости обнаружены в святилище Арконы (они датируются временем с IX по XII век), да и не только там, но и в жертвенных ямах Волина, Праги, польского Плоцка...

Но мы вернемся в древнюю Русь и вновь обратимся к летописному повествованию о событиях 983 года. «Повесть временных лет» так продолжает свой рассказ:

«Был (в Киеве. — *А. К.*) один варяг, и был двор его там, где стоит ныне церковь святой Богородицы, которую поставил Владимир. Пришел тот варяг из Грек и держался христианской веры*. И был у него сын, прекрасный лицом и душою; на него и пал жребий по зависти дьявольской. Не терпит ведь дьявол, власть имеющий над всеми, и был ему сей словно терние в сердце, и тщился он погубить его, окаянный, и людей подучил. И сказали посланные к нему, придя: «Пал жребий на сына твоего, ибо изволили его боги себе. Да сотворим требу богам!» И сказал варяг: «Не боги это, но дерево: днем есть, а наутро сгниет — не едят они, не пьют, не разговаривают, но сделаны руками из дерева. А Бог есть един, Ему же служат греки и поклоняются, — Он же сотворил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил ему жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они рукотворны. Не дам сына своего бесам!» Посланные ушли и поведали людям обо всем. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Он же стоял на сенях** с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да отдадим его богам!» Варяг же отвечал: «Если боги это, то пусть пошлют одного из своих и возьмут сына моего. А вам что за дело?» И кликнули [люди], и подсекли сени под ними, и так убили их. И не ведает никто, где положили их, ибо были тогда люди невежды и язычники. Дьявол радовался тому, не зная, что близка уже погибель его...»

Эти двое варягов — отец и сын — стали первыми известными на Руси мучениками за веру. Летописец не знал их

---

* В некоторых списках (в том числе в Ипатьевской и Новгородской Первой летописях) уточняется: «...втайне держался христианской веры».

** Сенями в древней Руси называли крытую галерею второго этажа дома, поставленную на столбах.

имен; речь варяга, обращенная к толпе, также, по-видимому, сконструирована им, но общий ее смысл передан, несомненно, верно. Место их погребения осталось неизвестным, однако на месте гибели, «на крови» мучеников, впоследствии была поставлена князем Владимиром церковь Пресвятой Богородицы, знаменитая Десятинная церковь, главный храм Киевской Руси конца X — начала XI века. Видимо, именно среди клира этой церкви и было записано сказание о варягах — одно из ранних дошедших до нас сочинений древнекиевской поры.

В 1908 году, во время археологических раскопок близ южной апсиды Десятинной церкви, были отрыты остатки деревянного сооружения — сруб, сложенный из сосновых бревен размером 5,5х5,5 метра. Полагают, что это строение и есть тот самый двор варяга, который был разрушен киевлянами в 983 году, хотя доказать это сейчас, конечно, невозможно [6].

Сказание о мученической смерти варягов-христиан читается не только в летописи, но и в так называемом Прологе — сборнике кратких житий святых, расположенных по дням празднования [7]. Проложный текст содержит ценнейшие подробности, отсутствующие в летописи. Во-первых, указан день памяти святым (очевидно, день их мученической кончины) — 12 июля. Во-вторых, названо имя сына варяга — Иоанн. По-видимому, составитель Пролога пользовался летописью. Но есть основания полагать, что в его распоряжении находилась более ранняя редакция летописного текста, чем те, которые дошли до нас. Кроме того, в Проложном сказании использован и иной источник — вероятнее всего, это краткая запись о мученической кончине святых; она-то и содержала дату и имя одного из страдальцев. Так мы узнаем дату кровавого события (12 июля 983 года), а вместе с тем — и приблизительную дату возвращения Владимира в Киев из ятвяжского похода — начало июля того же года.

В более поздней церковной традиции (не ранее XVII века) появляется и имя отца варяга — Феодор; но вот источник этого добавления неизвестен. (Во всех древних Прологах под 12 июля читается память «святых мучеников Варяга и сына его Ивана (Иоанна)» [8].)

Христианская Русь высоко чтила память своих первых мучеников. Первыми «гражданами Русского мира» называл их в XIII веке епископ Владимиро-Суздальский Симон, один из составителей Патерика Киевского Печерского монастыря [9].

Летопись не упоминает имени Владимира в рассказе о драматических событиях в Киеве в 983 году. Роковое решение

принимали «старцы градские» и «бояре» — обычные соучастники всех начинаний киевского князя. Владимир остался как бы в стороне. Но мы знаем, что именно князь исполнял в языческом обществе верховные жреческие функции. Все происшедшее напрямую касалось его. Более того, вызов варяга-христианина должен был принять на себя он сам, ибо именно он водрузил на холме тех идолов, которые подверглись теперь насмешкам и оскорблению.

Можно с уверенностью сказать, что смерть варягов произвела сильное впечатление на князя. Он, конечно, знал старшего из них, как знал всех знатных и именитых киевлян своего времени — воинов или купцов. Но не сама по себе смерть знакомого ему человека поразила его — сколько таких смертей видел он на своем недолгом еще веку, сколькие были убиты им самим или по его приказанию. В тот жестокий век смерть вообще представлялась обыденным явлением — слишком мало ценилась сама человеческая жизнь. Дело в другом. В представлении людей того времени кровавая развязка вовсе не означала торжества деревянных богов над Христом. Скорее наоборот. Ведь сами боги избрали младенца Иоанна себе в жертву. Но жертва не была принесена, и, следовательно, идолы остались ни с чем. Кажущиеся наивными слова варяга («Если боги это, то пусть пошлют одного из своих и возьмут сына моего. А вам что за дело?») вряд ли представлялись такими уж наивными киевлянам. Многим они должны были, по крайней мере, запасть в душу.

Конечно, смерть варягов сама по себе не могла пошатнуть устоев старой веры. Но отец и сын приняли ее с такой решимостью, с такой уверенностью в своей правоте, в том, что, умирая, они приобщаются к Христу и «принимают венец небесный со святыми мучениками и праведниками» (слова летописца), что это не могло не вызвать замешательства среди их убийц. На стороне их врагов было оружие, у них же — только слово, исполненное и укоризной, и насмешкой, но главное — верой, непоколебимой верой в христианского Бога. И эта вера в конечном счете пересиливала все остальное — в том числе могущество и власть самого князя Владимира, все блага этой, земной, жизни, которыми князь так дорожил и которыми пользовался с такой ненасытностью.

Прежде христианство должно было казаться Владимиру лишь тягостной и унылой религией чужаков и слабых, по преимуществу женщин. (Христианство исповедовала его бабка Ольга, его невестка, а затем жена гречанка, может быть, кто-то из других его жен — болгарыня или чехиня.) Но теперь

он по-другому увидел христианство — в его героической ипостаси — как религию прежде всего сильных людей, способных к самопожертвованию во имя высокой идеи. В душу князя было заронено сомнение: кто знает, может, за этой верой действительно стояло что-то, раз оно давало такую стойкость и такое мужество?

А князь Владимир не был глух к слову, произнесенному другим. Это качество во многом стало определяющим в его жизни.

Добившийся колоссальной власти, получивший еще в юности от жизни все, что та могла дать, не остановившийся ни перед чем в достижении своих целей, он должен был искать если и не оправдания, то, по крайней мере, объяснения и обоснования своей власти, столь непростым путем доставшейся ему. Старые божества переставали удовлетворять его. Он стремился подняться над окружающим его обыденным миром, вырваться из той нерасчлененной, первобытной слитности с ним, которая была свойственна языческому мироощущению, — но старые боги, даже обновленные им, сковывали его и не желали выпускать из своих объятий.

В самом деле: Владимир более других проявил ревность к язычеству. К 983 году антихристианские настроения достигли в Киеве, казалось, своего апогея. Внешне Владимир победил. Но эта его ревность к старой вере не была ли лишь поиском истинной веры, поиском оправдания его буйной, неуемной жизни?

Пройдет всего лишь три года после гибели христиан — ничтожно мало! — и Владимир вступит в общение с проповедником того же христианства и благосклонно выслушает его. Более того, он сам проявит заинтересованность в диалоге с ним и сам, своей волей, примет христианскую веру. А перед этим с интересом и вниманием выслушает апологетов других учений, предлагавших свои пути обретения истины.

Путь человека к Богу неисповедим. И не нам браться за упрощенное рациональное объяснение того, что творилось в душе князя. Но и пройти мимо внутренних поисков веры, которые обуревали его, тоже нельзя, раз уж мы взялись за книгу о Крестителе Руси. Поэтому попытаемся хотя бы обозначить какие-то вехи, указать на события, которые могли (и должны были) повлиять на образ мыслей и переживаний князя Владимира. Одной из таких вех стала в его жизни смерть варягов-христиан.

Конечно, не одна только исключительная личность князя Владимира явилась причиной тех религиозных исканий, которые охватили русское общество во второй половине 80-х годов X века. Русская земля при Владимире была уже не та, что даже полстолетия назад. Прежняя организация государства на началах своеобразной «федерации» союзов племен, связанных лишь данническими отношениями, отходила в прошлое, уступая место прямому подчинению всех восточнославянских земель власти киевского князя; постепенно оформлялась более или менее четко стратифицированная структура общества, не знающего «ни кривича, ни древлянина», но лишь подданных одного великого князя. Старое язычество, с его многочисленными богами, являвшееся по своей сути религией родоплеменного общества, не способно было освятить новые процессы, идущие в Киевском государстве, и нуждалось в замене принципиально новым — внеплеменным и внеэтническим — религиозным учением. Крещение Руси явилось не только личным подвигом князя Владимира, но и выражением его государственной воли, его стремления к превращению Руси в цельное и сильное государство. Русь стояла перед необходимостью выбора новой веры — но оставался вопрос: какой именно? каким образом?

Как мы увидим из последующего повествования, выбор князя был сделан не сразу и совсем не случайно, но после долгого и трудного размышления, с совета и одобрения бояр и «старцев» (то есть всей земли). Князь и его окружение должны были учитывать историю взаимоотношений Руси с различными религиозными системами, исходя из той конкретно-исторической ситуации, которая сложилась на Руси и вокруг нее к тому времени.

«Повесть временных лет» начинает сказание о крещении Владимира с рассказа о прихождении к нему послов от соседних народов — волжских болгар-мусульман, немцев, хазарских евреев и, наконец, греков. Выслушав этих послов, каждый из которых хвалил свой закон, а чужой хулил, Владимир отправляет собственные посольства для испытания разных вер и только после этого, вместе со «старцами и боярами» (может быть, теми самыми, которые отправляли на смерть варяжского сына!), принимает решение креститься.

В исторической литературе, особенно старой, сложилось мнение о вымышленности летописного сказания о «выборе вер». В нем видели или прямое заимствование из сказаний других народов (дунайских болгар или даже хазар), или просто басню, своего рода «духовную мистерию» или сказку. Однако

такое мнение неправомерно. Дело даже не в том, что летописный рассказ о посольствах Владимира, как мы увидим позже, находит подтверждение в иностранных, совершенно независимых от русской письменной традиции источниках. Главное заключается в другом. Рассказ о выборе вер совершенно точно отражает ту историческую ситуацию, которая сложилась на Руси к концу X века. В течение длительного времени Русь была окружена странами и народами, придерживавшимися самых разных вероучений и молившимися разным богам. Христианство различных толков (и не только византийское православие и латинский католицизм), ислам и иудаизм действительно проникали на Русь с запада, юга и востока. Язычество в целом терпимо относилось к новым богам и обрядам — и приверженцы различных религий находили пристанище в Киеве.

Так, младенец Иоанн и его отец варяги, конечно, не были единственными последователями Христа, жившими в Киеве. Правда, Ипатьевский список «Повести временных лет» и Новгородская Первая летопись младшего извода замечают, что варяг «втайне» держался христианской веры [10], то есть скрывал свои убеждения от людей. Но ни Лаврентьевская летопись, ни Проложное сказание о святых (отразившее, по-видимому, более ранний вариант летописного повествования) этого уточнения не знают. Думаю, оно появилось позднее — для усиления тягостного впечатления от обстановки в языческом Киеве и в подражание древним образцам мученичеств за веру. Сохранить втайне христианскую веру, свое неприятие языческих кумиров было непросто в древнем Киеве, пережившем за сравнительно короткий период несколько чередующихся волн оживления и упадка христианства.

Языческая реакция, наступившая в Киеве после прихода сюда Владимира, едва ли привела к полному искоренению христианства или хотя бы к уходу его приверженцев в «подполье». Гонения на христиан (а возможно, и разрушение некоего христианского храма, как мы предположили ранее, или даже гибель отдельных приверженцев христианства, в частности, немецких проповедников) действительно могли иметь место. Но Владимир предпринял их в первую очередь для ослабления позиций сторонников своего брата, каковыми он должен был считать христиан. Дальше его репрессии, видимо, не шли. В иных случаях Владимир старался следовать примеру отца. А Святослав, при всей нелюбви к христианам, «не браняху», но лишь «ругахуся» на тех, кто принимал крещение по своей воле.

Уже известная нам Сага об Олаве Трюгвассоне изображает Владимира горячим поклонником языческих богов. Но и в ней подчеркнута веротерпимость князя. Согласно саге, Олав, например, не участвовал в обрядах и жертвоприношениях. Его отзывы о языческих кумирах напоминают слова христианина-варяга из русской летописи: у этих богов нет «ни слуха, ни зрения, ни разума... Те боги, которых ты чтишь, правят мраком», — говорит он князю. Но Владимир, хотя и осуждает Олава («Может быть, боги разгневаются на тебя... Я бы очень хотел, чтобы ты смирился перед ними», — обращается он к нему), все же не отстраняет его от себя вовсе [11]. Разумеется, слова Олава и князя, да и вся изображенная здесь сцена, отражают не какие-то исторические реалии, но лишь представления сказителя-христианина об идеальном герое саги и язычнике-конунге, покровителе героя. Но сходство их с летописной версией взаимоотношений князя-язычника и киевских христиан налицо. Владимир-язычник относится к христианам примерно так же, как его отец.

(Собственно, и сам эксцесс 983 года был вызван прежде всего нарушением со стороны варяга языческого обряда, хотя и выходящего за рамки обычного в Киеве языческого культа.)

Вообще же тема распространения христианства в древней Руси до ее официального крещения князем Владимиром относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в отечественной истории. Но коснуться ее необходимо — потому что иначе мы не сможем объяснить себе мотивы будущего выбора киевского князя. Приглядываясь к христианству, примеривая на себя это учение, Владимир должен был учитывать историю его взаимоотношений с Русью.

Как известно, христианство стало проникать в земли восточных славян довольно рано. Если следовать византийским источникам, Русь приняла крещение еще во второй половине IX века, за сто лет до рождения Владимира Святого. Это произошло при константинопольском патриархе Фотии (который занимал кафедру дважды: в 858—867 и 878—886 годах) или его преемнике Игнатии (867—877). Первое и наиболее авторитетное свидетельство на этот счет принадлежит самому Фотию и содержится в официальном документе — «Окружном послании», с которым патриарх обратился к иерархам Восточной церкви в конце 867 года. Фотий, в частности, заявил, что и «так называемые русские», еще недавно дерзнувшие «поднять руку» на Ромейскую державу, теперь «пере-

менили эллинскую и безбожную веру, в которой прежде всего содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей»*, и даже «приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды» [12].

Когда произошло это обращение, точно неизвестно. Но, во всяком случае, оно последовало за упомянутым Фотием нападением русов на Константинополь. Последнее же событие, потрясшее своей внезапностью и приведшее в ужас византийцев, точно датируется июнем 860 года.

Другое свидетельство принадлежит писавшему значительно позже императору Константину Багрянородному, составившему «Жизнеописание» своего деда императора Василия I Македонянина. (Оно вошло в «Хронику» так называемого «Продолжателя Феофана».) Константин, а вслед за ним и другие византийские авторы приписывали обращение русов уже не Фотию, а его преемнику и политическому противнику патриарху Игнатию и императору Василию, покровителю Игнатия. Константин привел и некоторые легендарные подробности этого события. Так, по его словам, русы потребовали от прибывшего к ним архиепископа, чтобы тот совершил какое-либо чудо, например, бросил в огонь святое Евангелие. Помолившись, архиепископ сделал это, рассказывал Константин. «Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим... Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению». Эта подробность попала и в более поздние византийские хроники и исторические сочинения, а через них (в XVI веке) — и в русские летописи [13].

Сколько «крещений Руси» имело место в IX веке, не ясно. Возможно, что Константин просто приписал своему деду и патриарху Игнатию то, что в действительности совершил убитый Василием император Михаил III и недруг Василия Фотий. Но могло быть и так, что оба патриарха независимо друг от друга направляли миссии к различным группам «Руси», и обе миссии добились определенных успехов.

В русской исторической литературе крещение (или крещения) Руси IX века обычно связывают с именем киевского князя Аскольда. Но если говорить строго, то для утверждения о христианстве Аскольда у нас недостаточно данных. Дело в том, что до сих пор остается не до конца ясным вопрос: какие именно русы нападали в 860 году на Константинополь и,

---

* «Эллинской верой» греки, а затем русские называли язычество.

соответственно, какие именно русы приняли крещение несколькими годами позже. Литература по этому вопросу огромна [14]. Часть авторов однозначно связывает нападение русов с Киевом и киевскими князьями; другие — с так называемой Причерноморской Русью, существовавшей предположительно в восточном Крыму и Тамани*.

В самом Киеве никаких преданий об этом событии, по-видимому, не сохранилось. Рассказ «Повести временных лет» (помещенный под 6374-м, то есть 866 годом), полностью основан на византийских письменных источниках («летописаньи греческом»). Имена руководителей похода — киевских князей Аскольда и Дира — присоединены к нему искусственно и не могут свидетельствовать об их действительном участии в нашествии, описанном византийцами (тем более что Аскольд и Дир вряд ли были современниками). Сведения же о крещении Аскольда появляются в русских источниках лишь с XVI века — в Никоновской летописи и тесно связанной с ней западнорусской редакции Русского Хронографа. Но и здесь рассказ целиком заимствован из греческих хроник, и имя князя Аскольда явилось результатом исторических разысканий средневековых русских книжников.

Кое-какие сведения мы имеем относительно распространения христианства среди русов в Крыму. В самом конце 860-го или в начале 861 года знаменитый впоследствии просветитель славян Константин (в иночестве Кирилл) Философ, находясь со своим братом Мефодием в греческом городе Херсонесе в Крыму, обнаружил там «Евангелие и Псалтирь, писанные русскими письменами» [16]. Напомню, что это происходило всего через несколько месяцев после нашествия русов на Константинополь, и это совпадение вряд ли можно признать случайным.

Пути знакомства Руси с христианством были различными. Об одном из них сообщает, например, арабский географ IX века Ибн Хордадбех, автор известной в мусульманском

---

* Само существование обособленной от Поднепровья Причерноморской (или Азовско-Причерноморской) Руси достаточно гипотетично и признается далеко не всеми учеными. Но сами византийцы определяли местопребывание русов, нападавших на Константинополь в 860 году, именно на побережье Черного моря (Евксинского Понта), или, более определенно, — в Крыму (Тавре). Эта версия отразилась и в позднейших русских источниках. Никоновская летопись и Хронограф Русский так называемой западнорусской редакции (оба XVI век) начинают рассказ о первом крещении Руси словами: «Роды, нарицаемые Руси... живяху в Ексинопонте...» (см. прим. 13). Город Русийа хорошо известен в Крыму; арабские источники позволяют отождествить его с позднейшей Керчью [15].

мире «Книги путей и стран» (первая редакция — 842 год). По его словам, купцы «ар-Рус» (то есть русы) во время своих путешествий иногда «утверждают, что они христиане, и платят подушную подать (джизию)» [17]. Смысл сообщения ясен: русы выдавали себя за христиан для того, чтобы пользоваться налоговыми льготами, установленными для этой категории купцов. Надо полагать, что такое «полухристианство» оборачивалось для кого-то и искренним приобщением к новой вере.

Но были еще, конечно, и переселенцы на Русь из других, в том числе и затронутых христианством, стран, и просто пленники-христиане. (Вспомним, что Русь воевала в Крыму, в Болгарии и Византии; вспомним о пленных гречанках, чехинях и болгарынях, попадавших в гаремы русских князей и, наверное, других представителей киевской знати.) Были и люди, вернувшиеся на Русь после длительного пребывания в странах христианского мира, в том числе и побывавшие там в плену; были, наконец, и гости — купцы и послы — из христианских стран.

Не стоит забывать, что уже при Игоре в состав Киевского государства вошла Тьмуторокань — город, в котором проживало немало христиан и еще с VIII века существовала епископия под юрисдикцией Константинопольского патриархата.

Первые достоверные известия о христианах в самом Киеве относятся к 40-м годам X века, времени княжения Игоря Старого. Существовавшая при Игоре киевская христианская община была уже весьма значительной. В Киеве имелась соборная церковь святого Ильи; киевские христиане входили в состав княжеской дружины. При заключении договора с греками они приносили клятву по христианскому закону и, очевидно, пользовались теми же правами, что и язычники-русы.

Как мы помним, вдова князя Игоря княгиня Ольга сама сделалась христианкой. Во время ее путешествия в Константинополь летом — осенью 957 года ее сопровождал священник, некий Григорий. В начале 60-х годов на Руси побывали уже епископ и священники из Германии.

В последующие века жесткого противостояния Рима и Константинополя обе столицы христианского мира доказывали свой приоритет в деле христианского просвещения Руси. Но в X веке раскол между Восточной и Западной церквями еще не произошел окончательно. Более того, Рим и Константинополь вовсе не являлись единственными центрами христианской проповеди для Руси.

Киевская Русь была в то время лишь частью обширного

славянского мира, пока еще относительно единого для всех земель, где проживали славяне. Соседние и наиболее близкие к Руси славянские народы — болгары, чехи, поляки — к тому времени уже сделались христианами. То, что чехи или поляки находились под юрисдикцией римского папы, а болгары — константинопольского патриарха, не имело особого значения. Крещеных славян объединяло восприятие христианства как единого учения. Это восприятие было присуще уже святым Кириллу и Мефодию, первоучителям славян, которые пользовались покровительством как византийского, так и римского престолов. Славянская миссия Кирилла и Мефодия как бы заново объединяла христианский мир.

Говоря о начальных этапах русского христианства, стоит обратить внимание на такой удивительный факт: основная, так сказать, коренная лексика русского церковного языка вовсе не восходит к языку греческому, но скорее к латинскому. Мы говорим «церковь», а не «базилика», «поп», а не «пресвитер» или «иерей»; к латинскому или немецкому языкам восходят такие слова, как «крест», «крещение», «алтарь» и другие. Все эти слова — общеславянские, а не исключительно русские. И они свидетельствуют о том, что Русь приобщалась к христианству вместе со всем славянским миром и в первую очередь — через его посредство.

Киевскую Русь очень многое связывало с соседними славянскими странами. И главное, конечно, — язык, в X веке еще общий в основном и для болгар, и для сербов, и для поляков, и для русских. В «Повести временных лет», под 6406 (898?) годом, помещено «Сказание о грамоте славянской». Его пронизывает мысль о единстве всех славян между собой, и в том числе славян и Руси. «Апостол Павел доходил до моравов и учил там, — рассказывает летописец. — Вот почему он учитель славян. От славянского языка и мы, Русь. Поэтому и нам, Руси, учитель есть Павел... А славянский язык и русский един есть» [18].

В XV или XVI веке возникла легенда о том, что на Руси проповедовали христианство и сами святые Кирилл и Мефодий. (Ее, надо сказать, подхватили отдельные ученые и в XIX, и в XX веках.) Эта легенда, конечно, — миф. Но роль первоучителей славян в истории русского христианства необыкновенно велика. Как и другие славянские народы, русские получили возможность знакомиться со Словом Божием на своем родном языке. Славянское богослужение, священные и богослужебные книги на славянском языке — все это давало возможность христианству укорениться на Руси, стать со временем поистине родным для народа.

Замечательно, что восточные славяне пользовались славянской азбукой (кириллицей) еще до того, как приобщились к христианству. Кириллические надписи открыты на сосудах (знаменитая корчага из Гнездовского кургана под Смоленском), на цилиндрах-замках из Новгорода. Надписи использовались, видимо, княжеской администрацией, заботившейся об учете и сохранности своего имущества; может быть, буквам придавалось и какое-то сакральное (священное) значение. Так еще языческое общество впитывало в себя элементы христианского культа (а буквы, изобретенные Кириллом и Мефодием, несомненно, были таковыми).

Когда мы станем говорить о выборе князем Владимиром христианской веры, нам надо не забыть и об этой стороне христианства — а именно о том, что оно было уже подготовлено для восприятия славянами.

Однако не одно христианство стремилось утвердиться на землях Киевской Руси. Согласно летописному рассказу о «выборе вер» первыми из посланцев различных народов, предлагавших свою веру князю Владимиру, появились в Киеве болгары-мусульмане. В предыдущей главе мы уже связали это посольство с заключением русско-болгарского мира 985 года. Как видно, контакты между двумя государствами продолжились.

«В лето 6494 (986), — читаем мы в «Повести временных лет», — пришли болгары веры магометанской, говоря: «Вот ты, князь, мудр и разумен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету!» И спросил Владимир: «Какова вера ваша?» Они же отвечали: «Веруем в Бога, а Магомет нас учит так: обрезать тайные уды и свинины не есть, вина не пить; после же смерти можно блудить с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти прекрасных жен, и изберет из них одну красивейшую, и воплотит в ней красоту всех — она и будет тому женой. И здесь можно вволю предаваться блуду. А если кто беден на этом свете, то и на том также». И еще много ложного говорили — о чем и написать нельзя срама ради» [19].

Согласно летописи Владимир весьма благосклонно выслушал мусульманских послов. Особенно понравилось ему в их учении то, что можно вволю предаваться блуду — «бе бо сам любя жены и блужение многое», неодобрительно замечает летописец. Но вот что «нелюбо» было ему — обрезание, а также запрет на употребление свиного мяса. Особенно же неприемлемым оказалось для князя запрещение пить вино. Именно в ответ на увещевания болгарских проповедников

Владимир и произнес ставшую знаменитой фразу: «Руси есть веселье питье, не можем без того быти!» На этом разговор был закончен.

Причина, по которой киевский князь отверг предложения мусульман, кажется курьезной и, во всяком случае, несерьезной. Но мы уже видели, какое большое значение языческая Русь (особенно во времена Владимира) придавала пиршеству, имевшему во многом ритуальный, сакральный смысл. Ислам, возникший позднее других мировых религий, с большей нетерпимостью относился к традиционным языческим культам, требовал полного и одномоментного разрыва с языческим прошлым — не только во внутренних догматах, убеждениях, но и во внешней организации жизни, в том числе и в мелочах. Слова Владимира о «питии» и «веселии» для Руси не так уж поверхностны и легкомысленны, как нам представляется; они отвергают указанную обрядовую нетерпимость ислама.

Впрочем, Владимир не дал окончательного ответа — ни положительного, ни отрицательного. На следующий год, по свидетельству той же летописи, Владимир отправил в Болгарию собственное посольство, состоявшее из десяти мужей «добрых и разумных». Посланцам Владимира велено было на месте ознакомиться с исламским богослужением и рассказать об увиденном князю и боярам. (Этому предшествовали визиты в Киев немцев, хазар и греков. О содержании и смысле их переговоров с Владимиром мы поговорим позже.)

Посланники Владимира дали резко негативную оценку мусульманскому богослужению. «Ходили мы в Болгары, — говорили они, вернувшись, князю и боярам, — видели, как они поклоняются в храме своем, то есть в мечети* — стоят без пояса; сделав поклон, сядет и оглядывается туда и сюда, как бешеный. И нет в них веселия, только печаль и смрад великий. Не добр закон их».

Еще более резко отозвался об исламе грек-философ, наставлявший Владимира в христианской вере. Узнав о посещении князя мусульманскими проповедниками, философ пришел в великое негодование: «Их же вера оскверняет небо и землю, прокляты они более всех людей». Византийцы в то время постоянно воевали с арабами, и ислам был для греков поистине худшим из зол. В вину мусульманам грек поставил их особую нечистоплотность, вызвавшую у Владимира чувство омерзения: «Омовения свои в рот вливают и, по бороде размазывая, поминают Бохмита (то есть Магомета. — *А. К.*).

---

* В подлиннике: «в ропате».

То же и жены их творят: ту же скверну и даже еще хуже — от совокупления мужского и женского вкушают». Услышав это, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто дело» [20].

Как можно догадаться, речь идет об обрядовых омовениях мусульман. Это кажется довольно странным, поскольку эти омовения, напротив, давали мусульманину возможность с чувством собственного превосходства смотреть на «неверных», обвиняя именно их в нечистоплотности и «скверных делах». Впрочем, в межконфессиональных спорах стороны нередко заимствуют друг у друга обвинения, направленные против них самих. Обвинения грека-философа, между прочим, удивительным образом схожи с теми обвинениями, которые в свое время выдвигал против язычников-русов арабский путешественник и дипломат Ибн Фадлан: встретив русов в Болгаре на Волге в 921/922 году, араб с отвращением отозвался именно об обряде их умывания [21].

Приведенный летописный фрагмент не входит в состав знаменитой «Речи Философа», возникшей независимо от летописи и имеющей самостоятельный характер. По-видимому, он принадлежит тому же летописцу, который составлял весь летописный рассказ о «выборе вер». Несомненно, рассказ этот носит ярко выраженный антимусульманский характер, являясь (в этой части) своего рода антимусульманским памфлетом. Но в то же время он не имеет ничего общего с другими антимусульманскими сочинениями, бытовавшими в византийской и древнерусской письменности [22]. Само содержание летописного рассказа, подчеркнутое внимание к обрядовой (а не догматической) стороне исламского учения, наивное восприятие особенностей исламского богослужения и поведения верующего в мечети свидетельствуют не о книжном, а именно об обыденном (и притом довольно раннем) знакомстве русских с исламом*. Особо обращает на себя внимание употребление в летописном рассказе слова «ропата» (или «ропать») в значении «мечеть». Это слово непосредственно восходит к арабскому «рибат» — «укрепленный монастырь», «пограничная казарма»; оно известно и у тюркских народов, в том числе и у болгар. Думаю, что это слово — также показатель непосредственных контактов Руси с миром ислама, прежде всего в поволжском регионе.

---

* Присутствие мусульман в Киеве при князе Владимире подтверждается археологически. В 1975 году на Киевском Подоле был обнаружен набор шиферных литейных форм X века. Одна из форм имеет арабскую надпись, которую предположительно читают как «Йазид» — вероятно, имя мастера-изготовителя [23].

Сохранилось два восточных известия о переговорах Владимира с мусульманами. Они подтверждают достоверность летописного сказания об «испытании вер». Первое известие принадлежит придворному сельджукскому врачу арабу Шарафу аз-Заману Тахиру Марвази, составившему около 1120 года трактат «О естественных свойствах животных»; второе — персидскому писателю Мухамеду ал-Ауфи, составившему в Индии около 1228 года сочинение «Сборник анекдотов и собрание блестящих рассказов». Правда, оба автора плохо представляли себе Русь и писали о ней явно с чужих слов. Их информация не только вторична, но и во многом искажена. И тем не менее она представляет исключительный интерес для понимания внешней политики Владимира и его внутренних религиозных исканий. Здесь содержится и имя князя Владимира — переданное в форме «Буладмир»; восточные авторы поняли его не как имя собственное, а как титул правителя Руси.

Вот что рассказывается в 9-й главе трактата Марвази, посвященной тюркским народам, к которым автор (и в этом он, кстати, был неодинок в арабской географической литературе) относил также славян и русов.

Изложив хорошо известный из арабской географической литературы рассказ о русах, живущих якобы на некоем острове, и об их военных доблестях (русы, согласно Марвази, постоянно занимаются разбоем и знают лишь одно средство добывать себе пропитание — меч)*, Марвази продолжает [24]:

«...И было их воспитание таковым, пока они не приняли христианства в месяцах 300 года (хиджры; по христианской эре — 912/913 год. — *А. К.*)**. Когда они обратились в

---

* Это известие восходит к более ранним арабским писателям Ибн-Русте и Гардизи. Кроме того, в рассказе о русах Марвази использовал сочинения Масуди и Ибн-Мискавейха. Однако ни у кого из них об обращении русов в ислам ничего не говорится. Очевидно, у Марвази был еще один источник, не дошедший до нас.

** Обращение русов к хорезмшаху, согласно восточным авторам, следует датировать временем вскоре после 300 (912/913) года. Однако эта дата, несомненно, дефектна [25]. Вероятнее всего, в ней просто не хватает цифр для обозначения десятков и единиц. У позднейших авторов Шукруллаха и Мохаммеда Кятиба (см. ниже) содержатся другие даты: 303 и 333 годы хиджры — эти даты также округлены и лишь указывают на отсутствие исправных цифр в их источниках. Упоминание «царя Буладмира» ведет ко времени княжения князя Владимира Святославича. Отметим также упоминание у Марвази и ал-Ауфи титула «хорезмшах». Этот титул эмиры Гургандж (Ургенча), с которыми скорее всего могли контактировать послы Владимира, получили лишь в 996 году; первым хорезмшахом из новой династии был современник Владимира Мамун Ибн-Мухаммед, правивший в Гургандже и в 80-е годы X века.

христианство, вера их притупила их мечи, дверь добычи закрылась за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели сделаться мусульманами, чтобы для них были дозволены набег и священная война, возвратиться к тому, что было раньше. Вот они и послали послов к владетелю Хорезма, четырех мужей из приближенных их царя, ведь у них независимый царь, и называется их царь Буладмир, подобно тому, как называется царь тюрок хакан, а царь булгар Б. т. л. т. в. (?)*. Пришли послы их в Хорезм, поведали цель посольства; обрадовался хорезмшах тому, что они захотели стать мусульманами, и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их в законах ислама, и они обратились в ислам...»

Впоследствии рассказ Марвази был использован в сочинении ал-Ауфи. Однако персидский писатель сообщил ряд дополнительных подробностей, отсутствующих у его предшественника:

Русы... «почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами; их побуждало к этому желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезмшаху; послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул Буладмира... Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почетные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого они все сделались мусульманами...» [26].

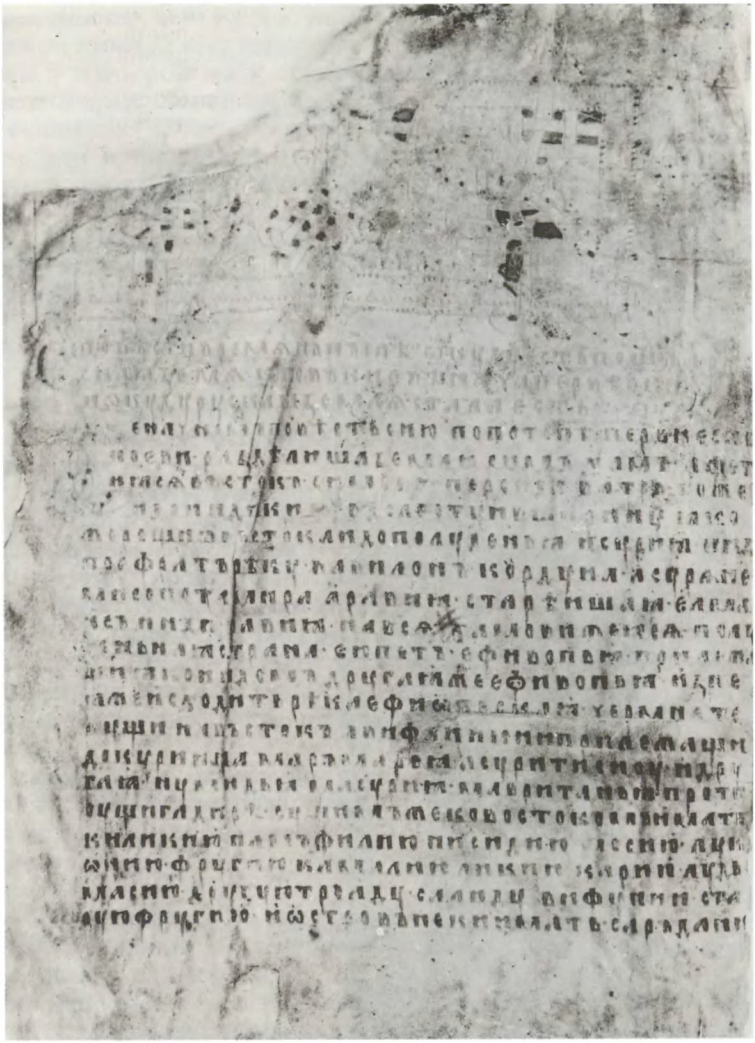
Известие об обращении русов в ислам в сокращенном и сильно дефектном виде сохранилось также в двух других, более поздних сочинениях. Одно из них принадлежит персу Шукруллаху (XV век), другое — турецкому писателю Мохаммеду Кятибу (XVI век) [27].

Легко увидеть, что мусульманский рассказ имеет существенные отличия от летописного. Совершенно по-другому оцениваются в нем результаты посольства русов; само посольство направлено не в Волжскую Болгарию (как в летописи), а в Хорезм; иначе названо число послов и т. д. Но и тот, и другой рассказы — поздние, и вышли они из прямо противоположных лагерей — христианского и мусульманского. Само обращение Владимира к мусульманским правителям за разъяснением мусульманской веры было, конечно, далеко не рядовым событием. Мусульманский проповедник (имам),

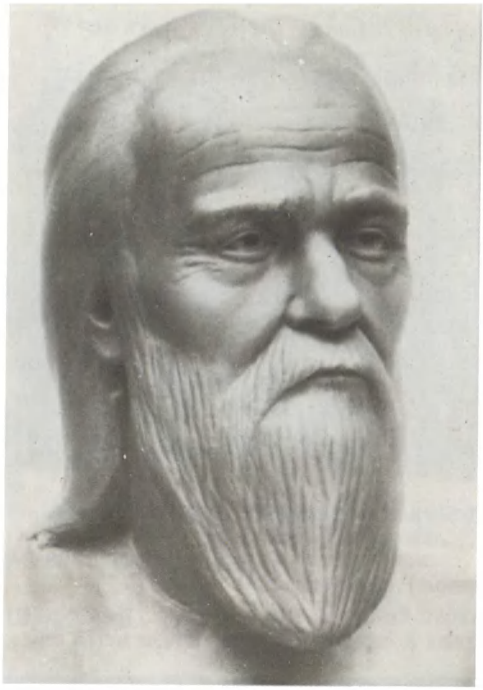
* В переводе сочинения ал-Ауфи титул правителя булгар передан как «владавац».

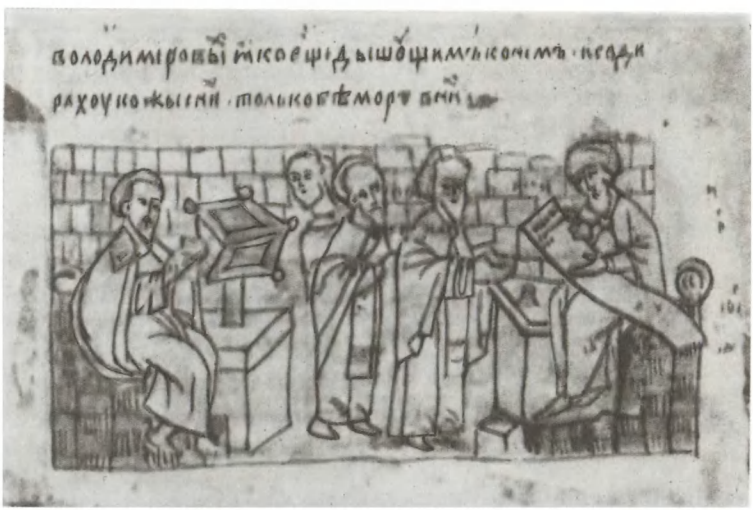
Святой и благоверный великий князь Владимир. Икона. *1-я половина XV в.*

Вклейка № I



Начальный лист Лаврентьевской летописи: «Се повести временных лет, откуда пошла земля Русская, кто в Киеве начал первым княжить и откуда Русская земля стала есть...»



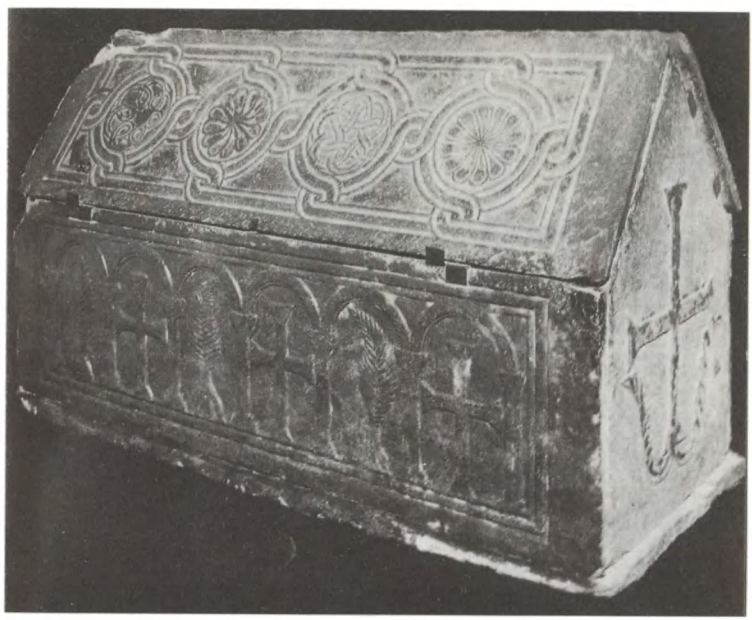
Нестор Летописец. *Скульптурная реконструкция С. А. Никитина. Фотография предоставлена С. А. Никитиным.*

Книжники великого князя Ярослава Мудрого. Миниатюра Радзивиловской летописи. *XV в.*

Крещение Ольги. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Ольга и Святослав. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Успение Ольги. Князь Святослав и княжичи Ярополк,
Олег и Владимир оплакивают княгиню.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Шиферный саркофаг из Десятинной церкви. Предположительно,
в нем были захоронены мощи святой княгини Ольги.



Штурм Преславы войсками императора Иоанна Цимисхия. Миниатюра Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы. *XII—XIII вв.*

Древнерусские мечи X в. Найдены вблизи днепровских порогов, на предполагаемом месте гибели князя Святослава и его дружины.

Единоборство Святослава с Анемасом, сыном критского эмира. Фрагмент миниатюры Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы.

Встреча императора Иоанна Цимисхия и князя Святослава на Дунае. Миниатюра Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы.

Киевский детинец. *Фрагмент макета. Автор Д. П. Мазюкевич.*

Вверху справа: «Софийские ворота» «города Владимира». *Реконструкция Ю. С. Асеева.*

Збручский идол

«Перунов холм» в Киеве. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Языческий идол. Найден в Новгородской области.

Святилище в Перыни, близ Новгорода. *Реконструкция В. В. Седова.*

Убийство варягов-христиан.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Бронзовый крест-энколпион и пряслице X—XI вв. Найдены в Киеве, на северо-западных склонах Старокиевской горы.

Языческое капище в Киеве. *Раскопки 1975 г.*

Железный топорик из жертвенника киевского капища.

Болгарские проповедники-мусульмане у князя Владимира.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Проповедники от хазар (иудеев) у князя Владимира.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Греческие проповедники у князя Владимира.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Греческий философ показывает князю Владимиру
«запону» с изображением Страшного суда.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Успение Божией Матери. Святой равноапостольный князь Владимир и святые князья-мученики Борис и Глеб. Двучастная икона. *XV в.*

очевидно, отправился в Киев для непосредственных переговоров с князем. Результат этих переговоров был отрицательным. Но под пером автора-мусульманина результат переговоров переосмыслен — отсюда и возникло предание об обращении русских в ислам. Известно: если в действие вступает интерес, то от желаемого до действительного — один лишь росчерк пера.

Мы уже определили фрагмент летописного текста как своего рода антимусульманский памфлет. Теперь перед нами антихристианский мусульманский памфлет, причем типичный для исламской литературы. Учение Христа изображено мусульманскими авторами как вредная религия, оказывающая разлагающее, изнеживающее влияние на своих последователей. Результаты крещения — нужда, бедность и слабость в военном отношении. Именно в этом смысле христианству противопоставляется ислам.

Сравнивая летописный рассказ с известиями арабского и персидского авторов, исследователи приходят к выводу, что русское посольство, посланное Владимиром в Болгар, было направлено оттуда в Хорезм, куда сами болгары обращались за разъяснением своих религиозных вопросов [28]. Это вполне может быть, хотя нельзя исключать и того, что речь идет о двух различных посольствах, близких по времени и, может быть, по целям. Во всяком случае, итоги военных действий князя Владимира на Волге и в Хазарии делали желательным урегулирование отношений между Русью и Хорезмом.

Насколько серьезной и искренней была заинтересованность Владимира в исламе? Действительно ли он допускал возможность принятия этой религии в качестве государственной на Руси? Ответ на эти вопросы не так прост, как кажется. С самого начала своего существования Русь находилась на стыке Запада и Востока, ощущая влияние как с той, так и с другой стороны. Возможность выбора у Владимира действительно была. Начиная войну на Волге, Владимир, как некогда его отец, поворачивал Россию лицом к Востоку, входил в соприкосновение с миром ислама; усиление влияния ислама на Русь становилось неизбежным следствием этого. Мы уже говорили о том, что путь в страны ислама был хорошо знаком древним русам. В X веке они неоднократно разоряли мусульманские области вдоль западного и южного побережий Каспийского моря. Иной раз эти набеги заканчивались неудачей, но чаще приносили богатую добычу. Современники Владимира, несомненно, хорошо помнили об этом.

«Восточный поход» Владимира, однако, не получил продолжения. Более того, он стал своеобразной прелюдией к

событиям на совсем другом театре военных действий. Присоединение Тьмуторокани к Киевскому государству неизбежно (как и во времена Святослава) приводило к обострению русско-византийских отношений, становившихся главными для Владимира. Не исключено, что, разыгрывая «мусульманскую карту», вступая в демонстративные переговоры с правителем Болгара или эмиром Гурганджа относительно возможностей принятия ислама, Владимир лишь стремился оказать нажим на Константинополь, попросту шантажировал византийских василевсов угрозой бесповоротного выхода Руси из числа возможных союзников Империи. (Напомню, что сама Византия находилась в состоянии непрекращающейся войны с Арабским халифатом.)

В то же время я думаю, что интерес Владимира к исламу был вполне искренним. Поиски своей веры всегда нелегки, и далеко не сразу человек находит свой путь в жизни. Ислам не был чем-то совсем уж неизвестным для киевского князя; он имел возможность оценить его как сильное и цельное учение, подчиняющее себе десятки тысяч людей и дающее им силы и волю для отстаивания своих идеалов. Вероятно, Владимир пытался примерить это учение и на себя лично, соотнести его со своими собственными чаяниями, но — после серьезного размышления — все же решительно отверг.

В биографии Владимира эпизод с «испытанием» магометанской веры весьма показателен. Он высвечивает многие стороны в характере князя, частью уже знакомые нам, — готовность к нестандартному, неожиданному решению, крутому повороту в выборе союзника, стремление «выжать» из ситуации максимум того, что та может дать.

В конце концов, Владимир повернулся в другую сторону — а именно в сторону Византии, обозначив это направление своей политики как главное. Драматические события в Империи в 986—988 годах (о которых мы будем говорить в следующей главе) сделали политику религиозного давления и шантажа попросту ненужной. Обращения Руси в ислам не произошло, да и не могло произойти. Слишком прочными и устойчивыми оказались ее связи со странами христианского мира — славянскими соседями, Византией, Германией. Но этот однозначный выбор между Востоком и Западом, сделанный князем Владимиром в пользу последнего, дался нелегко.

В нашем распоряжении имеется еще одно известие о контактах Руси с миром ислама, происходивших около 987 года. Оно относится совсем к другому региону — а именно к

городу Дербенду (в нынешнем Дагестане), крупнейшей мусульманской крепости на Каспийском море, в буквальном смысле «запиравшей» узкий проход в Восточное Закавказье вдоль восточных отрогов Главного Кавказского хребта. (Арабское название Дербенда — ал-Баб, или Баб ал-абваб — и значит дословно «Ворота»; согласно преданию, могучие «двойные стены» Дербенда, уходившие с одной стороны высоко в горы, а с другой — в глубь Каспийского моря, построил в VI веке знаменитый персидский царь Хосров Ануширван.) Известие о русах содержится в арабской «Истории Ширвана и Дербенда», составленной в XI веке, но дошедшей до нашего времени лишь в изложении турецкого историка XVII века Мюнежжим-баши. Согласно этому источнику, во второй половине 80-х годов X века Дербенд переживал внутреннюю смуту: эмир Маймун бен Ахмад бен Абд ал-Малик был фактически отстранен от власти мятежными раисами — представителями местной знати (буквально: «правителями города»), а затем и заключен под стражу. Раисы пользовались поддержкой правителя соседнего Ширвана (мусульманского государства в Северном Азербайджане) ширваншаха Мухаммада бен Ахмада и проводили откровенно проширванскую политику. В свою очередь, эмир Маймун также нуждался в союзниках для борьбы с мятежниками; он решил обратиться к язычникам-русам, о военной доблести которых в Дагестане и Азербайджане, конечно, не забыли. В 987 году было заключено тайное соглашение. Русы на восемнадцати кораблях (а это примерно 1000 человек) появились вблизи Дербенда. «Сначала они послали один корабль, чтобы выяснить, действительно ли эмир желает их помощи», и в самом деле «вывели эмира из его заключения». Однако «народ ал-Баба соединенными усилиями перебил их до единого». Оставшиеся русы (на семнадцати кораблях?) отправились дальше на юг, вдоль побережья Каспийского моря, и разграбили сначала Маскат (к югу от Дербенда), а затем Ширван.

Неудача первого дербендского похода не обескуражила русов и не привела к расторжению их договора с эмиром. В следующем году эмир Маймун, очевидно, при поддержке своей русской гвардии овладел Дербендской крепостью. Однако спустя еще год, в 989 году, в Дербенде вновь начались беспорядки, вызванные на этот раз появлением некоего религиозного фанатика, проповедника из Гиляна (мусульманской области на южном побережье Каспия) Мусы ат-Тузи. Влиянию Мусы подчинился весь город. Эмир Маймун, обвиненный, между прочим, в пристрастии к пьянству, был вынужден публично покаяться в грехе и дал обет не прикасаться

к вину. Не удовлетворившись этим, Муса потребовал от эмира «выдать ему его телохранителей-русов, чтобы им был предложен ислам или смерть». Эмир ответил отказом, против него восстал весь город. В течение двадцати восьми дней русы вместе с эмиром оборонялись в «цитадели ал-Баба»; наконец договорились на том, что эмиру и его «гуламам» (телохранителям) будет разрешено покинуть Дербенд и удалиться в соседний Табарсаран. В город вступили войска ширваншаха, а вместе с ними и сам ширваншах Мухаммад. Несколько месяцев спустя один из «гуламов» бежавшего эмира, по имени Балид (или, по другой рукописи, Балду; вероятно, рус?), напал на ширваншаха и тяжело ранил его. После поспешного отъезда ширваншаха обратно в Ширван эмир Маймун вернулся в Дербенд, но ненадолго. Окончательно эмир занял свой город только в 992 году, после смерти ширваншаха Мухаммада. О русах в составе его войска источники уже не сообщают [29].

Из контекста «Истории...» следует, что русы, прибывшие в Дербенд, жили где-то поблизости, скорее всего в Тьмуторокани на Тамани. Этот город имел давние и прочные связи со всем Северным Кавказом; традиционными союзниками правителя Тьмуторокани считались ясы (аланы) и касоги. Первые постоянно упоминаются на страницах «Истории Ширвана и Дербенда», в том числе и в связи с русами [30].

Это обстоятельство, кажется, позволяет поставить дербендские события в контекст собственно русской истории, связав их с двумя важнейшими событиями — присоединением Тьмуторокани и началом русско-византийских переговоров, в том числе и по поводу принятия князем Владимиром христианской веры.

Около 985—986 годов Тьмуторокань перешла под власть князя Владимира. Можно не сомневаться в том, что Владимир, по крайней мере, знал о тайных переговорах, которые велись с эмиром Маймуном в 987 году — все, что касалось вновь присоединенного города, имевшего огромное стратегическое значение для него, не могло не волновать киевского князя. Но ведь именно к 987 году относятся переговоры князя Владимира с византийскими императорами Василием и Константином; весной 988 года (а может быть, и раньше) шеститысячный русский корпус уже прибыл в Константинополь. Так стоило ли распылять силы, направляя примерно тысячу человек совсем в другую сторону?

Я думаю, что Владимир и не был инициатором отправки русских кораблей на Каспий; русы, появившиеся у Дербен-

да, действовали на свой страх и риск. Но если так, то их появление в Восточном Закавказье можно объяснить лишь одним — несогласием с тем поворотом, который произошел в политике Владимира вскоре после завоевания Тьмуторокани, то есть с началом переговоров с Византией и решением о принятии христианства. Русы, несомненно, жили в Тьмуторокани и в тот промежуток времени, когда город с округой не входил в состав Киевского государства, оставаясь, по-видимому, не зависимым ни от кого осколком прежнего Хазарского каганата. Вероятно, подчинение Владимиру пришлось по душе далеко не всем русам; часть войска предпочла перейти на службу к другому правителю. То, что им стал эмир Дербенда, вероятно, объясняется стечением обстоятельств — просто эмир нуждался в сильном войске, не связанном этнически с населением своего города.

Надо полагать, Владимир не стал препятствовать своим сородичам, подобно тому, как несколькими годами раньше он с легким сердцем распрощался с варягами, завоевавшими для него Киев.

В Дербенде русы поступили на службу к эмиру, который отныне становился единственным их сюзереном. Власть же Владимира, напротив, перестала распространяться на них. (Это — вне зависимости от того, каким образом русы покинули Тьмуторокань и оказались вблизи Дербенда.) Их связи с Киевской Русью оборвались — обычная ситуация во времена наемников и бродячих безгосударственных образований. Но все же — хотели они того или нет — они оставались *русью* для всех, и все происходившее в собственно Руси косвенно касалось и их. Рискну предположить, что и конфликт 989 года, проявившийся в ультиматуме Мусы ат-Тузи и всплеске антирусских настроений в Дербенде, мог быть вызван, в частности, известием о принятии русским князем Владимиром христианской веры.

Исламский фактор будет оказывать определенное воздействие на Русь и после принятия ею крещения. Еще не раз правители Руси будут выбирать свой путь между Западом и Востоком. Однако ислам навсегда останется чуждой и враждебной религией для русских.

Еще меньше шансов на успех имели в Киеве проповедники иудаизма. Если верить летописи, они также появились у князя Владимира, прослышав о приходе к нему магометан и «немцев» (латинян).

«Услышав об этом, пришли Жидове Козарские*, говоря: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли; а мы веруем в единого Бога Аврамова, Исакова, Иаковлева». И спросил Владимир: «Каков закон ваш?» Они же отвечали: «Обрезаться, свинины не есть и зайчатины, субботу соблюдать». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же отвечали: «В Иерусалиме». И спросил он: «А точно ли там?» И отвечали те: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по странам за грехи наши, и предана была земля наша христианам». Владимир же сказал на это: «Как же вы иных учите, а сами отвержены от Бога и рассеяны. Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» [31].

Иудаизм оказался лучше знаком князю Владимиру, нежели ислам. Он и повел себя в разговоре с проповедниками-иудеями совсем по-другому — наступательно, перехватывая инициативу. Более того, Владимир (или, вернее, пересказывающий слова Владимира летописец) обнаружил знакомство с полемическими приемами, применявшимися в религиозных спорах с иудеями: «А точно ли там?» — спрашивал Владимир хазарских послов, очевидно, хорошо зная, каким будет ответ [32].

Такая осведомленность объяснима. Последователей иудаизма действительно хорошо знали в Киевской Руси. В свое время сам Киев возник на окраине хазарского мира, а поляне были данниками хазар. Еще в первой половине X века в городе существовала влиятельная еврейско-хазарская община («кагал») и, кажется, стоял даже хазарский воинский гарнизон. Хазары-иудеи жили в Киеве и позднее (по крайней мере, до второй четверти XII века); один из кварталов города носил название «Жидове», а расположенные близ него ворота еще долго именовали «Жидовскими». Преподобный Феодосий Печерский во второй половине XI века по ночам, «отаи всех», «исхожаше к жидом» и устраивал с ними прения о вере [33].

Число иудеев в Киеве, вероятно, возросло после сокрушения Хазарии, при князе Святославе. Обратим внимание и на такое хронологическое совпадение: появление хазарских проповедников в Киеве последовало вскоре после присоединения к Киевскому государству Тьмуторокани. Этот город был издавна заселен евреями и считался одним из центров иуда-

---

* Слова «жидовин», «жидове», разумеется, не имели в древнерусском языке какого-либо уничижительного оттенка, обозначая приверженцев иудаизма, иудеев.

изма в Причерноморье. (Не случайно арабские авторы IX—X веков называли его иногда «С-м-куш ал-яхуд», то есть «Самкуш евреев».) Летописное выражение «Жидове Козарские», вероятнее всего, указывает на Крым или Тамань (Тьмуторокань) — в X—XI веках именно эти районы стали называться Хазарией не только в русских, но и в греческих, латинских и еврейских источниках.

Многим кажется странным и в высшей степени маловероятным факт иудейской пропаганды в отношении Руси. Иудаизм — замкнутая, закрытая религия одного, «избранного», народа, не предусматривающая вовлечения в свое лоно новых членов. Однако в средние века это было не вполне так. Нам известны многочисленные случаи иудейского прозелитизма (обращения в иудейскую веру) в VIII—XI веках, причем в различных регионах тогдашнего мира.

Само обращение в иудаизм хазар — вовсе не исторический миф, как иногда полагают. Не только этнические евреи придерживались в Каганате Моисеевых законов, но и обращенные, собственно хазары. Именно такие недавние прозелиты — как это следует из обнаруженного недавно еврейско-хазарского документа (так называемого «Киевского письма») — проживали и в Киеве[34]. Случаи обращения в иудаизм рабов, пленников отмечены на протяжении длительного времени (с I по XI век) и в Крыму. Так что для Киевской Руси эпохи Владимира иудаизм не был неким реликтом, но представлял собой вполне жизнеспособную религиозную систему, последователи которой, по-видимому, были не прочь повторить «хазарский эксперимент» на новом этническом материале*.

Владимир бесповоротно отверг увещевания хазар. Евреи оказались единственными, к кому он не отправил собственных послов. Но ведь некуда было. После падения Хазарии в Восточной Европе как бы заново повторилась ситуация с

---

* Сохранился любопытный еврейский документ, содержащий свидетельство некоего Авраама, сына Мар Симхи, из города Сафарад (Керчи?). Автор «находился в царстве братьев наших, благочестивых прозелитов хазар... в то время, когда послы князя Рош Мешех из города Циоб (Киева?) пришли к государю нашему хазарскому царю Давиду разведать о делах религии».

Библейское имя «Рош Мешех» (Иезекииль: 38:2—3;39:1) иногда применялось к Руси, в том числе и в средневековой еврейской литературе. Было бы соблазнительно поставить это свидетельство в связь с летописным рассказом о прихождении хазарских послов к Владимиру (хотя о посольстве самого Владимира к хазарам в летописи ничего не говорится). Однако большинство исследователей квалифицирует данный документ как безусловную подделку (правда, неизвестно какого времени) [35].

рассеянием евреев — хазарские иудеи лишились государства и остались без своей «земли». Неудивительно, что именно это обстоятельство стало решающим для князя Владимира при принятии окончательного решения. Хазария была повержена Русью. В глазах язычников гибель государства неопровержимо доказывала гибельность и беспомощность его богов. «Обветшавшая» религия поверженного Каганата не могла стать религией победившей Руси.

Казалось, выбор был сделан. Христианство оставалось единственной религией, приемлемой для Руси. Но и по отношению к христианству Владимир первоначально не выказал никакого предпочтения. Отчасти это объяснялось неоднородностью самого христианства, противоборством двух враждующих христианских центров — Рима и Константинополя.

Согласно «Повести временных лет», послы «из Немец» появились при дворе Владимира еще до прихода хазарских иудеев, вскоре после отъезда из Киева проповедников-болгар.

«Потом же пришли немцы, — рассказывает летописец, — говоря: «Пришли мы, посланные от папы». И сказали ему (Владимиру. — *А. К.*): «Так говорит тебе папа: земля твоя, как и наша земля, а вера ваша, не как наша вера. Ибо наша вера — свет; поклоняемся Богу, который сотворил небо и землю, звезды, месяц и всякое дыхание. А ваши боги суть дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» Они же отвечали: «Пощение по силе — если кто пьет или ест, то все во славу Божью, как сказал учитель наш Павел» [36].

Ответ «латинян», кажется, заранее предусматривает наклонности киевского князя, не ограничивая его ни в еде, ни в питье; создается впечатление, что христианские проповедники учли неудачный опыт излишней требовательности магометан. Но едва ли не сам летописец видоизменил слова апостола Павла, на которые, вероятно, ссылались немцы, придав им совершенно иной смысл. (Ибо апостол Павел в Первом послании к Коринфянам (10:31) говорил совсем другое и по другому поводу: «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию».) Летописное «пощение по силам» немцев, вероятно, представляет собой позднейшее осуждение тех послаблений в исполнении поста, которые отличали католическую церковь от православной.

Так или иначе, но Владимир отверг увещевания немцев. Любопытна причина, которую он указал сам. «Идите обратно, — обратился князь к проповедникам, — так как отцы наши не приняли этого».

Несомненно, ответ Владимира имел в виду недолгое пребывание на Руси «епископа ругов» Адальберта в 961—962 годах. «Отцы наши» — это в первую очередь князь Святослав, а также отцы бояр Владимира и «старцев градских». (Заметим, кстати, что о миссии Адальберта летопись ничего не сообщает; слова Владимира, между прочим, подтверждают обстоятельность и осведомленность составителя сказания о «выборе вер».)

На следующий год, однако, с совета бояр и «старцев» Владимир отправил послов «в Немцы» — «соглядать» тамошнюю церковную службу и поклонение Богу.

«Пришли мы в Немцы, — рассказывали по возвращении князю и боярам уже знакомые нам десять «добрых и разумных мужей», ездивших сначала «в Болгары», а впоследствии и в Царьград, — и видели в храмах многие их службы, а красоты не видели никакой». Так у Владимира появился второй аргумент для отказа от принятия западного варианта христианства.

Оценка, данная латинскому богослужению посланцами Владимира, вызывает некоторое недоумение, поскольку оно, как известно, отличается не меньшей пышностью, нежели православное, поразившее, по словам летописца, своим великолепием тех же послов. Но возможно, что описанные летописью путешествия (на Запад и в Царьград) были неодновременными; в таком случае слова летописца могли бы отражать различия в отношении к христианству самих русских на протяжении какого-то (может быть, небольшого) временного промежутка. Кроме того, можно вспомнить, что в различных странах и областях западнохристианского мира богослужение отличалось своими особенностями: где-то оно было скромнее, где-то более пышным. Мы же, к сожалению, не знаем точно, кого именно назвал летописец обобщенным наименованием «немцы».

Согласно прямому указанию ряда летописей (Радзивиловского, Академического, Ипатьевского списков «Повести временных лет», Новгородской Первой летописи младшего извода) латинские проповедники явились в Киев непосредственно из Рима [37]. (Лаврентьевская летопись этого уточнения не знает.) Однако название Рим в древней Руси имело не столько географический, сколько политический и конфессиональный смысл. Рим — это область распространения латинства, а также территория Священной Римской империи и, прежде всего, ее этнического ядра — Германии. Ссылка Владимира на казус с епископом Адальбертом также подтверждает, что по-

сланцы папы на самом деле явились из Германии и представляли скорее всего нового германского императора Оттона III (983—1002).

Но летопись, кажется, позволяет точнее определить ту этнополитическую среду, из которой вышли немецкие проповедники. Я имею в виду упоминание ими в качестве своего учителя апостола Павла (а не «князя апостолов» Петра — основателя Римской церкви, — имя которого мы скорее ожидали бы услышать из их уст). Имя апостола Павла, называемого также «апостолом язычников», было неизменно популярно среди варварских народов, только начинавших свое приобщение к христианству, ибо в посланиях этого апостола с особой силой подчеркивалась мысль о равенстве перед Господом всех народов, независимо от времени их приобщения к единому Богу. Но обращает на себя внимание, что именно Павел назван учителем славян и собственно Руси в летописном Сказании об обретении славянской грамоты, помещенном в «Повести временных лет» под 6406 (898?) годом. Речь проповедников-немцев неожиданно оказывается в связи с идеей славянского единства, пронизывающей Сказание об обретении славянской грамоты, и с кирилло-мефодиевской традицией в целом.

Латинские источники не сообщают ничего определенного о проповеди христианства в Киевской Руси около 985—986 годов (время пребывания немецкой миссии согласно «Повести временных лет»)*, равно как и о посольстве самого Владимира в Рим или «в Немцы». Скорее, как мы уже отмечали выше, в послах «из Немец» можно было бы увидеть тех безымянных немецких проповедников, которые, кажется, посещали Русь в последние месяцы пребывания в Киеве князя Ярополка Святославича и с которыми, по-видимому, недружелюбно обошелся сам Владимир, придя в Киев. Послы Владимира «в Немцы» также могли быть теми самыми, кото-

---

* В нашем распоряжении имеется источник, который, вероятно, свидетельствует о миссионерской деятельности немецких проповедников на Руси незадолго до или вскоре после ее Крещения. Это два свинцовых медальона с изображением императора Оттона II и его супруги Феофано, матери правящего императора Оттона III, найденные где-то на территории Киевской Руси (скорее всего на Новгородчине). Время их изготовления — между 982 и 991 годами. По своим особенностям медальоны определяются как массовый пропагандистский материал, изготовлявшийся, вероятно, при Магдебургской миссийной митрополии и предназначавшийся для миссионерских целей в тех областях, где действовали магдебургские миссионеры. К таким областям относилась и Русь. К сожалению, точное место и время обнаружения медальонов неизвестны [38].

рые, вероятно, посещали Германскую империю вскоре после вокняжения Владимира в Киеве в конце 70-х годов X века, когда Русь и Германия, предположительно, договаривались о совместных действиях против польского князя Мешка (см. об этом в главе 5).

Отвергая предложения латинских миссионеров, Владимир ссылался на неудачу миссии Адальберта, тем самым демонстративно отвергая тот путь, который некогда избрала княгиня Ольга, а затем и ее внук князь Ярополк. Но спустя совсем немного времени (а если доверять летописи, то всего через год) имя Ольги прозвучит уже совсем в ином контексте — именно о ней, «мудрейшей из всех людей», вспомнят бояре и «старцы градские», когда князь начнет советоваться с ними по поводу принятия новой веры. Перед нами несомненное противоречие, но это противоречие, вероятно, отражает тот поворот, который произошел в отношении Владимира к христианству за годы его княжения в Киеве.

Ольге и Ярополку Владимир противопоставит ту же Ольгу — но Ольгу, крестившуюся в Царьграде, а не выпрашивающую проповедников в Германии. (Противоречие, конечно, мнимое, но оказавшееся необходимым для Владимира.) Как мы увидим, на выбор киевского князя окажут влияние те события, которые произойдут в 80-е годы X века в самой Византийской империи и которые заставят византийских василевсов обратиться за помощью к самому князю, забыв о своих религиозных и политических амбициях. Выбор Владимира будет определен и той внешнеполитической линией, которую, в конце концов, изберет он сам и которая сделает его отношения с Византийской империей главными и определяющими. Но все эти обстоятельства внешнего и частного характера наложатся на внутренний выбор Владимира, а также на тот несомненный факт, что именно к Византии более всего тяготели киевские христиане. (В этой связи мы вспомним не только саму княгиню Ольгу, но и варягов-христиан, убитых в Киеве в 983 году*.) Ко второй

---

* Любопытное свидетельство о проникновении на Русь греческого христианства вместе со скандинавами-варягами находят в скандинавской Саге об Олаве Трюгвассоне. Согласно этому источнику Олав, движимый чудесным голосом свыше, отправился в Грецию, где и приобщился к христианству. Вернувшись в Киев, он сумел убедить «конунга Валдамара» в преимуществах новой веры; конунг созвал народное собрание («тинг»), на котором и было решено креститься. После этого на Русь приехал епископ Павел, с которым Олав встречался еще в Греции; он и крестил конунга, его супругу Аллогию, а также весь народ [39].

половине X века под юрисдикцией Константинопольской церкви находились и те области славянского мира, в которых Слово Божие звучало на славянском языке — единственном приемлемом для Руси. (Еще с конца IX века началось вытеснение славянского языка в качестве богослужебного из Моравии, Чехии, Польши. Последователи Кирилла и Мефодия вынуждены были переселяться — главным образом в Болгарию, а также, возможно, и непосредственно на Русь.) Наконец, под юрисдикцией Константинополя находилась и Тьмутороканская епископия — единственная на территории Киевского государства. (При всей отдаленности Тьмуторокани от Киева все же нельзя полностью исключать влияния таманских христиан на князя Владимира.)

Возможно также, что, выбирая между Римом и Константинополем, князь Владимир учитывал еще один чисто политический аспект христианизации своей страны. Принимая новую веру *извне*, князь должен был позаботиться о том, чтобы вместе с церковной зависимостью Русь не попала еще и в политическую зависимость от крупнейших держав того времени. И Рим (а точнее, Магдебург или Гамбург) в этом отношении оказывались, пожалуй, опаснее Константинополя. Вспомним, что Владимир совершал свой выбор всего через несколько лет после начала кровопролитного восстания прибалтийских и полабских славян, когда становилось очевидным, что продвижение немецких проповедников в славянские земли могло нести с собой не только свет веры, но и кровь и порабощение. Киевская Русь непосредственно граничила на западе с Польшей и Чехией, уже находившимися под юрисдикцией Рима. Формально ее земли уже были заранее включены в состав Магдебургской епархии, и угроза церковно-политического подчинения Империи была вполне реальной.

Но усилия латинского Запада, попытки христианской проповеди, предпринятые в 60-е и 70-е (а может быть, и в 80-е) годы X века немецкими миссионерами, очевидно, сыграли свою роль в христианизации Руси. В этой связи приведу свидетельство еще одного довольно раннего источника, рас-

---

Но этот рассказ, очевидно, имеет чисто литературное происхождение. Само вторичное пребывание Олава на Руси вызывает сомнения; сам он крестился, вероятно, уже после того, как окончательно покинул Русь. Скорее всего Русь выступает в данном случае как некий собирательный географический образ и, следовательно, рассказ о крещении Владимира отражает лишь тот известный скандинавским сказителям факт, что именно конунг «Валдамар Старый» явился Крестителем Руси.

сказывающего о Крещении Руси, а именно уже упомянутой на страницах книги Хроники французского монаха первой трети XI века (то есть почти современника Владимира) Адемара Шабаннского. Как уже отмечалось, его рассказ во многом легендарен; в частности, Адемар приписывает обращение Руси святому Бонифацию (что, напомню, основано отчасти на недоразумении, а отчасти, возможно, на смешении немецкого епископа Бруно Бонифация с какими-то его предшественниками-латинянами, действовавшими на Руси при Ярополке и Владимире). В то же время, в отличие от некоторых других латинских авторов, Адемар был более или менее осведомлен как о судьбе самого Бонифация, так и об обстоятельствах христианизации Руси*.

Адемар же сообщает следующее. Спустя некоторое время после миссии у русских латинского проповедника «пришел в Россию некоторый греческий епископ и обратил низший класс народа этой провинции, который еще был предан идолам, и заставил их принять обычай греческий относительно рощения бороды и прочего» [40].

Отметим в этом известии очевидное совпадение с той версией, которая изложена в «Повести временных лет»: согласно обоим источникам, проповедь латинян предшествовала проповеди на Руси греков. И это, вероятно, отражает действительные реалии. Однако, согласно русской летописи (и, пожалуй, в соответствии с показаниями французского хрониста), именно греческие проповедники сумели убедить русских в преимуществах христианской веры. Именно с появления у князя Владимира «философа-грека» начинается путь князя к христианству, путь, который завершится не только его личным крещением, но и Крещением всей Руси.

---

* Так, Адемар знает о печенежской миссии святого Бонифация. Известно ему и то, что тело убитого епископа было выкуплено у язычников (правда, не русскими у печенегов, как написано в его Хронике, а польским князем Болеславом Великим у пруссов, настоящих убийц святого). Наконец, Адемар знает и о принятии Русью греческого варианта христианства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРЕЩЕНИЕ. КИЕВ

Крещение князя Владимира — главное, поворотное событие не только в его личной жизни, но и в жизни всего Русского государства, во всей истории восточных славян. Однако о самом крещении киевского князя мы знаем очень мало. Византийские историки того времени — и это кажется невероятным! — ни единым словом не упоминают о нем, хотя очевидно, что для судеб их Империи крещение Руси явилось событием первостепенной важности. Русские же источники содержат крайне противоречивые сведения, которые к тому же по-разному интерпретируются современными исследователями.

В этой и следующей главах мы будем говорить главным образом о внешних, политических, обстоятельствах крещения князя Владимира. Как и раньше, нам придется обращаться непосредственно к письменным источникам, занимаясь подчас скучным, но совершенно необходимым их источниковедческим истолкованием. К сожалению, главы, посвященные важнейшему событию в жизни героя нашей книги, получаются наиболее сложными, даже запутанными. Но это не только вина автора. Переломные моменты истории всегда требуют наиболее тщательного изучения, сопоставления и разбора всех возможных точек зрения — тем более потому, что исследователю приходится преодолевать различные исторические и историографические мифы, неизбежно вырастающие вокруг самих этих событий.

Нам неизвестно точно, ни когда крестился князь Владимир, ни где именно это произошло, ни каковы были обстоятельства приобщения князя к христианской вере. История Крещения Руси, увы, до сих пор не написана, и это заставляет

Рис. — изображение князя Владимира на златнике. Лицевая сторона.

нас предпринимать самостоятельное исследование, может быть, перегружая книгу разного рода гипотезами, предположениями, разбором чужих мнений и необходимым обоснованием собственных.

Цепь событий, связанных с обращением князя Владимира в христианство, растянулась на несколько лет — по меньшей мере с 986 по 989 год. Мы поделили события этого временного промежутка между двумя главами книги, но не столько хронологически, сколько по смыслу и месту действия. Как известно, среди историков и писателей, пишущих на исторические темы, начиная еще с XI века и по сей день, в ходу две основные версии крещения киевского князя. Одна из них связана с Киевом (или, шире, с Поднепровьем), другая — с древней Корсунью, греческим Херсонесом в Крыму. Киев и Корсунь — две точки на карте, разделенные без малого тысячью километров пути, — и привлекут наше пристальное внимание. Но события, о которых пойдет речь, будут разворачиваться на гораздо большем пространстве, включающем в себя прежде всего территорию Византийской империи и сопредельных с нею стран.

Итак, обратимся к источникам. Наиболее обстоятельный рассказ о крещении князя Владимира читается в «Повести временных лет» [1]. Этот рассказ давно уже стал хрестоматийным и широко известен. Тем не менее прочитаем его еще раз.

Согласно летописи, после проповедников из болгар, немцев и иудеев в том же 6494 (986) году в Киеве появился и греческий философ*. Как мы помним, грек крайне неприязненно отозвался о вере магометан («Их же вера оскверняет небо и землю, прокляты они более всех людей»). После этого пришел черед латинянам. «Сказал же философ: «Слышали мы о том, что приходили к вам из Рима научить вере своей. Их же вера по сравнению с нашей мало в чем развращена: служат

* Само название грека философом показательно. В Византии в IX и X веках философами называли людей, которые получили высшее богословское образование (в частности, закончили так называемую Магнаврскую академию в Константинополе) или отличались исключительной эрудицией в богословских вопросах. Позднейшие (XV века) летописи — Софийская Первая и Новгородская Четвертая — называют имя философа, просвещавшего князя Владимира, — Кирилл [2]. Но это имя появилось, вероятно, под влиянием имени святого Константина (Кирилла) Философа, общего учителя для всех славян.

на опресноках, то есть на облатках*, о которых Бог не оставлял заповедь. Но повелел на хлебе служить и заповедь дал апостолам, приняв хлеб: «Се есть тело мое, преломленное за вас». Так же и чашу приняв, сказал: «Се есть кровь моя Нового завета». Те же, кто не творит этого, неправильно веруют».

Историки давно обратили внимание на известную снисходительность греческого философа. В вину латинянам он поставил всего одно прегрешение, правда, довольно существенное: использование в таинстве причащения пресного, а не заквашенного хлеба. Спор об опресноках ведет ко времени не ранее XI века [3]: именно тогда этому стали придавать особое значение, тем более что православные апологеты видели в использовании опресноков уклонение католиков в иудейство. Но удивительно, что о других, не менее серьезных отклонениях от православия (в том числе и о добавлении «филиокве» в православный символ веры**), греческий философ как будто не знает.

Наибольшее же внимание философ уделил критике иудейского вероучения. Узнав от Владимира о приходе к нему иудеев, говоривших, будто «немцы и греки в того веруют, кого мы распяли», философ произнес следующее:

«Воистину веруем в Того. Это еще пророки их прорицали, что Бог родится; а другие, что распят будет и погребен, а на третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, сошел Он на землю и распятие принял, и воскрес, и взошел на небеса. И ожидал от тех покаяния 46 лет, но не покаялись. И тогда послал на них римлян, и разграбили они их города, а самих рассеяли по странам, где и пребывают в рабстве».

Спросил же Владимир: «Для чего сошел Бог на землю и страсть такую принял?» Отвечал же философ на это: «Если хочешь послушать, скажу тебе с самого начала, чего ради сошел Бог на землю». Владимир же отвечал ему: «Послушаю с радостью». И начал философ говорить так...»

Этими словами в летопись вводится знаменитая «Речь

---

* В подлиннике: «опресноки, рекше оплатки». Летописец использует латинское oblata в его славянской, точнее, древнечешской форме.

** «Филиокве» дословно значит: «и от Сына». Формула об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «и от Сына» добавлена в Никео-Цареградский (Никео-Константинопольский) символ веры еще в конце VI века. Окончательно новая редакция символа веры была принята Римом в 1014 году при папе Бенедикте VIII.

Философа» — краткое, но яркое изложение библейской истории, Ветхого и Нового заветов. «Речь Философа» дошла до нас не только в составе летописи, но и в отдельных списках, под заголовком «Слово из Палеи, выведено на жиды», или «Слово о бытии всего мира» [4]. И в самом деле, перед нами прежде всего противоиудейское полемическое сочинение — именно через отрицание иудейского неприятия Бога обосновывается в нем истинность христианского вероучения. При этом «Речь» насыщена не только библейскими, но и апокрифическими подробностями, заимствованными из многочисленных ветхозаветных апокрифов*, во множестве бытовавших в древнееврейской, греческой, славянской и других средневековых литературах. Показателен подбор ветхозаветных пророчеств, приведенных автором «Речи», — это, во-первых, обычные пророчества о воплощении Христа, его сошествии на землю, распятии и воскресении; и, во-вторых, пророчества относительно отвержения и рассеяния иудеев и призвания на их место новых народов. Впоследствии идеи «Речи Философа» будут восприняты русскими книжниками для обоснования исторической миссии Руси — «последней» из «новых» народов, призванных Богом.

«Сбылись ли все эти пророчества? Или еще только должны сбыться?» — задается вопросом Владимир. Философ продолжает кратким пересказом Нового завета — начиная с воплощения Иисуса Христа и кончая сошествием Святого Духа на апостолов и апостольской проповедью.

Далее рассказ «Речи Философа» прерывается вероятной вставкой. Во всяком случае, вопрос Владимира: «Что ради от жены [Христос] родился, и на древе распят, и водою крестился?» — не мотивирован. Зато подобные вопросы-загадки очень распространены в апокрифической литературе: ветхозаветная история оказывается в них лишь прообразом и иносказанием последующей новозаветной. «Потому, — разгадывает загадки Владимира философ, — что сперва род человеческий через женщину согрешил... — через женщину изгнан был Адам из рая, через женщину же Бог воплотился..; а на древе был распят, потому что от древа Адам вкусил..; а водою обновился, потому что при Ное навел Бог потоп на землю...»

---

* Апокрифы (в переводе с греческого — «тайные»), или, по-другому, «отреченные книги», — сочинения на ветхозаветные и новозаветные сюжеты, не включенные в канонический текст Священного писания и запрещенные для чтения. Тем не менее апокрифы активно читались и переписывались в христианском мире, в том числе и на Руси.

Но это лишь отступление от логически выстроенного повествования. Философ возвращается к прежнему изложению христианской истории:

«Когда апостолы учили по всему миру веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, и весь мир верует в учение их. Установил Бог и единый день, в который хочет, сойдя с небес, судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведным — Царство небесное и красоту неизреченную, веселие без конца и чтобы не умирать им во веки; грешникам — мучение огненное, и червь неусыпающий, и мучение без конца. Эти мучения ожидают тех, кто не верует в Бога нашего Иисуса Христа; будут в огне мучиться те, кто не крестится».

Произнеся это, философ показал Владимиру «запону» (то есть завесу, полотнище) с изображением Страшного суда: справа были нарисованы праведники, идущие с веселием в рай, слева — грешники, идущие на мучения. «Владимир же, вздохнув, сказал: «Добро тем, кто справа, горе же тем, кто слева». И сказал философ на это: «Если хочешь справа с праведниками стоять, то крестись!»

Историки прошлого и настоящего по-разному отнеслись к «Речи Философа». Когда-то ее считали подлинным греческим сочинением, записью речи греческого проповедника, действительно обращавшегося к князю Владимиру, позже — сочинением самого летописца. В настоящее время, кажется, можно признать доказанным, что «Речь Философа» написана не на Руси и искусственно внесена в летописный текст. Достаточно сказать, что в «Речи» использована иная система летосчисления, чем та, что применяется в летописи: рождение Христа отнесено здесь к 5500 году от сотворения мира (в летописи, в соответствии с константинопольской эрой, — к 5508 году) [5*]. Исследование языка этого памятника показывает, что он восходит к какому-то греческому антииудейскому полемическому сочинению, переведенному на славянский язык в Моравии или Чехии, а затем отредактированному в Восточной Болгарии, откуда он и проник на Русь [6]. Заметим, что область бытования «Речи» (включая Русь) совпадает с областью распространения кирилло-мефодиевских традиций. Подбор пророчеств относительно исторических судеб евреев и прихода «новых народов», призванных Богом, сближает «Речь Философа» с выдающимся памятником славянской

---

* Космическая эра, согласно которой рождение Христа отнесено к 5500 году от сотворения мира, использовалась в Антиохии (Северная Сирия), одном из крупнейших центров восточного христианства.

литературы — Житием Константина (Кирилла) Философа, первоучителя славян [7].

Искусственность включения «Речи Философа» в летопись вовсе не означает, что весь рассказ о проповеди грека является простой выдумкой летописца*. Составитель летописного сказания, вероятно, воспользовался готовым славянским сочинением, вложил его в уста греческого проповедника. То, что для этой цели был выбран памятник кирилло-мефодиевского происхождения, показательно: лишний раз это обстоятельство напоминает нам о той громадной роли, которую сыграло наследие великих славянских учителей в приобщении древней Руси к христианству.

Но на Владимира увещевания проповедника подействовали лишь отчасти. Блестящая проповедь грека не привела к ощутимым результатам, и это кажется странным. Вместо ожидаемого согласия принять крещение (иначе зачем было вставлять «Речь Философа» в летопись?) из уст Владимира следует более чем осторожный ответ: князь «положи на сердце своем» все сказанное ему, но отвечал: «Пожду еще мало», «хотя испытати о всех верах». С «честью великой» и «дарами многими» философ был отпущен домой. Но ведь «испытание» «о всех верах» уже было проведено! Проповедники из магометан, евреев и латинян уже побывали при дворе князя.

Как видим, Владимир с величайшей осторожностью отнесся к *прямым* попыткам склонить его к принятию христианства; возможно, подобная тактика выжидания отражает действительные его колебания в выборе веры, а не является лишь литературным приемом, необходимым летописцу для согласования своего рассказа с последующим изложением.

Тем не менее «испытание вер» согласно летописи действительно продолжилось на следующий год. Под 6495 (987) годом летописец сообщает:

«Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили свой закон. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорили они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать. Рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова воскреснет, и не умереть ему вовеки.

---

* По мнению современных исследователей, общий ход переговоров философа-грека с князем Владимиром вполне соответствует миссионерской практике Византийской церкви в IX—X веках [8].

Если же в ином законе будет, то гореть ему на том свете в огне. Что вы присоветуете, что ответите?»

И сказали бояре и старцы: «Знай, княже, что своего никто не бранит, но всяк хвалит. Если хочешь разузнать лучше, то вот есть у тебя мужи, пошли их, пусть испытают, у кого какая служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям...»

Далее, как мы уже знаем, были избраны десять мужей, «добрых и смысленных», которые отправились сначала «в Болгары», а затем к немцам. Ни там, ни там церковная служба посланникам не понравилась. Из «Немец» мужи Владимира пришли в Царьград, где предстали перед «царем».

Надо сказать, что с 976 года (год смерти Иоанна Цимисхия) в Византии правили два императора. Неточное название «царь» как будто обнаруживает фольклорный источник летописного сказания. В дальнейшем же, в соответствии с исторической действительностью, в летописном рассказе появляются уже два «царя» — Василий и Константин. Такое несогласование с несомненностью обнаруживает составной характер летописного рассказа — по-видимому, наряду с фольклорным в нем использован и иной источник, сообщавший о действительных и вполне официальных переговорах между Византией и Русью. Упоминание одного «царя» позволяет сблизить летописное сказание, вернее, один из его источников, с летописным же рассказом об избавлении Владимира от варягов, который читается в «Повести временных лет» под 980 годом.

Когда посланцы Владимира явились к царю, продолжает летописец, «царь спросил их, с какой целью они пришли. Они же поведали ему обо всем. Услышав их рассказ, царь обрадовался и воздал им великую честь. На следующий же день, наутро, послал к патриарху*, говоря ему: «Пришла Русь разузнать о вере нашей. Приготовь церковь и клир, а сам облачись в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Выслушав это, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу; и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с ними в церковь**, и поставил их на открытом месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние диаконов, и рассказав им о служении Богу своему. Они же изумились, удивляясь, и хвалили службу их. И призвали их цари, Василий

---

* В 979—991 годах константинопольскую кафедру занимал патриарх Николай II Хрисоверг.

** Церковь, или Великая церковь — Святая София в Константинополе.

и Константин*, и сказали им: «Идите в землю вашу». И отпустили их с дарами великими и честью. И вернулись они в землю свою».

Посланцев Владимира изумила и восхитила красота и торжественность церковной службы, великолепие убранства храма, богатство святительских облачений. Люди своего времени, они нерасчлененно воспринимали окружающий их мир — прекрасное, несомненно, являлось для них в той же степени истинным. Но не будем забывать и того, в *каком* храме они побывали! Даже и сегодня Константинопольская София, превращенная некогда в мечеть, многократно разоренная и осквернённая, способна потрясти воображение человека, заставить его забыть о сиюминутном, открыть для него как бы иной мир, соединяющий небесное и земное. Что же говорить о тех временах, когда храм этот был в полном своем величии и великолепии.

Вернувшись в Киев, мужи предстали перед Владимиром и его людьми. «И созвал князь Владимир бояр своих и старцев, и сказал им: «Вот, пришли посланные нами мужи, послушаем же их». И обратился к послам: «Говорите перед дружиной!» Они же сказали: «Ходили к болгарам, смотрели, как они молятся в храме... Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их разные службы, а красоты никакой не видели. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех странах. Не можем забыть красоты той, ибо каждый, если вкусит сладости, не возьмет потом горького. Так и мы — не можем уже оставаться прежними».

Так, по признаку красоты, избирала для себя Русь христианскую веру.

Отметим исключительно важную подробность летописного рассказа. Владимир не сам совершает выбор, но с совета и согласия своей дружины («бояр») и всей «земли» («старцев градских»). И те, и другие — обычные соучастники всех его начинаний. Две ветви власти — и это уже становилось обычным для князя Владимира — сближаются и даже переплетаются между собой.

---

* Василий II, впоследствии прозванный Болгаробойцей (958—1025), и Константин VIII (959—1028) — византийские императоры-соправители; формально царствовали с 963 года, реально — с 976 года.

Совет и одобрение — это еще и ответственность за принятое решение. Надо полагать, что летописные «старцы» представляли в первую очередь Киев, а также ближние «княжеские» (то есть построенные, заселенные князем или принадлежащие князю) города. Выбор Владимира с самого начала стал не его личным, но общегосударственным делом.

Решение, однако, оказалось еще далеко не принятым, хотя бояре и «старцы» одобрили выбор послов. «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его баба твоя Ольга, которая была мудрейшей из всех людей», — сказали они, обращаясь к князю. Владимир, очевидно, согласился. Однако крещения вновь не последовало. Владимир задается вопросом, вызывающим законное недоумение у современного исследователя. «Где крещение примем?» — спрашивает он бояр и старцев. «Где тебе любо», — отвечают те ничего не значащей фразой, подводящей читателя к продолжению летописного повествования.

Рассказ продолжается уже под следующим годом. Причем действие переносится из Киева на юг, в Крым, в принадлежавший грекам город Корсунь (Херсонес, на территории нынешнего Севастополя).

«Минуло лето, в лето 6496 (988) пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий...» Летописец никак не объясняет причины корсунского похода, который оказывается вырванным из реальной исторической обстановки того времени. Но именно в Корсуни и вследствие именно этого похода, как сообщает летопись, князь Владимир наконец принимает крещение. По этой причине весь летописный рассказ получил в историографии название «Корсунского сказания» или «корсунской легенды». Крещению Владимира предшествуют совершенно новые драматические события, причем все, что происходило раньше, как будто забыто; приобщение князя к христианству начинается заново.

Согласно летописи, Владимир долго осаждает Корсунь, однако не может взять город до тех пор, пока один из защитников города, некий Анастас (впоследствии приближенный князя Владимира и настоятель Десятинной церкви), не приходит ему на помощь и не подает совет перекопать трубы, по которым в осажденный город поступает вода. «Услышав об этом, — продолжает летописец, — Владимир посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это — крещусь!»

Корсунь действительно пала, но Владимир забывает о своем намерении креститься. Теперь он посылает в Константинополь, к царям Василию и Константину, с требованием

выдать за него замуж их сестру царевну Анну. «Если не отдадите ее за меня, — угрожает он императорам, — то и вашему городу сделаю то же, что и этому» (то есть Корсуни). Ответ императоров гласил: «Не подобает христианам отдавать за язычников. Если крестишься, то и ее в жены получишь, и царство небесное обретешь, и с нами единоверцем будешь. Если же не сделаешь этого, не отдадим сестру за тебя».

Владимир наконец вспоминает о своем прежнем намерении принять христианство. «Скажите царям так, — сообщает он посланникам императоров. — Я крещусь, ибо прежде испытал закон ваш, и люба мне вера ваша и богослужение, о котором поведали мне посланные нами мужи». Однако Владимир ставит условие: он примет крещение лишь после того, как в Корсуни появится греческая принцесса.

Императорам с большим трудом удается уговорить Анну принять предложение русского князя. Царевна прибывает в Корсунь, где ее торжественно встречают жители. Однако крещению Владимира предшествует еще один эпизод, содержащий новый агиографический мотив. Князя внезапно поражает тяжелый недуг, болезнь глаз. Царевна Анна посылает к князю, призывая его скорее креститься: только в этом случае он сумеет избавиться от болезни. Владимир наконец повелевает крестить себя. После этого корсунский епископ и священники, прибывшие в Корсунь вместе с Анной, предварительно огласив, крестят князя. «И когда возложил епископ руку на него, тотчас прозрел Владимир».

Так рассказывает о крещении князя Владимира «Повесть временных лет». Мы уже имели возможность заметить, что этот рассказ носит сложный и, очевидно, составной характер. Крупнейший исследователь русского летописания Алексей Александрович Шахматов, посвятивший разбору летописного сказания отдельную книгу, предположил, что в нем соединены различные и к тому же противоречивые источники, которые составителю летописи пришлось согласовывать между собой. По мнению А. А. Шахматова, использование в дошедшем до нас рассказе нескольких агиографических тем (обращение вследствие проповеди, обращение вследствие испытания вер, обращение вследствие чудесного избавления от недуга) указывает на искусственность рассказа в целом: каждая из указанных агиографических версий, очевидно, ведет к самостоятельному рассказу об обращении князя в христианскую веру. Так, по мнению исследователя, проповедь философа, в соответствии с законами жанра, должна была заканчиваться рассказом о крещении князя Владимира, однако в результате переделки, под пером редактора-составителя, этот

рассказ превратился в начальную часть большого летописного сказания. Шахматов выявил и ряд связок внутри летописного повествования, служащих для согласования противоположных версий. Такими связками он признавал фразы Владимира: «Пожду еще мало» (переход к рассказу об испытании вер); «Где крещение примем?» (переход непосредственно к «корсунской легенде») [9].

Возможно, выводы Шахматова несколько прямолинейны. Противоречия в источниках (по крайней мере, отчасти) могут отражать и действительные колебания Владимира в отношении к христианству, и даже в какой-то степени особенности византийской богослужебной практики (см. об этом ниже). Но и пренебречь выводами ученого-источниковеда нельзя. Составленное спустя значительное время после смерти Владимира (вероятно, во второй половине XI века) летописное сказание, по-видимому, вобрало в себя различные источники — как письменные (предшествующая летописная «повесть» о крещении Владимира (если таковая существовала), «Речь Философа» и др.), так и устные (воспоминания о корсунском походе, местные корсунские предания о пребывании в городе Владимира и Анны и т. д.). Как мне кажется, в летописном повествовании различаются, по крайней мере, два разновременных и разнохарактерных пласта — один, связанный с переговорами князя Владимира с посланниками византийских императоров в Киеве, другой — с событиями в Корсуни. Их переплетение и дало современный вид сказанию о крещении князя Владимира.

Отметим еще одно важное обстоятельство. «Корсунское сказание» (со всеми указанными особенностями) сохранилось не только в составе летописи, но и в виде особого самостоятельного сочинения, встречающегося в рукописях, — «Слова о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» («Слово о крещении Владимира»). Этот памятник изучен слабо; достаточно сказать, что он опубликован всего по одному (и, кажется, не лучшему) списку [10]. Его взаимоотношения с летописью не вполне выяснены. Как мне представляется, «Слово...» действительно восходит к летописи, но отражает более ранний летописный текст, нежели дошедший до нас в составе «Повести временных лет»: в «Слове...» отсутствует ряд очевидных позднейших вставок, отразивших работу редактора-летописца 70—80-х годов XI века [11]. Используя летопись при реконструкции событий конца 80-х годов X века, следует различать первоначальный текст «Корсунского сказания» и позднейшие редакторские добавления.

Летописная (корсунская) версия крещения князя Влади-

мира была принята всеми позднейшими русскими источниками — летописями, различными редакциями Жития князя Владимира. Но в древности (в XI — начале XII века) эта версия была далеко не единственной.

Уже в XI веке в Киеве действительно спорили о месте и обстоятельствах крещения князя Владимира. Подробно пересказав «корсунскую легенду», летописец с явным неодобрением замечает:

«Несведущие же говорят, будто крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Василеве, а другие иначе скажут» [12].

Это замечание многого стоит! Оказывается, в те времена, когда обрабатывалось летописное сказание (вероятно, 70—80-е годы XI века), существовали, по крайней мере, четыре различные версии этого события — «корсунская», «киевская», «василевская»* и какая-то другая (или другие!). «Корсунская» версия закреплена авторитетом «Повести временных лет». Однако до нас дошел не менее древний памятник, совершенно по-другому излагающий историю обращения Владимира в христианство. Это уже известная нам «Память и похвала князю Владимиру» Иакова мниха, включающая в свой состав так называемое «древнейшее житие» князя Владимира. Согласно показаниям этого источника, крещение князя произошло, во всяком случае, *до взятия им Корсуни* (Корсунь пала на «третье лето» после крещения) [13] — то есть версия «Памяти и похвалы» резко противоречит «корсунской» версии «Повести временных лет».

«Память и похвала» содержит хронологические расчеты, которые позволяют определить дату крещения князя Владимира, какой она представлялась древнему автору. Эта дата также отличается от летописной: согласно Иакову мниху князь крестился «на десятое лето» после убийства своего брата Ярополка; после крещения Владимир прожил 28 лет. Обе указанные даты при пересчете дают 6495 (март 987-го — февраль 988-го) год [14]. Напомню, что летопись датирует крещение князя 6496 (март 988-го — февраль 989-го) годом; под 6495-м же помещается рассказ об «испытании вер».

Расчеты «Памяти и похвалы» не стоят особняком в древнерусской историографии. Они находят подтверждение в целом ряде древнейших памятников. Так, 28 лет жизни князя по крещении называют анонимное «Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе» (в своей основе вторая половина

---

* Василев — город в 36 верстах к юго-западу от Киева (ныне Васильков).

XI века) [15], отдельные списки «Слова о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» [16], а также Особая (распространенная) редакция Проложного жития князя Владимира [17]. Наконец, дата 6495 год как год крещения Владимира прямо названа в ряде списков «Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе», принадлежащего перу знаменитого Нестора, крупнейшего писателя и историографа конца XI — начала XII века* (в большинстве списков этого сочинения стоит явно неисправная дата — 6490 (982?) или даже 6400 год) [18]. Мы уже отмечали, что хронологическая сетка «Памяти и похвалы» (не те абсолютные даты, которые имеются в ней, а именно расчет событий по годам жизни князя) в целом совпадает с хронологическими расчетами, отразившимися в ряде статей «Повести временных лет» — в так называемом «перечне княжений» русских князей, помещенном в летописи под 6360 (852?) годом, и в расчете лет жизни князя Ярослава Владимировича [19]. Но именно эти хронологические расчеты принадлежат к более раннему летописному слою, нежели сохранившаяся погодная летописная сетка. Все это придает показаниям «Памяти и похвалы» исключительную источниковедческую ценность.

Помимо летописи и «Памяти...», до нас дошли и другие русские сочинения XI — начала XII века, в которых рассказывается о крещении князя Владимира Святославича. Это выдающиеся произведения древнерусской литературы — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (40-е годы XI века) и уже упомянутое «Чтение о святых Борисе и Глебе» диакона Нестора. Ни тот, ни другой автор не знали (или не принимали?) «корсунской» версии. Крещение Владимира представлялось им вполне самостоятельным шагом, не вызванным никакими внешними обстоятельствами. Креститель Руси прославлялся как «равный апостолам», превзошедший иных «царей», лишь «благомыслием» и «остроумием» своим постигший истинного Творца.

«Как уверовал ты? Как воспламенился любовью ко Хрис-

---

* Преподобный Нестор традиционно считается автором «Повести временных лет», что не совсем точно. Сейчас мы не будем касаться сложного и дискуссионного вопроса о Несторе-летописце и о происхождении «Повести временных лет». Отмечу лишь, что печерский диакон Нестор, несомненно, имел какое-то отношение к составлению летописи — но какой именно, неясно. Бесспорно же принадлежат ему два агиографических произведения — «Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе» и «Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского»; оба сочинения заметно противоречат летописи в описании отдельных событий.

ту?.. — восклицает митрополит Иларион. — Как приобщился любви Его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою... Не видел ты, как именем Иисуса Христа бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые восстают. Не видев всего этого, как же уверовал?» [20].

Принимая «корсунскую» версию в ее летописном изложении, едва ли можно было восторгаться тем, что Владимир уверовал, не видя «исцеления болящих», — ведь, по летописи, напротив, он и был одним из исцеленных именем Христа*.

Так «внекорсунская» версия получает не меньшую (а, пожалуй, и большую) поддержку в источниках, чем «корсунская».

Столь явная разноголосица мнений относительно важнейшего для судеб Руси события не может не вызвать замешательства и недоумения историка. Но, как известно, «большое видится на расстоянии». Выдающееся событие в истории воспринимается таковым лишь спустя определенное время — вот тогда-то и разгорается борьба за ту или иную его трактовку, за политическое наследство великого человека или великой идеи. Вероятно, особые версии крещения князя Владимира (и, как мы увидим, Крещения Руси в целом) отражали различия между теми или иными христианскими общинами в самом Киеве и вокруг него, являлись следствием неоднородности начального русского христианства [22].

Мы уже говорили о том, что Крещение Руси — поворотное событие не только во внутриполитической жизни Киевского государства, но и в его внешней политике. Выбор веры — всегда еще и выбор союзника и противника на бесконечно долгую историческую перспективу. Поворачиваясь к христианству, Русь поворачивалась ко всему христианскому сообществу и прежде всего к Византийской империи. Поэтому мы не сможем понять и оценить исторический выбор князя Владимира и те конкретно-исторические обстоятельства, в которых он был совершен, без самого подробного анализа русско-византий-

* Версия Илариона, пожалуй, сближается с летописным рассказом об «испытании вер» посланниками Владимира: «К тому же непрестанно слышал он о православной Греческой земле, христолюбивой и сильной верою: что в земле той чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что проявляются в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви там полны народом, что города ее и веси правоверны, что все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и христианской — земле его», — восклицает Иларион [21].

ских отношений середины — второй половины 80-х годов X века.

Русские источники очень скудно освещают внешнеполитическую сторону Крещения Руси, сосредоточиваясь лишь на одном эпизоде — женитьбе князя Владимира на царевне Анне. К счастью, в нашем распоряжении имеются иностранные источники — византийские, арабские, армянские, латинские. В некоторых из них содержатся сведения и о крещении князя Владимира*; краткие, но оттого не менее ценные, именно они дают нам возможность более или менее ясно представить себе суть происходивших событий.

Однако прежде чем переходить к внешнеполитическим обстоятельствам крещения Владимира, нам придется сделать еще одно отступление и выяснить, что же происходило в Византийской империи в 80-е годы X века, а именно после смерти императора-узурпатора Иоанна Цимисхия, случившейся 11 января 976 года.

Смерть поразила Цимисхия внезапно, в тот момент, когда он, казалось, находился на гребне славы. В Константинополе тотчас распространились слухи, будто императора отравили; шепотом называли и имя убийцы — всесильного паракимомена (то есть верховного спальничего, начальника службы личных покоев императора) евнуха Василия. Это был непростой человек. Незаконнорожденный сын императора Романа I Лакапина, он приходился двоюродным дедом императорам-соправителям Василию II и Константину VIII. Его оскопили еще в детстве, дабы он, рожденный вне брака, не мог претендовать на императорский престол. И при императоре Никифоре, и при Цимисхии Василий обладал огромной властью: к нему лично сходились все нити управления дворцом, а значит, во многом и государством. После смерти Цимисхия правителями Ромейской державы были объявлены сыновья Романа II Василий и Константин. Они и раньше считались императорами — соправителями сначала Никифора, а затем Цимисхия; теперь же к ним должна была прийти и настоящая власть. Василию (впоследствии получившему грозное прозвище Булгароктон, то есть Болгаробойца) исполнилось восем-

* Прежде всего назову сочинения арабских историков Яхъи Антиохийского (начало XI века), Абу-Шоджи Рудраверского (вторая половина XI века), Ибн ал-Атира (начало XIII века), армянского историка Степаноса Таронского (Асохика) (конец X — начало XI века), епископа Титмара Мерзебургского (начало XI века).

надцать лет, Константин был почти на два года моложе. Братья различались характерами: старший производил впечатление человека деятельного и целеустремленного, младший, напротив, казался безвольным прожигателем жизни; до самой смерти Василия он и не пытался участвовать в управлении Империей, довольствуясь лишь титулом и полагающимися к нему чисто материальными выгодами. Впрочем, различия в характере братьев в полной мере проявились с возрастом. Поначалу и Василий больше бражничал и предавался любовным утехам. Власть над Империей оказалась всецело в руках умудренного опытом, хитрого и властного паракимомена. Из ссылки возвратилась Феофано, мать императоров. Наибольшие опасения у нового правителя-временщика вызывал могущественный доместик Востока (то есть начальник над всеми вооруженными силами в восточной части Империи), прославленный полководец Варда Склир, однажды уже поднимавший восстание против императора Цимисхия, но прощенный последним. Теперь Варда был смещен со своей должности и назначен дукой (правителем) одной из восточных фем — Месопотамии. Случилось так, что именно это, может быть, чересчур поспешное решение положило начало длинной цепи событий, в которые в конце концов оказался вовлеченным и киевский князь Владимир Святославич.

Летом того же 976 года Варда Склир прибыл в город Мелитину (на востоке Малой Азии), где поднял мятеж и объявил себя императором ромеев. Его поддержала малоазийская знать, а также армяне и мусульмане пограничных, подвластных Византии районов. Посланные в Малую Азию правительственные войска были разгромлены. Императору Василию пришлось возвращать из ссылки с острова Хиос опального полководца Варду Фоку, племянника императора Никифора Фоки, также имевшего славу бунтовщика. В течение трех лет по всей Империи продолжались кровопролитные военные действия, удача переходила то на одну, то на другую сторону. Наконец в марте 979 года Варде Фоке удалось одержать верх и разбить своего тезку. Склир вместе с братом Константином, сыном Романом и еще тремястами своих сторонников бежал в страны ислама, где решился просить об убежище эмира Багдада Адуда ал-доулу*. Император Василий попытался заполучить мятежника в свои руки. К эмиру от-

* Адуд (или Азуд) ал-доула Фенна Хосров (949—983) — могущественный правитель из династии Буидов, основатель огромного государства с центром в Ширазе, а затем Багдаде; вел войны с Византийской империей.

правился его личный представитель, Никифор Ураник, со значительной суммой денег и предложением обменять Варду Склира на всех пленников-мусульман, находящихся в Империи. В случае неудачи переговоров Никифор должен был постараться физически устранить Склира. Адуд ал-доула поспешил схватить Склира, препроводил его в Багдад и заключил под стражу. Его личный посланник, в свою очередь, отправился в Константинополь к императору Василию: ссылаясь на обещание Варды Склира возвратить мусульманам ряд завоеванных греками крепостей, эмир требовал их теперь уже у Василия в обмен на голову его врага. Василий ответил отказом. В Багдаде был схвачен Никифор Ураник. Варда также остался в руках эмира на положении пленника (хотя и почетного); он проведет в заточении долгих восемь лет [23].

Так закончился первый этап затяжной гражданской войны.

В событиях этого времени проявилась незаурядная личность императора Василия. Мятеж и угроза потери престола (а возможно, и жизни) сильно подействовали на него. Из юноши, беззаботно проводящего время в развлечениях, он превратился в сильного и властного государственного мужа. По словам византийского хрониста Михаила Пселла, император изменился — и внешне, и, главное, внутренне. (Как многие считали, не в лучшую сторону.) Большинству окружавших его он стал казаться человеком угрюмым, грубым, вспыльчивым и упрямым. Любивший прежде роскошь, он стал чрезвычайно скромен и даже аскетичен, конечно, по меркам своего царственного сана. Михаил Пселл с восхищением писал, что Василий, преумножая государственную казну, почти ничего не тратил на себя лично. Он отказался от украшений, не носил ни дорогих ожерелий, ни тиары, снял лишние перстни с пальцев рук; лишь несколько ниток жемчуга украшали его грудь. Его пурпурное платье имело не яркие, как у других императоров, но темные оттенки. Василий ограничил в расходах и своего брата, беззаботного Константина.

Император был истинным воином, как, впрочем, и его предшественники Никифор и Иоанн. Он легко переносил зимнюю стужу и летний зной. Томясь жаждой, не сразу бросался к источнику, но выждав определенное время; короче говоря, был стоек ко всяким телесным лишениям. Василий не давал гневу овладеть собой, зато был удивительно злопамятен: если какому-нибудь воину случалось провиниться во время военного похода, Василий не наказывал его сразу, однако по возвращении из похода давал волю гневу и без всякого снисхождения карал виновного [24].

Жестокость императора, как правило, не знала ни границ, ни социальных различий. Он мог, например, сурово наказать лицо духовного звания — так, по свидетельству армянского историка Аристакэса Ластивертци, император приказал вырвать язык у епископа Валаршакертского Захарии, не вполне удачно выступившего посредником в переговорах Василия с грузинским царем Георгием I. После одного из сражений император назначил награду за каждую голову вражеского воина и приказал складывать головы в кучи по сторонам дороги. Врагами же императора в то время были грузины — такие же христиане, как он сам [25].

Михаил Пселл оставил и описание внешности императора Василия: «Очи его были светло-голубые и блестящие, брови не нависшие и не грозные, но и не вытянутые в прямую линию, как у женщины, а изогнутые, выдающие гордый нрав мужа. Его глаза, не утопленные, как у людей коварных и хитрых, но и не выпуклые, как у распущенных, сияли мужественным блеском». Роста Василий был ниже среднего, но фигуру имел чеканную. Густая борода, казалось, росла по всему лицу императора. Он имел привычку теребить рукой подбородок. К этому надо добавить, что речь императора отличалась косноязычием. Он часто запинался, делал паузы, «скорее как деревенщина, нежели человек образованный», замечает Пселл. Смеялся раскатисто, сотрясаясь всем телом*.

Императору Василию Болгаробойце не пришлось лично встречаться с князем Владимиром Киевским. Но судьбе угодно было сделать так, что он стал шурином и, более того, заочным крестным отцом киевского князя.

В событиях начала царствования Василий проявил недюжинную твердость и неуступчивость, способность, что называется, «держать удар» (черты характера, сближающие его с князем Владимиром). Спустя немного времени все эти качества проявятся в полной мере: как выяснится, мятеж 976—979 годов стал лишь прелюдией к еще более драматичным событиям, потрясшим Империю в середине 80-х годов X века. Роль же паракимомена Василия постепенно сошла на нет — император вполне научился обходиться без его помощи. Понятно, что паракимомен, переживший в своей должности уже трех василевсов, не намерен был мириться с этим.

---

* Василий II до такой степени не походил на своего отца и деда внешностью и характером, что один из современных исследователей высказал сомнение: не родила ли его мать, императрица Феофано, от какого-нибудь наемника-варяга, а не от собственного мужа, императора Романа II? [26]

С конца лета — начала осени 985 года Империя вновь оказалась в трудном положении. Неожиданный и неприятный оборот получили события сразу на двух театрах военных действий — в Сирии (где византийские войска, возглавляемые Вардой Фокой, вели борьбу с арабами) и в Южной Македонии и Фессалии (где византийцам противостояли болгары). 8 сентября мусульмане захватили монастырь святого Симеона — многолюдную и процветающую христианскую обитель в Сирии; множество монахов и спасавшихся в стенах монастыря христиан было убито или уведено в Халеб (Алеппо). Почти одновременно с этим войска египетских Фатимидов захватили важную византийскую крепость Валанею. Император Василий направил в Сирию магистра Льва Мелиссина с поручением непременно вернуть Валанею под власть Империи.. (Варда Фока в это время осаждал другую сирийскую крепость Апомею.)

Вероятно, незадолго до этого из Константинополя в Болгарию бежали два болгарских царевича — Борис и Роман, сыновья покойного болгарского царя Петра [27]. Им удалось беспрепятственно достичь перевалов, отделяющих Болгарию от Империи. Старшему, Борису, однако, не повезло. Он опередил своего брата, но на одном из перевалов был убит болгарскими сторожами, принявшими его за византийского лазутчика. Младший, Роман, избежал этой участи. Болгары признали его и отвели к правителю своей страны, Самуилу, известному в источниках под именем Комитопула (то есть сына «комита» — «кметя» Николы, бывшего прежде правителем Македонии)*. Роман был провозглашен царем болгар, хотя реальная власть в государстве осталась у Комитопула Самуила.

Уже в течение десяти лет (после смерти Иоанна Цимисхия) Западная Болгария находилась в состоянии войны с Византией. Около 980 года Самуил взял город Лариссу в Фессалии, болгарские войска опустошали северо-западные области Империи. Возвращение в страну законного государя придало войне новый импульс.

По мнению историков, около 985 года в Империи возник заговор, душой которого стал паракимомен Василий. Заговор-

---

* У «комита» Николы было четыре сына («комитопула») — Давид, Моисей, Аарон и Самуил, разделивших между собой Западно-Болгарское государство. Ко времени описываемых событий в живых остались лишь двое — Самуил и Аарон. Впоследствии Аарон, заподозренный в сношениях с византийцами, будет убит по приказу своего брата.

щики намеревались отстранить от власти законных императоров, используя недовольство в византийском обществе военными неудачами на западе и востоке. Судя по сообщению осведомленного арабского историка Яхъи Антиохийского (к «Истории» которого мы не раз будем обращаться в этой главе), заговорщики несколько опередили события: осенью 985 года, как раз тогда, когда император Василий арестовывал в Константинополе своего тезку паракимомена, в находившейся в Сирии армии Льва Мелиссина распространился слух, будто мятеж уже состоялся; войско Мелиссина сняло осаду и ушло от Валанеи — вероятно, намереваясь соединиться с войском Варды Фоки и двинуться к столице Империи [28].

Однако император сумел предотвратить мятеж. Паракимомен был схвачен и выслан из Константинополя, вскоре его разбил паралич и он умер. Других вероятных участников заговора император на этот раз предпочел не заметить. (Эта снисходительность стоила ему дорого.) Так, от Льва Мелиссина император потребовал лишь одного из двух: либо немедленно вернуться к Валанеи и наконец взять город, либо внести из собственного кармана те деньги, которые были затрачены на жалованье для солдат — тогда-де император найдет другого для взятия крепости. Мелиссин выбрал первое и действительно вскоре занял Валанею.

Все это время Варда Фока (вероятно, лучше Мелиссина осведомленный о том, что происходило в Константинополе) держался в тени. Он сумел добиться от правителя Халеба эмира Сауда ал-доулы обещания возобновить уплату Византии оговоренной дани и на этом, по существу, прекратил военные действия. Император, однако, сместил Варду с должности доместика всех войск и назначил его дукой Антиохии и востока.

Между тем основные события, приведшие к общеимперской катастрофе, происходили в Болгарии. По свидетельству армянского историка Матвея Эдесского, император Василий попытался внести раскол в ряды болгар: он вступил в переговоры с братом Самуила Аароном, предлагая тому принять зависимость от Византии. Аарон отказался. Вероятно, именно этот отказ послужил для Василия поводом к вторжению в Западную Болгарию [29].

Летом 986 года армия, во главе которой находился сам император, пройдя по узким, крутым горным тропам, подступила к городу Средцу (нынешней Софии). Василий 20 дней осаждал город, однако успеха не добился: более того, осажденные своими смелыми вылазками наносили большой урон

императорскому войску и к тому же сожгли осадные орудия. Наконец припасы, взятые в поход, были съедены, и император объявил о возвращении домой. 17 августа 986 года, когда войско проходило через одно из труднодоступных лесистых ущелий, болгары напали на него и перебили большую часть воинов. Были захвачены шатер императора, казна и весь обоз. Сам Василий чудом избежал плена; остатки его войска бежали, преследуемые болгарами.

Катастрофа в Ихтиманском ущелье произвела тяжкое впечатление на всех в Византии. Многие сравнивали Василия с Никифором Фокой и Иоанном Цимисхием — и сравнение оказывалось далеко не в пользу молодого императора.

Я бы скорее поверил, что солнце не встанет сегодня:
Мисянин верх одержал над авсонием, лук — над копьем!
Словно в движенье пришли и леса, и дикие скалы,
Так что страшился и лев выйти из логова вон, —

писал византийский поэт Иоанн Геометр и в другом своем стихотворении, обращаясь к Никифору Фоке, призывал того восстать из гроба и отомстить «мисянам» за позорное поражение [30].

События накатывались стремительно, одно за другим, словно снежный ком. Известие о болгарской катастрофе вскоре достигло Багдада, где продолжал томиться в заточении мятежный Варда Склир. Теперь он почувствовал, что пришло его время. Варда обратился к правителю Багдада эмиру Самсам ал-доуле, сыну Адуд ал-доулы, с просьбой освободить его и помочь людьми и припасами. Взамен Варда брался выполнить все, что в свое время обещал его отцу, Адуд ал-доуле, — а именно: освободить всех мусульман, находящихся в плену в Византии, передать эмиру ряд византийских крепостей и не нападать на владения эмира до конца жизни. На исходе 986 года (или в первых числах января следующего 987-го) Варда Склир и его люди были освобождены. Спустя некоторое время Варда прибыл в город Мелитину, где провозгласил себя василевсом ромеев (февраль 987-го). Его поддержали прибывшие вместе с ним арабы-окайлийцы и нумерийцы, а также армяне и курды. В Византии опять началась гражданская война.

Вновь, как и десять лет назад, император Василий не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к Варде Фоке — казалось, единственному человеку, способному победить Склира. Ему было возвращено звание доместика войск (апрель 987-го). Предварительно Василий взял с Фоки клятву в том, что тот останется верным ему; это, однако, совершенно

не подействовало на честолюбивого полководца. Получив армию под свое начало, Фока вступил в переговоры с Вардой Склиром через посредничество брата последнего Константина Склира, приходившегося зятем (мужем сестры) Варде Фоке. Бывшие враги договорились объединить свои силы против императора Василия с тем, чтобы впоследствии разделить государство между собой: Фоке должны были достаться Константинополь и европейская часть Империи, Склиру — Азия. Тщетно призывал Склира к осторожности его сын Роман, справедливо опасавшийся вероломства со стороны Фоки; отец не послушал его. Летом 987 года прославленные полководцы встретились. Сначала все шло хорошо, но во время второго свидания Варда Склир был схвачен. Фока заточил его в один из своих замков, где оставил под надзором своей жены. Впрочем, Фока поспешил успокоить своего тезку, а главное, поддержавших его армян и греков: он заявил, что Склир останется в крепости до тех пор, пока он (Фока) не достигнет своих целей и не овладеет Константинополем, но затем будет выпущен и получит обещанную долю.

14 сентября 987 года* Варда Фока открыто провозгласил себя императором ромеев и переобулся в красные башмаки — главный признак императорской власти. Его признало войско (в том числе и то, что было собрано под знаменами Склира), флот; в распоряжении Фоки находилась также сильная гвардия, преимущественно из иверийцев (грузин). Уже к концу года Фока овладел всей восточной частью Империи, занял все морские пристани и порты Малой Азии, кроме Авидоса на берегу Геллеспонта (Дарданелл). Его корабли загородили Геллеспонтский пролив, не давая грузовым судам доставлять провиант в столицу. На Хрисопольском холме напротив Константинополя, на противоположном берегу Боспора, было возведено мощное укрепление, куда направилось значительное войско во главе с братом Варды Никифором (некогда ослепленным Цимисхием) и патрикием Калокиром Дельфином. Другая часть войска во главе со Львом Мелиссином высадилась у Авидоса и приступила к осаде города. Падение Авидоса означало бы полную блокаду Константинополя с моря.

Император Василий попал, казалось, в безвыходное положение. Основу армии Империи всегда составляли армяне и иверийцы — теперь и те, и другие были на стороне узурпатора. Восток был потерян. На севере и западе хозяйничали

---

* Дата Яхъи Антиохийского; византийские историки называют другую дату — 15 августа 987 года.

болгары. Фока пользовался поддержкой и большей части греков: в нем видели не только правителя, способного вернуть провинциальной знати былое могущество, но и человека, который сможет восстановить пошатнувшийся престиж Империи. Варда во многом напоминал своего прославленного дядю — императора Никифора II. «Всегда озабоченный и настороженный, он умел все предвидеть и увидеть, был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях. В боевых же схватках он был решительнее и мужественнее его (Никифора Фоки. — *А. К.*). Раненный им враг тотчас испускал дух, и одним боевым кличем приводил Варда в замешательство целую фалангу», — так описывает Варду Фоку Михаил Пселл [31].

И все же Василий не пал духом. Он сумел найти выход из тупика. Император действовал решительно, смело и, главное, неординарно, не останавливаясь перед явным нарушением традиций византийской имперской политики.

Мы знаем о нескольких действиях, предпринятых императором в период с осени 987-го по лето 988 года. Одно из них чисто военного характера: император отправил магистра Григория Таронита с частью войск в Требизонд (Трапезунд, в Малой Азии), в тыл армии Варды Фоки [32]. Таронит был армянином; очевидно, посылая его в районы, населенные преимущественно армянами, император Василий рассчитывал внести раскол в лагерь противника — ведь армяне, поддерживавшие Склира, едва ли до конца простили Фоке арест своего вождя. Расчеты императора в целом не оправдались, спустя несколько месяцев Таронит был разбит отрядами иверийцев. И все же, хотя бы частично, Василий добился своей цели: часть войск Варды Фоки была отвлечена от Константинополя*.

Вероятно, осенью 987 года византийское посольство из Константинополя с богатыми дарами отбыло в Каир, к халифу Фатимиду ал-Азизу. Императору нужен был мир с египтянами, его главными врагами на востоке. Он пошел на неслыханные уступки и даже на унижение — согласился отпустить всех пленников-мусульман, находившихся в Империи, разрешил, чтобы в константинопольской мечети каждую

---

* Неизвестно, когда именно была совершена экспедиция Таронита. По свидетельству Яхъи Антиохийского, это случилось «после того, как войска Фоки расположились в окрестностях города Константинополя и завладели областью востока» (конец 987 года). Вероятно, что император решился разделить свое войско позже, уже после прибытия к нему русского корпуса (988 год) [33].

пятницу поминалось имя египетского халифа, а также обещал доставлять халифу любые греческие товары, которые тот пожелает, — но цели достиг: между двумя правителями было подписано соглашение о перемирии на семь лет. Так Василий не только развязал себе руки для борьбы с Вардой, но и предотвратил союз последнего с Фатимидами [34].

Но более всего в тревожные месяцы мятежа императора должно было беспокоить отсутствие у него сильного, боеспособного войска, которое могло бы противостоять натиску Варды Фоки. В поисках такого войска Василий обратил свои взоры на север, в сторону Руси, которая, напомню, согласно договору 971 года считалась официальным союзником Империи и должна была оказывать ей помощь в случае нападения извне.

Мы не знаем, когда именно император Василий обратился за помощью к русскому князю Владимиру. Восточные историки и хронисты (Яхъя Антиохийский, Абу-Шоджа Рудраверский, Ибн ал-Атир) полагали, что это случилось лишь после того, как мятежники Варды подступили к самому Константинополю.

«И взбунтовался открыто Варда Фока... и овладел страной греков до Дорилеи и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя, — писал в своей «Истории» Яхъя Антиохийский (около 980-го — предположительно, 1066), врач и историк, христианин по вероисповеданию, один из наиболее точных и осведомленных представителей арабоязычной историографии. — И стало опасным дело его, и был им озабочен царь Василий по причине силы его войск и победы его над ним. И истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю русов — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении» [35].

«Вардис... расположился вблизи Константинополя, объявляя войну Василию и Константину, византийским царям. Общее настроение было за него; войско и население присоединились к нему. И остались оба царя с малым количеством людей внутри города и его неприступной твердыни... Когда их положение поколебалось, они вступили в сношения с царем русов и попросили у него помощи», — вторит Яхъе Абу-Шоджа Рудраверский (1045—1095), историк и государственный деятель, визирь багдадского халифа аль-Муктади [36].

Русские войска действительно появились в Константинополе в критический для Империи момент и сыграли решающую роль в восстановлении власти императора Василия. Но просьба о помощи могла прозвучать (и, вероятно, прозвучала) раньше — скорее всего на исходе лета 986 года, после катас-

трофического поражения императора в Болгарии: именно тогда угроза нападения извне позволила византийской дипломатии использовать формулировки русско-византийского договора 971 года. Напомню, что именно болгарские события стали в свое время причиной соглашения между Никифором Фокой и князем Святославом Игоревичем; спустя двадцать лет ситуация во многом повторялась [37].

Во всяком случае, летопись сообщает о прибытии греческого посольства в Киев под 986 годом. Совпадение с датой болгарской катастрофы Василия весьма знаменательно.

Из приведенного выше свидетельства Яхъи Антиохийского видно, что ко времени начала переговоров между Василием и Владимиром обе страны находились во враждебных отношениях друг к другу. Русская летопись позволяет уяснить причины этой враждебности: как мы помним, к 985—986 годам относятся переговоры Владимира с Волжской Болгарией и (или?) Хорезмом — мусульманскими странами, заведомо враждебными христианской Византии.

Присоединение к Русскому государству Тьмуторокани (по нашим расчетам, 985—986 годы) также не могло не ухудшить русско-византийских отношений. Однако контакты Владимира с миром ислама не пошли дальше прощупывания почвы относительно политического и религиозного союза и не увенчались успехом. Продолжая политику отца и прежних правителей Киевской Руси, Владимир стремился к укреплению своего влияния прежде всего на юге и юго-западе. Переговоры с Византией и восстановление союзнических отношений с Империей были, несомненно, выгодны ему.

Судя по «Повести временных лет», в состав византийского посольства входили духовные лица. Это обычная практика византийской дипломатии, независимо от того, к кому отправлялась миссия — к язычникам, иноверцам или христианам. В предыдущей главе мы уже говорили о том, что Владимир был открыт для миссионерской проповеди со стороны различных конфессий, а также о том, почему именно христианская проповедь могла найти в его душе наибольший отклик. Греки, прибывшие в Киев, не были первыми христианами, которых он видел; более того, вероятно, не они первыми попытались склонить его в свою веру. Но летописец сообщил своим читателям о миссии философа, считая именно ее началом обращения Владимира в христианство.

Владимир рассказа об «испытании вер» — несомненный язычник и по своему мировоззрению, и по своей психологии. Он и отнесся к проповеди грека как язычник, ища в его словах прежде всего ощутимой выгоды для себя лично. И до, и после

крещения князь глядел на мир глазами политика, правителя своей державы, интересы которой (вряд ли различимые со своими собственными интересами) стояли для него на первом месте. Просьбы греков о помощи, то плачевное положение, в которое попала Империя, — все это давало киевскому князю возможность в полной мере воспользоваться выгодами собственного положения, получить от переговоров максимум того, что они могли дать.

Владимир согласился предоставить военную помощь императору Василию. Но дело стало за ценой. Как мы помним, русский князь не считал для себя возможным разменивать дружину на золото или серебро. («Серебром и златом дружины не добыть, а с дружиною добуду себе и серебра, и золота», — говорил он в свое время.) Поэтому (может быть, даже не поднимая вопрос о деньгах) русский князь потребовал от императоров ни много ни мало, как руки их сестры, дочери императора Романа II, порфирородной принцессы Анны. Женитьба на византийской принцессе-христианке князя-язычника в любых обстоятельствах была бы невозможной. Поэтому очевидно, что в ходе переговоров встал вопрос о крещении князя; вероятно, Владимир дал понять о своей готовности, в случае благоприятного ответа, принять христианскую веру. Так, предположительно, реконструируется ход русско-византийских контактов в 986 году.

Надо ли говорить о том, как поразило, в какое смятение привело византийских послов, прибывших в Киев, предложение русского князя! Во все времена брачные отношения сильных мира сего — предмет высокой и низкой политики, объект торговли и спекуляций. Но требование Владимира было в своем роде беспрецедентным. В нем, пожалуй, в равной степени проявились два различных, но во многом связанных в биографии князя начала — с одной стороны, его несомненная государственная мудрость, ясное осознание тех громадных преимуществ, которые могла бы получить Русь, если бы ее глава породнился с правящим византийским домом; с другой — непомерное тщеславие и гордыня. Имевший пять «водимых» жен и несколько сотен наложниц, князь возжелал заполучить на свое ложе самую знатную и, пожалуй, самую недоступную невесту из всех имевшихся в тогдашнем мире.

И это было воистину так. В те времена византийский император бесспорно стоял на первом месте среди правителей Запада и Востока как прямой наследник римских императоров (вернее сказать, как сам римский император). Анна же, которую Владимир потребовал себе, являлась не просто ви-

зантийской принцессой и даже не просто дочерью и сестрой византийских императоров, но *порфирородной* принцессой — то есть рожденной в Порфире, особом покое императорского дворца, где имели счастье появляться на свет лишь дети правящего в то время императора. Порфирородные представители династии (порфирогениты) всегда были окружены особым священным ореолом, их судьбы напрямую связывались с судьбами Империи, и отдавать их «на сторону» нельзя было ни в коем случае.

В свое время император Константин Багрянородный, автор известного нам трактата «Об управлении Империей», разъяснял своему сыну, будущему императору Роману II (отцу Анны), а заодно и всем последующим василевсам, как именно следует отвечать на «неразумные и нелепые домогательства» правителей «варварских» стран (особенно «из этих неверных и нечестивых северных племен»), которые пожелали бы породниться с правящей в Византии династией. Такую просьбу следовало немедленно отвергнуть как кощунственную и недопустимую; при этом Константин предлагал ссылаться на слова, якобы произнесенные императором Константином Великим (IV век) и начертанные на престоле константинопольского храма Святой Софии: «Никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением». «Подобно тому, как любое живое существо вступает в сношения с ему единородными, так и у каждого народа стало правилом вступать в брачные сожительства не с иноплеменниками и иноязычными, а с людьми того же рода и того же языка», — высокомерно утверждал порфирородный император. Если же кто-либо из правителей Ромейской державы дерзнет совершить нечто подобное, то он «должен рассматриваться как нарушитель отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому — и предается анафеме». Таким был, по словам Константина, незаконный узурпатор престола, его собственный тесть Роман I Лакапин, выдавший в 927 году свою внучку (разумеется, не порфирородную, дочь своего сына Христофора) за болгарского царя Петра; но ведь Роман и был человек «простой и неграмотный», действовавший самовластно, «не повинуясь при этом запретам церкви, не следуя заповедям и повелениям Великого Константина», — за то он и «ненавидим, порицаем и поносим» всем ромейским народом, утверждает Константин; его поступок нельзя оправдать никакими соображениями политического характера [38].

Последующие правители Византии следовали предписа-

ниям Константина Багрянородного. Так, в 967 году император Священной Римской империи Оттон I безуспешно пытался сосватать за своего сына, будущего императора Оттона II, порфирородную дочь византийского василевса (вероятнее всего, ту же самую Анну, которой было тогда всего четыре года), но получил отказ императора Никифора Фоки. «Неслыханнейшее дело, чтобы багрянородная дочь багрянородного императора могла быть выдана за иноземца», — так, по словам кремонского епископа Лиутпранда, руководителя франкской делегации, отвечали греки на просьбу Оттона [39]. В 995 году начались долгие, но также безрезультатные переговоры о браке Оттона III с одной из порфирородных византийских принцесс (очевидно, одной из двух дочерей императора Константина VIII — Зоей или Феодорой). Правда, императору Оттону II удалось все-таки получить в жены византийскую принцессу Феофано, но та была не только не порфирородной, но вообще не принадлежала к императорскому роду, приходясь лишь племянницей узурпатору престола Иоанну Цимисхию.

Нет сомнений, что византийские послы первоначально отвечали на предложение Владимира примерно так, как рекомендовал отвечать в подобном случае Константин Багрянородный. Однако условия союза были произнесены, и послам надлежало покинуть Киев, чтобы передать требования Владимира императору Василию. Как мы знаем из летописи, византийское посольство получило богатые подарки от киевского князя. Осенью 986 года послы должны были вернуться в Константинополь. Очевидно, вместе с греками в Царьград отправились и послы самого Владимира — те самые десять «добрых и разумных мужей», которым было поручено «испытать» христианскую веру. Посланники князя встретили весьма теплый прием у императоров Василия и Константина и патриарха Николая Хрисоверга. Церковная же служба произвела на них неизгладимое впечатление. Послы возвратились домой воодушевленные всем видимым и слышанным, с богатыми дарами и новыми впечатлениями*.

Между тем, как мы помним, с начала 987 года ситуация в Империи значительно осложнилась; начался мятеж двух Вард — сначала Склира, а потом Фоки. Эти обстоятель-

---

* Согласно свидетельству Жития князя Владимира, русские послы пробыли в Царьграде 8 дней. Столь небольшой срок объясняется, очевидно, необходимостью вернуться домой до окончания навигации (сентябрь — октябрь)[40].

ства заставили императора Василия по-новому взглянуть на перспективу заключения союза с князем Владимиром на условиях, продиктованных в Киеве. Разочаровавшийся в собственных подданных, изменивших ему, оставшийся без армии, а вскоре и запертый в Константинополе, Василий увидел в таком союзе единственный выход из сложившегося положения. Его сестра должна была стать и вознаграждением новому союзнику, и гарантом будущей верности последнего.

Надо думать, что такое решение совсем не легко далось императору. Разумеется, он хорошо знал наставления своего деда и, наверное, раздумывая над тем, как поступить, перечитал соответствующие страницы трактата «Об управлении Империей». Василий должен был понимать, что подобный шаг будет не просто непопулярным, он вызовет шквал обвинений в его адрес в открытом и злонамеренном неуважении к византийским обычаям и законам, к предписаниям прежде царствовавших василевсов и самого равноапостольного императора Константина Великого. Все те обвинения, которые его дед выдвигал против Романа Лакапина, теперь перейдут на него, но он уже не сможет оправдаться тем, что якобы неуч и необразован; его, порфирогенита, станут судить строже, нежели узурпатора престола. Всяческие же оправдания его поступка — как, например, то, что в результате такого брака многочисленный и могущественный народ русов сможет приобщиться к христианской вере, станет дружественным по отношению к Империи, что таким образом может быть спасена целостность Ромейской державы — не будут приниматься в расчет, о чем специально предупреждал в своем трактате Константин Багрянородный.

И тем не менее Василий пошел на предосудительный, с точки зрения византийской морали, но спасительный для него шаг. Разумеется, предварительным условием заключения брака должно было стать крещение Владимира.

«...И заключили они (император Василий и князь Владимир. — *А. К.*) между собой договор о свойстве и женитьбе царя русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его стран, а они народ великий... И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов также и соединились с войсками греков...» — пишет о заключении договора и о последующем прибытии русского войска в Византию Яхъя Антиохийский [41].

Вероятно, весной — летом 987 года новое посольство

отбыло из Константинополя в Киев*. На этот раз послы везли с собой официальное согласие императоров Василия и Константина на брак их порфирородной сестры с князем Владимиром Святославичем при условии перехода последнего в христианскую веру [42].

В свою очередь, Владимир не возражал против крещения. «Я крещусь, ибо прежде испытал закон ваш и люба мне вера ваша и богослужение, о котором поведали мне посланные нами мужи» — как мы помним, эти слова, предназначенные для императоров, вкладывал летописец в уста князя Владимира. (Правда, по летописи, слова эти звучат несколько в ином контексте и произносятся в Корсуни, а не в Киеве, но, во всяком случае, они верно изображают отношение князя к возможности избрания новой веры.)

Историки попытались отыскать в источниках имя того церковного иерарха, который возглавлял византийское посольство в Киев и который, более того, может быть, и был человеком, обратившим князя Владимира в христианскую веру. Правда, свидетельства источников на этот счет весьма смутны и имя посланника императоров восстанавливается на основе целого ряда допущений и предположений, далеко не очевидных и не бесспорных. Суть их в следующем. Византийский автор начала XIV века Никифор Каллист называет среди епископов, сменивших свои кафедры при императоре Василии II, некоего митрополита Севастии** Феофилакта, переведенного императором на Русь. Если принять аргументированное предположение исследователей о том, что Никифор Каллист извлек это известие из источника конца X века (причем восходящего к севастийской митрополичьей кафедре), то получится, что перемещение Феофилакта на Русь произошло между 986 и 997 годами [43]. В таком случае, вероятно, именно об этом Феофилакте рассказывает армянский историк конца X — начала XI века Степанос Таронский, более известный под прозвищем Асохик («певец»), чья «Всеобщая история» является ценнейшим источником по истории Византии в период правления Василия II Болгаробойцы.

Неназванный Асохиком по имени севастийский митрополит (Феофилакт?) был, очевидно, твердым сторонником императора Василия. Он известен своими жестокими репрессия-

---

* В августе 987 года начался открытый мятеж Варды Фоки; вероятно, новое посольство из Константинополя направилось на Русь для того, чтобы ускорить развитие событий.

** Севастия — город на востоке Малой Азии, в византийской Армении, центр одноименной фемы (провинции).

ми, предпринятыми в 986 году против армян-монофизитов, населявших Севастию. В результате гонений многие армянские священники были отправлены в оковах в Константинополь, некоторые умерли в заточении; в Севастии была ограничена свобода вероисповедания для армян (в частности, запрещен колокольный звон). Вероятно, сразу же после мятежа Варды Склира, поддержанного армянами Малой Азии, Феофилакту пришлось бежать в Константинополь. Его судьба привлекла внимание армянского историка потому, что, как казалось, митрополит принял заслуженное наказание от Бога за совершенные им насилия. Асохик рассказывает, что оставшийся без кафедры митрополит был послан императором Василием с ответственным и весьма деликатным поручением, касавшимся бракосочетания сестры императоров, — правда, не на Русь, а в Болгарию, — и там принял жестокую смерть [44]. Мы еще остановимся более подробно на этом известии армянского историка, в котором, как можно догадаться, многое спутано и основано лишь на слухах, доходивших до восточных окраин Ромейской империи. Как я полагаю, Асохик в данном случае смешивает Болгарию и Русь.

Итак, митрополит из Севастии мог появиться на Руси летом 987 года*. Высокий сан, преданность императору — все это позволяет считать его возможным руководителем Киевской миссии. По-видимому, бывший севастийский митрополит задержался в Киеве. В его непосредственную задачу входили подготовка князя Владимира к принятию христианской веры, оглашение и последующее крещение, которое, таким образом, можно датировать второй половиной 987-го или самым началом 988 года.

Можно предположить, что священники-греки, прибывшие из Константинополя, руководствовались предписаниями Византийской церкви, прежде всего Константинопольского

---

* Хронология событий требует разъяснений. Асохик датирует «болгарскую» миссию митрополита 435 годом армянской эры (апрель 986-го — март 987-го); в «Болгарию» митрополит отправился с некой гречанкой, выдаваемой византийцами за сестру императоров (см. ниже, в следующей главе). Но дата 435 год, вероятно, имеет в виду лишь удаление митрополита из Севастии в Константинополь в связи с переходом города под контроль Варды Склира (февраль 987-го). Прибытие же «Лжеанны» на Русь если имело место, то летом 988 года. Однако переговоры по поводу бракосочетания русского князя, как мы знаем, велись в течение длительного времени: начавшись в 986 году, они вступили в решающую фазу в 987-м (непосредственное обсуждение условий заключения брака). Севастийский митрополит к этому времени уже мог принимать в них участие. См. об этом подробнее в главе 8.

Евхологиона, книги, содержавшей последования совершения таинств, в том числе и таинства крещения. Исследователи, придерживающиеся такой именно точки зрения, пытаются рассчитать и точную дату крещения князя Владимира: в соответствии с византийской богослужебной практикой наиболее подходящим днем для крещения князя был день Богоявления (Крещения Господня) 6 января 988 года [45*]. Крещению предшествовало оглашение князя — особый обряд христианского посвящения, в результате которого прежний язычник становился новообращенным (так называемым «некрещеным христианином») и получал доступ в христианское сообщество. Между оглашением и крещением должно было пройти определенное время (обычный срок оглашения для принимающих крещение в день Богоявления — начало Рождественского поста, 15 ноября) [46].

Но применимы ли были к Владимиру жесткие требования Константинопольского Евхологиона? Мне кажется, что едва ли. И византийцы, и сам Владимир были заинтересованы в скорейшем принятии христианства — но не столько из высоких религиозных, сколько из чисто прагматических соображений: греков больше беспокоили сроки отправки в Константинополь русской дружины, Владимира же — прибытие Анны и утверждение своего имени в христианском мире.

Известно, что язычники-славяне, тем более князья, не были готовы сразу принять христианские обряды, многие из которых не соответствовали их представлениям о достоинстве княжеской власти; в свою очередь, проповедники-миссионеры, как правило, смотрели сквозь пальцы на нарушения принятых Церковью норм, особенно в тех случаях, когда результаты крещения непосредственно влияли на международное положение их собственной державы — как это было в случае с Владимиром [47]. Мы знаем, например, что крещение киевлян, состоявшееся уже после возвращения Владимира из корсунского похода, проходило при явном нарушении норм византийского Евхологиона; трудно поэтому настаивать на том, что эти требования соблюдались в отношении самого Владимира. Князь мог креститься в январе 988 года, но — если по каким-либо причинам это представлялось более

---

* Согласно Евхологиону, крещение язычника совершалось также на Троицу, Вербное Воскресенье и Пасху. Дни Пасхи (7/8 апреля) и Троицы (27 мая) 988 года исключаются как несоответствующие датировке крещения Владимира 6495 годом (март 987-го — февраль 988-го). Троица 987 года (12 июня), напротив, кажется слишком ранней датой: едва ли к этому времени византийские послы могли приплыть в Киев и оговорить все необходимые вопросы.

удобным — крещение могло произойти и в другое время — летом или осенью 987 года [48].

Тогда же, очевидно, князю был преподан и Символ веры — краткое и вместе с тем наиболее точное изложение христианских догматов, которое новообращенный должен был произнести во время самого обряда крещения*.

Мы уже говорили о том, что христианство утверждалось на Руси в своей славянской версии. Существовал славянский язык священных и богослужебных книг, переведенных святыми Кириллом и Мефодием и их учениками, существовала славянская проповедь. Очевидно, что и Владимир знакомился с христианством и принимал крещение на славянском языке. Это было в обычае Византийской церкви. Сам Феофилакт Севастийский, конечно, не владел славянской речью, но в его окружении священники-славяне не могли не присутствовать. Наверное, в таинстве участвовали и священники киевских храмов (а Владимир, вероятно, принимал крещение в каком-то из них).

Еще до крещения, во время предварительного оглашения, Владимир получил новое христианское имя — Василий**. С этого времени и в течение нескольких веков — до XIII, а то и до XIV века, русские князья будут носить два имени: одно славянское, княжеское — для повседневного пользования, другое христианское — для молитвы, церкви, предстояния перед Господом.

Имя Василий, очевидно, указывает на крестного отца князя Владимира, которым (разумеется, заочно) стал император Василий II. От святой купели князя принимал, вероятно, особый посланник василевса, облеченный необходимыми полномочиями. Так киевский князь вступил в символическую «императорскую семью» — сообщество христианских государ-

---

* Летопись (рассказывая о крещении Владимира в Корсуни) приводит текст Символа веры. По-видимому, он внесен в летопись не сразу и из какого-то особого, внелетописного, но весьма древнего источника. Этот Символ веры — одна из загадок русской летописи. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что он содержит в себе ясные черты арианства (или, точнее, полуарианства) — еретического учения, ставящего под сомнение Божественную сущность Христа[49].

** День памяти святого Василия Великого, небесного покровителя князя, празднуется 1 января. Это могло бы свидетельствовать о крещении Владимира именно на Богоявление 988 года (6 января) и об оглашении его незадолго до этого. Однако замечу, что в древней Руси, особенно в отношении князей, далеко не всегда придерживались правила давать при крещении имя того святого, чья память праздновалась на соответствующей неделе.

рей Европы; его место в иерархии государей должно было определить бракосочетание с порфирородной сестрой главы «семьи» императора ромеев.

В переводе с греческого языка имя «Василий» значит «царственный». Принимая его, князь Владимир принимал как бы новый титул — «царствующего» над своими подданными, подобно своему порфирородному тезке. Византийцы, конечно, были далеки от такого понимания имяречения новообращенного, но в мировосприятии славян имя играло несравненно большую роль; напомню, что и княжеское имя Владимир было не только именем, но и своего рода титулом.

«И совлекся каган наш, вместе с одеждами ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели убеленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни, в вышнем граде, нетленном Иерусалиме» [49].

Так писал о крещении князя Владимира митрополит Иларион, автор знаменитого «Слова о законе и благодати» — торжественного гимна равноапостольному Крестителю Руси.

«Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьем духе нет лукавства! Когда я молчал, обветшали кости мои от вседневного стенания моего. Ибо день и ночь тяготела надо мною рука Твоя; свежесть моя исчезла, как в летнюю засуху. Но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего, я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего». «Много скорбей нечестивому, а уповающего на Господа окружает милость» (Пс. 31:1—5,10).

А это строки тридцать первого псалма, которые произнес по завершении обряда сам Владимир или — от его имени — кто-то из священнослужителей-славян. Ибо крещение есть подлинное духовное рождение нового человека для жизни во Христе. Греховное прежнее перечеркивается — и из купели «пакыбытия» (по-славянски, возрождения, новой жизни) выходит новый человек, призванный Господом и принятый Им под свою руку. Этот высокий смысл водного крещения — «бани пакыбытия» — был по-своему доступен пониманию язычника, ибо получавший крещение получал новое имя и нового Бога, покровительствовавшего ему и защищавшего его. Но это осознание своего нового бытия могло прийти не сразу, а спустя некоторое время. Думаю, что так произошло

и с князем Владимиром, ибо — как мы увидим — и после принятия святого крещения в течение какого-то времени, как бы по инерции, он будет продолжать действовать скорее как язычник, нежели как христианин. В жизни князя, по-видимому, произойдет еще один поворот в отношении к христианству; подлинное же внутреннее перерождение его в христианина случится позднее, и не на Руси, а в Корсуни.

Так, в общих чертах, можно представить себе события 987-го — начала 988 года в Киеве, таким видится мне непосредственное крещение князя Владимира*.

Я повторю еще раз, что это — лишь предположение, лишь одна из нескольких существующих версий, как мне кажется, лучше других обоснованная источниками — и древнейшими русскими (кроме «Повести временных лет»), и иностранными. Но для того, чтобы принять эту версию, нам необходимо объяснить смысл и происхождение «Корсунского сказания», содержащегося в летописи и в основных вариантах Жития Владимира и совершенно по-другому объясняющего крещение киевского князя. Что же произошло в Корсуни на самом деле? Почему летописец выбрал именно «корсунскую» версию, хотя знал о существовании других? Как вообще она возникла? На все эти вопросы мы постараемся дать ответ в следующей главе. Пока же, по возможности кратко, завершим рассказ о событиях в Византии, где продолжалась жестокая междуусобная война.

Итак, князь Владимир выполнил свою часть обязательств перед императором Василием. Вероятно, летом 988 года русские войска прибыли в Константинополь.

Некоторые арабские историки, писавшие о мятеже Варды Склира и Варды Фоки, но пользовавшиеся информацией из вторых рук (Ибн ал-Атир, ал-Макин), утверждали, будто бы и сам русский «царь» явился в Константинополь во главе

---

* Я подразумеваю крещение князя в Киеве, но в принципе можно говорить и о «василевской» версии. Крупнейший исследователь Русской Церкви, историк XIX века Е. Е. Голубинский отдавал ей предпочтение, полагая, что Владимир не афишировал своего приобщения к христианству перед подданными — что удобнее было сделать не в столице державы Киеве, а в принадлежавшем ему Василеве [51]. Название города появилось уже после крещения Владимира, но, может быть, именно в связи с этим крещением? С другой стороны, князь, несомненно, был волен в своих поступках и мог креститься, где хотел. Я не вижу особых оснований предпочитать «василевскую» версию «киевской». Обе в равной степени вероятны.

своих войск [52]. Это, конечно, ошибка: молчание русских, греческих и первостепенных восточных авторов бесспорно свидетельствует против такого предположения. Однако незримое присутствие князя Владимира в Царьграде несомненно. Его имя произносилось и греками, поддерживавшими законных императоров, и инсургентами; его интересы, действия и даже одни только намерения непременно учитывались в разворачивающихся событиях. Киев и Константинополь того времени тесно сопряжены друг с другом: все, что происходило в одной столице, вскоре отзывалось в другой.

Русские прибыли в Константинополь морем. Условия навигации на Черном море во все времена были примерно одни и те же: плавание на гребных судах допускалось лишь в ограниченный промежуток времени — с апреля по начало октября. В апреле же вскрывались реки на Русской равнине и можно было спуститься вниз по Днепру. Плавание из Киева в Константинополь занимало примерно тридцать дней, для многочисленного, вооруженного войска — несколько больше. Следовательно, русская дружина могла появиться в Константинополе не ранее лета — вероятнее всего в июне — июле.

Обычно ее численность определяют в шесть тысяч человек. Эту цифру называет армянский историк Асохик, но говоря вовсе не о событиях 988—989 годов, а о гораздо более позднем времени, когда наемники-русы, оставшиеся на службе у императора Василия, принимали участие в походе в Грузию против царя Георгия I (1000 год); тогда-то их корпус и насчитывал шесть тысяч человек [53]. Но мы не знаем, увеличилась или уменьшилась численность русских за прошедшее время. Однако несомненно, что войско, прибывшее из Киева, было значительным — иначе не имело смысла его посылать. «Все они были большой силы и отваги», — говорит о воинах из Руси арабский историк Абу-Шоджа [54].

Появление многочисленного войска сразу изменило к лучшему положение императора Василия, хотя вряд ли прибавило ему авторитета в византийском обществе. В Константинополе, еще со времен патриарха Фотия, русов не любили и боялись. Одним своим именем, заставлявшим вспоминать зловещие слова пророка Иезекииля о «князе Роша и Мешеха» и о «последних временах» царства, они вызывали суеверный ужас. Теперь эти русы находились в самом Царствующем граде (или возле него), и вряд ли их поведение отличалось от обычного, грубого и беззастенчивого поведения наемников.

Император Василий, однако, не спешил и не сразу бросил прибывшее к нему войско в бой. Русы получили возможность привыкнуть к новым для себя условиям местности, к особенностям боя в составе византийской фаланги. Император объединил их с другими бывшими в его распоряжении войсками из западных провинций Империи, образовав мощный ударный корпус.

Первым сражением, в котором приняли участие посланцы Владимира, стала битва у Хрисопольского холма, на противоположном от Константинополя берегу Боспорского пролива. Обычно ее относят к лету 988 года, но, строго говоря, сражение могло произойти и позже — осенью или даже зимой того же года, во всяком случае, ранее января — начала февраля 989 года [55].

Ночью войска императора скрытно переправились через пролив. По словам Асохика, они обошли крепость сзади и залегли за окружавшими город холмами. С рассветом со стороны Константинополя показались военные корабли императора. «Крепостные войска при виде этого вышли против них на бой. Тогда сидевшие в засаде за крепостью пошли на них и часть войск Дельфинаса предали мечу, а другую загнали в море». Командующие Хрисопольской крепостью патрикий Калокир Дельфин, а также брат Варды Фоки Никифор попали в плен; Никифора император повелел заковать в цепи и переправить в Константинополь, а Дельфина — повесить (по-другому, посадить на кол) там же, на Хрисопольском холме, на том самом месте, где был разбит шатер мятежников. В руки императора Василия попали и корабли Варды Фоки, базировавшиеся у Хрисополя.

Так в ходе войны произошел перелом. Фоку начали постепенно покидать его сторонники и союзники, в том числе один из грузинских отрядов, посланный к нему незадолго до этого его личным другом куропалатом Давидом, правителем Таикским.

Фока все же постарался перехватить инициативу в войне. Узнав о происшедшем, он двинулся к Авидосу, где, напомню, находились верные ему войска во главе с Львом Мелиссином. По-прежнему наиболее боеспособной частью войска Фоки оставались иверийцы. В свою очередь, и Василий во главе своих войск (основу которых составляли русы) выступил навстречу врагу. В боевых порядках занял место и его брат Константин.

Решающее сражение произошло 13 апреля 989 года у

Авидоса. Вновь Василий разделил свои войска на две части. Одна из них напала на корабли узурпатора и предала их огню. Сам же император приступил с суши к лагерю противника. Рассказывали, что Фока с презрением отзывался о боевых качествах русов, считая их не способными противостоять его воинам. Но он ошибался. Как и во времена Святослава, русы были сильны своим натиском, способностью опрокинуть противника в прямом, открытом бою. «Едва они высадились на берег, — писал о сражении русов с Вардой Фокой Абу-Шоджа Рудраверский, — и оказались на одной земле с врагом, как разгорелся между ними бой, и победителями вышли русы». Фока предпринял отчаянную попытку спасти положение. Он сам бросился в битву, стремясь любой ценой прорваться к императору Василию и поразить того мечом. Зловещие предзнаменования предшествовали этому: под полководцем оступился сначала один конь, потом другой. Лицо Фоки потемнело, сознание помутилось. Когда он уже был ввиду императора, сжимая изо всех сил рукоять высоко занесенного меча, внезапно с ним случился удар, он вывалился из седла и рухнул на землю. Официальный историограф Империи Михаил Пселл полагал, что причиной случившегося стала икона Божией Матери, которую император Василий в тот момент держал в руках. Но, вероятно, все объяснялось проще и прозаичнее: накануне сражения великий муж был отравлен своим слугой, которого удалось подкупить императору Василию. (Подробности приводит в своей хронике византийский историк конца XI века Иоанн Скилица [56].)

Гибель полководца разом положила конец сражению. Его войска частью бежали, частью сдались в плен. Поверженное тело Варды было расчленено победителями на части. Отрубленную и надетую на копье голову по приказу императора доставили в столицу и торжественно пронесли по улицам, а затем отправили к оставшимся мятежникам в Малую Азию.

Так завершился мятеж Варды Фоки, но не завершилась еще гражданская война в Византии. Узнав о гибели мужа, жена Варды Фоки выпустила из заточения Варду Склира. Престарелый, но по-прежнему грозный полководец собрал вокруг себя остатки разгромленного войска и вновь переобул ноги в пурпурные башмаки, провозгласив себя императором ромеев. К Склиру присоединился и сын Варды Фоки Никифор, прозванный Кривошеим. Новый мятеж Варды Склира продолжался, по

крайней мере, до осени 989 года, а может быть, и дольше*.

Однако читатель, знакомый уже с общей канвой событий и знающий о корсунском походе князя Владимира и его последствиях, вправе задаться недоуменным вопросом: в какой же связи с событиями византийской войны находился этот корсунский поход, то есть открытые военные действия русского князя против своего нового и, казалось бы, столь желанного и надежного союзника? Что произошло в Киеве и Киевском государстве между летом 988-го и весной 989 года?

Для того, чтобы разобраться в этом, нам придется еще раз вернуться на Русь и поговорить об обстоятельствах, предшествовавших походу князя Владимира на греческий город Корсунь в Крыму.

---

* Согласно Яхъе, примирение Василия и Склира произошло 11 октября 989 года (по Михаилу Пселлу, значительно позже); в ноябре того же 989 года прекратил сопротивление Лев Фока, сын Варды. Император не только простил Склира, но и наградил его званием куропалата и обширными земельными владениями. Варда Склир умер 4 февраля 991 года, возможно, не без вмешательства императора Василия.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КОРСУНЬ

Византийский историк Лев Диакон, один из наиболее образованных, осведомленных и талантливых писателей-историографов своего времени, посвятил десять книг написанной им «Истории» царствованию, в основном, двух василевсов — Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия; смертью последнего он и закончил труд. И тот, и другой казались ему подлинным воплощением ромейского гения — мужественные, властные, способные покорить любого врага, они, на его взгляд, сильно отличались от императора Василия II, личность которого совсем не привлекла внимание историографа. Лев Диакон писал еще в первые годы самостоятельного правления Василия (как полагают, около 991 года). Громкие победы будущего Болгаробойцы на западе и востоке, наступившее при нем процветание Ромейской державы были еще далеко впереди и не угадывались ни Львом, ни другими современниками тяжелых неудач молодого василевса. Прошлое казалось величественным, настоящее — ужасным, будущее (если его вообще можно было ожидать) — беспросветным. С напряженным вниманием вглядывался историк в цепь происходивших событий и искал объяснения несчастий, обрушившихся на Империю. Человек своего времени, он находил их в Божественном Провидении, и потому его особое внимание привлекали разного рода небесные знамения, знаки вмешательства высшей силы — они предвещали все то, что затем сбывалось в действительности. Следуя за видимыми указаниями свыше, историк иногда выходил за хронологические рамки своего повествования и рассказывал о том, что случилось позднее, уже в его дни.

На рис. — императоры-соправители Василий II и Константин VIII; изображение на византийской монете.

Таково хронологическое отступление в десятой, заключительной книге «Истории». В начале августа 975 года, незадолго до смерти Иоанна Цимисхия, Империю поразило необычное небесное явление: на небосклоне появилась хвостатая звезда — «нечто божественное, небывалое и превышающее человеческое разумение». «Появившись на северо-востоке, комета поднималась в форме гигантского кипариса на огромную высоту, затем постепенно уменьшалась в размерах и склонялась к югу, пылая сильным огнем и распространяя ослепительные яркие лучи. Люди смотрели на нее, преисполнившись страха и ужаса». Знамение продолжалось долгих 80 дней — до середины октября. Император Иоанн спрашивал придворных мудрецов, что может означать такое непостижимое чудо. Но те, исполненные лести, «истолковали появление кометы не так, как требовало их искусство, а согласно желаниям государя: они пообещали ему победу над врагами и долгие дни жизни». Однако через несколько месяцев Иоанна не стало. «Появление кометы, — пишет Лев Диакон, — предвещало не то, что предсказали эти мужи в угоду императору, а пагубные мятежи, вторжения иноплеменников и гражданские войны, бегство [населения из] городов и областей, голод и мор, страшные землетрясения и почти полное уничтожение Ромейской державы — все то, что мы узнали по дальнейшему ходу событий» [1]. Описанию этих страшных последствий хвостатой звезды и посвящена большая часть X книги его «Истории».

Как истинный ромей, Лев мало интересовался судьбами соседних народов; только в связи с историей Византии они иногда привлекали его внимание. Так, с нескрываемой неприязнью Лев отзывался о «мисянах» — болгарах и «тавроскифах» — русах. Удивительно, например, но он даже не обмолвился об участии русов в подавлении мятежа Варды Фоки, не упомянул и о принятии русскими христианства. Однако именно Лев, единственный из иностранных писателей, отметил в своем повествовании взятие русскими Херсонеса.

Рассказав в своем хронологическом отступлении о смерти Иоанна Цимисхия, о первом мятеже Варды Склира, о несчастном сражении императора Василия в Болгарском ущелье (в котором Лев участвовал лично) и, наконец, о мятеже Варды Фоки, историк продолжил свое описание тяжких бедствий, предсказанных зловещей кометой:

«И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались затем поздней ночью в северной части

неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона и завоевание мисянами Веррии*» [2].

Свидетельство византийского историка особенно ценно тем, что дает возможность более или менее определенно датировать взятие Корсуни князем Владимиром Святославичем. Еще ученые прошлого века — сначала византинист Василий Григорьевич Васильевский, а затем востоковед барон Виктор Романович Розен — обратили внимание на то, что «огненные столбы», напугавшие Льва Диакона и, очевидно, предвещавшие падение Херсонеса [3], похоже описаны арабскими историками и прежде всего Яхъей Антиохийским, который, по своему обыкновению, точно датирует необычное небесное явление:

«Случилось в Каире (где жил тогда Яхъя. — *А. К.*) в ночь на субботу 27-го Зу-л-Хидджы 378 (7 апреля 989 года) гром и молния и буря сильная, и не переставали они до полуночи. Потом покрылся мраком от них город, и была тьма, подобия которой не видывали, до самого утра. И вышло с неба подобие огненного столба, и покраснели от него небо и земля весьма сильно. И сыпалось из воздуха премного пыли, похожей на уголь, которая захватывала дыхание, и продолжалось это до четвертого часа дня. И взошло солнце с измененным цветом и продолжало восходить с измененным цветом до вторника 2 Мухаррема 379 (12 апреля 989 года)» [4].

Если арабский и греческий историки описывали одно и то же поразившее их явление — что более чем вероятно, — то падение Корсуни следует отнести ко времени вскоре после 7—12 апреля 989 года [5].

В «Истории» Льва Диакона есть еще одно бесспорно датирующее уточнение. Сразу же после описания «огненных столбов» автор продолжает: «И сверх того, звезда появлялась на западе при заходе солнца, восходя по вечерам, она не имела какого-либо постоянного места на небе. Распространяя яркие, видные на далеком расстоянии лучи, она часто передвигалась, показываясь то севернее, то южнее, а иногда за время одного и того же восхождения меняла свое положение на небе, производя внезапные, быстрые движения. Люди, смотревшие на комету, удивлялись, страшились и полагали, что ее странные перемещения не приведут к добру» [6]. И действительно, комета предвещала великое бедствие. Вечером 26 октября 989 года, в день празднования святому Димитрию Солунскому, в Константинополе случилось землетрясение, во

---

* Веррия — византийская крепость в Фессалонии.

время которого был разрушен храм Святой Софии — главная святыня Империи.

Комета, которую наблюдал Лев Диакон и которая предвосхитила разрушительное землетрясение, была не чем иным, как знаменитой кометой Галлея, действительно проходившей вблизи Земли летом 989 года. В июле — августе ее наблюдали астрономы Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; Яхъя сообщает, что комета появилась на небе 27 июля и оставалась в поле зрения в течение 20 дней [7]. Из описания Льва Диакона выходит, что комета предсказывала уже следующее событие в длинной цепи бедствий и несчастий, поразивших Ромейскую державу; следовательно, очевиден вывод: взятие русскими Херсонеса произошло не только после 7 апреля 989 года, но и до 27 июля того же года [8].

Но если так, то военный поход Руси, направленный против Византии, по времени совпал с теми событиями внутриполитической византийской истории, о которых мы говорили в предыдущей главе и в которых русы выступали как раз союзниками и, более того, спасителями императоров Василия и Константина: напомню, что битва при Авидосе, решившая исход гражданской войны в пользу законных императоров, произошла 13 апреля того же 989 года. Кажется, перед нами неразрешимое противоречие, своеобразный логический тупик.

Наиболее естественный выход из возникшего логического противоречия предложил еще в 1883 году В. Р. Розен, открывший сочинение Яхъи Антиохийского для науки. Как полагал Розен, летом 988 года, отправив значительный воинский контингент в Византию, князь Владимир выполнил свою часть обязательств перед императором Василием. Однако тот не спешил исполнять свое обещание: ни летом, ни осенью 988 года Анна так и не появилась в Киеве. Разгневанный обманом (или промедлением?), Владимир двинул свои войска на Корсунь для того, чтобы принудить императоров сдержать слово. И он добился своего — византийская принцесса прибыла в Херсонес [9].

Эта гипотеза утвердилась в науке и — по крайней мере, до недавнего времени — господствовала в ней. Действительно, судя по показаниям русских источников, бракосочетание Владимира и Анны произошло в Корсуни — а значит, после апреля 989 года, то есть приблизительно спустя год после того, как русские войска прибыли в Константинополь. (Помимо рассказа «Повести временных лет», на это указывают и топографические данные: еще в XI веке в Корсуни была известна «царицына палата» — свидетельство пребывания Анны в

городе.) Арабский историк Яхъя Антиохийский, похоже, также располагал сведениями о том, что сестра византийских императоров появилась на Руси заметно позже того, как между двумя правителями был подписан договор о свойстве [11].

В нашем распоряжении имеется еще один источник, позволяющий, кажется, прояснить причины того поворота, который произошел в русско-византийских отношениях накануне корсунского похода князя Владимира. Я имею в виду упомянутый в предыдущей главе рассказ армянского историка Асохика, посвященный судьбе безымянного митрополита Севастийского, отождествляемого исследователями с севастийским митрополитом Феофилактом. В связи с миссией митрополита Асохик сообщает чрезвычайно любопытные подробности относительного намечавшегося бракосочетания не названной им по имени сестры византийского императора Василия.

Вскоре после удаления из Севастии («в том же году», уточняет Асохик) севастийский митрополит был отправлен Василием «в страну булхаров». Далее и приведен рассказ, который не может не привлечь внимания исследователя русско-византийских отношений того времени.

«Булхария просила царя Василия отдать сестру свою замуж за ее царя. Император в сопровождении митрополита отправил (к булхарам. — *А. К.*) какую-то женщину из своих подданных, похожую на сестру свою. По прибытии той женщины в землю булхаров узнали, кто она, и потому осудили митрополита как прелюбодея и обманщика; цари булхарские сожгли его, обложив хворостом и соломой; это было сделано двумя братьями, называвшимися комсадцагами...» [12].

Исследователи давно обратили внимание на путаницу Асохика в изложении болгарских событий. Так, например, он правильно называет болгарских правителей «комсадцагами» (армянский перевод греческого «комитопулы»), но в дальнейшем, очевидно, смешивает их с Борисом и Романом, бежавшими из византийского плена накануне большой болгаро-византийской войны. Несколько раз нарушает Асохик и хронологию болгарских событий. Это неудивительно. Армянский историк проявлял чрезвычайную осведомленность относительно событий в самой Византии, особенно на востоке Империи. Западные же окраины Империи и тем более то, что происходило за их пределами, привлекали его внимание в меньшей степени.

Наибольший интерес для нас представляет сообщение Асохика об участии севастийского митрополита в некой

афере, задуманной императором Василием. У последнего, по-видимому, была всего одна сестра — Анна. Мы ничего не знаем о переговорах императора с правителями Болгарии Самуилом и Аароном относительно бракосочетания Анны. Более того, ход византийско-болгарских отношений того времени исключает возможность таких переговоров в 986—987 годах. Зато мы хорошо знаем, что именно в 986—987 годах такие переговоры велись императором Василием с правителем Руси князем Владимиром Святославичем. Я не настаиваю на том, чтобы буквально принимать сообщение Асохика, механически меняя название «Булхария» на Русь. Но и пройти мимо его очевидного совпадения с русскими событиями было бы неправильно.

Важнее, как мне кажется, понять природу известия армянского историка. Несомненно, Асохик опирался на слухи, доходившие до восточных окраин Византийской империи, населенных армянами. В этих слухах правда перемешана с вымыслом — либо с сознательной ложью, либо с естественным искажением передаваемой устно информации. Мы легко можем догадаться, какими невероятными слухами обрастало известие о скандальном согласии императора Василия на брак своей сестры с правителем «северных варваров» (к которым, кстати говоря, византийцы в равной степени относили и «мисян», и «тавроскифов»). Особенно фантастический характер эти слухи приобретали в тех областях Империи, которые поддерживали Варду Склира и Варду Фоку, в том числе и в армянских провинциях.

Асохик, несомненно, путает Болгарию и Русь. Я думаю, что в его рассказе нашел отражение факт переговоров императора Василия именно с Владимиром Киевским. Но, помимо этого, в его информации имеется, по крайней мере, еще одно очевидное зерно истины — эти переговоры, по-видимому, осложнились неким конфузом, нарушением договоренности со стороны византийского императора. В чем именно оно выразилось, можно только догадываться.

Можно ли допустить, что Василий действительно послал на Русь «какую-то женщину», похожую на его сестру? Поверить трудно — ведь столь примитивный обман неизбежно был бы раскрыт. Но для выигрыша времени он, пожалуй, годился. Можно усомниться и в известии Асохика о гибели севастийского митрополита. Но, с другой стороны, именно факт гибели послужил Асохику основанием для включения всего рассказа в свою «Историю»: автору важно было показать неотвратимость Божьего наказания за совершенное зло; напомню, что митрополит был повинен в смерти священников-

армян. Можно усомниться, наконец, в тождественности безымянного севастийского митрополита с севастийским митрополитом Феофилактом, посланным на Русь императором Василием, согласно известию Никифора Калиста; да и любая вообще деталь рассказа Асохика может оказаться вымыслом. И все же слухи не появляются «из ничего»; как говорится, «дыма без огня не бывает» — смею предположить, что рассказ армянского историка подтверждает: тем или иным способом, но император Василий постарался уйти от выполнения своего обещания.

Что ж, греки «сольстили» — не в первый и не в последний раз в русской истории.

Пожалуй, мы не удивимся этому. И дело даже не в том, что первые победы в ходе гражданской войны дали императору Василию возможность обойтись без помощи своего северного союзника. Вероятно, сыграла свою роль позиция, занятая самой Анной, порфирородной сестрой императоров Василия и Константина.

Анна была почти ровесницей князя Владимира. Она родилась 13 марта 963 года, за два дня до смерти своего отца императора Романа II [13]. К началу русско-византийских переговоров (986 год) ей исполнилось 23 года. Рожденная в Порфире, Анна ясно осознавала свое высокое предназначение. Судьба вряд ли готовила ей счастливое замужество: выдача ее за иностранца (даже облеченного императорским достоинством, подобно Оттону II) была оскорбительной по соображениям престижа; в самой же Византии ее возможный супруг становился претендентом на византийский престол и — при живых братьях Василии и Константине — угрозой целостности и спокойствию Империи. Но честь и достоинство для порфирородной принцессы, несомненно, имели большую притягательную силу, нежели брачные узы. Любовные же утехи — как показывала практика византийского двора — можно было найти и вне брака. Со временем Анна могла рассчитывать и на византийский престол: как известно, Македонская династия пресеклась на императорах Василии и Константине — первый не имел детей, а у второго рождались лишь дочери — Евдокия, Зоя и Феодора; двум последним суждено было стать авгу́стами (правительницами) ромеев.

Предложение Владимира и, главное, согласие Василия на брак не могли быть восприняты Анной иначе как несчастье, крушение всех жизненных планов. Намечавшаяся женитьба несмываемым пятном позора ложилась на порфирородную принцессу. Император Василий пытался убедить сестру в

обратном, представить ее, напротив, спасительницей родной державы. («Обратит Бог тобою Русскую землю в покаяние, а Греческую землю избавишь от лютой рати. Видишь, сколько зла сотворила Русь грекам? И ныне, если не пойдешь, то же сотворят нам», — так, согласно летописи, говорил он сестре.) Но ведь Анна, вероятно, тоже читала трактат Константина Багрянородного (или, по крайней мере, слышала о предостережениях своего деда) и знала: ничто не служило оправданием брака порфирородной принцессы с «варваром». Север, куда ей предстояло отправиться по воле брата, не просто страшил ее, но приводил в ужас. Нам трудно понять это, но ведь даже Крым представлялся грекам «гипербореей», крайним пределом обитаемого мира. Дальше, по представлениям античных, а потом и раннехристианских ученых, находилось обиталище едва ли не полулюдей, мифических чудовищ, вместилище того апокалипсического ужаса, который в последние дни мира (а об их приближении в Византии говорили все чаще) должен был выплеснуться наружу и заполнить собою вселенную. Северный правитель Владимир, князь Руси, воспринимался едва ли не как апокалипсический «князь Роша». Удесятеренная молвой слава о его буйствах, безграничном распутстве, жестокости не могла не достигнуть Империи, и можно только догадываться, какие невероятные слухи переполняли женскую половину дворца, особенно после прибытия в Царствующий град киевских послов. Вряд ли Анна готова была безропотно примириться со своей участью.

Русские летописцы рассказывают о том, как отчаянно противилась Анна желанию братьев принести ее в жертву своим политическим расчетам. «Она же не хотела идти, — читаем в «Повести временных лет». — «Словно в полон, — говорила, — иду; лучше бы мне здесь умереть!»... И едва принудили ее» [14].

Арабские историки подтверждают слова летописца. «Женщина воспротивилась отдать себя тому, кто разнствует с нею в вере, — свидетельствует Абу-Шоджа Рудраверский. — Начались об этом переговоры, которые закончились вступлением царя русов в христианство. Тогда брак был заключен, и женщина была подарена ему (Владимиру. — *А. К.*)». Почти в тех же выражениях вторит багдадскому историку Ибн ал-Атир [15]. И император Василий, очевидно, не сразу смог сломить сопротивление своей сестры.

Но мог ли он, нарушая договоренность с русским князем, рассчитывать в то же время на верность своей русской дружины? Можно ли допустить сам факт *одновременного* участия русских войск в военных действиях *за* и *против* императора

Василия? Мы уже говорили о том, что этот вопрос многим кажется неразрешимым.

Однако противоречие между одновременным участием русов в борьбе за и против императора Василия — как ни парадоксально это звучит — во многом надумано. Говоря о событиях давно минувших дней, мы зачастую переносим на них современные представления о политике и практике международных отношений. Посылка русской дружины в Византию представляется нам чем-то вроде нынешнего оказания военной помощи соседней стране по просьбе ее правительства с использованием «ограниченного воинского контингента». В раннее средневековье, по-видимому, дело обстояло иначе. Русы, появившиеся в Константинополе, приобретали нового сюзерена — императора Василия — взамен старого — князя Владимира. Их связи с Киевом, зависимость от киевского правительства обрывались сразу же по прибытии в Империю (то же самое мы отмечали и в отношении русов, поступивших на службу к дербендскому эмиру в том же 987 году). Название «русская дружина» несет на себе даже не этнический и тем более не государственный признак, но лишь обозначает территорию, откуда прибыли наемники. Среди них, вероятно, были люди разных языков и наречий — славяне, скандинавы, кельты, финны. То обстоятельство, что когда-то они служили князю Владимиру, а теперь тот поссорился с императором Василием, конечно, не могло их заставить отказаться от новой и, несомненно, хорошо оплачиваемой службы. Эти наемники-профессионалы оставались на службе у византийских императоров на протяжении десятилетий — вне зависимости от характера русско-византийских отношений. Воинов «с секирой на правом плече» (так византийцы именовали варяжскую дружину) мы встретим и в составе войска Василия II, сражавшегося в Европе и в Азии, и в составе императорской гвардии в Константинополе во время многочисленных политических эксцессов, происходивших в византийской столице в первой половине XI столетия. Роль Владимира заключалась в том, что он *позволил* части своих воинов уйти от него (и это совсем не мало!). Но в дальнейшем его права как сюзерена, его влияние на своих бывших соратников заканчивались.

Считается, что русские источники не содержат сведений о посылке воинского контингента в помощь императорам Василию и Константину. Но это не вполне верно. Напомню уже известный читателю летописный рассказ о том, как князь Владимир, вскоре после захвата Киева (согласно летописи, 980-й, реально — 978 год) избавился от наемников-варягов,

требовавших непомерный выкуп, и «показал им путь» к Царьграду. Мы уже говорили о сложном происхождении этого рассказа: чисто фольклорные мотивы смешаны здесь с какими-то воспоминаниями о реальных контактах между Киевом и Константинополем. Между тем ни в греческих, ни в восточных источниках нет никаких сведений о прибытии русской дружины в Византию при императоре Василии II ранее 987—988 годов. Следовательно, вполне вероятно, что в летописной статье под 980 годом в сильно завуалированной форме как раз и отразился факт выполнения Владимиром основного условия договора 987 года [16]. Но как далеки были посланные Владимиром наемники от самого князя, в сколь малой степени считали себя обязанными ему! Император Василий мог опасаться их ухода лишь в одном случае — если бы кто-нибудь предложил им еще больше золота или серебра. (Правда, в случае *прямого* столкновения с войском Владимира наемники-русы могли, наверное, перейти на сторону своих недавних товарищей. Но этого можно было избежать.)

Летом 988 года, «на другое лето по крещении», как сообщает «Память и похвала» Иакова мниха, князь Владимир «ходил к порогам» [17] — надо полагать, навстречу невесте, которая согласно договоренности с императором Василием должна была прибыть на Русь*. Однако Анны князь так и не дождался. Если верить сообщению Асохика о том, что к «царю булхаров» (Владимиру?) взамен порфирородной принцессы была отправлена другая женщина, то здесь, на Днепре, и состоялась его встреча с «Лжеанной». Сразу ли князь распознал подлог, или позже, в Киеве, — гадать не имеет смысла. Можно безошибочно предположить лишь одно: Владимир был разгневан. Как мы уже знаем, смыть подобное оскорбление князь мог лишь кровью.

Предположительно к этому времени относится и расправа над бывшим севастийским митрополитом (Феофилактом?), о которой сообщает Асохик. Если верно и это известие, то перед нами несомненное свидетельство резкого поворота Владимира в отношении только что принятой веры. Это обстоятельство, пожалуй, может объяснить многое — и молчание визан-

---

* Известно, что и позже, в XII веке, русские князья встречали у днепровских порогов приезжавших к ним издалека невест [18]. Это место считалось особенно опасным из-за возможного нападения печенегов (позже половцев); кроме того, выезжая к крайним рубежам своей страны, князь оказывал особую честь гостье и сопровождавшим ее лицам.

тийских историков о крещении русского князя, и свидетельства русских источников о явно нехристианском поведении Владимира во время корсунского похода.

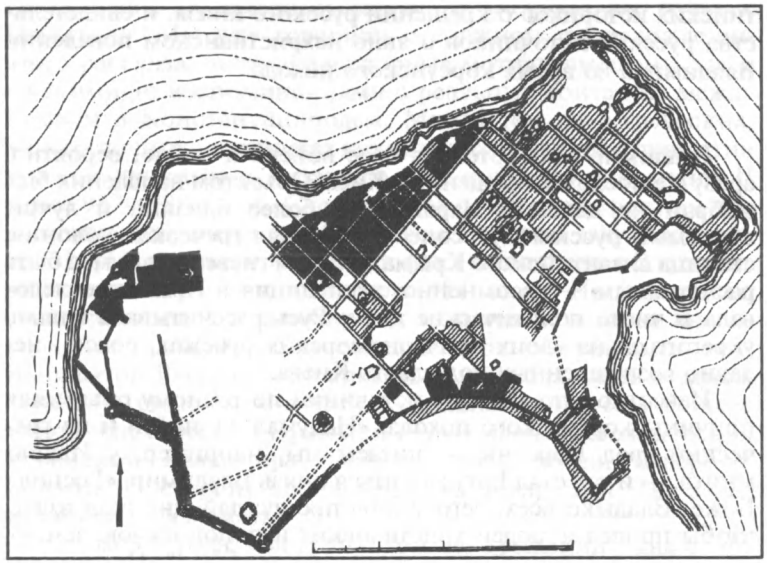
Владимир стал готовить свое войско к войне, вероятно, сразу же после возвращения в Киев. Объектом нападения был выбран не далекий Царьград, а более близкий и лучше знакомый русским Херсонес — древняя греческая колония, столица византийского Крыма. В своем гневе князь умел быть расчетливым — несомненно, экспедиция в Крым преследовала и чисто политические цели: Русь рассчитывала сильно укрепиться на своих причерноморских рубежах, совсем недавно возвращенных под власть Киева.

Известно, что русские источники по-разному объясняли причины корсунского похода. «Надумал же пойти и на греческий град Корсунь, — читаем мы, например, у Иакова мниха, — и так стал Богу молиться князь Владимир: «Господи Боже, Владыко всех, сего у тебя прошу: дай мне град взять, чтобы привел я людей христианских и попов в свою землю, да научат они людей закону христианскому» [19]. Но это, конечно, осознание последствий корсунского похода (который на самом деле сыграл исключительную роль в христианизации Руси), а вовсе не его причин.

Уникальное объяснение причины похода содержит так называемое Житие князя Владимира особого состава, известное лишь в поздних рукописях (XVII века), но, очевидно, восходящее к более раннему источнику (некоторые существенные особенности этого Жития читаются в особой редакции Проложного жития, встречающегося в рукописях XV—XVI веков) [20]. В этом памятнике поход на Корсунь связан с «женолюбием» Владимира: он посылает своего воеводу «князя Олега» (из других источников неизвестного) к «князю» «Корсунского града» «прашати за себя дщерь его». Тот, однако, отвечает презрительным отказом: «вельми посмеялся ему, что поганый сей творит». Оскорбленный Владимир собирает своих воевод и «варяг, и словен, и кривичей, и болгар с черными людьми»* и идет походом на Корсунь.

---

* Состав войска Владимира едва ли не заимствован из летописного рассказа о походе Владимира на Полоцк и его сватовстве к Рогнеде. Внимание исследователей привлекло загадочное упоминание «болгар с черными людьми». Одни исследователи видят здесь искаженное название «черных болгар» (этот народ тюркского происхождения жил где-то в Северном Причерноморье); другие — испорченное трафаретное выражение более позднего времени: «бояр с черными людьми» [21].



План Херсонеса. Составлен С. А. Беляевым с использованием старых планов. Из статьи: «Базилика на холме» в Херсонесе... (Byzantinorussica, № 1, 1994).

Несомненно, перед нами — один из вариантов фольклорного рассказа о сватовстве князя Владимира, в свою очередь, основанного на реальных событиях — сватовстве Владимира к Рогнеде и его же сватовстве к царевне Анне. Но — кто знает — может быть, поздний источник содержит какие-то намеки на посредническую роль Херсонеса в переговорах между Владимиром и императором Василием (как это было за двадцать лет до этого, во время переговоров между императором Никифором Фокой и князем Святославом)? Может быть, «князь» (правитель) Херсонеса, а также его дочь каким-то образом были замешаны в аферу с подменой невесты? Разумеется, эти вопросы — умозрительны и не имеют ответов. Но соблазнительно было бы объяснить именно этими обстоятельствами выбор Корсуни в качестве жертвы Владимира и исключительную (даже по меркам Владимира) настойчивость русских при овладении городом.

Однако вернемся от ненадежных предположений к известным нам обстоятельствам самого похода.

Итак, русские спустились вниз по Днепру и, вероятно, в самом конце лета или в начале осени того же 988 года появились вблизи Херсонеса. Войско Владимира насчитыва-

ло несколько тысяч человек (не более пяти-шести тысяч на 150—200 ладьях, согласно подсчетам военного инженера и археолога Александра Львовича Бертье-Делагарда, посвятившего обстоятельное исследование корсунскому походу Владимира) [22]. Херсониты, конечно, заблаговременно узнали о приближении русского флота (ибо их сторожевые корабли и обычные рыболовные лодки постоянно курсировали вблизи устья Днепра) и успели подготовиться к осаде: «затворились в граде», по выражению летописца.

Русы были сильны натиском, напором в первом бою. Умелая же осада крепостей не входила в число их достоинств. Войско Владимира не располагало ни стенобитными машинами, ни камнеметами или огнеметами, способными забрасывать в осажденный город горшки с зажигательной смесью и тяжелые камни. Не сумев выманить противника из крепости и взять город прямым лобовым ударом, русы были вынуждены приступить к осаде, надеясь на время и, как казалось, неизбежный голод. Но осада затянулась и легла тяжелым бременем не только на осажденных, но и на осаждавших. По сведениям средневековых русских источников (разных редакций Жития князя Владимира), русские простояли у города от шести до девяти месяцев [23], то есть осень, зиму и часть весны.

Херсонес был отлично укреплен и считался почти неприступным. Город находился на полуострове, соединенном с сушей лишь узким перешейком на западе. С севера его омывали волны Черного моря, с востока глубоко в линию берега врезался залив — нынешняя Карантинная бухта Севастополя. В древности к ней тянулась глубокая и узкая балка, защищавшая крепость с юга. Западная часть города ограничивалась нынешней Стрелецкой бухтой — не очень глубоким, но обширным заливом. Каменные стены города достигали 15 метров в высоту и трех (а в некоторых местах — даже шести-десяти) метров в толщину. На наиболее опасных участках крепость окружала вторая, дополнительная боевая стена — так называемая протеихисма [24].

До нас дошли два рассказа об осаде Корсуни князем Владимиром. Один из них читается в летописи и, с различными дополнениями, — в основных редакциях Жития князя Владимира. Второй — в упомянутом выше Житии князя Владимира особого состава. И тот, и другой рассказы наполнены реальными подробностями, ярко рисующими происходящие события. В первую очередь это относится к летописному повествованию, автор которого, возможно, сам был корсунянин. Он обнаруживает исключительное знание мест-

ности и, как видно, пользуется местными корсунскими преданиями и воспоминаниями о пребывании Владимира в городе. Осада Корсуни описывается не столько глазами нападавших русов, сколько глазами самих корсунян. Связь автора летописного рассказа с Корсунью не должна вызывать удивления: известно, что после взятия города князь Владимир увел в Киев многих его жителей, в первую очередь, священников. Из них, в частности, составился клир главного киевского храма времен Владимира — Пресвятой Богородицы, — известного как Десятинная церковь. Корсунянин Анастас, один из главных героев летописного сказания, стал впоследствии ближайшим сподвижником князя Владимира; Десятинная же церковь — одним из центров первоначального русского летописания. Вероятно, в 70—80 годы XI века летописный рассказ был обработан еще раз; тогда он и получил тот вид, в котором читается ныне в «Повести временных лет». Редактор летописного текста также хорошо знал Корсунь и также принадлежал к клиру Десятинной церкви. Он внес в текст некоторые добавления, посвященные, главным образом, топографии современной ему Корсуни — эти добавления также являются ценнейшим источником по истории корсунского похода.

Летописец точно называет место стоянки русских войск: «Встал Владимир об он пол города, в лимени, далее града стрелище едино» [25]. «Стрелище едино» — это расстояние полета стрелы. «Об он пол города, в лимени» — значит, в лимане (заливе), «по другую сторону от города». Так можно было сказать об одном из двух заливов вблизи Херсонеса — либо о нынешней Карантинной бухте, либо о Стрелецкой. И тот, и другой вариант возможен. Одни исследователи, исходя, главным образом, из особенностей местности (удобство Карантинной бухты как главной гавани Херсонеса, наличие пресной воды и т. д.), полагали, что ладьи Владимира вошли в Карантинную бухту, миновали город и остановились в самой глубине залива, на другой стороне от города [26]. Но к этому предполагаемому месту стоянки не вполне подходит определение «в стрелище»: оно было отделено от города высоким холмом, и стрелы, выпущенные из лука, не могли долетать непосредственно до города. Другие исследователи считали, что Владимир остановился вблизи Стрелецкой бухты. Она была менее удобна для византийских кораблей, но для легких челнов русов подходила вполне. Именно ее скорее всего корсуняне называли не «городским» заливом («лиманом»), а находящимся «об он пол града» [27]. Археологи обратили внимание на сохранившиеся следы военных дейст-

вий в западной части города, примыкавшей к Стрелецкой бухте, что также, как будто, указывает на расположение вблизи нее стоянки русов. Однако следов самой стоянки Владимира не обнаружено, поэтому вопрос о ее местонахождении остается открытым.

Осада города носила изнурительный характер. Корсуняне, по свидетельству летописи, отчаянно защищались («бояхуся крепко из града»). «Владимир же обступил град. Изнемогли люди в граде, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, буду стоять и три года». Они же не послушали того».

Лет за двадцать до корсунской войны император Никифор Фока составил трактат, известный под заглавием «О сшибках с неприятелем». В нем император-полководец указывал, что в каждом городе, которому хотя бы только угрожает осада, каждый житель должен запастись продовольствием не менее, чем на четыре месяца. Требование Никифора, по-видимому, исполнялось — тем более в Херсонесе, пограничной крепости, выдержавшей за свою многовековую историю множество осад. К тому же Владимир едва ли мог обеспечить полную блокаду города и с моря, и с суши. Согласно позднейшему Житию князя Владимира особой редакции, некий доброжелатель русского князя из херсонитов, варяг по имени Ждберн (по-другому Жберн, или Ижьберн), так передавал Владимиру из осажденного города: «Если будешь с силою стоять под городом год, или два, или три, не возмешь Корсуня. Корабельники же приходят путем земляным с питием и с кормом во град» [28]. Это известие можно было бы посчитать позднейшим домыслом*, если бы оно не нашло неожиданного подтверждения в археологических исследованиях средневекового

---

* Известие о «пути земляном», ведущем в Корсунь-град, вошло и в известную былину о князе Глебе Володьевиче. (В этой былине, как полагают исследователи, отразились различные события русской истории — в частности, поход князей Глеба Святославича и Владимира Мономаха на Корсунь в 1077 году и осада Корсуни Владимиром Святославичем.) Об осаде города русскими войсками здесь рассказывается в полном соответствии с Житием князя Владимира особого состава:

Стоят они под городом год поры,
Стоят под городом другой поры...
Есть там ходы подземельние,
Идут ведь запасы там хлебние [29].

(Лишнее подтверждение фольклорного происхождения Жития особого состава, отразившего тем не менее исторические реалии корсунского похода Владимира.)

Херсонеса. Оказывается, некий «земляной путь», знакомый «корабельникам», но совершенно неизвестный русским, действительно существовал. К югу от одной из калиток херсонесской крепости, в заболоченной низине, прилегавшей к упомянутой выше балке, археологи обнаружили древнюю дорогу, скрытно проложенную по особой насыпи. Зимой и весной, когда уровень воды в балке поднимался, дорога полностью уходила под воду; пользоваться ею было можно, но лишь человеку, хорошо знавшему местность [30]. Известно, что Владимир, по подсказке Ждберна, повелел «перекопать» «земляной путь». Было ли это исполнено в действительности, или рассказчик соединил предание о «земляном пути» с другим известием — о «перекопанном» Владимиром херсонесском водопроводе, — сказать трудно.

Войско Владимира, конечно, не бездействовало в течение долгих месяцев осады. Опираясь на косвенные свидетельства позднейших русских источников, можно предположить, что ко времени окончания осады Владимир контролировал весь юг Крымского полуострова — от Херсонеса на западной его оконечности до Керчи на восточной [31]. Вероятно, эти земли должны были обеспечивать продовольствием многочисленное русское войско.

Позднейшие русские источники (в частности, Никоновская летопись) рассказывают об активной внешнеполитической деятельности Владимира в период его пребывания в Крыму. Помимо послов «из Грек», Владимир принимал в Корсуни (или под Корсунью?) посольство «из Рима, от папы». «Тогда же пришел печенежский князь Метигай к Владимиру и, уверовав, крестился во Отца и Сына и Святого Духа» [32]. Союз с какой-либо из печенежских «фем» на время корсунской осады был для Владимира крайне желателен. Однако мы не знаем, насколько достоверны эти известия летописца XVI века.

Вероятно, во время пребывания под Корсунью Владимир ни на минуту не прерывал связей и с Киевом и Русью в целом. Напомню, что по крайней мере две территории, имевшие постоянное русское население и налаженные связи с Киевом, находились по соседству с Крымом: Белобережье (где-то недалеко от устья Днепра) и Тьмуторокань на Тамани.

Главной же целью Владимира, несомненно, оставалась Корсунь. Но военные действия, предпринимаемые русскими, не давали пока никаких результатов.

«Владимир же изрядил воинов своих, — читаем мы в летописи, — и повелел приспу сыпать к граду. Те же сыпали,

а корсуняне, подкопав стену градскую, выкрадывали насыпаемую землю и уносили к себе в город, насыпая ее посреди града. Воины же присыпали еще больше, а Владимир стоял».

Смысл действий Владимира прояснил А. Л. Бертье-Делагард: Владимир повелел делать так называемую присыпь — то есть присыпать землю к городским стенам для того, чтобы затем взобраться по ней на саму стену и таким образом ворваться в город. Этот прием известен в военной истории*, но в практике русских встречался редко (если встречался вообще): не случайно практически все переписчики летописного текста не смогли понять, что же именно задумал Владимир, и заменили непонятное им «приспу сыпать» на обычное «приступать» «к граду». Корсуняне вовремя оценили опасность. По свидетельству летописи, они подкопали стену, а скорее всего сделали пробоину в нижней части городской стены — и через нее вносили насыпаемую землю в город.

Археологам, кажется, удалось найти остатки этой насыпи. В западной части Херсонеса, на свободном пространстве между двумя базиликами (церквами), находящимися на расстоянии примерно 50—60 метров друг от друга, обнаружен слой насыпной земли толщиной около метра; время его образования датируют очень приблизительно — IX—X веками, что как будто позволяет объяснить его возникновение военными действиями князя Владимира [33]. Позднее вблизи насыпанного корсунянами холма Владимир поставит церковь — памятник своей победы.

Несомненно, Владимир испытывал тяжелые чувства во время многомесячной осады Корсуни. Время шло — а он оставался на месте, не имея возможности вернуться в Киев с победой. Оскорбление, нанесенное ему, оставалось несмытым. Надежды на то, что Херсонес будет взят измором, конечно, могли еще оправдаться. Но необходимо было хоть как-то ускорить события. Вновь, как и десять лет назад, при осаде Киева, Владимир решил сделать ставку на раскол во враждебном лагере, на поиск союзника в самом осажденном городе. И вновь его попытка увенчалась успехом.

Источники расходятся в описании решающего момента корсунской осады, равно как и в вопросе о том, чье именно

* Так, например, поступили готы в 250 году при осаде Филиппополя. Любопытно, что осажденные противодействовали им тем же самым способом, что и херсониты воинам князя Владимира.

предательство помогло Владимиру захватить город. Согласно летописи, содействие русским оказал корсунянин Анастас — личность вполне историческая, впоследствии один из ближайших соратников князя Владимира. Вероятно, он был священником. (Поздние русские источники называют Анастаса даже корсунским епископом [34], но это несомненное преувеличение.) По возвращении в Киев Владимир сделает Анастаса главой (настоятелем?) киевской Десятинной церкви и более того, поручит ему церковную десятину, собираемую со всего княжеского «имения».

Когда и почему Анастас перешел на сторону Владимира, мы не знаем. Сам ли он почувствовал неизбежность падения города и поспешил переметнуться к неприятелю? Или этому предшествовала кропотливая работа лазутчиков Владимира, долгий обмен посланиями через крепостную стену? Об этом можно гадать. Отмечу лишь, что корсунское предательство — не единственный эпизод такого рода в биографии Анастаса: спустя тридцать лет, в 1018 году, во время оккупации Киева польскими войсками, Анастас «лестью» войдет в доверие к князю Болеславу Храброму и, приставленный последним ко всему награбленному в Киеве добру, покинет Русь, перебравшись на жительство в Польшу.

Так или иначе, но Анастас оказал Владимиру неоценимую услугу. С городской стены, из осажденного города, он пустил стрелу в лагерь Владимира, воспользовавшись обычным способом сообщения между осажденными и осаждавшими. Летопись приводит содержание послания, отправленного со стрелой. «Кладязи суть за тобою от востока, — сообщал Анастас князю Владимиру, — из того вода идет по трубе. Раскопав, перейми [воду]» [35]. Получив столь ценные сведения, Владимир, «воззрев на небо, сказал: «Если сбудется это, крещусь!» И все действительно сбылось. Русские немедленно начали копать наперекор трубам и сумели прекратить доступ воды в город. Как и следовало ожидать, это сыграло решающую роль в исходе осады: «люди изнемогли от жажды и сдались».

Летописный рассказ получил блестящее подтверждение во время археологических раскопок, проведенных в Херсонесе еще в прошлом веке. Археологи открыли водопровод, которым херсониты пользовались на протяжении нескольких столетий. Во времена Владимира керамические трубы вели по желобам к источнику, расположенному к югу от города. В самом городе трубы подходили к цистерне, вмещавшей около 4—5 тысяч ведер воды. После прекращения подачи воды в город запасов цистерны (если она к этому времени была

полной) могло хватить лишь на два-три дня. Затем херсониты должны были сдаться [36].

Другая версия капитуляции Корсуни содержится в упомянутом выше Житии князя Владимира особого состава. Здесь союзником («приятелем») Владимира оказывается некий «вариженин» (то есть варяг) Ждберн (Жберн, Ижьберн). Он и пустил стрелу в «полк варягом», прокричав якобы со стены: «Донесите стрелу сию князю Владимиру!» К стреле же, как мы уже знаем, была привязана записка, в которой сообщалось о подвозе в город продовольствия «земляным путем». Владимир повелел перекопать «земляной путь» и «по трех месяцех» взял город. Ни имени Анастаса, ни каких-либо сведений о разрушении городского водопровода в данном памятнике не имеется.

Предпринимались попытки согласовать обе версии. Ждберн якобы первым вступил в переговоры с Владимиром. Однако, несмотря на прекращение доступа продовольствия, город продолжал держаться еще три месяца, и лишь предательство Анастаса привело к развязке. По-другому представляли дело так, будто Анастас и Ждберн действовали заодно друг с другом: Анастас был вдохновителем замысла, а воин-варяг, которому сподручнее и естественнее было подняться на крепостную стену с луком и стрелами, — лишь исполнителем [37]. У меня, однако, нет сомнений, что летопись и особая редакция Жития князя Владимира, имея в виду один и тот же реальный факт — падение Корсуни в результате предательства, — отражают две различные версии этого события, два разных рассказа о ходе и обстоятельствах корсунской осады. Летописное повествование и в целом, и в частностях представляется мне более достоверным*. В то же время обращу внимание вот на что. Летописный рассказ несет на себе явное влияние церковной, агиографической традиции. Автор связывает с предательством Анастаса само крещение князя Владимира. Таким образом действия корсунского иерея наполняются высоким содержанием, скрывая в себе одну из причин обращения в христианскую веру Крестителя Руси. Такая версия возникла, конечно, среди клириков Десятинной цер-

---

* Мы уже говорили о фольклорном, былинно-эпическом происхождении рассказа особой редакции Жития князя Владимира. Варяг Ждберн выступает здесь в роли сказочного помощника князя Владимира, его свата. В былинах о сватовстве Владимира такая роль отведена богатырю Дунаю. Может быть, и служба Ждберна «корсунскому князю» также имеет фольклорное происхождение, сродни службе былинного «Дунаюшки Ивановича» «литовскому королю», отцу невесты Владимира «Опраксии-королевичны»?

кви, которую в течение нескольких десятилетий возглавлял Анастас Корсунянин. Вполне возможно, что она тенденциозна и выпячивает Анастаса на первый план, может быть, приписывая ему чужую заслугу. Рассказ же о Ждберне лишен каких бы то ни было агиографических черт. Рискну высказать предположение: не является ли он отражением той версии рассказа о корсунском походе князя Владимира, в которой вообще ничего не сообщалось о крещении князя в этом городе?

Но вернемся к событиям в Корсуни. Итак, город сдался на милость победителю, сдался, не выговаривая каких-либо условий, ибо жители — вне зависимости от своего положения и достатка — находились в изнеможении и бессилии перед одинаково страшной для всех «водною жаждой». Легко представить себе торжество Владимира в тот миг, когда отворились городские ворота. Многомесячная осада, отнявшая столько сил у его войска, наконец завершилась. Выплеснул ли князь наружу таившийся в его душе гнев? Отдал ли город на разграбление воинам, как это обыкновенно делалось в подобных случаях?

Такой именно исход осады вполне возможен, хотя в источниках мы не находим прямого подтверждения этому*. Зато сам князь, кажется, дал волю своим чувствам.

О страшных подробностях первых дней пребывания Владимира в завоеванном городе рассказывается в Житии князя Владимира особого состава:

«...А князя Корсунского и с княгинею поимал, а дщерь их к себе взял в шатер, а князя и княгиню привязал у шатерной сохи и с дщерию их пред ними беззаконство сотворил. И по трех днях повелел князя и княгиню убить, а дщерь их за боярина Ижберна дал со многим имением, а в Корсуни наместником его поставил...»

Этот рассказ, несомненно, слишком напоминает известное предание о насилии, учиненном Владимиром над полоцкой княжной Рогнедой около 978 года. Во многом, как мы уже отмечали, он имеет фольклорное происхождение. Но в сокращенном, лишенном какого-либо сказочного обрамления виде этот же рассказ читается в особой (распространенной) редакции Проложного жития святого Владимира («Ус-

---

* О том, что «Корсунь разорен бысть от Руси», сообщает автор летописного Тверского сборника XVI века [38]. Но это, вероятно, не более чем предположение составителя летописи — впрочем, точно так же, как и мнение составителей Никоновской летописи и Степенной книги (так же XVI век), согласно которому князь Владимир, войдя в город, «укрепи и уласка» всех обитателей города.

пение благоверного великого князя Владимира»), сохранившейся в рукописях XV—XVI веков, но имеющей, по-видимому, более древнее происхождение: по взятию Корсуни Владимир «князя и княгиню убил, а дщерь их дал за Жберна» [39].

Кровавая расправа была в обычае того времени, и русские, вступившие в Корсунь после длительной и изнурительной осады, едва ли отличались своим поведением от любых других завоевателей. Оскорбление, нанесенное князю, принимала на себя вся дружина; отвечать же за это оскорбление также должны были все греки без разбору. Вспомним знаменитую былину о сватовстве «ласкового князя» Владимира, в которой нашли отражение реальные факты биографии киевского князя Владимира Святославича, в том числе его сватовство в Полоцке и Царьграде, а также корсунское взятие — продолжение царьградского сватовства. Герой этой былины «Дунаюшка Иванович», оскорбленный отказом «литовского короля» выдать свою дочь замуж за Владимира, убивает «татар до единого, не оставит-то татар на семена» [40]. В другой русской былине — о князе Глебе Володьевиче и взятии Корсуня-града (в этой былине, как полагают исследователи, также отразились предания о корсунском походе Владимира Святославича) — князь такими словами призывает свою дружину:

Поезжайте-тко ко городу ко Корсуню,
А скачите вы через стену городовую,
Уж вы бейте-ка по городу старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на семена [41].

А ведь виновата перед былинным Глебом Володьевичем была одна только правительница Корсуня-города злая «еретица» и «безбожница» «Маринка дочь Кайдаловна», а отнюдь не рядовые жители города, «старые и малые».

До недавнего времени в науке господствовало мнение о том, что Херсонес был полностью разрушен князем Владимиром; казалось, об этом свидетельствовали данные археологических раскопок города — следы пожарищ, опустошений, толстый слой мусора, покрывавший отдельные городские кварталы [42]. Однако исследования последних лет, проводимые Херсонесской археологической экспедицией, ставят этот вывод под сомнение: как оказалось, следы разрушения Корсуни в конце X века — во многом мнимые; во всяком случае, город продолжал жить и развиваться и в последние годы X века, и в начале XI века [43].

Следы же военных действий археологи обнаруживают в ином. Так, в городе открыты клады монет, зарытые жителями в конце X века (очевидно, незадолго до взятия города русами).

Откапывать припрятанные клады было, очевидно, уже некому.

В западной части города, вблизи так называемой «базилики на холме», раскрыто и исследовано целое кладбище, в том числе комплекс братских могил с массовыми захоронениями (всего около десяти могил по 30—40 человек в каждой). Исследователь этого погребального комплекса С. А. Беляев полагает, что в могилах погребены погибшие во время военных действий, вероятно, жертвы осады Корсуни Владимиром в 80-е годы X века. Отметим подробность: одна из раскопанных могил наполнена в основном черепами. Если предположение археологов о связи этого некрополя с корсунским походом Владимира верно, то перед нами — следы жестокой расправы, учиненной воинами Владимира над жителями города: язычники-русы сбрасывали в могилу головы казненных херсонитов.

Археологи выделяют еще одну группу могил в том же комплексе погребений. Это могилы с захоронениями, резко отличающимися от других, обычных в Крыму: погребенные в них лежат на спине с руками, сложенными на плечах. Такой тип погребений сближается с так называемыми «варяжскими» погребениями в Киеве, в некрополе под Десятинной церковью. Предположительно, здесь захоронены варяги, находившиеся на службе у князя Владимира и погибшие во время осады Корсуни [44].

Взяв город, Владимир не распустил воинов и не прекратил военных действий. Напротив, он отправил в Царьград, к императорам Василию и Константину посольство. (Согласно Житию князя Владимира особого состава и особой редакции Проложного жития, во главе посольства были поставлены воевода Владимира Олег и Ждберн, ставший к этому времени наместником князя в Корсуни.) Владимир, очевидно, требовал немедленного выполнения условий ранее заключенного соглашения и, в случае отказа отдать ему Анну, угрожал походом на Константинополь: «Аще, рече, не дадите за мя, то сотворю граду вашему, аки и Корсуню».

Русские могли достичь столицы Империи всего за три-четыре дня. В распоряжении Владимира находились не только легкие челны, но и херсонесский флот. Следовательно, угроза, содержащаяся в словах князя, была весьма и весьма серьезной, что не могли не понимать в Константинополе. Император Василий по-прежнему был занят внутренними делами (напомню, что весной 989 года начался новый мятеж Варды Склира). Основу войск императора составляла русско-варяжская дружина. Мы уже отмечали ее лояльность к императору Василию. Но *прямое* военное столкновение с Русью,

использование этой дружины против Владимира, недавнего сюзерена русских наемников, было для византийцев делом рискованным: вчерашние товарищи по оружию легко могли договориться между собой. Очевидно, в этих условиях Василий предпочел завершить дело миром, выполнить требование князя Владимира. Мольбы Анны на этот раз оказались напрасными. Владимир тоже не жаждал полномасштабной войны с Византией. Между Константинополем и Херсонесом зачастили «скорые послы», которые должны были оговорить детали будущего путешествия Анны, церемонию ее приема херсонитами и бракосочетания с русским князем. В качестве компенсации за руку царевны (по-русски, «вено») Владимир обязался вернуть грекам Херсонес.

Поздние русские летописи приводят молитву царевны Анны перед отплытием в Корсунь, имеющую, несомненно, литературное происхождение. «Она же, обратив лицо свое к Святой Софии, начала плакать, глаголя молитву сию: «О, великое человеколюбие, высокий Царю славы, Премудрость Отчая, иже от чистыя отроковицы храм себе создал, Сыне и Десница Вышнего! Простри, Отче Вседержителю, десницу от среды ядра Твоего и потреби врагов Христа Твоего. Ибо вот враги Твои восшумели и ненавидящие Тебя подняли голову и замышляют на людей Твоих... Но Господи, Господи, не оставь слез моих, от противящихся деснице Твоей сохрани меня, Господи, яко зеницу ока, и крылом Своим укрой меня. Ибо все Тебе подвластно, и слава Твоя в века, аминь». «И плакали оба брата, глядя на нее, видя ее в тоске и печали» [45].

Но плач и печаль — не большая помеха для воплощения в жизнь политического замысла. Сердце скорбит, но разум велит: делай. Словно прощаясь с жизнью, расцеловалась Анна с родственниками и ближними своими и взошла на корабль («кубару»), который должен был доставить ее на далекий и чуждый север, к неведомому и грозному Владимиру. Анна переступала незримую черту, отделявшую ее прежнюю жизнь от будущей. И кто мог знать тогда, что будущее ее окажется не столько ужасным, сколько величественным...

Путь в Херсонес лежал вдоль южного анатолийского берега Черного моря до Синопа, а далее поворачивал резко на север, к Крыму. Все путешествие занимало не более трех или четырех дней. В ясную тихую погоду мореплаватель еще мог видеть за кормой южный берег Черного моря — а впереди по курсу показывались высокие стены древнего Херсонеса. Жители города вышли навстречу порфирородной принцессе — не только как послушные граждане великой Империи: Анна несла им мир и скорое освобождение от завоевателей. Царевну

с великими почестями ввели в город и поселили в палатах, которые с того времени получили название «царицыных». Видел ли в тот день князь Владимир свою невесту, неизвестно. Сама же Анна, надо думать, по обычаю познакомилась с будущим супругом лишь в самый день свадьбы.

Вместе с Анной в Корсунь прибыли греческие сановники, а также священники («попы царицыны», как их станут называть на Руси), которым предстояло сопровождать царевну на Русь. Разумеется, была и свита, состоявшая из знатных гречанок. Всех их тоже разместили с почестями и удобствами, насколько это было возможно в городе, только что перенесшем многомесячную осаду.

Начались приготовления к свадьбе. Однако, согласно летописи, бракосочетанию предшествовали новые неожиданные события.

«По Божьему устроению, — читаем мы в «Повести временных лет», — разболелся Владимир в то время глазами, и ничего не видел, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от этой болезни, то крестись поскорее; если же не крестишься, то не избавишься от недуга своего». И услыхав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский!» И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с попами царицыными, огласив, крестили Владимира. И когда возложили на него руку, он тотчас прозрел. Уведал Владимир свое внезапное исцеление и прославил Бога, говоря: «Теперь познал я истинного Бога!» Увидела это дружина его, и многие крестились...» [46].

Итак, перед нами новый поворот темы, новый агиографический сюжет, согласно которому крещение князя Владимира произошло в результате его чудесного избавления от тяжелого недуга. Источники по-разному описывают болезнь князя. Согласно обычному Житию, Владимира поразила язва или, в одном из вариантов, — струпие. Житие Владимира особого состава, кажется, пытается согласовать обе версии — летописную и житийную: «Князь же Владимир хотел безверие сотворить; за неверие спустя немного времени напала на него слепота и струпие великое». Когда князь вошел в святую купель и трижды погрузился в воду, «отпало струпие, аки рыбья чешуя, и просветилось лицо его, и стал чист»*.

---

* Эта «чешуя» появилась в Житии, очевидно, под влиянием рассказа «Деяний апостолов» об исцелении и крещении апостола Павла: «...И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился» (Деян. 9, 18).

В последнем случае участие Анны в исцелении князя Владимира не отмечено. Между тем, на мой взгляд, это главная особенность всего рассказа о болезни и выздоровлении Владимира. Именно вмешательство Анны привело к исцелению и окончательному крещению князя. Таким образом, Анна стала едва ли не главным действующим лицом всего «Корсунского сказания». А это, само по себе, примечательно. Как известно, Анна была похоронена в Киевской Десятинной церкви — той самой, клирики которой и составили «Корсунское сказание». Прославление «царицы Анны» (может быть, даже чрезмерное), несомненно, отвечало их интересам.

Надо сказать, что крещение в результате чудесного избавления от недуга — сюжет очень распространенный в житийной литературе, в какой-то степени даже агиографический штамп. Это объяснимо: и в жизни чудесное исцеление служило язычнику достаточным основанием для принятия нового Бога. Но в отношении Владимира этот сюжет кажется искусственным и излишним.

В самом деле, в летописи это уже, по крайней мере, пятая версия приобщения князя Владимира к христианству. Один только рассказ о корсунском взятии содержит три такие версии: согласно первой из них, крещение князя объясняется мудрым советом Анастаса; согласно второй — результатами переговоров Владимира с императорами Василием и Константином относительно женитьбы на Анне и предшествующим «испытанием вер»; наконец, согласно третьей — личной настойчивостью царевны Анны. Я полагаю, что такое многообразие сюжетов — свидетельство сложного характера всего рассказа. Сюжеты, связанные с именами Анны и Анастаса, по-видимому, оба восходят к традиции Десятинной церкви (к различным устным преданиям, бытовавшим в рамках этой традиции); сюжет, связанный с именами императоров Василия и Константина, вероятно, отражает другую традицию, лишь зафиксированную автором-клириком Десятинного храма. (Причем не исключено, что эта последняя версия могла относить крещение князя не к Корсуни, а к Киеву — во всяком случае, в ней имеется ссылка на посольство, отправленное Владимиром, как мы знаем, из Киева в 986 или 987 году.)

Исследователи уже высказали предположение о вероятном литературном происхождении летописного сообщения о болезни и последующем крещении князя Владимира, отметив его сюжетное сходство с рассказом о крещении апостола Павла в «Деяниях апостолов» и апокрифическим рассказом о крещении императора Константина Великого в «Хронике»

Георгия Амартола [47]. Я бы отметил еще одну и, кажется, более близкую параллель к летописному сообщению.

Лет за полтораста-двести до описываемых событий Корсунь и другие греческие города в Крыму подверглись нападению другой рати с севера во главе с неким (русским?) князем Бравлином. Рассказ о «прихождении» Бравлина к Сурожу (по-гречески, Сугдее, ныне — Судак) и о чудесном крещении князя читается в Житии святого Стефана, епископа Сурожского, жившего в VIII веке, в разделе о посмертных чудесах святого (чудо третье). Это Житие сохранилось в поздних рукописях (не ранее XV века) и только на русском языке, причем в обработке русского средневекового книжника: так, например, святой назван здесь «предстателем Русской земли», а родным городом Бравлина оказывается Великий Новгород. Тем не менее еще в прошлом веке выдающийся русский византинист В. Г. Васильевский в своем классическом исследовании памятника доказал, что само Житие сурожского святого, в том числе и рассказ о его посмертных чудесах, составлен греческим автором и, вероятно, не позднее конца X века; поход Бравлина исследователь относил к концу VIII или началу IX века [48].

Крымский поход Бравлина действительно имел много общего с корсунским походом князя Владимира. Многочисленная русская* рать «пленила» весь юг Крымского полуострова — «от Корсуня и до Корча» (Керчи). Был захвачен и Сурож, родной город святителя Стефана. Князь, «изломив» силою железные врата, вступил в город и подверг его жестокому разграблению; была осквернена и разграблена церковь святой Софии и гробница святителя. Но внезапно Бравлин был поражен жестоким недугом: его лицо оборотилось назад, он упал, изо рта пошла пена. Князю представилось, будто некий старец (святой Стефан) схватил его и намеревается убить. Старец обратился к поверженному с такими словами: «Если не крестишься в церкви моей, [лицо твое] не возвратится на место и ты не выйдешь отсюда». «И возгласил князь: «Да придут священники и крестят меня. Если поднимусь и лицо мое станет как прежде, крещусь!» Так и произошло. Бравлин действительно принял крещение. Русская рать покинула Сурож, не причинив городу никакого ущерба [49].

Очевидно, перед нами легенда, но, как показывает исследование В. Г. Васильевского, легенда, бытовавшая в Крыму в

* Оставляю в стороне спорный вопрос об этнической принадлежности Бравлина и всей «русской» рати.

конце X века и, несомненно, известная не только сурожанам, но и херсонитам.

Параллель между чудесными исцелениями двух предводителей варварских северных ратей достаточно красноречива*. В глазах жителей крымских греческих городов Бравлин был не просто предшественником князя Владимира, но и типологическим образцом для него, тем историческим примером, на который можно было опереться, объясняя происходившие события. Но это еще не все. У нас есть основания полагать, что культ святого Стефана (и, следовательно, все те сюжетные мотивы, которые присутствуют в его Житии) стал особенно актуальным в Крыму именно в конце X века и, более того, именно *в связи с корсунским походом князя Владимира*. Оказывается, с именем святого Стефана Сурожского связано имя царицы Анны, супруги Владимира. Это следует из Жития святого, а именно из его четвертого, последнего посмертного чуда, которое называется в рукописях: «О исцелении царицы корсунской»:

«Анна же царица, от Корсуня в Керчь идущи, разболелась на пути смертным недугом на Черной воде**. Пришел ей на ум святый Стефан, и сказала [царица]: «О святый Стефан! Если избавишь меня от болезни сей, многим одарю тебя и почести тебе воздам!» И той же ночью явился ей святый Стефан, говоря: «Христос, истинный Бог наш, исцеляет тебя через меня, служебника своего. Восстань здрава, иди в путь с миром». Тотчас прекратился недуг ее, и выздоровела, словно никогда не болела, и ощутила исцеление, дарованное ей, и возблагодарила горячо Бога и святого Стефана. И на следующий день все, кто был с нею, встали с радостию великой, и отправились в свой путь... и много даров даровали церкви святого» [50].

Трудно сомневаться, что названная по имени «царица» Жития — супруга князя Владимира. Имя «Анна» не относилось к числу распространенных имен среди представительниц византийского двора в IX—X веках (а именно к этому времени может относиться описанное в Житии чудо) [51]. Главное же заключается в том, что Анна — вообще единственная визан-

---

* Не случайно в литературе уже обращалось внимание на сходство двух рассказов. В частности, было высказано предположение, что русский рассказ о Бравлине есть не что иное, как видоизмененное предание о корсунском походе и крещении Владимира. Однако это мнение было подвергнуто серьезной и вполне справедливой критике.

** Черная вода — греческое Мавропотам, татарское Карасу — река (ныне Биюк-Карасу) и город (ныне Белогорск) в Крыму, к северо-западу от Судака.

тийская царица, о пребывании которой в Крыму — и причем именно в Херсонесе! — достоверно известно*. Отмечу, что в тексте Жития «корсунская царица» вовсе не отождествляется с русской царицей Анной, супругой Владимира, — а следовательно, исключена возможность появления ее имени в результате догадки переводчика или переписчика текста.

О странном на первый взгляд маршруте путешествия Анны — из Корсуни в Керчь — мы поговорим позже. Для нас важен прежде всего сам факт болезни Анны, а также ее обращение к заступничеству святого Стефана, очевидно, почитавшегося по всей территории греческого Крыма. Анна (а значит, и Владимир), оказывается, побывали вблизи Сурожа, отослали богатые дары церкви, в которой лежали мощи святого, — и это обстоятельство служит еще одним доводом в пользу предположения о влиянии Жития сурожского святого на рассказ об обращении Владимира в христианство. Я думаю, что связь между рассказом о крещении Бравлина из Жития Стефана Сурожского и легендарным сказанием о Владимире могла быть двоякой: с одной стороны, те или иные детали рассказа о крещении Владимира могли появиться под влиянием Жития (или устного предания, бывшего его источником); с другой, военные действия Владимира в Крыму могли повлиять на наименование самого Бравлина в Житии именно «русским князем».

Выскажу еще одно соображение. Литературное влияние на «Корсунское сказание» о Владимире устойчивой агиографической схемы: болезнь — крещение — чудесное исцеление (вне зависимости от того, к какому — устному или письменному — источнику оно восходит) могло проявиться не совсем так, как это обыкновенно представляется ученым: не рассказ о болезни Владимира мог быть домыслен составителем сказания для того, чтобы объяснить крещение князя, а, напротив, рассказ о крещении мог возникнуть под влиянием вышеназванной агиографической схемы как естественное следствие болезни, поразившей Владимира в столь ответственный момент. Возможно, эта болезнь действительно приключилась с князем после завершения корсунской осады, но, думаю, не лишено основания и предположение о том, что она появилась в сказании в результате припоминания о болезни царевны Анны, о которой прямо свидетельствует Житие святого Стефана Сурожского.

Летописец сообщает некоторые другие подробности кор-

---

* Русские источники всегда называют Анну царицей, а не царевной.

сунского крещения князя Владимира. Из них мы узнаем еще об одном вероятном источнике летописного сказания — местных корсунских преданиях, привязанных к тем или иным памятникам древнего Херсонеса.

«Крестился же [Владимир] в церкви святого Василия, и стоит церковь та в Корсуни-граде, на месте посреди града, где торг совершают корсуняне; палата же Владимирова с края церкви стоит и до сего дня, а царицына палата за алтарем» [52].

За крещением Владимира последовало его бракосочетание с Анной*.

Выше процитирован текст Лаврентьевской летописи (или, по-другому, Лаврентьевского списка «Повести временных лет»). Удивительно, но другие летописи, в том числе и очень близкие к Лаврентьевской в этой части «Повести временных лет», резко расходятся с ней и друг с другом в наименовании той корсунской церкви, в которой произошло крещение князя Владимира. Так, согласно Радзивиловской и Академической летописям, Владимир крестился в церкви святой Богородицы [53]; согласно Ипатьевской — святой Софии [54]; по Новгородской Первой младшего извода — в церкви святого Василиска [55]. (И это при том, что в остальном текст этих летописей в описании данного события почти не разнится: о церкви, например, одинаково говорится, что она стоит «посреди града, где торг деют корсуняне», и т. д.) Другие источники еще больше увеличивают разнобой. Обычное Житие Владимира называет церковь, в которой крестился князь, церковью святого Иакова [56] (без указания на ее местоположение в городе); из Жития это наименование попало в некоторые летописи, в частности, в Софийскую Первую, Новгородскую Четвертую, Тверскую. Отдельные списки летописного сказания предлагают еще два варианта названия корсунской церкви — святого Спаса [57] и святого Климента [58]. Житие Владимира особого состава вообще сообщает, будто Владимир крестился (или крестил дружину?) «в речке». (По мнению исследователей, это искажение первоначального «в церкви», без уточнения названия [59].)

Итак, по крайней мере, семь разных версий. А ведь в этой, столь различно поименованной церкви произошло важнейшее для судеб Руси событие.

---

* Красивый рассказ о бракосочетании Владимира и Анны вышел из-под пера составителя Летописца Переяславля Суздальского: по исцелении Владимир прозрел, «и увидел ясно в лицо царицу, и лобзал ее, и венчался с нею. И возлюбил ее паче меры, ибо была люба Богу».

Этот факт, конечно, требует объяснения.

В историографии утвердилось мнение, согласно которому в первоначальном варианте корсунского сказания церковь, в которой крестился Владимир, не была названа по имени, но обозначалась греческим словом «василика»: оно-то и превратилось под пером переписчика в церковь святого Василиска, а потом и Василия [60]. Думаю, что это не так. Дело в том, что исследователи не проводили подробного текстологического анализа летописного рассказа с учетом различных (в том числе и внелетописных) текстов, содержащих корсунскую легенду. А такой анализ приводит совсем к другому выводу.

Мы уже говорили о внелетописном памятнике, содержащем близкий к летописи текст, — так называемом «Слове о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь». В нем представлена более ранняя версия «Корсунского сказания», нежели те, что сохранились в летописных сводах, — в частности, отсутствуют очевидные вставки в летописный текст, разрывающие связное повествование. Некоторые из таких вставок содержатся как раз в том летописном фрагменте, в котором упоминается интересующая нас церковь. Для наглядности сравним текст Лаврентьевской летописи и «Слова о крещении Владимира». (В виде исключения нам придется сравнивать древнерусский текст; однако только что был приведен его перевод на современный русский язык, так что особых трудностей у читателя не должно возникнуть.)

Лавр.:

Видив же се Володимер напрасное ицеленье и прослави Бога, рек: «Топерво увидех Бога истиньнаго!» Се же видевше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи в Корсуне граде на месте посреди града, идеже торг деють корсуняне. Полата же Володимеря с края церкве стоит и до сего дне, а царицына полата за олтарем. По крещеньи же приведе царицю на браченье... [61]

Слово:

Видев же Володимер напрасное исцеление, прослави Бога рек: «Топерво уведех истиньнаго Бога!» Се видевше дружина его, мнозии крестишася в церкви святыя Богородица. По крещении же приведе цесарицю на обручение... [62]

Легко увидеть, что в тексте «Слова» отсутствуют очевидные редакторские вставки, связанные с топографией Корсуни, — указание на местоположение церкви святого Василия, Владимировой и «царицыной» палат. Это характерно не только для данного фрагмента текста, но и в целом для «Слова» при сравнении его с летописью. Одной из вставок, разрывающих связный текст, оказывается и упоминание церкви святого Василия как той церкви, в которой произошло крещение Владимира.

В самом деле, летописец сначала говорит о крещении и исцелении Владимира, затем о крещении дружины и после этого снова возвращается к крещению Владимира. Особенно ярко первичность «Слова» видна при сравнении его с текстом Радзивиловской летописи. Сравним:

Радз.:	**Слово:**
И се же видевши дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святое Богородици... [63]	Се видевше дружина его, мнозии крестишася в церкви святыя Богородица...

Слова «крести же ся» повторены летописцем некстати (ибо ранее он уже говорил о крещении Владимира); они попросту вставлены в первоначальный текст и при этом придают отрывку новый смысл: церковь, которая первоначально была названа как место крещения дружины, становится местом крещения князя. Текст Радзивиловской летописи (и совпадающий с ним текст Академической летописи) представляется в данном случае первоначальным по сравнению с текстом Лаврентьевской. Это подтверждается еще целым рядом случаев, в которых текст Радзивиловской летописи оказывается ближе к тексту «Слова о том, как крестился Владимир», чем соответствующий текст Лаврентьевской летописи [64].

Из всего сказанного следует вывод: первоначальный вариант «Корсунского сказания» *ничего не говорил о церкви, в которой крестился Владимир,* называя лишь церковь, в которой крестилась его дружина. Под пером позднейшего редактора эта церковь (святой Богородицы) превратилась в ту, в которой принял крещение сам князь. Думаю, что название церкви святого Василия (и, может быть, как искажение, святого Василиска) появилось под влиянием последующего сообщения о церкви святого Василия в Корсуни (см. ниже). Литературное происхождение скорее всего имеет и наименование церкви святого Климента: о существовании такой цер-

кви в Херсонесе русскому книжнику было известно из Слова на перенесение мощей святого Климента Римского «из глубины моря в Херсон», принадлежащего перу учителя славян Константина (Кирилла) Философа. Что же касается других названий корсунской церкви, то здесь дело может объясняться иначе. Возможно, несколько храмов Херсонеса со временем стали претендовать на обладание купелью, в которой произошло крещение Крестителя Руси*.

Во всяком случае, мы вправе сделать еще один вывод: и во время обработки летописного сказания (70—80-е годы XI века) в Корсуни и на Руси по-прежнему не было известно ни точного места крещения князя Владимира, ни точного названия той церкви, в которой — согласно утверждавшейся корсунской версии — крещение произошло. И это при том, что летописец-редактор (как и составитель первоначального «Корсунского сказания») обнаруживает отличное знание города и его святынь.

Стоит обратить внимание еще на один аспект корсунской легенды — терминологический. В русском языке слово «крещение» не вполне точно передает содержание обозначаемого им понятия. Крещение буквально значит наложение знака креста, тогда как смысл таинства заключается прежде всего в погружении в воду, через которое и происходит обновление человека, его рождение к новой жизни (ср. славянское выражение «баня пакыбытия», синоним крещения) [66]. Так вот Владимир, несомненно, был *крещен* в Херсонесе, но крещен в буквальном, а не в церковном значении этого слова — *крещен* и при исцелении его от болезни («И когда возложили на него руку, он тотчас прозрел...»), и во время бракосочетания с Анной. Разумеется, христианин, тем более священник, не мог спутать разные церковные обряды. Но автор сказания, вероятно, пользовался устными преданиями. В памяти же людей, сопровождавших Владимира, вчерашних язычников, наложение креста могло запечатлеться именно как действи-

---

* Крещение же княжеской дружины и приближенных князя, по всей видимости, состоялось в главной соборной церкви города (во имя святой Богородицы?), которую современный исследователь Херсонеса С. А. Беляев отождествляет с так называемой Уваровской базиликой — самым большим по размерам храмом христианского Херсонеса. Уваровская базилика была центром большого храмового комплекса («епископского квартала»?), включавшего в себя саму церковь, малый храм, крещальню (баптистерий) и дом епископа херсонесского. По мнению С. А. Беляева, здесь, в баптистерии большого храма (носящего имя святых Апостолов?), произошло крещение самого Владимира; в малом храме (во имя святого Иакова?) — обряд миропомазания [65].

тельное крещение князя. Для херсонитов же превращение Владимира в христианина произошло именно в их городе, на их глазах; отсюда — всего один шаг к созданию благочестивой легенды*.

Но главная причина утверждения корсунской версии в древнерусской общественной мысли заключается, конечно, в той громадной роли, которую сыграла Корсунь в жизни князя Владимира и в христианизации всей Руси. Ведь именно взятие Корсуни действительно привело к очевидному для всех перерождению князя Владимира. Он выступил из Киева одним человеком — исполненным гнева, жаждущим отмщения, склонным к разрушению и убийству, — а вернулся в Киев почти год спустя совершенно другим. Болезнь ли сказалась на нем, или, может быть, благотворное влияние Анны, общение с корсунскими и константинопольскими священниками? Или само влияние Херсонеса, города с почти тысячелетней христианской историей?

Этот город знал святого апостола Андрея, просветителя всего Севера. Вблизи города можно было увидеть камень, на котором отпечатались ступни ног святого Андрея: когда прибывала морская вода и наполнялось углубление в камне, к нему устремлялось множество страждущих; они зачерпывали воду и омывались ею, получая исцеления от недугов.

---

* Здесь необходимо коснуться еще нескольких встречающихся в литературе точек зрения. Исследователи неоднократно делали попытки согласовать две основные версии крещения Владимира — «корсунскую» и «киевскую». Предположение о некоем «перекрещивании» или двукратном крещении Владимира, в Киеве и Корсуни [67], можно отвергнуть как несостоятельное: «перекрещивание», в принципе, невозможно, поскольку православная Церковь принимает даже крещение, совершенное еретиками с нарушением принятых ею норм, если оно совершено во имя Отца и Сына и Святого Духа; в этом, специально оговоренном правилами случае предусматривается лишь отречение неофита от еретического учения и обряд миропомазания [68].

Более заманчивым выглядит другое предположение, согласно которому в Киеве Владимир был лишь оглашен; крещение же совершилось в Корсуни, два года спустя [69]. Византийская богослужебная практика не предусматривает столь длительного срока между оглашением и крещением, однако полностью исключить такую возможность в отношении Владимира, видимо, нельзя. Однако и это предположение не снимает противоречия между летописью и «киевской» версией, поскольку летопись свидетельствует также и об оглашении Владимира в Корсуни. Кроме того, как я попытался показать выше, источники не дают достаточных оснований для утверждения о крещении князя Владимира именно в Корсуни.

В этом городе принял мученическую смерть святой Климент Римский, утопленный в море по велению императора Траяна. Херсониты рассказывали о том времени, когда тело блаженного лежало в море, расступавшемся в дни его памяти, чтобы открыть доступ к гробу. Храм во имя святого, сооруженный, по преданию, «руками апостольскими» на одном из ближних к городу островков, в течение многих веков считался еще одной великой христианской святыней. Однажды у гробницы святого был по забывчивости оставлен некий отрок; море сомкнулось, казалось бы, унеся его навсегда, — каково же было изумление горожан, когда через год мальчика нашли целым и невредимым: святитель чудесным образом сохранил его в течение всего этого времени. Пройдет несколько десятилетий, и вся Русская земля уподобит себя отроку, спасенному в море забвения и идольской тьмы [70], ибо мощи святителя, перенесенные князем Владимиром в Киев, станут главной русской святыней, а сам святой Климент — защитником и покровителем Русской земли.

В Херсонесе наконец побывал и святой Константин Философ, первоучитель славян, создатель славянской азбуки. Он первым перенес мощи святого Климента Римского в город, а часть мощей забрал с собою (впоследствии он положил их в церковь святого Климента в Риме, где и сам был похоронен). Здесь, в Херсонесе, святой Константин обрел «русские письмена» — еще одну, на этот раз незримую и невещественную святыню русского христианства.

Владимиру поистине было с кого брать пример ревности в вере и христианском подвиге. Затянувшееся пребывание в Корсуни, наверное, стало для него временем духовного перерождения. То формальное крещение, которое было воспринято им в Киеве и которое своим непосредственным поводом, побудительным мотивом имело внешние, чисто политические обстоятельства, теперь наполнялось подлинно высоким, соответствующим содержанием. И если в точном, церковном значении этого слова крещение Владимира в Корсуни — все же, вероятно, не более чем исторический миф, легенда, то в более широком символическом смысле — несомненная истина.

Памятником духовного перерождения князя Владимира стал построенный им храм в Корсуни — первая из многих христианских церквей, возведенных по велению Крестителя Руси. Летописец так говорит об этом:

«Поставил же [Владимир] церковь в Корсуни на горе, посреди града, где сыпали землю корсуняне, вынося присыпь. Та церковь стоит и до сего дня» [71].

Слова летописца «посреди града» вовсе не означают некую центральную точку древнего Херсонеса, но лишь указывают на то, что церковь находилась внутри городских стен. Ее название опять-таки по-разному приводится различными письменными источниками. Из летописей, содержащих древнейший текст «Повести временных лет», лишь Ипатьевская называет церковь — святого Иоанна Предтечи. Житие Владимира именует церковь церковью святого Василия. Возможно, это название отразилось и в Лаврентьевской летописи — в названии другой корсунской церкви, также стоящей «посреди града», той, в которой крестились князь или его дружина.

Археологам, кажется, удалось найти остатки этого храма, отождествив Владимирову «церковь на горе» с открытой еще в XIX веке «базиликой на холме» в западной части города. Как оказалось, эта базилика — простая по форме и не очень большая по размерам — была поставлена на месте прежде разрушенного храма. Кем и когда был разрушен этот последний, неизвестно. Возможно, воинами самого Владимира после захвата города. Во всяком случае, новая базилика строилась из обломков прежнего храма, которые были под рукой у строителей. О связи новопостроенного храма с военными действиями свидетельствуют находки среди ее развалин каменных зубцов треугольной формы, некогда возвышавшихся над стенами города; их, очевидно, также использовали при строительстве [72]. Сбрасывание зубцов со стены после окончания военных действий имело символическое значение — оно знаменовало падение города в буквальном смысле этого слова.

Теперь наконец Владимир мог покинуть Корсунь. Но значительная часть города — богатства, святыни и даже жители, священники, — была вывезена князем на Русь.

«Владимир же... забрал царицу, и Настаса, и священников корсунских с мощами святого Климента и Фива, ученика его, взял сосуды церковные и иконы на благословенье себе... Взял же и двух идолов медных, и четырех коней медных, которые и ныне стоят за Святою Богородицей (то есть за Десятинной церковью. — *А. К.*), о которых несведущие думают, будто они мраморные. Корсунь же возвратил обратно грекам в качестве вена*, ради царицы; сам же пришел к Киеву»**.

---

* Вено — принятая в славянском языческом обществе плата за невесту.

** Никоновская летопись добавляет к числу трофеев, вывезенных Владимиром из Корсуни, еще «трех львов медяных» [73].

Вывезенные Владимиром реликвии должны были не просто украсить Киев, но, по существу, превратить его в новый Корсунь, перенести седую древность и святость этого знаменитого византийского города на берега Днепра. В средние века такие абстрактные понятия, как преемственность, традиции и т. д., воспринимались очень конкретно. Киев, стольный град Владимира, не имел пока своего определенного места в границах христианского мира. Владимир раздвигал эти границы, включал в их пределы собственную державу, привносил в нее христианскую традицию — и делал это не умозрительно, а вполне осязаемо, буквально, перемещая сами христианские святыни.

Мы уже говорили о том, что священники-корсуняне составили клир киевской Десятинной церкви. В эту церковь была положена глава святого Климента Римского и мощи его ученика Фива (имя которого, кстати, упоминается в славянском тексте Мучения святого Климента, папы Римского). В начале XI века Титмар Мерзебургский назовет сам Десятинный храм «церковью мученика Христова папы Климента» — возможно, по находившемуся в нем приделу во имя святого. В XI или XII веке клирик Десятинной церкви составит торжественное «Слово», прославляющее святого Климента Римского как защитника и покровителя Руси, а также и князя Владимира, который «со многим тщанием, пребольшой верою.., любезно и благоверно» перенес святые мощи из Корсуни в Киев «на освящение и спасение себе же и всему роду своему, скажу же, и стране нашей» [74].

Сама Десятинная церковь строилась с использованием даже строительных материалов, вывезенных из Херсонеса [75]. После ее возведения князь Владимир передал церкви все то, что взял в Корсуни, — «иконы, сосуды и кресты». Рядом с церковью встали квадрига медных коней и античные изваяния, вывезенные из Крыма; своим видом они удивляли киевлян, только что сбросивших собственных идолов в днепровские воды. Так в Киеве, рядом с княжеским двором, возник, по удачному выражению современного историка, «свой собственный новый Корсунь» [76].

Еще одним завоеванием Владимира, трофеем, вывезенным из Корсуни, киевляне должны были считать саму царицу Анну. Мы не знаем, насколько она была хороша собой, тем более после болезни, перенесенной ею в Крыму. Но киевляне, конечно, смотрели на нее не теми глазами, какими обычно мужчина смотрит на женщину. Ибо она была прирожденной «царицей» и, более того, единственной теперь супругой великого киевского князя. По мнению киевлян, во многом из-за

нее и велась долгая и трудная корсунская война. Прошедшие события возвышали и приукрашивали Анну, делая ее эталоном женщины.

Она ростом высокая,
Станом она становитая,
И лицом она красовитая,
Походка у ней часта и речь баска;
Будет тебе, князю, с кем жить да быть,
Дума думати, долгие веки коротати,
И всем князьям, всем боярам,
Всем могучиим богатырям,
Всем купцам торговыим,
Всем мужикам деревенскиим
И всему красному городу Киеву
Будет кому поклонятися, —

так, согласно былине о сватовстве князя Владимира, описывал былинный богатырь Дунай Иванович «ласковому князю» Владимиру его будущую невесту (меньшую дочь литовского, или, по-другому, ляховитского короля Опраксу-королевичну) [77]. Наверное, примерно так же представляли себе киевляне и новую хозяйку теремного двора.

Остается сказать несколько слов о возвращении Владимира на Русь. Обычно полагают, что князь двигался привычным днепровским путем, тем, которым приплыл в Корсунь, — то есть морем до устья Днепра, а затем вверх по Днепру до Киева. Возможно, именно так возвращалась на Русь часть княжеской дружины, сопровождавшая вывезенные из Корсуни ценности. Сам же Владимир и царица Анна, судя по сведениям Жития святого Стефана Сурожского, воспользовались более длинным, кружным маршрутом: вдоль южного берега моря до Керчи, затем через Керченский пролив в Тьмуторокань, оттуда морем до устья Дона и вверх по Дону или Северскому Донцу на Русь. Этот путь так же хорошо был известен русским, пользовавшимся им, по крайней мере, со времен Игоря Старого — так возвращался на Русь Игорь после поражения от греков в 941 году [78]; так возвращался Святослав после победоносного хазарского похода.

Но почему Владимир отказался от более короткого днепровского пути? Скорее всего он опасался печенегов. Памятуя об ужасном конце своего отца у днепровских порогов двадцать лет назад, Владимир решил не искушать судьбу и воспользовался более «счастливой» дорогой.

Правда, со слов летописца XVI века, мы знаем о союзе, заключенном Владимиром в Корсуни с каким-то печенежским князем Метигаем. Но Печенежская земля не была

единой, и на пути из Корсуни в Киев Владимир неизбежно должен был столкнуться с другой, враждебной ему ордой. А о том, что к концу корсунского похода Владимир враждовал с печенегами, мы знаем определенно. В течение всех 90-х годов X века печенеги не прекращали нападений на Русь. И «Повесть временных лет» начинает рассказ о войнах Владимира с ними сразу же после рассказа о крещении князя в Корсуни — в летописной статье 988 года.

Вблизи Черной речки (Карасу) Анна, как мы уже знаем, заболела. Вероятно, сказались переживания последнего года, то истерическое состояние, в котором царевна пребывала накануне и во время своей поездки в Херсонес. Но, к счастью, все обошлось. Молитвы ли святого Стефана, покровителя Сурожа, или благотворный климат и забота окружавших ее людей помогли Анне — но она вскоре встала на ноги и смогла продолжить свой путь. В том же 989 году Владимир, Анна и сопровождавшие их лица наконец прибыли в стольный Киев [79].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СВЕРЖЕНИЕ ПЕРУНА

Как и подобает при возвращении князя из далекого и трудного, но завершившегося славной победой похода, Киев восторженно встречал Владимира. Вывезенные им из Корсуни богатства — мраморные и литые изваяния, святыни, подарки, поднесенные греками, да и сама греческая царевна, окруженная многочисленной свитой, — все это зримо свидетельствовало о воинской доблести и удачливости киевского князя.

Разумеется, знали в Киеве и о крещении Владимира, его приближенных и большей части дружины. Еще совсем недавно христианский Бог подвергался здесь насмешкам и поруганию. Но теперь Владимир принял Его — и Он даровал ему победу над «льстивыми» греками, добыл руку порфирородной царевны. В глазах язычников-киевлян сам христианский Бог и Его служители, в богатых и пышных одеждах сопровождавшие Владимира и Анну, воспринимались как еще один трофей, добытый в войне. Киевляне приняли Христа в первую очередь как княжеского Бога. Пожалуй, именно этим мы объясним тот внезапный поворот в их отношении к христианству, который последовал за возвращением Владимира из Корсуни и который казался столь удивительным и непостижимым книжникам XI столетия.

«Слышите ли чудо, исполненное благодати?.. — с пафосом вопрошал диакон Нестор в «Чтении о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». — Но и другое чудесней: повеление пришло креститься всем — и все стали креститься, ни один не стал противиться, как будто издавна наученные, так и устремились, радуясь, к крещению!» [1].

На рис. — змеевик «Крещение». XII—XIII вв. Лицевая сторона.

Как мы увидим, Нестор преувеличивал, рисуя слишком идиллическую картину. И все же он верно изображал *всеобщий* характер киевского крещения. Христианство утверждалось на Руси трудно, долго; старая вера неохотно уступала свое место в умах и душах людей. Но, главное, смена религий прошла, в основном, мирно, без гражданской войны и раскола общества. А ведь в последующие времена нашей истории даже менее серьезные потрясения в общественном сознании сопровождались потоками людской крови (я имею в виду прежде всего Раскол и Смуту начала XX века)! И это, между прочим, — еще одна великая историческая заслуга князя Владимира.

О том, что происходило в Киеве после возвращения Владимира, рассказывает летопись, а также различные редакции княжеского Жития.

«Придя в Киев, — читаем мы в «Повести временных лет», — повелел Владимир кумиров ниспровергнуть: одних изрубить, а других огню предать. Перуна же повелел привязать к хвосту конскому и волочить его с Горы по Боричеву взвозу к Ручью*, и приставил 12 мужей бить его жезлием. И это не потому, что дерево чувствовать может, но на поругание бесу, который обманывал людей в этом образе — дабы принял он возмездие от людей... Когда же тащили его по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные люди, ибо не приняли еще святого крещения. И, притащив, бросили его в Днепр, и приставил Владимир [мужей], сказав: «Если где пристанет к берегу, отпихивайте его, пока не пройдет пороги, и только тогда оставьте его». Они же исполнили то, что им повелели. И когда пустили его и прошел он пороги, выбросило его на отмель, и с той поры прослыло то место Перуня Рень**, как и зовется до сего дня» [3].

Внимание летописца привлекла аристократическая «верхняя» часть Киева — так называемая Гора, то есть киевская крепость («детинец»), где располагались княжеский дворец и дворы знати. Потому и говорит он лишь о разрушении главного киевского святилища — «Перунова холма» с идолами Перуна, Хорса, Даждьбога и других языческих богов.

---

* Согласно наиболее распространенному мнению, Ручей — это река Почайна, приток Днепра, протекавшая близ киевского Подола. Однако существует и другая точка зрения: «Ручаем» летописец назвал Глубочицу, приток Днепра, протекавшую в глубоком овраге между Замковой горой и Щекавицей. Позднее, в XVII—XVIII веках, русло ручья было изменено. Ныне Глубочицы не существует [2].

** Рень — отмель, коса.

Составитель же обычного Жития князя Владимира заглянул и на заселенный «простой чадью» киевский Подол. От него мы узнаем о судьбе «нижнего» киевского бога Велеса, или Волоса:

«Войдя в Киев, повелел [Владимир] ниспровергнуть и избивать кумиров: одних иссечь, а других сжечь; Волоса же, которого именовали скотьим богом, повелел в Почайну реку бросить» [4].

Летописец описывал события несколько десятилетий спустя. Вероятно, он не был участником или очевидцем их (иначе не преминул бы отметить это обстоятельство) и, во всяком случае, принадлежал уже к другому поколению русских людей. Но он слушал и записывал рассказы людей, хорошо помнивших Крещение Руси. В его повествовании все живо, все наполнено подробностями, причем не выдуманными и даже не приукрашенными легендой. Летописец позволил себе лишь благочестивый комментарий. Но по прошествии десятилетий он, очевидно, уже не вполне улавливал подлинный смысл происходившего.

Обыкновенно полагают, будто Владимир хотел попросту унизить Перуна — для того и бросил его в воды реки, и повелел избивать тяжелым дубьем («жезлием»), отпихивать от берега шестами. Безропотность, с которой принял Перун побои и издевательства, должна была показать киевлянам бессилие обветшавшего бога перед всесильным Христом. Но это не так. За действиями Владимира и за поведением киевлян стояла тысячелетняя традиция, причем не христианская, а языческая.

Еще в прошлом веке ученые обратили внимание на поразительное сходство летописного рассказа о падении Перуна с различными обрядами «проводов» и «похорон» «нечистой», «нежелательной» или просто уходящей на время силы, бытовавшими у восточных славян и других европейских народов. Таковы «проводы» зимы («Масленица»), весны (так называемая «Кострома», или «Коструба»), праздники Ивана Купалы или Ярилин день. Некоторые из этих обрядов дошли и до наших дней, сохранив в себе остатки древних языческих празднеств и жертвоприношений. Чучела Масленицы или Костромы, Купалы или Ярилы, соломенные или тряпичные куклы, олицетворявшие некогда грозные божества, точно так же, как и киевских идолов, подвергали в этих обрядах побоям и поношению. Их с разнузданными песнями или с жалобным причитанием выносили за пределы поселения и «хоронили» — чаще всего либо сжигали, либо разрывали на части (полная аналогия летописному: «овы иссечи, другие огневи предати»),

либо сплавляли по реке (как Перуна или Волоса). С ними прощались до будущей зимы или весны — и в этих действиях не было ничего унизительного или чересчур жестокого. Смысл древнего обряда забывался его участниками, но без труда может быть восстановлен учеными-этнографами.

Так, плач и причитания («аки по мертвому») изначально должны были зафиксировать бесповоротный уход божества в «иной», потусторонний мир, обозначить границу между прежде живым и ныне умершим. (Без особого «заговаривания», произнесения подобающих слов факт смерти мог оказаться мнимым.) Тот же смысл *обозначения* состоявшейся смерти — только посредством не слов, а действий — имело ритуальное избиение идола (неважно — деревянного или соломенного). Магический, ритуальный характер приобретали и способы его умерщвления — разрывание (разрубание) на части, сжигание.

Знаменательно, что главные киевские божества — «верхний» Перун и «нижний» Велес — были брошены в воду. Издавна у большинства народов река служила наиболее естественным и прямым путем, соединяющим «этот» и «тот» свет. Водам реки доверяли то, что должно было сгинуть, покинуть «посюсторонний» мир, в том числе и обветшавшие святыни*. Не случайно, наверное, Перуна привязали к конскому хвосту: в поверьях славян и других народов конь является одним из главных «проводников» на «тот» свет. Весь смысл свержения Перуна, как его изображают летопись и Жития князя Владимира, и состоял в «проводах», «похоронах» главного языческого бога Руси [5].

Киевляне прощались с ним и с другими своими божествами, провожая (точнее, выпроваживая) их из своей земли. И, как окажется, уже не на время, а навсегда. Приставленные Владимиром двенадцать мужей (магическое число, несомненно, подходящее для своеобразной свиты языческого кумира) должны были проследить за тем, чтобы идол не прибился к берегу до тех пор, пока не покинет пределов обитаемого славянами мира, того жизненного пространства, которое они считали своей землей. Границей между *их* миром (Русью) и *чужим* (Степью) служили днепровские пороги.

Позднее киевское предание, записанное в XVII веке Иннокентием Гизелем, автором Киевского Синопсиса, расска-

---

* Еще в XVII веке, по свидетельству немецкого дипломата и путешественника Адама Олеария, русские крестьяне доверяли реке старые обветшавшие, вышедшие из употребления иконы. Это противоречило церковным канонам, но, по-видимому, отражало старую дохристианскую традицию прощания со своими святынями.

зывает, будто киевляне провожали своего идола по берегу с криками: «Выдобай (то есть выплывай. — *А. К.*), господине боже, выдобай!» Идол и выплыл («выдобнул») чуть ниже по течению Днепра. Владимировы мужи оттолкнули его шестами, и Перун поплыл прочь, более уже нигде не приставая к берегу до самых порогов. Место, где Перун в первый раз приблизился к берегу, якобы получило с тех пор название Выдубичи [6]. Впоследствии здесь возник знаменитый киевский Михайловский Выдубицкий монастырь, славный в истории русской культуры и русского летописания.

Так покидал Перун Киев и всю Русскую землю. Его провожали в соответствии с языческими законами, тысячелетней языческой традицией, можно даже сказать, с подобающей почестью — не как презираемого, поруганного беса, но как по-прежнему могущественного бога. Зримо, явственно он освобождал место для нового, еще более могущественного Христа. И не случайно именно на месте «Перунова холма» выросла деревянная церковь во имя святого Василия [7] — вероятно, первая, поставленная Владимиром в Киеве. И в других местах Русской земли церкви первоначально ставили на месте прежних языческих капищ, знаменуя тем самым торжество новой веры и ее своеобразную преемственность с обветшавшими идолами.

Подобные обряды «проводов» Перуна проходили, по-видимому, и в других городах Руси. В летописях сохранились предания о свержении новгородского Перуна, идол которого, как мы помним, был поставлен над Волховом Добрыней по повелению Владимира.

«...Пришел к Новгороду архиепископ Аким Корсунянин, и требища разрушил, и Перуна посек, и повелел тащить его в Волхов. И, повязав его веревками, потащили его по калу (грязи. — *А. К.*), побивая палками. И повелел никому и нигде не принимать его». Новгородский летописец рассказывает о некоем «питьблянине» (жителе с Питьбы, небольшой речки, впадающей в Волхов немного ниже Новгорода), который пришел рано утром на реку, собираясь везти горшки в город на продажу, и увидел Перуна, приткнувшегося к берегу. «И отпихнул его питьблянин шестом, так сказав: «Ты, Перунище, досыта пил и ел, а ныне плыви прочь!» И сгинул тот со свету» [8].

Этот рассказ читается в Новгородской Первой летописи младшего извода, составленной в XV веке. Конечно, он осовременен. Так, например, епископ Иоаким Корсунянин назван здесь «архиепископом», хотя этот титул новгородские владыки получили только в XII веке. По-новому, по христиански, осмыслены и происходившие в Новгороде события.

Но в основе рассказа летописца, несомненно, лежит древнее предание, а обряд изгнания новгородского Перуна очень похож на киевский.

В том же XV веке было записано еще одно предание о новгородском Перуне. Когда влачили идол к Волхову, рассказывает составитель Псковской Первой летописи, «вошел в Перуна бес и завопил: «Ох, ох мне! Достался немилостивым рукам сим!» И бросили его в Волхов, и повелели никому не принимать его. И когда плыл тот под Великим мостом, забросил палицу свою на мост, ею же безумные убиваются, утеху творят бесам». По другой летописи, Перун будто бы произнес при этом следующее: «Люди Новгородские! Сим потешаясь, вспоминайте обо мне, когда биться будете» [9].

Это предание связано со знаменитой новгородской потехой, кулачными боями, устраиваемыми на Великом новгородском мосту через Волхов и всячески осуждаемыми Церковью, которая видела в ней «бесовскую потеху». Позднее в Новгороде появятся и фальшивые «перуновы палицы» — деревянные, с тяжелыми оловянными наконечниками. В 1652 году тогдашний новгородский митрополит Никон (будущий патриарх) сожжет их публично у церкви святых Бориса и Глеба, «и тако преста бесовское то тризнище».

За свержением идолов следовало крещение народа. Вероятно, вначале Владимир открыто окрестил своих сыновей и других членов семьи, которые должны были подать пример остальным. Согласно позднему киевскому преданию, крещение двенадцати сыновей Владимира происходило в «единой» «кринице», или источнике, получившем с того времени название Крещатик [10]. Крещатицкий источник (небольшой ручей) протекал в глубоком овраге вблизи впадения реки Почайны в Днепр. Позже это место киевляне стали почитать как святое. В начале XIX века над Крещатицким источником была сооружена часовня с высокой кирпичной колонной, увенчанной золотым крестом на серебряном шаре — памятник Крещению Руси.

При крещении княжичи получили вторые, христианские имена. Так, Святополк был наречен Петром, Ярослав — Георгием, Мстислав — Константином, Борис — Романом, Глеб — Давыдом [11]. Христианские имена остальных сыновей Владимира неизвестны (на Руси они почти не употреблялись). Примечательно, что три из шести известных нам крестильных имен первых князей-христиан (включая крестильное имя самого Владимира) имеют византийское происхождение. Ва-

силий, Константин и Роман — так звали представителей правящей в Византии Македонской династии, царствующих братьев и отца царевны Анны.

Наверное, одновременно с Владимировыми сыновьями приняли святое таинство и многие из знатных киевлян, пока еще остававшихся язычниками.

Как быстро сумел Владимир привести к крещению остальную часть города, мы не знаем. В «Истории Российской» В. Н. Татищева рассказывается от том, как киевский митрополит* и священники долго уговаривали киевлян принять новую веру, но лишь отчасти добились успеха: «По опровержении идолов и крещении множества знатных людей, митрополит и попы ходили по граду, уча людей вере Христовой. И хотя многие принимали, но множайшие, размышляя, отлогали день на день; иные же, закоснелые сердцем, и слышать о том не хотели» [12].

И Владимиру пришлось проявить твердость, произнести свое веское княжеское слово. Согласно летописи, он посылает по всему городу глашатаев («послов») объявить жителям так:

«Если кто не придет завтра на реку — богат ли, или убог, или нищий, или раб — да будет противник мне». «И услышав это, пошли люди с радостью, радуясь и говоря: «Если бы не хорошо это было, не приняли бы сего князь и бояре» [13].

Летописец преувеличивал и здесь, говоря о всеобщем ликовании в Киеве. Ликование, наверное, было — но лишь со стороны тех, кто и раньше проявлял расположенность к христианству или уже принял крещение. (Таких, как мы знаем, немало было в Киеве еще со времен Игоря и Ольги. Крещение самого Владимира в 987/988 году должно было увеличить их число.)

Язычники же принимали новую веру, прежде всего, повинуясь слову своего князя. Открытый княжеский призыв, провозглашение христианства *княжеской* верой, а отказывающихся принять крещение — *личными* врагами князя — все это и определило судьбу киевлян, а в конечном счете, и всего Русского государства. Очень точно выразил эту сторону Крещения Руси митрополит Иларион, писавший в середине XI века: Владимир повелел креститься всей земле своей, «чтобы... всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простонародью, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, если даже некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему сие, ибо благочестие его сопряжено было с властью» [14].

* О митрополите в Киеве см. ниже.

Иные из киевлян, «окаменелые сердцем», по замечанию В. Н. Татищева, предпочли покинуть Киев и уйти в «пустыни» и леса, укрыться там от крестителей. Но едва ли таких было много. Большая часть жителей откликнулась на призыв своего князя.

В рассказе о самом крещении русские источники отчасти противоречат друг другу. Так, летопись называет местом крещения киевлян Днепр:

«На следующий день вышел Владимир с попами царицыными и с корсунскими на Днепр, и сошлось людей без числа; залезли в воду и встали там — одни по шею, другие по грудь, малые же у берега по грудь, другие же младенцев держали, а кто постарше — бродили. Священники же, стоя, совершали молитвы...»

Иную версию излагают Жития князя Владимира. Наиболее подробный и вместе с тем отличный от летописи рассказ читается в Проложном житии князя, составленном не ранее второй половины XIII века, но использовавшем более древний источник:

«...Созвал (Владимир. — *А. К.*) все множество людей и заповедал им креститься. Назвал день им, так сказав: «Если кто не придет на утро на реку, будет противник мне». И сошлись на Почайну реку люди всех возрастов, мужи, и жены, и младенцы. Взрослые же стояли в воде, одни до пояса, иные до шеи, а другие бродили. Пресвитеры же, на берегу стоя, молитвы совершали, как [подобает] над крестимыми. И нареклось с того времени место святое, где стоит ныне церковь Петрова» [15].

Близость приведенных текстов между собой несомненна. Но Пролог использовал какой-то иной, не известный летописи источник, который отразился также в обычном Житии князя Владимира, других редакциях Жития и, что особенно важно, в «Слове о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь». Все они называют местом крещения реку Почайну, приток Днепра, протекавший у самого Киева, и, по-видимому, в этом отношении оказываются точнее, чем летопись*.

---

* Историки неоднократно предпринимали попытки объяснить противоречия в источниках. Думаю однако, что прямого противоречия между летописной и житийной версиями нет. В целом и летописи, и Жития отражают один и тот же рассказ о киевском событии, хотя и с заметными различиями. Что же касается названия «Днепр» в тексте «Повести временных лет», то, как мне кажется, оно появилось позднее: первоначальный текст летописного сказания (судя по «Слову о крещении Владимира») не содержал названия той реки, в которой совершилось крещение жителей; последующий редактор-летописец отождествил эту неназванную реку с Днепром [16]. Внелетописный же источник, использованный составителями Житий (в том числе и составителем «Слова о крещении Владимира»), твердо указывает на Почайну.

Почайна скорее, чем Днепр, подходила для крещения жителей города. Она протекала ближе к тогдашнему Киеву и к тому же омывала киевский Подол, где селился простой люд, приобщение которого к христианству как раз и беспокоило князя Владимира. К началу нашего столетия Почайна практически полностью иссякла и исчезла с карты города, скрывшись под городскими мостовыми. Лишь у своего истока вне Киева она представляла собой едва заметный ручей [17]. Но совсем не то было во времена Владимира. В X веке Почайна была судоходной. Именно на ней находилась киевская гавань, куда свободно заходили даже византийские суда. И именно в водах этого русского Иордана (как стали впоследствии именовать Почайну) и совершилось событие, навсегда изменившее ход русской истории, определившее место России в семье христианских народов мира и место Киева — подлинной «митрополии», «матери городов Русских» [18].

Летописец с исключительной подробностью описывал крещение киевлян, отмечая даже мелкие, казалось бы, малозначимые детали. Как мне кажется, такая точность не случайна. Крещение в водах Почайны было совершено с явным нарушением предписаний Византийской церкви, и летописец, по-видимому, знал об этом и, более того, подчеркивал это обстоятельство в своем повествовании.

В самом деле, в соответствии с требованиями византийских богослужебных книг (Требников, Евхологиона), принимающий таинство крещения «входит в купель или в реку так, чтобы вода доставала ему до груди». Епископ «кладет руку ему на голову», произнося при этом соответствующие слова, а затем «крестит его рукой, погружая его и заставляя выныривать трижды». «И если возникнет необходимость крестить в глубоком потоке... оглашенный обвязывается белой веревкой через грудь и под мышками, и кто-нибудь крепко держит веревку за концы; епископ окунает его в воду трижды». После этого следует миропомазание [19].

Разумеется, соблюсти в точности все эти предписания в условиях массового крещения киевлян было попросту невозможно. Мы уже говорили о том, что Церковь не всегда настаивала на точном исполнении буквы закона, заботясь более о сохранении его духа, и принимала крещение, даже если оно было совершено с нарушением норм. Но настойчивое стремление составителя летописного рассказа отметить несообразность, нарушение именно буквы церковных правил заслуживает внимания. Летописец отмечает, как именно стояли киевляне в воде: «овы до шие, а друзии до персии (груди. — *А. К.*)... Свершении же (взрослые. — *А. К.*)

бродяху»*. Священники находились на берегу — а в этом случае вряд ли можно было проследить за троекратным погружением в воду каждого. Наконец, летописец отмечает, что крещение состоялось «заутрия» после повеления князя — а следовательно, без подобающего оглашения и поста, на которые, конечно, требовалось определенное время.

Позднейшие книжники, как правило, подправляли летописный текст, приводя его в большее и меньшее соответствие с известными им предписаниями Требников. Так, например, читаем в Никоновской летописи XVI века: «И стояли в воде до персей, и иные младенцы на руках держали...» Составитель Степенной книги царского родословия (также XVI век) рисует уже грандиозную картину всеобщего и единодушного просвещения людей:

«Сие же услышав, люди с радостью отовсюду устремились креститься, исповедуясь в грехах своих и оглашение принимая... Святители же и пресвитеры, стоя на берегу, молитвы возглашали святого крещения и елеем святым помазывали их. И так крестилось все множество народа Русского во имя Отца и Сына и Святого Духа, и священным миром помазали их, и слова утешения возглаголали к ним, и, благословив, отпустили их» [24].

Авторы еще более поздних сочинений немногое прибавляют к летописному рассказу. Так, согласно свидетельству киевского Синопсиса, священники и диаконы «стояли при бреге на досках» (может быть, на плотах?) — вероятно, для более удобного крещения народа. В «Истории Российской» В. Н. Татищева отмечена еще одна подробность: «Пресвитеры, стоя на брегу, читали молитвы и каждой купе (группе людей. — *А. К.*) давали имена особые, мужам и женам». Число крестившихся, по словам Татищева, было столь велико, «что не могли всех исчислить» [22].

Приняв же святое крещение, люди разошлись по своим домам — вернулись к привычному, знакомому, будничному.

«И видна была радость на небе и на земле о стольких душах спасаемых, — заключает свой рассказ о крещении киевлян автор «Повести временных лет». — ...Сколько радости!.. Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном раскаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное

---

* В первоначальном летописном тексте, вероятно, читалось: «овы до шие, *а иные до пояса,* младии же по персии». Такой именно текст получается в результате сравнения летописи со «Словом о том, как крестился Владимир» и Проложным житием [20].

множество к Богу приблизилось, просвещенные святым крещением».

Летописец привел и слова Владимира, с которыми тот обратился к Богу, завершив великое дело:

«Христе Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новые люди сия и дажь им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны! Утверди веру в них правую и непорочную и мне помоги, Господи, на супротивного врага, да надеясь на Тебя и на державу Твою, одолею козни его» [23].

Так — свершилось. Молитвою началось, молитвою кончилось. И этот день — день Крещения — поистине стал поворотным днем в жизни всей Русской земли, и с него начинаем мы отсчет своей христианской истории.

Еще на одно обстоятельство обращу я внимание читателей книги. Ни древний летописец, ни составители княжеского Жития ни единым словом не обмолвились об участии епископов или митрополита в крещении киевлян. Все совершалось «попами царицыными и корсунскими». (При том, что византийский Требник предусматривал совершение крещения лишь епископом.) Более того, «Повесть временных лет» ничего не сообщает о митрополите в Киеве в первые полстолетия после принятия христианства. Первый из митрополитов — грек Феопемпт — упоминается в ней лишь под 1039 годом, уже в княжение сына Владимира, князя Ярослава Мудрого*.

А между тем Русская (Киевская) митрополия была учреждена уже вскоре после крещения Владимира. Этот факт установлен благодаря тщательному исследованию византийских перечней епископий Константинопольского патриархата (так называемые Notitia episcopatuum), сохранившихся в различных редакциях и многочисленных рукописях. Установлено, что вновь учрежденные митрополии перечислялись в этих списках в хронологическом порядке их образования. В редакции перечня конца 80-х годов XI века (изданной при

---

* Исходя, в частности, из этого факта, многие исследователи полагали, что митрополия на Руси установлена примерно в это время (около 1037 года). Согласно различным гипотезам, ранее Русская Церковь либо подчинялась тому или иному церковному центру вне Руси (на роль такого центра предлагались Охрида в Западной Болгарии, Херсонес, Тьмуторокань) [24], либо вообще была полностью независима и самоуправляема и состояла из отдельных церковных общин во главе с епископами — наподобие, например, ранней Ирландской церкви [25].

императоре Алексее Комнине, митрополия «Росиа» (η 'Ρωσια) занимает устойчивое 60-е место между кафедрами Помпейуполиса (59) и Алании (61). На основании имеющихся сведений о времени учреждения предшествующих и последующих митрополий вычисляется и примерное время ее возникновения — между 985 и 997/998 годами*. Этот временной промежуток точно совпадает со временем утверждения христианства на Руси и может быть сужен до 987/988 — 997/998 годов [26].

Но кем были наши первые митрополиты и какова их роль в событиях тех лет — этого мы не знаем. Ранее мы уже предположили, что первым митрополитом Киевским мог стать Феофилакт из Севастии. Но если отождествлять его с безымянным севастийским митрополитом, о котором рассказывал армянский историк Асохик и который был отправлен императором Василием в «Болгарию» (на Русь?) — а мы согласились с этим отождествлением, — то скорее всего придется признать, что Феофилакт погиб в самом начале своей пастырской деятельности. Как скоро его преемник появился в Киеве, неизвестно.

Эта информационная пустота (которую, конечно, нельзя объяснить только плохой сохранностью русских источников), по-видимому, заставила книжников более позднего времени предпринять какие-то собственные изыскания в отношении первых русских иерархов. Трудно сказать, чем они руководствовались — судя по всему, никаких документов от времени Владимира им обнаружить не удалось. Но результатом их поисков стала легенда (а сначала, наверное, две разные легенды) о митрополитах Михаиле и Леоне (Леонте), якобы возглавлявших Русскую Церковь при князе Владимире. Эти имена, кажется, впервые появляются в XIII или XIV веках при обработке так называемого Церковного устава князя Владимира. (Это своего рода апокриф, надписанный именем князя Владимира, но не принадлежащий ему. Однако в основе Устава, по-видимому, лежит подлинная грамота, данная Владимиром Десятинной церкви.) Исследование многочисленных списков и редакций Церковного устава показывает, что в его первоначальном виде (протографе) ни о каком митрополите ничего не говорилось. Имена Михаила и Леона

---

* Известно, что митрополия Колония (занимающая в перечне 56-е место) основана перед 985 годом; митрополия Серры (58) и Помпейуполиса (59) — ранее 997-го, Алании (стоящая уже после Росии на 61-м месте) — до 997/998 года. Порядковый номер митрополии Росиа изменился с 60-го на 71-й лишь при императоре Андронике Палеологе (1282—1328), но место Руси между Помпейуполисом и Аланией сохранилось.

появились позже. Любопытно, что в различных списках Устава эти имена представлены примерно поровну [27].

И Михаил, и Леон в равной степени могли бы претендовать на роль первого русского митрополита. С имени Леонтия, например, начинается один из перечней русских митрополитов, читающийся в той же рукописи XV века, в которой находится Новгородская Первая летопись младшего извода. (Имя Михаила стоит здесь на втором месте [28].) Напротив, в целом ряде источников XV—XVI веков и более позднего времени Михаил поставлен на первое место, а Леон назван его преемником (например, отдельные списки Церковного устава, Никоновская, Симеоновская летописи, Хронограф 1512 года и т. д.) [29].

Но самое поразительное заключается в том, что *во всех случаях* имена обоих митрополитов оказываются связанными не только с именем князя Владимира, но и с именем константинопольского патриарха Фотия, жившего, как известно, за сто лет до Владимира. Именно Фотий (по просьбе Владимира!) отправляет Михаила и Леона на Русь; он же отправляет на Русь и епископов, которых затем поставляют на соответствующие кафедры Михаил и Леон. Этот удивительный, вопиющий анахронизм присутствует и в Церковном уставе князя Владимира, и в летописях XV—XVI и последующих веков.

«Се яз, князь великий Василий, нареченный Владимир... принял святое крещение от греческих царей Константина и Василия и Фотия патриарха, взял первого митрополита Михаила (вариант: Леонта. — *А. К.*) на Киев и на всю Русь, который крестил всю землю Русскую». Этой фразой начинается Церковный устав князя Владимира в большинстве редакций [30].

Так князь Владимир оказывается современником патриарха Фотия — парадокс, не объясненный по сей день [31].

В XVI веке была составлена легендарная биография митрополита Михаила. «Был же сей митрополит зело учителен и премудр премного, — читаем мы в Никоновской летописи, — и житием велик и крепок зело, родом сирин (сириец. — *А. К.*)*. Тих был, и кроток, и смирен, и милостив премного,

---

* Иоакимовская летопись называет митрополита Михаила болгарином. Уникальная биографическая подробность содержится в особом Соловецком изводе Устава новгородского князя Всеволода Мстиславича о церковных судах (памятник, восходящий к Церковному уставу князя Владимира; рукопись конца XV века): «Взяша [Владимир] первого митрополита Михаила от земля Трапизоньския (город Трапезунд на южном побережье Черного моря. — *А. К.*) к Белой Руси, к граду Киеву» [32].

иногда же страшен и свиреп, когда время требовало. И чествовал его Владимир, и в согласии и в любви многой пребывал с ним». Патриарх Фотий якобы отправил Михаила из Царьграда в Корсунь, и уже оттуда митрополит вместе с Владимиром прибыл в Киев, где крестил сыновей Владимира, его бояр и весь народ. Составители Никоновской летописи нашли возможным согласовать противоречивые показания своих источников относительно двух первых русских митрополитов. Под 992 годом в летописи помещен рассказ о кончине первого иерарха Русской Церкви: «преставился пресвященный Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, поживший крепким житием и много труда о Господе показав в людях новокрещенных, и веру православную соблюдя, и всех благоразумию научив. И восскорбел сильно, и прослезился о сем Владимир, и едва от епископов Фотия патриарха и от своих князей и бояр утешен был; ибо был тот всегда в любви и совете с Владимиром... В том же году взял Владимир у блаженного Фотия, патриарха Константиноградского, митрополита Киеву и всей Руси Леонта, и была радость великая в людях»[33].

Этот удивительный исторический парадокс получил продолжение и в Новое время. В XVIII веке первый митрополит Киевский был причтен Церковью к лику святых. В 1730 году состоялось перенесение его мощей из Антониевых пещер Киево-Печерского монастыря в главный храм Лавры во имя Успения Пресвятой Богородицы. Тогда же над ракой святителя была сделана надпись, согласно которой Михаил скончался в 992 году, был погребен в Киевской Десятинной церкви (замечу, к тому времени еще не завершенной строительством); затем, около 1103 года, при печерском игумене Феоктисте, мощи его, обретенные нетленными, перенесены в Антониевы пещеры, где и пребывали до 1730 года [34].

Что касается митрополита Леона, то его смерть отнесена книжниками XVI века ко времени около 1008 года: под этим годом в Никоновской летописи и Степенной книге сообщается уже о следующем киевском митрополите — Иоанне.

В отличие от своих предшественников митрополит Иоанн — вполне историческая личность. О нем как о митрополите времени княжения Ярослава Мудрого говорят Жития князей Бориса и Глеба — анонимное «Сказание» о житии и чудесах святых братьев и «Чтение» диакона Нестора. До нашего времени дошла свинцовая булла (печать) с греческой надписью: «Иоанн, митрополит Росии», которую исследователи датируют рубежом X—XI веков, делая из этого вывод, что Иоанн действительно мог быть современником князя Владимира [35].

Древнейшие русские летописи, и прежде всего «Повесть временных лет», равно как и княжеские Жития ранних редакций, умалчивают о каком-либо участии церковных иерархов (не только митрополита, но даже и епископов*) в церковных мероприятиях князя Владимира — в освящении церквей (например, Киевской Десятинной в 996 году), в перенесении мощей (1007 год). Даже в похоронах самого Владимира, умершего в 1015 году, ни митрополит, ни епископы как будто не участвуют. Если бы подобное имело место при описании смерти какого-нибудь другого русского князя, исследователи с полным основанием могли бы утверждать, что в тот момент по какой-то причине митрополит отсутствовал в Киеве. В отношении времени Владимира складывается впечатление, что митрополит отсутствовал в Киеве всегда [36]. Может быть, это и не так. Но роль митрополита и других церковных иерархов при князе Владимире была, по-видимому, крайне незначительной, можно сказать, ничтожной.

В памяти русских людей Русская земля была крещена самим Владимиром. Именно Владимир раскапывает идольские требища, Владимир строит и освящает церкви, украшает их иконами и утварью, принимает церковные уставы и устанавливает церковные праздники. Епископы, в лучшем случае, дают ему советы; вместе с боярами и старцами они составляют окружение киевского князя, его «думу». Но с самого начала русской христианской истории они даже не приближаются по своему значению к князю не только в светских, но и в чисто церковных делах.

Роль и значение высших церковных иерархов, преимущественно греков, изменится лишь при сыне Владимира князе Ярославе Владимировиче в середине XI века. С этого времени летопись будет постоянно упоминать их имена, киевские митрополиты станут по-настоящему действующими лицами русской истории. С этого же времени (не раньше!) начнет сказываться влияние Византии и в духовной жизни русского общества. Но преобладание светской, княжеской власти над церковной навсегда останется важнейшей особенностью русского Православия.

С крещения киевлян начался долгий и трудный путь христианства по русским землям. При жизни Владимира, по-видимому, была крещена лишь часть Руси — главным

* В летописи и Житиях упоминаются епископы — но как раз в связи с мирскими, а не церковными начинаниями Владимира.

образом, города, средоточия княжеской власти (да и то не все), а также ближняя к Киеву область, собственно Киевская земля в узком значении этого слова. Население Киева и ближних к Киеву княжеских городов, обустроенных и заселенных князем, — таких, как Вышгород, Василев, Белгород, Любеч, Переяславль на Трубеже, — несомненно, было ближе к князю, нежели население остальной Руси; именно их «градские старцы» принимали участие в советах и «думах» великого князя, в том числе и в самом «выборе веры».

Еще первая языческая реформа Владимира надломила ту незримую преграду, которая отгораживала княжескую власть от подвластного князю населения. Княжеский бог становился богом каждого — и Христос лишь сменял прежнего Перуна. Но, опять-таки, это относилось в первую очередь к киевлянам и жителям ближних городов, непосредственно общавшимся с князем и участвовавшим в княжеских требах — как теперь им предстояло участвовать в церковной службе.

Но совсем не то было в большинстве других, отдаленных от Киева земель. Утверждение христианства здесь столкнулось с трудностями, несравнимо большими, нежели в Киеве. Признание верховенства киевского князя, послушная выплата дани вовсе не означали подчинения Киеву в повседневном, обыденном сознании людей того времени. Мы уже говорили о том, что традиция, обычай не позволяли князю вмешиваться во внутреннюю организацию жизни своих подданных. Даже принимая крещение внешне, признавая Христа богом (еще одним, в дополнение к длинному списку своих старых богов), житель отдаленной от Киева окраины не спешил отказываться от своих прежних обычаев, менять установившийся взгляд на мир. И здесь требовалось не грубое вмешательство княжеской власти, но терпеливая проповедь священника. По-настоящему христианизация Руси начнется позже — прежде всего тогда, когда сформируется поколение русских священников, выросших в новых условиях провозглашения христианства государственной религией, то есть, в основном, уже после смерти Крестителя Руси.

Инородческая же Русь — племена чуди, мери, муромы — оставалась почти нетронута христианством не только в X—XI, но и в XII—XIII веках.

По-видимому, осенью того же 989 года произошло крещение жителей Новгорода, второго по значению города Руси. Князь Владимир, в отличие от своего отца, неизменно проявлял к этому городу повышенное внимание.

«Повесть временных лет» ничего не сообщает об этом событии. Летописи же XV—XVI веков изображают его по-разному: в одних случаях крестителем Новгорода оказывается легендарный киевский митрополит Михаил, а также дядя Владимира новгородский посадник Добрыня и Анастас Корсунянин (например, в Никоновской летописи и, без имени Анастаса, в Хронографе 1512 года); в других (в том числе, в Новгородской Первой летописи младшего извода) — первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин [37]. Очевидно, что краткие известия этих летописей восходят к относительно поздним новгородским преданиям. Однако особых подробностей происходившего они не сообщают.

Существует еще один рассказ о крещении Новгорода — исключительно подробный и красочный. Он содержится в так называемой Иоакимовской летописи, которую мы уже не раз цитировали на страницах книги. Напомню, что эта летопись, фрагменты которой попали летом 1748 года в руки В. Н. Татищева, была составлена каким-то книжником в конце XVII или в начале XVIII века. Она во многом фантастична и изобилует явно выдуманными подробностями и персонажами. Рассказ о новгородских событиях ведется в ней от первого лица. (Это, конечно, не значит, что его автор был участником описываемых событий, как полагал первый издатель летописи В. Н. Татищев и как считают даже некоторые современные ученые; скорее перед нами чисто литературный прием книжника XVII или XVIII века.) Тем не менее этот рассказ представляет несомненный интерес.

Владимир, повествует автор летописи, направил в Новгород своего дядю Добрыню и воеводу Путяту (имя которого из других источников неизвестно*) с большим военным отрядом. Узнав об этом, новгородцы собрали вече и поклялись не впускать Добрыню в город. Они разметали Великий мост через Волхов и выкатили к мосту два порока (метательных орудия) с большим запасом камней. Увещевания и угрозы Добрыни на новгородцев не подействовали.

«Верховный же над жрецами славянскими Богомил, нареченный из-за сладкоречия своего Соловьем, весьма воспрещал людям покоряться. Мы же, — продолжает позднейший летописец, — стояли на Торговой стороне, ходили по торжищам

---

* Если не отождествлять его с боярином Путшей, служившим впоследствии Святополку Окаянному. Зато хорошо известен киевский тысяцкий Путята, живший уже во времена правнука Владимира Святого Владимира Мономаха; его имя упоминается и в киевских былинах.

и улицам, учили людей христианской вере, сколько могли... И так пробыли два дня, крестив несколько сот человек».

На «той стороне» Новгорода (получившей впоследствии название Софийской) безраздельно хозяйничали восставшие. Новгородский тысяцкий Угоняй, разъезжая повсюду, возбуждал народ криками: «Лучше нам помереть, чем отдать богов наших на поругание!» Новгородцы разорили дом Добрыни, разграбили его имущество и избили (убили?) жену и некоторых родственников. Тогда Путята, «муж смысленный и храбрый», с отобранными им пятьюстами «ростовцев» тайно ночью переправился через Волхов выше города по течению реки и беспрепятственно вошел в Новгород. Схватив Угоняя и других «первых мужей» новгородских, он отослал их за реку к Добрыне. «Жители той стороны, услыхав об этом, собрались числом до пяти тысяч человек и окружили Путяту. И началась между ними жестокая сеча». По пути новгородцы разорили церковь Преображения Господня и разорили дома христиан, живших в Новгороде. На рассвете подоспел Добрыня со всеми бывшими при нем воинами. Переправившись через реку, он повелел поджигать дома новгородцев. Напуганные пожаром, люди бросились тушить огонь. Так закончилась битва. Вскоре новгородские мужи пришли к Добрыне просить мира.

«Добрыня же, собрав воинов, прекратил грабежи и вскоре идолов сокрушил: деревянных сожгли, а каменных, изломав, в реку бросили; и была нечестивым печаль великая. Мужи и жены, видя это, с плачем великим и слезами просили за них, словно за настоящих богов своих. Добрыня же, насмехаясь, отвечал им: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые сами себя защитить не могут? Какую пользу от них ожидаете?» И послал повсюду объявить, чтобы шли к крещению». Более других увещевал жителей покориться «посадник Воробей, сын Стоянов», бывший якобы воспитанником князя Владимира и отличавшийся красноречием. «И многие пошли, а тех, кто не хотел креститься, воины потащили. И крестили мужчин выше моста, а женщин ниже моста». Тогда многие некрещеные стали говорить о себе, будто уже крещены. Для того повелели всем крещеным надевать на шею деревянные, медные или оловянные крестики. А тех, у кого крестика не находили, крестили без лишних разговоров.

Вскоре была восстановлена разрушенная Преображенская церковь, после чего Путята отправился обратно в Киев, к Владимиру. «Оттого, — заключает летописец, — люди насмехаются над новгородцами: Путята крестил мечом, а Добрыня огнем» [38].

Конечно, этот рассказ не вызывает доверия. Имена действующих в нем лиц — такие, как Богомил-Соловей, Угоняй,

Воробей, — явно включены в текст «сладкозвучия ради» и вряд ли существовали на самом деле. Подобными именами буквально пестрят Иоакимовская летопись и другие схожие с ней сочинения XVII—XVIII веков. Простой выдумкой можно было бы посчитать и все остальные подробности летописного повествования. Однако такой вывод оказывается преждевременным и излишне категоричным.

Современный историк и археолог Валентин Лаврентьевич Янин, крупнейший знаток средневекового Новгорода, установил, что рассказ Иоакимовской летописи, по крайней мере, в отдельных своих положениях, подтверждается материалами археологических исследований. Так, в 989 году — то есть в тот самый год, когда, по-видимому, происходило крещение новгородцев, — в городе действительно бушевал сильнейший пожар, во время которого пострадали именно дома христиан, живших на Софийской стороне города, недалеко от известной впоследствии церкви Спаса Преображения на Розваже улице (может быть, той самой, предшественницу которой некогда разрушили новгородские язычники?). Археологи обнаружили и клады монет, зарытые в спешке новгородцами-христианами; эти клады так и не были вырыты владельцами, очевидно, погибшими во время пожара. Следы пожара обнаружены и вблизи Волхова — там, где, согласно Иоакимовской летописи, высаживался со своими людьми Добрыня [39].

Если выводы ученого верны, то оказывается, что крещение Новгорода в самом деле сопровождалось массовыми беспорядками, пожарами и погромами, в которых пострадали как христиане, так и язычники. И может быть, память об этом крещении «огнем и мечом» — через посредство какого-то письменного источника? — дошла и до сочинителя позднейшего летописного рассказа. Ему осталось лишь раскрасить свое повествование подробностями да добавить несколько звучных имен.

Вскоре после крещения Новгорода была создана Новгородская епархия. Первым новгородским епископом стал Иоаким Корсунянин. Судя по прозвищу, он был греком и оказался на Руси после корсунского похода Владимира в числе других корсунских священнослужителей. Иоаким пробыл на кафедре 42 года и скончался в 1030 году. При нем была построена первая новгородская церковь — деревянная Святая София «о тринадцати верхов» (то есть главах), простоявшая до 1049 года. (Деревянный Софийский собор сгорел во время одного из новгородских пожаров.) Новгородское предание связывает с именем первого епископа и создание каменной церкви во имя святых Иоакима и Анны.

Но еще очень долго христианство не могло укорениться в этом северном городе. Даже в 70-е годы XI века, когда христианское просвещение уже дало ощутимые плоды, жители Новгорода готовы были вернуться к старым богам: захожий языческий волхв легко увлек на свою сторону весь город, и никто, за исключением князя и княжеской дружины, не встал на защиту Церкви. (Лишь решительность и проворство князя Глеба Святославича, зарубившего волхва на глазах многочисленной толпы, предотвратили тогда языческий мятеж.)

Еще меньше знаем мы о распространении христианства в других русских землях. Правда, позднейшие летописи (и прежде всего Никоновская) весьма подробно рассказывают о деятельности на Руси первых русских митрополитов Михаила и Леона, о поставлении ими первых епископов-греков и о крещении этими «первоначальницами» (выражение позднейшего Пинежского летописца) городов и весей Северо-Восточной Руси.

Так, согласно Никоновскому своду, в 990 году в Новгороде появился митрополит Михаил с «епископами Фотия патриарха»: «дал ему Фотий патриарх шесть епископов в помощь», добавляет летописец.

На следующий год Михаил, уже с четырьмя епископами Фотиевыми (двое остались в Киеве), а также с дядей Владимира Добрыней и Анастасом Корсунянином, отправился «по Русской земле, и до Ростова». «И учил всех веровать в единого Бога, в Троице славимого, и научил и наказал богоразумию и благочестию многих, и крестил без числа людей, и многие церкви воздвиг, и пресвитеров и диаконов поставил, и клиросы устроил, и уставы с благочестием установил. И была радость великая в людях, и множество верующих, и повсюду прославлялось имя Христа Бога».

В 991 году сам Владимир с двумя епископами «Фотия патриарха» ходил в Суздальскую* землю — «и там крестил всех». «И заложил там град в свое имя Владимир на реке на Клязьме, и церковь в нем поставил деревянную Пречистой Богородицы, и научил людей с епископами Фотия патриарха».

О поставлении первых русских епископов Никоновская летопись рассказывает под 992 годом: «В том году в Киеве Леонтом, митрополитом всея Руси, поставлен был Новгороду Великому и Пскову епископ Иоаким Корсунянин» (далее в летописи вторично рассказывается о крещении новгородцев). «В том же году поставил Леонт, митрополит Киевский и всея

* В некоторых летописях вместо слова «Суздальскую» читаем: «Словенскую» или «Смоленскую».

Руси, Чернигову епископа Неофита, а в Ростов поставил епископа Феодора, а во Владимир (Волынский. — *А. К.*) Стефана, а в Белгород Никиту, а по иным многим градам епископов поставил*. И радовались люди, и православие сияло, и прославлялось имя Христово, и Слово Божие возрастало и множилось» [40].

Однако это свидетельство летописца XVI века, в котором упоминаются имена легендарных киевских митрополитов Михаила и Леона, а также имя патриарха Фотия, жившего а сто лет до Владимира, не может внушать доверия. И в самом деле, большинство епископов, названных составителем Никоновской летописи, оказывается, жили значительно позже описываемых им событий. Так, епископы Никита Белгородский и Неофит Черниговский упоминаются в источниках под 1072 годом (в рассказе о перенесении мощей святых князей-мучеников Бориса и Глеба), а Стефан Владимиро-Волынский — под 1091 годом (как участник перенесения мощей преподобного Феодосия Печерского) [41]. Исключением в этом рассказе являются лишь имена уже известного нам новгородского епископа Иоакима Корсунянина (извлеченное из новгородского списка новгородских епископов и архиепископов), а также, возможно, Феодора Ростовского (читавшееся, вероятно, в каком-то ростовском синодике; однако когда жили Феодор и его преемник Иларион, мы не знаем).

Едва ли достоверен и рассказ позднейшего летописца о крещении киевским митрополитом Ростовской земли, а самим князем Владимиром Суздальской. Рассказы такого рода относятся к позднейшим местным преданиям, цель которых — удревнить христианскую историю своего города или края, а еще лучше — связать ее со временами Крестителя Руси. Подобные примеры хорошо известны историкам-краеведам [42].

Несомненно, к числу таких преданий относится и рассказ Никоновской и многих других летописей о строительстве князем Владимиром Святославичем города Владимира-на-Клязьме (Владимира-Залесского), будущей столицы Руси. (В различных летописях это событие датируется 988, 989 и 990 годами.) Однако исследования историков XIX и XX веков с несомненностью доказали, что на самом деле город Владимир-Залесский основан правнуком Владимира Святого Владимиром Мономахом в конце XI или скорее в начале XII века [43]. Возможно, предание, связывающее возникновение этого города с прадедом Мономаха Владимиром Святым, начало

---

* Позднейшая Густынская летопись называет ростовского епископа Фомой; Феодор же якобы был поставлен во Владимир-на-Клязьме.

складываться уже в XII веке, при князе Андрее Юрьевиче Боголюбском, сделавшем Владимир своим стольным городом в противовес древним Суздалю и Ростову.

Из Житий местных русских святых мы знаем о том, как мучительно трудно утверждалось христианство в ростовских и суздальских пределах. Но здесь, кажется, власти не торопили события. Крещение «огнем и мечом» осталось все же исключением из правил, ибо распространение «новгородского опыта» на всю страну грозило жестоким расколом общества.

Отправляя своих сыновей на княжение в тот или иной город, Владимир, конечно, посылал вместе с ними и священников. Но далеко не всегда проповедникам удавалось склонить жителей даже к внешнему принятию новой веры. Так, Ростовская земля, кажется, не была крещена ни первым ростовским князем Ярославом Владимировичем, ни его братом Борисом, посаженным сюда Владимиром после перевода Ярослава в Новгород. Первые ростовские епископы Феодор и Иларион вынуждены были покинуть город, не стерпев враждебности и закоренелого неверия местных жителей. Подлинным просветителем Ростовского края стал их преемник епископ Леонтий, деятельность которого пришлась уже на 60—70-е годы XI века. Но и он подвергся нападкам со стороны язычников и в конце концов принял мученическую смерть во время одного из восстаний [44]. Из Жития еще одного ростовского подвижника преподобного Авраамия, основателя Ростовского Богоявленского монастыря, жившего, по-видимому, еще позже, в самом конце XI или в XII веке, мы узнаем, что и при нем в Ростове стоял каменный идол бога Велеса, которому открыто поклонялись язычники при явном попустительстве местных властей. Идол находился в «Чудском конце» Ростова, населенном, вероятно, мерянами — «чудью». По внушению чудесно явившегося ему в видении апостола Иоанна Богослова, Авраамий сокрушил языческое изваяние и выстроил на его месте монастырь [45].

Не лучше обстояло дело с христианской проповедью и в Муроме, еще одном городе, куда Владимир посадил на княжение своего сына. Житие святого князя Константина Муромского (составленное, вероятно, в XVI веке) рассказывает о том, что Глеб Владимирович, отправленный отцом в Муром, не смог перебороть упорного язычества местных жителей и вынужден был даже поселиться вне града*. По преданию, христианство утвердилось здесь много позже, по-видимому,

* Впрочем, поселение «вне града» скорее всего вовсе не было связано с какой-то враждебностью между князем и местным населением, а отражало местную традицию, обычай (как это было, например, в Новгороде).

уже в XII веке, при князе Константине, причтенном позднее к лику святых [46].

Сохранилось позднее ярославское предание «о построении града Ярославля», повествующее об упорной борьбе князя Ярослава Владимировича с жителями селения Медвежий угол (предшественника будущего Ярославля), которые поклонялись «скотиему богу» Волосу. И здесь князю не удалось крестить жителей; он строит город, закладывает церковь, по соседству с которой еще долго будут совершаться языческие требища. По преданию, лишь некий священник новопостроенной Ильинской церкви сумел склонить язычников к принятию христианства [47].

До начала XII века язычниками оставались и вятичи, жившие в бассейне реки Оки. Креститель вятичей преподобный Кукша, инок Киевского Печерского монастыря, принял здесь мученическую смерть вместе со своим учеником около 1110 года [48].

Но что говорить об отдаленных землях Северо-Восточной Руси, когда гораздо ближе к Киеву, в Поднестровье, в течение нескольких веков сохранялись настоящие заповедники язычества!

Недавние открытия археологов, исследовавших языческие святилища на реке Збруч (левый приток Днестра), в буквальном смысле переворачивают наши представления о религиозной ситуации в домонгольской Руси и о религиозной политике русских князей того времени. Как выяснилось, капища действовали с конца X до середины — второй половины XIII (!) века. Здесь беспрепятственно совершались языческие обряды, приносились жертвы (в том числе и человеческие), свободно проживали жрецы-волхвы, поддерживался негасимый священный огонь. На одном из збручских святилищ, в урочище Богит, очевидно, стоял знаменитый четырехликий каменный Збручский идол, найденный неповрежденным в реке Збруч еще в 1848 году. Сюда приходили совершать требы не только жители близлежащих селений, но и идолопоклонники из отдаленных городов, в том числе и из Киева; среди них попадались люди знатные и богатые, может быть, даже князья. Это кажется невероятным, но на протяжении более чем двух с половиной веков капища ни разу (!) не пытались разрушить; постепенно угасая, они сами прекратили существование в новых условиях, сложившихся после монголо-татарского завоевания [49].

Археологи полагают, что збручские святилища возникли уже после утверждения христианства на Руси, когда волхвам из Киева и других южнорусских городов пришлось покинуть

насиженные места и искать убежища на окраинах Киевского государства [50]. Может быть, и так. Но берега Збруча вовсе не были какой-то особенной глухоманью; капища же находились у самого берега, были заметны издали и, по-видимому, хорошо известны в восточнославянском мире. Как показали археологические исследования, Поднестровье, включая берега притоков Днестра Серета и Збруча, было густо заселено и в X веке, и тем более позже. Это область расселения восточнославянских хорватов, а также, вероятно, тиверцев и уличей — славянских племен, с X века (если не раньше) входивших в состав Киевского государства [51]. Около 992 года князь Владимир совершил военный поход в земли хорватов — один из первых после принятия христианства. Вероятно, этот поход имел и миссионерские цели и завершился крещением значительной части местных славян. Позднее, во второй половине XI века, на этих землях возникло самостоятельное Теребовльское княжество, столица которого находилась всего в 60 километрах к северу от збручских святилищ. Еще позднее земли по Збручу вошли в состав Галицкого княжества, одного из сильнейших на Руси в XII—XIII веках. Нет сомнений, что в течение всего этого времени збручские язычники находились в пределах досягаемости теребовльских, а затем галицких князей [52]. Однако ни Владимир Святой в X веке, ни его потомки в последующие века не озаботились тем, чтобы свергнуть языческие божества, положить конец «бесовским игрищам».

Подобные «заповедники» язычества сохранялись и в других областях Киевской Руси. Капища XI—XII веков, правда, значительно уступающие по своим масштабам збручским, открыты археологами на Волыни, Смоленщине, Псковщине. Мы уже говорили о святилище бога Велеса, находившемся в самом городе Ростове, в «Чудском конце», еще в конце XI или в XII веке; его, напомню, разрушил инок Авраамий, а отнюдь не представители местной княжеской администрации.

И, пожалуй, мы не слишком удивимся этому. Сравнивая между собой памятники древнерусского права — церковного (так называемые Церковные уставы князей Владимира и Ярослава) и гражданского («Русская Правда»), исследователи отмечают, что надзор за соблюдением христианских норм (и притом почти исключительно норм семейно-брачных отношений) возлагался именно на Церковь, но вовсе не на князя и представителей его администрации. (И это серьезное отличие древней Руси от соседних и почти одновременно с нею вставших на путь христианизации стран — Польши и Вен-

грии.) Но даже и Церковные уставы не предусматривали какой-либо правовой ответственности за такие правонарушения, как, скажем, соблюдение прежних языческих обрядов, языческие жертвоприношения, непосещение церкви и т. п. Такого рода казусы даже не упомянуты в них (опять-таки в отличие от памятников западноевропейского и, в частности, западнославянского права) [53]. Княжеская власть, кажется, совершенно не использовала силу для того, чтобы утвердить в славянском обществе новые христианские нормы.

Чем можно объяснить такую поразительную веротерпимость? Только ли неуверенностью княжеской власти в собственных силах? Конечно же, нет. Кажется очевидным, что определенные категории населения древней Руси в течение нескольких столетий (по-видимому, до времени монголо-татарского завоевания) оставались вне сферы внимания княжеской власти именно в вопросах своей религиозной ориентации. В первую очередь это касалось неславянского, но также и славянского населения. И объяснение этому поразительному феномену, вероятно, нужно искать в языческой природе самой княжеской власти. Мы знаем, что в дохристианском обществе княжеская власть существовала как бы *вне* общества, *над* обществом и традиционно не вмешивалась в повседневную внутреннюю жизнь людей. Тот процесс «огосударствления» Руси, который начался именно при князе Владимире и одним из проявлений которого стали как раз религиозные реформы киевского князя, пока еще был далек от своего завершения. Князь выступал как бы в двух ипостасях: с одной стороны — как Креститель Руси, со всем пылом и искренностью неофита насаждающий новую веру, а с другой — как прирожденный хранитель социальной и религиозной стабильности, обеспечивающий мирное сосуществование язычества и христианства и, следовательно, достаточно индифферентный в вопросах веры*.

До нас дошло большое количество древнерусских поуче-

---

* Роль князя как хранителя социальной и религиозной стабильности очень ярко выступает в летописном рассказе о восстании волхвов в Белозерском крае в 70-е годы XI века. Когда волхвы (между прочим, повинные в умерщвлении людей с ритуальными целями) попали в руки Яня Вышатича, боярина тогдашнего киевского князя Святослава Ярославича, они потребовали представить их князю, явно рассчитывая на снисходительность последнего. Янь, однако, поступил по-другому: он выдал волхвов родственникам убитых ими женщин, и те, исполняя обычай кровной мести, расправились с ними. Замечу, что Янь все же не решился собственноручно казнить волхвов.

ний против язычества, из которых видно, что и в XI—XIII веках, и даже позднее среди населения сохранялись многие языческие обычаи и обряды и не княжеская власть, но Церковь стремилась к их искоренению. Материалы археологических исследований подтверждают это. Еще долго после Крещения Руси по-язычески хоронили умерших (только в XIII веке окончательно исчезают языческие курганы-насыпи над могилами) [54]; по-язычески заключали браки (киевский митрополит Иоанн в 80-е годы XI века сетовал на то, что в церквах венчаются одни лишь князья да бояре); продолжали верить в охранительную силу языческих амулетов-«оберегов» (хотя все чаще на них появлялись христианские символы); в трудных житейских случаях прибегали к волхованию (колдовству). И поступали так не одни закоренелые язычники вроде збручских идолопоклонников, но люди, более или менее регулярно посещавшие церковь и называвшие себя христианами, в том числе и представители самой княжеской власти.

В 80-е годы XI века, то есть спустя сто лет после Крещения Руси, киевский митрополит Иоанн II, грек, так отвечал священникам, спрашивавшим его о том, как следует поступать с теми своими прихожанами, «которые жрут (совершают жертвоприношения. — *А. К.*) бесам, и болотам, и кладезям», которые «не принимают святых таин (причащения. — *А. К.*) не единожды в год»: «Всею силою потщись возбранить (воспрепятствовать. — *А. К.*) им и направить их к правой вере; имей к ним наказание (наставление. — *А. К.*) и поучение не единожды, не дважды, но многократно — пока не уведают и не уразумеют воистину и добру не научатся». Митрополит-грек решительно осуждал применение казней и принятых в византийской судебной практике членовредительских наказаний для язычников — «ибо не принимает сего церковное наставление и учение [55]. И не эта ли веротерпимость княжеской власти и гибкость политики, проводимой в отношении тех, кто не принимал христианского вероучения, позволили древней Руси избежать тех жестоких социальных потрясений, которые испытали в X—XI веках другие страны Центральной и Восточной Европы, например, те же Венгрия, Польша?

Историки говорят о своеобразном «двоеверии» русских людей того времени. (Само это слово заимствовано из русских церковно-учительных сочинений XI—XII веков.) Христианство и язычество не просто уживались друг с другом, но проникали друг в друга. Старые языческие обряды постепенно наполнялись новым христианским содержанием; новое христианское мироощущение вытесняло старое языческое, хотя, естественно, и не до конца. Постепенно складывался

особый тип русского Православия, отличный от современного ему византийского.

Русь была крещена Владимиром. Но еще в течение долгого времени она медленно и постепенно сама шла к христианству и, в конце концов, вобрала его в себя. «Русь не просто приняла христианство — она полюбила его сердцем, она расположилась к нему душой, она излегла к нему всем лучшим своим. Она приняла его к себе в названье жителей, в пословицы и приметы, в строй мышления, в обязательный угол избы, его символ взяла себе во всеобщую охрану, его поименными святцами заменила всякий другой счетный календарь, весь план своей трудовой жизни, его храмам отдала лучшие места своих окружий, его службам — свои предрассветья, его постам — свою выдержку, его праздникам — свой досуг, его странникам — свой кров и хлебушек» [56].

Так писал Александр Исаевич Солженицын. Но это, конечно, могло случиться не сразу, а лишь столетия спустя после официального принятия христианства. И, разумеется, не в результате насильственного утверждения Христовой веры, а вследствие долгого *привыкания* к христианству, подлаживания его под себя, сроднения и сращения с ним.

Свержение идолов было лишь первой и далеко не самой трудной задачей, стоявшей перед Крестителем Руси. Гораздо труднее оказалось проникнуть в души людей. При князе Владимире началось просвещение Руси в привычном для нас, сегодняшнем значении этого слова. Вера мертва без подвижников, без людей, отдающих себя без остатка Богу. И Владимир сделал все для появления таких людей в своем отечестве. При нем возникают школы, начинается христианское *обучение* народа.

Владимир, «послав, начал забирать у нарочитой чади (то есть у знати, у «лучших людей». — *А. К.*) детей и начал отдавать их на учение книжное. Матери же детей этих плакали по ним, словно по мертвым, потому что не были еще тверды в вере», — писал летописец [57].

Плач «аки по мертвецы» — очень точное выражение. Ибо отроки, даже дети, вырванные из привычного для себя круга семьи, как бы умирали для своей прежней языческой жизни. (Заметим, что насилие, на этот раз явно проявленное Крестителем Руси, коснулось лишь социальных верхов общества — «нарочитой чади».) Это было уже не просто наложение знака креста или признание Христа еще одним, пусть даже самым могущественным богом, но подлинное возрождение нового поколения русских людей для новой христианской жизни.

Пройдет несколько десятилетий, вырастет это новое поколение — и Русь получит своих подвижников благочестия, светочей новой веры. К этому поколению детей Владимировой поры можно отнести, например, первого киевского митрополита из русских Илариона, автора гениального «Слова о законе и благодати». По своей образованности, писательскому и публицистическому дару он, несомненно, возвышался в кругу своих современников. Но «Слово» его обращено не к «несведущим», но «с преизбытком насытившимся книжной сладости», то есть к таким же, как он сам, образованным в христианстве людям.

К этому же поколению принадлежит и инок Антоний, уроженец Любеча, ставший впоследствии основателем Киевского Печерского монастыря и подлинным отцом русского монашества. Его младший современник и сподвижник — преподóбный Феодосий Печерский, чья юность прошла в другом княжеском городе, Курске, где будущий святой обучался грамоте и навыкам церковной жизни. Из того же поколения выйдут безвестные книжники киевского князя Ярослава Мудрого, заложившие основу книжной культуры древней Руси, а также строители величественных церквей в Киеве, Новгороде, Чернигове, Полоцке, художники-иконописцы, музыканты и многие другие.

Поистине можем и мы сказать вслед за летописцем:

«Так бывает: некто землю вспашет, другой засеет, иные же пожинают и едят пищу неоскудевающую. Так и здесь: Владимир землю вспахал и умягчил, то есть просветил ее крещением, сын его Ярослав засеял книжными словесами сердца людей правоверных, а мы пожинаем плоды, принимая учение книжное» [58].

Так принимала Русь христианство, таким непростым оказался выбор, сделанный Владимиром в Киеве и подтвержденный в Корсуни.

В древней Руси любили вспоминать евангельскую притчу о виноградаре, нанимавшем работников для работы в своем саду.

«Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой. И, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой». Выйдя из дома около третьего часа, а затем около шестого и девятого, он увидел работников и тоже позвал их в виноградник свой. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоявших праздно, и тоже сказал им: «Идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите». И когда наступил вечер, приказал господин раздать плату работникам своим, по динарию, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа

получили то же, что и пришедшие раньше (Мф. 20: 1—16).

Казалось, эта притча повествует о пришествии к Господу самой Русской земли. «Ибо поистине и эти (то есть русские. — *А. К.*) праздны были, служа идолам, а не Богу, сотворившему небо и землю, ибо лета свои проживали в прелести идольской... Но вот благоволил небесный Владыка... в последние дни милость проявить к ним и не дал им до конца погибнуть в прелести идольской», — восклицал диакон Нестор в «Чтении о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» [59]. Русские, пришедшие последними к служению Богу, поистине «работники одиннадцатого часа», ожидали теперь того же воздаяния, той же милости, что и ранее избранные народы. А может быть, даже и большей — ибо, по слову Господню, «будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20: 16) и «не вливают вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает» (Мф. 9: 17). Но новое учение — новые мехи, новые народы!

Крещение Руси представлялось древнерусским книжникам подлинным торжеством воплощения Божественного замысла, исполнением пророчеств, данных Господом через пророков своих:

«И скажу не Моему народу: «ты — Мой народ», а он скажет: Ты — мой Бог» (Осия. 2:23), — повторял Иларион слова пророка Осии. И еще: «Обнажил Господь святую мышцу Свою перед глазами всех народов; и все концы земли увидят спасение Бога нашего» (Исаия. 52:10). «Итак, будучи чуждыми, наречены мы народом Божиим... Сбылось на нас предреченное о язычниках». А это уже слова самого митрополита Илариона [60].

Ученые считают возможным говорить об особом «адоптионизме» русских христиан X—XI веков, их приверженности теории Божественного «усыновления» страны и народа, при котором Крещение не просто открывало путь к спасению, но оказывалось тождественным ему [61]. «Славный град Киев» оказывается под защитой и покровительством Господа и Пресвятой Богородицы. «Радуйся, град православный! Господь с тобою!» — перефразирует Иларион слова архангела Гавриила, обращенные к Деве Марии. И так же, как любой другой народ, русские имеют своего Крестителя и Апостола — святого князя Владимира Святославича, торжественный панегирик которому и составляет заключительную часть Иларионова «Слова».

Пройдет время, и эта идея особой близости к Богу русского народа станет одной из определяющих в русской духовной мысли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КИЕВ. ХРИСТИАНИН

Принятие христианства совершенно изменило князя Владимира. Он принял новую веру горячо, искренне, со всей страстностью своей незаурядной натуры. Причем принял не только внешние проявления новой религии — новые обряды, пышность и торжественность церковной службы, — но и новые для себя представления о добре и зле, грехе и добродетели, о ценностях видимого и невидимого мира.

Правда, было бы преувеличением утверждать вслед за авторами княжеских Житий, будто Владимир-христианин совсем уж ничем не походил на прежнего Владимира-язычника. Такое вряд ли возможно. Как мы увидим, внутренняя и внешняя политика князя, его отношение к родной державе не претерпели значительных изменений. Ибо правил Владимир «не в худой и не в неведомой земле», по замечательному выражению митрополита Илариона, «но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли»; он был не какой-то безродный, но «славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных», «внук старого Игоря и сын славного Святослава» и вовсе не собирался отказываться от исторического наследия своих предков. Его крещение стало в какой-то степени продолжением его прежней политики, направленной на упрочение его державы и укоренение его власти. В глазах подданных Владимир оставался полноправным князем, «великим каганом земли своей», обладавшим сверхъестественной силой, нисколько не уменьшившейся после его перехода под покровительство нового Бога.

Владимир пришел к Крещению не сразу, но вследствие долгого и трудного поиска своей веры, смысла и оправдания собственной жизни. И теперь, после принятия святого таин-

---

На рис. — изображение князя Владимира на сребренике I типа. Лицевая сторона.

ства, он ищет свой путь к Спасению. Христианство досталось ему, можно сказать, силой, в качестве своего рода военного трофея. И он спешит утвердить его в Русской земле как зримое свидетельство своей мощи, своего величия. И в то же время — не парадокс ли? — принимая нравственную, этическую сторону христианства, он готов разделить со своими подданными то, что имеет, поступиться материальными благами и даже частью своей собственной власти. Все его деяния — даже обычные, привычные для князя — наполняются теперь новым содержанием, приобретают новый смысл. Владимир пытается строить жизнь на основе евангельской заповеди — и, как мы увидим, зачастую ему удается это.

Торжество христианства над язычеством проявляется прежде всего в возведении храма, поставлении креста, сменяющего прежние языческие кумиры. Храмоздательство стало важнейшим государственным делом Крестителя Руси.

Уже вскоре после свержения идолов и крещения киевлян он ставит церковь на месте прежнего Перунова холма во имя своего небесного покровителя святого Василия. По-видимому, это был небольшой деревянный храм. Подлинным же памятником Крещению Руси стала соборная церковь Пресвятой Богородицы, получившая впоследствии название Десятинной. Владимир начал возводить ее, по-видимому, в 991 году [1].

Строили церковь греческие мастера, «каменосечцы» и «зиждители палат каменных», приглашенные Владимиром из Греческой земли, а украшали греческие же живописцы. Но в возведении храма участвовали и русские строители, о чем неоспоримо свидетельствуют кирпичи с изображением княжеского знака самого Владимира, найденные археологами при исследовании развалин церкви. К тому времени киевляне уже имели некоторый опыт каменного строительства, правда, исключительно гражданского, а не церковного.

Мы уже знаем, что Владимир не случайно выбрал место для возведения храма. Митрополит Иларион имел все основания воскликнуть впоследствии, что церковь поставлена поистине на «православном основании». Ибо храм был заложен «на крови» мучеников-варягов, отца и сына, погибших в разгар языческой реакции в Киеве в 983 году. Церковь стояла у самой линии прежних городских укреплений. Прежде чем начать работы, строителям пришлось засыпать древний ров, еще недавно служивший для защиты Киева от нападения неприятеля.

Храм строился несколько лет и был завершен лишь в 996 году [2]. Его освящали 12 мая. (Эта дата известна из древних

русских Прологов.) Владимир устроил грандиозный праздник в этот день и раздал щедрую милостыню. Праздник 12 мая символизировал своеобразную преемственность Руси и Византии: накануне, 11 мая, в христианском календаре отмечался день «бытия святого и богохранимого Константиноградa», то есть основания Константинополя, столицы всего христианского мира.

Древнейшие русские памятники называют киевскую церковь церковью Пресвятой Богородицы, без уточнения, какому именно празднику она была посвящена. Однако, судя по указаниям источников XVI века (Тверского летописца и отдельных списков Жития князя Владимира) [3], храм был посвящен Успению Божьей Матери. Этот праздник станет одним из главных в древней Руси, а Успенские церкви вознесутся впоследствии и в Киеве (главный храм Киевского Печерского монастыря), и в Ростове, и во Владимире-на-Клязьме, а затем и в Москве. Пресвятая Богородица, икона которой украшала Десятинную церковь, станет защитницей и покровительницей Киева и всей Русской земли.

Величественный, немногим уступавший размерами будущему Киевскому Софийскому собору, новый храм должен был производить неизгладимое впечатление на вчерашних язычников-киевлян, поражать их воображение и воочию свидетельствовать о величии христианского Бога. В памяти русских людей «Святая Богородица Десятинная» навсегда осталась чем-то совершенно необычным, непревзойденным: церковью «о полутретьятцати версех», то есть о двадцати пяти главах (несомненное преувеличение), называет ее неизвестный автор «Списка городов русских дальних и ближних», составленного в конце XIV века и дошедшего до нас в составе Новгородской Первой летописи младшего извода*.

Пышностью и великолепием поражало и внутреннее убранство храма — мраморные резные капители, мозаичная и фресковая живопись, о которой мы можем сегодня судить лишь по случайно дошедшим до нас фрагментам. Позднейший летописец, по-видимому, не сильно преувеличивал, на-

---

* Археологические изыскания показали, что первоначальная церковь Владимира представляла собой трехнефное шестистолпное здание с тремя апсидами с восточной стороны. В первой четверти XI века она подверглась значительной перестройке: с южной и северной сторон к храму пристроили обширные галереи, а также какие-то пристройки не вполне ясного назначения с западной стороны [4]. В 1039 году церковь была вторично освящена киевским митрополитом Феопемптом.

зывая церковь «мраморяной». Мозаичный пол, инкрустированный разноцветным мрамором, образовывал великолепный ковер, внутрь которого был вписан круг, или омфалий, выложенный концентрическими кругами разноцветного мрамора. (Фрагменты мозаичного пола Десятинной церкви также сохранились до настоящего времени.) В центре самого орнамента находился круг из порфира (пурпурного мрамора). По-видимому, этот орнамент повторял отделку полов не только византийских церквей, но и дворца византийских императоров в Константинополе и имел символическое значение. Из византийского придворного устава известно, что на порфирный круг — омфалий — в центре «зала Юстиниана» Константинопольского дворца имел право вступать ногой лишь сам василевс ромеев. Можно предположить, что повторение омфалия с пурпуром в середине в главном придворном храме Владимира свидетельствовало о стремлении князя перенести на свою землю элементы византийского придворного этикета.

Десятинная церковь стала подлинным средоточием Киева. Ее окружали каменные дворцы, в том числе дворец самого Владимира и, вероятно, княжеская «гридница» — место пиров князя и его дружины. Вблизи церкви образовалась целая площадь, ставшая центральной в «городе Владимира». Летописец называет ее «Бабиным торжком». Здесь стояли античные изваяния (по-видимому, и давшие название площади) и бронзовая квадрига коней, вывезенные Владимиром из Корсуни.

В саму же церковь, как мы уже знаем, Владимир передал святыни, которые также привез из Корсуни, — иконы, церковные сосуды, кресты, а также мощи святых Климента и Фива. Последние, внесенные в церковь, вероятно, в 1007 году, были положены в специально построенном приделе во имя святого Климента Римского [6]. Князь поручил церковь священникам-корсунянам, и прежде всего Анастасу, ставшему одним из главных его доверенных лиц. Анастас, в частности, распоряжался десятиной от всего «имения» князя, которую Владимир дал церкви для обеспечения ее нужд.

Летопись и Проложное сказание об освящении Десятинной церкви приводят молитву, с которой Владимир обратился к Богу после освящения храма:

«Господи Боже! Призри с небес и посети виноград Свой и сохрани то, что насадила десница Твоя, — новых людей, коих сердца обратил Ты в разум познать Тебя, Бога истинного. И призри на церковь Свою, которую создал я, недостойный раб Твой, во имя Родившей Тебя Матери приснодевой Богородицы.

И если кто помолится в церкви сей, то услышь молитву его и отпусти грехи его молитвы ради Пресвятой Богородицы» [7].

Церковь стала усыпальницей для всей семьи князя Владимира. Около 1000 года (или несколько позже) он перенес сюда мощи своей бабки, святой княгини Ольги. Обретенные нетленными мощи торжественно, «с фимиамом и псалмопением», были положены в небольшой каменный гроб и внесены в храм [8*]. Мних Иаков в «Памяти и похвале князю Владимиру» рассказывал о чуде, которое могли лицезреть верующие киевляне:

«В гробе, в котором лежит блаженное и честное тело блаженной княгини Ольги... сделано оконце, и через него видно тело блаженной Ольги, лежащее в целости. И если кто с верой придет, отворится оконце, и можно видеть честное тело, лежащее в целости, и удивляться чуду такому: столько лет в гробе лежит тело, не разрушаясь... А другим, тем, кто без веры приходит к гробу, не отворяется оконце, и нельзя им увидеть то честное тело, но только один гроб. Так прославил Бог рабу свою Ольгу, княгиню Русскую...» [9]

Прежняя неприязнь, которую питал Владимир к своей бабке, ушла. Дело просвещения Руси, начатое Ольгой, совершил теперь он сам — таков был несомненный смысл торжественного действа. Вероятно, с того времени день памяти княгини Ольги, 11 июля, стал отмечаться, по крайней мере, в самой Десятинной церкви.

В 1011 году в церкви была похоронена и супруга князя Владимира, «царица» Анна. Она также многое сделала для просвещения Русской земли. По свидетельству арабского историка Яхъи Антиохийского, Анна построила «многие церкви» на своей новой родине. Имя княгини Анны сохранено и в тексте Церковного устава князя Владимира. Пройдет четыре года, и рядом с Анной найдет последнее пристанище сам князь Владимир. (Тверской летописец сообщает о захоронении в Десятинной церкви в 1007 году еще и умерших ранее в Полоцке сына Владимира Изяслава и внука Всеслава; но это, вероятно, недоразумение позднейшего книжника [10].)

---

* В начале нашего века археологи обнаружили среди развалин Десятинной церкви шиферный саркофаг, богато украшенный резьбой, в котором, как полагают, и была похоронена святая княгиня. Ныне этот саркофаг хранится в Киевском Софийском музее-заповеднике. Замечу, однако, что, по мнению археологов, саркофаг находился вне Десятинной церкви Владимира, а именно с внешней стороны ее северной стены. Это противоречит указанию источников на захоронение Ольги в самом храме и как будто опровергает принадлежность саркофага именно ей.

Судьба же самой Десятинной церкви оказалась трагически связанной с судьбой Киева. Церковь просуществует два с половиной столетия. 6 декабря 1240 года, во время штурма Киева ордами монголо-татар, своды церкви обрушатся — то ли под тяжестью жителей, укрывшихся на них со всем своим скарбом, то ли под ударами стенобитных орудий. В течение последующих веков церковь будет представлять собой печальные, но в то же время величественные руины*.

В августе 996 года Владимир поставил еще одну церковь — во имя Преображения Господня в Василеве, в память о своем спасении от печенегов. Этот деревянный храм, по-видимому, был *обыденным*, то есть поставлен всего за один день: по свидетельству летописи, спасшись от печенегов в день Преображения 6 августа, Владимир сразу же поставляет церковь и празднует в Василеве восемь дней, щедро одаривая и угощая народ, но уже 15 августа, на Успение Божией Матери, возвращается в Киев [11]. Возможно, позднее деревянную церковь сменила каменная. Во всяком случае, так полагал автор Никоновской летописи: по его словам, «Владимир поставил каменную церковь и украсил ее иконами и всякой утварью».

Известны и другие церкви, поставленные самим Крестителем Руси, — прежде всего в Киеве и других княжеских городах, а также в его загородных резиденциях. Такова, наверное, церковь святого Василия в Вышгороде, возле которой впоследствии найдут пристанище убитые в кровопролитной смуте сыновья Владимира святые Борис и Глеб. Никоновская летопись называет еще церковь Преображения в Белгороде (996 год), а также каменные церкви апостолов Петра и Павла в Киеве и Воздвижения Честного Креста в Переяславле (обе 1008 год) [12]. Скорее всего именно Владимиром была поставлена церковь святых Апостолов в Берестовом, известная тем, что в ней служил в 40-е годы XI века будущий киевский митрополит Иларион. Наконец, есть основания полагать, что Владимир поставил в Киеве и первую деревянную церковь Святой Софии: о ее гибели во время пожара 1017 года сообщает Титмар Мерзебургский.

Легенда приписывает Владимиру личное участие в создании еще нескольких церквей — в Ростове, Владимире-на-

---

* В середине XVII века стараниями киевского митрополита Петра Могилы была поставлена небольшая церковь, занимавшая часть прежней. Старые стены Десятинной церкви домонгольской поры простояли до начала XIX века. В 1828—1842 годах архитектором В. П. Стасовым на этом месте был возведен храм Рождества Богородицы, выполненный в так называемом «русско-византийском стиле». Он был разрушен в 1935 году.

Клязьме и других городах. О степени достоверности таких преданий мы говорили в предыдущей главе книги.

Однако число церквей, поставленных в годы княжения Владимира, было несравненно большим. Младший современник Владимира епископ Титмар Мерзебургский писал в своей «Хронике» о том, что только в одном Киеве к 1018 году насчитывалось более четырехсот (!) церквей [13]. И у нас нет оснований не доверять немецкому хронисту. Очевидно, что в это число вошли не только приходские, но и домашние церкви киевлян. А таковых становилось все больше: соратники и сотрудники Владимира, подражая князю, сооружали небольшие церковки на своих «дворах» и обеспечивали их всем необходимым. Но среди более чем четырехсот киевских церквей были, конечно, и приходские, и соборные — как, например, Десятинная церковь и, может быть, Софийская.

При Владимире появились и первые русские монастыри — вероятно, княжеские, находившиеся также на его полном обеспечении.

Церковь для верующего — вместилище Бога, незримо пребывающего в ней, «другое небо», явившееся на земле. Так смотрели на нее вчерашние язычники, какими были и сам Владимир, и подавляющее большинство его подданных. Именно в церкви перед ними представали лики Господа и Его святых (наиболее очевидная и воспринимаемая замена прежних языческих кумиров); именно в церкви они могли обратиться к Богу за помощью и поддержкой. Церковь напоминала о временной суетности человеческой жизни и о вечности, ожидавшей за нею, о посмертном воздаянии за грех и добродетель (чего совершенно не знало язычество). По способам воздействия на души людей христианская церковь, несомненно, опережала прежние языческие культы.

Однако долго еще в нашей истории церкви стояли по преимуществу пустыми. «Если плясуны, или гудцы, или иной кто из игрецов позовет на игрище или на какое сборище идольское, то все устремляются туда, радуясь... Когда же приглашают нас в церковь, то мы позевываем, и почесываемся, и потягиваемся, и так говорим: «Дождь», или: «Холодно», или по-другому как леностно... В церкви и крыша, и ветра нет — и не хотят придти на проповедь, ленятся», — сетовал некий русский книжник XII или XIII века. «А церкви пусты стоят; когда приходит время молитвы, мало молящихся оказывается в церкви», — восклицал другой ревнитель правой веры, автор Поучения «о казнях Божиих», включенного в «Повесть временных лет» под 1068 годом [14].

Постепенно, далеко не сразу, заполнялись церкви в Киеве и других городах и весях Руси — сначала представителями высших слоев русского общества, князьями да боярами, и лишь затем «простой чадью».

Но Владимир строил храм в том числе (и, может быть, прежде всего) для себя. Он, несомненно, любил бывать здесь. Церковь становилась местом его раздумий, непрекращающейся беседы с Богом. Мы помним, какое впечатление некогда оказала на него картина Страшного суда, увиденная впервые на полотнище греческого философа. Теперь князь мог наблюдать ее в церкви. Владимир, по-видимому, так и не обучился чтению. (Ему это было и не нужно, поскольку рядом всегда находился священник с Божественными книгами наготове.) Он воспринимал Слово Божие на слух и прежде всего в храме. И не просто воспринимал, но многое буквально принимал к исполнению.

Так, Владимир, кажется, полностью отказался от своего многочисленного гарема (что, замечу, вовсе не обязательно делали славянские князья, даже принимая крещение). Согласно позднему преданию, князь предоставил своим женам самим избрать себе в мужья княжеских «вельмож», не обремененных еще узами брака. Тверской летописец приводит красивую легенду о Рогнеде, так будто бы ответившей на предложение Владимира: «Я, быв царицею, не хочу рабой быть земному царю или князю, но уневеститься хочу Христу и восприму ангельский образ». Бывший возле матери Ярослав при этих словах внезапно исцелился от своего недуга (хромоты) и встал на ноги, чего ранее сделать не мог. (Ярослав действительно страдал с детства болезнью ног.) Так Рогнеда стала монахиней (но по своей ли воле, или по воле супруга, неизвестно) и получила в иночестве новое имя — Анастасия [15].

Отголоски того же предания были записаны учеными в XIX веке и в Белоруссии: Рогнеда будто бы жила в городе Изяславле, построенном Владимиром для нее и для ее сына Изяслава, и приняла пострижение здесь же, в основанном ею монастыре. Этот Изяславский монастырь и стал центром распространения христианства в Полоцком крае. (Заметим, что вблизи монастыря в XIX веке находилось озеро, известное среди местных жителей под именем «Рогнедь», то есть Рогнединого [16].)

Конечно, мы не знаем, остался ли Владимир верен Анне, своей единственной теперь законной супруге, и вправду ли полюбил ее. За двадцать два года совместной жизни Анна, кажется, не принесла ему ни одного сына, но лишь дочерей (или, может быть, даже всего одну дочь, Марию). Но Влади-

мир имел уже двенадцать сыновей, что было вполне достаточно для него, и мог не требовать от супруги большего, чем та могла ему дать. По крайней мере, он считался с ее мнением и, вероятно, не только этикета ради поставил ее имя в подтвердительную грамоту о церковных судах, легшую в основу позднейшего Устава князя Владимира. («Се яз, князь Володимир, сгадал есми с своею княгинею Анною и с своими детми...», — так, кажется, начинался ее текст [17].)

Анна была и связующим звеном между его державой и Византийской империей, залогом мира двух государств. Ее царственное происхождение в глазах современников делало царем и его самого. Будучи зятем правящих в Константинополе императоров, Владимир претендовал на одно из самых высоких мест среди христианских государей Европы.

Вероятно, вскоре после женитьбы на Анне Владимир начинает чеканить в Киеве свои монеты — «златники» и «сребреники». Они были нужны не для участия в денежном обращении, но как своего рода памятник, прославляющий и возвеличивающий князя-христианина. Известно несколько типов таких монет; большинство появилось уже позднее, вероятно, в связи с новым браком Владимира, то есть в последние годы его жизни.

Замечательно, что Владимир изображен на монетах во всем подобным императорам — в императорском облачении (длинной рубахе, украшенной узорчатой полосой или бахромой до подола, длинном плаще, также украшенном орнаментом по краю и скрепленном у правого плеча фибулой-застежкой), в шапке с подвесками, увенчанной крестом. В руках он держит крест и восседает на престоле. Вокруг головы князя изображен нимб — символ царского величия. (На византийских монетах он являлся обязательной принадлежностью императора [18].) Можно думать, что Владимир не получил официального титула «цесаря» (царя), признанного Византией. Летопись, официальные русские источники именуют его «князем», митрополит Иларион — «каганом». Но как зять василевсов Владимир был вправе претендовать и на цесарский титул*. Не случайно, наверное, арабские историки Яхъя Антиохийский, Абу-Шоджа и Ибн ал-Атир именуют его «царем» — так же, как византийского императора. Не случай-

---

* Известно, что в XII веке титул «кесаря» («цесаря», или царя) получали иностранные правители, породнившиеся с правящей в Византии династией — например, норманнский принц Рожер, женившийся на дочери императора Иоанна Комнина, и венгерский князь Бела, взявший в жены дочь императора Мануила Комнина [19].

но и появление императорских регалий, прежде всего нимба, на его монетах. (Замечу, что нимб является лишь на позднейших типах «сребреников» Владимира, которые исследователи датируют последними годами его княжения [20]. Вероятно, именно в это время усиливаются амбиции Владимира и его притязания на равенство с императорами Византии.) Не случайно, наконец, и то, что «царем» — правда, тоже неофициально — называли и сына Владимира Ярослава (так он именован в надписи-граффити Киевского Софийского собора, сообщающей о его смерти.

После кончины Анны, случившейся в 1011 году, Владимир женился еще раз, что вовсе не удивительно, а даже почти обязательно для князя. Русские источники, однако, ни словом не обмолвились об этом важном событии в его жизни, и мы узнаем о нем лишь из обмолвки Титмара Мерзебургского, который, описывая войну между Болеславом Польским и князем Ярославом Владимировичем, упомянул о «мачехе» последнего, попавшей в плен к польскому князю [21]. Кем была эта недолгая супруга князя Владимира и родила ли она детей князю, неизвестно*.

Удивительно другое. В последние десятилетия жизни, в соответствии с новыми для себя нормами христианской морали, Владимир обуздывает свои «низменные» чувственные стремления, в прямом смысле слова укрощает свою плоть. Титмар Мерзебургский, в целом весьма неблагожелательно настроенный по отношению к киевскому князю и много наслышанный о его «жестоком» распутстве, сообщает следующее:

«Упомянутый король (то есть Владимир. — *А. К.*) носил венерин набедренник (lumbare venerium), усугублявший его врожденную склонность к блуду» [22].

Столь интимную подробность немецкий хронист скорее всего узнал от самих русских, оказавшихся на Западе во время бурных событий русской междуусобной войны 1015—1018 годов. Но повязка на чреслах, конечно, должна была не возбуждать, а, напротив, усмирять Владимира, подобно веригам современных ему монахов-аскетов. Показательно, что и сам Титмар связывает ношение Владимиром повязки с буквальным исполнением евангельской

---

* Долгое время в отечественной науке считалось, что новой супругой Владимира стала некая немка, дочь графа Куно фон Энингена и внучка императора Оттона Великого, о чем, казалось, косвенно свидетельствовали данные так называемой Генеалогии Вельфов и Истории Вельфов (обе составлены в XII веке). Однако сейчас это мнение признается несостоятельным. (См. прим. 7 к главе четвертой.)

заповеди: «Да будут чресла ваши препоясаны, и светильники горящи» (Лк. 12, 35), только неправильно понятой князем. «Спаситель наш Христос, заповедав нам препоясывать чресла, обильный источник губительных излишеств, разумел воздержание, а не какой-либо соблазн», — укоризненно замечает он.

Стремление к буквальному исполнению евангельских заповедей становится отличительной чертой Владимира-христианина. Наиболее ярко это проявляется в его милосердии и нищелюбии.

«Услыхав от своих проповедников о горящем светильнике, — продолжает рассказ Титмар Мерзебургский, — названный король смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни. Ибо написано: подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто» (Лк. 11, 41).

Слова Титмара удивительно близки к тому, что рассказывают о Владимире русские авторы.

«Любил князь Владимир словеса книжные, — читаем мы в «Повести временных лет», — и услышал однажды евангельское чтение: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7); и еще: «Продавайте имения ваши и давайте нищим» (Лк. 12, 33); и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут» (Мф. 6, 19). И услышал слова Давида, сказавшего: «Блажен муж, который милует и взаймы дает» (ср. Пс. 111, 15); и слова Соломона: «Дающий нищему дает взаймы Богу» (ср. Притч. 19, 17). И услышав все это, повелел всякому нищему и убогому приходить на двор княжеский и брать все, что необходимо: питье, и еду, и из казны деньгами. Устроив же это, так сказал: «Немощные и больные не могут добраться до двора моего». И повелел снарядить телеги и, положив на них хлебы, мясо, рыбы, овощи различные, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной или нищий, не могущий ходить?» И тем раздавать все, что им нужно» [23].

«Не могу сказать о всей его милости, — вторит летописцу Иаков мних. — Не только в дому своем милостыню творил, но и по всему городу, и не в Киеве одном, но по всей земле Русской — и в городах, и в селах — везде милостыню творил: нагих одевая, алчущих насыщая, жаждущих напояя, странников одаривая милостью, церковников почитая, и любя, и милуя, подавая требуемое, нищих, и сирот, и вдовиц, и слепых, и хромых, и больных — всех милуя, и одевая, и насыщая, и напояя. И так пребывал князь Владимир в добрых делах...» [24].

Это был не только личный подвиг князя Владимира, искавшего собственного спасения в будущей жизни, но распространение христианской добродетели на всю Русь, подвластную ему как князю. Он не просто подавал щедрую милостыню, но пытался дать каждому «потребное», то есть все, в чем тот нуждался, буквально исполняя тем самым евангельскую заповедь братства и общности имущества. Как обращенные к нему лично воспринимает он слова пророка Даниила, произнесенные некогда для Навуходоносора, царя Вавилонского: «Да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным» (Дан. 4, 24)*. «Слыша это, — восклицает Иларион, патетически обращаясь к самому Владимиру, — не довольствовался ты только слышанием, но на деле исполнил сказанное, просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящих утешением всяческим утешая, должников искупая, рабам даруя свободу. И щедроты и милости твои и поныне поминаются в народе, но тем более — пред Богом и ангелом Его» [25].

И не таким ли путем утверждались христианские нормы жизни, христианские ценности, христианская мораль в русском обществе? Нищелюбия, милости и милостыни будут ожидать от каждого властителя, правящего Русью. И эти добродетели станут обязательными для большинства русских князей и царей. Но, пожалуй, никогда более благотворительность, филантропия не достигнут у нас таких всеобъемлющих, поистине евангельских масштабов, как в первые десятилетия после Крещения.

Даже в области права Владимир пытается установить евангельские нормы всепрощения. Летописец так рассказывает об этом:

«Жил Владимир в страхе Божьем. И весьма умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Умножились разбойники, почему не казнишь их?» Он же отвечал: «Боюсь греха». Они же сказали: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милость. Подобает тебе казнить разбойников, но с испытанием...»

Мы еще будем говорить о той попытке радикальной судебной реформы, которую предпринял Владимир. Ее смысл

---

* Митрополит Иларион, цитируя книгу пророка Даниила в своем рассказе о добродетелях Владимира, несколько переиначивает ее текст: «Совет мой да будет благоугоден тебе, царю Навуходоносоре: искупи грехи твои милостынями и беззакония твои щедротами к нищим».

не вполне ясен и по-разному понимается учеными. Но внутренние, духовные сомнения Владимира угадываются вполне определенно. «Боюсь греха», — говорит он епископам, очевидно, буквально понимая евангельские заповеди «не убий» и «возлюбите врагов ваших». «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5, 5). Но власть и кротость несовместны. Наверное, Владимир пережил в душе настоящую драму: евангельская заповедь всепрощения оказалась в прямом противоречии с заповедью государственного, княжеского правосудия. И государственный интерес, как и следовало ожидать, пересилил. «Поставлен ты от Бога на казнь злым, а добрым на милость», — увещевают Владимира епископы-греки, всегда готовые к истолкованию Слова Божия. Внутренний конфликт в душе Владимира, кажется, разрешен; но он не исчезнет до конца и будет накладывать отпечаток на все последующее княжение Владимира [26].

Такое буквальное понимание евангельской заповеди, по-видимому, характерно для человека, только что обратившегося к христианству. Оно отражает не столько глубину, сколько новизну восприятия христианского учения. Владимир принимает новую для себя систему ценностей, полностью меняющую его представления о мире, новые христианские нормы поведения. Но новое естественным образом накладывается на старое, привычное для него, в какой-то степени приспосабливается к нему.

Так, широкая благотворительность Владимира, обильная милостыня, стремление накормить и напоить каждого отнюдь не явились чем-то совершенно необычным для древней Руси. Евангельские заповеди милосердия и единения верующих наложились на прежние представления славян о единении князя с подвластной ему землей, о щедрости как одной из необходимых добродетелей князя и изобилии как проявлении дарованной ему свыше сверхъестественной силы. В языческие времена это проявлялось и в совместной трапезе с обязательным, ритуальным участием князя, и в особом покровительстве князя собственной дружине, и в праве миловать «изгоев», то есть людей, оказавшихся вне общества, вне какой-либо социальной защиты.

Совместные трапезы князя с дружиной и с «землею» («старцами») сохраняются и после Крещения Руси и даже приобретают в это время еще больший размах. Но они также наполняются совершенно новым содержанием — уже как празднования новых для Руси христианских праздников. Вот

как описывает летописец праздник, устроенный князем Владимиром в Василеве и Киеве в августе 996 года, после счастливого для него избавления от печенегов и построения Василевской церкви:

«Избегнув опасности, Владимир поставил церковь и устроил великий праздник, наварив меду триста провар. И созвал бояр своих, и посадников, и старейшин из всех городов, и людей многих, и раздал убогим триста гривен. И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев на Успение святой Богородицы*, и здесь снова устроил праздник великий, созвав бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался Владимир душою и телом. И творил так по вся лета...» [27].

Пышные празднования самому Спасу (Преображение Господне 6 августа) и Божьей Матери (Успение 15 августа) становятся с этого времени ежегодными и едва ли не главными в христианском календаре древней Руси. (По крайней мере, именно их выделяет летописец.) Но Владимиру этого мало.

«И еще нечто большее делал он для людей своих, — продолжает рассказ о Владимире-христианине летописец. — Каждое воскресенье на дворе своем, в гриднице, установил устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям (дружинникам. — *А. К.*), и сотским, и десятским, и нарочитым мужам — при князе и без князя».

Угощение на этих пирах было исключительно богатым, как и в прежние языческие времена. Но Владимир уже не всегда сам участвует в пиршестве, заботясь более о насыщении дружины.

Пиры для Владимира по-прежнему остаются в первую очередь делом государственным. На них князь все так же чествует дружину и «думает» с нею о «строе земляном, и о ратях, и о уставе земляном», то есть об управлении подвластной ему землею, о войнах и о законах. «Старцы градские» по-прежнему участвуют в княжеских празднествах, решая на них важные вопросы государственной жизни и вместе с тем принимая на себя ответственность за все, что сделает князь.

Особую заботу князь проявляет о Церкви, появившейся на Руси после Крещения. Епископы и священники придворных княжеских церквей становятся еще одними его советчиками, «думцами». Правда, мы не встретим их среди участников княжеских пиров: разгул

---

* В X и XI веках на Руси еще не утвердился Успенский пост.

всеобщего веселья казался непристойным лицам духовного звания*.

Место священника в храме, но также и в палате Владимира, куда иереи и иерархи — на этот раз вместе с ближайшими дружинниками и «старцами» — приходят подать князю совет не только о духовных, но и о вполне мирских делах. О «сънемах» (советах) Владимира с «новыми отцами нашими епископами» вспоминал позднее митрополит Иларион [28]: на этих встречах князь советовался о том, как «уставить закон народу, новопознавшему Господа».

Следы некоторых установлений Владимира отыскиваются в памятниках древнерусской письменности.

Так, князь Владимир изыскивает возможность включить Церковь в уже сложившуюся структуру государственной власти, обеспечить ее материально. В 995 или 996 году, после освящения Киевской церкви Пресвятой Богородицы, князь вручает ей «десятину» от всего своего имущества.

«Се даю церкви сей Святой Богородице от имения моего и от град моих десятую часть», — такие слова, по летописи, произносит он в самом храме. «И установив так, написал клятву в церкви сей, сказав: «Если же кто осудит это, то будет проклят». И дал десятину Анастасу Корсунянину, и сотворил праздник великий в тот день» [29].

Судя по дошедшему до нас более раннему тексту летописной статьи 996 года, отразившемуся в Проложном сказании об освящении Десятинной церкви и в «Слове о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь», «проклятие» Владимира появилось позже, уже при обработке летописи, вероятно, в 70—80-е годы XI века. Но само «установление» Владимира едва ли не передано буквально. Позднее такая же десятина была установлена и для соборных церквей других русских городов, прежде всего для епископских кафедр.

О том, что представляла собой церковная десятина, мы узнаем из более поздних источников XI—XIII веков. Князь отчислял в пользу Церкви десятину «от всего, что входит в княжеский двор», — «от всех скот своих и от жита на вся лета», «и от лова княжа», «от злата и серебра и от кун» (денег), а также десятую часть получаемых им государственных дохо-

---

* Грек митрополит Иоанн, занимавший киевскую кафедру в 80-е годы XI века, так рекомендовал поступать иереям: если уж им случилось оказаться на мирском пиру, то они должны «благообразно и с благословением» принять предложенное угощение; но когда войдут скоморохи с «играньем, и плясаньем, и гуденьем», подобает встать и удалиться, «да не осквернят чувства виденьем и слышаньем». Наверное, так поступали и священники-сотрапезники Владимира.

дов — десятину «от даней», и «от всякого княжа суда десятую векшу»*, и «с торга десятую неделю» (то есть торговую пошлину, которую каждый десятый торг должен был собирать епископский или митрополичий «пристав»), «а из домов, на всякое лето, десятое от всякого стада и от всякого жита» [30].

Для иерархов-греков такая форма обеспечения их существования должна была казаться, по меньшей мере, необычной. Дело в том, что ни Восточная, ни Западная церкви десятины не знали**. Устанавливая ее, Владимир, вероятно, руководствовался библейской заповедью, отраженной еще в Моисеевом законе и подтвержденной Евангелием: «И всякая десятина на земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу... И всякую десятину из мелкого и крупного скота... должно посвящать Господу» (Лев. 27, 30—33). Мних Иаков, рассказав об учреждении десятины, объяснил ее исполнением и евангельской заповеди: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). «Блаженный князь Владимир сокровище свое на небесах имеет, сокрытое в милостыне и добрых своих делах, — там и сердце его в Царстве небесном», — восклицал агиограф.

Но не Владимир явился изобретателем этого церковного института. Десятина была хорошо известна в других славянских странах — прежде всего в Чехии и Польше, принявших христианство раньше Руси, — и притом именно в первые века их христианской истории. Тамошние правители также передавали Церкви десятую долю государственных доходов — даней, судебных штрафов, торговых сборов и т. п. Современные историки склонны считать, что славянская десятина имеет еще дохристианские корни и первоначально являлась способом обеспечения древних языческих культов [31]. Так, по свидетельству немецких хронистов (Гельмольда, Саксона Грамматика), десятую часть добычи еще в XII веке получали языческие святилища балтийских славян — бога Свентовита в Арконе и Триглава в Щецине. Возможно, такой же способ обеспечения волхвов и обслуживаемых ими капищ существовал и в древней Руси и был знаком князю Владимиру. Впрочем, учитывая роль славян-христиан в распространении христианства в русских землях, можно предположить, что церковная десятина была занесена к нам непосредственно из

---

* Векша — шкурка белки, служившая также единицей денежного счета в древней Руси.

** Десятина существовала на латинском Западе — но в форме отчислений в пользу Церкви десятой доли личных доходов верующих. Византийская церковь не знала подобного института.

Чехии или Польши. Так или иначе, но Владимир чрезвычайно удачно использовал готовый славянский опыт (языческий или, может быть, уже христианский), облек его в приличествующую библейским заповедям форму и создал государственную систему, прижившуюся на Руси и надолго определившую положение Церкви в государстве. Служители Церкви, предстательствующие в своих молитвах за князя и за всю Русскую землю перед Богом, получили и свою долю государственного дохода наравне с другими структурами государственной власти (дружиной и княжеской администрацией).

До нас дошел так называемый «Устав князя Владимира о церковных судах и о десятинах», сохранившийся в огромном количестве списков (более двухсот) и во множестве редакций и переработок. Этот Устав составлен много позже Владимира, не ранее XII или даже XIII века, однако в его основе, по-видимому, лежит некая грамота, содержащая перечень «церковных судов», возможно, относящаяся ко времени княжения Владимира*. (Во всяком случае, в середине XI века, при князе Ярославе Владимировиче, в Киеве был составлен значительно более развернутый перечень преступлений, находившихся в ведении церковного суда; позднее из него разовьется Церковный устав князя Ярослава Мудрого.) Устав Владимира, или, точнее, те установления, которые легли в его основу, представляли собой совершенно новое явление для древней Руси. Русь Владимировой поры знала княжеский суд. Он брал на себя прежде всего решение тех спорных вопросов, которые выходили за рамки обычных споров и конфликтов, разрешавшихся внутри общества на основе «обычного» права без какого-либо вмешательства князя. Теперь же, наряду с княжеским, возникал и церковный суд. В его ведении прежде

---

* Подробный рассказ об обстоятельствах составления Устава («Завета Володимирова») читается в Летописце Переяславля Суздальского под 996 годом. В это время или, вернее, несколько позже («та же потом») князь «нача болети и разболеся» и, призвав к себе сына Бориса и супругу Анну, утвердил «суды церковные», в которые «царю и князю не вступатися», ссылаясь при этом на «Номоканон греческий» (сборник церковных правил и установлений). Далее в Летописце следует полный текст «Завета» [32]. Однако совершенно очевидно, что этот рассказ появился в летописи под прямым влиянием самого Устава («Завета») Владимира — в последнем также фигурируют и «княгиня Анна и с детми», и «греческий намаканун», в который «воззрех» князь. Думаю, что и рассказ о болезни, случившейся с Владимиром вскоре после 996 года, возник под пером позднейшего летописца под влиянием известного рассказа «Повести временных лет» о болезни князя в 1015 году (отсюда известие о «призвании» Владимиром сына Бориса) и, следовательно не несет в себе каких-либо биографических подробностей.

всего оказывалась частная жизнь семьи — то есть та сфера, которой ранее вовсе не касалась публичная (княжеская) власть. К ведению церковного суда были отнесены такие нарушения христианских норм, как «умыкание» невесты (прежний, языческий способ заключения брака), двоеженство, заключение брака между лицами, находящимися в близких степенях родства, разводы («роспусты»), изнасилование («пошибание»), имущественные споры между супругами (очевидно, возникавшие при разводе), побои и драки в семье («иже отца и матерь бьють, или сын и дочи бьется»), а также «ведовство», «еретичество» и некоторые другие дела. «Сих судов не подобно судити князю, ни боярам, ни судиям его» [33].

Перечень дел, находившихся в ведении Церкви, со временем пополнялся, но исключительно за счет тех областей права, в которые ранее княжеская власть не вмешивалась. Церковный устав и «Русская Правда» (свод княжеских законов и установлений) в XI—XIII веках будут дополнять друг друга, но не пересекаться между собой. Так Церковь заняла свое место и в правовой системе общества как одно из звеньев государственной власти и государственного порядка.

Конечно, возможности церковного суда во времена Владимира, да и позже, были ограничены. Христианский брак, например, еще и через сто лет после Крещения Руси совершенно не утвердился в русском обществе. «Одни бояре и князья в церкви венчаются; простые же люди жен своих, словно наложниц, поимают, с плясаньем, и гуденьем, и плесканьем», — сетовал в 80-е годы XI века киевский митрополит Иоанн II; он же указывал, как именно следует поступать с таковыми «простецами» и «невежами», избегавшими христианского обряда: «Если же помимо Божественной церкви и без благословения свадьба происходит, то наречется это *тайнопоимание*. Тому, кто таким образом сочетается, давать епитимью как блуднику» [34]. Но понятно, что искреннее исполнение накладываемой священником епитимии возможно было лишь со стороны человека, действительно осознавшего свое прегрешение. Наверное, поэтому Устав о церковных судах князя Ярослава (XI—XII века) в большинстве статей предусматривает за правонарушения, подведомственные церковному суду, денежные штрафы и гораздо реже — епитимии; в особых случаях (когда задевались честь и достоинство бояр или «добрых людей») вмешивалась и княжеская власть: «а князь казнит», — так заканчиваются некоторые статьи Устава [35].

О митрополичьем суде во времена Владимира рассказывает позднейшая Никоновская летопись в летописной статье

под условным 1004 годом*: «В том году митрополит Леонт посадил в темницу инока Андреяна скопца. Ибо укорял тот церковные законы, и епископов, и пресвитеров, и иноков. И понемногу исправился, и пришел к покаянию и к познанию истины, так что многие удивлялись кротости его, и смирению, и умилению» [36].

Достоверность этого рассказа вызывает большие сомнения. И касается это не только имени митрополита Леона (Леонта), но и всего его содержания. Очевидно, в «деле Андреяна скопца» отразилась борьба с еретическими или скорее даже нестяжательскими течениями в Русской церкви уже в XVI веке, когда составлялся сам Никоновский свод. Пафос рассказа — в осуждении и раскаянии еретика, ставящего под сомнение «церковные законы» и церковную иерархию, что вряд ли было характерно для времени Владимира. (Откуда извлек составитель летописи имя «Андреяна скопца», остается неизвестным.)

Со временем юрисдикция Церкви стала распространяться и на отдельные категории населения, подсудные церковному суду уже по всем вопросам. «Митрополичьи люди церковные: игумен и игуменья, поп, попадья, попович, чернец, черница, дьякон, жена дьяконова, проскурница, пономарь, вдовица, калика, сторонник (странник. — *А. К.*), задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк и все причетники церковные. Если кто из них провинится, судить тех митрополиту и епископам без мирян», — так звучала эта статья в одной из ранних редакций Устава Владимира, относящейся к XII или XIII веку [37]. Но практика выделения «церковных людей», несомненно, появилась еще раньше. Церковь брала под свое покровительство не только «людей церковных» в полном смысле этого слова (клирошан и членов их семей, а также иноков и инокинь), но и людей обездоленных, не имеющих средств к существованию, находившихся ранее под покровительством князя, — либо недужных («хромец», «слепец»), либо оказавшихся по той или иной причине вне своего «мира»: таковы «вдовица», «калика» (паломник), «сторонник», а также «задушные люди» — бывшие в рабстве, но отпущенные на волю по завещанию их умершего владельца, «на помин души».

---

* Хронологическая сетка Никоновской летописи сбита по сравнению с «Повестью временных лет»: позднейший летописец, по-видимому, считал возможным вставлять события, о которых хотел рассказать, в летописные статьи под теми годами, которые были оставлены пустыми в предшествующих летописных сводах.

Впоследствии при церквах и монастырях появятся «больницы», «гостинницы», «странноприимицы» — то есть разного рода благотворительные заведения, прообраз будущих богаделен. Княжеская власть не вмешивалась в их деятельность. Но, вручая десятину Церкви, князь тем самым давал ей возможность поддержать наиболее нуждавшиеся слои населения и, таким образом, выполнить еще одну, важнейшую функцию в государстве.

Однако было бы большим упрощением говорить об эпохе Владимира как о времени социальной безмятежности и всеобщего умиротворения в обществе. Скорее наоборот. Это действительно было время консолидации русского общества, его государственного обустройства, но вместе с тем и время ломки старого, привычного, основанного на кровнородственных и племенных отношениях порядка. Княжеская власть, а затем и Церковь все в большей степени вмешивались во внутреннюю жизнь славянского мира; появляющийся государственный аппарат нуждался во все больших средствах для своего функционирования; грандиозные замыслы князя требовали все больших материальных затрат и, главное, «воев» — а и то, и другое могла дать только община. В эти годы увеличивается число княжеских городов, возникавших в качестве оплотов княжеской власти и княжеского влияния и противостоявших старым племенным центрам. Князь заселял их людьми, «выведенными» с прежних мест обитания. (Так, крепости по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, поставленные Владимиром для защиты от печенегов, заселялись «лучшими людьми» из новгородских словен, кривичей, вятичей и чуди.) Политика Владимира, несомненно, отвечала государственным интересам Руси, но задевала судьбы отдельных людей, отдельных семейств и общин. Не случайно в источниках, повествующих о времени Владимира, все чаще мелькают «нищие и убогие», «алчущие и жаждущие», «должники» и «работные» (рабы, или, как будут их называть на Руси, «холопы») — причем уже не только из пленных чужеземцев, но и из своих, местных.

Милосердие и нищелюбие Владимира в значительной степени явились следствием именно этого обострения социальных отношений, попыткой княжеской власти смягчить болезненную для общества ломку прежнего общественного строя.

Как это часто бывает, социальные коллизии сопровождались разного рода бедствиями для народа. Главным из них,

несомненно, стали нашествия печенегов, потрясшие Русь в конце X — начале XI века. По-видимому, в эти годы к ним прибавились и природные катаклизмы. Отрывочные сведения о необычных явлениях природы попали на страницы поздней Никоновской летописи, а также других летописных сводов, в том числе отразившихся в «Истории» В. Н. Татищева.

После благоприятного 990 года («в том же году умножение всяческих плодов было и тишина велия отовсюду») наступил 991 год, в который случилось наводнение, принесшее «много зла». В 994 году «была сухмень великая» и «жары вельми тяжкие», от которых «погибли жита в полях на многих местах». Под 1000 годом летописец отмечает «поводь велию», а два года спустя — «дожди мнози». Год 1003, казалось, позволил земледельцу наконец вздохнуть с облегчением, поскольку отмечен был «умножением плодов всяких». Но уже в 1005 году Европу поразили голод и мор, вероятно, затронувшие и Русь. Год 1008 отмечен небывалым нашествием саранчи [38].

Неизбежным следствием природных и социальных потрясений становились «разбои», об умножении которых в годы княжения Владимира мы уже говорили на страницах книги. Обнищавшие и просто «лихие» люди нападали на «имения» князя, грабили проезжих на дорогах, затерянных на бескрайних пространствах Руси, насильничали, разоряли отдельные селения и, может быть, даже города. Память об этих напастях сохранилась в русских «старинах». Среди богатырских подвигов былинных сподвижников Красного Солнышка Владимира значатся не только схватки с врагами, нападавшими на Русь, но и очищение дорог «непроезжих» от «злых разбойников», не дававших ходу «ни пешему, ни конному». Об одном таком разбойнике рассказывает Никоновская летопись под опять же условным 1008 годом:

«В том же году схватили некоей хитростью славного разбойника по имени Могут. И когда стал тот перед Владимиром, вскричал страшно и много слез пролил, так говоря: «Даю тебе, о Владимир, поручника по себе, Господа Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу, что отныне никогда уже не сотворю зла перед Богом и перед людьми, но буду в покаянии до конца жизни!» И услышав это, умилился Владимир душою и сердцем и послал его к отцу своему митрополиту Ивану — да пребудет в дому его, никогда не выходя из него. Могут же, храня заповедь, никогда не исходил из дома митрополичьего, и пожил крепким и жестоким житием, и умиления и смирения много проявил, и, провидя смерть свою, с миром почил о Господе» [39].

«Зело воскричавший» пред князем «славный разбойник» Могут живо напоминает нам былинного Соловья-разбойника, привезенного в Киев к князю Владимиру знаменитым Ильей Муромцем. Как и Соловей, Могут вряд ли является исторической личностью, но скорее героем какой-то былины, услышанной в XVI веке составителем летописи. Последний, по-видимому, лишь обработал ее в христианском духе и снабдил благопристойной концовкой. Но само появление былинных разбойников на княжеском суде пред очами княжескими едва ли случайно. Князь Владимир Святославич, как и его былинный прототип Владимир Красное Солнышко, стремился положить конец бесчинству, навести порядок в подвластных ему землях.

Однако поначалу он делал это не слишком решительно — «ослабев в наказании злодеев», по замечанию В. Н. Татищева, чрез что «умножились разбои и грабительства».

Мы уже приводили начало летописного рассказа о «казнях» Владимира, помещенного в «Повести временных лет» под 996 годом*. Процитируем его еще раз, теперь уже целиком.

«...Весьма умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Умножились разбойники, почему не казнишь их?» Он же отвечал: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милость. Подобает тебе казнить разбойников, но с испытанием». Владимир отверг виры и начал казнить разбойников. И сказали епископы и старцы: «Много войн. Была бы вира, пошла бы на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Будет так». И жил Владимир по заветам отца и деда» [40].

Вира — денежный штраф за убийство или нанесение тяжкого увечья. Она взималась князем тогда, когда пострадавшей стороной оказывался кто-то из его дружинников или слуг. (В тех случаях, когда убивали славянина-общинника, вступал в силу обычай кровной мести: за убитого мстили его сородичи, без вмешательства князя.) Как и его предшественники, Владимир стремился по возможности ограничить применение кровной мести, заменяя ее денежной компенсацией. Теперь как будто он готов был отказаться от прежней практики.

Епископы, советчики Владимира, очевидно, были греками и полагались прежде всего на принятые в Византии

---

* Этот год также условен, поскольку в летописной статье 996 года собраны известия, относящиеся к разным годам княжения Владимира. Поэтому мы не можем точно датировать его судебную реформу.

законы. А в Империи, в отличие от славянского общества, смертная казнь была весьма распространенным видом наказания. Мы уже говорили о нравственных колебаниях Владимира. Епископы, однако, сумели убедить его. Поддавшись уговорам, князь решается на отмену виры и вводит смертную казнь, ранее неизвестную на Руси [41].

Вскоре, однако, Владимир возвращается к прежним порядкам. Показательно, что новый совет подают князю «старцы», то есть представители «земли», хотя и вместе с епископами (теми же, что призывали князя отказаться от виры, или другими, не ясно) [42]. Летописец объясняет решение Владимира чисто меркантильными соображениями: вира шла на обеспечение дружины всем необходимым — оружием, лошадьми, провиантом. Жестокие войны, которые вела Русь с печенегами, требовали огромного напряжения сил. Лишаясь виры, князь лишался еще и людей, способных держать оружие в руках, не говоря уже о немалой денежной сумме. Судя по начальным статьям «Русской Правды» (относящимся ко времени княжения сына Владимира Ярослава), размер виры был исключительно высок: в случае убийства «гридина» (дружинника) или кого-либо из представителей княжеской администрации она составляла сорок гривен [43]. Понятно, что такую громадную сумму могла выплатить лишь целиком вся община, к которой принадлежал убийца или на земле которой находили труп.

Но это была лишь одна и, вероятно, не главная причина возвращения Владимира к прежним установлениям. Нормы византийского права оказались неприемлемыми для Руси. Владимир не смог (а по-видимому, и не захотел) ломать устоявшуюся систему взаимоотношений между «землей» и властью. «И жил Владимир по заветам отца и деда» — эта летописная фраза звучит своеобразным итогом для всего рассказа о его княжении.

Позднее княжеская вира станет универсальным средством судебного наказания. Но во времена Владимира она как бы дополняла «обычное» право, пока еще сосуществуя с обычаем кровной мести. Современникам и потомкам Владимира установления князя казались вполне оправданными и справедливыми. Ведь вира шла целиком на обеспечение дружины и, следовательно, на защиту Руси от посягательств извне, главным образом от печенегов. Позднейший составитель Новгородской Первой летописи ставил в пример своим корыстолюбивым современникам «древних князей», «боронивших» Русскую землю и не заботившихся о личном обогащении:

«Те князья не собирали многого имения, ни творимых (то есть несправедливых. — *А. К.*) вир, ни продаж (штрафов. — *А. К.*) на людей не возлагали; но если будет правая вира, ту взяв, давали дружине на оружие. А дружина их кормилась, воюя иные страны, сражаясь и говоря: «Братия! Постоим за своего князя и за Русскую землю!» [44].

Смертная казнь так и не утвердилась в древней Руси. «Русская Правда» не знает такого вида судебного наказания. Сто лет спустя после смерти Владимира его правнук и тезка Владимир Мономах, обращаясь к своим детям, поучал их: «Ни правого, ни виноватого не убивайте и не приказывайте убить его. Если и будет он достоин смерти, то не губите ни единой души христианской» [45].

И все же попытка судебной реформы, предпринятая князем Владимиром Святославичем, не прошла для Руси бесследно. «Подобает тебе казнить разбойников, но с *испытанием*», — говорили епископы, обращаясь к князю. И может быть, именно со времен Владимира в русскую судебную практику входит понятие «испыта» — судебного разбирательства, расследования, дознания. «Русская Правда» предусматривает участие в таком дознании свидетелей — «видоков» и «послухов», которых «обычное» право древней Руси, по-видимому, еще не знало.

В годы княжения Владимира государство начинает приобретать и чисто внешние привычные для нас формы и очертания. Определяются его границы — прежде всего на юге, подвергавшемся постоянным нападениям со стороны печенегов. Владимир строит крепости и соединяет их между собой земляной насыпью, валом — тем самым зримо отделяя свою землю от чужого печенежского Поля. Он заключает договоры с «окольними» князьями — чешским, польским, венгерским, — устанавливая и более или менее определенные границы на западе своего государства.

Напротив, внутренняя замкнутость и ограниченность отдельных славянских племен и племенных объединений уходят в прошлое. Русь превращается в единую державу под главенством единого князя. Правда, подданные Владимира, особенно жители отдаленных от Киева земель, по-прежнему ощущают себя «словенами» или кривичами, радимичами или вятичами в гораздо большей степени, нежели «русскими». (Статьи «Русской Правды» Ярославовой поры вполне определенно противопоставляют «русина» — очевидно, представителя княжеской администрации — новгородцу-«словени-

ну».) Но тех же новгородцев, вятичей, смоленских кривичей и даже финно-угорскую «чудь» мы увидим далеко от их родных мест проживания, на самом юге Руси, в построенных Владимиром южных пограничных крепостях. Владимир превращает оборону Руси поистине в государственное дело, общее для всех населяющих Русь славянских и неславянских племен — независимо от их узкоплеменных интересов.

В старые племенные центры Владимир сажает на княжение своих сыновей. В какой-то степени это продолжение еще отцовской политики, но вместе с тем и важнейшая реформа государственного управления Руси. По свидетельству «Повести временных лет», Владимир посадил в Новгороде своего старшего сына Вышеслава. Скорее всего это произошло еще при жизни дяди Владимира Добрыни. Последние известия о нем относятся к 989 или 991 году. Преемником Добрыни в качестве новгородского посадника станет его сын Константин Добрынич, о котором летопись рассказывает уже в связи с новым новгородским князем — Ярославом Владимировичем. Другому сыну Владимира Изяславу достался Полоцк, Святополку — Туров, Ярославу — Ростов.

После смерти Вышеслава, случившейся, вероятно, около 1010 года*, Владимир перераспределяет волости между старшими сыновьями. В Новгород из Ростова был переведен Ярослав, в Ростов, на его место, Борис. Святополк, видимо, остался в Турове (если вообще находился в то время на Руси). Глеб был посажен отцом в Муром.

Надо полагать, еще при жизни Вышеслава достались уделы Святославу, Всеволоду и Мстиславу: Святослав был посажен в Древлянской земле (видимо, в Овруче), Всеволод — во Владимире-на-Волыни, Мстислав — в Тьмуторокани. О судьбе других сыновей Владимира «Повесть временных лет» умалчивает. Более поздние летописи называют и их уделы: Станислав получил Смоленск, а Судислав — Псков. (О пребывании последнего в Пскове, правда, в более позднее время, знает и «Повесть временных лет».) Еще более поздние и совсем уже легендарные источники находят удел и для оставшегося двенадцатого сына Владимира Позвизда — Луцк на Волыни [47].

Несомненно, это распределение городов не было каким-то единовременным актом. По мере взросления сыновей (или

---

* Дату 1010 год называет В. Н. Татищев, извлекший ее, вероятно, из недошедших до нас летописных сводов. С другой стороны, составитель Степенной книги определенно утверждал, что Вышеслав скончался еще до смерти Рогнеды (1000 год) [46].

хотя бы по мере их выхода из младенческого возраста) Владимир давал им в удел ту или иную волость. Как отец он был волен и «выводить» сыновей из приданных им городов и назначать новые уделы.

Исключительным с самого начала было лишь положение Изяслава в доставшемся ему Полоцке. Как мы помним, Владимир переселил его после неудавшегося покушения Рогнеды на свою жизнь. Изяслав принял на себя преступление матери, и Владимир, по существу, отделил его от своей семьи, исключил из числа своих наследников. Изяслав стал своего рода «изгоем» при живом отце, но «изгоем», наделенным землей, людьми и дружиной. Он должен был удовольствоваться «дединой» — то есть волостью своего деда по матери Рогволода. После смерти Изяслава в 1001 году ему наследовал его малолетний сын Всеслав, а не кто-либо из сыновей Владимира. Спустя два года умер и Всеслав, и полоцкое княжение досталось следующему сыну Изяслава Брячиславу, ставшему со временем одним из самых деятельных и воинственных русских правителей. Ни Владимир, ни его сыновья не вмешивались в полоцкие дела. Но и полоцкие князья, в свою очередь, не домогались киевского престола после смерти самого Владимира.

(Замечу в скобках, что автор Никоновской летописи дал исключительно лестную характеристику князю Изяславу Владимировичу: «Был сей князь тих, и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин и иноческий, и прилежа прочитанию Божественных писаний, и отвращаясь от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив». Откуда извлечена эта характеристика и имеет ли она в действительности отношение к Изяславу, неизвестно [48].)

Разумеется, молодые князья отправлялись в назначенные им города не в одиночестве. Их сопровождала дружина, которой они обзаводились, получив удел, а также приставленные Владимиром бояре, их наставники и руководители на первых порах, и священники, проповедники новой веры. Княжичи прежде всего должны были позаботиться о своевременном поступлении в Киев обусловленной дани, об участии местных воев в военных предприятиях киевского князя. Часть дани оставалась у них и шла на обеспечение дружины. (Так, например, известно, что новгородские посадники «по уроку» должны были ежегодно выплачивать в Киев две тысячи гривен, а тысячу оставлять себе.) Киев и другие города Руси, в которых «сидели» сыновья Владимира, соединялись «дорогами прямоезжими». Для их расчистки князья посылали

особых людей, совершавших далекие и не всегда безопасные поездки. Законы и уставы, принятые Владимиром, расходились теперь «по всем городам, и по погостам, и по свободам (слободам. — *А. К.*), где христиане суть» (выражение из Церковного устава князя Владимира), — то есть по всем тем землям, где утвердилась княжеская власть и где «сидели» сыновья киевского князя.

Владимир с самого начала воспринимал сыновей как представителей *своей* власти, олицетворявших его собственное присутствие в отдаленных от Киева землях, как своего рода наместников или посадников. И пока те были детьми, дело обстояло именно так. Но сами Владимировичи, несомненно, были *князьями*. По мере взросления они привыкали править самостоятельно, помимо отца, и отцовская власть многим становилась в тягость.

Княжичи проводили более или менее самостоятельную политику в своих уделах, общались друг с другом не только через посредство отца, но и напрямую. Так, например, в Новгороде обнаружена свинцовая печать полоцкого князя Изяслава Владимировича — несомненное свидетельство контактов этого отверженного отцом князя с кем-то из новгородских правителей (вероятно, с Вышеславом) [49]. Полоцк, Новгород, Туров и, наверное, другие города постепенно становились самостоятельными центрами Руси, в том числе и в сфере международных отношений, а правители русских областей, сыновья Владимира далеко не всегда оставались в воле собственного отца.

Так, очень рано, уже с 90-х годов X века, из русской истории исчезает князь Всеволод, посаженный отцом во Владимир-на-Волыни. По некоторым сведениям, около 994—995 года он отправился в Швецию — свататься к шведской княгине Сигрид Гордой. Скандинавские саги рассказывают о страшном конце, который принял «конунг Виссавальд из Гардарики»: Сигрид напоила его и всю дружину, а ночью повелела поджечь дом, в котором они отдыхали — «и сгорели... те, кто были внутри, а тех, кому удалось выбраться, убили» [50]. Если мы принимаем отождествление «конунга Виссавальда» с русским князем Всеволодом Владимировичем, то мы, конечно, должны подумать и о причинах, которые подтолкнули его — очевидно, без отцовского благословения — покинуть Русь и отправиться в Швецию.

В последние годы Владимир вконец рассорился со старшими сыновьями — Ярославом Новгородским и Святополком Туровским. (Мы еще будем говорить об этом.) Ярослав также постарается самостоятельно заручиться поддержкой

скандинавских правителей, и ему будет сопутствовать успех. Святополк после женитьбы на дочери польского князя Болеслава Храброго (совершенной, конечно, по воле Владимира) начнет собственную политическую игру, враждебную Владимиру, и будет опираться на помощь и поддержку со стороны тестя. Наконец, еще об одном сыне Владимира — Святославе Древлянском — мы определенно знаем, что его связывали особые отношения с соседней с Русью Венгрией: именно «в Угры» (в Венгрию) попытается он бежать летом 1015 года, после начала на Руси междуусобной братоубийственной войны.

Ближе всех к Владимиру, по крайней мере в последние годы жизни, оказался сын «болгарыни» Борис. И, судя по летописи и Житиям святых князей Бориса и Глеба, именно ему отец намеревался оставить Киев.

Историки прошлого, как правило, не очень высоко оценивали значение проведенной Владимиром реформы управления страной: сажая сыновей по разным городам, Владимир, казалось, готовил будущее раздробление государства, чреватое жестокими потрясениями и кровавой смутой. И действительно, после его смерти на Руси началась жестокая братоубийственная война, в которой погибли по меньшей мере четверо из его сыновей. Но основной смысл Владимировых преобразований, по-видимому, заключается в ином. Уделы сыновей вовсе не совпадали с территориями прежних восточнославянских племен. Прежний племенной строй, прежнее противостояние племен и племенных союзов друг другу не возродятся после его смерти, и сыновья Владимира, даже начиная войну между собой, будут вести ее не за преобладание, скажем, Киева над Древлянской землей или Новгорода над Киевом, но за главенство над всей державой Владимира, над единым Киевским государством, объединенным почитанием единого Бога (которого постепенно принимали славяне), единым законом и властью единого княжеского рода.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВОЙНЫ И МИРЫ

События далекой весны 969 года, когда печенеги едва не захватили покинутый Святославом Киев и когда жизнь княжеской семьи буквально повисла на волоске, навсегда впечатались в память князя Владимира. Угроза нового печенежского набега будет пронизывать все тридцать семь лет его киевского княжения. Оно начнется со столкновения с печенегами, к которым бежит Варяжко, воевода убитого им Ярополка, а закончится печенежским вторжением летом 1015 года. Но наиболее драматичным окажется для Руси первое десятилетие после Крещения.

«Была тогда рать от печенегов, и воевал Владимир с ними, и побеждал их», — этими словами завершается летописная статья 988 года, и эти слова станут рефреном для всего летописного рассказа о Владимире-христианине.

Наверное, это не случайно. Натиск печенегов в 90-е годы X века в какой-то степени стал следствием общего изменения в положении Руси между Западом и Востоком, которое произошло после принятия Русью христианства. Как мы увидим, в эти же годы ухудшатся отношения Руси не только со Степью, но и с мусульманскими странами Восточной Европы — Волжской Болгарией и Хорезмом. (Высказывалось предположение, согласно которому за нашествиями печенегов на Русь стоял Хорезм, в орбиту влияния которого печенеги попадают как раз в конце X — начале XI века [1], и хотя это предположение документально не подтверждено, его вряд ли стоит сбрасывать со счетов.) Напомню также, что именно в год взятия Корсуни открытые антирусские выступления охватили Дербенд, крупнейший мусульманский центр Северного Кавказа. Наверное, можно сказать и так: войны со Степью

На рис. — изображение князя Владимира на сребренике II типа. Лицевая сторона.

и в целом противостояние с восточным миром явились своеобразной платой за те колебания в выборе веры и за то демонстративное заигрывание с Востоком, которые отличали политику Владимира накануне его крещения.

«Когда русы сделались христианами, — повествует уже известное нам хорезмийское предание, записанное в XII веке арабским историком Тахиром Марвази, — вера их притупила их мечи». Желаемое, как обычно, выдавалось за действительное. Но Восток и в самом деле попытался доказать Руси несовершенство ее христианского меча. Войны с печенегами потребуют от Руси колоссального напряжения сил, и порой будет казаться, что только чудо спасает Русь от военной катастрофы.

Никоновская летопись впервые сообщает о нашествии печенегов под 990 годом: «Приходило множество печенегов, и много зла сотворили христианам; Владимир же со множеством воинов выступил против них и многих избил, и мало кто из них спасся» [2].

Но это свидетельство позднего и не во всем достоверного источника. Автор «Повести временных лет» ничего не знает о нашествии 990 года. Первую из известных ему в подробностях русско-печенежских войн он датирует 992 годом: под этой датой в летописи читается рассказ о сражении Владимира с печенегами на реке Трубеж, о подвиге безвестного киевского юноши-кожемяки и об основании города Переяславля.

992 год вообще стал переломным в истории внешней политики Руси. Именно тогда в полной мере обнаружились те узлы внешнеполитических противоречий, распутывать которые придется не только князю Владимиру до конца своей жизни, но и его сыновьям, и прежде всего Ярославу Мудрому. Примечательно, что события, приведшие к одному из самых крупных и опасных для Руси печенежских вторжений, начались совсем на другом театре военных действий, а именно на крайнем западе Русского государства.

Печенеги и Русь — пожалуй, главная, но не единственная тема данной главы. Печенеги были тем более опасны для Руси, что их вторжения, как правило, происходили в тот момент, когда Русь воевала с другими своими противниками.

Отношения Руси с христианскими соседями также непросто складывались в конце X — начале XI века. Особенно это относится к Польше, бесконечные войны с которой, чередовавшиеся с мирными соглашениями и даже с династическими союзами, также наполняют собой все тридцать семь лет

киевского княжения Владимира. В силу географической и этнической близости двух государств их правители постоянно претендовали на обладание одними и теми же областями славянского (и не только славянского) мира — от Червенских городов и Галиции на юге до Ятвяжской земли на севере. В 992 году — год большого печенежского вторжения на Русь — произошел очередной кризис и в русско-польских отношениях. Как оказалось, они теснейшим образом переплелись с русско-печенежскими отношениями того времени.

Год же начался с похода Владимира в Поднестровье. «Пошел Владимир на хорваты, — кратко сообщает автор «Повести временных лет» под 6500 (992) годом. — И когда возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги...» [3].

Хорваты — восточнославянский племенной союз. Эти славяне обитали в междуречье верхнего Днестра и Прута и с нынешними хорватами, живущими в бассейне реки Сава на севере Балканского полуострова, не имели ничего общего, кроме названия. (Замечу, что этноним «хорваты» широко распространен в славянском мире.) Однако книжникам более позднего времени их имя уже ни о чем не говорило, и потому краткое летописное известие стало порой восприниматься как свидетельство военных действий Владимира вдалеке от Руси, в балканской Хорватии (Кроации)*. Но на Балканах Владимир, по-видимому, не воевал.

Чем был вызван хорватский поход Владимира, можно лишь предполагать [5]. Хорваты входили в состав Киевского государства еще в IX веке, при князе Олеге Вещем, но позже вышли из-под власти Киева. Владимир продолжал начатую еще до крещения политику объединения и удержания в повиновении всех восточнославянских племен, когда-либо выплачивавших дань киевским князьям. Как мы помним, еще в 981 или 979 году он завоевал Червенские города; вероятно, тогда же его власть распространилась и на более южные земли Верхнего Поднестровья. Очевидное отпадение хорватов от Киева можно объяснить как длительным отсутствием Владимира на Руси (во время его корсунского похода), так и

---

* Польский историк XVI века М. Стрыйковский сообщал о завоевании Владимиром еще и «Седмиградской области» (то есть Трансильвании, лежащей между лесистыми отрогами Восточных и Южных Карпат), а также «земель, где ныне волохи и мултяне» [4]. Мы уже говорили о том, что Стрыйковский смешивал различные и разновременные походы киевского князя. Но если Владимир действительно воевал в Седмиградье, то, очевидно, эти военные действия были связаны с его хорватским походом.

целенаправленной политикой Польши, несомненно, имевшей свои интересы в данном регионе.

Время начала хорватской войны было выбрано Владимиром не случайно. 25 мая 992 года умер польский князь Мешко, с которым Владимира, вероятно, связывали какие-то мирные договоренности*, возможно, касавшиеся судеб хорватских земель. Смерть престарелого князя развязывала Владимиру руки. На польский престол вступил сын Мешка князь Болеслав, получивший впоследствии прозвище Храбрый, или Великий. О его личности мы еще будем говорить на страницах книги. Болеслав предельно жестоко утверждал в Польше свою единоличную власть: так, в нарушение отцовской заповеди он изгнал из страны свою мачеху, вдову Мешка немку Оду, дочь маркграфа Саксонской северной марки Дитриха, а также троих ее сыновей, своих единокровных братьев. Приближенные Болеслава, попытавшиеся заступиться за изгнанников, были безжалостно ослеплены им.

Полагают, что киевский князь не остался безучастным к событиям в Польше и поддержал Оду. К 992 году предположительно относят складывание русско-саксонского антипольского союза, скрепленного якобы женитьбой нового маркграфа Саксонской марки Бернхарда на некой русской (возможно, двенадцати- или тринадцатилетней дочери князя Владимира) [6]. Однако основания для такого предположения кажутся слишком шаткими, поскольку, во-первых, мы не знаем точно, когда именно был заключен брак, а во-вторых, не знаем и того, кем была «русская» (и русская ли?) супруга саксонского графа [7].

Но одно известно наверняка. В 992 году, очевидно, в связи со смертью Мешка и хорватским походом Владимира Русь и Польша оказались на грани большой войны. Об этом свидетельствуют так называемые Хильдесхаймские анналы, составленные в 20-е и 30-е годы XI века. Согласно этому источнику, германский император Оттон III собирал войска союзных ему государей — чешского, баварского и других — под Бреннанбургом (Бранденбургом), намереваясь начать оттуда наступление против восставших полабских славян. «Болеслав же, сын Мешка, никак не мог сам прийти к господину королю — ведь ему предстояла великая война против русских...» — констатирует немецкий хронист [8].

---

* О мирном договоре между Мешко I и Владимиром сообщает В. Н. Татищев под 990 годом; однако это известие включено им в большой рассказ о войне двух правителей, имеющий, вероятно, легендарное происхождение. (См. прим. 39 к главе 5.)

Болеслав все же направил под Бранденбург часть своего войска, в том числе и «особенно верных» ему воинов. Это, вероятно, свидетельствует о том, что военные действия против Руси так и не были начаты им. В самом деле, новый правитель Польши был слишком озабочен тем, что происходило в его собственной державе, упрочением собственной власти и обстановкой на западных рубежах страны, чтобы открыто воевать с Владимиром. Владимира же, в свою очередь, отвлекла от Польши угроза вторжения печенегов. По-видимому, вскоре между двумя странами был заключен мир*; во всяком случае, статья 996 года прямо утверждает, что князь Владимир «жил в мире с окрестными князьями» — в том числе польским. Полномасштабная война между Русью и Польшей начнется лишь спустя два десятилетия, в 1013 году, хотя ее неизбежность ощущалась уже в начале 90-х годов X века.

В событиях 992 года Польша и печенеги оказались естественными союзниками. Я не думаю, что уже тогда между ними был заключен какой-либо договор. Однако впоследствии Болеслав, конечно же, учтет те огромные выгоды, которые будет сулить ему союз с кочевниками, и, готовясь к войне с Владимиром, заручится поддержкой печенежских «князей».

Нашествие печенегов, последовавшее после возвращения Владимира из хорватского похода [9], смешало многие планы киевского князя.

«...Когда возвратился Владимир с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне, от Сулы...» — продолжает свой рассказ киевский летописец.

«Та сторона» — это левобережье Днепра (сам Киев, напомню, находится на правом берегу). Сула — левый приток Днепра. В течение более чем двух столетий она будет служить естественной границей между Русью и Степью. Переправившись через Сулу, печенеги устремились к Киеву. Владимир был вынужден выступить им навстречу. Судя по тому, что он успел собрать значительное войско, включавшее не только дружину, но и ополчение, и встретил врага у река Трубеж — ближайшей к Суле водной преграды, — князь заранее знал о наступлении врага.

---

* О прибытии к Владимиру послов Болеслава Польского сообщает Никоновская летопись под 992 годом. (Хорватский поход Владимира датируется в ней 995 годом.) Однако возможно, что это сообщение лишь дублирует известие статьи 996 года «Повести временных лет».

Дальнейший рассказ летописца хорошо известен, поскольку содержит красочное предание о подвиге киевского богатыря-кожемяки, спасшего родную землю:

«Владимир пошел против печенегов и встретил их на Трубеже, у брода, где ныне Переяславль. И встал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не смели ни наши на ту сторону перейти, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего, и пусть борются. Если твой муж одолеет, не будем воевать три года, если же наш муж одолеет, то будем за три года воевать». И разошлись порознь. Владимир же вернулся в свой стан и разослал биричей* по стану, спрашивая: «Нет ли такого мужа, чтобы мог схватиться с печенежином?» И не нашелся такой. Наутро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших никого не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему своему войску. И пришел к князю один старый человек, и сказал ему: «Княже! Есть у меня один меньшой сын дома. Я с четырьмя вышел, а он дома остался. С детства никто его бросить оземь не мог. Однажды случилось мне бранить его, а он кожу мял — и рассердился он на меня, и разодрал череви** руками». Услышав это, обрадовался князь и послал за ним. И привели его к князю, и поведал ему князь все. Он же отвечал: «Княже! Не знаю, смогу ли я с ним схватиться. Испытайте меня: нет ли быка, великого и сильного?» И нашли быка, великого и сильного. И повелел тот разъярить быка, приложив к нему раскаленное железо, и пустили быка, и побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок, и вырвал кожу с мясом, сколько рука захватила. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться!»

Наутро пришли печенеги и стали звать: «Нет ли мужа? Вот наш готов!» Владимир же той ночью повелел вооружиться. И приступили обе стороны. Выпустили печенеги своего мужа — был он зело превелик и страшен. И выступил муж Владимиров, и увидел его печенежин, и посмеялся, ибо был тот среднего роста. И размерили место между обоими полками, и пустили их к себе*** И схватились они, и стали крепко держать друг друга. И удавил тот печенежина руками до

---

* Биричи — глашатаи.

** Череви (черевики) — кожаная обувь.

*** В Лаврентьевском списке читается: «Пустиша я к собе». В зависимости от того, кого понимать под местоимением «я» (по-древнерусски «они», «их»), текст можно перевести двояко: либо «пустили их (поединщиков) друг против друга», либо «пустили их (печенегов или, может быть, русских) на свою сторону реки».

смерти, и ударил им оземь. И кликнули (наши. — *А. К.*), и побежали печенеги, а Русь погналась за ними, избивая, и прогнали их.

И обрадовался Владимир, и заложил город на броде том, и назвал его Переяславль, потому что переял славу отрок тот*. И сделал его Владимир великим мужем и также отца его. Владимир же возвратился в Киев с победой и со славой великой» [10].

Этот яркий рассказ вызвал живой интерес у переписчиков летописного текста, и большинство поздних книжников дополняли и приукрашивали его. Так, натуралистические подробности поединка между печенегом и русским приведены в Летописце Переяславля Суздальского, памятнике XV века:

«...И схватились оба, и начал татарин (печенег. — *А. К.*) крепко давить его. Сей же схватил его за плечи и за шею, захватил и стиснул его и начал держать, не сдавливая. И вскоре задергал печенежин руками и издох в руке его, потому что не давал тот ему ни единожды вздохнуть. И узрев его мертвым, ударил им оземь, и разошлось нутро его, и рассыпались кости»**.

Летописный рассказ, несомненно, основан на каком-то дружинном предании, повествующем о подвиге одного из «великих мужей» (то есть бояр) князя Владимира. Автор «Повести временных лет» не знал его имени. (Имя Переяслав, упоминаемое в отдельных списках летописи, конечно, не в счет: оно явилось следствием неправильного прочтения первоначального текста.) Напротив, позднейший автор Никоновской летописи называет отрока Владимира по имени — Яном Усмошвецом (то есть Кожевенником, от древнерусского слова «усма» — выделанная кожа), — и рассказывает о других его подвигах, совершенных совместно с богатырями Владимира, в частности, с Александром (Алешей) Поповичем. Мы еще будем говорить об этих преданиях Никоновской летописи, в которых князь Владимир Святославич уже полностью отождествляется с былинным Владимиром Красное Солнышко и в которых действуют былинные, а не исторические герои. Не относится ли к ним и упомянутый Ян Усмошвец, сказать трудно.

---

* В ряде списков «Повести временных лет» (Радзивиловском, Академическом) и некоторых других летописях название города объяснено по-другому: «зане Переяслав отроку тому имя».

** В. Н. Татищев приводит другую подробность поединка: «...Вскоре ударил усмарь (кожемяка. — *А. К.*) печенежина головою в брюхо его, от чего печенег, не устояв, пал на землю; усмарь же убил его ногою» [11].

Подвиг юноши-кожемяки, спасшего родную страну от вражеского нашествия, нашел отражение и в народных сказках восточных славян — украинской (о Кирилле Кожемяке) и русской, записанной на Тамбовщине (о Никите Кожемяке).

Само же летописное сказание составлено, вероятно, значительно позже описываемых событий. Это следует хотя бы из приведенного в нем народного объяснения названия города. Из летописей мы знаем, что город Переяславль существовал задолго до князя Владимира. (О нем упоминает договор Руси с греками 907 года.) В 992 году Владимир, вероятно, заложил новый «город» в смысле возведения новых стен, укреплений (остатки которых обнаружены археологами), может быть, даже на новом месте, но города заново не переименовывал.

В то же время достоверность летописного рассказа в целом не вызывает сомнений. Это касается и основного его сюжета — единоборства русского и печенежского богатырей. В древнем обществе единоборство было очень распространенным способом решать исход войны. Изначально в поединке сходились предводители враждующих войск, «князья». В глазах людей того времени они олицетворяли собой свою собственную державу, ее могущество и силу. С их смертью или поражением заканчивалась их власть над людьми, и потому казалось вполне естественным, что победителю в такой схватке должно было отойти достояние побежденного, включая жену, детей, имущество и всю подвластную ему землю.

Это был суровый, но, надо сказать, вполне справедливый обычай. По крайней мере он давал возможность избежать пролития лишней крови и сохранить жизнь большинству участников битвы. Начиная войну, правитель должен был задуматься о том, что, прежде чем ввергать в пучину схватки своих подданных, ему придется доверить мечу собственную жизнь.

Со временем князья стали уклоняться от личного участия в поединке. Их власть освобождалась от пут родоплеменных ограничений; из сакрального владыки, связанного необходимостью исполнять множество обычаев и обрядов, иногда слишком жестоких по отношению к нему лично, князь превращался в правителя государства, повелевавшего подданными по закону («правде») и своей воле. В единоборстве сходились особые «поединщики» — самые сильные и опытные воины. (Хотя, например, сын князя Владимира Мстислав Тьмутороканский предпочитал сам решать свою собственную судьбу и судьбу своего княжества; летопись и «Слово о полку Игореве» с восхищением вспоминали о его единоборстве с

касожским князем Редедей.) Постепенно поединок превращался в своеобразный ритуал, предшествующий настоящей битве.

В свою очередь, и сам поединок, и подготовка к нему были обставлены различными обрядами. Летопись рассказывает об испытании юноши-кожемяки разъяренным быком. Думаю, что это также особый ритуал, восходящий к языческому жертвоприношению накануне битвы. (Бык — одно из распространенных жертвенных животных у славян; кости быка археологи находят едва ли не чаще других в жертвенниках славянских святилищ.) Особый смысл, наверное, имел и способ умерщвления быка — разрывание его на части: по поверьям того времени, сила быка непременно должна была перейти к разорвавшему его воину. Такой обычай был знаком не только славянам. В скандинавской Саге об Олаве Трюггвассоне рассказывается о некоем норвежце Торстейне, получившем прозвище Бычья Нога: готовясь к подобной схватке, он вырвал у быка целую ногу [12].

Во время сражения с печенегами Владимир был христианином. Несомненно, христианами были и его воины, в том числе и юноша-кожемяка. Языческие приношения в чистом виде отходили в прошлое, по крайней мере в государственном масштабе. Но обычай, тем более связанный с воинским искусством, с поединком, от которого зависели исход войны и жизнь всего войска, конечно, не мог быть оставлен так скоро и должен был соблюдаться со всей тщательностью.

Мы помним, что в свое время отец Владимира князь Святослав Храбрый счел для себя безрассудным единоборство с византийским императором Иоанном Цимисхием. Владимир тем более предпочитал следовать примеру отца, что, по-видимому, вообще не любил лично участвовать в сражениях (на этот раз в отличие от Святослава) и весьма дорожил своей жизнью. О присущей князю осторожности (если не сказать больше) рассказывает и скандинавская Сага о Бьёрне, некоем исландце, побывавшем в «Гардарике» (Руси) у «конунга Вальдимара» около 1008—1010 годов. Сама сага составлена в конце XII или начале XIII века. Описывая подвиги Бьёрна на Руси, автор, как обычно, делал его участником самых разных событий, происходивших и до, и после его пребывания в этой стране. Полагают, что в саге нашло отражение и позднее предание о подвигах киевского богатыря-кожемяки, место которого занял ее главный герой. Но поединок, в котором участвовал Бьёрн, состоялся в очень необычных условиях и решил исход какой-то войны Владимира, совершенно неизвестной из других источников.

«Говорят, что, когда Бьёрн был в Гардарики у Вальдимара конунга, — повествует сага, — случилось, что в страну ту пришла неодолимая рать, и был во главе ее витязь тот, который звался Кальдимар, рослый и сильный, близкий родич конунга, величайший воин, умелый в борьбе и очень смелый; и говорили о них, что они имеют одинаковое право на княжество, Вальдимар конунг и витязь; тот потому не получил то княжество, что он был моложе, а потому он занимался набегами, чтобы добыть себе славу, и не было другого воина, такого же знаменитого, как он, в то время на Востоке» [13],

Кто такой Кальдимар, неизвестно. Другие источники не знают человека с похожим именем. Сага называет Кальдимара «родичем» конунга; но само это слово используется в сагах в тех случаях, когда степень родства (или даже сам факт родства) недостаточно ясны. По-видимому, это некий обобщенный образ соперника «конунга Гардарики», с которым предстоит сразиться главному герою саги. Исследователи считают само имя «Кальдимар» искусственным и образованным по подобию имени Вальдимар, как своеобразная антитеза ему [14]. В личности мифического Кальдимара, по-видимому, нашли отражение смутные известия авторов саги о действительных событиях русской истории — борьбе Владимира со своим братом Ярополком и особенно борьбе сыновей Владимира — Ярослава и Мстислава — за обладание Русью. Князь Мстислав более других подходит на роль исторического прототипа «величайшего воина», искусного в единоборствах и отличавшегося исключительной смелостью и силой. Известно, что множество скандинавов участвовали в Лиственской битве 1024 года на стороне Ярослава Новгородского против Мстислава Тьмутороканского; облик Мстислава должен был запасть в память оставшихся в живых воинов, хотя само имя их недруга не сохранилось в сагах.

Но мы уже говорили о том, что сага не есть документальный отчет о происходивших событиях. Как Кальдимара нельзя полностью отождествлять с князем Мстиславом, так и «конунг Вальдимар» несет на себе исторические черты различных русских князей, в том числе, конечно, и князя Владимира Святославича, которому действительно служил исландец Бьёрн. Рассказ о поединке Бьёрна и Кальдимара напоминает одновременно и предания о войнах Мстислава со своим братом, и летописный рассказ о печенежских войнах Владимира. Вальдимар саги и Владимир летописи весьма похожи друг на друга.

Узнав о нападении Кальдимара, продолжает автор саги,

конунг Вальдимар послал людей с предложением мира к своему родичу. «И просил он его прийти с миром и взять половину княжества. Но витязь тот сказал, что княжество то должен иметь один он, а если конунг не хочет этого, то предложил он ему поединок или же сражаться им всем со всей своей ратью. Вальдимару конунгу показалось и то, и другое нехорошо, и он очень хотел не губить свою рать и сказал, что не привык к поединкам, и спросил свою дружину, что лучше сделать. А мужи советовали ему собрать рать и биться. И вскоре собралось там множество народа, и двинулся Вальдимар конунг навстречу витязю тому. После того предложил конунг дать человека для единоборства, и витязь тот согласился с тем условием, что он возьмет то княжество, если одолеет того человека, а если витязь тот падет, то конунг будет владеть своим княжеством, как раньше. Тогда конунг стал спрашивать своих людей, пойдут ли они на поединок, но им не хотелось, потому что каждый считал, что пойдет на верную смерть, если должен будет бороться с тем витязем. А конунг тот обещал свою дружбу и другие почести, если кто-нибудь решится на это, но никто не решался». Как и следовало ожидать, Бьёрн согласился испытать себя в поединке с Кальдимаром. «Конунг поблагодарил Бьёрна; были тогда прочитаны законы поединка. У витязя того был меч тот, который звался Меринг, лучшая из драгоценностей. Бились они сильно и жестоко, и кончилось у них тем, что витязь тот пал перед Бьёрном, а Бьёрн был ранен почти что насмерть. Получил Бьёрн за то великую славу и почет от конунга. Был поставлен шатер над Бьёрном, потому что его нельзя было увезти, а конунг вернулся домой в свое княжество...

После того Бьёрна отвезли домой к конунгу с большим почетом. Конунг отдал ему все боевое снаряжение, которое было у того витязя, и с этим вместе — меч тот Меринг; а поэтому Бьёрна с тех пор звали витязем».

Рассказ о происхождении меча Меринг — несомненно, главный сюжет всего русского фрагмента Саги о Бьёрне. Этот исландский наемник участвовал в войнах Владимира и, может быть, именно с печенегами. (Хотя, если доверять датировкам исландских королевских анналов, во время его пребывания на Руси Владимир находился в состоянии относительного мира с кочевниками.) Вероятно, в одном из сражений Бьёрн и завоевал право на обладание знаменитым мечом, ранее принадлежавшим другому витязю. Этот меч он привез в Исландию, где и сложилась сага о его подвигах.

Рассказ о русско-печенежской войне 992 года интересен еще в одном отношении. Предлагая единоборство, печенежский «князь» обещает не воевать три года в случае, если его воин потерпит поражение. При ином исходе поединка печенеги грозятся воевать «за три года». Для Руси, страны с оседлым, земледельческим населением, ставка в самом деле была высока. И печенеги, похоже, сдержали слово. Во всяком случае, летописи не сообщают ни о каких нашествиях с их стороны на Русь в течение 993—995 годов.

Эти три года передышки Владимир посвятит обороне своей страны от новых вторжений. Заложенная у брода через Трубеж Переяславская крепость станет одним из звеньев в целой системе оборонительных сооружений, протянувшихся вдоль южных границ Киевского государства.

Летописец рассказывает об их строительстве в статье 988 года:

«И сказал Владимир: «Не добро, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Востри (Остру. — *А. К.*), и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как шла война с печенегами...»

Несколькими строками ниже летописец продолжил рассказ о строительной деятельности князя:

«В лето 6499 (991) заложил Владимир город Белгород и набрал в него много людей из иных городов, ибо любил этот город» [15].

Строительство городов началось, очевидно, сразу же после Крещения Руси. Но не в один же год были возведены города по южным рекам и заселены «лучшими мужами» из северных областей страны! О походе Владимира к Новгороду, «по верховные вои», летопись сообщает под 997 годом. «Верховные вои» — те же новгородские словене, кривичи, чудь, о заселении которыми южных крепостей летописец писал выше. Так что и трехлетняя отсрочка 993—995 годов оказалась недостаточной для воплощения в жизнь замыслов киевского князя.

Перечисленные в летописи реки — притоки Днепра — плотным полукольцом окружали Киев с юга, востока и запада. Пять рек — четыре линии укреплений, четыре барьера, защищавших столицу Руси. Десна со своими притоками Остром и Сеймом впадает в Днепр слева, чуть выше Киева по течению. Крепости, поставленные по этим рекам, прикрывали прежде всего Чернигов, столицу Северской (то есть заселенной северянами) Руси. Так же слева, но уже ниже Киева, в Днепр

впадают сначала Трубеж, а затем Сула. В устье Сулы возник город-порт Воинь, на Трубеже — Переяславль. Правый приток Днепра — Стугна. На ней — Василев, Тумащ, Треполь; за Стугной, дальше от Киева, у брода через Днепр, Витичев. От этих крепостей — рукой подать до Киева. Однако в глубине стугнинской линии обороны, между Стугной и Киевом, Владимир отстраивает город Белгород, свою главную военную базу [16].

Владимир стремился не допустить повторения памятной ему трагедии 969 года, когда печенеги стояли у самых стен Киева. Новые войны с печенегами, тревожное ожидание на Трубеже, несомненно, оживили страшные воспоминания детства. Князь ставит крепости по возможности вблизи друг от друга — так, чтобы сигнальный огонь, разведенный в случае приближения неприятеля на башне одной из крепостей, был виден с другой. Теперь киевляне заранее узнавали о грозящей им опасности, и враг не мог подойти внезапно. На отдельных участках границы (например, по Стугне) крепости соединялись мощными земляными валами. Частично, наверное, были использованы валы, возведенные еще в незапамятные времена предшественниками славян, жившими в Поднепровье. Славяне называли их «Змиевыми» и верили, будто прежние богатыри-исполины впрягли в плуг гигантских змиев и так прочертили борозду, оградив свою землю не только от нежданного врага, но и от злых чар.

На пограничье, в чужом для русских «чистом поле», гуляли «заставы богатырские», воспетые сказителями русских «старин». Здесь несли службу богатыри, соратники и сподвижники «ласкового князя» Владимира.

На горах, горах да на высоких,
На шоломя [холме] на окатистом,
Там стоял да тонкий бел шатер.
Во шатре-то удаленьки добры молодцы...
Стерегли-берегли они красен Киев-град [17].

Зимой 1007 или 1008 года укрепления Владимира описал немецкий миссионер епископ Бруно Кверфуртский, оказавшийся на Руси по дороге к печенегам, среди которых он намеревался проповедовать христианскую веру. По его словам, «крепчайшая и длиннейшая ограда», которой Владимир «из-за кочующего врага... укрепил со всех сторон свое царство», соединяла «холмы», возвышавшиеся над местностью. Каково было происхождение этих холмов — естественное или, может быть, искусственное, — Бруно не сообщил. В «ограде» были устроены ворота, очевидно, особым образом

Великий князь Владимир Святославич. Портрет из «Титулярника» 1672 г. ***(Российский государственный архив древних актов).***

Изображение князя Владимира на миниатюре Радзивиловской летописи. Строительство Белгорода. *(Фрагмент.)*

Владимир советуется с боярами и старцами о выборе веры.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Владимир выслушивает рассказ послов.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Князь Владимир. Портрет из печатной Праздничной минеи.
Киев, 1619 г.

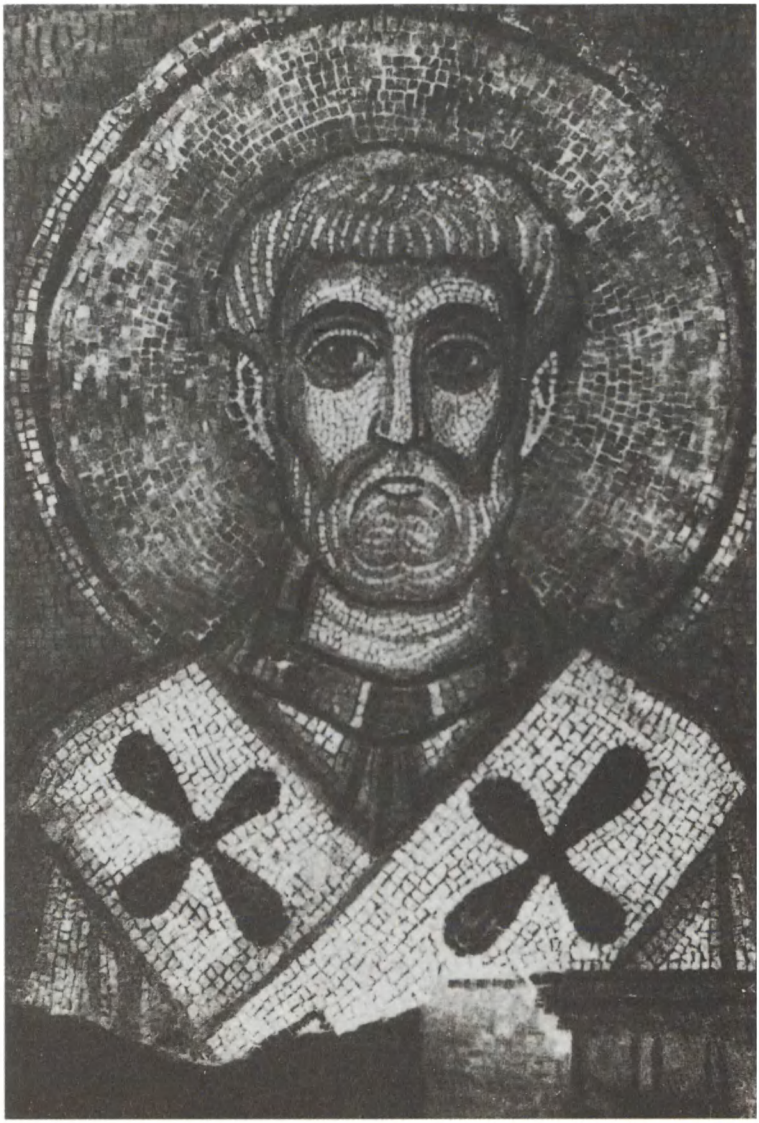
Император Василий и Варда Склир. Фрагмент миниатюры Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы.

Казнь магистра Дельфинаса. Фрагмент миниатюры Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы.

Гибель Варды Фоки во время Авидосской битвы.
Миниатюра Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы.

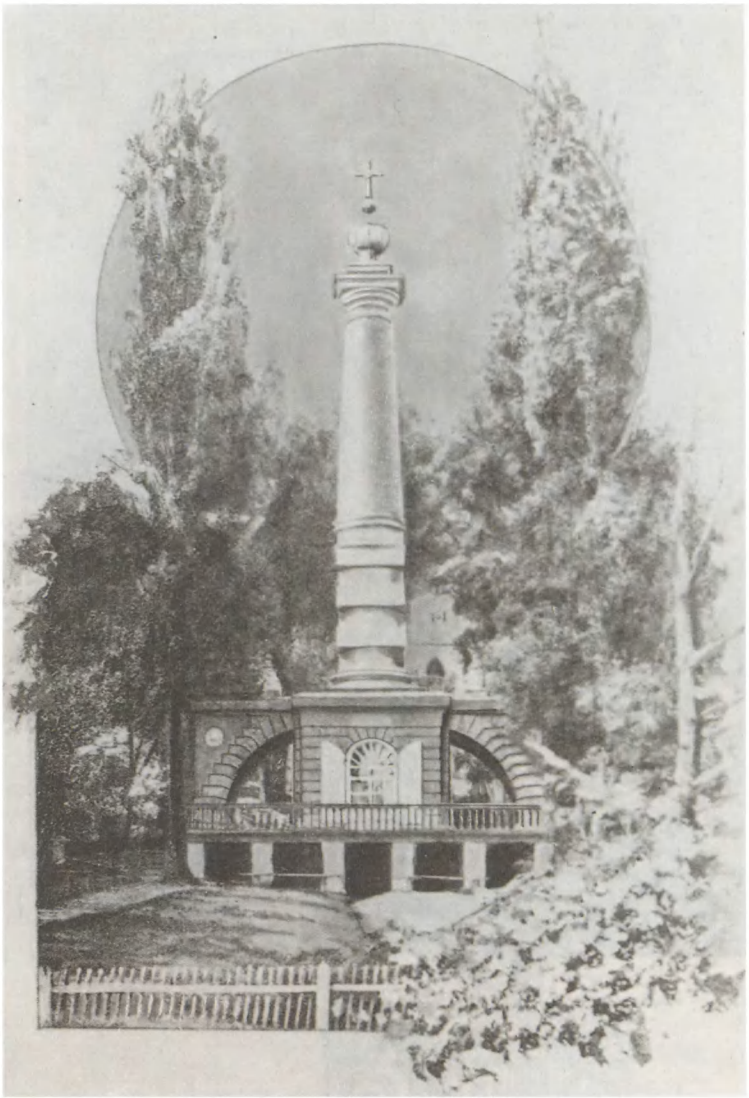
Русские войска осаждают Корсунь.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

Царица Анна переправляется через море в Корсунь.
Миниатюра Радзивиловской летописи.



Святой Климент Римский. Мозаика Киевского Софийского собора. *Середина XI в.*

Крещение князя Владимира и его дружины.

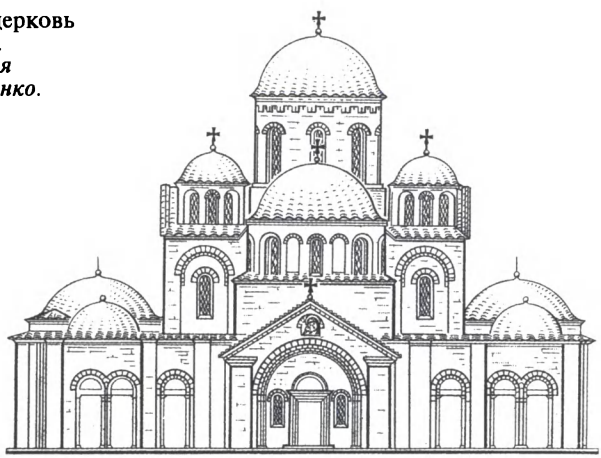


Памятник Крещению Руси в Киеве на Крещатике.
Фото конца XIX в.

Развалины Десятинной церкви.
Рисунок начала XIX в.

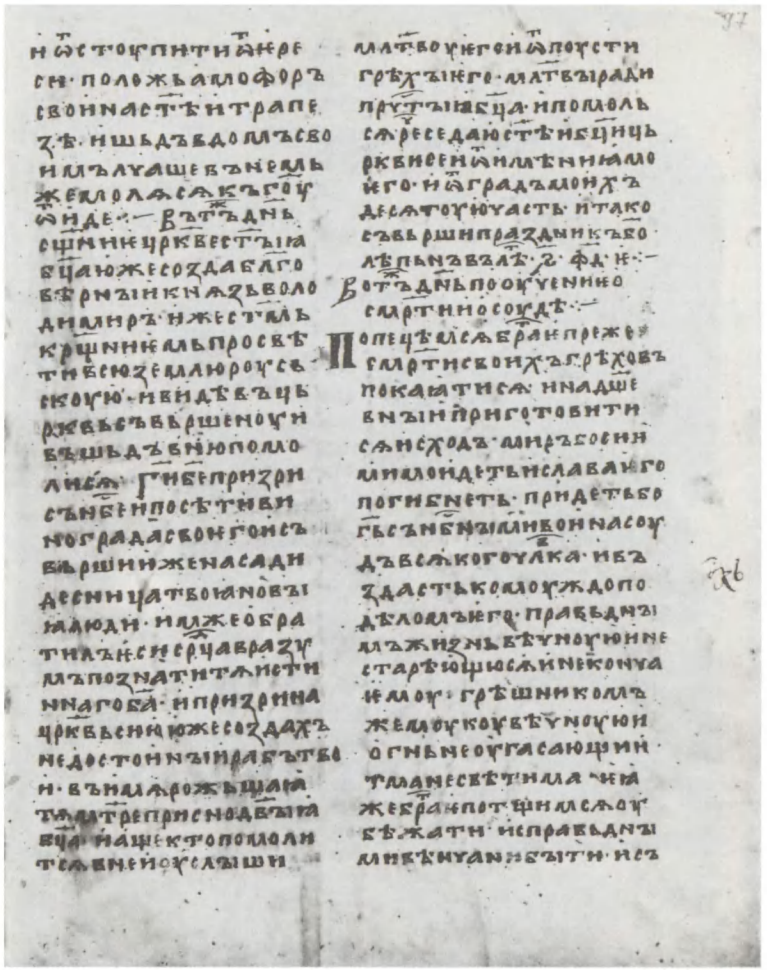
Фрагмент фресковой росписи из развалин Десятинной церкви. *Раскопки 1908 г.*

Десятинная церковь в XI—XIII вв. *Реконструкция Н. В. Холостенко.*



Освящение Десятинной церкви.
Миниатюра Радзивиловской летописи.

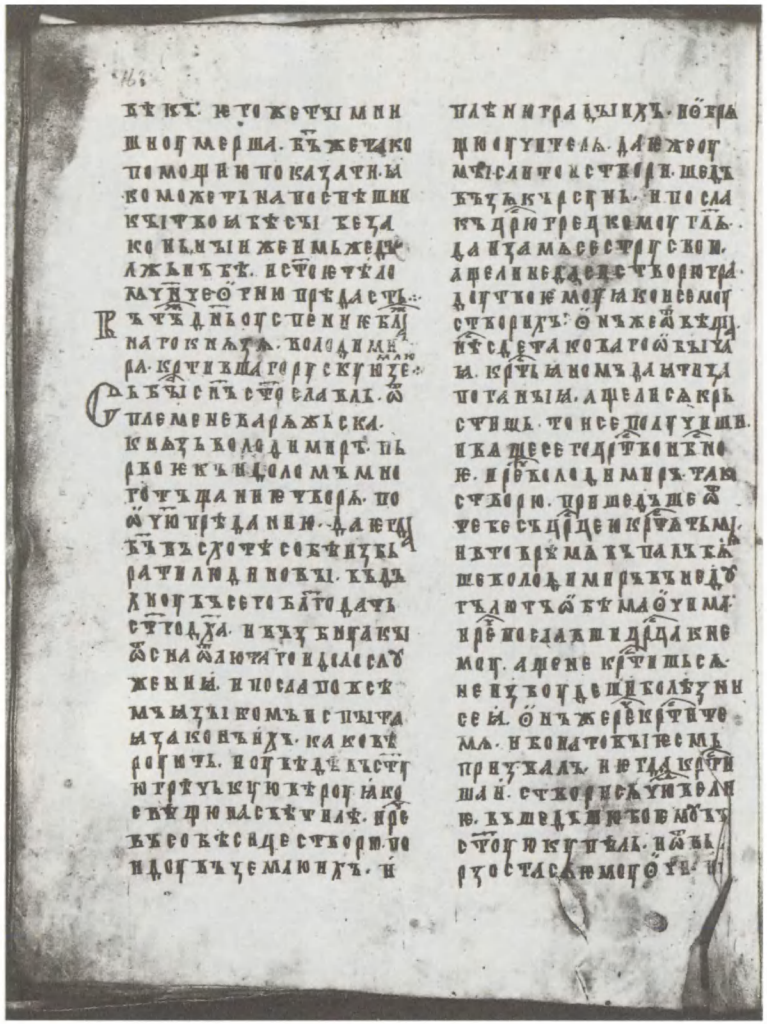
Крест-энколпион из развалин Десятинной церкви.
XII—XIII вв.



Проложное Сказание об освящении Десятинной церкви в рукописи 1-й половины XIV в. *(РГАДА. Ф. 381. № 179. Л. 97).*

Миниатюра «Сказания о святых Борисе и Глебе» в Сильвестровском сборнике XIV в. *(РГАДА)*. В верху: Владимир посылает Бориса против печенегов. В низу: смерть Владимира. «Святополк потаи смерть отца своего».

Миниатюра «Сказания о святых Борисе и Глебе» в Сильвестровском сборнике. В верху: Христос подает венцы Борису и Глебу. В низу: Святый Борис идет на печенегов.



Проложное Житие князя Владимира в рукописи 1-й половины XIV в. *(РГАДА. Ф. 381. № 173. Л. 162 об.).*

защищенные. Провожавший Бруно до границ своих владений Владимир подъехал к одним из ворот и, спрыгнув с коня, взошел на холм. Но переходить рубеж, ступать на чужую, враждебную землю он, кажется, не стал [18].

Возведенные Владимиром укрепления, несомненно, сыграли свою роль в обороне Руси от кочевников. Но не сразу. В 996 году, например, печенеги неожиданно появились в непосредственной близости от Киева.

«Пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшой дружиной», — рассказывает киевский летописец [19].

Дата появления печенегов у Василева известна точно — 6 августа 996 года, день Преображения Господня. Владимир оказался не готов к отражению печенежского прорыва и не располагал достаточными силами. Позднейшие книжники винили его в неосмотрительности и неосторожности, и, пожалуй, у них были на то веские основания.

«Владимир, слыша о печенегах и сожалея града того, — читаем в «Истории Российской» В. Н. Татищева, — вскоре, не собрав довольно войска, сколько потребно было, хотя вскоре помощь граду учинить, пошел на печенег. Они же незапно встретили Владимира во многолюдстве. Владимир, видя то и не успев войска к бою учредить, с невеликими, бывшими при нем хотел противиться, но войска его, убоявся множества печенег, побежали». Под Владимиром убили коня. Другого он отыскать не мог и вынужден был спасаться от печенегов, укрывшись под василевским мостом [20].

Впрочем, «Повесть временных лет» не знает этих подробностей и сообщает весьма кратко: «И схватились (русские с печенегами. — *А. К.*), и не смог (Владимир. — *А. К.*) устоять против них, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов».

Это была одна из трагических минут в жизни Владимира. Трудно сказать, как бы повернулась история государства, если бы Владимир попал в руки к печенегам. Но — пронесло. Владимир благополучно высидел под василевским мостом, и враги ушли. Как уже не раз случалось в его жизни, не меч, но слово определило судьбу князя. Владимир обращается к Богу с молитвой о спасении, вспоминает о празднике, который праздновался в тот день, и дает обет в случае избавления поставить церковь во имя Преображения Господня. И молитва была услышана. Как мы знаем, Владимир сдержал обещание и в самом деле выстроил в Василеве церковь.

Если буквально принимать летописный рассказ о том, что уже в день избавления от печенегов Владимир строит храм и празднует восемь дней, а к Успению Божьей Матери (15 августа) возвращается в Киев, то можно сделать вывод, что набег печенегов на Киев был событием частным, локальным: печенеги пришли и ушли, не попытавшись взять Киев и разорив лишь окрестности Василева. Но такой набег был частью большой войны; летописец вспомнил о нем только из-за сопутствовавших ему чрезвычайных обстоятельств — поражения Владимира и возведения василевской церкви. Очевидно, были и другие нашествия — большие и малые. «Бе бо рать велика (от печенег. — *А. К.*) бес престани», — сетует летописец в начале уже следующей статьи, рассказывающей о событиях 997 года.

Этот год начался походом Владимира к Новгороду. Мы уже знаем, что князь набирал там «воев», необходимых для заселения южных, пограничных крепостей. Печенежские набеги приводили к оскудению и запустению южных областей. Как и в дни своей молодости, Владимир спешит на север: Новгород и некогда тяготевшие к Новгороду земли — словен, кривичей, чуди — остаются главным источником для пополнения его войска. Мы не знаем, что побуждало «лучших мужей» этих славянских и неславянских племен к переселению — может быть, казна, выдаваемая князем, богатство и плодородие южных земель. Но вполне возможно, что князь мог и принудить подвластное ему население к перемещению на новое место.

Позднейшие летописи по-другому называют цель новгородского похода. «Владимир, не уповая от печенег нападения, умыслил идти на чудь и оных покорить», — сообщает в своей «Истории» В. Н. Татищев [21]. Действительно ли имел место «чудской» поход киевского князя, или это догадка какого-то позднего книжника, попытавшегося объяснить появление чуди среди «верховных воев» Владимира, сказать трудно. Однако в нашем распоряжении имеется источник, проливающий свет на драматические события, развернувшиеся на северо-западе Руси именно в это время. «Чудской поход» Владимира, если и был в действительности, то, очевидно, явился частью большой войны с грабителями-норманнами. По свидетельству скандинавских саг, около 997 года Русь подверглась нападению норвежского ярла Эйрика, сына Хакона. Военные действия развернулись в конце весны и летом, главным образом в районе Старой Ладоги.

«Весной, — рассказывает известная нам Сага об Олаве Трюгвассоне, — он (Эйрик. — *А. К.*) снарядил свое войско и поплыл на Восток; когда он прибыл во владения Вальдамара конунга, он стал там грабить, убивать людей и жечь повсюду, где он проходил, и опустошил страну. Он подошел к Альдейгьюборгу (Ладоге. — *А. К.*) и осаждал его, пока не взял город, перебил там много народу, разрушил и сжег весь город (городские укрепления. — *А. К.*), а затем далеко прошел по Гардарики с боевым щитом». Снорри Стурлусон, включивший Сагу об Олаве в составленную им книгу «Хеймскрингла» («Круг Земной»), процитировал древнюю песнь под названием «Бандадрапа», сочиненную в честь Эйрика скальдом Эйольвом Губителем Скальдов, бывшим в дружине самого Эйрика:

«Воин отправился в путь, чтобы опустошить мечом страну Вальдамара; буря меча усилилась после того, как ты, гроза мужей, разрушил Альдейгью; мы это верно знаем; жестокой была эта война для людей; ты пришел на Восток в Гарды» [22].

По сказаниям саг, Эйрик воевал во владениях Вальдамара Старого, главным образом, из ненависти к Олаву Трюгвассону. По прошествии некоторого времени он вернулся в Норвегию, где в союзе с конунгами Швеции и Дании начал войну против Олава. В одной из битв, в 999 или 1000 году, Олав Трюгвассон был убит Эйриком; последний стал правителем Норвегии.

Разрушение Ладоги, «морских ворот» Новгорода и всей Руси, разорение других подвластных Владимиру земель могло заставить князя покинуть Киев и поспешить к Новгороду. Саги, однако, не сообщают о личном участии князя Владимира в войне с норвежским ярлом.

И вновь печенеги нападают на Русь именно тогда, когда князь Владимир отсутствует в Киеве. «...Узнали печенеги, что нет князя, и пришли, и встали около Белгорода».

Белгород на реке Ирпень — ближайшая к Киеву крепость, главная военная база Владимира. Археологические исследования Белгородского городища (ныне село Белгородка в 23 километрах к западу от Киева) показали, что во времена Владимира это был действительно крупный и хорошо укрепленный город. Площадь белгородского детинца составляла 12,5 гектара; сам детинец был окружен земляными валами с каменным и деревянным заполнением (их высота превышала 11 метров) и глубоким рвом. Владимир поставил крепость на обжитом месте: здесь и раньше находилось славянское поселение — городище. К детинцу примыкал посад, также окруженный в конце X века мощным валом и рвом. Площадь укрепленного посада составляла уже 40 гектаров. Очень не-

обычно были устроены главные ворота Белгородской крепости. Земляные валы поворачивали в глубь детинца примерно на 45 метров и образовывали узкий проезд шириной всего в 2 метра, по которому — под прицелом защищавших ворота воинов — должны были двигаться нежданные гости. В наиболее опасных местах возвышались мощные дубовые башни (площадь основания одной из них, раскопанной археологами, составляла 3,75 на 2,7 метра). Белгородская крепость и в самом деле могла вместить в себя не только жителей ближних селений, но и довольно многочисленное войско [23].

Скорее всего целью печенежского набега была на этот раз столица Руси. Однако Белгород сковал силы печенегов, и они, по-видимому, побоялись оставлять его в своем тылу. Позднейшие летописцы полагали, что Владимир оставался в Новгороде в течение всего срока белгородской осады и вернулся домой лишь по ее завершении [24]. Так ли было в действительности, неизвестно. Сами белгородцы открыто осуждали князя за бездеятельность и нежелание помочь им. По мнению автора «Повести временных лет», это объяснялось не столько удаленностью Владимира от места событий, сколько отсутствием у него достаточного войска.

Рассказ об осаде Белгорода (или, как его еще называют, о «белгородском киселе») — один из самых ярких и красочных в составе «Повести временных лет». Он интересен не только как литературное и притом высокохудожественное произведение, в основу которого положено народное предание, но и как уникальный исторический источник, рассказывающий об обстоятельствах русско-печенежской войны и о внутренней жизни русского города во времена Владимира. Из него, в частности, мы узнаем о той роли, которую играло вече в жизни даже княжеского города, построенного недавно и заселенного князем. В критические минуты, когда княжеская власть проявляла беспомощность, вече по-прежнему определяло судьбу города и его жителей.

«...И не давали печенеги выйти из города, — продолжает рассказ летописец, — и был в городе великий голод. И не мог Владимир помочь, ибо не было у него воинов; печенегов же было великое множество. И затянулась осада города... И собрали вече в городе, и сказали: «Вот, уже скоро помрем с голода, а от князя помощи нет. Чем так помирать, лучше сдадимся печенегам — пусть кого умертвят, а кого и в живых оставят...» И на том порешили. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем собиралось вече?» И поведали ему люди, что назавтра хотят сдаться печенегам. Услышав это, послал он за старейшинами градскими и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же отвеча-

ли: «Не стерпят люди голода». И сказал он им: «Не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что велю вам». Они же с радостью согласились». Старец велел отыскать в городе хотя бы по горсти пшеницы, овса или отрубей. Несмотря на голод, люди нашли требуемое. «И повелел старец женам сварить цежу*, из которой варят кисель, и повелел ископать колодец, и поставить туда кадь, и налить в кадь цежу. И повелел другой колодец ископать и туда кадь поставить. И еще повелел поискать меду. Люди же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И повелел сделать из него сыту и влить в кадь. Наутро же повелел послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите у нас заложников наших, а сами, десять человек, войдите в город, чтобы посмотреть, что делается в городе нашем». Печенеги обрадовались, думая, что те хотят сдаться, взяли у них заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали в город... И пришли те в город, и сказали им люди: «Зачем себя губите? Разве можете перестоять нас? Если и десять лет будете стоять, что сможете нам сделать? Ибо нас земля кормит. Если не верите, посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где цежа была, и зачерпнули ведром, и разлили в латки**. И когда сварили кисель, пришли с ними к другому колодцу и зачерпнули сыты. И сначала сами поели, а затем печенегам дали. И удивились те, и сказали: «Не поверят нам князья наши, если сами не поедят». Люди же налили корчагу*** цежи и сыты из колодца и дали печенегам. Те, придя, поведали обо всем. И, сварив, поели князья печенежские и удивились. И, взяв своих заложников, а тех отпустив, сняли осаду и ушли от города восвояси» [25].

Перед нами, несомненно, народное предание, даже сказка, близкая по своему происхождению к предшествующему сказанию летописи о юноше-кожемяке [26]. Ее сюжет в той или иной степени знаком фольклору многих народов: защитники осажденного города, испытывающие острый голод, отдают последнее, что у них есть, неприятелю и тем самым обманывают его и заставляют снять осаду****. Вероятно, во время

---

* Цежа — мучной раствор.

** Латка — посуда, род продолговатой миски.

*** Корчага — большой глиняный горшок.

**** Любопытная параллель к летописному рассказу обнаруживается в скандинавской Саге о Барди, сыне Гудмунда: осажденный врагами в одной из крепостей в Исландии герой поступил почти так же, как белгородский старец, — кинул врагам оставшуюся у него колбасу с салом и так обманул их. Учитывая, что Барди был на Руси (и, видимо, погиб там в Лиственской битве 1024 года), исследователи допускают, что в саге нашло отражение именно русское предание.

многочисленных войн древности подобная военная хитрость в самом деле могла принести успех.

Но белгородский старец не просто хитрит. Как мне кажется, в его действиях очевидно присутствие определенного ритуала, магического обряда, связанного с культом земли, широко распространенным среди восточных славян. Летописный рассказ обнаруживает черты сходства с многочисленными описаниями своеобразного обряда испрашивания урожая, сохранявшегося в России, по крайней мере, до конца прошлого века.

Обыкновенно перед началом сева, желая умилостивить землю, русские крестьяне приводили к пашне какого-нибудь древнего старика, пользовавшегося всеобщим уважением (позднее его стал заменять священник), который бросал в землю горсть «сборного» (то есть собранного с каждого двора) зерна, кропил пашню водой, приговаривая при этом молитву или особый заговор, обращенный к самой земле [27]. Этот обряд идет из глубины веков и несет в себе заметные черты изначального языческого поклонения «матери сырой земле» — прародительнице всего живого, оплодотворяемой небесной влагой и рождающей из своих недр питающие человека злаки. Он также просит собрать «аще по горсти» овса, пшеницы или отрубей со всех дворов (очевидно, отруби — оставшаяся после обмолота шелуха — должны заменить недостающее зерно), «створить цежь» и, вырыв колодец, опустить в землю «кадь» со съедобной жижей. Именно земле (а уж потом печенегам) отдается то последнее, что нашлось в городе. Это и своего рода жертвоприношение, «сдабривание» земли, и общественное мероприятие, имеющее целью объединить горожан в едином ритуальном действе, противопоставить родных «чад» кормилицы-земли непрошенным чужакам. И «мать-сыра земля» помогает белгородцам обмануть печенегов. Те в самом деле верят в безграничные возможности «белгородского киселя» и оставляют город. Сказка оборачивается былью.

Но какой выдержкой и какой стойкостью надо было обладать, чтобы до конца отыграть выбранную роль. Представим себе хоть на миг то, что происходило в городе: осажденные, обессилевшие от голода люди собственными руками отмеривают драгоценную влагу — последнее, что удалось отыскать во всем городе! — и без видимого волнения, а может быть, даже с нарочитой небрежностью потчуют ею сытых печенегов — своих собственных губителей. Белгородцам пришлось и самим попробовать сваренный ими кисель (иначе печенеги могли бы заподозрить их в попытке отравления) —

но ведь это еще труднее: принять пищу, не показывая голода, как бы нехотя, едва ли не через силу.

Разумеется, предание, да еще записанное по прошествии времени, раскрывает нам лишь внешнюю сторону происходивших событий. В данном случае бесспорен уход печенегов от Белгорода. Но что побудило их к этому — в самом ли деле хитрость горожан, погодные условия или, как это нередко бывает, собственные ссоры — мы уже никогда не узнаем. Во всяком случае, Владимир так и не пришел на помощь осажденным. По свидетельству поздних летописей, только после ухода кочевников от Белгорода он возвращается в Киев и, уведав, «еже печенеги много зла учинили», посылает за ними погоню. Посланные, однако, «не могши их догнать, возвратились».

Печенежские войны продолжались в течение еще долгого времени после завершения белгородской осады. Позднейшая Никоновская летопись сообщает о нашествиях кочевников под 998, 999, 1000, 1001 и 1004 годами. Вероятно, Владимир пытался не только воевать с печенегами, но и привлекать некоторую их часть на свою сторону. Напомню, что, по свидетельству Никоновской летописи, еще во время корсунского похода в 988 (989) году крестился некий печенежский князь Метигай. Под 991 годом тот же источник сообщает о приходе в Киев другого печенежского князя Кучюга, который «принял греческую веру, и крестился во имя Отца и Сына и Святого Духа, и служил Владимиру чистым сердцем, и много на поганых одоление показал; и любил его Владимир и почитал зело, также и митрополит и все князья и бояре почитали и любили его» [28].

Пожалуй, эти известия летописца XVI века могли быть навеяны позднейшими случаями переходов татарских и других князей на русскую службу. Древнейшие русские и западноевропейские источники не упоминают о крещеных печенегах в Киеве и других русских городах во времена Владимира. Но о проповеди христианства среди этих «закоренелых язычников», правда, не в 90-е годы X века, а несколько позже, мы знаем совершенно определенно.

В январе 1007 или 1008 года (точная датировка затруднена) в Киеве появился немецкий миссионер Бруно, имя которого уже не раз появлялось на страницах нашей книги. Бруно направлялся к печенегам для проповеди им Слова Божия и на некоторое время задержался в Киеве при дворе князя Владимира Святославича. Впоследствии, уже вернувшись из Печенежской земли и находясь в Польше, Бруно напишет письмо германскому королю Генриху II, в котором подробно

опишет свои злоключения среди печенегов и свои впечатления от посещения Киева. Это письмо — одно из самых ранних иностранных известий о князе Владимире и о Руси его времени.

Сам Бруно Кверфуртский был личностью далеко не заурядной. Родившийся в Германии, в семье кверфуртского графа, и получивший прекрасное образование, он прославился как ревностный подвижник христианства, фанатично преданный идее полного искоренения язычества. Примером для Бруно стала жизнь пражского епископа Адальберта (не путать с Адальбертом Магдебургским, миссийным епископом Руси в 60-е годы X века), принявшего мученическую смерть в Пруссии в 997 году. Бруно учился в Магдебурге, в той же школе при монастыре святого Иоанна, что и Адальберт; его миссионерская деятельность протекала в тех же областях восточноевропейского мира, в которых проповедовал его предшественник, — Венгрии, Пруссии, Польше. Перу Бруно Кверфуртского принадлежит Житие святого Адальберта Пражского.

Бруно был близок со многими влиятельнейшими людьми своего времени. Он принял монашество в Италии, где одно время общался со знаменитым пустынножителем блаженным Ромуальдом. В сан миссийного архиепископа его посвятил папа Сильвестр II. Еще до поездки в Италию Бруно был капелланом императора Оттона III; позже, после смерти Оттона в 1002 году, его приблизил к себе новый германский король Генрих II. Дружеские отношения связывали Бруно с польским князем Болеславом Храбрым, который стал для Бруно образцом христианского монарха. При этом Бруно оказался в двусмысленной ситуации: его сближение с Болеславом произошло в то время, когда последний вел жестокую войну с его прежним покровителем Генрихом II. Всеми силами Бруно старался примирить обоих государей.

Около 1005 года Бруно отправился в Венгрию, которая была крещена незадолго до этого. Здесь, очевидно, он встретился с печенегами, о которых в Европе ходила слава как о «наихудшем и жесточайшем народе из всех язычников, какие есть на свете». Бруно загорелся желанием привести их к Христу и с этой целью выехал на Русь. О дальнейшем рассказывает он сам в письме к королю Генриху:

«...Уже дни и месяцы полностью завершили год, когда мы после долгого и бесполезного пребывания покинули венгров и направили путь к наиболее жестоким из всех язычников, к печенегам.

Господин русов, великий властью и богатствами (князь

Владимир. — *А. К.*), на один месяц задержал меня и, задерживая меня против воли, словно я сам себя хотел по доброй воле погубить, очень беспокоился в отношении меня, как бы я не отправился к столь неразумному народу, где без всякой пользы для душ я нашел бы только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не смог убедить меня и некое видение обо мне, недостойном, испугало его, он сам сопровождал меня с войском вплоть до крайнего предела своего царства, которое из-за кочующего врага он укрепил со всех сторон крепчайшей и длиннейшей оградой...» [29].

Как видим, князь Владимир не сомневался в бессмысленности печенежской миссии Бруно и, более того, был убежден, что миссионеров ждет «постыднейшая» гибель. Он чуть ли не силой пытался удержать немецкого епископа в Киеве. Один ли страх перед печенегами руководил им? Или Владимир уже имел опыт христианской проповеди среди этого жестокого племени и знал о судьбе прежних проповедников?

В изображении Бруно Владимир — могущественный правитель своей страны, один из христианских государей Европы, стоящий на страже восточных окраин христианского мира от посягательств кочующего языческого врага. Вместе с тем он — гостеприимный хозяин, заботливый по отношению к путнику и не желающий, чтобы тот пострадал в его земле или же за ее пределами. Без сомнения, он — убежденный христианин; слова Бруно не оставляют и тени сомнения на этот счет. В начале XI века Западная и Восточная церкви еще не отреклись друг от друга; Владимир и Бруно относятся друг к другу как добрые христиане, не зная пока деления на католиков и православных. Любопытно, что Владимира окружают «старейшины» — очевидно, те самые, о которых так часто упоминает летописец.

Достигнув крайнего предела своего царства, Владимир попрощался с немцем-миссионером. «Обхватив руками, я нес крест Христов, распевая славную песнь: «Петр, любишь ли меня? Паси овец моих!» (Ин. 21: 15—17), — рассказывает Бруно. — По окончании песнопения господин послал к нам своего старейшину с такими словами: «Я проводил тебя [туда], где кончается земля моя и начинается вражеская. Богом прошу, не погуби свою юную жизнь к моему позору. Знаю, завтра, до третьего часа без пользы, без причины тебе суждено вкусить горькую смерть». Я ответил: «Пусть Бог тебе откроет рай, как ты нам открыл путь к язычникам».

Печенежская земля была отделена от Киева всего двумя днями пути. Вынужденный постоянно обороняться от вторжений, Владимир, наверное, внимательно следил за передви-

жениями кочевников. Но на этот раз он несколько ошибся в расчетах. Два дня беспрепятственно двигались Бруно и его спутники по Печенежской земле и лишь на третий день были схвачены язычниками. Несколько раз печенеги порывались убить пришлых миссионеров, подвергли их бичеванию, но все же сохранили жизнь и допустили в свои становища. «Так, по сотворению чудотворного Господа и наиценнейшего Петра, пробыли мы среди того народа пять месяцев; три части их земли мы обошли, четвертой не достигли... Обратив в христианство около тридцати душ, мы с помощью перста Божия установили мир, который, как те говорили, никто, кроме нас, не мог бы установить... По этой причине я пришел к господину русов, который, Господа ради, удовлетворяя мою просьбу, дал в заложники сына. И мы посвятили в епископы одного из наших, которого вместе с сыном он поместил посреди земли [печенегов]. И установился к вящей славе и хвале Спасителя Бога христианский закон в наихудшем и жесточайшем народе из всех язычников, какие есть на земле».

Священники-миссионеры исполняли в те времена и дипломатические поручения. Возможно, заключая мир с печенегами, Бруно действовал по просьбе и от имени князя Владимира. Проявляли ли заинтересованность в этом иные державы (скажем, Германия или Польша), сказать трудно.

Мир с Печенежской землей пришелся кстати для Руси. Немецкий епископ сообщает, что в качестве заложника в Степь был отправлен один из сыновей Владимира. По общему мнению историков, этим сыном являлся Святополк. Но основание для такого суждения — тот факт, что в дальнейшем, во время междуусобной войны с Ярославом, Святополк будет действовать в союзе с печенегами, — кажется мне недостаточным. Святополку к 1007—1008 годам было около тридцати лет; он княжил в Турове, на западе Русской земли, и был слишком заметной и уже вполне самостоятельной фигурой, чтобы исполнять роль заложника. Скорее Владимир мог послать к печенегам кого-то из своих младших сыновей — одного из тех, чье имя впоследствии исчезает со страниц русской летописи. Разумеется, какие-то заложники — и притом достаточно знатные — были взяты в Киев с печенежской стороны.

Как долго продержался мир, заключенный Бруно, сказать трудно. Во всяком случае, в 1013 году Русь воевала с печенегами. До этого времени никаких сведений о русско-печенежских столкновениях нет.

Ничего мы не знаем и о судьбе печенежской епископии, основанной Бруно. Судя по более чем скромным результатам

печенежской миссии (обряд крещения за пять месяцев приняло лишь около тридцати человек), ее перспективы были безрадостными. Скорее всего нопоставленному епископу вскоре пришлось покинуть свою паству*.

Печенежская миссия епископа Бруно, по-видимому, имела еще одно немаловажное последствие для Руси, касающееся русско-польских отношений. Покинув Киев, Бруно отправился в Польшу к князю Болеславу. Помимо прочего, он, вероятно, хотел поклониться мощам святого Адальберта Пражского, которые покоились в кафедральном соборе города Гнезно, столицы Болеслава. Несомненно, Бруно был радушно встречен правителем Польши. В тот момент Болеслава более всего занимали «западные» связи немецкого епископа. Болеслав вел войну с германским королем Генрихом II, в которой Польше противостояла целая коалиция в составе Германии, Чехии, а также славян-лютичей. Бруно, лично знавший Генриха и пользовавшийся его доверием, мог помочь Болеславу заключить выгодный мир. (И в самом деле, в уже упомянутом письме к германскому королю, написанном в Польше, Бруно будет настойчиво убеждать того разорвать союз с язычниками-лютичами и помириться с польским князем.) Но и обстановка к востоку от Польши не могла не волновать Болеслава. Разумеется, он внимательно расспросил Бруно о результатах его печенежской миссии и об обстановке на Руси и в стране печенегов.

Среди отечественных историков распространено мнение, согласно которому в Киеве и Печенегии Бруно действовал, главным образом, в интересах Болеслава, а следствием печенежской миссии немецкого епископа стало образование польско-печенежского союза, прямо направленного против Руси [30]. Думаю, однако, что это сильное преувеличение. Епископ Бруно был одержим идеей союза европейских христианских государств с целью совместных действий против язычников во имя утверждения христианства во всем языческом мире. Порицавший Генриха II за недостойный христианина союз с язычниками-лютичами, Бруно никак не мог в то же самое время содействовать заключению такого же союза с язычниками-печенегами польского князя Болеслава. Очевидно, что он был сторонником польско-русского сближения и

* Было бы весьма заманчиво предположить, что воспоминания именно о миссии Бруно и о принявших от него крещение печенежских князьях отразились в цитированных выше известиях Никоновской летописи. Но, как отмечалось выше, могут быть и другие объяснения появления этих летописных статей.

привлечения обеих стран к совместной борьбе с язычеством. Искренность же своих убеждений Бруно доказывал всей своей жизнью, которую готов был принести в жертву и в Печенегии, и в других языческих странах. Так, из Польши Бруно отправился для проповеди христианства к язычникам пруссам и погиб где-то на границе Пруссии и Руси в феврале или марте 1009 года. Другое дело, что миссия Бруно, независимо от политических пристрастий немецкого епископа, должна была привести к политическим контактам между Болеславом и печенежскими «князьями». Поставленный Бруно печенежский епископ-немец рано или поздно должен был появиться в Польше, куда удалился сам Бруно. Болеслав же вовсе не разделял убеждений своего друга-миссионера.

И действительно, в войне с Русью в 1013 году Болеслав будет действовать совместно с печенегами, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что он натравливает язычников на христиан.

Никоновская летопись рассказывает о проповеди христианства и среди других соседей Руси — волжских болгар. В 990 году, сообщает летописец XVI века, «послал Владимир философа, нарицаемого Марком Македонянином, в Болгары, то есть в агаряны, которые называются также измаилтянами, и сарацинами... и бесерменами... и татарами, и многими другими именами демонскими». Летописец привел слова Владимира, обращенные к «философу» Марку: «Ты же иди к ним, и проповедуй им Слово Божие, да уверуют в Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и да крестятся Божественным Его крещением, и с нами единоверны и единосоветны будут, и небесных благ сподобятся». «Философ же отправился в Болгары и много учил их Слову Божию», однако успеха не добился и возвратился к Владимиру в Киев; «и много чествован был им и всеми похвален». «В том же году пришли из Болгар к Владимиру в Киев четыре князя и просветились Божественным крещением; Владимир же чествовал их и одарил щедро»[31].

Отдельные случаи перехода болгар-мусульман в христианство, наверное, могли иметь место уже во времена Владимира. Но рассказ Никоновской летописи в целом, несомненно, имеет позднее происхождение. Скорее всего вымышлено и имя «философа» Марка Македонянина. Очень похоже, что летописец распространил на времена Владимира существовавшую в его время практику: в XV и XVI веках татарские «князья» нередко принимали христианскую веру и переходили на русскую службу, получая за это «честь» и щедрое «удовольствование». Не случайно летописец именует болгар

«татарами»; обращение к «болгарской» политике князя Владимира, вероятно, представляет собой попытку обосновать более ранними прецедентами современную ему политику Москвы по отношению к Казани.

«Повесть временных лет» ничего не знает о войнах Руси со своим восточным мусульманским соседом. Но мир 985 года вряд ли соблюдался после Крещения Руси: языческие клятвы, данные русскими, очевидно, утрачивали свою силу. По свидетельству той же Никоновской летописи, Владимир дважды воевал с Волжской Болгарией — в 994 и 997 годах. В обоих случаях ему сопутствовала удача.

Откуда почерпнул автор летописи эти сведения, неизвестно. Насколько они точны, мы тоже не знаем. Во всяком случае, не будем безоговорочно принимать названные летописцем даты: известно, что автор Никоновской летописи «растягивал» события княжения Владимира, перенося многие из них на более поздние года, оставленные «пустыми» предшествующими летописцами.

В «Истории Российской» В. Н. Татищева имеется еще одно уникальное известие, касающееся русско-болгарских отношений. Под 6514 (1006) годом историк сообщает о торговом договоре, заключенном между двумя странами:

«Прислали болгоры (волжские) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил. И дал им во все грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатьми от наместников в Болгоры с торгы ездили без опасения; а болгоры все их товары продавать во градех купцом и от них купить, что потребно; а по селом не ездить, тиуном, вирником, огневщине (огнищанам; перечислены различные категории княжеских слуг. — *А. К.*) и смерди (смердам, то есть крестьянам. — *А. К.*) не продавать и от них не купить» [32].

Вопрос о свободной торговле действительно был главным в отношениях между Русью и Волжской Болгарией. Именно попыткой утвердиться на восточном отрезке великого трансконтинентального торгового пути объясняются войны между этими государствами и в X, и в XII—XIII веках. Замечу, однако, что терминология и география татищевского известия указывают скорее на эпоху Владимира Мономаха или Андрея Боголюбского, нежели Владимира Святого.

90-е годы X века и начало следующего тысячелетия были весьма насыщенными в истории внешней политики Руси. В это время устанавливаются более или менее определен-

ные границы на западе Киевского государства. Автор «Повести временных лет» записывал под 996 годом: «Жил князь Владимир с князьями окольними в мире — с Болеславом Лядским (Польским. — *А. К.)*, и со Стефаном Угорским (Венгерским. — *А. К.)*, и с Андрихом Чешским; и был мир между ними и любовь»[33]. Скорее всего это известие имеет в виду более позднее время, поскольку Стефан занял венгерский престол только в 997 году, а Ольджих Чешский (которого летописец, видимо, и называет Андрихом) — даже в 1013-м. Да и посещали Киев польские, венгерские и чешские послы вряд ли одновременно*. Но указание на «окольних» князей очень важно: оно означало дипломатическое признание западной русской границы или, иными словами, присоединение Червенских и Хорватских земель к Киевской Руси.

В течение всего этого времени не прекращался оживленный обмен посольствами между Киевом и Римом. Никоновская летопись сообщает о посещении папскими посланниками Киева в 991 и 1000 годах (напомню, что еще раньше, в 989 году, папские послы навестили Владимира в Корсуни). Ответные визиты киевских послов в Рим состоялись около 994 и в 1001 году**.

Даты посольств, конечно, условны. Цель их также не вполне ясна. Возможно, что мы имеем дело с дублированием под разными годами одного и того же известия о переговорах между Киевом и Римом. Но и оно может оказаться вымыслом позднейшего книжника: в XV и начале XVI века отношения между Москвой и Римом приобрели весьма оживленный характер, и книжники того времени были заинтересованы «углубить» их до времени равноапостольного Крестителя Руси.

---

* Никоновская летопись сообщает также о приходе к Владимиру послов от Болеслава Польского и Андриха Чешского под 992 годом и о послах «от королей чешских и угорских» под 1000-м. Думаю, все же, что эти известия восходят к статье 996 года «Повести временных лет» (в Никоновской летописи текст этой статьи помещен под 998 годом).

** В. Н. Татищев в своей «Истории» добавляет, ссылаясь на некий не дошедший до нас Хрущовский летописец: в 991 году «приходили послы от папы Римского и принял их Владимир с любовию и честию и послал к папе своего посла. Уведав же о сем патриарх Царяграда, писал ко Владимиру и митрополиту Михаилу, еже не добро с папою соглашаться, глаголя, что вера римская не добра...». (Далее следует перечень обвинений против латинян, представляющий собой позднейшее полемическое сочинение.) Под 994 годом Татищев также уточняет по сравнению с текстом Никоновской летописи: «Возвратилися послы Владимировы от папы, *не учиня ничего*» (выделены слова, отсутствующие в Никоновской летописи. — *А. К.*) [34].

Под 990 годом Никоновская летопись сообщает также о посольстве к князю Владимиру «из Грек» — очевидно, от императоров Василия и Константина.

Русско-греческие отношения развивались вполне успешно на протяжении всего княжения Владимира. Русь оставалась союзницей Византии даже после смерти царицы Анны (1011 год); русские участвовали в качестве наемников в войнах Империи в Болгарии, Сирии, Закавказье и на юге Италии. Уже после смерти Владимира, в 1016 году, русские и византийские войска разгромили в Крыму некоего «правителя хазар» Георгия Цуло (по другим данным, стратига Херсонеса). Согласно свидетельству византийских хронистов, русскими командовал брат Владимира Сфенгос [35]. (Как мы знаем, у Владимира к этому времени не осталось братьев. Кто из его родственников скрывается под этим именем, неизвестно. Может быть, его сын Мстислав Тьмутороканский?)

Византийцы, однако, не относились к русским с полным доверием. Из одного византийского военного трактата 90-х годов X века следует, что доместику (командующему войсками) и пограничным стратигам ставилось в обязанность готовить лазутчиков для тщательного разведывания положения дел у соседних с ромеями народов — в том числе и на Руси[36].

Исключительный интерес вызывает еще одно известие Никоновской летописи под 1001 годом: «Послал Владимир гостей своих, аки в послах, в Рим, а других — в Иерусалим, и в Египет, и в Вавилон — соглядать земли и обычаи их»[37].

Гости — купцы, нередко исполнявшие в то время дипломатические поручения. Если это сообщение не является позднейшим домыслом*, то оно показывает широту кругозора

---

* Это, конечно, вполне возможно. Отметим, кстати, что польский историк XVI века М. Стрыйковский помещал известие о посольствах Владимира «в Африку, Египет и Скифию» в связи с испытанием вер киевским князем. Здесь же, пожалуй, уместно будет вспомнить еще об одном легендарном известии о Владимире. В XVI веке в Польше появился текст некоего письма, адресованного князю Владимиру его врачом и «ритором» половцем (!) Иваном Смерой, отправленным князем в Грецию «для исследования веры» еще в 980 году, но оказавшимся в Александрии в Египте. Письмо якобы было вырезано железными буквами на двенадцати медных досках и датировано 990 годом. В нем содержатся резкие выпады против греческого православия и восхваления в адрес неких христиан, живущих праведной жизнью в Александрии. Эта подделка представляет собой полемическое сочинение, направленное против православной веры и принадлежащее польским протестантам-антитринитариям XVI века [38].

князя Владимира. Ведь столь отдаленные от Руси страны вряд ли могли рассматриваться князем в качестве возможных союзников. Скорее здесь — простой интерес, любознательность.

Сохранившиеся древнейшие русские письменные источники, и прежде всего «Повесть временных лет», с исключительной подробностью рассказывают о событиях первого десятилетия после Крещения Руси — 988—997 годов. Как мы видели, в распоряжении летописца находились разнообразные материалы — в том числе народные предания, какие-то церковные записи и т. д.

Но совсем другая картина обнаружится, если мы взглянем на летописные записи, касающиеся следующего периода княжения Владимира. После рассказа об осаде Белгорода (997 год) — зияющий провал. За шестнадцать лет — с 988 по 1013 год — «Повесть временных лет» содержит самую скудную информацию. Всего несколько кратких известий, извлеченных, правда, из очень древнего источника — вероятнее всего, из помянника Киевской Десятинной церкви. В основном это события семейной жизни князя Владимира — сообщения о смерти его близких, а также сугубо церковные события, происходившие в Десятинной церкви.

Так, под 1000 годом сообщается о преставлении некой «Малфреди» и в то же лето — «Рогнеди, матери Ярослава», супруги Владимира. В 1001 году «преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира», в 1003-м — «Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира». В 1007 году «перенесены святые в церковь святой Богородицы» (вероятно, мощи святого Климента, папы Римского, и его ученика Фива, принесенные Владимиром из Корсуни). Наконец, под 1011 годом сообщается о преставлении «царицы Владимировой Анны»[39].

И это все. Остальные годы — до 1014-го, под которым рассказывается о событиях, связанных уже с болезнью и смертью князя Владимира, — оставлены пустыми; летописец записывал лишь дату («В лето такое-то») — и, не обронив ни единого слова, переходил к следующей.

Ученые высказали предположение, согласно которому в 996 или 997 году было составлено древнее повествование о князе Владимире, возможно, древнейшая русская летопись, которую использовал последующий летописец; этот текст и вошел в состав «Повести временных лет» [40]. И хотя эта гипотеза не стала общепризнанной, иначе трудно объяснить поразительный контраст между последующей частью летописи и ярким и красочным описанием первой

половины княжения Владимира. Стоит обратить внимание и на тот факт, что древнейший источник «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова мниха, из которого автор «древнейшего жития» черпал сведения о жизни святого князя, по-видимому, также доходил примерно до этого времени: последнее событие, которое Иаков мних датирует по относительной хронологии княжения Владимира, — вручение десятины церкви Пресвятой Богородицы, случившееся в «девятое лето» по крещении, то есть в 995 или 996 году.

Книжники XVI столетия попытались восстановить события княжения Владимира, заполнить «пустые» летописные статьи «Повести временных лет» новыми яркими подробностями. Возможно, они пользовались какими-то не дошедшими до нас летописными сводами, но гораздо чаще — народными преданиями, легендами, былинами, бытовавшими уже в то время. Последние стали основой рассказов о «богатырях» князя Владимира и об их войнах с печенегами и другими врагами Руси, которые приводятся в Никоновской летописи, а также в Степенной книге царского родословия[41].

Так, под 6508 (1000) годом читаем: «Пришел Володарь с половцами к Киеву, забыв благодеяние господина своего князя Владимира, демоном научен. Владимир же был тогда в Переяславце на Дунае, и было смятение великое в Киеве. И вышел ночью навстречу ему Александр Попович, и убил Володаря, и брата его, и иных множество половцев избил, а иных в Поле прогнал. И услышав об этом, возрадовался Владимир весьма, и возложил на него гривну златую, и сделал его вельможей в палате своей...»

Эпическое происхождение этого рассказа не вызывает сомнений. Перед нами краткий пересказ какой-то былины, повествующей о подвиге Владимирова богатыря. Как и подобает былинам, рассказ не очень конкретен и далек от реалий Владимировой поры. В «старинах», записанных в новое время, Владимир «Красное Солнышко» воюет в основном с татарами или литовцами. Здесь же их место занимают половцы, столь же чуждые эпохе Крестителя Руси. (Половцы появились в южнорусских степях лишь в 50-е годы XI века, спустя сорок лет после смерти Владимира Святославича.) «Изменник» Володарь, о котором идет речь, — по-видимому, князь Володарь Ростиславич, живший в конце XI — начале XII века и действительно воевавший (причем именно в союзе с половцами) с князем Владимиром — но, разумеется, не с героем нашей книги, а с его правнуком Владимиром Мономахом [42]. Наконец, сам Александр Попович, любимый герой

русского эпоса, на самом деле жил еще позднее, в начале XIII века, и служил ростовскому князю Константину Всеволодовичу, сыну Всеволода Большое Гнездо. Поздние летописи рассказывают о его гибели вместе с другими «храбрами» в 1223 году в битве с татарами на реке Калке (хотя, по мнению современных исследователей, это тоже лишь предание, запись какой-то другой былины [43]). В XVI веке, когда складывается «киевский цикл» былин, Алеша Попович становится богатырем «ласкового князя» Владимира; в этой роли его и знает автор Никоновской летописи*.

Никоновская летопись содержит и другие рассказы о подвигах Алеши Поповича и его товарищей. В статье 6509 (1001) года, имеющей особый подзаголовок «Богатыри», читаем следующий текст:

«Александр Попович и Ян Усмошвец, убивший печенежского богатыря, избили множество печенегов и князя их Родмана с тремя сыновьями его в Киев к Владимиру привели. Владимир же сотворил празднование светлое и милостыню многую раздал по церквям, и по монастырям, и убогим, и нищим, и по улицам — больным и страждущим...»

Под 6512 (1004) годом: «Пришли печенеги на Белгород. Владимир же послал против них Александра Поповича и Яна Усмошвеца со многими силами. Печенеги же, услышав, бежали в Поле...»

Под теми же годами следуют рассказы и о других Владимировых богатырях. В 1000 году «преставился Рагдай удалой,

---

* По рассказу летописца XVI века, во время нашествия «половцев» Владимир оказался в городе Переяславце на Дунае, прежней столице его отца Святослава. Это известие заставило историков предположить какой-то поход Владимира против дунайских болгар, предпринятый около 1000 года. Так, В. Н. Татищев, излагавший события этого года в основном по Никоновской летописи (но заменяя половцев на печенегов), писал о дунайском походе вполне определенно: «Владимир весной паки, собрав войско, пошел на болгор и, взяв Переяславец, в оном пребывал, доколе мир учинил»[44]. Но очевидно, что и Переяславец, и Дунай попали в статью 1000 года из той же былины, повествующей о половцах и «изменнике» Володаре. В «князе Владимире» этой былины угадывается скорее не Владимир Святославич, а его правнук Владимир Мономах. И действительно, именно Мономах проявлял особую активность на Дунае. Дунайские города достались ему после гибели в 1116 году его зятя византийского царевича Леона Девгеневича, убитого греками. В «Истории» В. Н. Татищева рассказано о нескольких походах Владимировых воевод на Дунай, а под 1119 годом — и о подготовке самого Мономаха к большой войне с Византией. Пребывание же в Переяславце на Дунае Владимира Святославича — не более чем легенда.

коий наезжал на триста воинов. И плакал о нем Владимир, и похоронил его с отцом своим митрополитом Леонтом». Под 1004 годом: «В том же году Андриха Добрянкова храброго отравою смертною окормили свои же слуги...»

Как можно догадаться, автор летописи черпал свои сведения о киевских богатырях не только из народных преданий и былин. Так, прочитав в летописи о преставлении некой Малфреди (судя по имени, дочери или жены некоего Малфреда) и приняв ее имя за мужское, он пришел к выводу о гибели еще одного богатыря: «В лето 6510 (1002) преставился Малвред сильный»*.

Но в Никоновской летописи есть и такие известия, которые трудно принимать за заимствования из народных преданий или творчество самого летописца. Они-то и дают основание предполагать наличие у книжника XVI века какого-то древнего источника, не дошедшего до нас. О некоторых известиях такого рода — например, о природных катаклизмах, засухе, половодье или, наоборот, «умножении плодов» — мы уже говорили в предыдущей главе. Вот еще уникальные свидетельства летописца XVI века.

Под 1002 годом сообщается о пополнении княжеской семьи: «Родился Святославу сын Ян». (Очевидно, речь идет о древлянском князе Святославе Владимировиче, сыне Владимира Святого.) В том же году было «течение звездам» и «дожди многи». Под 1004 годом еще одно «нейтральное» известие, кажется, не актуальное для книжника XV или XVI века: «Убиен Темир, князь печенежский, от сродников». В том же году «знамение было в солнце, и в луне, и в звездах». В 1008 году «были прузи многи», то есть нашествие саранчи.

У последующих поколений русских людей Киевская Русь и ее князья навсегда заслужили благодарную память. «Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то цельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народной памяти, — писал выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский. — ...Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси как о колыбели русской народности» [45]. И подлинным олицетворением этой эпохи, олицетворением того единства, которое столь сильно осозна-

---

* В «Повести временных лет» эта смерть датирована 6508 годом. Автор Никоновской летописи сдвигает ее на два года вперед, как и в ряде других известий, читающихся в обоих источниках.

валось в жестокие и смутные времена засилия татар, раздоров и распрей, выпало стать именно «ласковому князю» Владимиру. Он не прославился какой-то особенной лихостью на поле брани, подобно своему отцу; он не совершал богатырских подвигов и был скорее политиком и дипломатом, чем воином. Авторы былин порой подсмеивались над ним, над его тщеславием или непамятливостью. Киевские богатыри нередко обижались на своего князя. Но в тяжкую минуту они все-таки приходили ему на выручку. Ибо князь Владимир — и летописный, и былинный — никогда не «охабився» родной земли, но неизменно заботился о ней, заботился и потакал своей дружине — и не только ей, а всей «земле», которая именно при нем была вовлечена в государственную жизнь и приобрела государственные очертания.

Удивительно, но и былины, и летописи, и даже церковные Жития — памятники, казалось бы, совершенно разного происхождения и разной направленности — почти одинаково изображают князя Владимира, порой используя даже сходные эпитеты. Оборона родной земли от нашествия «поганых», миры с «окольними» странами, твердость в вере, строительство городов и украшение церквей, правый суд и милостыня, забота о нищих и больных — все эти добродетели ставят в заслугу Крестителю Руси и сказители «старин», и летописцы, и писатели-агиографы. Позднейший автор «Похвального слова князю Владимиру» рисует портрет святого едва ли не на основе народных преданий о «ласковом князе» Владимире (хотя и не без влияния традиционных житийных форм):

«Свойственные же от Бога дарования сии были: мужеством светел во всем, храбр душою, остр умом, мудростью слова глубок, в правосудии прав, в подаянии готов, красен (красив. — *А. К.*) лицом, в бранях мужествен, на варвары велик, в междоусобных непобедим, в вере православной крепок и непоколебим, в видении красен же и благовиден, радостен лицом, кроток, благоприступен, тих, зело милостив, правосуд, благоутробив, человеколюбив» [46].

Князь Владимир Святославич — как некий собирательный образ князя киевской поры — стал героем не только русских былин, но и западноевропейского эпоса. Еще в середине XIII века в Норвегии была записана сага, представляющая собой пересказ древних германских эпических сказаний о короле остготов Теодорихе — «Тидреке Бернском» (то есть Веронском; Верона — город на севере Италии, столица Остготского королевства), жившем в конце V — первой четверти VI века. Часть событий, о которых рассказывает сага, происходили на Руси («Русиланде»), которой правил конунг «Вальдемар

Хольмгардский» (то есть Новгородский). Чудесным образом князь Владимир оказался современником самого Теодориха и жившего еще раньше прославленного правителя гуннов Аттилы (умер 453).

События в саге сменяются с калейдоскопической быстротой. Аттила и Вальдемар (разделенные в действительности более чем половиной тысячелетия) беспрестанно воюют друг с другом — то в «Гунниланде» (стране гуннов), куда вторгается со своим войском Вальдемар, то в «Пулиналанде» (Польше), Руси или «стране вилькинов» (Скандинавии), подвергшихся нападению Аттилы и Тидрека. Вальдемар осаждает Тидрека в одной из его крепостей — но проходит немного времени, и уже Тидрек с Аттилой осаждают русских в Палтескии (Полоцке) и Смаланде (Смоленске).

Сага изображает Владимира сильным и храбрым воином, почти не знающим поражений. Сам грозный Аттила не раз бывал бит им на поле брани.

«Конунг Вальдемар смело едет вперед и побуждает русских и велит трубить в рога, — рассказывает сага об одной из битв двух непримиримых врагов. — Поднимается тогда великая сеча и шум от возбуждения и натиска русских, и пало много из войска гуннов. Дело дошло до того, что конунг Аттила бежал со всем своим войском, а до того он потерял не меньше десяти сот своих людей... Потерпели они поражение и с бесчестием поехали домой в Сузу» [47].

Как и следовало ожидать, единственными, кому удалось справиться с русским конунгом, оказываются герой саги Тидрек и его родичи — славный остготский род Аумлунгов. Сначала Тидрек дважды побеждает своего тезку, сына конунга Вальдемара, а затем, в битве при Смаланде, встречает главные силы русских.

«А конунг Тидрек бьется в войске как лев в стаде. И весь он в крови, также и его конь. И вдруг встречает он перед собой знамя и отряд самого конунга Вальдемара, едет на него отважно и поражает рыцаря, который держал знамя, в его правую руку... и знамя упало на землю. Вместе с тем он наносит смертельный удар самому конунгу Вальдемару. После этого поднимается великий клич и шум со стороны Аумлунгов и гуннов, и один возбуждает другого, а русские валятся сотнями. Тут побежали русские, было их повалено перед тем как кустарника, там, где они сошлись. Аумлунги и гунны бьются весь тот день, ночь и следующий день и убивают всякого, кого могли остановить, и только малая часть убежала».

Так погиб конунг Вальдемар, и этот подвиг еще больше прославил Тидрека.

«Русиланд» Саги о Тидреке Бернском отнюдь не являет собой некий обобщенный образ чужой и неведомой земли, какой нередко представлялась Русь средневековым европейским книжникам. Конунг Вальдемар — равный с другими, самыми знатными правителями, а зачастую и превосходящий их. Его родные братья — конунги Греции и «Вилькиналанда»; его племянница — королева Эрка — супруга Аттилы; его сын — Тидрек — соперничает со своим тезкой Тидреком Бернским и в рыцарском поединке, и в ухаживании за дамой в чертогах правителей «Гунниланда». Имя конунга Вальдемара прославлено во всем мире, а подвластные ему страны занимают точно определенное место на географической карте немецкой саги. (Хотя с Киевской Русью эпохи Владимира Святого они, разумеется, имеют мало общего.)

Сага о Тидреке наполнена вымышленными именами. Но Вальдемар Хольмгардский — один из немногих ее персонажей, чей исторический прототип легко угадывается*. И, пожалуй, мы уже не удивимся тому, что именно князь Владимир (а не, скажем, Святослав, чья личная доблесть и громкая слава могли, казалось, вдохновить сказителя-скальда) стал героем средневековых немецких преданий. Владимир — самый знаменитый, самый значимый князь Киевской Руси, в какой-то степени символ и олицетворение русского князя домонгольской поры. В отличие от Святослава, которого знают лишь русские и греческие источники (то есть те, с кем он непосредственно воевал), его имя известно еще и скандинавским и германским сагам, западноевропейским хроникам и даже арабским и персидским историческим трактатам. Авторы последних, как мы помним, даже само его имя — в форме «Буладмир» — восприняли как титул правителя Руси.

Поистине имя Владимира надолго пережило самого князя и стало жить особой, самостоятельной и совершенно удивительной жизнью.

---

* С князем Владимиром Святославичем конунга Вальдемара сближает не только имя, но и титул правителя «Хольмгардского». Напомню, что Сага о Тидреке записана скандинавами. «Хольмгард» (Новгород) всегда обозначает для них столицу Руси, а «конунг Вальдемар Хольмгардский» (или Вальдемар Старый) — князя Владимира Святославича.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. СМЕРТЬ

К пятидесяти годам князь Владимир достиг, казалось, вершин славы. Его положение в Киеве было незыблемым. Окрайние земли безоговорочно признавали власть Киева. В большинстве городов, старых племенных центрах, сидели на княжении сыновья великого князя. Христианская вера постепенно распространялась по стране; строились и украшались церкви, в которые поставлялись на службу молодые священники из славян, воспитанники созданных Владимиром школ. Новые города-крепости на южных и западных границах заселялись людьми, послушными князю. Имя Владимира было известно во всем мире. После заключенного перемирия печенеги не тревожили Русь, хотя Владимир, конечно, не мог не понимать временного характера соглашения с ними. Болеслав Польский, занятый войной с Германией, также предпочитал до времени не обострять отношений с русским князем. После смерти Анны и очередной женитьбы Владимир чеканит новую монету, на которой повелевает изобразить себя не только с императорскими регалиями, но и с нимбом вокруг головы — символом святости своей власти. Западные хронисты именуют его королем, хотя сам Владимир никогда не предпринимал попытки венчаться королевской короной.

Все говорило о том, что княжение Владимира в Киеве будет и дальше протекать благополучно и безмятежно. Но увы... Как оказалось уже вскоре, последние годы жизни сулили князю немалые невзгоды и потрясения.

Русская летопись не располагает достоверными сведениями о заключительном периоде правления Владимира. К счастью, в нашем распоряжении имеется иностранное свидетель-

---

На рис. — изображение князя Владимира на сребренике III типа. Лицевая сторона.

ство того времени — «Хроника» немецкого епископа Титмара Мерзебургского.

Титмар был младшим современником князя Владимира. Он родился, вероятно, в 975 году и происходил из знатного саксонского рода графов Вальбек; получил образование в Магдебурге, в той же школе, где ранее обучался святой Адальберт Пражский, а одновременно с Титмаром — будущий святой Бруно Кверфуртский. В 1009 году, благодаря протекции Магдебургского архиепископа, Титмар получил назначение на епископскую кафедру в Мерзебург (город на реке Заале, границе германских и славянских земель) и стал одним из приближенных короля Генриха II.

В 1012 году Титмар начал работу над «Хроникой», задуманной вначале как история мерзебургской церкви, но разросшейся затем до масштабов полной истории немецких королей из саксонской династии (с начала X века). Титмар трудился над ней до последних дней жизни (а умер он 1 декабря 1018 года). Исключительная ценность его сочинения заключается еще и в том, что до нас дошел оригинал рукописи Титмара (правда, сильно пострадавший во время бомбардировки Дрездена в 1945 году). Сведения, сообщаемые немецким хронистом, уникальны; он проявляет исключительную эрудицию и знание событий, происходивших как в самой Германии, так и вдалеке от ее границ [1].

Славянские земли привлекали особое внимание Титмара. Он знал славянский язык (поскольку должен был общаться со славянами, жившими на территориях, находившихся под юрисдикцией Мерзебургской епископии). В то время, когда он работал над своей книгой, Германия воевала с Польшей. Титмар резко враждебно относился к врагу Генриха II польскому князю Болеславу и достаточно недоброжелательно — к русскому Владимиру. (Хотя во время последнего этапа работы над «Хроникой» Русь и Германия оказались союзниками в борьбе с Польшей.) События, происходившие в самой Руси, становились известны ему, в основном, со слов немецких наемников, участвовавших в походе Болеслава в Киев в 1018 году, а также самих русских, пребывавших в Германии во время русской междуусобицы. О Руси эпохи Владимира рассказывается в VI, VII и VIII книгах «Хроники». Титмар работал над ними в 1014—1018 годах, то есть, в основном, по горячим следам событий. Таким образом, перед нами почти что современные записи весьма осведомленного и проницательного автора, прекрасно разбиравшегося в тонкостях международных отношений своего времени. Именно «Хроника»

(наряду с летописью) дает нам возможность уяснить смысл событий, происходивших в последние годы жизни князя Владимира Святославича.

Неблагоприятные для князя Владимира события начались летом 1013 года, когда Русь подверглась одновременному нападению Польши и печенегов. Этому предшествовал мир, заключенный между Польшей и Германией 24 марта, в день Святой Троицы, в городе Мерзебурге. Польский князь Болеслав лично прибыл к королю Генриху и принес ему присягу на верность, получив взамен земли по реке Лабе (Эльбе), на которые претендовал и раньше. Такие условия мира надо признать успехом польской дипломатии. Военные действия к этому времени складывались явно в пользу Польши. Фактически распался антипольский немецко-чешско-лютичский союз. К тому же Генриха занимали иные заботы. Он готовился к войне в Италии и императорской коронации в Риме*. Мир в Мерзебурге был выгоден ему, по крайней мере, как временная передышка. Более того, стремясь еще больше отвлечь внимание Болеслава от Германии и западных пограничных земель, Генрих обещал ему помощь в войне против Руси. Взамен он получил гарантии военной помощи Болеслава на период его итальянского похода.

Болеслав же использовал мир для нападения на Русь. Очевидно, его целью были Червенские города, находившиеся под контролем Киева. Еще около 999 года Болеслав завоевал Краков, столицу Малой Польши. Червенские города, некогда тяготевшие к Кракову и имевшие исключительно выгодное стратегическое положение, естественно, привлекали его пристальное внимание.

Предваряя войну с Русью, Болеслав заключил союз с печенегами (который, напомню, стал возможным после печенежской миссии епископа Бруно Кверфуртского).

«Вслед за тем, — пишет о Болеславе Титмар Мерзебургский, — он с нашей (то есть с немецкой. — А. К.) помощью напал на Русь и разорил большую часть этой страны». Однако военные действия развивались не так успешно, как хотелось бы Болеславу. В частности, оказался непрочным его союз с кочевниками. «Когда между его воинами и пришлыми печенегами случился раздор, он приказал этих последних всех перебить, хотя они и были с ним заодно», — констатирует Титмар[2].

---

* Генрих был провозглашен императором 14 февраля 1014 года.

Какие меры предпринял князь Владимир для отражения польско-печенежской агрессии, мы не знаем. Возможно, именно дипломатические усилия русских привели к расколу в рядах их противников. Во всяком случае, поход Болеслава на Русь не увенчался успехом. Червенские города вплоть до 1018 года оставались под властью Руси.

Вероятно, между Русью и Польшей был заключен мир*. Уже с осени 1013 года Болеслав стал готовиться к новой войне с Германией (она начнется в 1015 году и продолжится до 1018 года). Однако не оставил своих прежних намерений и относительно западных русских земель. Стремясь достичь своих целей, Болеслав решил действовать более изощренным способом.

Примерно к этому времени относится бракосочетание сына (точнее, пасынка) Владимира Святополка и некой неизвестной нам по имени дочери Болеслава. К сожалению, Титмар Мерзебургский, со слов которого мы знаем об этом династическом союзе, не уточнил, когда именно — до или после русско-польской войны 1013 года — он состоялся. Большинство современных исследователей склоняется к тому, что женитьба Святополка на Болеславне стала результатом мирных соглашений, завершивших войну 1013 года [4].

Этому браку суждено было сыграть важную роль в истории Руси. В своей русской политике Болеслав сделает отныне ставку на своего зятя.

Вместе с дочерью Болеслава на Русь отправился колобжегский епископ Рейнберн**. Этот немец-аскет пользовался известностью как проповедник и миссионер, проявлявший особое рвение в борьбе с язычниками-славянами, жившими в польском Поморье. Он разрушил языческие капища в пределах своей епархии и даже, по словам Титмара, очистил от демонов Балтийское море, почитавшееся славянами, сбросив в него «четыре камня, помазанных священным елеем и окропив его святой водой». Естественно, что деятельность Рейнберна не пришлась по душе местному населению. Колобжегская епископия, образованная в 1000 году, была упразднена около 1007 года, после выступления поморских

---

* В «Истории» В. Н. Татищева содержится уникальное известие о переговорах между Болеславом и Владимиром в 1014 году: «Пришли к Владимиру послы Болеслава Лядского, с ними же были послы чешские и угорские, о мире и любви; просили каждый дочерей его. Он же обещал Болеславу дать за чешского большую, а за угорского другую, которую вельми любил, и обещал весною съехаться в граде Владимире на Волыни» [3].

** Колобжег — город в славянском Поморье, на берегу Балтийского моря.

славян против Польши, начавшегося в связи с очередной польско-немецкой войной. Ко времени бракосочетания Святополка и Болеславны Рейнберн остался без кафедры. Вероятно, он был духовником дочери Болеслава. Но, отправляя его на Русь, польский князь отводил ему несравненно большую роль.

Оказавшись в новой для себя стране, Рейнберн, наверное, продолжил проповедь христианства. Стольным городом Святополка был Туров на реке Припять. На короткое время этот город стал одним из главных политических центров Руси. В начале XI века здесь, вероятно, уже существовала епископская кафедра. (Позднейшие источники датируют ее образование 1005/06 годом и называют имя первого туровского епископа — Фома [5].) В это время догматические расхождения между Западной и Восточной церквами не ощущались так остро, как впоследствии. Для русского и греческого духовенства Рейнберн был не столько противником, сколько союзником в борьбе с язычеством. И можно думать, что, по крайней мере, один человек в Турове попал под исключительное влияние немецкого епископа. Этот человек — туровский князь Святополк.

Имя, данное Святополку при крещении, было Петр. Это должно было казаться символичным для Рейнберна. «Князь апостолов» Петр считался покровителем Рима и Римской церкви. Сам папский престол именовали в то время «седалищем святого Петра». Вместе с тем под особым покровительством Петра находились Польша и лично польский князь Болеслав, чьи волосы еще в детстве были отосланы в Рим под защиту святого престола. Болеслав ежегодно выплачивал «дань» «святому Петру», то есть взносы в папскую казну. Рейнберн, чье посвящение в сан епископа было совершено властью римского первосвященника и чье появление на Руси было санкционировано «данником святого Петра» князем Болеславом, уже одним этим мог снискать особое расположение со стороны Святополка.

Немецкий епископ стал ключевой фигурой в хитроумной комбинации, очевидно, задуманной польским князем. По сведениям Титмара Мерзебургского, через какое-то время после свадьбы, «по наущению Болеслава», Святополк вознамерился «тайно выступить» против своего отца. Заговор, однако, был раскрыт. Владимир поспешил заключить под стражу не только Святополка и его жену-польку, но и Рейнберна, которого (очевидно, не без оснований) счел организатором и вдохновителем мятежа [6].

Действительно ли имел место заговор? И намеревался ли Святополк в самом деле отстранить от власти князя Владимира? Я склоняюсь к тому, чтобы дать утвердительный ответ на этот вопрос. Более того, как мне кажется, можно даже попытаться установить те скрытые мотивы, которыми руководствовались туровский князь и его покровитель в Польше в своих притязаниях на киевский престол. Но для этого придется вспомнить не вполне обычные обстоятельства появления Святополка на свет.

Напомню, что его считали «от двух отцов», поскольку его мать, некую греческую христианку, жену Ярополка, Владимир «залежал» «непраздной», то есть беременной. Согласно представлениям русских людей того времени, отцом Святополка, несомненно, был Владимир: даже усыновление вполне заменяло физическое сыновство. Но при христианском взгляде на существо брака поступок Владимира был не чем иным, как насилием и прелюбодеянием, а Святополк, также несомненно, оказывался законным сыном одного лишь Ярополка. Но если так, то он приобретал права на киевский престол даже при жизни Владимира. И не Рейнберн ли, может быть, по указке Болеслава, растолковывал ему это?

Подобные рассуждения отнюдь не являются досужей выдумкой, но, как ни странно, подтверждаются документально. В нашем распоряжении имеется уникальный источник — монеты самого Святополка, которые он чеканил в Киеве, во время своего недолгого пребывания там в 1015—1016 и 1018 годах. На этих монетах Святополк изображал себя подобным Владимиру — на княжеском престоле, с регалиями «царской» власти. Установлено, что один из экземпляров Святополковых монет был даже выполнен тем же резчиком, который вырезал формы для сребреника Владимира. На оборотной стороне монеты — так же, как и у Владимира, — родовой княжеский знак, но не Владимиров «трезубец», а «двузубец» с крестом на одном из наверший [7]. Этот княжеский знак, вероятно, восходит к княжескому знаку Святослава Игоревича и Ярополка Святославича. Русские князья Рюриковичи, как правило, наследовали родовой знак своего родителя, придавая ему какие-то свои дополнительные черты. Ярополк в свое время воспринял отцовский «двузубец». Свергнув брата Владимир должен был изменить и его княжеский знак. В свою очередь, «трезубец» Владимира, с незначительными дополнениями, использовали его сыновья — в частности, Ярослав. Святополк сознательно отказывался от Владимирова «трезубца» и восстанавливал «двузубец» своего настоящего отца. И это свидетельство того,

что сам он осознавал себя отнюдь не Владимировичем, но Ярополчичем[8].

Со слов Титмара Мерзебургского мы знаем, что Святополк и его супруга находились в заточении до самой смерти Владимира, случившейся 15 июля 1015 года. В особой темнице содержался епископ Рейнберн. Он и умер в заточении.

«...Святой отец, прилежно восхваляя Господа, свершил втайне то, чего не мог открыто: по слезам его и усердной молитве, исторгнутой из кающегося сердца, как по причастии, отпущены были ему грехи высшим священником; душа его, вырвавшись из узилища тела, ликуя, перешла в свободу вечной славы», — с умилением писал Титмар. Именно эту смерть, а не заточение пасынка, ставил немецкий хронист в особую вину князю Владимиру; именно отсюда проистекает его очевидная неприязнь к киевскому князю.

Русские источники ничего не сообщают о заговоре и заточении Святополка, так же как молчат они и о его польском браке. Но о какой-то напряженности в отношениях между Владимиром и Святополком им было известно. Так, ко времени смерти Владимира Святополк оказывается не в своем Турове, а в Киеве или где-то поблизости от него [9]. Это может свидетельствовать либо об особой близости между отцом и сыном (как, например, в случае с Борисом, также находившемся в Киеве), либо, наоборот, о недоверии, которое Владимир питал к Святополку. Преподобный Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе» рассказывал, что Владимир незадолго до смерти привел к себе в Киев сына Бориса, опасаясь, как бы «окаянный» Святополк «не пролил кровь праведного» [10]. Если эта фраза не навеяна последующей историей убийства святого Бориса, то перед нами еще одно свидетельство недоброжелательного отношения Владимира к Святополку, вполне согласующееся с показаниями Титмара Мерзебургского*.

Пожалуй, можно установить и место заточения Святополка. Это город Вышгород, находящийся недалеко от Киева. Став киевским князем, Святополк с исключительным доверием относится к вышгородским боярам — Путше и прочим «вышгородским мужам», имена которых — Талец, Еловит, Ляшко — вошли в историю как имена окаянных злодеев,

---

* Известию Титмара Мерзебургского о том, что Святополк пребывал под стражей вплоть до самой смерти Владимира, кажется, противоречит показание польского хрониста Яна Длугоша, согласно которому в 1014 году состоялось столкновение между Киевом и Новгородом, причем киевские войска возглавляли Борис и Святополк, действовавшие против Ярослава. Однако Длугош, вероятно, смешивает события, происходившие до и после смерти Владимира Святославича [11].

убийц святого Бориса. «Преданы ли мне все сердцем?» — спрашивал их Святополк. «Можем свои головы сложить за тебя», — отвечали они ему [12]. Понятно, что такая преданность могла возникнуть лишь вследствие длительного пребывания Святополка в этом городе. Именно из Вышгорода, узнав о смерти Владимира, Святополк мог сесть на коня и «скоро доити Киева града», как свидетельствует тот же Нестор. (Само собой разумеется, что отцовская смерть автоматически освобождала Святополка из заточения, в которое он попал по воле Владимира*.)

Святополк, очевидно, умел подходить к людям, и не только вышгородские «мужи»-злодеи полюбили его. В последние месяцы (а может быть, даже годы) жизни Владимир, вероятно, пребывал преимущественно в Берестовом, своем сельце поблизости от Киева. Как ни странно, в его конфликте со Святополком киевляне, кажется, были на стороне туровского князя. Не то чтобы они активно поддерживали его; конечно, нет — Владимир оставался их князем, и они были верны ему до самой смерти. Но вот когда Владимир умер, киевляне быстро признали власть Святополка над собой и первоначально поддержали нового князя в его борьбе с братьями (особенно с Ярославом Новгородским). Да и в ближайшем окружении Владимира, как мы увидим из дальнейшего, были сторонники Святополка.

Когда Болеслав узнал о произошедших на Руси событиях, рассказывает Титмар Мерзебургский, он «не переставал мстить чем только мог» русскому князю. И в самом деле, его гнев был неподдельным. Ведь в заточении оказались не только его зять и епископ, но и его родная дочь. В чем

---

* Автор Летописца Переяславля Суздальского сообщает о том, что сразу же после смерти Владимира Святополк «собра воя в Деревех (Древлянской земле. — *А. К.*) и Пинску и сед в Киеве» [13]. Казалось бы, из этого можно сделать вывод о союзе, сложившемся между туровским (пинским) князем Святополком и другим сыном Владимира, Святославом Древлянским. Думаю, однако, что такой вывод преждевремен. Данная летописная фраза, очевидно, появилась в тексте под влиянием особой редакции Сказания о Борисе и Глебе, помещенной в том же Летописце чуть ниже. Согласно этому источнику, разделяя волости между сыновьями, Владимир посадил Святополка «в Пиньску и в Деревех» [14]. Это, в свою очередь, результат механического пропуска в оригинале Сказания, бывшего под рукой летописца. См., например, в Северо-западно-русской редакции Сказания: «Посадил окаянного Святополка в княженьи в Пеньске (Пинске. — *А. К.*), Вышеслава в Великом Новегороде... Глеба в Муроме, Изяслава (ошибка; должно быть: Святослава. — *А. К.*) в Деревех...»[15].

проявлялась эта месть, мы точно не знаем. Возможно, что нападение печенегов на Русь летом 1015 года, о котором рассказывает летописец, произошло по наущению Болеслава. Несмотря на конфликт, случившийся несколькими месяцами раньше, печенеги оставались его союзниками: об этом свидетельствуют совместные действия Болеслава и печенегов против русского князя Ярослава Владимировича в 1017 году.

Туровский мятеж и арест Святополка совпали по времени с другими, не менее драматическими событиями, разыгравшимися на севере Руси. В «Повести временных лет» под 6522 (1014) годом рассказывается следующее:

«Ярослав же был в Новгороде и, по уроку, давал Киеву две тысячи гривен из года в год, а тысячу раздавал в Новгороде гридям. И так давали все посадники новгородские, а Ярослав не захотел давать сего в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Требите* пути и мостите мосты» — ибо хотел на Ярослава войной идти, на сына своего, но разболелся» [16].

Итак, новый поворот в жизни киевского князя. Еще один сын открыто выступил против него. Отказ от уплаты «урока» (оговоренной дани) был прямым вызовом Киеву и означал отвержение Ярославом отцовской власти над собой и власти Киева над Новгородом.

Пожалуй, это был первый случай в истории Руси. Прежде борьба за княжеский престол разгоралась лишь после смерти отца. Теперь же порядок управления страной, установленный Владимиром и казавшийся столь надежным, по крайней мере, при его жизни, не просто давал трещину, но, по существу, рушился уже на его глазах.

Считается, что родители воплощаются в своих детях; дети — и оправдание их жизни, и надежда и отрада в старости. Если так, то к концу жизни Владимир должен был ощутить себя глубоко несчастным. Напомню, что старший его сын, Вышеслав, умер раньше него. Другого своего сына, Изяслава, Владимир сам отторг от себя еще в детстве за преступление его матери. Изяслав также умер при жизни Владимира, а его дети, Владимировы внуки, жили уже совершенно обособленно от деда. И вот еще двое его сыновей — Святополк (ведь Владимир, несомненно, считал его своим сыном) и Ярослав — поднимают на него руку. Конечно, Владимир был разгневан. Дав волю чувствам, он немедленно начинает подготовку к войне с собственным сыном.

---

* Требить, теребить — расчищать, выкорчевывать.

Приведенная выше цитата из летописи показывает, как именно начинались в то время военные действия. Даже крупнейшие города Руси еще не были связаны прочными и надежными дорогами, готовыми к продвижению большого войска. Прежде чем послать войско из Киева на север, требовалось расчистить лесные пути, проложить гати («мосты») в болотистой местности, подготовиться к преодолению многочисленных водных преград. В первый раз в русской истории Юг поднимался против Севера, Киев против Новгорода. Владимиру предстояло пройти вспять по тому пути, который он некогда преодолел, воюя со своим братом Ярополком. Тогда Владимир двигался с новгородцами к Киеву, теперь — с киевлянами к Новгороду. И что ожидало его на этом пути, угадать было невозможно.

Положение Владимира осложнялось тем, что Ярослав также деятельно готовился к войне с отцом. «Хотел Владимир идти на Ярослава; Ярослав же, послав за море, привел варягов, боясь отца своего», — записывал летописец уже под следующим 6523 (1015) годом [17].

Ярослав в точности повторял действия своего отца, которые тот предпринял тридцать семь лет назад. Правда, Ярославу не нужно было самому бежать «за море», как это сделал некогда юный Владимир, — благо весенняя распутица давала ему достаточный запас времени. (Военные действия могли начаться лишь в самом конце весны.) Многочисленные скандинавские наемники — датчане, шведы, норвежцы — прибыли в Новгород и ожидали лишь сигнала к выступлению. Этих наемников мы встретим среди участников многочисленных войн Ярослава, начавшихся уже после смерти Владимира. Союзные отношения, в частности, будут связывать новгородского князя со шведским конунгом Олавом, на дочери которого Ингигерд (Ирине) Ярослав впоследствии женится*.

В ожидании предстоящей схватки скандинавы повели себя в городе вызывающе: «насилие чинили новгородцам и женам их», отмечает летописец. В отличие от отца Ярослав не сумел (или не захотел?) совладать с ними. Более того, когда новгородцы «воссташа» и «избиша» насильников-варягов, он открыто встал на сторону своих наемников и жестоко ото-

* Ко времени описываемых событий Ярослав, вероятно, был женат первым браком — на некой Анне. От нее Ярослав имел сына Илью, о котором летописи не дают никаких сведений. (Имя Ильи упоминается лишь в перечне новгородских князей, входящем в состав Новгородской Первой летописи младшего извода.)

мстил зачинщикам беспорядков. Впрочем, все это случилось уже после смерти Владимира.

Возможно, Ярославу удалось заручиться поддержкой и заключенного под стражу туровского князя. Во всяком случае, в развернувшихся событиях Ярослав и Святополк оказались естественными союзниками друг друга. Нападение печенегов на Русь, случившееся летом 1015 года, было на руку обоим. Сторонники Ярослава нашлись и в самом Киеве. По крайней мере, одно имя можно назвать наверняка. Это Предслава, родная сестра Ярослава (причем сестра не только по отцу, но и по матери). Впоследствии именно Предслава сообщит новгородскому князю о смерти Владимира и о вокняжении в Киеве Святополка. Скорее всего сотрудничество между сестрой и братом началось еще при жизни отца.

Казалось, дело шло к кровавой развязке... «Но Бог не дал дьяволу радости: Владимир разболелся».

На первый взгляд эта летописная фраза вызывает недоумение. Как, болезнь Владимира, причем именно та, которая и приведет его к смерти, оказывается безусловным благом, торжеством Бога над дьяволом? Но летописец, как всегда, глубже нас проникает в сущность описываемых им событий. «Дьяволя радость» — вечные междуусобицы, потрясавшие Русь и тогда, когда он писал летопись, и до, и после него. Но дело не только в них. Вмешательство Высшей силы, Провидение предотвратило, может быть, тягчайшее преступление в истории Руси. Ибо Владимир, выступив против своего сына, мог оказаться уже не только братоубийцей, но и сыноубийцей. Или же — при другом развитии событий — Ярослав мог войти в историю со страшным клеймом убийцы своего отца.

Наверное, ни у того, ни у другого не было столь мрачных замыслов; оба предпочли бы не заходить так далеко в своем противоборстве. Но в истории слишком часто случается совсем не то, что задумано ее главными действующими лицами, и вместо одной цели — справедливого возмездия, восстановления законности и порядка и т. д. — достигаются совсем другие, неожиданные и пугающие. Так случилось, например, во время войны брата Владимира Ярополка с Олегом Древлянским, так не раз будет случаться в истории Киевской и Московской Руси. Полученные же уроки — и это, увы, едва ли не единственная непреложная историческая закономерность — никогда не шли и не идут впрок.

Что за болезнь приключилась с князем Владимиром, мы не знаем. «Недуг крепок» — так говорит о ней древнерусский книжник, автор «Сказания о мучениках Борисе и Глебе». Болезнь была трудной и долгой. Начавшись, по крайней мере,

зимой 1014/15 года (летописец сообщает о ней еще в статье 6522 года), она продолжалась не менее полугода — до середины лета 1015-го. К этому времени князю было около пятидесяти трех лет. Кажется, он выглядел еще старше. «Глубоким стариком» называет его Титмар Мерзебургский, которому о Владимире рассказывали либо русские, либо, со слов русских, немецкие наемники, участвовавшие в походе Болеслава на Киев в 1018 году. Сказались ли на Владимире излишества прежней жизни? Но их, кажется, давно уже не было. Или, наоборот, болезнь явилась следствием слишком строгих мер, к которым князь прибегал для борьбы с искушениями плоти в последние годы жизни? «Все в руках Божиих» — так обычно говорят в подобных случаях, и банальная фраза оборачивается высшей мудростью.

Помимо болезни князя, Киев посетила еще одна напасть — очередное нашествие печенегов. «Владимир находился в великой печали, оттого что не мог сам выйти против них, — рассказывает «Сказание о Борисе и Глебе», — и, попечалившись много, призвав Бориса, ...предал в руки ему множество воинов...» [18].

Конечно, не случайно князь Борис оказался во главе отцовского войска. Владимир доверял ему и, по-видимому, именно Бориса видел продолжателем своего дела. Он еще раньше, до болезни, призвал его из Ростова (все-таки из Ростова, а не из Владимира-Волынского, как сообщают некоторые списки «Чтения о Борисе и Глебе»*) — может быть, и в самом деле опасаясь Святополка, заточенного в Вышгороде, а еще, наверное, для того, чтобы тот помогал ему в борьбе с другим возмутителем спокойствия — Ярославом Новгородским.

Узнав о появлении Бориса в Киеве, свидетельствует Нестор, «окаянный Святополк» «еще более разгневался на Бориса, мня, окаянный, будто тот хочет по смерти отца своего получить [отцовский] престол». Возможно, Святополк правильно понимал смысл происходившего.

«Сей благоверный князь Борис от благого корени, послушлив был, отцу покоряясь во всем; телом был красен и высок, лицом кругл, в плечах высок, в чреслах тонок, очами добр и весел; борода мала и ус, ибо молод еще был; светясь царски, крепок телом, на рати храбр, в советах мудр и разумен, при всем всячески украшен, словно цвет в юности своей, и благодать Божия процветала на нем».

Так описывал князя Бориса Владимировича древнерус-

---

* См. прим. 47 к главе 10.

ский книжник более позднего времени [19]. Правда, надо сделать оговорку относительно молодости святого князя. Судя по летописи, и Борис, и Глеб родились еще до женитьбы Владимира на царевне Анне*, то есть не позднее 989 (или, по крайней мере, начала 990-го) года. Следовательно, ко времени смерти Владимира Глебу было не менее двадцати пяти лет, а Борису, наверное, — несколько больше. Известно также, что Борис был женат; детей, правда, у него не было. Начавшаяся смута, враждебность старших сыновей по отношению к отцу сделали Бориса едва ли не единственным близким человеком для киевского князя. Автор «Сказания о Борисе и Глебе» вкладывает в уста святого Бориса слова, исполненные послушания и сыновнего долга. «Вот, готов пред очами твоими исполнить все, что велит воля сердца твоего», — так отвечал Борис на повеление отца возглавить княжеское войско. «Блаженный же, пав, поклонился отцу своему и облобызал честные ноги его и, вновь встав, обнял шею его и целовал со слезами. И так ушел с воинами против ратных». Это уже слова преподобного Нестора из «Чтения о Борисе и Глебе».

Борису, однако, не пришлось встретиться с печенегами на поле брани. Узнав о приближении княжеского войска, кочевники отступили в степь. Борис же, «не найдя супостатов сих, повернул обратно».

Возможно, что печенеги и не собирались нападать на Киев или другие русские города. Их появление в русских пределах выглядит скорее демонстрацией силы. Но если так, то высказанное нами ранее предположение о том, что наступление печенегов на Русь было спровоцировано извне, оказывается весьма вероятным. Печенеги должны были отвлечь внимание киевского князя от иных, внутренних событий в Киевском государстве. И им это удалось.

Владимиру уже не суждено было узнать об исходе последней в его жизни печенежской войны. В то время, когда Борис только искал своих врагов и, не найдя их, решил повернуть обратно, Владимир скончался. Его смерть случилась 15 июля 1015 года, на память святых мучеников Кирика и Улиты, в столь любимом князем сельце Берестовом близ Киева. О смерти отца (и одновременно о вокняжении Святополка) Борис узнал лишь на обратном пути к Киеву.

---

* Позднейшие летописи иногда называют Бориса и Глеба сыновьями царицы Анны. Однако это, очевидно, влияние Житий святых, согласно которым братья (особенно Глеб) в момент смерти были еще совсем молодыми.

«Память и похвала князю Владимиру» Иакова мниха так описывает кончину святого князя:

«Князь Владимир, покидая мир сей, молился, так говоря: «Господи Боже мой, не знал я Тебя, но помиловал Ты меня и через святое крещение просветил меня, и познал я Тебя, Боже всех, святой Творец всего сотворенного, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Слава Тебе с Сыном и Святым Духом! Владыко Боже, не помяни моей злобы, не знал я Тебя в язычестве, ныне же знаю Тебя и ведаю. Господи Боже мой, помилуй меня. А если хочешь казнить и мучить меня за грехи мои, казни меня сам, Господи, а бесам не отдавай меня». И так говоря и молясь Богу, предал душу свою с миром ангелам Господним и усоп. Души ведь праведников в руке Божьей, и вознаграждение им от Господа, и устроение им от Вышнего, поэтому примут венец красоты от руки Господней» [20].

Наверное, эти слова принадлежат автору древнейшего Жития князя и отражают его представления о том, как должен окончиться праведный путь равноапостольного Крестителя Руси. Но так или иначе, а все мирское, суетное отошло от князя Владимира, и сам он переселился в иной мир, свободный от земных потрясений и неурядиц.

Между тем потрясения и неурядицы в Русской земле только начинались.

По-видимому, Владимир не оставил никакого завещания относительно своих сыновей*. Отношения внутри княжеской семьи определял обычай, а согласно обычаю, каждый из

---

* О таком завещании как будто сообщают иностранные источники, рассказывающие о событиях русской смуты 1015—1018 годов, — Сага об Эймунде («Прядь об Эймунде») и «Хроника» Титмара Мерзебургского. Согласно первой, владения Владимира «держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи». Владимир «наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум» [21]. Но автор саги явно путается в числе и именах братьев, причисляя к Святополку (Буриславу саги) и Ярицлейву (Ярославу) еще и их племянника Брячислава (Вартилава).

Также трех наследников Владимира знает и Титмар. Двух из них он называет по именам — это Ярослав и Святополк. Третий, кажется, Борис. «Названный король, — рассказывает Титмар, — оставил все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий (Святополк. — *А. К.*) до тех пор находился в темнице...» [22]. Но мог ли Владимир оставить княжение совместно Борису и Ярославу? Ведь Ярослав враждовал с ним и готовился к войне. Конечно же, нет.

По-видимому, и Титмар, и автор Эймундовой саги реконструируют события смерти Владимира и его предполагаемое завещание, исходя из той ситуации, которая сложилась на Руси в последующее время, когда Ярослав и Святополк столкнулись в борьбе за наследство своего отца, а большинство их братьев уже погибло.

сыновей князя имел права на княжеский стол. Сам Владимир, наверное, предпочитал видеть своим преемником Бориса. Но Бориса не было в Киеве; к тому же он, кажется, не проявил решительности в борьбе за власть.

Первому из сыновей Владимира удача сопутствовала Святополку — может быть, именно потому, что он ближе других оказался в то время к Киеву.

Ход истории часто определяется какой-нибудь мелочью, едва различимой на взгляд последующего историка. Святополк первым из братьев узнал об отцовской смерти (во всяком случае, первым из дееспособных братьев). Эта смерть немедленно освобождала его из заточения и вновь превращала в полноправного князя. От кого Святополк получил спасительную для себя весть, мы, конечно, не знаем. Но очевидно, что в Берестовом, в ближайшем окружении князя Владимира, нашлись сторонники опального туровского князя. Киевская дружина, да и старые Владимировы бояре будут и впоследствии поддерживать Святополка. (Имя одного из таких воевод называет летопись — это уже известный нам Волчий Хвост, победитель радимичей; он возглавит войско Святополка в битве с князем Ярославом у города Любеча на Днепре [23].)

Смерть Владимира оказалась козырной картой в руках наследников его власти. «Умер же [Владимир] на Берестовом, и потаили [смерть] его, потому что был Святополк в Киеве». Эта летописная фраза не вполне разъяснена до сих пор. Автор «Сказания о Борисе и Глебе» понимал ее совершенно определенно: «Святополк потаи смерть отца своего» [24]. Другим казалось, будто именно из опасения перед Святополком киевляне (точнее, жители Берестового) утаили смерть своего князя [25]. Но гадать не приходится. Смерть Владимира, без сомнений, оказалась на руку Святополку. В его же интересах было сохранить тайну этой смерти. «Иди скорее, отец тебя зовет; сильно болен он», — такое лживое послание, согласно летописи, отправит Святополк князю Глебу, призывая того в Киев на расправу. Ярослав в Новгороде получит известие о смерти Владимира лишь тайным путем, от своей сестры Предславы [26], и это известие заставит его круто изменить свои планы и подготовиться к предстоящей войне со Святополком.

Все эти обстоятельства наложили свой отпечаток и на церемонию похорон почившего князя. В Берестовом все было сделано тихо, почти тайно. «Ночью же, разобрав помост между двумя клетями, обернули его (тело. — *А. К.*) в ковер и спустили на веревках на землю; возложили на сани, повезли и поставили в церковь святой Богородицы, которую он сам создал» [27].

Это был старый, языческий обряд. Покойного не проносили сквозь дверной проем или окно, но разбирали или проламывали ставшее последним жилище. Сани, казалось бы, столь неуместные летом, тоже выполняли ритуальную функцию: так провожали славяне в последний путь своих умерших.

Но смерть великого князя, столь много сделавшего для своей страны и столь прославившего свой город, князя-милостинника и нищелюбца, конечно, не могла пройти незамеченной. Владимира будут оплакивать все киевляне — и бояре, и убогие, малые и великие. Узнав о его смерти, рассказывает киевский летописец, «люди сошлись без числа и плакали о нем, бояре как о заступнике земли, бедные же как о своем заступнике и кормильце. И положили его в мраморный гроб, и схоронили тело его, блаженного князя, с плачем. Се есть новый Константин великого Рима. Как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил подобно ему. Если же и склонялся он прежде к скверным вожделениям, то после прилежал в покаянии, по слову апостола: «Когда умножится грех, преизобилует благодать» (ср. Рим. 5:20). Дивно есть, сколько добра сотворил он Русской земле, крестив ее!..»

В Десятинной церкви ждал своей скорбной участи мраморный саркофаг, приготовленный для князя Владимира. Вероятно, сам князь вывез его вместе с другими сокровищами из Корсуни. С плачем и пением положенных песнопений честное тело блаженного князя положили на заранее отведенное место в самой середине храма, рядом с гробницей его супруги, блаженной княгини Анны...

Мы не станем говорить сейчас о кровавых событиях, начавшихся на Руси сразу же после смерти Владимира. Это уже другая история и тема для другой книги. Скажем лишь о том, что жестокая смута унесла жизни четырех сыновей киевского князя — Бориса, Глеба, Святослава и Святополка. Судьба еще двоих — Станислава и Позвизда — нам неизвестна; скорее всего они умерли раньше. К 1019 году, когда закончилась междуусобица, в живых оставались лишь трое Владимировичей* — вышедший победителем в схватке Ярослав, Мстислав, княживший в Тьмуторокани, находившейся слишком далеко от места событий, а также проявивший полнейшую безропотность и смирение князь Судислав Псковский. Ярослав и Мстислав позднее начнут новую кро-

* Впрочем, Святополк мог погибнуть не в 1019 году, как сообщает летописец, а позже.

вопролитную войну за обладание Русью, однако вскоре помирятся и поровну разделят Русскую землю. Мстислав умрет в 1036 году, а за три года до этого скончается его единственный сын Евстафий. В 1054 году окончил свой жизненный путь и князь Ярослав Владимирович, вошедший в историю под именем Ярослава Мудрого. Дольше других проживет один из младших сыновей Владимира — Судислав. Но как раз его судьба окажется самой печальной среди всех братьев. Ярослав, ставший в 1036 году самодержцем в Русской земле, заточит его в «поруб» (темницу) в его собственном городе Пскове. Несчастный проведет в заточении двадцать четыре года и будет освобожден лишь в 1059 году своими племянниками Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами, да и то лишь с условием немедленного принятия монашеского пострига. Скончается Судислав в 1063 году.

Русские люди начали чтить память своего Крестителя, вероятно, уже вскоре после его смерти, когда отошли в прошлое ужасы междуусобицы и в Киеве утвердился сын Владимира Ярослав. Уже в конце 40-х годов XI века будущий киевский митрополит Иларион произнесет свое знаменитое «Слово», обращенное к памяти святого князя:

«Восстань, о честная глава, из гроба твоего! Восстань, отряси сон! Ибо ты не умер, но спишь до всеобщего восстания. Восстань, ты не умер! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, Который есть Жизнь, дарованная всему миру. Отряси сон, возведи взор и увидишь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, на небесах, и на земле не без памяти оставил в сыне твоем...

Радуйся, апостол среди владычествующих, воскресивший не мертвые тела, но нас воскресивший, мертвых душою, смерть претерпевших от недуга идолослужения! Ибо тобою мы приблизились к Богу и познали Жизнь Божественную, Христа... Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдою, препоясан крепостью, обут истиной, венчан добромыслием и, как гривной и золотой утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим — одеяние, ты был алчущим — насыщение, ты был жаждущим — охлаждение утробы, ты был вдовам — вспомоществование, ты был странствующим — обиталище, ты был бескровным — покров, ты был обидимым — заступление, убогим — обогащение.

В утешение за эти и другие дела приемля воздаяние на небесах, вкушая блага, «что приготовил Бог вам, любящим Его», и насыщаясь сладостным лицезрением Его, помолись, о блаженный, о земле своей и о народе, которым благоверно владычествовал ты, да сохранит его Господь в мире и благо-

честии, преданном ему тобою, и да славится в нем правая вера и да проклинается всякая ересь, и да соблюдает его Господь Бог от всякого ратного нашествия и пленения, от глада и всякой скорби и напасти!» [28].

В этих строках, как и во всем страстном «Слове» Илариона, — целая программа причтения князя Владимира к лику святых как заступника и благодетеля Руси, как равного апостолам, просветившего светом веры свою страну.

Очень скоро эта программа начала воплощаться в жизнь. Во второй половине XI — XII веке были составлены первые Жития святого князя — так называемое «древнейшее Житие» и созданная на его основе «Память и похвала князю Владимиру» Иакова мниха, а также Проложное житие. Тогда же, вероятно, была составлена и церковная Служба князю Владимиру, которую предположительно приписывают перу киево-печерского инока Григория, «творца канонов» [29].

Автор летописной похвалы князю Владимиру, помещенной в «Повести временных лет» под 1015 годом, так писал о посмертном поминовении святого князя:

«Память его чтут русские люди, поминая Святое Крещение, и прославляют Бога в молитвах, и в песнопениях, и в псалмах, воспевая Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом» [30].

Однако по каким-то причинам официальная канонизация князя Владимира задержалась на два столетия. Отчасти это объяснялось, наверное, тем, что мощам блаженного князя не был дан дар чудотворения. Вот что рассказывал в XI веке автор древнейшего Жития князя Владимира:

«Не удивимся, возлюбленные, что чудес не творит по смерти — многие ведь святые праведники не сотворили чудес, но святыми являются. Сказал ведь некогда об этом святой Иоанн Златоуст: «От чего узнаем и разумеем святого человека — от чудес или от дел?» И сказал: «От дел узнаем, а не от чудес» — много ведь и волхвы чудес сотворили бесовским образом. Ведь бывают святые апостолы, а бывают лжеапостолы, бывают святые пророки, а бывают лжепророки, слуги дьявола; бывает и такое чудо, что сам сатана преображается в ангела светлого. Но по делам узнавайте святого, как и сказал апостол: «Плод же духа: любовь, терпение, благоверие, благость, кротость и воздержание. На таковых нет закона» (Гал. 5:25) [31].

Церковь знает немало святых, прославленных за их земные, а не посмертные подвиги. Русские книжники, служители и идеологи Русской Церкви, нашли исторический образец для равноапостольного подвига великого князя. Прежде всего это подвиг святого равноапостольного императора Константина

Великого, при котором христианская вера стала главенствующей в Ромейской державе. «Се есть новый Константин великого Рима», — эти слова летописца будут повторяться во всех Житиях князя Владимира.

«...Уподобился царям святым блаженный Владимир, — читаем в «Памяти и похвале» Иакова мниха, — пророку Давиду, царю Езекии, и треблаженному Осии, и великому Константину, — которые более всего избрали и изволили Божий закон, и послужили Богу всем сердцем, и получили милость Божию, и унаследовали рай, и восприняли Царство небесное, и почили со всеми святыми, угодившими Богу. Так же и блаженный князь Владимир послужил Богу всем сердцем и всей душой» [32].

Бог прославляет своего угодника вне зависимости от того, почитается или нет на земле его память. Но существует и обратная связь. Молитва, обращенная к Господу, важна и для живых, и для усопших.

«Мы же, христиане, не воздаем почестей, достойных его деянию, — сетовал автор летописной похвалы князю Владимиру. — Если бы имели старание и приносили мольбы Богу за него в день его кончины, Бог, видя наше к нему усердие, прославил бы его. Ибо нам следует молить за него Бога, поскольку чрез него познали мы Бога...» [33].

Вероятно, в русском обществе в XI и XII веках шла подспудная борьба за официальное, общецерковное признание князя Владимира святым. Но как такое могло быть? Кто противился прославлению Крестителя Руси? Трудно ответить на эти вопросы. Иногда полагают, что обстоятельства крещения Владимира могли показаться неподобающими иерархам-грекам и именно они препятствовали канонизации русского князя. Может быть, и так. Но только в XIII веке происходит общецерковное причтение князя Владимира к лику святых [34]. Отчасти этому, наверное, способствовало то обстоятельство, что в день памяти святого Владимира (15 июля), который, конечно же, не был забыт русскими людьми, произошла одна из славных побед в истории русского оружия — битва на Неве, в которой дружина новгородского князя, потомка Владимира Святого, Александра Ярославича, разгромила шведское войско*.

---

* В Житии святого князя Александра Ярославича Невского (составлено в 80-е годы XIII века), входящем в состав Лаврентьевской летописи, читаем об этом событии: «И приде... (князь Александр Ярославич. — *А. К.*) в день воскресенье, на память святых 630-ти отец собора, бывшего в Халкидоне, и святых мучеников Кирика и Улиты, и святого князя Владимира, крестившего Русь...» [35]. В других редакциях Жития указание на день памяти св. Владимира отсутствует.

Несколько слов осталось сказать о судьбе мощей святого Владимира. Увы, они разделили трагическую участь Киевской Десятинной церкви, разрушенной татарами в 1240 году. На долгие столетия гробницы святого князя и других членов княжеской семьи оказались погребенными под развалинами храма. До начала XVII века о них даже не вспоминали. В 1635 году киевский митрополит Петр Могила, проводивший раскопки Владимирова храма и построивший на его месте небольшую церковь, казалось, обнаружил драгоценную святыню — два древних саркофага, в одном из которых, по его предположению, находились мощи святого князя Владимира, а в другом — его супруги царицы Анны [36]. «В воспоминание будущим родам» святитель извлек из гроба главу и кисть правой руки. Глава была первоначально положена в церковь Спаса Преображения на Берестовом (которую митрополит, как и многие последующие исследователи, ошибочно считал постройкой самого Владимира), а затем в главный храм Киевской Печерской лавры во имя Успения Богородицы. Часть святых мощей — а именно нижняя челюсть («исподняя кость с зубами») — позднее оказалась в Москве, в Успенском соборе [37]. Еще одна часть мощей — ручная кость — передана в Киевский Софийский собор; позднее частицы мощей оказались и в других местах, например, в одном из напрестольных крестов Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге [38].

Сегодня, к сожалению, подлинность находки киевского митрополита может быть поставлена под сомнение. Дело в том, что обнаруженная им гробница была раскопана еще раз — в 1826 году киевским архитектором Н. Е. Ефимовым, проводившим исследования остатков древней Десятинной церкви. Саркофаг, внутри которого находились «все сохранившиеся кости, кроме головы и правой руки» (то есть, очевидно, саркофаг, открытый в 1635 году), оказался не мраморным, а шиферным, составленным из плоских плит красного шифера, связанных железными прутьями [39*]. Владимирова же гробница — и мы определенно знаем это из летописи — мраморная.

В XVIII веке, при реставрации церкви Петра Могилы, проводившейся по благословению киевского митрополита Арсения Могилянского старицей Киевского Фроловского

---

* Этот саркофаг был сохранен в подцерковье новой церкви, выстроенной на месте древней Десятинной архитектором В. П. Стасовым. Перед ее сносом, в 1933 году, саркофаг был перенесен в Софийский музей-заповедник.

монастыря княгиней Нектарией Борисовной Долгоруковой, были найдены в земле и две мраморные доски, «подобные той, которой покрыта Ярославова гробница в Софийском храме». Кто знает, возможно, одна из этих гробниц принадлежала Крестителю Руси*. Но находке не придали значения. «Тогдашний священник сей церкви не сказал ничего митрополиту, и любопытный памятник был опять засыпан землею» [40]. Так записал в своей тетради архимандрит Киевской Печерской лавры Зосима; его рассказ стал известен Николаю Михайловичу Карамзину, который и внес его в свою «Историю государства Российского». Впоследствии одна из мраморных гробниц, в которой, однако, находился женский костяк, была обнаружена еще раз (в 1824 году археологом-любителем К. Лохвицким) — но уже не целой, а разломанной на отдельные куски белого мрамора [41]. Кажется, найдены остатки и второго из саркофагов, укрытые кем-то в тайнике, обнаруженном археологами среди развалин Десятинной церкви в 1939 году. Фрагменты каменной резьбы (рельефный крест с расширяющимися концами, сердцевидный лист с вьющимся стеблем, круглый венок из остроконечных листьев) полностью повторяют украшения знаменитого саркофага князя Ярослава Мудрого из Киевского Софийского собора [42].

Возможно, эти жалкие обломки мрамора — последнее, что связывало святого князя с материальным миром.

---

* В мраморном саркофаге в Десятинной церкви был похоронен еще и киевский князь Изяслав Ярославич в 1078 году. Однако гробницы, найденные в XVIII веке, стояли рядом — что, похоже, указывает на их принадлежность Владимиру и Анне.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

[1] Исследований, целиком посвященных биографии князя Владимира, почти нет. Правда, в 1888 г., в связи с 900-летием Крещения Руси, и в 1915 г., в связи с 900-летием со дня смерти святого Владимира, было выпущено множество книг о жизни Крестителя Руси. Но большинство авторов ограничилось лишь пересказом хорошо известного летописного рассказа. Исключением является весьма добротная для своего времени монография В. З. Завитневича «Владимир Святой как политический деятель» (Киев, 1888). Впоследствии было выпущено несколько сборников, посвященных князю Владимиру и, особенно, Крещению Руси. (См., напр.: Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Пгр., 1917; Владимирский сборник. Белград, 1938 и др. Большое количество таких сборников, а также материалов научных конференций, специальных выпусков периодических изданий и т. п. вышло в свет уже в недавнее время, в связи с широко отмечавшимся 1000-летием Крещения Руси.) Чисто популярный и даже беллетризированный характер носят относительно недавно вышедшие биографии Владимира: Руднев В. А. Слово о князе Владимире. М., 1989; Volkov Vl. Vladimir le soleil rouge. Paris, 1981. (К сожалению, мне остался недоступным очерк А. В. Карташева «Святой великий князь Владимир, отец русской культуры». Париж, 1936. Не носит биографического характера эссе В. С. Соловьева «Владимир Святой и христианское государство». М., 1913.) Крайность другого рода представляет собой очерк В. А.Пархоменко (Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. ист. наук. Вып. 8. Л., 1941. С. 203—214), в котором почти все летописные известия о Владимире признаются легендарными и не имеющими под собой действительных оснований, а сам князь Владимир — фигурой более эпической, чем исторической.

Это не значит, конечно, что личность Владимира не привлекала внимание исследователей древней Руси. Напротив, в обобщающих трудах по той или иной проблеме, а также в специальных статьях историки прошлого и настоящего воссоздавали биографию князя Владимира, раскрывали смысл и значение проведенных им преобразований. Ссылки на большинство работ приведены в книге. Особо выделю такие значимые в историографии имена, как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, архиеп. Филарет (Гумилевский), митр. Макарий (Булгаков), К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Костомаров, Е. Е. Голубинский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, В. Г. Васильевский, В. Р. Розен, А. И. Соболевский, В. З. Завитневич, И. И. Малышевский, А. А. Шахматов, Н. К. Никольский, Н. И. Серебрянский, М. С. Грушевский, С. А. Бугославский, В. А. Пархоменко, М. Д. Приселков, Б. М. Соколов, Б. Д. Греков, Г. П. Федотов, Н. А. Баумгартен, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков, В. В. Мавродин, А. В. Соловьев, А. В. Карташев, В. Т. Пашуто, А. А. Зимин, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, В. Водов, А. Г. Кузьмин, Л. Мюллер, А. В. Назаренко, А. В. Поппэ, О. М. Рапов, О. В. Творогов и др.

[2] Известны *подделки* древних документов, якобы находившихся в руках князя Владимира, — причем, весьма грубые. Так, еще в XVI в. появились сведения о некоем письме половца Ивана Смеры к князю

Владимиру, написанном якобы на медных листах в городе Александрии в Египте в 990 г. (см.: Малышевский И. И. Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому. Киев, 1876). В XIX в. был изготовлен т. н. Молитвенник князя Владимира с поддельной записью Владимира, Добрыни и других лиц, сделанной якобы в 999 г. (на страницах молитвенника XIV в.). (См.: Макаренко М. Молитовник великого князя Володимера и Сулакадзев // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 101. № 3. С. 484—491).

[3] Так, например, памятники «Владимирова цикла» (за исключением «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова мниха и «Службы св. Владимиру») даже не учтены в широко известном современном «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 1. XI — перв. пол. XIV в. Л., 1987; вып. 2. Втор. пол. XIV — XVI в. Ч. 1—2. Л., 1988—1989). Не учтены в этом издании и памятники «Климентовского цикла», из которых один (т. н. «Слово на обновление Десятинной церкви») имеет прямое отношение к установлению культа святого Владимира в Киеве.

Глава первая. Рождение

[1] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 9: Никоновская летопись. М., 1965. С. 35: «...И бе рожение Володимиру в Будутине веси, тамо бо в гневе отослала еа Олга, село бо бяше еа тамо, и, умираючи, даде его Святей Богородици». Схожий текст — в Архангелогородском летописце (Устюжском летописном своде), см. ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 60.

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. С. 326.

[3] Под 1000 годом в «Повести временных лет» сообщается о смерти некой «Малъфреди» (ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1961. Стб. 129). Начиная с исследования А. А. Шахматова (Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 376), ее обычно отождествляют с Малушей, матерью Владимира (см., напр.: Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 469 (Лихачев Д. С. Комментарии). Но это сомнительно. Женское имя Малфредь, очевидно, является притяжательным к мужскому имени Малфред, что должно указывать либо на дочь, либо на жену некоего Малфреда. И то, и другое вряд ли подходит для Малуши.

А. А. Шахматов, опираясь на свидетельство Никоновской летописи и Устюжского летописного свода (см. прим. 1), предположил, что Малуша (Малфредь) была христианкой и не только похоронена в Киевской Десятинной церкви святой Богородицы, но и завещала церкви принадлежавшее ей село Будутино (Разыскания... С. 377). Однако, на мой взгляд, совершенно очевидно, что слова Никоновской летописи: «умираючи, даде его (село. — *А. К.*) Святей Богородици» — относятся к Ольге, но ни в коем случае не к Малуше. (Определенно об этом сообщает автор Архангелогородского летописца: «...Бе бо умирая Олга отдаст село то Пресвятей Богородицы»).

В «Историю Российскую» В. Н. Татищева включено т. н. «Родословие государей Российских», основанное на поздних и совершенно легендарных известиях. О матери Владимира в нем сообщается следующее: «Малуша, дочь славянина Каплюши Мальца любчанина» (Татищев В. Н. История Российская // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994. С. 372; далее: Татищев). Надо заметить, что вымышлен-

ные имена такого рода в изобилии встречаются в исторических и генеалогических сочинениях XVII—XIX вв.

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

[5] Впервые Малъка Любечанина и Мала Древлянского отождествил Д. И. Прозоровский (О родстве святого Владимира по матери // Записки Имп. Академии наук. Т. 5. М., 1864). Но особое распространение эта гипотеза получила после выхода в свет «Разысканий...» выдающегося исследователя русского летописания А. А. Шахматова. Последний не только поддержал предположение своего предшественника, но и пришел к выводу о том, что под именем Мала Древлянского скрывается сын воеводы Свенельда Мистиша (он же Лют), истинный убийца князя Игоря, рассказ о котором был искусственно и тенденциозно изменен летописцем (см. Шахматов А. А. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. Харьков, 1909. С. 88—91; он же. Разыскания... С. 340—378).

К настоящему времени гипотезу А. А. Шахматова можно признать опровергнутой. Так, исследователь строил свои выводы, в частности, на том основании, что в рассказе об убийстве Игоря, приведенном в «Хронике» польского историка XV в. Яна Длугоша (использовавшего русские летописи, в том числе, возможно, и не дошедшие до нас), имя древлянского князя, убийцы Игоря, читалось как «Мискиня», что можно было принять за испорченное «Мистиня». Сближение этого имени с формой «Мистиша» (вариант имени «Мстислав») само по себе весьма спорно; к тому же в оригинале Длугоша читается не «Мискиня», а «Нискиня» (Niszkina; вероятнее всего, найденный Длугошем смысловой эквивалент русскому имени «Мал»), что, конечно, рушит построения Шахматова. Ни на чем не основано и отождествление Мистиши (лишь случайно упоминаемого летописцем) и Люта Свенельдичей. Наиболее обстоятельная критика построений А. А. Шахматова дана в работах А. В. Соловьева (Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16—17. Белград, 1941. С. 37—64) и А. В. Поппэ (Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974).

Гипотеза о тождестве Мала Древлянского и Малъка Любечанина также отвергается современной наукой. (См., напр.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.,1963. С. 195; Поппэ А. В. Указ. соч.; и т. д.) Однако в популярных работах и генеалогических исследованиях она по-прежнему преобладает. (См., напр.: Членов А. М. Древлянсько походження князя Владимира // Український Історичний журнал. 1970. № 9—11; Лисовой Н. Н. Владимир Креститель // Наш современник. 1991. № 10. С. 170; Горюнков С. В. О происхождении святого князя Владимира по материнской линии // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1995. С. 93—95.)

[6] Впрочем, высказывалось предположение о готском происхождении как имени Мал, так и всей династии древлянских князей, связанной с древним готским родом Амалов (Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 25, 61, прим. 68).

[7] Так в русских рукописях известно Сказание о Соломоне и «ужичкой царици». Имя последней — «Малкотошка» или «Малкашка», — по-видимому, является буквальным переводом с древнееврейского «малкат шва» — «царица Савская». (См.: Барац Г. М. О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях Начальной русской летописи. Вып. 1. Киев, 1907. С. 57.)

[8] Т. н. Иоакимовская летопись, введенная в научный оборот В. Н. Татищевым (о ней речь пойдет ниже), называет тестем Святослава «князя угорского» (венгерского), следовательно, предполагается, что его женой (очевидно, матерью Ярополка и Олега) была венгерка. (Татищев. Т. 1. С. 111.) Но достоверность этого известия ничем не подтверждается. Сам В. Н. Татищев считал супругой Святослава некую Предславу, имя которой упомянуто в договоре Игоря с греками 944 г. (Там же. Т. 2. М., 1995. С. 41, 218; т. 1. С. 372—373). Но это предположение (ничем не обоснованное) можно принять только в том случае, если согласиться с предложенной Татищевым датой рождения Святослава — 920 г. — что явно противоречит показаниям «Повести временных лет» (см. след. прим.).

[9] Дату 6450 (942) г. называет Ипатьевская летопись (точнее, Ипатьевский список «Повести временных лет»), а также Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 34; т. 7. СПб., 1856. С. 278). Разумеется, эту дату нельзя считать точной; летописец высчитал ее, исходя из известного ему факта малолетства Святослава в момент смерти Игоря.

Позднейшие летописи называют и другие, значительно более ранние даты рождения Святослава. Так, в Тверском летописном сборнике (XVI в.) под 6453 г. читаем: «И оста по нем (по Игоре. — *А. К.*) сын его Святослав мал, 15 лет», — что указывает на 930 г. как год рождения князя (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 2. М., 1965. Стб. 57).

В. Н. Татищев, пользовавшийся, в том числе, и не дошедшими до нашего времени летописными сводами, сообщает о рождении Святослава под 920 г., ссылаясь при этом на «Новгородский» и «Ростовский» «манускрипты» (Татищев. Т. 2. С. 40, 217). Впрочем, историку были известны и другие даты рождения князя — 942 (Т. 1. С. 372) и 940 (Т. 2. С. 225). Возможно, его выбор в пользу ранней даты отчасти объясняется неверным прочтением летописного известия об участии Святослава в сражении с древлянами в 946 г. «Святослав... начал битву и, бросив копием в древляны, пробил коня сквозь», — читаем в «Истории Российской» (Т. 2. С. 46); «по его действу видно, что он был не дитя», — замечает по этому поводу сам Татищев. (Там же. С. 225.) Но очевидно, что рассказ Татищева представляет собой лишь пересказ статьи 6454 (946) г., как она приведена в «Повести временных лет» и других летописях, а слова «пробил коня сквозь» — не что иное, как искаженная передача летописного: «...и копье лете сквозе уши коневи» (то есть между ушами коня) — ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58. Показательно, что в ту же ошибку впадает и современный исследователь, делающий на основании татищевского рассказа вывод о том, что в 946 г. Святослав был не мальчиком, но почти взрослым юношей (Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 43—44).

Факт рождения Святослава в 920 г. или около этого признавали также А. П. Новосельцев (Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 12) и О. М. Рапов (Русская церковь в IX — первой трети XIII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 157—158; впоследствии автор видоизменил свою точку зрения).

Общая посылка такого радикального пересмотра традиционной летописной даты очевидна. Давно замечено, что время рождения Святослава не соответствует летописным датам биографии его матери, княгини Ольги, и отца Игоря. По летописи получается, будто Святослав появился на свет, когда Ольге было, по крайней мере, около пятидесяти лет и спустя сорок лет ее совместной жизни с

Игорем (ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29: брак Игоря и Ольги отнесен к 6411 (903) г.). Это, конечно, маловероятно. Однако из очевидного противоречия делается неверный вывод. Начальная часть биографии князя Игоря во многом туманна. Совершенно не ясны, по разным летописям, его взаимоотношения с Олегом, подлинным правителем Руси в конце IX — начале X в. Составители «Повести временных лет» явно стремились хронологически «привязать» биографию Игоря к биографии его предполагаемого отца Рюрика, полулегендарного основателя Киевской династии. (См. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 35.) Лишь с 40-х гг. X в. Игорь становится действительно заметной фигурой как в собственно русской истории, так и для иностранных авторов, писавших о Руси (договор с греками 944 г., упоминания об Игоре у Константина Багрянородного, Льва Диакона и др.). Принимая во внимание особенности начального русского летописания, следует, по-видимому, с гораздо большим доверием отнестись к сведениям о позднем периоде биографии князя Игоря и княгини Ольги и к основанным на устном предании рассказам типа того, что повествует о ребенке Святославе в битве с древлянами около 946 г. Точные же даты, помещенные в начальной части летописи, как раз и не внушают доверия. Зачастую они являются результатом редакторской работы и собственных хронологических расчетов составителей летописи. Считать (вслед за О. М. Раповым), что летописная статья 946 г. есть позднейший тенденциозный вымысел, имевший целью «обелить княгиню Ольгу, оправдать захват ею власти в Киевской Руси», осуществленный якобы уже при взрослом Святославе (а следовательно, что весь летописный текст за вторую половину 40-х — 60-е гг. X в. есть сознательный вымысел летописца), тем более без тщательного текстологического анализа летописи, совершенно несерьезно. Разумеется, упоминание имени Святослава в договоре Игоря с греками 944 г., равно как и его представительство на переговорах особым послом, вопреки О. М. Рапову, не свидетельствует о том, что он был взрослым; участие в переговорах его представителя было обязательным и носило этикетный характер вне зависимости от возраста князя.

В недавно вышедшей статье (Когда родился великий киевский князь Святослав Игоревич // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 4. С. 92—96) О. М. Рапов обосновывает новую дату рождения Святослава — 927 г. (При этом автор допускает существование у князя Игоря двух сыновей с одинаковым именем; первый из «Святославов» родился в 920 г., согласно Татищеву, но вскоре умер, другой же, знаменитый полководец, — в 927. Оставляю эту гипотезу историка без комментариев.) Автор обратил внимание на то, что в той же летописной статье Ипатьевской и Воскресенской летописей 942 г., в которой сообщается о рождении Святослава, читается известие о смерти болгарского царя Симеона. Из византийских же источников известно, что Симеон на самом деле умер в 927 г. Как полагают, летописец извлек это сообщение из Хронографа, содержавшего, в частности, болгарские известия. При этом он ориентировался на номер индикта (15), которым была датирована смерть царя. Ошибочно известие было перенесено на 15 лет вперед. Следовательно, делает вывод историк, и Святослав родился на пятнадцать лет раньше летописной даты.

Такое объяснение совершенно неприемлемо. Летописная статья 6450 (942) г., с небольшими разночтениями (но без упоминания о Святославе), читается и в Лаврентьевской, и в сходных с нею летописях. Несомненно, она извлечена из внелетописного источни-

ка. Но предполагать, будто во внелетописном источнике читалось и известие о рождении Святослава и что оно оттуда попало в текст «Повести временных лет», отразившийся в Ипатьевской летописи, но было исключено при составлении редакции, отразившейся в Лаврентьевской (а, по Рапову, получается именно так), излишне. Появление имени Святослава в Ипатьевском списке «Повести временных лет» и в Воскресенской летописи объясняется, конечно, совсем другими причинами — а именно, редакторской работой и собственными хронологическими расчетами составителей этих летописей, основанными, как было отмечено выше, на известии о малолетстве Святослава во время сражения с древлянами.

[10] Относительно времени рождения Владимира в источниках и исторической литературе также нет определенности или единодушия. В. Н. Татищев в упомянутом уже «Родословии государей» сообщает о рождении Владимира в 948 г. (Т. 1. С. 373; несмотря на то, что несколькими строками выше дата рождения Святослава показана как 942 г.). Сам Татищев так объясняет происхождение этой даты. «О летах и рождении Владимира точно нигде не показано». Но поскольку он родился «в селе Будятине» (Будутиной веси), которое, по мнению Татищева, находилось «близ Плескова» (Пскова), «где Ольга и мать Владимирова Малуша были в 947 г., когда и Плесков построен» (со ссылкой на Житие Ольги и позднейшую Степенную книгу царского родословия — где, конечно, нет твердых дат и упоминания о Малуше), то получается, что «Владимир жил 67 лет» (Т. 2. С. 237; т. 4. М., 1995. С.415). Разумеется, предположение о рождении Владимира именно после «новгородского» похода Ольги (см. там же. Т. 2. С. 222) совершенно безосновательно.

Другая предполагаемая дата рождения князя Владимира основана на показаниях т. н. Летописца Переяславля Суздальского — памятника, в своей основе XIII в., но сохранившегося в рукописи 60-х (или 60—70-х) гг. XV в. Рассказывая о кончине Владимира, летописец называет число прожитых князем лет — 73. Исходя из этого сообщения, а также используя некоторые дополнительные соображения (прежде всего, конечно, собственные расчеты времени рождения отца Владимира Святослава — см. пред. прим.), О. М. Рапов предложил новую дату рождения Владимира — 942—943 гг. (Рапов О. М. Русская церковь... С. 157—158; он же. Когда родился... С. 92—96.) Но эти расчеты также неверны.

Мимо внимания исследователя ускользнуло то обстоятельство, что сама смерть князя помечена в Летописце Переяславля Суздальского не 6523 (1015) г., как в других летописях, а 6543 (1035) — см. ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 44, прим. 88. Предшествующая летописная статья помечена 6504 (996) г., последующая — 6543 же, далее — 6546 (1038) г. Говорить о случайной описке переписчика XV в. не приходится, поскольку 6543 г. датируется не только смерть Владимира, но и убийство Бориса и Глеба (в той же статье) и начало княжения Ярослава в Киеве (в следующей статье). Летописец Переяславля Суздальского — памятник во многом компилятивный. В частности, в рассказе о княжении Владимира составитель летописи пользовался, помимо «Повести временных лет», известными нам сочинениями — «Церковным уставом» князя Владимира (по определению Я. Н. Щапова, это особый Архивный извод Оленинской редакции, отличный от других списков Устава) и «Сказанием о Борисе и Глебе» (также в особой редакции). Составитель летописи не только включал их в свой текст, но и очень свободно использовал, воссоздавая на их

основе целые новые эпизоды биографии князя. Таковы, например, сцена составления «Завещания» Владимира (то есть «Церковного устава») с участием царицы Анны и князя Бориса, эпизод с приходом в Киев после смерти Владимира Бориса и Святополка. При этом нарушалась хронологическая канва событий: так, например, болезнь Владимира и приезд в Киев Бориса описываются дважды (но, вероятно, на основании одних и тех же источников) — под 6504 и 6543 гг.

У нас нет основания считать, что в руках составителя Летописца Переяславля Суздальского находились какие-то неизвестные нам источники, содержавшие уникальные известия о князе Владимире (например, дату его рождения или число прожитых лет). Напротив, это число, по-видимому, появилось в результате собственных исторических разысканий летописца. Чтобы получить дату рождения князя Владимира такой, какой ее представлял себе составитель Летописца Переяславля Суздальского, число 73 следует вычесть не из 6523, а из 6543 г. В результате мы получим 6470 (962/963) г. Но примерно эта дата (или что-то около того) получается, если основываться на тех известных фактах биографии князя Владимира, о которых мы говорили в тексте главы. Склонность к такого рода разысканиям составитель Летописца Переяславля Суздальского обнаруживает определенно.

Обосновывая «раннюю» дату рождения Владимира, О. М. Рапов ссылается также на «Хронику» Титмара Мерзебургского, в которой сообщается о том, что князь Владимир умер (в 1015 г.) «глубоким стариком». (См. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С. 141 (Титмар. VII, 73, 74), ср. 173.) Однако, на мой взгляд, в устах человека Средневековья эти слова вовсе не противоречат предполагаемому возрасту князя к моменту смерти — около 53 лет. (Добавлю, кстати, что о «маститой старости» Владимира сообщает также т. н. Чудовская редакция Жития князя Владимира (см. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 35, прим.)

По мнению П. П. Толочко (Древняя Русь. С. 43—44), летописная статья 970 г. о посажении Святославом своих сыновей на княжение в Киев, Древлянскую землю и Новгород свидетельствует о взрослом возрасте княжичей (поскольку «на самостоятельное княжение они могли быть определены не раньше достижения 15—16 лет»). Но это утверждение не подтверждается источниками для IX—X вв. Напротив, и Игорь, и Святослав (по крайней мере, в изложении летописца) определенно садятся на княжение младенцами.

Гипотезе о рождении Владимира в 942—943 гг. или около этого времени явно противоречат показания статьи 6476 (968) г. «Повести временных лет», рассказывающей об осаде Киева печенегами (весна 969 г.). Из контекста статьи совершенно очевидно, что все трое Святославичей были в то время еще детьми; так называют их и киевляне в послании к Святославу, и сам летописец (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65-67); автор Лаврентьевской летописи называет Владимира ребенком и в период его пребывания в Новгороде (там же. Стб. 299).

Добавлю, что дату, восстанавливаемую из показаний Летописца Переяславля Суздальского (962 г.), конечно, нельзя считать точной. Это лишь приблизительные расчеты самого летописца. По-видимому, поиск «точных» дат рождения князей IX—X вв. в древних письменных источниках вообще бесперспективен. Согласно «Повести временных лет» первые записи о рождении сыновей киевских правителей появляются не ранее 20-х гг. XI в. (запись о рождении

князя Владимира Ярославича, сына Ярослава Мудрого). (Правда, в Никоновской летописи имеется запись о рождении другого внука Владимира, Яна Святославича, под 1002 г.; но хронология Никоновской летописи относительно времени княжения Владимира вызывает большие сомнения — см. об этом ниже.)

[11] О влиянии внешней торговли на становление государственности и социальное расслоение восточнославянского общества см.: Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 гг. М., 1995. С. 16—33.

[12] Строка из «Слова о полку Игореве». О сакрализации личности князя см.: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 13—22.

Глава вторая. Святослав. Смерть Ольги

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 64—65.

[2] Лев Диакон. История. М., 1988. Перевод М. М. Копыленко.

[3] Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру святому // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 2. Киев, 1888. С. 59. «Легким» называет Святослава и русский писатель конца XV — начала XVI в. Спиридон-Савва в своем Послании о Мономаховом венце (Дмитриева Р. П. Сказания о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 162). Указанием на характеристику князя Святослава в этом источнике я обязан И. А. Тихонюку, которому приношу благодарность.

[4] Князь Святослав не был единственным мужчиной в династии Рюриковичей после смерти Игоря. В договоре Игоря с греками 944 г. упоминаются племянники Игоря Старого — Игорь и Акун (Якун) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46). Однако их реальное присутствие в русской истории не обозначено; в летописи их имена более не встречаются.

В позднейшей Иоакимовской летописи рассказывается о брате Святослава князе Глебе, христианине, убитом якобы по приказу Святослава после поражения русских от греков на Дунае (Татищев. Т. 1. С. 111). Но скорее всего Глеб, о котором совершенно не упоминают древнейшие источники, — фигура вымышленная. Возможно, составитель Иоакимовской летописи основывался на упоминании имени Улеб (вариант имени Глеб) в том же договоре Игоря с греками. Улеб представляется здесь послом некоего Володислава (вероятно, представителя какого-то княжеского рода, не Рюриковича?); ниже упоминается еще и некая «жена Улебля» (Улебова). В. Н. Татищев (и, наверное, не он один) иначе читали данное место: «Улебов (посол. — *А. К.*) Владислав», что давало возможность отождествлять этого Улеба с Глебом, братом Святослава. (Там же. Т. 2. С. 41, 218; т. 1. С. 118.)

[5] Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 42—44. Все же, вопреки Г. Г. Литаврину, принимаю традиционную дату путешествия Ольги — 957 г. (ср. Назаренко А. В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 66—83).

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63.

[7] Анонимное продолжение хроники Регинона Прюмского. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. С. 107—109.

[8] Я имею в виду прежде всего ставшую весьма популярной среди русской интеллигенции книгу Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» (М., 1992 и др. издания). См. также: Кожинов В. В. История Руси и русского слова // Наш современник. 1992. № 10; 11.

[9] См. об этом: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 41—42; Петрухин В. Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 117—125.

[10] Текст «Повести временных лет» цитируется по Радзивиловской летописи (ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 33). Ср. также в Лаврентьевской (Т. 1. Стб. 65), Ипатьевской (Т. 2. Стб. 53), Новгородской Первой младшего извода (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 117). Индивидуальное чтение Лаврентьевского списка («и град их и Белу Вежю взя, Ясы победи и Касогы»), разумеется, не является первичным: союз «и» явно поставлен здесь не на место. Тем более неверно делать на основании этого чтения какие-то далеко идущие выводы о нападении Святослава на некий хазарский «град», отличный от Белой Вежи. Ср., например, перевод данного фрагмента Д. С. Лихачевым: «...и столицу их (Итиль? — *А. К.*), и Белую Вежу взял» (Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978. С. 79; Повесть временных лет. Изд. 2-е. С. 168). Русская летопись содержит сведения о военных действиях Святослава лишь на среднем и нижнем Дону и Северном Кавказе; о военных действиях на нижней Волге ничего не сообщается. Ср. также прим. 13.

[11] Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 298—323; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 132, 166.

[12] Арабские историки Ибн Мискавейх (X—XI вв.) и его продолжатель Ибн ал-Атир (XII—XIII вв.) сообщают под 965 г. о нападении на «страну хазар» «тюрков» (Калинина Т. М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. М., 1976. С. 93—94). Впрочем, Т. М. Калинина полагает, что арабские авторы могли назвать тюрками самих русов, хотя и допускает участие в военных действиях на их стороне гузов и печенегов.

[13] Калинина Т. М. Указ. соч. С. 90—91.

В историографии ведутся споры относительно количества походов русов против Хазарии при Святославе. Согласно мнению В. В. Бартольда, Ибн Хаукаль описывал события, происходившие не в том году, который он обозначил (358 г. хиджры), а тремя годами раньше; следовательно, и арабский географ, и летописец сообщают об одном и том же военном предприятии Святослава. (Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 849. Эта точка зрения получила широкое распространение; из последних работ см.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1991. С. 40—48, 91—97.) Однако современные исследования с привлечением всех рукописей Ибн Хаукаля убедительно доказывают, что год, проставленный Ибн Хаукалем, является именно годом разорения Итиля, Самандара и других хазарских и поволжских областей. (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 95 (раздел написан А. П. Новосельцевым); Калинина Т. М. Указ. соч.; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 225 и след.) Но в

таком случае имели место два различных похода русов на хазар, разделенные тремя годами.

К аргументам, высказанным исследователями ранее, я бы добавил еще следующее соображение. В русских источниках (и прежде всего «Повести временных лет»), в поддающихся определению случаях, географическое название «Козаре» (Хазары) обозначает районы нижнего Дона, Северного Кавказа и Тамани, но никогда — нижнюю Волгу и прикаспийские области. (Особенно ярко это видно в летописном рассказе о «хазарской дани» — «володеют Козари русьскии князи и до днешнего дне», — пишет летописец (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17), очевидно, имея в виду распространение власти русских князей на хазарскую Тьмуторокань; а также в титуловании тьмутороканского князя Олега-Михаила Святославича на его известной печати «архонтом Матрахи, Зихии и всей Хазарии» — см. Soloviev A. V. Domination Byzantine ou Russe au Nord de la Mer Noire a l' epoque des Comnene? // Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses Munchen. 1958. Munchen, 1960. S. 569—580; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 26—29); все это вполне соответствует географическим традициям раннего средневековья — греческой, латинской, еврейской. Для районов нижней Волги и, в частности, Итиля летописец, очевидно, применял другое название — Хвалисы (см. Pritzak O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies. 2. Cambridge (Mass.), 1978. P. 261—262; Golb N., Pritzak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982. P. 153—156; Карпов А. Ю. Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 20). Таким образом сам текст летописной статьи 965 г. определенно свидетельствует против предположения о военных действиях Святослава на нижней Волге (что, напротив, следует из описания Ибн Хаукаля).

По мнению А. П. Новосельцева, второй поход против Хазарии был предпринят Святославом в тот промежуток времени, когда русский князь, согласно летописи, возвратился в Киев в связи с набегом печенегов (Хазарское государство... С. 227). В частности, автор ссылается на свидетельство арабского географа X в. ал-Мукаддаси, слышавшего от кого-то, «что войско из ар-Рум (Византии. — *А. К.*), именуемых ар-Рус, напало на них (хазар, живущих в Итиле. — *А. К.*) и подчинило страну их». (Современный перевод Н. И. Серикова (под ред. В. М. Бейлиса) в: Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. С. 288.) Думаю однако, что выражение «войско из ар-Рум, именуемых ар-Рус» указывает на географическое положение «ар-Рус» относительно хорошо известной арабам Византии, но не обозначает конкретной страны, откуда явилось русское войско.

Замечу также, что Т. М. Калинина (Указ. соч. С. 96) ставит под сомнение факт нападения русов на Волжскую Болгарию, считая (вслед за В. В. Бартольдом), что Ибн Хаукаль смешивает Волжскую и Дунайскую Болгарии и переносит на Волгу военные действия Святослава, которые на самом деле велись на Дунае. Как мне кажется, упоминание буртасов среди народов, подвергшихся нападению русов, свидетельствует против такого предположения.

[14] Новгородская Первая летопись. С. 117.

[15] Лев Диакон. С. 36. (Перевод М. М. Копыленко.)

[16] Там же. С. 43—44.

[17] Там же. С. 121. (Перевод С. А. Иванова.)

[18] Там же. С. 44. (Перевод М. М. Копыленко.)

[19] Там же. См. также ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65.

[20] Сообщение Лиутпранда, епископа Кремонского. (Patrologiae cursus completus. / Ed. J-P. Migne. Series latina. T . 136. Paris, 1853. P. 917.)

[21] Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1989. С. 37—39. (Перевод Г. Г. Литаврина.)

[22] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65.

[23] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130.

[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65—67.

[25] Там же. Стб. 68—69.

Глава третья. Новгород

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

[2] Русские источники умалчивают об этом. Уникальное известие о пребывании «Сфендослава, сына Ингора, архонта Росии», в «Немогарде» содержится в трактате Константина Багрянородного (Об управлении Империей. С. 45). Правда, высказывались и высказываются сомнения относительно отождествления этого названия с Новгородом на Волхове (см.: Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 193—194).

[3] Археологические исследования последних лет бесспорно доказывают существование Городища как укрепленного центра, господствовавшего над округой, по крайней мере, с IX в. (Носов Е. Н. Указ. соч.). В названной работе Е. Н. Носов обосновывает высказывавшееся и ранее предположение о том, что именно Городище было предшественником Новгорода (как крепости) и резиденцией новгородских князей в IX—X вв. (Там же. С. 170—205.) Предложенная гипотеза возникновения Новгорода представляется на сегодняшний день наиболее обоснованной. В дальнейшем изложении мы будем исходить из пребывания Владимира именно на Городище. В то же время существование и нынешнего Новгорода (как поселения) во времена Владимира не вызывает сомнений. Вероятно, он значительно разросся к началу XI в., поскольку князь Ярослав (первый из князей, имя которого осталось в новгородской городской микротопонимике) перенес туда свою резиденцию («Ярославово Дворище» на Торговой стороне).

Однако предположение Е. Н. Носова о возникновении и самого названия «Новгород» не ранее середины XI в. (Указ. соч. С. 194) кажется мне неудачным. И дело даже не только в фиксации топонима «Немогард» в сочинении Константина Багрянородного (который и в самом деле мог не иметь отношения к Новгороду на Волхове), но главным образом в показаниях на этот счет русских летописей, определенно знающих «Новгород» «над Волховом» и в IX в. (при Рюрике), и в X (княжение Владимира). Думаю также, что и поиски прежнего названия Городища (типа «Слава», «Словенск», «Холмгород») малоперспективны — иначе к началу XII в. оно бы не было прочно забыто (название «Городище» появляется в Новгородской летописи уже под 1103 г.). Скорее всего Городище IX—X вв. и могло носить название «Новгород» («новый» город по отношению к старому — судя по летописной версии, к Ладоге). Впоследствии это название было перенесено на вновь построенные укрепления («новые» уже по отношению к Городищу). Такое предположение, между прочим, объясняет известную двойственность представлений летописца о происхождении Новгорода: в одном случае он утверж-

дает, что Новгород был построен Рюриком, «и прозва и Новгород»; в другом случае Новгород строят сами словене — и также «нарекоша и Новгород» (ПСРЛ. Т. 38. С. 16; т. 1. Стб. 6).

[4] Татищев. Т. 2. С. 51.

[5] Лев Диакон. С. 56. Перевод М. М. Копыленко.

[6] Там же. С. 79—80.

[7] Точную дату называет Иоанн Скилица; Лев Диакон датирует битву 24 июля. (Лев Диакон. С. 80 (Лев), 129—132 (Скилица), 209, 212 (комментарий М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова).

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70; Лев Диакон. С. 79.

[9] См., например, конъектуру, предложенную А. А. Шахматовым: «съ вами Иоанъмь, великим царем Гречьским» (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пгр., 1916. С. 86).

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 72—73.

[11] Лев Диакон. С. 132—133. Перевод С. А. Иванова.

[12] Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 39. Перевод Г. Г. Литаврина.

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74.

[14] ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 9—10.

[15] Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. С. 132, прим. 2. (А. А. Шахматов извлек этот текст из рукописного сборника, близкого к Тверскому летописцу; вероятно, он читался и в последнем. В самом Тверском летописце отсутствует лист с рассказом о гибели Святослава.)

[16] ПСРЛ. Т. 37. С. 61 (Архангелогородский летописец).

[17] Татищев. Т. 1. С. 111.

[18] Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 180. Более подробно см.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 29—30.

[19] Как известно, в литературе нет единого объяснения названия «Хольмгард» (см. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 19—20). Отождествление древнейшего «Новгорода» (как крепости) с Городищем, предложенное Е. Н. Носовым (см. прим. 3), позволяет объяснить это название (по-древнескандинавски, «поселение на небольшом острове») именно особенностями расположения Городища как бы на острове, образованном берегом Ильменя, Волховом и его рукавом Волховцом (см.: Носов Е. Н. Указ. соч. С. 184; Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 47—48; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 218—219).

[20] Сага была записана исландским монахом Оддом в конце XII в. на латинском языке и затем вновь переведена на исландский (латинский текст не сохранился). Рассказ об Олаве читается также в латиноязычной «Истории Норвегии», кратком «Обзоре саг о норвежских конунгах» (оба памятника также конца XII в.) и в сборниках саг — «Красивой коже» (около 1220 г.) и «Хеймскрингле» («Круге Земном») знаменитого исландца Снорри Стурлусона (около 1230 г.), а также в более поздней компилятивной «Большой саге об Олаве, сыне Трюггви». В дальнейшем тексты цитируются по переводу Е. А. Рыдзевской (Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 29—70; далее — Рыдзевская). Новые переводы — Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. (Перевод М. И. Стеблина-Каменского и О. А. Смирницкой); Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993.

[21] Рыдзевская. С. 32.
[22] Там же. С. 62—63.
[23] Там же. С. 29.
[24] По расчетам исландских королевских анналов (основывавшихся на совокупности показаний всех исландских саг), Олав родился около 968/969 г., попал «в Гардарики» (на Русь) около 977/978 и покинул ее около 986/987 г. (Джаксон Т. Н. Указ. соч. С. 119). Но это не вполне соответствует показаниям самой Саги об Олаве, согласно которым его пребывание в Хольмгарде можно было бы отнести к 972—981 (или 983) гг. (Рыдзевская. С. 37).

Глава четвертая. Война. Братоубийца

[1] Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 163—164. Перевод М. Б. Свердлова. Сравнивая текст Анналов Ламперта Херсфельдского с т. н. Хильдесхаймскими анналами, М. Б. Свердлов приходит к выводу о том, что упоминание русских послов у Ламперта есть позднейшая вставка, его собственный вымысел, имевший целью придать большую международную представительность Кведлинбургскому съезду (там же. С. 166—167; Свердлов М. Б. Политические отношения Руси и Германии X — первой половины XI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 286—287). Обоснование противоположной точки зрения — а именно что данное известие имелось в источнике Ламперта и вполне достоверно, см. в: Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. М., 1994. С. 102—103.
[2] Татищев. Т. 1. С. 111.
[3] См., например, Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
[4] ПСРЛ. Т. 9. С. 39. Впрочем, надо отметить, что подобные известия летописи XVI в. могут отражать стремления ее составителей (и прежде всего митрополита Даниила, крупнейшего церковного и политического деятеля средневековой Руси) обосновать историческими прецедентами широкие международные связи Московской Руси и, в частности, концепцию «Москвы — третьего Рима» (см. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 188; Vodoff V. Naissance de la Chrétienite Russe. La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses consequences (XIe — XIIIe siècles). Paris, 1988.
[5] Фрагменты из Жития Ромуальда и Хроники Адемара в переводе на русский язык см. в: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1880. С. 187—190.
[6] См., например, Пархоменко В. А. Начало христианства на Руси. Полтава, 1913. С. 162; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 295; Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 101—102.
Согласно рассказу Петра Дамиани, святой Бонифаций совершил чудо, пройдя невредимым сквозь пламя, разложенное королем «руссов». Существует еще один рассказ, посвященный св. Бруно-Бонифацию. Он принадлежит перу некоего Виперта (в других источниках неизвестного), выдававшего себя за одного из спутников епископа Бруно во время его прусской миссии и бывшего якобы свидетелем его мученической гибели. Виперт также рассказывает об обращении Бруно местного «короля» (некоего Нетимера) и 300 его подданных в

результате такого же испытания огнем и об убийстве святого другим местным князем, братом (?) «короля». (См. об этом: Оглоблин Н. Н. Письмо архиепископа Брунона германскому императору Генриху II // Университетские известия. Киев, 1873. № 8. Отд. IV. С. 3—4). Очевидно, что необходим тщательный текстологический анализ двух источников. Если свидетельство Виперта первоначально по сравнению с рассказом Петра Дамиани, то и весь сюжет с тремя враждующими между собой братьями отражает не русские, а прусские реалии.

[7] По мнению А. В. Назаренко, есть и другие основания предполагать серьезные намерения Ярополка в отношении христианизации Руси, а также самые тесные связи между Русью его времени и Германской империей. Основываясь на исследовании генеалогических памятников XII в. — Генеалогии Вельфов и Истории Вельфов, — в которых сообщается о браке одной из дочерей некоего графа Куно фон Энингена (на самом деле известного герцога швабского Конрада, ум. 997) и не названного по имени «короля ругов» (русов), и отвергая давнее и ставшее традиционным мнение Н. А. Баумгартена (Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e s. // Orientalia Christiana. T. IX/1. Roma, 1927. N 35. P. 8; Баумгартен Н. Св. Володимир і хрещення Русі // Богословія. Львів, 1930. Т. 9. Кн. 1/2. С. 107—109) о том, что под «королем ругов» следует понимать князя Владимира Святославича (это предположение не подтверждается хронологически), автор приходит к выводу, что брак был заключен не позднее 70-х — начала 80-х гг. X в., а «король ругов» — не кто иной, как киевский князь Ярополк Святославич (Русь и Германия... С. 104—120). Из этого отождествления следуют далеко идущие выводы, касающиеся, в частности, участия войск Ярополка в военных действиях против Древнечешского государства летом 977 г. на стороне германского императора Оттона II, а также планов Ярополка относительно крещения своего государства силами миссионеров-немцев, присланных императором Оттоном. А. В. Назаренко принимает во внимание и данные «Повести временных лет» и ряда других древнерусских источников, из которых известно, что, во-первых, Ярополк так и не был крещен (его останки были крещены в 1044 г. князем Ярославом Владимировичем), а во-вторых, к моменту гибели он был женат на некой гречанке. Чтобы преодолеть возникшее противоречие с собственными построениями, автор прибегает к довольно сложной гипотезе. Смысл ее заключается в том, что брак между Ярополком и дочерью Куно-Конрада на самом деле так и не состоялся; однако он успел как факт попасть в сделанную тогда запись при дворе Вельфов, откуда его и заимствовал впоследствии составитель Генеалогии. Латинские миссионеры, которым предстояло крестить киевского князя, прежде чем он смог бы обвенчаться с немкой, прибыли в Киев слишком поздно — уже в разгар начавшейся междуусобной войны между Ярополком и Владимиром в первой половине 978 г. Припоминания об этой миссии, переплетенные с легендой о Бруно-Бонифации, и отразились в Житии Ромуальда и, возможно, в известии Никоновской летописи.

Я уже отмечал искусственность этого построения, вступающего к тому же в противоречие с показаниями русских летописей. (См.: Карпов А. Ю. [Рец. на] Назаренко А. В. Русь и Германия... // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 276—279.) Согласно последним, Ярополк не просто был женат в 70-е гг. X в. (что констатирует А. В. Назаренко), но и вел переговоры о новом браке с Рогнедой, дочерью

полоцкого князя Рогволода, как раз в последние месяцы своего пребывания в Киеве (конец 977 — начало 978 г.), причем этот брак предполагался по языческому обряду (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—76, 299). Как мне кажется, хронологическое совпадение гипотетических переговоров Ярополка в Германии с реальными его переговорами в Полоцке делает крайне маловероятным предположение А. В. Назаренко о тождестве «короля ругов» Генеалогии Вельфов с князем Ярополком.

Хронологические расчеты действительно резко подрывают доверие к гипотезе Н. Баумгартена о выдаче дочери Куно за князя Владимира Святославича. Но и атрибуция А. В. Назаренко не кажется убедительной. Возможно, решение вопроса о появлении «короля ругов» в Генеалогии Вельфов нашел в свое время немецкий исследователь К. Шмид: сведения о «русском браке» в Генеалогии могут быть анахронизмом — составитель Генеалогии мог перенести данные о браке с «королем ругов» Оды Штаденской (супруги Святослава Ярославича) на одну из дочерей ее предка Куно. См., однако, возражения А. В. Назаренко: Указ. соч. С. 108—113.

[8] ПСРЛ. Т. 9. С. 39.

[9] Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С. 52—58.

[10] См. об этом: Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 120—121. Об упоминании имени Олега в чешских источниках см. ниже.

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74. В дальнейшем текст «Повести временных лет» цитируется по Лаврентьевской летописи.

[12] Новгородская Первая летопись. С. 110 (под 942 г.).

[13] Версия «Повести временных лет». Иаков мних, автор «Памяти и похвалы князю Владимиру», по-другому (хотя и кратко) излагает ход Древлянской войны: «...А Ярополк сел в Киеве, на месте отца своего Святослава, и Олег пошел с воями...» (Срезневский В. И. Память и похвала князю Владимиру и его Житие по сп. 1494 г. // Записки Имп. Академии наук по ист.-филолог. отдел. Т. 1. № 6. СПб., 1897. С. 7. Далее — Срезневский). В этой связи уместно отметить, что и польский историк XV в. Ян Длугош, пользовавшийся, вероятно, какими-то не дошедшими до нас русскими летописями, знал лишь об одной причине войны между Ярополком и Олегом — борьбе за власть над Русью. (Ср. Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.)

Как уже отмечалось, А. А. Шахматов считал весь летописный рассказ о Свенельде позднейшим тенденциозным искажением; в частности, по его мнению, в первоначальном летописном тексте виновником распри между Ярополком и Олегом выступал не Свенельд, а Блуд. (Разыскания... С. 234—242.) Однако это предположение кажется произвольным (см. также прим. 5 к главе 1).

[14] Флоровский А. В. Русское летописание и Я. А. Коменский // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 312—316. Впрочем, другую историю русского князя Олега (или Александра?) рассказывали чешский просветитель начала XVII в. Ян Амос Коменский и польский историк XVIII в. Христиан Фризе. Этот Олег — то ли сын князя Олега Вещего, то ли какой-то родственник Игоря Старого или княгини Ольги. Он был моравским князем, воевал с венграми, но кончил жизнь в Польше, при дворе легендарного польского князя Земомысла (отца Мешка I). См. там же; Фризе Хр. История польской церкви. Варшава, 1895. Т. 1. Кажется, оба этих Олега смешиваются в источниках друг с другом.

[15] Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 120—121. По мнению А. В. Назаренко, и Олег, и Владимир выступали союзниками Боле-

слава II Чешского, гипотетического противника Ярополка. О союзе между Владимиром и Болеславом, по его мнению, свидетельствует известный факт женитьбы Владимира на некой «чехине» около 976—977 гг. Думаю, однако, что наличие «чехинь» (причем двух) в гареме Владимира свидетельствует не о династическом союзе князя-язычника с чешским правителем-христианином, а скорее о военных действиях русского князя против Чехии.

[16] См. пред. прим.

[17] Срезневский. С. 8. О структуре и происхождении текста «Памяти и похвалы» см.: Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1925. Т. 29. С. 105—159.

[18] «Память и похвала» и «перечень княжений» «Повести временных лет» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17—18) сообщают о тридцати семи годах княжения Владимира в Киеве; это дает 978 г. как год его вступления в Киев. Князь Ярослав, по расчетам летописцев, должен был родиться в 978 г. (что, впрочем, едва ли соответствует действительности). См. об этом подробнее прим. 21 к главе 5.

А. А. Шахматов полагал, что дата 11 июня 6486 г. выведена составителем древнейшей летописи, отраженной в «Памяти и похвале», искусственно, исходя, в частности, из известной даты гибели в Киеве варягов-христиан, случившейся якобы в год вокняжения Владимира — 12 июля (Разыскания... С. 26—27). Однако предложенное им объяснение не кажется убедительным. Более вероятно искусственное происхождение как раз даты 6488 (980) г. в «Повести временных лет»: летописец рассчитывал восемь лет княжения Ярополка в Киеве (согласно «перечню княжений» и «Памяти и похвале»), исходя не из 6478 (970) или 6477 (969) г., а из 6480 (972) г. (см. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. 1-я пол. тома. М., 1901. С. 106, прим. 1; Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 100).

[19] ПСРЛ. Т. 9. С. 39; Татищев. Т. 2. С. 55.

[20] Татищев. Т. 1. С. 112.

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—76. Летописная дата Владимирова сватовства к Рогнеде вызывала и вызывает сомнения историков. Так, В. Н. Татищев в своей «Истории Российской», «по счислению», относил брак Владимира и Рогнеды к 975 г. (Т. 2. С. 53). Однако он исходил из того, что Ярослав, названный в летописном перечне Владимировых сыновей третьим сыном Рогнеды, родился в 978 г.; следовательно, первый сын Рогнеды должен был родиться в 976, а сам брак был заключен не ранее 975/976 г. (Там же. С. 226; отчасти Татищев опирался на предполагаемую им дату рождения самого Владимира — см. прим. 5 к главе 1.) Но отнесение рождения Ярослава к 978 г. (см. прим. 21 к главе 5), вероятно, объясняется тенденциозным стремлением летописца представить Ярослава старшим среди Владимировичей (см. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 275—276), и, следовательно, не может служить аргументом в спорах о времени брака Владимира.

А. А. Шахматов доказал, что рассказ о браке Владимира основан на устном предании и, следовательно, имеет самостоятельное происхождение по сравнению со всем рассказом о войне Владимира и Ярополка (Разыскания... С. 173—174, 249—250). По его мнению, это предание лучше отразилось в летописной статье 1128 г. (см. ниже); оно связано с началом княжения Владимира в Новгороде. (Отсюда кажущаяся искусственной фраза «и седе в Новегороде» в тексте

статьи 980 г., и подчеркивание «детскости» Владимира в статье 1128 г.). Однако фраза «и седе в Новегороде» вполне вписывается и в контекст летописной статьи 980 г.: Владимир действительно утвердился в Новгороде после изгнания Ярополковых посадников. Основным аргументом для отнесения брака Владимира ко времени более раннему, чем война с Ярополком, по-видимому, послужили для Шахматова соображения не текстологического, а исторического характера: по его мнению, поход на Полоцк отвлек бы силы Владимира от борьбы с Ярополком и потому был неуместен. На мой взгляд, поход на Полоцк как раз хорошо вписывается в общую историю борьбы Владимира и Ярополка: Полоцк лежал в непосредственной близости от «пути из Варяг в Греки», по которому двигалось войско Владимира; союз полоцкого князя Рогволода с Ярополком представлял серьезную угрозу для новгородского князя.

Итак, относим сватовство Владимира к Рогнеде, условно, к концу 977 — началу 978 г.

[22] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299—300.

[23] См.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 143, 149 (комментарий Г. В. Глазыриной).

[24] ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 23 (Холмогорская летопись). Замечу, что известие этой, не связанной с полоцкой или туровской традицией летописи можно поставить в связь с преданием, записанным в Туровской области. Согласно этому преданию, название одного из городищ Туровской земли, т. н. Давыд-городка, связано с неким ятвяжским князем Давыдом, основавшим и Туров (то есть Туры?) (см. Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 118). Согласно устюжской летописной традиции Рогволод и Туры были братьями (ПСРЛ. Т. 37. С. 61; Архангелогородский летописец). В Устюжской летописи по списку Мациевича имеется еще одно свидетельство о переговорах между Рогволодом и Владимиром: «Бе бо Рогволод посла брата своего Тараиша ко Владимиру» (там же. С. 22). В имени этого мифического Тараиша нетрудно увидеть искажение имени все того же Туры.

[25] См. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 46—47. Подробнее об этом памятнике см. в главе 8.

[26] Татищев. Т. 1. С. 111—112.

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76—78.

[28] Такое предположение уже высказывалось в литературе. См. Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 296.

[29] Так она звучит, например, в Ермолинской летописи (ПСРЛ. Т. 23. С. 12).

[30] Например, ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 42. В Тверском летописце XVI в. об этом Блуде говорится определенно: «И бе у Ярослава дядька и воевода Блуд старой, иже был Владимиру» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 2. Стб. 136).

[31] Татищев. Т. 2. С. 56.

Глава пятая. Киев. Язычник

[1] Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X—XI вв. М., 1995.

[2] Оба памятника воспроизведены факсимильно: Радзивиловская летопись. СПб.; М., 1994; Сказание о Борисе и Глебе. М., 1985.

[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78—79.

[4] См. Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 60—61;

Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII в. Киев, 1982. С. 51—57.

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79.

[6] ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 257.

[7] См. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.

[8] Например, в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886).

[9] Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 442—443.

[10] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 264—265 (статья В. В. Иванова, В. Н. Топорова).

[11] Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914; Васильев М. А. Великий князь Владимир Святославич: от языческой реформы к крещению Руси // Славяноведение. 1994. № 2. С. 38—55.

[12] Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 50. М., 1953. С. 92—103; он же. Новые данные о языческом святилище Перуна // Там же. Вып. 53. М., 1954. С. 105—108.

[13] Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию... М., 1870. С. 80—81.

[14] См. Васильев М. А. Указ. соч.

[15] Толочко П. П. Древний Киев. С. 40—42.

[16] Срезневский. С. 10. (В Житии сообщается о том, что после принятия христианства князь Владимир «Волоса идола, его же именовали скотьим богом, велел в Почайну реку бросить».)

[17] Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 47—48. Это предположение было поддержано исследователями. См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 428—429; Рапов О. М. Русская церковь... С. 192. (Все указанные авторы связывают разрушение храма с именем Святослава.)

[18] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125—126.

[19] ПСРЛ. Т. 41 (Летописец Переяславля Суздальского). С. 43.

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79—80.

[21] Согласно помещенному в «Повести временных лет» некрологу, Ярослав жил «всех лет 70 и 6» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162), следовательно, летописец исходил из его рождения в 978 г. Рассказывая о вокняжении Ярослава в Киеве, летописец сообщает его тогдашний возраст: «лет 28» (там же. Стб. 142). Очевидно, это ошибка, которая исправляется по спискам летописи, бывшим в распоряжении В. Н. Татищева; должно было читаться: «лет 38» (Татищев. Т. 2. С. 74, 238).

[22] Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 274—276.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299—301.

[24] См., например: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 338—339; Толочко А. П. Князь в Древней Руси... С. 31.

[25] Татищев. Т. 1. С. 113; Т. 2. С. 228 (со ссылкой на М. Стрыйковского).

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78.

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79—80, ср. 121. А. А. Шахматов обратил внимание на то обстоятельство, что Ипатьевский и Академический списки «Повести временных лет» опускают имя второго, младшего Мстислава, оставляя старшего, который в перечне сыновей Рогнеды назван раньше Ярослава. Однако известный князь Мстислав Владимирович Тьмутороканский был именно младшим братом Ярослава;

следовательно, поправка указанных летописей неверна (Шахматов А. А. Разыскания... С. 136; Повесть временных лет. Изд. 2-е. С. 451). Станислав назван вместо младшего Мстислава в статье 980 г. Софийской Первой, Новгородской Четвертой и других летописей, а также в приписке к соответствующему тексту Ипатьевской летописи в Ипатьевском списке.

[28] Татищев. Т. 2. С. 228. Иоакимовская летопись — Татищев. Т. 1. С. 113. Имя Василько — например, в Рогожском летописце XV в. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пгр., 1922. Стб. 16.)

[29] О браке не названной по имени сестры Ярослава Владимировича и польского князя Казимира I Восстановителя сообщает «Повесть временных лет» под 1043 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154—155; дата не точная — скорее всего брак состоялся в 1039 г.) Латинские источники называют имя русской княгини — княжеское Добронега (у Длугоша — Доброгнева) и христианское Мария. Умерла Добронега в 1087 г. (См. Щавелева Н. И. Русские княгини в Польше // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посв. В. Т. Пашуто. М., 1988. С. 117—122; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987. С. 70, 211). Учитывая дату рождения Казимира (1016), исследователи выражали сомнения в том, что Добронега была дочерью Владимира от Анны, т. е. родилась не позднее 1011 г.; отсюда следовало предположение, что речь идет не о сестре, а о дочери князя Ярослава. См. также предположение Е. В. Пчелова (Польская княгиня — Мария Добронега Владимировна // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1994. С. 31—33), согласно которому Мария-Добронега родилась в последнем браке Владимира (по мнению автора, с немецкой принцессой, дочерью Куно фон Энингена). Замечу, однако, что разница в возрасте, конечно, не могла служить препятствием для династического брака Добронеги и Казимира.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81.

[31] Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Т. 1. Киев, 1884. С. 77—78; Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 132—133.

[32] См., напр.: Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957. С. 130; он же. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. С. 75—100. О проблеме Червенских градов см.: Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 118—122; Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 114, 132—133.

[33] Высказывавшееся в литературе предположение о том, что указание на принадлежность Польше Червенских градов есть позднейший домысел переписчика, по-видимому, неосновательно. Реконструируемая при таком предположении первоначальная фраза («Иде Володимер и зая грады Перемышль, Червен...») явно неполна, поскольку *во всех случаях* летопись точно указывает, против кого именно был направлен тот или иной поход Владимира. А. В. Назаренко предположил, что военные действия против Древнечешского государства начал еще летом 977 г. князь Ярополк Святославич (Русь и Германия... С. 119; см. также прим. 7 к главе 4, где я отмечал шаткость этого предположения). Поход Владимира, продолжившего в целом политику брата, был направлен «еще и против Польши»; позднейший редактор летописного текста посчитал, что Червенские

города, занятые в результате этой войны, полякам и принадлежали (чего на самом деле не было) — он и добавил отсутствовавшее в его источнике уточнение: «грады *их*». (Там же. С. 132—133.) Но это предположение ничего принципиально не дает, поскольку и предполагаемый А. В. Назаренко первоначальный текст («Иде Володимер к Ляхом (вариант: «на Ляхы». — *А. К.*) и зая грады Перемышль, Червен...») однозначно свидетельствует о том, что в представлении автора-летописца Червенские грады все-таки находились под контролем именно Польши.

[34] Buczek K. Polska południowa w IX i X wieku // Małopolskie studia historyczne. 1959. T. 2. S. 23—48.

[35] Согласно общепринятому мнению, именно о походе князя Владимира 979/981 г. «к Ляхом» вспоминал галицкий летописец XIII в. составитель Галицко-Волынской летописи. Рассказывая об участии галицких князей Даниила Романовича и его брата Василька в междуусобной войне, разгоревшейся в Польше в 1227 г. после смерти Лешка Белого (русские князья осаждали польский город Калиш), летописец патетически восклицает: «Иный бо князь не входил бе в землю Лядьску толь глубоко, проче (кроме. — А. К.) Володимера Великаго, иже бе землю крестил» (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 758. Линниченко И. А. Указ. соч. Т. 1. С. 80; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 308; Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 132—133; и др.). Легендарным признал это известие А. Б. Головко (Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 13), не приведший, однако, аргументов в пользу своей точки зрения). Но исследователи не обратили внимания на то, что галицкий летописец в *любом случае* ошибался. Хорошо известно, что «толь глубоко», и даже гораздо глубже, ходил через Польскую землю правнук Владимира Святого князь Владимир Мономах; по его собственным словам, он воевал «за Глоговы, до Чешьскаго леса» (Поучение Владимира Мономаха — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247; об этом походе, совершенном в 1076 г. по велению тогдашнего киевского князя Святослава Ярославича князьями Мономахом и его двоюродным братом Олегом Святославичем летопись рассказывает под 1076 г.; см. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199). Правда, Владимир Мономах воевал не против поляков, а наоборот на их стороне, против враждовавших с поляками чехов. (См. Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60-70-х гг. XI в. // Советское славяноведение. 1971. № 2.) Но ходил-то он именно в Польскую землю («Та посла мя Святослав в Ляхы»), а как раз на это обстоятельство обращал внимание галицкий книжник. Очевидно, что летописец галицкого князя Даниила Романовича, прямого потомка Владимира Мономаха, не мог не знать об этом военном предприятии. Я полагаю весьма вероятным, что «Владимир Великий» статьи 6737 г. Галицко-Волынской летописи — Владимир Мономах, но не Владимир Святой. Впоследствии, однако, он был отождествлен с Владимиром Святым, результатом чего и стало уточнение редактора-летописца: «иже бе землю крестил». (Смешение Владимира Святого и Владимира Мономаха стало обычным в XII—XIII вв.)

Вслед за А. Б. Головко я допускаю, что именно это галицко-волынское предание XIII в. послужило основой для создания легенды о многочисленных войнах князя Владимира с Мешком Польским, отразившейся в польских хрониках XV—XVI в. (Я. Длугоша, М. Стрыйковского), а под их влиянием — и в поздней Иоакимовской летописи. (Ср. Головко А. Б. Указ. соч. С. 13.)

[36] Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 117—118.

[37] Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Т. 1. Прага, 1935.

[38] Татищев. Т. 1. С. 112, ср. 118.

[39] «Владимир за многие противности польского князя Мечислава (Мешка. — *А. К.*), собрав войска, на него пошел. И, нашед его за Вислою, победил так, что едва не все войско и с воеводами побил или в плен взял, и сам Мечислав едва в Краков ушел и, прислав послов с великими дары, просил о мире. И Владимир, учиня мир, возвратился в Киев» (Татищев. Т. 2. С. 64). Обратим внимание на тот факт, что Краков, куда бежал спасавшийся от Владимира Мешко, в то время Польше не принадлежал.

[40] Там же. Т. 2. С. 57. Ср. с. 280; Т. 4. С. 132.

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82.

[42] См. Владарский Б. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

[43] По мнению лингвистов, ятвяжский поход князя Владимира оставил след не только в истории Литвы, но и в истории литовского языка: литовское valdýmieras («властелин») непосредственно восходит к имени русского князя (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 341).

[44] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83—84.

[45] Рыбаков Б. А. Радзімічы // Працы сэкцii археолёгii. Т. 3. Менск, 1932.

[46] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84.

[47] См., напр., в Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 9. С. 42.

[48] Татищев. Т. 2. С. 57—58.

[49] Перевод А. Г. Кузьмина: Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. М., 1986 (История Отечества в романах, повестях, документах). С. 681—682. Известие М. Стрыйковского использовал и составитель позднейшей (XVII—XVIII вв.) Киево-Печерской редакции Сказания о святых Борисе и Глебе: князь Владимир, по его словам, правил не только Русскою землею, «але землею Болгарскою, Сербскою, Корвацкою, Седмигродскою, тыми и иными краинами, где теперь волохи, мултяне и татаре бобруйские мешкают» (Бугославський С. А. Україно-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Киев, 1928. С. 49—50. Далее — Бугославський).

[50] Срезневский. С. 6.

[51] ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 625—626.

[52] Добродомов И. Г. К вопросу о «серебряных булгарах» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 149—154.

[53] Чтение «сербяны и болгары» признавал первичным Е. Е. Голубинский (История Русской Церкви. Т. 1. 1-я пол. М., 1880. С. 213). Ср. также: Тихомиров М. Н. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время // Исторический журнал. 1941. № 10/11. С. 67; Греков Б. Д. Волжские болгары в IX—X вв. // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 13; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 302—303 (автор предполагает два разных похода — и на Дунай, и на Волгу); и др.

[54] См. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации.

[55] Срезневский. С. 6.

[56] По мнению М. И. Артамонова (История хазар. С. 435), о походе Владимира против хазар сообщает также арабский автор X в. ал-Му-

каддаси (поскольку его известие о нападении «войска... именуемых ар-Рус», помещено после известия о покорении Итиля хорезмшахом ал-Мамуном). Однако ал-Мукаддаси имел в виду лишь последовательность получения им того или иного известия, но не последовательность событий. (См. также: Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. С. 288.)

Глава шестая. Выбор

[1] Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

[2] Летописный рассказ о гибели варягов-христиан цитируется в основном по Лаврентьевской летописи: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82—83.

[3] Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 23.

[4] Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Ч. 2. М., 1913. С. 23. В целом о проблеме человеческих жертвоприношений у восточных славян см. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Указ. соч. С. 65—73.

[5] Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 65—78.

[6] Толочко П. П. Древний Киев. С. 38—39. С варягами-христианами, погибшими в 983 г., иногда связывают и одно из захоронений, обнаруженных на месте Десятинной церкви (см. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 174—176).

[7] Издание Проложного жития — Павлова Р. Жития русских святых в южнославянских рукописях // Славянска филология. София, 1993. Т. 21. С. 103—104. См. также: Колесов В. В. «Сказание о варяге и сыне его Иоанне» // Русская речь. 1981. № 5. С. 101—107.

[8] В свое время А. А. Шахматов предположил, что языческое имя старшего из варягов-христиан, пропущенное в тексте «Повести временных лет», было Тур, или Туры. Основанием для такого вывода послужил анализ исследователем Проложного жития князя Владимира. В последнем сообщается о церкви, стоявшей близ места крещения киевлян: «идеже и ныне церкы есть святою мученику (двойственное число. — *А. К.*) Турова». Сразу же вслед за этим читаем: «И ть бысть первыи ходатаи нашему спасению». Следовательно, делает вывод А. А. Шахматов, речь идет о первых русских мучениках, имя старшего из которых и дало название храму (Шахматов А. А. Как назывался первый русский христианин-мученик // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1907. № 9. С. 261—264). Гипотеза Шахматова была принята последующими историками, которые лишь по-разному объясняли само имя Тур — либо как производное от Тудор/Федор (А. В. Марков), либо как скандинавское Утор/Ottar (С. Рожнецкий); последнее мнение разделяют и современные исследователи — см.: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 604 (коммент. А. В. Назаренко).

Гипотеза А. А. Шахматова представляется мне лишенной оснований. Чтение «святою мученику Турова» имеется лишь в поздних списках Жития; во всех древнейших читаем: «идеже ныне церкы есть Петрова» (Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915. Прил. С. 15. Далее — Серебрянский). Можно допустить, что чтение «Турова» является первичным по сравнению с «Петрова» (под пером переписчика непонятное слово скорее могло превратиться в понятное, чем наоборот). Некая «Турова божница» в Киеве известна по летописи. Но вовсе не обязательно ее название связывать с именем какого-то святого;

скорее, оно произошло от названия местности, например, урочища. Двойственное число «святою мученику» поздних списков, вероятно, указывает на церковь святых мучеников Бориса и Глеба (именно так в некоторых списках Жития), известную в Киеве и отождествляемую археологами с «Туровой божницей» (см. об этом прим. 18 к главе 9). Что же касается чтения «...и тъ бысть первыи ходатаи нашему спасению» в тексте Жития (написание под титлом допускает прочтение как в единственном, так и в двойственном числе), то, на мой взгляд, оно, несомненно, имеет в виду самого святого Владимира, которому посвящено Житие, а не его предполагаемых предшественников. (В одном из списков Жития читаем определенно: «...И тъ благочестивыи князь Володимер иже бысть первыи ходатаи нашему спасению...» — Серебрянский. С. 15, прим. 55, 56.)

[9] Абрамович Д. И. Киево-Печерський патерик. Киев, 1931. С. 102.

[10] ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 69; Новгородская Первая летопись. М.; Л., 1950. С. 130.

[11] Рыдзевская. С. 34.

[12] Перевод М. В. Левченко (Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 77).

[13] Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. / Изд. подг. Я. Н. Любарским. СПб., 1992. С. 142—143. Свидетельство Константина Багрянородного пересказано византийскими хронистами XI—XIII вв. (Скилица, Зонара, Кедрин) и последующего времени. См. также: Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. 9. С. 12), Хронограф Русский западнорусской редакции (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 2. Пгр., 1914. С. 153—154) и др. позднейшие русские летописи. Существует также позднее византийское предание (т. н. анонимное Бандуриево сказание, названное так по имени первого издателя XVIII в. А. Бандурия), в котором рассказ Константина Багрянородного отнесен ко времени византийского императора Василия II (вместо Василия I) и смешан с летописным рассказом о посольствах князя Владимира в Рим и Константинополь. Сюда же вплетена и легенда о святых Кирилле и Мефодии (в греческом тексте ошибочно — Кирилле и Афанасии), крестивших Владимира и изобретших для русов буквы славянской азбуки. (Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 248—252.)

[14] О проблеме в целом см.: Левченко М. В. Указ. соч. С. 42—90; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

[15] Об отождествлении г. Русийа и Керчи — см.: Коновалова И. Г. Где находился г. Русийа арабских источников? // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные вопросы истории. М., 1993. С. 36—39.

[16] Житие св. Константина Философа. См.: Сказания о начале славянской письменности. / Изд. подг. Б. Н. Флоря. М., 1981. С. 77 (Житие св. Константина Философа). См. также с. 115—117, где указана огромная литература, касающаяся этого загадочного места в Житии. Как мне кажется, все же нет достаточных оснований предполагать замену чтения «руские» в этом фрагменте.

[17] Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. / Пер. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124.

[18] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 25—29.

[19] Там же. Стб. 84—85.

[20] Там же. Стб. 86.

[21] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 142.

[22] Ср., напр., 6-ю главу Жития св. Константина (Кирилла) Философа, посвященную полемике с мусульманами. (Сказания о начале славянской письменности. С. 74—77.)

[23] Гупало К. Н. Подол в древнем Киеве. Киев, 1982. С. 74—83.

[24] Minorsky V. Sharaf Al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942. P. 36. Русский перевод: Заходер Б. Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах в IX—X вв. // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 75. Вып. 6. 1943. С. 36 (то же в: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 146).

[25] Ср. Minorsky V. Op. cit. P. 118.

[26] Бартольд В. В. Новое мусульманское известие о русских // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. Т. 9. 1896. С. 262—267 (то же в: Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 806—807).

[27] Hammer I. de. Sur les origines Russes extraits de manuscrits Orientaux. St.-Pb., 1827. P. 48, 65—66; Бартольд В. В. Указ. соч. С. 809.

[28] См., напр. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 257—262; Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 68—69.

[29] Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 68—69, 51.

[30] Ср. там же. С. 152—154.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85—86.

[32] Обыкновенно полагают, что слова евреев («Предана бысть земля наша хрестияном») указывает на составление текста после 1099 г., когда Иерусалим завоевали крестоносцы. (См., напр.: Повесть временных лет. Изд. 2-е. С. 454.) Но это неверно. Речь идет всего лишь о пленении Иерусалима римлянами; в христианской литературе оно было воспринято как исполнение евангельских слов: «...Сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43). Ср. слова Толковой Палеи, обращенные к евреям: «Егда ли вы, оканьныи род, отвергостеся Иисуса, Сына Божия, то и сами прогнани бысте и расточени зле с лица земли обетованеи; земля же та обетованая вдана бысть крестьяном» (Палея Толковая по сп., сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1-2. М., 1892-1896. Стб. 649; Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 77, прим.).

[33] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 119.

[34] Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth century. P. 116.

[35] Эта приписка читается в древней еврейской пергаменной рукописи, обнаруженной в прошлом веке в стене синагоги в селе Марджелис близ Дербента известным караимским собирателем рукописей А. С. Фирковичем. См. Хвольсон Д. А. Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма. СПб., 1866. С. 69—70; Гаркави А. Я. По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам. СПб., 1876. (А. Я. Гаркави обвинял в подделках самого А. С. Фирковича; очевидно, однако, что рукопись была подделана значительно раньше.)

[36] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85.

[37] ПСРЛ. Т. 38. С. 41; Т. 2. СПб., 1908. С. 72; Новгородская Первая летопись. С. 132.

[38] См.: Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 135—136.

[39] Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993.

[40] Русский перевод: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 216—219. Согласно традиционной точке зрения, сведения о Бруно-Бонифации и о Руси в Хронике Адемара Шабаннского принадлежат его продолжателю, работавшему в XII в. Однако ныне признается, что эта часть текста принадлежит перу самого Адемара (см.: Назаренко А. В. Русь и Германия... С. 122, прим. 28).

Глава седьмая. Крещение. Киев

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 86—116. Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, текст «Повести временных лет» цитируется по Лаврентьевскому списку. См. также: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 73—101 (Ипатьевская летопись); Т. 38. С. 41—53 (Радзивиловская летопись); Новгородская Первая летопись. С. 133—155.

[2] ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 115; Т. 39. М., 1994. С. 26 (Софийская Первая летопись); Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 61 (Новгородская Четвертая).

[3] См.: Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875.

[4] Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 6—16.

[5] Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 278—280.

[6] См.: Львов А. С. Исследование Речи Философа // Памятники древнерусской письменности. М., 1968.

[7] Трендафилов Х. П. Полемическое наследие Кирилла Философа и его традиция в литературе Древней Руси. АКД. М., 1984.

[8] Ševčenko I. Religious missions seen from Byzantium // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13. Cambridge (Mass.), 1988/89. P. 7—27.

[9] Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 1—10 и др.; он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 133—161.

[10] Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № I—XXIII. СПб., 1907. С. 1—24. (Далее — Никольский. Слово...)

[11] Первичность «Слова о крещении Владимира» по сравнению с летописью обосновывали Н. К. Никольский (К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианское чтение. 1902. Вып. 7. Июль. СПб., 1902. С. 96—100) и А. Г. Кузьмин (Начальные этапы древнерусского летописания. С. 350—355). Ср. однако: Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 12—15 и др.

Отметим, что «Слово» начинается с летописной даты («В лето 6495. Созва Володимер боляре своя...»); причем уже в первых словах памятник (как и летопись) содержит ссылку на предшествующий летописный текст о прихождении к Владимиру послов — что, по-видимому, указывает на летопись как на его источник. В то же время в «Слове» отсутствует целый ряд замечаний летописца, которые, очевидно, являются более поздними вставками в первоначальный летописный текст. Таковы указания на местоположение в Корсуни церкви, в которой крестился Владимир (по «Слову» — дружина Владимирова), Владимировой и «царицыной» палат (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111); полемический выпад против «несведущих право» о месте крещения Владимира (стб. 111); Символ веры с полуарианскими

чертами, существующий, помимо летописи, в виде отдельного памятника (стб. 112 и далее); явная вставка о поставлении в Корсуни церкви «на горе», разрывающая связный текст (стб. 116); «заклятие» Владимира против тех, кто «посудит» десятину «Святей Богородице» (стб. 124); сентенция о недостаточном почитании князя Владимира русскими людьми «противу оного възданью», противоречащая последующему утверждению о том, что «сего бо в память держать русьстии людье» (стб. 131). Очень показательно сравнение «Слова» с Проложным сказанием об освящении Десятинной церкви: в последнем, так же как и в «Слове», отсутствуют «заклятие» против осуждающих институт церковной десятины, а также имя Анастаса Корсунянина, которому князь «вдасть десятину». (Проложное сказание до сих пор не издано; см., например, пергаменные Прологи XIV века РГАДА. Ф. 381 (Син. Тип.), № 179, л. 97 («первая редакция»), № 173, л. 89 об. — 90 («вторая редакция»). При этом Проложное сказание восходит не к «Слову о том, како крестися Владимир» (как это представлялось Н. К. Никольскому, см.: Материалы для повременного списка... С. 41—43), а все же к летописи. (См. об этом: Карпов А. Ю. Проложное сказание об освящении Десятинной церкви (По пергаменным рукописям XIV века Московской Синодальной типографии) // Архив русской истории. Вып. 7 (в печати). Из сказанного следует, что и «Слово о крещении Владимира», и Проложное сказание восходят к более раннему летописному тексту, чем сохранившийся в составе «Повести временных лет», т. е. к такому, который не подвергся еще редакторской правке 70—80-х гг. XI в.

В то же время «Слово о том, како крестися Владимир...», очевидно, использовало и какой-то иной источник, помимо летописи. Из этого источника (близкого к источнику обычного Жития князя Владимира) извлечены два известия: 1) имя, данное князю Владимиру при крещении, — Василий (исключение этого известия при редактировании летописи невозможно) и 2) крещение киевлян в реке Почайне, а не Днепре, как в летописи. (А. А. Шахматов считал извлечением из того же источника упоминание церкви, в которой крестилась дружина Владимира (см. Корсунская легенда... С. 14, 44), но это едва ли: данное известие, вероятно, читалось в первоначальном виде Корсунского сказания — см. прим. 61—62 к главе 8.)

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111.

[13] Срезневский. С. 1—8.

[14] Убийство Ярополка, очевидно, произошло в том же году, что и вокняжение Владимира в Киеве; последнее точно датируется «Памятью и похвалой» 11 июня 6486 (978) г. «10-е лето» по убиении брата — определенно 6495 г. (Следующий за годом события год считали «вторым» и т. д.)

Сложнее обстоит дело с расчетом «28 лет» княжения Владимира после крещения. Владимир умер 15 июля 6523 (1015) г. Если вычесть из этой даты 28 лет, то получится 6495 (987) г. Однако известно, что люди древней Руси, высчитывая количество лет, прошедших после какого-либо события, обыкновенно включали в их число год, в который это событие произошло. (См.: Соболевский А. И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 399.) Если автор древнего жития считал именно так, то из даты смерти Владимира следует вычесть не 28, а лишь 27 лет. Тогда получается 6496 (988) г. Но и такой механически-арифметический подход к хронологии «Памяти и похвалы князю Владимиру», по-видимому, неприемлем. Исследователи

обычно игнорируют одно, но чрезвычайно важное обстоятельство. Время княжения князя Владимира, по расчетам «Памяти и похвалы», — 37 лет (10 лет до крещения + 28 лет после крещения, год крещения зачтен дважды). Но если считать число лет между приведенной датой вокняжения Владимира (6486) и датой его смерти (6523), то получится 38. Несоответствие явное и требующее разъяснения. Между тем обращает на себя внимание тот факт, что относительные датировки, содержащиеся в «Памяти и похвале» и противоречащие летописным, находят соответствие в уже упомянутом «перечне княжений» русских князей, включенном в «Повесть временных лет» под 6360 г.: согласно этому «перечню», число лет княжения Владимира действительно 37 (в основном погодном тексте «Повести временных лет» — 36), совпадает и число лет княжения Ярополка — 8. Согласно же расчетам «перечня» кончина Владимира должна приходиться не на 6523 (1015), а на 6522 (1014) г. (См.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 257—262.) Учитывая разнородность состава древнейшего жития и тот факт, что его источник (как и источник летописного «перечня»), по-видимому, не содержал полных календарных дат, можно предположить, что известная точная дата смерти Владимира (15 июля 6523/1015 г.) имеет иное происхождение, чем датировки «Памяти и похвалы» по годам княжений. Эта дата — единственная, совпадающая с летописными, в то время как *вся* хронологическая сетка «Памяти и похвалы» *явно не совпадает* с летописной. Если же вычесть 27 лет из 6522 г. (год смерти Владимира по «перечню» и по полному расчету лет жизни Владимира в «Памяти и похвале», если ориентироваться на год вокняжения Владимира), то получится именно 6495 г. См. об этом: Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 272—273, однако автор, вычитая 28 лет из 6522, получает в качестве искомого 6494/986 г.

На 6495 г. указывает еще одна относительная дата «Памяти и похвалы»: согласно этому источнику Корсунь была взята «на третье лето» после крещения Владимира. Из иностранных же источников известно, что Херсонес пал весной — летом 989 г. (см. ниже, в 8-й главе) — то есть в «третье лето» именно от 6495 г.

Разбирая вопрос о достоверности «внекорсунской» версии «Памяти и похвалы», обратим внимание еще на два обстоятельства. Во-первых, в подтверждение даты 986 г. как год крещения Владимира нельзя привлекать свидетельство багдадского историка Ибн ал-Атира: последний вовсе не относит к 985/986 г. крещение Руси (вопреки мнению А. Г. Кузьмина, Начальные этапы... С. 274), но лишь помещает под соответствующим годом (375 эры хиджры) рассказ об освобождении Варды Склира из багдадского плена (что действительно произошло в этом году) и о последовавших *затем* и в связи с этим событиях. (Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883. С. 200—201; далее — Розен.) С другой стороны, отметим, что епископ Титмар Мерзебургский, младший современник князя Владимира, определенно говорит о военных действиях Владимира против греков после принятия им крещения; эти военные действия, по-видимому, можно отождествить лишь с его корсунским походом. (Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. С. 140, 166.)

[15] Бугославський. С. 117 и др.

[16] См.: Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 40, 41, 44. Хотя, думаю, это вставка в один из списков «Слова».

[17] Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы,

посвященные Владимиру св. С. 31; РГБ. Ф. 113 (Волок.), № 652 (Соборник XVI в.). Л. 422 об. — 425 об.

[18] Бугославський. С. 183 и прим. 100. В свое время Е. Е. Голубинский объяснил появление ошибочной даты 6490 г. в большинстве списков «Чтения»: конечное «ѳ» (5) в дате 6495 было принято переписчиком за букву (лето 6490-е»). (История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. Изд. 2-е. С. 138.)

[19] См. прим. 18 к главе 4 и 21 к главе 5.

[20] Златоструй. Древняя Русь. X—XIII вв. М., 1990. С. 117—118. Перевод диакона Андрея Юрченко. См. также с. 138—140 (из «Чтения о Борисе и Глебе» диакона Нестора). Издание «Слова о законе и благодати» — Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.

[21] Златоструй. С. 116. На это обратил внимание Р. В. Жданов (Крещение Руси и Начальная летопись // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 26).

[22] Кузьмин А. Г. Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М., 1980; он же. Падение Перуна. М., 1988.

[23] Розен. С. 1—14. В этом сочинении особенно ценны точные даты, которые Яхъя приводит по мусульманской и христианской эрам. О событиях гражданской войны в Византии подробно рассказывают также Михаил Пселл, Иоанн Скилица, Асохик и другие авторы.

[24] Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 6—7, 12, 15—17. Перевод Я. Н. Любарского.

[25] Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. М., 1968. Перевод К. Н. Юзбашяна. См. также: Арутюнова-Фиданян В. А. Образ Византии в армянской средневековой историографии XI в. (Аристакэс Ластивертци) // Византийский временник. Т. 55. М., 1994. С. 148.

[26] Jenkins R. Byzantium. The Imperial Centuries A. D. 610—1071. L. 1966. P. 500.

[27] В историографии бегство царевичей из Константинополя в Болгарию относят к концу 70-х гг. X в. (История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 94—95). Яхъя же датирует его временем заговора 986 г. (Розен. С. 20—21, 189—191).

[28] Розен. С. 19—21, 171—175.

[29] История Болгарии. Т. 1. С. 95.

[30] Лев Диакон. История. С. 135, 133. Перевод С. А. Иванова.

[31] Михаил Пселл. С. 8.

[32] Розен. С. 24.

[33] Ср.: Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986—989 // Dumbarton Oaks Papers. 1976. № 30 (То же в: Poppe A. The Rise of Christian Russia. L., 1982. (Variorum Reprints). P. 235—236.

[34] Розен. С. 202—204. (Сообщения позднейших арабских историков Абу-л-Махасина и ал-Айни.)

[35] Розен. С. 23.

[36] Кезма Т., Кримський А. Оповідання арабського історика Абу-Шоджі Рудраверського XI в. про то, як охрестилася Русь // Юбілейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. У Киіві, 1927. С. 393—394. Перевод Т. Кезмы. (Далее — Абу-Шоджа.)

[37] Такое мнение в основном утвердилось в литературе. См.: Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1909. С. 88; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 353; и др.

[38] Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 59—64. Перевод Г. Г. Литаврина.

[39] Die Werke Liutprands von Cremona / Ed. J. Becker. Hannover, 1915.

[40] Срезневский. С. 9 (Житие князя Владимира).

[41] Розен. С. 23—24. Принимаю второй из предложенных В. Р. Розеном вариантов перевода данного фрагмента Яхъи Антиохийского (С. 194—195). См. также прим. 11 к главе 8.

[42] Согласно предположению А. Поппэ, во Франции стало известно о помолвке князя Владимира и Анны уже в январе 988 г.; следовательно, договоренность на этот счет была достигнута в Киеве не позднее октября 987 г. (таков минимальный срок распространения известия по маршруту: Киев — Константинополь — Париж). Дело в том, что вскоре после Рождества 987 г. французский король Гуго Капет намеревался заполучить в жены для своего сына Робера неназванную по имени порфирородную дочь византийского императора («дочь священной Империи»). Написанное от его имени письмо византийским императорам Василию и Константину сохранилось; однако, по-видимому, так и не было отправлено адресатам. Более того, уже вскоре Робер женился на Сусанне, вдове графа Фландрского Арнольда II. По мнению А. Поппэ, единственной возможной невестой для Робера в Константинополе была Анна; отказ короля Гуго от первоначальных планов может объясняться лишь тем, что он получил известие о готовящемся бракосочетании Анны и Владимира (Poppe A. The Political Background... P. 232—239).

Предположение А. Поппэ чрезвычайно интересно, однако, на мой взгляд, не имеет строгой доказательной силы. Во-первых, нельзя исключать, что король мог иметь в виду не Анну, а одну из дочерей императора Константина VIII — Евдокию или Зою, которым в то время было приблизительно 9—10 лет. (Вспомним сватовство Оттонов к четырехлетней Анне.) Во-вторых, у Гуго могли иметься какие-либо иные мотивы для избрания в качестве невесты своему сыну Сусанны.

[43] Honigmann E. Studies in Slavic Church History. A. The Foundation of the Russian Metropolitan Church according to Greek Sources // Byzantion. Bruxelles, 1944/45. Vol. 17. P. 146—158. (Под 997 г. в источниках упоминается новый митрополит Севастийский — Феодор.) Это предположение в основном принято современной историографией: Poppe A. The Political Background...; Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 27.

[44] Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия. М., 1864. С. 142, 175. Перевод Н. Эмина. (Далее —Асохик.)

[45] Poppe A. The Political Background...; Арранц М. О крещении князя Владимира // Тысячелетие введения христианства на Руси. 988—1988. ЮНЕСКО. (М.), 1993. С. 61—76.

[46] Испанский теолог о. М. Арранц предложил свои варианты расчета дат первого и второго оглашений и крещения князя Владимира, исходя из установлений византийского Евхологиона и позднейшего московского Требника, опирающегося всецело на древнюю византийскую традицию: а) начало первого оглашения — 15 ноября 987 г., второго — канун Рождества, отречение от дьявола — канун 5 января, крещение — 6 января 988 г.; б) начало первого оглашения — воскресенье Масленицы 19 февраля или 5 февраля 988, второе оглашение — 4-й понедельник поста 12 марта, отречение от

дьявола — канун святой Пятницы 6 апреля, крещение — Пасхальная ночь с 7 на 8 апреля 988 г.; в) начало первого оглашения — в первую неделю после Пасхи, к 15 апреля 988 г., второе оглашение — к Вознесению 17 мая, отречение от дьявола — канун субботы 26 мая, крещение — воскресенье Троицы 27 мая 988 г.

Думаю, однако, что точное соблюдение установлений византийского Евхологиона вряд ли имело место в отношении Владимира.

[47] См. об этом: Ронин В. К. Славянская знать и западные миссионеры в Центральной Европе // Средние века. Вып. 56. М., 1993. Так, например, согласно Житию Оттона Бамбергского (Западное Поморье, первая четверть XII века) при крещении купели укрывались занавесками, «дабы нельзя было увидеть в таинстве чего-либо несообразного или непристойного или чтобы более почтенные лица из стыда не уклонялись от крещения» (с. 130).

[48] Пожалуй, можно было бы указать еще одну возможную дату крещения князя Владимира — 1 августа 987 (?) г. По крайней мере, в рукописной традиции «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» помещается не только под 15 июля, обычной датой памяти святого Владимира, но и под 1 августа. (РГБ. Ф. 113 (Волок), № 652. Соборник XVI в., л. 443—450: «Месяца августа в 1 день крещение благовернаго великаго князя Владимера, нареченаго в святом крещении Василья».) Правда, в этом памятнике, как известно, речь идет о крещении Владимира в Корсуни, а не в Киеве (1 августа 989 г.?). День 1 августа рассматривается также как возможная дата крещения киевлян (989? 990? г.), но без опоры на источники. (См., напр.: Рапов О. М. Русская церковь... С. 241—242; а также многие популярные работы.) В принципе, по своему содержанию день 1 августа — праздник Происхождения (изнесения) честных древ Креста Господня — подходил для крещения, поскольку в этот день совершалось водоосвящение. Но вполне возможно, что само отнесение «Слова...» в рукописях к 1 августа произошло под влиянием отмечаемого в этот день праздника Происхождения Креста.

[49] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 112. Тот же текст читается и в других списках «Повести временных лет», в Новгородской Первой летописи младшего извода и т. д., а также в особом внелетописном памятнике — т. н. «Написании о вере», известном по рукописи XII—XIII вв. (Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 21—24). Следы полуарианства проступают в следующих выражениях летописного Символа веры: 1) «Богъ Отець... стареи сыи Сыну и Духови»; 2) «Сынъ подобенъ сущенъ (вариант: «подобносущенъ», «подобесущенъ». — *А. К.*)... Отцю»; 3) «Духъ... Отцю и Сыну подобносвершено и присносущно» (варианты: «подобносущно и присносущно»; «подобосущен и безначален»). Ср.: Кузьмин А. Г. Принятие христианства на Руси. С. 28—29; он же. Крещение Руси: концепции и проблемы // Крещение Руси в трудах русских и советских историков. М., 1988. С. 36—49; он же. Падение Перуна.

Трудно сказать, где был переведен летописный Символ веры — на Руси или в Болгарии, а также когда именно был выполнен перевод. Обстоятельное исследование полуарианских выражений летописного Символа веры было выполнено недавно Е. М. Верещагиным (Был ли креститель Руси князь Владимир еретиком-арианином? // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 48. № 1. Январь — февраль. 1989. С. 49—56). Автор объясняет их появление вариантностью переводов с греческого на славянский язык православных догматических терминов; следовательно, получается, что

Символ веры вовсе не имеет арианских или полуарианских черт. Однако мне кажется несомненным, что наличие *трех* полуарианских выражений, даже в условиях еще неустоявшегося перевода Символа на славянский язык, не могло быть случайным. С другой стороны, представляется невероятным факт распространения арианства или полуарианства в «чистом виде» в древней Руси. Само сохранение на страницах летописей полуарианских выражений, при полном молчании летописей о какой-либо борьбе с еретиками-арианами, на мой взгляд, неоспоримо свидетельствует о том, что такая борьба была в древней Руси неактуальна.

[50] Златоструй. С. 117. Перевод диакона Андрея Юрченко.

[51] Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 132—133

[52] Розен. С. 201 (сообщение Ибн ал-Атира); Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Ч. 1. С. 91 (свидетельство ал-Макина). См., напр.: Baumgarten N. de. Saint Vladimir et la conversion de la Russie // Orientalia christiana. Vol. XVIII. P. 80. Критику этой точки зрения см.: Розен. С. 200; Левченко М. В. Очерки... С. 358—359.

[53] Асохик. С. 200.

[54] Абу-Шоджа. С. 393—394.

[55] Дату Хрисопольского сражения называет Асохик — 437 г. по армянскому циклу (Асохик. С. 178—179); это соответствует временному промежутку между 24 марта 988 и 23 марта 989 г. Из показаний Яхъи Антиохийского известно, что уже после поражения у Хрисополя Варда Фока направил письмо своему сыну Льву в Антиохию с требованием изгнать из города патриарха Агапия; патриарх был изгнан 2 марта 989 г. (Розен. С. 24—25, 209). Следовательно, письмо могло быть отправлено Фокой не ранее начала февраля. См.: Poppe A. The Political Background... P. 236—237. Однако, в отличие от А. Поппэ, я не вижу, чтобы из объяснения Асохика следовало, будто Хрисопольское сражение произошло именно в конце 437 г., а из рассказов Льва Диакона и Скилицы — что между Хрисопольским и Абидосским сражениями прошло очень мало времени.

[56] Михаил Пселл. С. 10—11; Iohannis Scylitzae Synopsis Historiarum. /Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 337. О битве рассказывают также Асохик, Абу-Шоджа, Лев Диакон. Точную дату сражения, как обычно, называет Яхъя (Розен. С. 25).

Глава восьмая. Крещение. Корсунь

[1] Лев Диакон. С. 87—88. Перевод М. М. Копыленко.

[2] Там же. С. 90—91.

[3] Относительно недавно Н. М. Богданова предложила новую интерпретацию данного отрывка из сочинения Льва Диакона. Стоящие в оригинале (в связи с «огненными столбами») слова συμβασαν... αλωσιν παρεδηλουν она переводит не как *предзнаменование* последующих событий, а как указание на *уже свершившийся факт;* то есть взятие Корсуни Владимиром, по ее мнению, произошло *до* появления на небе «огненных столбов». (Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. Т. 47. М., 1986. С. 39—46. Прочтение Н. М. Богдановой принято и в цитированном выше русском переводе «Истории» Льва Диакона — Лев Диакон. С. 222.) Не исключая возможность именно такой интерпретации текста, отмечу, однако, что в греческом тексте «Истории» глагол παραδηλοω, по крайней мере, еще в двух случаях, аналогичных интересующему нас, бесспорно означает *пред-*

сказание (Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / E rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828. X. 6. P. 169. 7—13; X. 8. P. 172. 6—7) и лишь в одном случае (X. 10. P. 176. 12—13), использованный в иной связи, означает *объяснение (констатацию)* события. Контекст использования Львом Диаконом астрономического и астрологического материала, на мой взгляд, также свидетельствует в пользу традиционного перевода данного места «Истории»: небесные знамения (в том числе и «огненные столбы») предсказывали последующие события. (См. также: Рапов О. М. Еще раз о датировке взятия Корсуни князем Владимиром // Византийский временник. Т. 49. М., 1988. С. 193—194.) Если все же принимать поправку Н. М. Богдановой, то падение Херсонеса надо датировать временем *незадолго* до появления на небе «огненных столбов».

[4] Розен. С. 28—29.

[5] Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Ч. 1. С. 100—101 (автор, еще не знавший сочинения Яхъи Антиохийского, опирался на показания ал-Макина, арабского историка второй половины XIII в., использовавшего, с некоторыми изменениями, сочинение Яхъи); Розен. С. 214.

Этот вывод был принят в историографии и стал хрестоматийным. Однако в последнее время тезис о тождественности «огненных столбов» Льва Диакона и «подобия огненного столба» Яхъи был оспорен О. М. Раповым. Считая, вслед за М. В. Левченко и др., что Лев Диакон описывает полярное сияние, исследователь показал, что в описании Яхъи признаков полярного сияния нет; следовательно, у греческого и арабского авторов речь идет о различных явлениях, и привлекать хронологические данные Яхъи для датировки взятия русскими Херсонеса нельзя (Рапов О. М. Русская церковь... С. 226—228. Вывод О. М. Рапова получил широкое распространение. См., например: Лев Диакон. С. 222, прим. 69; Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // Византийский временник. Т. 55. Ч. 1. М., 1994. С. 57; и др.). На мой взгляд, однако, О. М. Рапову удалось доказать лишь одно: описанный Яхъей феномен не является северным сиянием. Но из этого не следует утверждение, будто арабский и греческий авторы наблюдали различные знамения: мы не знаем, какое именно явление наблюдали Лев Диакон и Яхъя. Еще раз оценим сообщения двух историков. Из пяти характеристик явления, приведенных Львом Диаконом, четыре (форма, цвет, время суток и приблизительная хронология появления — после восстания Варды Фоки, но до появления кометы Галлея) *абсолютно* совпадают с характеристиками, данными Яхъей (одна (место на небосклоне) Яхъей не зафиксирована). *Ни по одной* из характеристик противоречия между двумя описаниями нет. Добавим к этому, что оба автора — греческий и арабский — относятся к одному региону (Средиземноморью); традиция наблюдения за небесными явлениями и в Константинополе, и в Каире была сходной. Все это, на мой взгляд, является достаточным основанием для того, чтобы признать тождество «огненных столбов», наблюдавшихся Львом Диаконом, и «подобия огненного столба», наблюдавшегося Яхъей.

Совсем недавно А. Л. Пономарев и Н. И. Сериков опубликовали очень интересную статью, в которой предложили новую датировку взятия Корсуни на основе все того же фрагмента X книги Льва Диакона. Отказываясь, вслед за О. М. Раповым, от отождествления «огненных столбов» Льва Диакона и «подобия огненного столба» Яхъи и однозначно определяя описанное греческим историком яв-

ление как полярное сияние, авторы обратили внимание на то, что в китайских источниках имеется описание полярного сияния, подходящее под характеристики, данные Львом Диаконом: 16 декабря 988 г. в городе Кайфэне (в Восточном Китае) наблюдалось «...на северо-западе красное облако, похожее на солнечные ноги, высотой два джана». Из отождествления обоих сияний следует, что взятие Корсуни происходило до (или около) 18 декабря 988 г. (авторы принимают поправку Н. М. Богдановой к толкованию текста Льва Диакона). См.: Пономарев А. Л., Сериков Н. И. 989 (6496) год — год крещения Руси (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 180—181, 182. (Далее — Пономарев, Сериков.) Я не берусь оценить данное утверждение. (О других выводах и предположениях авторов статьи — см. ниже.)

[6] Лев Диакон. С. 91.

[7] Розен. С. 29, ср. 234—235.

[8] Там же. С. 215. Так было определено примерное время взятия Херсонеса; этот вывод принят последующей историографией (см., например: Poppe A. The Political Background... P. 238).

О. М. Рапов, который датирует взятие Корсуни маем — июнем 990 г., дает, однако, другую, противоположную интерпретацию свидетельства Льва Диакона. По его мнению, в 10-й главе X книги «Истории» в сообщении о падении Херсона и Веррии и последующем рассказе о землетрясении в Константинополе упоминаются не две различные кометы (вначале вспоминается о комете 975 года: «И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды...»; затем — о комете Галлея: «И сверх того звезда появлялась на западе...»), а одна и та же — комета Галлея. Из этого делается вывод, очевидно, вступающий в противоречие с хронологией изложения материала у Льва Диакона: «Комета и огненные столбы предвещали по Льву Диакону падение Херсонеса и Верреи, но только комета предвещала землетрясение... Таким образом... содержится недвусмысленное указание на взятие русскими Херсонеса после 26 октября 989 г.» (Рапов О. М. Русская церковь... С. 230—231). Однако это неверно: весь контекст рассказа Льва Диакона о «тягчайших бедствиях», постигших империю ромеев после появления «хвостатой звезды» 975 г. (включая в их число «вторжения иноплеменников» — то есть как раз «мисян» и «тавроскифов», взявших соответственно Веррию и Херсонес), свидетельствует против утверждения ученого. (См. также: Богданова Н. М. О значении точного прочтения источника // Византийский временник. Т. 49. С. 195—201.) Возможно, ошибка О. М. Рапова проистекала из того, что в его распоряжении оказался неточный (или дефектный?) вариант перевода соответствующего места М. М. Копыленко (ср. Рапов. С. 228; Лев Диакон. С. 90—91).

А. Л. Пономарев и Н. И. Сериков, опираясь, главным образом, на законы астрологии, предложили новый перевод рассматриваемого нами фрагмента Льва Диакона. Они пришли к выводу, что и вторая описанная историком комета не является кометой Галлея; время появления этой гипотетической кометы определяется как июль 987 г. Соответственно, предлагается новая дата константинопольского землетрясения — 26 октября 987 г. (Пономарев, Сериков. С. 170—180). Как мне кажется, авторы преувеличивают приверженность Льва Диакона точному соблюдению астрологической терминологии и астрологических законов. Во всяком случае, их выводу прямо противоречат точные датировки, приводимые Яхъей и Асохи-

ком. Дату разрушения Святой Софии, помимо отмеченных исследователями источников, *точно* называет Синаксарий Константинопольской церкви: «В дни правления Василия и Константина, в 6498 году» (1 сентября 989 — 31 августа 990); запись под 26 октября (Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902. P. 166). Замечу также, что, вопреки мнению А. Л. Пономарева и Н. И. Серикова, и после землетрясения 26 октября 989 г. можно было утверждать, что «весь Восток обливается родною кровию» в братоубийстве, поскольку мятеж Льва Фоки, сына Варды, был подавлен позднее, в начале ноября; после этого продолжались репрессии против мятежников (Розен. С. 26).

Подведем итоги сказанному. На мой взгляд, традиционная датировка взятия Владимиром Корсуни — между 7 апреля и 27 июля 989 г. — остается наиболее вероятной. Коррективы возможны, но не слишком значительные (при принятии поправки Н. М. Богдановой). Во всяком случае, логически выстроенный рассказ Льва Диакона показывает, что падение Херсонеса произошло после начала мятежа Варды Фоки, но до появления кометы Галлея (и притом относительно незадолго до ее появления).

[9] Розен. С. 216—217.

[10] Новую интерпретацию корсунского похода предложил в 1976 году польский историк Анджей Поппэ, один из виднейших современных исследователей Киевской Руси. По его мнению, военные действия Владимира были направлены не против законных византийских императоров Василия и Константина, а, наоборот, в их поддержку, против якобы поддержавших Варду Склира и Варду Фоку херсонитов. Автор исходит прежде всего из хронологии событий (считая невозможным одновременное участие русского войска в военных действиях на стороне императора Василия и против него), а также из соображений общего порядка, касающихся положения Херсонеса в Византийской империи (в частности, из тесных экономических связей между Херсонесом и городами на малоазийском побережье Черного моря, которое в период войны контролировалось мятежниками). (Poppe A. The Political Background... Сокращенный русский перевод статьи — в сборнике: Как была крещена Русь. М., 1990. С. 202—240; см. также: Поппэ А. В. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988—989 гг. // Вестник Московского университета. История. 1978. № 2. С. 45—58. Эта точка зрения получила широкое распространение в историографии: Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus (988—1237). München, 1982. S. 18; Müller L. Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des Russiscen Christentums biz zem Jahre 988. München, 1987. S. 109—111; Vodoff V. Naissance de la chrétienne russe. Paris, 1988. P. 80; Водофф В. Крещение Руси как тема международного исторического исследования // Тысячелетие введения христианства на Руси. 988—1988. ЮНЕСКО [М.], 1993. С. 89—90; Арранц М. О крещении князя Владимира // Там же. С. 61—62.)

Однако никакими сведениями о поддержке херсонитами движения Варды Склира и Варды Фоки мы не располагаем. Более того, и византийские (Лев Диакон), и русские источники однозначно считают военные действия русских угрожающими государственным интересам Империи (Лев Диакон приравнивает падение Херсонеса к захвату болгарами Веррии). Аргументированную критику концепции А. Поппэ дал Д. Д. Оболенский (Херсон и крещение Руси... С. 53—61): принимая во внимание то бесспорное обстоятельство, что в течении всего X в. византийское правительство активно боролось

против любых посягательств на Херсонес со стороны северных народов, автор исключил возможность передачи города самими императорами на разграбление войскам Владимира. Кроме того, даже при принятии точки зрения А. Поппэ, трудно допустить, будто бы уже к лету 987 г. (отправка посольства из Константинополя в Киев) в византийской столице могли не только узнать об измене херсонитов, но и принять экстренное решение о наказании их при помощи войск киевского князя. Тезис А. Поппэ о полной блокаде войсками Фоки малоазийского побережья Черного моря опровергается прямым указанием Яхьи Антиохийского на факт морской экспедиции Григория Таронита в Требизонд; вероятно, побережье Черного моря не представляло для Варды большого интереса.

Все вышесказанное не позволяет принять концепцию польского исследователя. В то же время я не разделяю вывода Д. Д. Оболенского относительно хронологии событий. На мой взгляд, А. Поппэ верно датирует взятие Корсуни Владимиром, и это событие действительно происходило *одновременно* с участием русов в войне с Вардой Фокой на стороне императора. См. также прим. 11.

[ц] Розен. С. 195—197. Исследователь обращает особое внимание на выражение «впоследствии», которое Яхъя использует, сообщая о крещении русского князя и отправке к нему сестры императоров (Розен. С. 24). Выражение «впоследствии» обозначает «более или менее продолжительный промежуток времени», который, очевидно, имел место между заключением договора о свойстве и исполнением его императором Василием. (К тому же хронологическому отрезку, определяемому выражением «впоследствии», Яхъя относит и крещение князя «митрополитами и епископами», посланными Василием.) Войска же русов прибыли до этого — сразу после того, как «было решено между ними (Василием и Владимиром) дело о браке».

А. Л. Пономарев и Н. И. Сериков совершенно иначе трактуют это место Яхъи, предлагая свой перевод арабского текста. Основное отличие от перевода В. Р. Розена состоит в том, что исследователи во фразе «было решено между ними дело о браке» видят указание не на Василия и Владимира, а на Владимира и Анну (опираясь на тот факт, что в предыдущем предложении упоминается именно сестра императоров, а значит, «подлежащее предыдущего предложения («она») входит в логическое подлежащее «ними»). Следовательно, предложение получает такой смысл: «Когда же факт брака между ними (Владимиром и Анной) утвердился, прибыли войска русов...» Таким образом, делают вывод исследователи, «в данном пассаже порядок повествования не отступает от хронологического. А именно, после заключения договора через *некоторый* промежуток времени... следует прибытие епископов и крещение князя с подданными... затем само бракосочетание... и, наконец, отправка военного отряда к императору». Следовательно, «гипотезы, включающие в круг событий 987—989 гг. нарушение договора Византией, не имеют под собой источниковой базы, каковой служило данное сообщение Яхъи» (Пономарев, Сериков. С. 160—163).

Я не могу принять это толкование текста Яхъи. Авторы, по-видимому, не точны, утверждая, что повествование арабского историка в данном фрагменте (даже с учетом их поправок) не отступает от хронологического порядка. По крайней мере, фразы «И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону...» и «она (Анна. — *А. К.*) построила много церквей в стране русов» в предлагаемом переводе исследователи вынуждены заключить в скобки, обозначая отступления автора от последовательного повествования. Трудно сказать,

почему стоящий *между этими фразами* текст они таким отступлением не считают. Но местоимение «она» находится как раз в данном хронологическом отступлении Яхъи; именно поэтому В. Р. Розен увязал последующее «между ними» не с Анной и Владимиром, а с Владимиром и Василием, о которых идет речь *перед* последующим хронологическим отступлением («И заключили они между собой договор о свойстве... после того, как он поставил ему условие...»).

[12] Асохик. С. 175.

[13] Об этом сообщает Иоанн Скилица. О биографии Анны см.: Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-Russica // Византийский временник. Т. 52. М., 1991. С. 157—158.

[14] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 110.

[15] Абу-Шоджа. С. 393—394; Розен. С. 201.

[16] Схожее предположение уже высказывал Д. Д. Оболенский (Херсон и крещение Руси... С. 56).

[17] Срезневский. С. 7.

[18] Так, например, в 1153 и 1154 гг. великий князь Киевский Изяслав Мстиславич дважды посылал к днепровским порогам своего сына Мстислава встречать свою новую жену, приведенную «из Обез» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340, 341).

[19] Срезневский. С. 7.

[20] Текст Жития князя Владимира особого состава цитируется по изданию: Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 46—48.

[21] Первое предположение принадлежит А. А. Шахматову (Корсунская легенда... С. 52), второе — Н. И. Серебрянскому (Древнерусские княжеские жития. С. 66—81; мнение Серебрянского принял и Р. В. Жданов, Крещение Руси и Начальная летопись. С. 19).

[22] Бертье-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 14. Кн. 1. СПб., 1909.

[23] Шестимесячный срок осады называет обычное Житие князя Владимира (Срезневский. С. 9). В Житии особого состава также речь идет о шести месяцах пребывания князя под Корсунью. После этого Владимиру удалось предотвратить подвоз в город съестных припасов, и еще через три месяца Корсунь капитулировала (Шахматов А. А. Корсунское сказание... С. 46). Однако эти девять месяцев могли получиться в результате соединения двух различных источников, содержащих различные цифры. Наконец, надо отметить, что и шестимесячный, и девятимесячный срок осады Корсуни могут иметь чисто фольклорное происхождение.

[24] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. М., 1950; Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских отношений в IX—X вв. // Византийский временник. Т. 14. М., 1958.

[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109.

[26] Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. С. 9.

[27] Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе князя Владимира на Корсунь // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 413—428. (Впервые работа была опубликована в 1929 г.) Мнение Б. Д. Грекова поддержало большинство последующих исследователей (см. указанные ниже работы Н. В. Пятышевой и С. А. Беляева).

[28] Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 46.

[29] Запись А. М. Астаховой (Былины Севера. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 206—207); об интерпретации событий см. также: Азбелев С. Н. Князь Глеб Володьевич // Русская речь. 1995. № 3. С. 98—105. (С. Н. Азбелев сближает текст былины с летописным рассказом об

осаде Корсуни Владимиром. Но это неточно: текст былины полностью соответствует версии Жития князя Владимира особой редакции.)

[30] Пятышева Н. В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // Советская археология. 1964. № 3. С. 104—114.

[31] В Житии святого Стефана Сурожского, среди посмертных чудес святого, в «чуде 4-м» рассказывается о путешествии «царицы Анны» (которую я отождествляю с Владимировой Анной) «из Корсуня в Керчь». (См. об этом ниже, прим. 48, 51). Путешествие Анны показывает, что весь юг Крымского полуострова контролировался тогда Владимиром.

[32] ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

[33] Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. № 1. М., 1994. С. 29—30.

[34] Так, например, в Чудовской редакции Жития Владимира (Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 35), в Повести о Николе Заразском (Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. Тексты // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 282). «Иереем» Анастас назван в одном из списков Новгородской Первой летописи. (Новгородская Первая летопись... С. 551)

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109. Это летописное указание приводило исследователей в недоумение, поскольку источники воды расположены к югу, но не к востоку от города (см.: Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч.; Греков Б. Д. Указ. соч.; Б. Д. Греков предполагал, что «кладязи» располагались к востоку от самого Владимира, и делал вывод о местоположении его лагеря, в частности, исходя из этого обстоятельства). По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, возможно, первично чтение обычного Жития князя Владимира: «к кладязю от восточныа страны града в граде по трубам воды сведены» — городское хранилище воды (цистерна) действительно находилось в восточной части города. Я бы обратил внимание на явную несогласованность летописного текста (во всех списках «Повести временных лет»): слово «кладязи» («яже суть за тобою от въстока») стоит во множественном числе, но продолжение фразы («ис того вода идеть по трубе...») — в единственном. Может быть, местоимение «того» относится не к «кладязям», а к «въстоку», и тогда последнее слово обозначает не сторону света, но «исток», «источник»?

[36] Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч.

[37] См., напр.: Греков Б. Д. Указ. соч.

[38] ПСРЛ. Т. 15. Ч. 2. С. 108.

[39] Цитирую по рукописи: РГБ. Ф. 113. № 652 (Соборник XVI в.). Л. 423. В данном случае текст исправнее, чем в издании А. И. Соболевского по Торжественнику XV в. Румянцевского собр. (Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. С. 30).

[40] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 2. М.; Л., 1938. № 94.

[41] Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901. № 80.

[42] Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М. 1959. С. 65.

[43] Беляев С. А. Поход князя Владимира на Корсунь. (Его последствия для Херсонеса) // Византийский временник. Т. 51. М., 1990. С. 153—164; Романчук А. И. «Слои разрушений X в.» в Херсонесе. (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // Там же. Т. 50. М., 1989.

[44] Беляев С. А. «Базилика на холме»... С. 24—29, 44.

[45] ПСРЛ. Т. 41. С. 37. (Летописец Переяславля Суздальского.)

[46] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111.

[47] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 63, 70; Жданов Р. В. Крещение Руси и Начальная летопись. С. 22.

[48] Васильевский В. Г. Жития св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского: Введение в греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст // Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. Пгр., 1915. По мнению В. Г. Васильевского, дошедший до нас текст Жития составлен русским книжником на основе не сохранившегося греческого Жития и других источников не ранее середины XV в. (Ср. также мнение О. Прицака, согласно которому Житие было составлено знаменитым писателем-сербом Пахомием Логофетом (умер после 1484) по инициативе новгородского архиепископа Евфимия II (1429—1459) — Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XII/XIII. Cambridge (Mass.), 1988/1989. P. 94—101).

Этот вывод может быть поставлен под сомнение, поскольку он основан, главным образом, на явном заимствовании похвалы святому Стефану (помещенной в самом конце русского Жития) из Жития святого Петра, митрополита Московского, составленного митрополитом Киприаном (1381—1382, 1389—1406). Однако похвала святому Стефану в большинстве рукописей русского Жития отсутствует; в декабрьской же Минее Московской Духовной Академии, № 90 (по которой Житие издал В. Г. Васильевский) указанная похвала написана на новой странице и новым почерком после зачеркнутого окончания Жития (Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 97, прим. См. также: Соболевский А. И. Два чуда св. Стефана Сурожского // Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира. Пгр., 1917. С. 1—10; автор полагает, что славянский перевод основной части Жития был выполнен еще в Болгарии, при царе Симеоне; перевод же чудес — на Руси, еще в домонгольское время). Что же касается времени составления греческого оригинала Жития и чудес, то, вероятно, они могли возникнуть не в одно время. Отождествление «царицы Анны» Жития с Анной, супругой Владимира (см. прим. 51), заставляет отнести появление, по крайней мере, «чуда 4-го» ко времени *после* похода Владимира на Корсунь.

[49] Васильевский В. Г. Жития... С. 95—96.

[50] Там же. С. 96—97.

[51] П. Шрайнер (Ук. соч. С. 157—158) называет всего двух представительниц византийских правящих династий с таким именем в IX—X вв.: дочь императора Феофила (829—842) и внебрачную дочь императора Льва VI (886—912), бывшую женой короля Прованса Людовика III Слепого. Т. н. Продолжатель Феофана знает еще одну Анну — дочь императора Константина VII Багрянородного; после прихода к власти ее брата Романа II (959) Анна вместе со своими сестрами была насильно пострижена в монахини (Лев Диакон. С. 100).

Отождествление Анны Жития с Владимировой Анной было обычным в старой историографии — но, в основном, до выхода в свет исследования В.Г. Васильевского. (См., напр.: Завитневич В. З. Владимир Святой как политический деятель; Соболевский А. И. Два чуда...)

[52] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111.

[53] ПСРЛ. Т. 38. С. 51.

[54] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 97.

[55] Новгородская Первая летопись... С. 152.

[56] Срезневский. С. 10. То же и в Повести о Николе Заразском (Лихачев Д. С. Указ соч. С. 282).

[57] Например, в Устюжском летописном своде (ПСРЛ. Т. 37. С. 62); также в Летописце Владимирском (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 34) и в отдельных рукописях (Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 92).

[58] Тихомиров М. Н. Краткие заметки... С. 171. См. также РГБ. Ф. 247, № 253 (Сборник 1-й пол. XV в., содержащий Рогожский летописец). Л. 443 об. (выписки из летописи).

[59] Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 47, ср. с. 52.

[60] Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1; Повесть временных лет. Изд. 2-е. С. 459.

[61] Текст цитируется по Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111).

[62] Никольский. Слово. С. 14.

[63] ПСРЛ. Т. 38. С. 51.

[64] Отметим некоторые случаи совпадения чтений Радзивиловской летописи и «Слова о крещении Владимира»: «избраша [мужи] мудры и смыслены» (в Лавр.: «добры и смыслены»); «и испытаите веру их» (в Лавр. добавлено «*первое* веру их»); «повеле созвати крилос» (в Лавр.: «создати крилос»); «идете в землю свою» (в Лавр.: «в землю вашю»); «и видехом в храме (храмех) службы творяща» (в Лавр. добавлено: «*многи* службы»); «и боряхуся (с ними) крепко гражане» (в Лавр.: «и боряхуся крепко из града»); «Яко в поганыа, рече, иду» (в Лавр.: «в полон»); «и 4 кони медяны» (в Лавр.: «и 4 иконе медяны»). Впрочем, есть и обратные примеры.

[65] Беляев С. А. Где крестился князь Владимир? // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1988. М., 1989. С. 531—540.

[66] См.: Арранц М. О крещении князя Владимира. С. 62—63.

[67] Рапов О. М. Русская церковь... С. 245.

[68] См.: Беляев С. А. Где крестился князь Владимир? (Со ссылкой на: Алмазов А. История чинопоследования крещения и миропомазания. Казань, 1884. С. 499 и след.)

[69] Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. 500—1453. L., 1971. P. 195—196. Тот же компромисс между данными «Повести временных лет» и «Памятью и похвалой» предлагает Ж.-П. Арриньон (см.: Арранц М. О крещении князя Владимира. С. 62). Подобное мнение и ранее выдвигалось отечественными историками (см., напр.: Малышевский И. И. Отчеты о XXIV присуждении наград гр. Уварова).

[70] «Чудо святого Климента, папы Римского, о отрочати», русский памятник, вероятно, середины XI в. (Лавров П. А. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 2. М., 1911. С. 36—46).

[71] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116; ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 101.

[72] Беляев С. А. «Базилика на холме»...

[73] ПСРЛ. Т. 9. С. 57. Еще одна подробность читается в Летописце Переяславля Суздальского: о двух «капищах медяных» сообщается, что они «яко жены образом мраморяны суще» (ПСРЛ. Т. 41. С. 39). Думаю, однако, что эти «жены» появились в результате механического повреждения в оригинале Летописца. Ср., например, в Радзивиловской летописи: «2 капища медяны и 4 кони медяны... якоже недуще (в Лаврентьевской более исправно: «якоже неведуще мнять я». — *А. К.*) мраморяны суща» (ПСРЛ. Т. 38. С. 53).

[74] Т. н. «Слово на обновление Десятинной церкви» (Карпов А. Ю.

«Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М. А. Оболенского // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1991. С. 110).

[75] Івакін Т. Ю. До питання про кам'яну архітектуру Киева // Археологія Киева. Дослидження и матеріалы. Киев, 1979. С. 122—124; Беляев С. А. Поход князя Владимира на Корсунь. С. 155—156.

[76] Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 29.

[77] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Т. 2. № 94.

[78] Лев Диакон. С. 57.

[79] В средневековой России поход на Корсунь стал восприниматься как символ далекого и трудного военного предприятия, закончившегося, однако, славной победой и богатого военной добычей. Памятники церковной древности иностранного происхождения нередко получали название «корсунских» даже в том случае, если они не имели никакого отношения к настоящему Херсонесу. Так в XV в. в Новгороде появились знаменитые «Корсунские врата», на самом деле изготовленные в Магдебурге в 1153 г.

Австрийский писатель и дипломат 1-й пол. XVI в. Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» рассказывал (ссылаясь на некие русские летописи), что «однажды, когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня, их женам наскучило отсутствие мужей, в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались», и они вышли замуж за своих холопов. По завершении корсунского похода «победители-мужья вернулись с войны, везя с собой медные ворота покоренного города и большой колокол». Холопы же «вознамерились силой не пустить в город своих господ, на супругах которых они женились». Мужья отложили в сторону оружие, считая недостойным применять его по отношению к своим рабам, и взялись за дубины и плетки. Холопы обратились в бегство и удалились «в некое место, которое и поныне еще называется Хлопигород» (Холопий городок на реке Мологе), но были побеждены там. (Герберштейн С. Записки о Московии / Перевод А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 150, ср. также с. 330.) В русских летописях подобного рассказа нет. Вероятнее всего, он основан на известном сюжете, рассказанном еще Геродотом (История. Л., 1972. С. 187), о войне скифов (с которыми впоследствии стали отождествлять славян и, в частности, русских) со своими рабами. В том виде, в каком его записал Герберштейн, рассказ, несомненно, имеет весьма позднее происхождение — достаточно отметить упоминание в нем «корсунских врат» (попавших в Новгород лишь во 2-й четверти XV в.) и «корсунских колоколов» (упоминаемых в новгородских летописях под 1462 г.).

Но известны и другие варианты записи легенды о беглых новгородских холопах и об основании ими Холопьего городка на Мологе (уже без всякой связи с Корсунской войной). Исследователи иногда связывают эти предания с реальными событиями конца X — начала XI в. или даже еще более раннего времени. (Смирнов П. П. Сказание о холопьей войне в Древней Руси // Уч. записки МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 2. М., 1947; Зимин А. А Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1973. С. 68—72; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб., 1995. С. 32—38.)

[1] Бугославський. С. 183.
[2] См.: Гупало К. Н. Подол в древнем Киеве. С. 33—36.
[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116—117.
[4] Срезневский. С. 10.
[5] Подробнее об обряде «проводов» Перуна см.: Васильев М. А. Великий князь Владимир Святославич: от языческой реформы к крещению Руси. С. 38—55.
[6] Киевский синопсис, или Краткое собрание от различных летописцев. Киев, 1823.
[7] В т. н. Чудовской редакции Жития св. Владимира о поставлении церкви св. Василия сообщается следующее: «Постави церковь святаго Василиа на горе, рекомеи Ликофрос». (Текст Жития издан М. Н. Сперанским по бумагам А. Н. Попова: Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. № XIX. М., 1889. С. 33—42.) Последующие исследователи полагали, что греческое название «горы Ликофрос» ошибочно присоединено составителем Жития к киевской церкви св. Василия, а на самом деле должно обозначать Корсунскую «гору», на которой, согласно летописи и Житию, Владимир также поставил церковь св. Василия. (См. Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 115, прим. 3; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. М., 1908. С. 135—137; ср. также: Беляев С. А. «Базилика на холме»... С. 45, прим. 24: автор пытался отыскать в Херсонесе следы «горы Ликофрос» (святилища Аполлона), но безуспешно.) Думаю, однако, что перемещение текста внутри Жития не обязательно. Уже отмечено, что название «Ликофрос» является одним из эпитетов древнегреческого бога Аполлона. Древнерусские же книжники нередко именовали Аполлоном русского Перуна (см. хотя бы: Шахматов А. А. Корсунская легенда... С. 40). Выражение «гора Ликофрос» в таком случае есть не что иное, как синоним «Перунова холма» в Киеве.
[8] Новгородская Первая летопись... С. 159—160.
[9] ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 175; ПСРЛ. Т. 24. Пгр., 1921. С. 39 (Типографская летопись). О происхождении различных версий крещения Новгорода см.: Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев. (О возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. Вып. 7. М., 1984.
[10] Киевский синопсис... С. 50. Впрочем, название «Крещатик» могло появиться и позже — в связи с совершавшимся здесь ежегодно водоосвящением.
[11] Христианское имя Ярослава известно по «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, а также монетам и печатям; имя Святополка — по монетам князя. Христианские имена Бориса и Глеба известны из их Житий. Христианское имя Мстислава Тьмутороканского сохранилось в т. н. Любечском синодике черниговских князей.
[12] Татищев. Т. 2. С. 63.
[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 117—118. Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 102—103.
[14] Златоструй. С. 117. Перевод диакона Андрея Юрченко.
[15] Серебрянский. С. 15.
[16] Сравним текст «Слова о крещении Владимира» (Никольский. Слово. С. 15) и летописи по Радзивиловскому списку (ПСРЛ. Т. 38. С. 53):

Слово:	Летопись:
...Аще кто не обрящеться утро на реце.., то[и] мне противник. Се слышавше, людие с радостию идяху...	Аще не обрящеться кто заутра на реце.., противник мне да будет. Се же слышавше, людие с радостью идяху...
	Наутрия же изыде Во[ло]димир с попы царичины и корсуньскыими на Днепр, и снидеся бес числа людеи, и влезоша в воду...
И снидеся бес числа людии *на Почаину,* и влезоша в воду...	

Вероятно, и упоминание Почайны в тексте «Слова о крещении Владимира», и слова летописи «Наутрия же изыде Володимир... на Днепр» являются более поздними вставками. В первоначальном варианте летописи, скорее всего, читалось: «...И снидеся бес числа людии, и влезоша в воду...», без указания названия реки.

[17] См.: Закревский Н. Описание Киева. Т. 2. М., 1868. С. 719—720; Сементовский Н. Киев, его святыни, древности, достопамятности. СПб., 1900. С. 12—15.

[18] Проложное Житие Владимира, казалось бы, позволяет более точно определить место крещения киевлян. По крайней мере, составитель Жития прямо указывает его: «И оттоле наречеся место святое, идеже ныне церкы есть Петрова...» (Серебрянский. С. 15 и прим. 55). Но различные списки Жития совершенно по-разному именуют церковь — просто «церковь», «святою мученику Тирова», «Турова», «у Турова», «Турове», «Петрова в Турове», наконец, «святых мученик Бориса и Глеба». Хотя во всех пергаменных Прологах XIV в. содержится чтение «Петрова», все же, думаю, можно предположить первичность чтения: «Турова» (исправление непонятного «Турова» в понятное «Петрова» вполне объяснимо; обратное превращение, напротив, маловероятно). Но такого святого — Тура — нет. Может быть, вернее чтение «у Турова»? Во всяком случае, некая «Турова божница» в Киеве действительно существовала; она упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. Название этой церкви, вероятно, происходит от места (урочища?), но не от имени святого, которому она посвящена. Чтение «святою мученику» (двойственное число!), кажется, должно указывать на церковь во имя святых мучеников Бориса и Глеба; выражение «место святое» — может быть, на Крещатицкий источник.

Киевские археологи попытались отождествить «Турову божницу» с руинами древней церкви XII в., открытой в 1955 г. на Борисоглебской улице (на Подоле), недалеко от позднейшей церкви святых Бориса и Глеба и вблизи Почайны. Но действительно ли это та самая церковь, которую имел в виду составитель Проложного жития, неизвестно. (См.: Каргер М. К. Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961. С. 486 (раскопки В. А. Богусевича). О местоположении «Туровой божницы» см. также: Закревский Н. Указ. соч. Т. 2. С. 846 и след.)

[19] См.: Арранц М. О крещении князя Владимира. С. 68—69.

[20] Ср. в «Слове о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь»: «И стояху инии до шии, а инии до пояса, а друзии младенца держаще, свершении же бродяху» (Никольский. Слово. С. 15—16). В Проложном житии Владимира: «Свершении же стояху в воде, ови до пояса, инии до выя, а друзии бродяху» (Серебрянский. С. 15).

[21] ПСРЛ. Т. 9. С. 57 (Никоновская летопись); ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 106 (Степенная книга).

[22] Киевский синопсис... С. 50; Татищев. Т. 2. С. 63.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 117—118.

[24] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the First Half-Century Following Vladimir's Coversion // The Slavonic and East European Review. 1941. V. 20. P. 294—314. О необоснованности подобных концепций см.: Muller L. Das Problem des Hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhangigkeit der russischen Kirche vor 1039. Koln-Braunsfeld, 1959; Poppe A. The Original Status of the Old Russian Church // Acta Poloniae Historica. 1979. T. 39. P. 5—45 (репринт: // Poppe A. The Rise of Christian Russia. London, 1982. № 3).

[25] См.: Кузьмин А. Г. Падение Перуна. М., 1988.

[26] Poppe A. Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 25—28; idem. The Original Status...; Поппэ А. В. Истоки церковной организации Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 132—139; Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 23—32. Полное издание Notitia episcopatuum: Darrouzes J. Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.

О митрополите в Киеве при князе Владимире сообщает также Иаков мних в «Памяти и похвале»: по его словам, князь заповедал праздновать светло праздники Господские, три трапезы поставляя — «первую митрополиту с епископы, и с черноризце, и с попы, вторую нищим и убогым, третью собе и бояром своим и всим мужем своим» (Срезневский. С. 5). Кроме того, сведения о митрополите на Руси в это время содержат сочинения Яхъи Антиохийского, Титмара Мерзебургского (в последнем речь идет об «архиепископе» — термин, который в устах немецкого епископа мог обозначать митрополита: ср.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. С. 189—191), Никифора Каллиста.

[27] Всего известно более двухсот списков Устава Владимира. Если не считать позднейшие списки XVIII—XIX вв., а также списки Степенной книги, в которой содержатся особые рассказы о Михаиле и Леоне, то получается следующая картина: 86 списков называют имя митрополита Михаила, 66 — Леона, в 6 упоминаются оба (сначала Михаил, затем Леон). В то же время списки т. н. Варсонофьевской редакции (их 33), в том числе и старший пергаменный Варсонофьевский список XIV в., вовсе не упоминают о киевском митрополите. (Полное издание Устава по всем спискам осуществлено Я. Н. Щаповым: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 12—84.)

[28] Новгородская Первая летопись... С. 473. В самой Новгородской Первой летописи младшего извода перечень русских митрополитов — в соответствии с летописной традицией — открывается именем Феопемпта (там же. С. 163).

[29] Об упоминании митрополитов Михаила и Леона в летописях XV—XVI вв. см.: Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев...

[30] См.: Древнерусские княжеские уставы... (в большинстве списков).

[31] Согласно наиболее распространенному (но не подтверждаемому источниками) мнению, митрополит Михаил мог быть тем самым «епископом», которого действительно отправил к русам патриарх Фотий между 860 и 867 гг.; так память о Фотиевом крещении Руси сохранилась в Киеве, а само это крещение впоследствии было смешано с Крещением Руси князем Владимиром. См.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 276—282 и др.

(автор связывает Фотиево крещение не с Поднепровской, а с Причерноморской Русью); Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1991 (репринт парижского издания 1959 г.). С. 136—137: автор ссылается на схожее мнение, вошедшее в исторические сочинения XVII в. — Густынскую летопись, Палинодий Захарии Копыстенского. (Правда, в обоих названных сочинениях XVII в. о Михаиле сообщается как о ставленнике императора Василия I Македонянина, противника патриарха Фотия.)

Особое мнение было высказано А. Поппэ, который объяснял появление имени Михаила (в Церковном уставе Владимира) тем, что в «Повести временных лет» под 988 г. находится наставление о вере, якобы преподанное новокрещенному Владимиру. Оно представляет собой сокращенный перевод Символа веры Михаила Синкелла (1-я пол. IX в.). Составитель Устава мог заключить, что автор Символа веры и был первым русским митрополитом. (Poppe A. Michał // Słownik Starożytności Słowiańskich. Warszawa, 1967. T. 3. S. 242—243; Поппэ А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988—1305) // Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 192.) Однако это предположение также кажется слишком искусственным.

Более правдоподобно выглядит объяснение появления имени Леона, также предложенное А. Поппэ: поводом к возникновению легенды о том, что Леон был первым (или одним из первых) русских митрополитов, а также что кафедра русских митрополитов первоначально находилась в Переяславле, послужило имя Леона (Льва), «митрополита Переяславля в Росии», которым надписан греческий трактат об опресноках, известный и русским книжникам. Однако это сочинение возникло не ранее 1054 г., а его автором был Леон (Лев), титулярный митрополит Переяславский в 60—70-е гг. XI в. (См. об этом: Poppe A. Le traite des azymes Λεοντος μητροπολιτου τῆσεν 'Ρωδια Πρεσφλαβας: quand, ou et par qui-a-t-il été ecrit? // Byzantion. Bruxelles, 1965. T. 35. P. 504—527; Поппэ А. В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // Византийский временник. Т. 28. М., 1968. С. 85—108; Т. 29. М., 1969. С. 95—104; он же. Митрополиты Киевские... С. 192.) Однако такое предположение не объясняет связи между именем Леона и патриархом Фотием.

[32] Древнерусские княжеские уставы... С. 154, прим. 10.

[33] ПСРЛ. Т. 9. С. 57, 64.

[34] Евгений (Болховитинов), митр. Описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1831. С. 115.

[35] См.: Поппэ А. В. Митрополиты Киевские... С. 192—193; Купранис А. Печать Иоанна, митрополита Росии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 205—212.

[36] Современный исследователь Русской Церкви Я. Н. Щапов, обратив внимание на рассказ об освящении Киевской Десятинной церкви в 996 г., в котором никак не отмечено участие киевского митрополита, пришел к выводу, что митрополия в Киеве к тому времени еще не существовала; следовательно, ее учреждение можно отнести ко времени между 996 и 997/998 гг. (Щапов Я. Н. Государство и церковь... С. 28). Однако такой вывод кажется мне необоснованным. Источники не содержат никаких намеков на какие-либо изменения в статусе Русской Церкви около этого времени, а молчание летописи и Житий об участии митрополита и епископов во время похорон князя Владимира (1015 г.) не менее красноречиво.

[37] См. подробнее: Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев...

[38] Татищев. С. 112—113.

[39] Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев...

[40] ПСРЛ. Т. 9. С. 63—65.

[41] См. Успенский сборник XII—XIII вв. С. 62; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 210—211. Об учреждении епископий в древней Руси см.: Щапов Я. Н. Государство и церковь... С. 33—56. По мнению автора, при князе Владимире были основаны епископские кафедры в Новгороде, Белгороде, Полоцке и Турове.

[42] Таково, например, позднее ростовское предание о крещении князем Владимиром Ростовской земли. Один из его вариантов, явно принадлежащий перу книжника нового времени и уснащенный вымышленными именами (типа наместников Владимира в Ростове братьев-богатырей Претича и Фрелафа Демьянов) и подробностями (например, основанием при епископе Иларионе, современнике Владимира, храма Кирика и Улиты в ближнем к Ростову селении Угодичи), читался в некоем «Хлебниковском летописце», использованном известным ростовским краеведом и сочинителем А. Я. Артыновым. См.: Рапов О. М. Русская церковь... С. 306—308. Удивительно, но современный историк полностью принимает показания этого плода сочинительства нового времени (как, впрочем, и многих других подобных произведений) и даже предполагает, что это сказание, наряду с рассказом о крещении киевлян «Повести временных лет», составляло часть некоего «единого произведения» — «сказания о крещении Руси или какого-то особого жития князя Владимира» (!) и рассчитывает, на основе приведенных в сказании дат, точное время пребывания князя Владимира в Ростове (там же. С. 308—310).

К тому же роду местных легенд относятся и многочисленные предания об основании самим Владимиром или во времена Владимира тех или иных церквей и монастырей — например, Ростовского Богоявленского, Лещинского под Пинском, Антониева (Киево-Печерского), Успенского собора во Владимире и т. д. Пинежский летописец XVII в., например, был убежден в том, что первый епископ «греченин» был поставлен именно в Белоозеро, а уже затем по другим русским градам (в Чернигов, Ростов, на Волынь, в Новгород). (См.: Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. (По материалам Пушкинского дома). Л., 1972. С. 68.)

[43] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 182; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 72; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. М., 1987. С. 20—21. Об основании города князем Владимиром Мономахом прямо сообщает статья «А се князи русьстии», читающаяся в той же рукописи XV в., в которой находится Новгородская Первая летопись младшего извода: Мономах, «правнук великого князя Володимера», «поставил град Володимерь Залешьскый в Суждальской земле, и осыпа его спом, и созда первую церковь святого Спаса за 50 лет до Богородичина ставления», то есть около 1108 г. (Новгородская Первая летопись... С. 467). То же известие читается во Львовской летописи (под 1108 г.) и в ряде других.

[44] Сказание о Леонтии Ростовском (Подг. текста и перевод Г. Ю. Филипповского) // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 125—127.

[45] Повесть о водворении христианства в Ростове (Подг. текста и перевод Г. Ю. Филипповского) // Там же. С. 130—134.

[46] Серебрянский. С. 100—104. Исследователи затрудняются в определении того, с каким известным из летописей князем можно было бы отождествить св. Константина Муромского. Наиболее подходит на эту роль муромский князь Ярослав Святославич (ум. 1129); однако из «Хожения» игумена Даниила известно его христианское имя — Панкратий. (Ср.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 287—288.)

[47] См.: Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 31—38.

[48] Абрамович Д. И. Киево-Печерський патерик. С. 110—111. О распространении христианства у вятичей см.: Недошивина Н. Г. О религиозных представлениях вятичей XI—XIII вв. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 49—52.

[49] Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. С. 31—60.

[50] Там же. С. 84—94, особенно с. 93.

[51] Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 126—128.

[52] Кистерев С. Н. Славяно-русские материалы в журнале «Российская археология» в 1993 г. // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 254—256.

[53] На это, в частности, обратили внимание Г. Г. Литаврин и Б. Н. Флоря (Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 248-254). Авторы, однако, полагают, что отсутствие в Церковных уставах Владимира и Ярослава правовых норм, связанных с контролем власти за посещением христианских храмов и борьбой против тайного отправления языческих обрядов, есть «результат их редактирования в более позднее время, когда эти темы, став неактуальными, опускадись при переработках и сохранялись лишь в отдельных изводах... Законы по принуждению населения к соблюдению христианских норм в Древней Руси несомненно существовали, а неполнота данных об этом объясняется скорее состоянием источников, чем принципиальными различиями в политике Древней Руси и стран Центральной Европы» (Указ. соч. С. 249).

Я не могу согласиться с таким выводом. Во-первых, насколько мы знаем из многочисленных поучений против язычества и епитимийников, эта тема оставалась как раз актуальной в те века, когда переписывались дошедшие до нас ранние списки Церковного устава князя Владимира (XIV и XV вв.). Во-вторых, исследование Церковных уставов и других подобных древнерусских сборников права показывает, что в процессе их редактирования и переписывания не столько исключались какие-то отжившие, устаревшие статьи, сколько происходило их дополнение новыми (Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972). Приведенные в тексте данной главы примеры также свидетельствуют о том, что отправление языческих культов, по крайней мере, в каких-то определенных местах (своеобразных «резервациях», «заповедниках») не пресекалось властями на протяжении всего домонгольского периода русской истории.

[54] См.: Седов В. В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам) // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. Сборник тезисов. М., 1987. С. 40—43.

[55] Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6 (Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1). Изд. 2. СПб., 1908. Стб. 7—8, 3—4.
[56] Солженицын А. И. Март Семнадцатого. Т. 4. 1988.
[57] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118—119.
[58] Там же. Стб. 152.
[59] Бугославський С. 182.
[60] Златоструй. С. 114—115. (Перевод диакона Андрея Юрченко.)
[61] Мильков В. В. Иларион и древнерусская мысль // Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. 2. М., 1986. С. 18 и др. О характере начального русского христианства см. также: Никольский Н. К. О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. Кн. 6; Кузьмин А. Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй. С. 8—34.

Глава десятая. Киев. Христианин

[1] Ипатьевская и Новгородская Первая летописи датируют начало строительства Десятинной церкви 6499 (991/992) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 106; Новгородская Первая летопись... С. 165); Радзивиловская — 6497 (989/990) г. (ПСРЛ. Т. 38. С. 55). Лаврентьевская летопись содержит явно дефектную дату — 6490 г. (очевидно, пропущена буква для обозначения единиц) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121). «Память и похвала князю Владимиру» Иакова мниха сообщает о строительстве церкви «на 4-е лето» по крещении князя (Срезневский. С. 7). Подробнее о хронологическом разнобое в различных списках «Повести временных лет» см. прим. 3 к главе 11.
[2] Дату освящения церкви и вручения ей десятины согласно называют все списки «Повести временных лет», Новгородская Первая летопись, а также Проложное сказание. В свое время, исходя из даты освящения храма — 12 мая, — А. А. Шахматов предположил, что само освящение имело место не в 6504, а в 6503 (995/996) г.: именно в 995 г. 12 мая пришлось на воскресенье — подходящий для освящения храма день. См.: Разыскания... С. 25. Мнение Шахматова принял также и Д. С. Лихачев (Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 348; однако в этом издании дата освящения храма перепутана — 12 июля вместо правильного 12 мая; ошибка не исправлена и во 2-м издании — СПб., 1996. С. 466). Кроме того, А. А. Шахматов исходил из указания Иакова мниха о передаче десятины «в 9-е лето» по крещении Владимира. Однако дата 6503 г. не подтверждается напрямую ни одним источником. У меня нет уверенности и в том, что освящение храмов в начале XI в. происходило обязательно в воскресный день. Более того, имеющиеся в летописях даты показывают, что и в домонгольской, и в Московской Руси храмы могли освящаться и в другие дни недели. В историографии встречается еще одна дата освящения Десятинной церкви — 11 мая. Но она основана на недоразумении. Дату 11 мая назвал О. М. Бодянский, издавший (крайне неудовлетворительно) текст Проложного сказания об освящении Десятинной церкви по пергаменному Прологу Синодальной типографии, № 169 (Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Даждьбога // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Год 1-й. 1846. Кн.2. С. 22), в котором оно якобы читалось под этим днем; из статьи О. М. Бодянского дата 11 мая попала и в другие исследования (см.: Макарий, митр. История Русской Церкви. Кн. 2. С. 431, 432; Голубинский Е. Е.

История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 181—182, прим. 2; Шахматов А. А. Разыскания... С. 25, прим. 1: автор справедливо ставил чтение О. М. Бодянского под сомнение. Из последних работ см.: Лисовой Н. Н. Под знаком Софии (К предыстории идеи «Третьего Рима») // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 58—64: автор строит свои выводы, в частности исходя из указания О. М. Бодянского.) Однако О. М. Бодянский попросту ошибся, неверно обозначив заголовок Проложного сказания: в привлеченной им рукописи, как и в других Прологах, Сказание расположено именно под 12 мая, в полагающемся порядке чтений этого дня (Память святого Епифания, архиепископа Кипрского; Память святого Германа, патриарха Константинограда; Освящение церкви святой Богородицы в Киеве; Поучение о смерти и о суде). См. РГАДА. Ф. 381. № 169. Л. 85 об. — 86 об. (11 мая); 86 об. — 87 об. (12 мая).

[3] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 2. Стб. 117 (Тверской сборник); Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 34—35, прим. 1 (Чудовская редакция Жития св. Владимира); Серебрянский. С. 16, прим. 63 (Проложное Житие по одному из списков).

[4] О Десятинной церкви см.: Каргер М. К. Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961. С. 9—59; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 7—8; Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. С. 168—178.

[5] См. Каргер М. К. Указ. соч. Т. 2.С. 57—58; Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Труды XII Археологического съезда в Харькове (1902). Т. 3. М., 1905. С. 6. По мнению современных исследователей, образцом для Десятинной церкви послужила придворная Фаросская церковь Божьей Матери при Большом императорском дворце в Константинополе (Комеч А. И. Указ. соч. С. 175—176).

[6] О существовании особого придела во имя святого Климента Римского как будто свидетельствует тот факт, что Титмар Мерзебургский в 1018 г. называл церковь, в которой похоронен князь Владимир (то есть Десятинную), «церковью мученика Христова папы Климента» (Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 141). Дата перенесения мощей определяется лишь предположительно: по свидетельству «Повести временных лет», в 6515 (1007/1008) г. «перенесени святии в Святую Богородицю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129). Множественное число позволяет предположить, что речь идет именно о мощах святых Климента и Фива (а не княгини Ольги, как обыкновенно полагают).

[7] Цитирую по Проложному сказанию об освящении Десятинной церкви (РГАДА. Ф. 381 (Син. тип.). № 173. Л. 89 об. — 90).

[8] Об этом рассказывается в распространенной редакции Жития княгини Ольги. (Серебрянский. С. 11; РГАДА. Ф. 187 (ЦГАЛИ). № 41 (Сборник преимущественно русских житий, XVI в.). Л. 472 об. — 473.) Краткая редакция Проложного Жития святой княгини сообщает о том, что ее мощи были положены в «раку древяну» (Серебрянский. С. 8), но это противоречит показаниям «Памяти и похвалы» мниха Иакова и распространенной редакции Жития.

Дата перенесения мощей в Десятинную церковь определяется очень приблизительно. Поздняя редакция Жития Ольги, читающаяся в Степенной книге царского родословия, сообщает следующее: «Честныя же ея мощи по преставлении ея пребыша в земли лет яко

тридесять; обретены же быша целы и нетленны» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 24; ср. также: РГАДА. Ф. 187. № 41. Л. 466 об.). Княгиня преставилась в 969 г.; следовательно, речь идет приблизительно о 999 г.

[9] Срезневский. С. 5.

[10] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 2. Стб. 121: «Принесени Изяславь и Всеславь вь Святую Богородицу». Но это основано на чтении Новгородской Первой летописи младшего извода: «Принесени си в Святую Богородицю» (Новгородская Первая летопись... С. 168), где «си», очевидно, — ошибочное чтение слова «святии» (под титлом), как правильно читается в «Повести временных лет». «Си» же были отождествлены с полоцкими князьями Изяславом и Всеславом, о которых речь шла в предыдущих статьях (6510 и 6511 гг.). А. А. Шахматов, впрочем, полагал, что чтение Новгородской Первой летописи первично, а «святии» в «Повести временных лет» оказались по ошибке (Разыскания... С. 162). Для такого вывода как будто есть определенные основания: ведь записи, читающиеся в летописи под 6508—6519 гг., извлечены из помянника Киевской Десятинной церкви. Но появление имен полоцких князей в помяннике Десятинной церкви не обязательно свидетельствует об их захоронении именно в ней. В главном придворном храме Владимира, вероятно, должны были поминаться все члены княжеской семьи.

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124—125. Ср. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 37.

[12] Отдельные летописи (например, Софийская Первая, Воскресенская, Тверская и др.) сообщают о построении Владимиром вскоре после крещения (под разными годами, 989, 990) церкви святого Георгия, 26 ноября. Но это, очевидно, дублирование известия о построении Георгиевской церкви князем Ярославом Мудрым.

[13] Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 143.

[14] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167—170; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 458 («Слово о твари»).

[15] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 2. Стб. 112—113; ср. также Татищев. Т. 1. С. 113 (Иоакимовская летопись); ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 258 (Густынская летопись).

[16] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. / Под ред. В. П. Семенова. Т. 9. СПб., 1905. С. 516—518.

[17] Ср.: Юшков С. В. Исследования по истории русского права // Юшков С. В. / Труды выдающихся юристов. М., 1989. С. 305.

[18] Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X—XI вв. С. 172—192; Свердлов М. Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 4. Л., 1972. С. 151—159.

[19] Информация византийского хрониста XII в. Иоанна Киннама. См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений... С. 366—367.

[20] Сотникова М. П. Указ. соч. С. 192 и др. Исследователи отмечают, во-первых, значительные различия между сребрениками Владимира I типа, с одной стороны, и II, III, IV типов — с другой, а во-вторых, очевидную близость последних к монетам Святополка, отчеканенным уже после смерти Владимира.

[21] Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 142.

[22] Там же. С. 141.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125—126.

[24] Срезневский. С. 6.

[25] Златоструй. С. 119 (перевод диакона Андрея Юрченко).

[26] Ср. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. С. 128—129.

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125.

[28] Ср.: Щапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. Т. 31. 1971. С. 71.

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124. Ср. также текст Проложного сказания об освящении Десятинной церкви: например, РГАДА. Ф. 381. № 179. Л. 97 (условно называю его «первой редакцией»); № 173. Л. 89 об. — 90 («вторая редакция») и «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» (Никольский. Слово. С. 18—19): в обоих случаях «проклятие» Владимира, как и упоминание имени Анастаса, отсутствует.

[30] О содержании и происхождении церковной десятины см.: Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти в Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; он же. Государство и церковь Древней Руси. С. 76—87; Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. (Эпоха средневековья.) М., 1992. С. 5—31.

[31] См. там же.

[32] ПСРЛ. Т. 41. С. 43.

[33] Древнерусские княжеские уставы. С. 15 и др.

[34] Канонические ответы митрополита Иоанна II. Стб. 18.

[35] Древнерусские княжеские уставы. С. 85—90 и др.

[36] ПСРЛ. Т. 9. С. 68.

[37] Древнерусские княжеские уставы. С. 16 (цитирую по Ипатьевскому виду).

[38] ПСРЛ. Т. 9. С. 64—69; Татищев. Т. 2. С. 64—69, ср. с. 237. Впрочем, напомню, что даты, проставленные составителями Никоновской летописи, очень условны.

[39] ПСРЛ. Т. 9. С. 69.

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126—127.

[41] Во всяком случае, таково наиболее естественное понимание летописного текста. См.: Повесть временных лет. Изд. 2-е. С. 467 (Комментарий Д. С. Лихачева); Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 240—244; Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 78—80; и др.

[42] А. А. Шахматов полагал, что повторное упоминание епископов в летописном рассказе есть вставка, а первоначально речь шла лишь о «старцах».

[43] 1-я ст. Краткой редакции «Русской Правды» (Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952. С. 77).

[44] Новгородская Первая летопись... С. 104.

[45] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

[46] Татищев. Т. 2. С. 70; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 128.

[47] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; ср. также Т. 9. С. 57 (Никоновская); Т. 2. СПб., 1843. С. 259 (Густынская летопись).

В большинстве списков «Чтения о святых Борисе и Глебе» диакона Нестора сообщается о том, что Владимир послал своего сына Бориса «на область Владимер» (Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1915. С. 6; Буго-славський. С. 185). Исследователи, как правило, принимают это известие как свидетельство того, что Борис был посажен во Владимире-Волынском, и иногда отдают ему предпочтение перед летописным (о посажении Бориса в Ростове). См., напр.: Шахматов А. А.

Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 87—94; и др. Все же, вслед за С. А. Бугославским, полагаю, что слово «Владимер» оказалось в тексте «Чтения» не на месте и представляет собой прибавление к слову «отец», но не название области (Указ. соч. С. 185 и прим.). Ср.: «...Таче посла и потом отець и на область Владимер, юже ему дасть... Блаженый же Борис много показа милосердие во области своеи». Обратим внимание на то, что название «Владимер» дано здесь с «ером» на конце (а не в притяжательной форме «Володимерь»). Отметим также, что Нестор в «Чтении» вообще избегает точных географических названий.

[48] ПСРЛ. Т. 9. С. 68. В «Истории» В. Н. Татищева эта же характеристика (в сокращенном виде) отнесена к полоцкому князю Всеславу Изяславичу — очевидно, ошибочно, ибо Всеслав умер едва ли не во младенческом возрасте.

[49] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1.

[50] Рыдзевская. С. 63. См. также: Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980; о скептическом отношении к отождествлению «Виссавальда» саги с князем Всеволодом Владимировичем см.: Джаксон Т. Н. Указ. соч. С. 210—211. Сигрид называет Виссавальда «мелким конунгом», что, конечно, звучит не очень уместно в отношении сына Владимира. Но, может быть, это намек на слишком юный возраст русского князя? (Всеволоду — если это действительно был он — ко времени сватовства должно было исполниться не более четырнадцати-пятнадцати лет.)

Глава одиннадцатая. Войны и миры

[1] См. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации.

[2] ПСРЛ. Т. 9. С. 59. Еще раз отметим, что хронологическая сетка Никоновской летописи сбита по сравнению с «Повестью временных лет». Так, данное сообщение включено в цепь событий, о которых «Повесть временных лет» рассказывает под 988 г. (годом летописного Крещения Руси). Еще об одной победе над печенегами Никоновская летопись рассказывает под 992 годом: «...Посла Володимер на печенеги, и одолеша им, и възвратишася с победою и радостию к Володимеру» (там же. С. 64).

[3] Текст «Повести временных лет» цитируется, в основном, по Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122—124).

Определение даты хорватского похода Владимира вызывает затруднения. Лаврентьевская летопись сообщает о нем под 6500 (992/993) г.; Радзивиловская, Ипатьевская, Новгородская Первая — под 6501.(993/994) г. (Более поздние летописи содержат и другие даты.) Это связано с явной путаницей в хронологии этой части «Повести временных лет». Так, Лаврентьевская летопись сообщает об основании Десятинной церкви под дефектной датой 6490 г. (пропущена буква для обозначения единиц); об основании Белгорода под также дефектной датой 6009 (6499?) г., о хорватском походе, войне с печенегами и основании Переяславля под 6500 г.; далее следуют пустыми 6502 и 6503 гг. (6501 г. пропущен) и статья 6504 г. (там же. Стб. 121—122). Радзивиловская летопись дает такую хронологию: основание Десятинной церкви — 6497, Белгорода — 6498, поход на хорватов, война с печенегами и основание Переяславля — 6501; 6499, 6500, 6502 и 6503 гг. оставлены пустыми (ПСРЛ. Т. 38. С. 55—56). Ипатьевская летопись: основание Десятинной церкви — 6499, Белгорода — 6500, хорватский поход, война с печенегами и

основание Переяславля — 6501; 6497, 6498, 6502 и 6503 — пустые (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 106—108). То же в Новгородской Первой летописи, но в ней отсутствует рассказ о войне Владимира с печенегами и основании Переяславля (Новгородская Первая летопись... С. 165).

Восстановить нарушенную летописную хронологию позволяет «Память и похвала князю Владимиру» Иакова мниха. В ней находим следующую очередность событий: основание Десятинной церкви — «на 4-е лето» по крещении Владимира, основание Переяславля — «на 5-е лето» (об основании Белгорода источник не сообщает), вручение десятины — «на 9-е лето». Кончина Владимира отнесена к 28-му году по крещении («По святем же крещении поживе... 28 лет»). (Срезневский. С. 7). Хронология «Памяти и похвалы» устойчиво сдвинута по сравнению с летописной на один год; по-видимому, она ориентирована на 1014 (а не 1015) г. кончины Владимира. (См. прим. 14 к главе 7.) Для наших целей точкой отсчета может быть выбрана дата освящения Десятинной церкви и вручения ей десятины — 6504 г., совпадающий во всех списках «Повести временных лет», Новгородской Первой летописи и Проложном сказании об освящении церкви. Получается такая последовательность в летописном изложении событий: освящение Десятинной церкви — 6499 г., основание Переяславля — 6500 г. Хорватский поход Владимира произошел в том же году, что и основание Переяславля — 6500 (992/993), вероятно, летом 992 г.

[4] См. прим. 49 к главе 5. В. Н. Татищев датирует поход Владимира на Седмиградскую и Хорватскую земли 993 г.

[5] В «Истории Российской» В. Н. Татищева сообщается о двукратном походе Владимира на Днестр: первый поход, по словам историка, был совершен в 992 г.: «Владимир ходил ко Днестру со двема епископы, много людей научая крести, и построил в земли Червенской град во свое имя Владимерь и церковь Пресвятыя Богородицы созда, оставя ту епископа Степана, и возвратися с радостию». В 993 г. Владимир ходил на Седмиградскую и Хорватскую земли, и, «многи победы одержав и покорив, возвратился со множеством плена и богатства...» (Татищев. Т. 2. С. 64—65; вслед за М. Стрыйковским Татищев отождествляет Хорватию с балканской Кроацией).

Однако рассказ о первом походе Владимира на Днестр, очевидно, не извлечен историком XVIII в. из какого-то не дошедшего до нас письменного источника, а реконструирован на основе сообщения Никоновской (или какой-нибудь близкой к ней) летописи о построении города Владимира-на-Клязьме. Справедливо подвергая сомнению известие поздних летописей о построении Владимиром города на Клязьме, В. Н. Татищев ошибочно полагал, что позднейший летописец попросту перепутал два одноименных города и летописное свидетельство на самом деле относится к Владимиру-Волынскому (ср., напр., с. 235). Таким образом, историк восстанавливал гипотетический первоначальный текст летописного известия, освобождая его от кажущихся легендарных наслоений. Ср. рассказ Никоновской летописи: «В лето 6500 (992). Ходи Володимер в Суздалскую землю, и тамо крести всех; бе же с Володимером два епископа Фотеа патриарха. И заложи тамо град в свое имя Володимер, на реце на Клязьме, и церковь в нем постави древяну Пречистыя Богородици, и наказуаше люди с епископы Фотея патриарха... И радовавшеся Володимер душею...» О поставлении во Владимир-на-Волыни епископа Стефана — в той же летописной статье, несколькими строками ниже (ПСРЛ. Т. 9. С. 64—65).

О. М. Рапов, некритически принимая известие Татищева о двукратном походе Владимира в Хорватскую землю (равно как и пока-

зания других позднейших источников, типа «Синопсиса» Иннокентия Гизеля), полагает, что первый поход Владимира имел миссионерские цели (историк датирует его 991 г.), а второй (в 992 г.) был вызван неким восстанием хорватов против власти киевского князя (см.: Рапов О. М. Русская церковь... С. 350—365). Автор привлекает также т. н. «Записку греческого топарха» — некие отрывки, написанные якобы греческим правителем (топархом) на пустых страницах византийского кодекса X в. не позднее самого начала XI в. («Записка» была опубликована в начале XIX в. немецким византинистом К. Б. Хазе; русский перевод: Литаврин Г. Г. «Записка греческого топарха» (Документ о русско-византийских отношениях в конце X в.) // Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.). М., 1957. С. 114—130. Речь в отрывках идет о путешествии и переправе топарха и его отряда через Днепр, о его военных действиях с какими-то «варварами» и о переговорах с неким могущественным правителем, «царствующим к северу от Дуная, сильным многочисленным войском и гордым боевою силою».) О. М. Рапов отождествляет могущественного правителя с князем Владимиром (вслед за Г. Г. Литавриным) и полагает, что в греческих отрывках идет речь о войне князя Владимира с восточнославянскими хорватами (последнее, как представляется, не соответствует показаниям греческого источника). Главное, однако, заключается в том, что последние исследования показали подложность «Записки греческого топарха»: вероятнее всего, она была сочинена самим издателем (см.: Ševčenko I. The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 117—188).

[6] Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes... Table 1. № 16; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. Генеалогич. табл. 1. № 3.

[7] Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 134.

[8] Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — перв. пол. XII в. С. 111. Перевод М. Б. Свердлова. (Другой вариант перевода: «угрожала» вместо «предстояла».)

[9] По мнению О. М. Рапова, сражение Владимира с печенегами произошло зимой: об этом якобы свидетельствует тот факт, что поединок между русским и печенежским богатырями (см. ниже) происходил «межи обема полкома» (в то время как войска стояли по разные стороны реки Трубеж), следовательно, на льду. (Русская церковь... С. 365, прим. 50.) Но это едва ли так. На мой взгляд, сам факт, что Владимир с войском стояли у *брода* через Трубеж, свидетельствует о том, что военные действия происходили летом или осенью.

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122—124.

[11] ПСРЛ. Т. 41. С. 41—42; Татищев. Т. 2. С. 65—66.

[12] Рыдзевская. С. 223—224.

[13] Там же. С. 75—76.

[14] Там же. С. 224—230.

[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122.

[16] См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 385—386.

[17] Там же. С. 386.

[18] Латиноязычные источники... С. 50 (перевод М. Б. Свердлова).

[19] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124—125.

[20] Татищев. Т. 2. С. 66.

[21] Там же. С. 66—68.

[22] Рыдзевская. С. 51, 64.

[23] См. Медынцева Г. Г. Белгород // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986. С. 314—319.
[24] Татищев. Т. 2. С. 68.
[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127—129.
[26] А. А. Шахматов, обосновывая позднее происхождение обоих сказаний, отмечал их отсутствие в Новгородской Первой летописи. См. также Повесть временных лет. Изд. 2-е. С. 465—467 (Комментарий Д. С. Лихачева)
[27] См., напр: Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 222—223.
[28] ПСРЛ. Т. 9. С. 64.
[29] Цитирую по: Латиноязычные источники... С. 49—51 (перевод М. Б. Свердлова). Полный перевод письма епископа Бруно см.: Оглоблин [Н. Н.] Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II. С. 1—15.
[30] См., напр.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 35.
[31] ПСРЛ. Т. 9. С. 58—59.
[32] Татищев. Т. 2. С. 69.
[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.
[34] Татищев. Т. 2. С. 64, 66; ПСРЛ. Т. 9. С. 64, 65, 68.
[35] Georgius Cedrenus, Ioannis Skylitzes. T. 2. Bonnae, 1839. P. 464.
[36] См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 382—383; Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат по военному делу // Византийский временник. Т. 7. Вып. 4. 1900. С. 658—659.
[37] ПСРЛ. Т. 9. С. 68.
[38] Малышевский И. И. Подложное письмо половца Ивана Смеры...
[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129—130.
[40] См.: Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М., 1948; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания.
[41] См.: ПСРЛ. Т. 9. С. 68; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 125—126.
[42] См.: Миллер Вс. Очерки русской народной словесности. Т. 2. С. 109 и след.
[43] См.: Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 11—51 (то же в: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318—352).
[44] Татищев. Т. 2. С. 69. Некритически принимает известие Никоновской летописи об этом походе и О. М. Рапов (Внешняя политика Владимира Великого после официального принятия Русью христианства // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти... В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1994. С. 35).
[45] Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 212.
[46] Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. С. 63. Следы использования народных преданий в этом памятнике прослеживаются также в описании князя Святослава (см. прим. 3 к главе 2). Об истории текста Похвального слова Владимиру см.: Молдован А. М. К истории составления

Троицкой минеи № 678 // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 42. М., 1981.

[47] Текст Саги о Тидреке Бернском в переводе на русский язык: Веселовский А. Н. Вильтины и русские в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 13. Кн. 1. СПб., 1906. С. 130—190.

Глава двенадцатая. Последние годы жизни. Смерть

[1] О Титмаре Мерзебургском, его «Хронике» и времени работы автора над нею см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. С. 131—132 и след.

[2] Там же. С. 139. Перевод А. В. Назаренко.

[3] Татищев. Т. 2. С. 70. Обратим внимание на то, что чешский и венгерский князья, согласно татищевскому известию, подчинены Болеславу. О польско-венгерских отношениях при Болеславе Храбром известно мало; кажется, Болеслав контролировал какие-то венгерские земли (см.: Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей Польши. М., 1961. С. 33). Что же касается чешского князя, то действительно, одно время на чешском престоле находились либо ставленники Болеслава Польского — его брат Владивой, а затем чешский князь Болеслав III, либо он сам. Но это было не в 1014-м, а в 1002—1004 гг. Позднее Чехия и Польша вели непримиримую борьбу друг с другом.

[4] В историографии, в том числе и в отечественной, также распространено мнение, согласно которому брак между Святополком и дочерью Болеслава Польского предшествовал войне 1013 г.; узнав о заключении своей дочери, зятя и епископа Рейнберна под стражу (см. ниже), Болеслав, по словам Титмара, «не переставал мстить, чем только мог», — этой местью и признается поход Болеслава на Русь в 1013 г. (см., напр., Королюк В. Д. Древнепольское государство. С. 157—158; он же. Западные славяне и Киевская Русь. С. 215—217; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 33 и др.). Однако сам Титмар, говоря о походе Болеслава на Русь, никак не связывал его с якобы предшествующим браком и арестом Святополка; упоминая же о мести Болеслава, он опять-таки не связывает ее с упомянутым походом 1013 г. (См.: Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XII в. // Исследования по истории славян и балканских народов. М., 1972. С. 150—151; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 169 (автор, однако, подчеркивает, что «позднюю» датировку брака Святополка нельзя считать доказанной). Во всяком случае, немецкий автор XII в., известный под именем «Саксонский анналист», использовавший в своем изложении «Хронику» Титмара Мерзебургского, понял своего предшественника совершенно однозначно: он определенно помещает брак Святополка и Болеславны между нападением Болеслава на Русь в 1013 г. и смертью Владимира. (Головко А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 21.)

[5] Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси... С. 42.

[6] Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 141.

[7] См.: Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X—XI вв. С. 96—114. О развитии форм родового княжеского знака Рюриковичей см.: Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв // Вспомогательные исторические дисциплины. XVI. Л., 1985.

[8] Сотникова М. П. Указ. соч. С. 193.

[9] О пребывании Святополка в Киеве или рядом с Киевом определенно сообщают «Повесть временных лет» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130), «Чтение о Борисе и Глебе» диакона Нестора (Бугославський С. 186) и Архангелогородский летописец (ПСРЛ. Т. 37. С. 25, 64). В целом, о соотнесении русских и иностранных свидетельств см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 174—175, прим. 66 (автор показывает, что сообщение Титмара не противоречит данным древнерусских источников, как это иногда представляется историкам).

[10] Бугославський. С. 185—186.

[11] Ioannis Dlugossii. Annales seu Chronicae incliti regni Poloniae. T. 1. Warszawa, 1964. P. 258; см. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные историки. С. 175.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

[13] ПСРЛ. Т. 41. С. 44.

[14] Там же. С. 45.

[15] Бугославський. С. 57.

[16] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

[17] Там же.

[18] Бугославський. С. 139.

[19] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 2. М., 1965 (Тверской летописец). Стб. 128. Ср. также: Бугославський. С. 59 («Сказание о Борисе и Глебе» в т. н. Северо-западно-русской редакции).

[20] Срезневский. С. 7.

[21] Рыдзевская. С. 90-91.

[22] Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 141.

[23] Новгородская Первая летопись... С. 175. (Также и в других летописях, восходящих к новгородской традиции.)

[24] Бугославський. С. 117.

[25] См. в Архангелогородском летописце: «...а бояре таиша Владимирово преставление того ради, дабы не дошла весть до окаянного Святополка...» (ПСРЛ. Т. 37. С. 64).

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135—136, 140-141.

[27] Там же. Стб. 130.

[28] Перевод диакона Андрея Юрченко. (Златоструй. С. 120—121.)

[29] Славнитский М. Канонизация св. Владимира и службы ему по памятникам XIII—XVII вв. // Странник. 1888. Июнь—июль. С. 225—233. См. также: Малышевский И. И. Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? // Труды Киевской Духовной академии. 1882. № 1. С. 52—64; Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. С. 442—466; Творогов О. В. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — перв. пол. XIV в.). Л., 1987. С. 108—109.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб 131.

[31] Срезневский. С. 6.

[32] Там же. С. 5.

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 131. Эта фраза не читалась в первоначальном тексте летописной похвалы: она отсутствует в «Слове о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» и противоречит последующим словам летописца о том, что «сего бо в память держат» русские люди.

[34] Впервые князь Владимир назван святым в Галицко-Волынской летописи под 1254 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821). Исследователи также обращают внимание на то, что волынский князь Владимир Василькович, родившийся в 1240 г., получил в крещении имя Иван (ПСРЛ.

Т. 2. Стб. 920), — следовательно, имя Владимир еще не было внесено в святцы (Vodoff V. Pourquoi le prince Volodimer Svjatoslavic n'a-t-il ete canonise // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13. 1988/1989. P. 446—466; Поппэ А. В. Становление почитания Владимира Великого // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 228—231). Однако этот аргумент нельзя считать бесспорным. Так, известно христианское имя князя Вячеслава Ярославича, родившегося в 1036 г. (Меркурий; см. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 16), хотя в древней Руси было известно о святом Вячеславе (Вацлаве) Чешском. По-видимому, и позднее имя Вячеслав оставалось преимущественно княжеским, а не христианским. Возможно, так же следует относиться и к имени Владимир (Владимирко), оставшемуся княжеским.

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что христианское имя Владимира Василий очень рано начинает восприниматься как княжеское имя (первый князь с этим именем, Василько Ростиславич, родился не позднее 1067 г.). Это имя, а также имена Роман и Давыд (христианские имена святых Бориса и Глеба), до конца XI в. остаются единственными христианскими именами русских князей, воспринимаемыми как княжеские имена. Возможно, это свидетельствует о христианском прославлении князя Владимира (Василия) Святославича. (В конце XI в. в качестве княжеских становятся известны также имена Юрий (Гюрги, Георгий) и Андрей — может быть, свидетельство христианского прославления Ярослава (Георгия) Владимировича и Всеволода (Андрея) Ярославича, деда и отца Владимира Мономаха?)

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479.

[36] Об обстоятельствах обнаружения предполагаемых саркофагов князя Владимира и княгини Анны см.: Каргер М. К. К вопросу о саркофагах князя Владимира и Анны // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Кн. 7. 1940. С. 76—80; он же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. С. 105—109.

Киевский митрополит Самуил Миславский, автор «Краткого исторического описания Киево-Печерской лавры», привел многочисленные подробности (кажется, недостоверные) этой находки. В частности, он указывал на то, что саркофаги, обнаруженные митрополитом Петром Могилой, были мраморными и что опознаны они были благодаря «положенным на них надписям». И то, и другое не соответствует саркофагам, найденным Н. Е. Ефимовым (см. ниже).

[37] В «Описи» Московского Успенского собора 1701 г. значится: «да в том же большом ковчеге великого князя Владимира Киевского часть мощей, исподняя кость с зубами; а под нею дска кипарисная» (Русская историческая библиотека. Т. 3. С. 660).

[38] См.: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2. С. 56, 439, прим. 169.

[39] Каргер М. К. Археологические исследования... С. 106—109.

[40] Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. Стб. 136, прим. 488. Тетрадка архимандрита Зосимы стала известна Н. М. Карамзину от протоиерея И. Леванды.

[41] Каргер М. К. Археологические исследования... С. 106—108.

[42] Каргер М. К. К вопросу о саркофагах князя Владимира и Анны; он же. Археологические исследования древнего Киева. С. 112—118.

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ

Месяца июля в 15 день. Память и похвала князю Рускому Володимиру, како крестися Володимир и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Иаковом мнихом.

Паул святыи апостол, церковныи учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею писание, глаголаше: «Чядо Тимофею, еже слыша о[т] мене многы послухы, тоже предаи же верным человеком, иже доволне будут и ины научити». И блаженыи апостол Лука еуангелист к Феофилу писаше, глаголя: «Понеже мнози начаша повести деяти о известных вещех, бывших в нас, изволися и мне, ходившю исперва и по всех, писати тебе, державныи Феофиле, да разумееши о них же начат Исус творити же и учити». К тому Феофилу написа Деания апостолская и Еуангелие святыи апостол Лука. Потом многых святых писати начаша житиа и мучениа. Тако же и аз, худыи мних Иаков, слышав от многых о благовернем князи Володимери всея Рускиа земля, о сыну Святославле, и мало събрав от многыя добродетели его, написах, и о сыну его, реку же святою славную мученика Бориса и Глеба, како просвети благодать Божиа сердце князю Рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву, и възлюбивыи[a] человеколюбивыи Бог, хотяи спасти всякого человека и в разум истинныи прити, и вжада святаго крещения. Яко же жадаеть елень на источникы водныа, тако вжада благоверныи князь Володимир святаго крещениа, и Бог сътвори хотение его; пишеть бо: «Волю боящихся его творить и молитву их услышит и спасеть я»; и сам рече Господь: «Просите и приимете, ищете и обрящете, толчете и отверзется вам, всяк просяи прииметь, ищаи обрящеть, толкущему отверзается»; и паки рече: «Иже веру иметь и крестится, и спасен будеть, а иже веры не имать, не крестится, уже осужен будеть». Взиска спасениа и прия о бабе своеи Олзе, како шедши к Царюгороду, и приала бяше святое крещение, и пожи добре пре[д] Богом, всими добрыми делы украсившися и почи с миром о Христе Исусе и в блазе

---

[a] *Так в рукописи. Следует читать:* възлюби и.

Текст памятников передается в упрощенной орфографии, с заменой вышедших из употребления букв. Полужирным шрифтом выделены киноварные заголовки

вере. То все слышав князь Володимер о бабе своеи Олзе, нареченеи в святем крещении Елена, тоя и жизни подража святыя царица Елены, блаженыа княгини Олги; то слышав князь Володимер, разгарашется Святым Духом сердце его, хотя святаго крещениа. Видя же Бог хотение сердца его. провидя доброту его, и призри с небесе милостью своею и щедротами и в Троици славимыи Бог Отець и Сын и Святыи Дух на князя Володимера, испытая сердца и утробы, Бог праведен, вся преже ведыи, и просвети сердце князю Рускыя земля Володимеру приати святое крещение.

Крести же ся сам князь Володимер, и чада своя, и всь дом свои святым крещением просвети и свободи всяку душю, мужеск пол и женеск, святаго ради крещения. И възрадовася и възвеселися о Бозе Давыдьскы князь же Володимир и акы святыи пророк дивныи Амбакум о Господе веселяся и радуася о Бозе Спасе своем. О блаженое время и день добрыи, исполнен всего блага, в он же крестися Володимер князь! И наречен бысть в святем крещении Василеи, и дар Божии осени его, благодать Святаго Духа освети сердце его, и навыче по заповеди Божии ходити и жити добре о Бозе и веру тверду удержа и неподвижиму. Крести же и всю землю Рускую от конца и до конца, и поганьскыя богы, паче же и бесы, Перуна и Хъроса и ины многы попра, и скруши идолы, и отверже всю безбожную лесть, и церковь созда каменну во имя Пресвятыа Богородица, прибежище и спасение душам верным, и десятину еи вда, тем попы набдети, и сироты, и вдовича, и нищая. И потом всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами, и отвержеся всея диаволя льсти, и приде от тмы диаволя на свет с чады своими, приде к Богу, крещение приим, и всю землю Рускую исторже из уст дьяволь и к Богу приведе, и к свету истинному. Рече бо Господь пророком: «Изводяи от нечестия нечестиваго, акы уста моа еси». И бысть князь Володимир акы уста Божиа и человекы от лести диаволя к Богу приведе. О колика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и архангели, и святых дуси взыграшася; сам рече Господь: «Колика радость бываеть на небесех о единем грешници кающимся». Толика бещисла душь по всеи земли Рускои приведены к Богу святым крещением. Похвалы всякыя дело то достоино створи и радости духовныя полно.

О блаженыи и треблаженыи княже Володимере, благоверне и христолюбиве и страннолюбче, мъзда твоа многа зело пред Богом! То же блаженыи Давыд глаголаше: «Блажен человек, его же ты накажеши, Господи, и от закона твоего научиши и, да укротиши и от днии лют». Блаженыи князь Володимер, уклонився от службы диаволя, и приде к Христу

Богу, Владыце своему, и люди своа приведе и научи я служити Богу; сам бо Господь рече: «Иже створить и научит, се велик наречется в царствии небеснем». А ты, о блаженыи княже Володимере, бысть апостол в князех, всю землю Рускую приведе к Богу святым крещением, и научи люди своя кланятися Богу, славити и пети Отца и Сына и Святаго Духа. И вси людие Рускыя земля познаша Бога тобою, божественыи княже Володимире. Възрадоваша же ся ангельстии чини, агнеце честнии; ныне радуются вернии и воспеша и въсхвалиша; акы младенци иевреистии с ветвьми устретоша Христа, вопиюще: «Осана Христу Богу, победителю смерти», тако и новоизбраннии людие Руския земля въсхвалиша Владыку Христа с Отцем и Святым Духом, и к Богу приближившеся крещением и диавола отврьгшеся, и службы его поругашася и поплеваша бесы и познаша Бога истиннаго, творца и съдетеля всеи твари, и поють по вся дни живота и на всяк час песнь чюдную, хвалу архангельскую: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». И ты, блаженыи княже Володимеру, подобно Костянтину великому створи. Яко же он верою великою и любовью Божиею подвихся, утверди всю вселеную любовию и верою, и святым крещением просвети весь мир, и закон Божии по всеи вселенеи заповеда, и раздруши храмы идольскыя с лжеименьными богы, и святыя же церкви по всеи вселенеи постави на хвалу Богу, в Троици славимому, Отцю и Сыну и Святому Духу, и крест обрете, всего мира спасение, с божественою и богомудрою матерью своею святою Оленою и с чады многы, приведе к Богу святым крещением бещисленое множество, и требища бесовьская потреби, и храмы идольскыа раздруши, и церквами украси всю вселеную и грады, и заповеда в церквах памяти святых творити пении и молитвами и празникы празновати на славу и на хвалу Богу: тако же и блаженыи князь Володимир створи с бабои своеи Олгои.

Похвала княгине Олги, како крестися и добре поживе по заповеди Господни.

Та бо блаженая княгине Руская Олга, по смерти мужа своего Игоря, князя Рускаго, освещена бывши Божиею благодатию и в сердци приимши Божию благодать. О како похвалю блаженую княгиню Олгу, братие? Не виде! Телом жена сущи, мужеску мудрость имеющи, просвещена Святым Духом, разумевши Бога истиннаго, творца небу и земли, въставши, иде в землю Гречьскую, в Цареград, идеже цари крестиании и крестьаньство утвердися, и пришедши, проси крещения, и примши святое крещение, възвратися в землю Рускую, в дом свои и к людем своим с радостию великою,

освещена духом и телом, несущи знамение честнаго креста. И потом требища бесовьская съкруши и нача жити о Христе Исусе. възлюбивши Бога всим сердцем и всею душею, и поиде въслед Господа Бога, всими добрыми делы осветившися и милостынею украшьшися, нагыя одевающи, жадныя напаяющи, и странныа покоивающи, и нищаа и вдовица и сироть вся милующи, и потребу дающи всяку с тихостию и любовью сердца, и молящи Бога день и нощь о спасении своем. И тако поживши и добре славящи Бога в Троици, Отца и Сына и Святаго Духа, почи в блазии вере, сконча житие свое с миром о Христе Исусе Господе нашем. И Бог прослави тело своеа си Олены, еи же имя в святем крещении наречено блаженыя княгини Олгы: и есть в гробе тело еа честное и нераздрушимое пребывае[ть] и до сих днии; Бог бо своя рабы славить, рече бо пророком: «Славящаа мя прославлю и укаряаи бещести будеть». Блаженая бо княгини Олга прослави Бога всими делы своими добрыми, и Бог прослави ю. И ино чюдо слышите о неи: в гробе, идеже лежить блаженое и честное тело блаженыа княгине Олгы, гроб камен мал в церкви Святыя Богородица, ту церковь създа блаженыи князь Володимер каменую в честь Святеи Богородици, и есть гроб блаженыа Олгы и на верху гроба оконце сътворено и ту да видети тело блаженыя Олгы лежаще цело; да иже с верою придеть, отворится оконче и видеть честное тело лежаще цело и дивяся чюду таковому, толико лет в гробе лежащю телу не раздрушимуся. И человеце же верньи, видевше чюдо толико, славять Бога, дивящеся милости Божии, юже имать на святых своих. О дивное и страшное чюдо, братие, и преславно! Достоино и похвалы всякоя тело то честное: в гробе цело, акы спя почивает. Поистине «дивен Бог в святых своих, Бог Израилев». То видя, верньи человеце прославят Бога, прославляющаго рабы своя. А другым, иже не с верою прихо[дя]ть, не отворится оконче гробное, и не видять тела того честнаго, но токмо гроб. Тако Бог прослави рабу свою Олгу, Рускую княгиню, нареченую в святем крещении Елена. По святем же крещении си блаженая княгини Олга живе лет 15 и угодив Богу добрыми делы своими, и успе месяца июля в 11 день в лето 6477-е *(969),* душу свою честную предавши в руце Владыце Христу Богу. Послушаите, възлюблении.

Блаженыи же князь Володимир, внук Олжин, крестився сам, и чада своя, и всю землю Рускую крести от конца и до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посече, и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады и честными иконами церкви украси, и памяти святых в церквах творяще пением и молитвами, и празноваше светло празникы Господьскыя, три трапезы поставляше: первую митрополиту с

епископы и с черноризце и с попы, вторую нищим и убогы[м], третьюю собе и бояром своим и всим мужем своим, подобяся царем святым блаженыи князь Володимир пророку Давыду, царю Езекею, и треблаженому Иосею, и великому Костянтину, иже избраша и изволиша Божии закон боле всего и послужиша Богу всим сердцем и получиша милость Божию и наследиша раи и приаша царство небесное и почиша с всеми святыми, угожьшими Богу. Тако же блаженыи князь Володимир послужив Богу всим сердцем и всею душею. Не дивимся, възлюбленеи, аще чюдес не творить по смерти, мнозе бо святии праведнеи не створиша чюдес, но святи суть. Рече бо негде о том святыи Иоанн Златоусты: «От чего познаем и разумеем свята человека, от чюдес ли, или от дел?» И рече: «От дел познати, а не от чюдес», много бо и влъсви чюдес створиша бесовьскым мечтанием, и бяху святеи апостоли и бяху лжии апостоли; беша святеи пророци и бяху лжии пророци, слугы диаволя; ино чюдо, и сам сотона преображается в ангел светел; но от дел разумети святаго, яко же апостол рече: «Плод духовныи есть любы, терпение, благоверие, благость, кротость и въздержание; на таковых несть закона». Блаженыи же князь Володимер всим сердцем и всею душею Бога возлюби и заповеди его взыска и схрани. И вся страны бояхуся его, и дары приношаху ему. И възвеселися и възрадовася о Бозе и о святем крещении и хваляше и славяше Бога о всем том князь Володимер и сице в радости смирением сердца глаголаше: «Господи Владыко благыи, помянул мя еси и привел мя еси на свет, и познах Тя, всея твари Творца. Слава Ти, Боже всех, Отче Господа Бога нашего Исуса Христа! Слава Ти с Сыном и Святым Духом, сице мя помиловав. Во тме бях, диаволу служаи и бесом, но Ты мя святым крещением просвети; акы зверь бях, многа зла творях в поганьстве и живях, акы скотина, но Ты мя укроти и наказа своею благодатью. Слава Ти, Боже, в Троици славимыи, Отче и Сыне и Святыи Душе, Троице Святая, помилуи мя, настави мя на путь Твои и научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой». Князь же Володимир поревнова святых мужь делу и житию их и възлюби Аврамово житие и подража страннолюбие его, Иаковлю истину, Моисеову кротость, Давыдово безлобие, Костянтина царя великаго, перваго царя крестианьскаго, того подражая правоверие. Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимер; иже немощнеи и стареи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то в двор им посылаше, немощным и старым всяку потребу блаженыи князь Володимир даяше; и не могу сказати многыя его милостыня: не токмо в дому своем милостыню творяше, но и по всему граду, не в

Киеви едином, но и по всеи земли Рускои и в градех, и в селех, везде милостыню творяше, нагыа одевая, алчьныя кормя и жадныа напаяа, странныа покояа милостью, церковникы честя и любя и милуя, подавая требование, нищая, и сироты, и вдовица, и слепыа, и хромыа, и трудоватыа вся милу[я], и одеваа, и накормя, и напаяа. Тако же пребывающу князю Володимеру в добрых делех, благодать Божиа просвещаше сердце его, и рука Господня помагаше ему; и побежаша вся врагы своа, и бояхутся его вси. Идеже идяше, одолеваше: радимице победи и дань на них положи, вятичи победи и дань на них положи на обоих, и ятьвягы взя, и сребреныа болгары победи, и на козары шед, победи а и дань на них положи. Умысли же и на греческыи град Корсунь и сице моляшеся князь Володимир Богу: «Господи Боже Владыко всех, сего у тебе прошю: даси ми град, да прииму и да приведу люди крестианы и попы на свою землю, и да научать люди закону крестианьскому». И послуша Бог молитвы его; и прия град Корсунь, и вся съсуды церковныа и иконы и мощи святаго священномученика Климента и иных святых. И в ты дни беаста царя два в Цариграде: Костянтин и Василеи. И посла к ним Володимир, прося у них сестры оженитися, да ся бы болма на крестианькыи закон направил. И даста ему сестру свою и дары многы присласта к нему и мощи святых даста ему; и положь и. Тако добре поживе благоверныи князь Володимир и сконча свое житие в правовернеи вере о Христе Исусе Господемь нашим и с благоверною Олгою; и та бо шедши Царюграду, приала бяше святое крещение и много створив добра в житии семь пред Богом, и сконча житие свое в добреи вере и почи с миром, в руце Божии душю предавши. И еще живу сущю Володимиру князю, рать бяше от печенег; Володимер же бяше болестью одержим, в тои же болезни предасть душю свою в руце Божии.

Молитва князя Володимера.

Володимир князь, отходя света сего, сице моляшеся, глаголя: «Господи Боже мои, не познал Тебя бях, но помиловал мя еси и святым крещением просветил мя еси, и познах Тя, Боже всех, святыи Творче всея твари, Отче Господа нашего Исуса Христа. Слава Ти [с] Сыном и Святым Духом! Владыко Боже, не помяни моеи злобы, не знал есмь Тебе в поганьстве, ныне же Тя знаю и виде; Господи Боже мои, помилуи мя. Аще мя хощеши казнити и мучити за грехы моя, казни сам мя, Господи, бесом не предаи же мене». И сице глаголя и моляся Богу, преда душю свою с миром ангелом Господним и успе. Праведных бо души в руку Божию суть, и мъзда им от Господа и строение им от Вышняго; того ради

приимуть венець красоты от руку Господню. По святем же крещении поживе блаженыи князь Володимир 28 лет. На другое ле[то] по крещении к порогом ходи, на третьее Корсунь город взя, на четвертое лето церковь камену Святыа Богородица заложи, а на пятое лето Переяславль заложи, в девятое лето десятину блаженыи христолюбивыи князь Володимир вда церкви Святеи Богородице и от имениа своего. О том бо и сам Господь рече: «Идеже есть скровище ваше, ту и сердце ваше будеть»; блаженыи князь Володимир имяше скровище свое на небесех, съкрыв милостынею и добрыми своими делы: тамо и сердце его бе в царствии небеснем. И Бог поможе ему, и седе в Киеве, на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя печенези убиша; а Ярополк седяше в Киеве на месте отца своего Святослава, и Олег идыи с вои, у Вруча града мост ся обломи с вои, и удавиша Олга в гребли, а Ярополка убиша в Киеве мужи Володимерове. И седе в Киеве князь Володимер в осмое лето по смерти отца своего Святослава, месяца июня в 11, в лето 6523 *(978)*. Крести же ся князь Володимир в 10-е лето по убьении брата своего Ярополка. Каашется и плакашется блаженыи князь Володимир всего того, елико створи в поганьстве, не зная Бога. Познав же Бога истиннаго, Творца небесе и земли, покаявся всего, и отвръжеся дьавола и бесов и всея службы его, и послужи Богу добрыми делы своими и милостынею. Успе с миром месяца июля в 15 день, в лето 6523 *(1015)* о Христе Исусе Господемь на[шимь].

Текст печатается по изданию: Срезневский В. И. Память и похвала князю Владимиру и его Житие по сп. 1494 г. // Записки Имп. Академии наук по ист.-филолог. отделению. Т. 1. № 6. СПб., 1897. С. 2—8.

ПРОЛОЖНОЕ ЖИТИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Проложное Житие князя Владимира издавалось неоднократно по различным спискам. Ниже печатается один из наиболее ранних и авторитетных списков Жития по пергаменному Прологу первой половины XIV в. (РГАДА. Ф. 381, № 173. Л. 162 об.—163 об.). Житие читается под 15 июля, днем памяти святого князя.

В тъ же день успение блаженаго князя Володимира, крестившаго[a] Рускую землю.

Сь бысть сын Святославль от племене варяжьска князь Володимир, пьрвое к идолом много тьщание творя по отчю преданию. Да егда Бог въсхоте собе избърати люди новы, въдъхну в сего благодать Святаго Духа. И възбну акы от сна

[a] *В рукописи без титла:* кртившаго.

от лютаго идолослужения, и посла по всем языком, испытая закон их, како верують, и уведев святую гречькую веру, яко свещю на светиле, и рече в собе: «Сице створю, поиду в землю их и пленю грады их и обрящю учителя». Да еже умысли, то и створи. Шед, взя Кърсунь и посла к цесарю грецкому, глаголя: «Даи за мя сестру свою, аще ли не даси, створю граду твоему яко и сему створих». Он же отвеща: «Несть сде таковаго обычая крестьяном даяти за поганыя. Аще ли ся крьстишь, то и се получиши, и вяще сего царство небесное». И рече Володимир: «Тако створю. Пришедъше от тебе с цесарицею крестять мя». И в то время въпал бяше Володимир в недуг лют обема очима. И рече послявши цесарица к нему: «Аще не крестишься, не избудеши болезни сея». Он же рече: «Крестите мя, ибо на то вы есмь призвал». И егда крестиша и, створися чюдо велие: въшедъшю бо ему в святую купель, и отвьрзостася ему очи, и // *(л.163)* бысть акы николи не имев недуга. Прозрев, похвали всех Бога и просвещен быв, радовашеся душею и теломь. И пришед Кыеву, изби вся идолы: Перуна, Хърса, Дажьбога и Мокошь и прочая вся кумиры. Посемь съзва все множьство людии и заповеда им креститися, нарек им день, рек: «Аще кто не обрящеться утро на реце, тъ будеть противьник мне». И сниде на Почаину реку всь въздраст мужь и жен и младеньци. Съвершении же стояху в воде, ови до пояса, инии до выя, а друзии бродяху, а прозвутери, по брегу стояще, молитвы глаголаху, яко над крестимыми. И оттоле наречеся место святое, идеже ныне цьркы есть Петрова, и тъ бысть пьрвыи ходатаи нашему спасению. Володимир же възрев на небо, помолися за крестьяны, глаголя: «Призри на новопросвещеныя люди сия и дажь им, Господи, уведети Тебе, истиньнаго Бога, утвьрди в них правую веру и мне помози, Господи, на супостатьныя врагы, да надеяся на Твою дьржаву, поперу кзни его». Повеле же людьм ставити церкви по всем градом, а сам създа церковь Святую Богородицю, удивив. Пребыв же неколико лет, нача болети и преставися к Богу месяца июля 15 день. Тело же его положиша в церкви Святыя Богородица, юже сам създа. И плакася его все множьство людии: бояре акы отца, люди акы заступника, сироты акы помощника, нищии и вдовице яко печалника и кърмителя.

Да како тя възможем по достоянию похвалити, створьшаго де//*(л.163 об.)*ло равьно апостолом. Хвалить убо Римьская земля Петра и Павла, Асья Иоана Богословьца, Егюпътьская Марка, Антиохииская Луку, а Грецкая Андрея. Вся же Русьская земля тебе, Володимире, яко Господня апостола, мольбными песньми память твою празднующе. Похвалныя веньца

приносим ти, глаголюще: Радуися, Володимире, приимыи венець от Вседьржителя Бога! Радуися, святая главо, вожю и учителю нашь, имьже избывъше от тьмы, свет познахом! Радуися, честьное древо самого рая, иже въздрасти нам святеи лесторасли святою мученику Бориса и Глеба, от нею же ныне сынове русьстии насыщаються, приемлюще недугом исцеление! Радуися, делателю веры Христовы, растьрзав лестьное тьрние и раздрушив, възорав крещениемь всю землю и насеяв святыми книгами, от них же жнють русьстии сынове полезныя рукояти покаянию и друзии уже ядять нескудную пищю в царствии небеснемь, ея же тряпезы сподобимъся и мы, недостоинии, кающеся о съгрешениих своих.

ПРОЛОЖНОЕ ЖИТИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ОСОБОГО СОСТАВА

Распространенная редакция Проложного жития князя Владимира издавалась лишь один раз по единственному известному тогда списку Торжественника XV в. Румянцевского собрания, № 435 (Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 2. Киев, 1888. С. 30—32). Ниже публикуется еще один, ранее неизвестный список этого произведения, находящийся в Соборнике XVI в.: РГБ. Ф.113 (Иос.-Вол.). № 652. Л. 422 об.—425 об. Он имеет важные отличия по сравнению со списком, изданным Соболевским, и в ряде случаев дает более исправный текст. Еще одно важное отличие: в нашем списке отсутствуют рассказ об освящении и украшении Десятинной церкви и молитва князя Владимира по завершении строительства храма (извлеченные, вероятно, из летописи), что сближает данный текст с его основным вероятным источником — обычным Проложным житием князя Владимира. Житие читается в рукописи под 15 июля, днем памяти святого князя.

В тои же день успение благовернаго великаго князя Владимера, нареченнаго в святем крещение Василья.

Сии Володимер князь, сын Святославль, от племени варяжьска, преже убо во идолы верова, по очию преданию. Егда же въсхоте Бог люди многи к себе привести, и вдохну в него Бог благодать Святаго Духа. Он же возбнув, яко от сна, от лютаго идолослужения, и посла во // *(л. 423)* вся языкы испытати закона, како верують, и уведа святую веру греческую, яко свещу на светиле, и рече: «Сице сътворю, поиду в землю их и пленю град их, и обрящю тамо учителя». Да еже умыслить, [a]то како творю[a]. И шед, взя Корсунь, князя и княгиню убии, а дщерь ею дасть за Жберну. И не распусти полков, но посла Ольга, воеводу своего, с Жьберном в Царь-

[a-a] *Так в рукописи. Следует читать*: тако и створи.

град ко царема, прошает за ся сестры их. Царие же реша ему: «Аще крестишися, то не се едино получиши, но и царьство приимеши, с нами единоверник будеши». Он же рече: «Аще дасть за мя сестру свою, то и аз крещюся. Аще ли не дасте, то створю граду вашему, яко и сему створих». Они же убоящася страхом, по//*(л. 423 об.)*имше потриарха и сестру свою, и вшедше в церковь Святыя Богородица, и поклонишася, глаголющи сице: «Госпожа Святая Богородица, яко тобою познахом истиннаго Бога, воплощшагося и рожьшагося ис тебе, не даи же, Госпоже, осквернити рабы своя поганому сему, но приведи его во крещение, да и ти познають Сына Бога твоего». И се рекши, отпустиша ю с кресты, и с епископы, и с попы, и с крилосом, и проводиша в Корсунь.

В то же время Владимер очима боляше, и посла к нему царица, глаголющи: «Царю Владимере! Аще не крестишься, то не избудеши болезни сея». Он же рече: «Крестите мя, ибо на то вы есмы призвал». Егда же крестишася, и створи чюдо велие: вшедшю же ему в святую купель, отверзошася ему очи, и бысть яко нико//*(л. 424)*лиже не болел. И похвали всех Бога, и просвещен бысть, радовашеся душею и телом. И пришед в Киев, и изби вся идолы: и Перуна, Хърса, Дажьбога, Мокошь и прочая вся идолы. Посем заповеда всем людем крестися и рече им: «Аще кто не обрящется утре на реце, тои будеть мне противник». И заутра приидоша на Почаину реку вси мужи и жены и дети, свершении же в воде стояху, овии до пояса, а друзии до выя, а инии бродяху, а прозвитери по брегу стояща молитвы глаголаху, и та крестиша множество людии. Оттоле нарече святое место, идеже есть церкви Петрова. Сии же блаженныи Владимер первыи бысть наставник нашему спасению. Въздев руце на небо и помолися Богу за вся люди своя, глаголя: «Господи, Царю небесныи, и призри, Господи, на *//(л.424 об.)* новокрещение люди сия и даи же им, Господи, увидети Тебе, истиннаго Бога, утверди в них правоверную сию веру, и мне помози, Господи, на противныя врагы, да надеюся на Твою силу и помощь и попру вся козни их». Повеле же людем ставити церкви по всем градом и селом, а сам созда церковь Святую Богородицю Десятинную. Пожив же лет 28 и преставися к Богу месяца июля 15 день, и положиша тела его в церкви Святыя Богородица, юже сам созда. И плакася его множество бояр и людии: бояре аки оца, людие аки заступника, сироты и вдовици аки помощника и кормителя. Да како тя можем по достоянию похвалити, сътворшаго равно апостолом! Хвалити убо Римъская[6] земля Петра и Павла, а

[6] *В рукописи ошибочно:* Миръская.

Асииская Ивана Богослова, а Егу//*(л. 425)*петьская Марка, а Онтиохииская Луку, а Греческая Андрея, вся же земля Руская тобе, Владимере, я[ко][в] Божия апостола, молебными песньми память твою празнующе. Похвалныя венца принесем ти, глаголюще: Радуися, Владимере, приими венець от Вседержителя Бога! Радуися, святая глава, вожю и учителю нашь, тобою бо мы избывше тмы и свет познахом! Радуися, красное древо святаго рая, [и]же[г] възрасти нам честнеи леторасли святую мученику Бориса и Глеба, от нею же ныне рустии сынове насыщаются, приемлюще недугом исцеление. Радуися, делателю веры Христовы, растерзав лестъное терние, взорав крещением всю землю и насеяв книгами, от них же жнуть рустии сынове полезныя рукояти покоянию, // (*л.425 об.*) а друзии ядять неоскудную пищю в царствии небесном, ея же трапезы сподобимся и мы, недостоини, кающеся грехов своих. Ему же слава.

ПРОЛОЖНОЕ СКАЗАНИЕ ОБ ОСВЯЩЕНИИ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

Проложное сказание об освящении церкви Пресвятой Богородицы до сих пор не издано (если не считать крайне неудовлетворительного издания О. М. Бодянского «Об одном прологе Московской духовной типографии...» // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 2. С. 22). Оно известно в огромном количестве списков, прежде всего в Прологах, в которых читается под 12 мая. Ниже печатается текст Проложного сказания в двух разновидностях (редакциях) по пергаменным Прологам первой половины XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива древних актов: РГАДА. Ф. 381. № 179. Л. 97; № 173. Л. 89 об.—90.

Первая редакция

В ть же день священие церкве Святыя Богородица, юже созда благоверныи князь Володимир, иже святымь крещениемь просвети всю землю Русьскую.

И видев цьрковь съвьршену, и въшьд в ню, помолися: «Господи Боже, призри с небесе, и посети винограда своего, и съвьрши иже насади десница Твоя новыя люди, им же обратил еси сердца в разум познати Тя, истиннаго Бога, и призри на церковь сию, юже создах недостоиныи раб Твои в имя рожьшая Тя Матере приснодевыя Богородица. И аще кто помолится в неи, услыши молитву его и отпусти грехы его молитвы ради Пречистыя Богородица». И помольса, рече:

[в] *В рукописи:* я.
[г] *В рукописи:* же.

«Се даю Святеи Богородици цьркви сеи от имения моего и от град моих десятую часть». И тако съвьши праздник боголепьн в лето 6504-е *(996)*.

РГАДА. Ф. 381. № 179. Л. 97

Вторая редакция

В тъ же день священие церкви Пресвятыя Богородица, юже създа благоверныи князь Василии, зовомыи Володимир, пьрвыи князь земля Русьскыя, иже обнови Божиею помощию крещениемь.

И видев цьрковь свершену, и вшед в ню, помолися:

«Господи Боже, призри с небесе, и посети винограда своего, и свьрши иже насади десница Твоя новыя люди, им же обратил еси сердца в разум познати Тя, Бога истиньнаго, и прѷзри на церковь свое, юже създах не//*(л. 90)*достоиныи раб Твои в имя рожьшая Тя Матере приснодевыя Богородица. И аще кто помолиться в церкви сеи, то услыши молитву его и отпусти грехы его молитвы ради Пресвятыя Богородица». И помолившюся ему, рек сице: «Се даю Святои Богородици церкви сеи от имения моего и от град моих десятую часть». И тако свьрши праздник благолепьн в лето 6504 *(996)*.

РГАДА. Ф. 381. № 173. Л. 89 об.—90.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Начало 60-х гг. X в. (около 962) — рождение.

965 — хазарский поход Святослава.

968, август — первый балканский поход Святослава.

969, весна — осада Киева печенегами. Первое упоминание Владимира в летописи.

11 июля — смерть Ольги.

Конец лета — осень — начало новгородского княжения Владимира. Второй балканский поход Святослава.

972, начало весны — смерть Святослава.

*975** — начало вражды между Ярополком и Олегом Святославичами.

*977** — древлянская война. Гибель Олега.

Бегство Владимира из Новгорода. Первая женитьба Владимира (?).

Конец 977 — начало 978 — возвращение Владимира с варягами в Новгород.

*978**, весна(?)* — поход на Полоцк. Женитьба на Рогнеде. Война с Ярополком.

Начало лета — осада Киева.

11 июня — Владимир вступает в Киев.

Июнь—июль — убийство Ярополка.

*979**** — червенский поход. Война с Польшей.

*980** — языческая реформа Владимира.

*981—982** — война с вятичами.

983, весна—лето* — ятвяжский поход.

12 июля — убийство варягов-христиан в Киеве.

*984** — поход на радимичей.

*985** — война с Волжской Болгарией.

985 (?) — хазарский поход. Присоединение Тьмуторокани.

986, лето (?) — начало переговоров с Византией относительно женитьбы Владимира на Анне.

*987 (или начало 988) (?)***** — крещение в Киеве. Оказание военной помощи Византии.

988, лето (?) — поход к днепровским порогам.

Конец лета — осень — корсунский поход.

*989, весна—лето***** — взятие Корсуни. Женитьба Владимира на Анне. Крещение части дружины.

Лето — начало осени — возвращение в Киев. Начало Крещения Руси.

---

* Дата «Повести временных лет». Другими источниками не проверяется.

** «Повесть временных лет» относит эти события к 980 г.

*** «Повесть временных лет» датирует поход 981 г.

**** «Повесть временных лет» датирует эти события 988/989 г.

Начало русско-печенежских войн.

991 — начало строительства Киевской Десятинной церкви.

992 — хорватский поход Владимира.

Нашествие печенегов. Сражение у Переяславля*.

996, 12 мая — освящение Киевской Десятинной церкви.

Установление церковной десятины.

6 августа — сражение с печенегами у Василева*.

Судебная реформа Владимира*.

997 — поход к Новгороду.

Конец весны — лето — война с ярлом Эйриком.

Осада печенегами Белгорода.

Около 999 (?) — перенесение мощей княгини Ольги в Десятинную церковь.

1000 — смерть Рогнеды.

1001 — смерть сына Изяслава.

1007 — перенесение святых (Климента и Фива?) в Десятинную церковь.

1007 или 1008, начало зимы — посещение Киева епископом Бруно Кверфуртским. Установление русско-печенежского мира.

1010 (?) ** — смерть старшего сына Вышеслава.

1011 — смерть Анны.

1013 — вторжение польско-печенежской коалиции на Русь.

Мир с Болеславом.

1014 — раскрытие «заговора Святополка» ***.

Начало мятежа Ярослава Новгородского.

1015, *конец весны — лето* — вторжение печенегов.

15 июля — смерть Владимира.

---

* Дата «Повести временных лет». Другими источниками не проверяется.

** Дата В. Н. Татищева. Согласно Степенной книге — ранее 1000 г.

*** Возможно, ранее 1013 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аарон, болг. 192, 193, 218
Абрамович Д. И. 386, 409, 413
Абу-л-Махасин 391
Абу-Шоджа (Шуджа) ал-Рудравери 188, 197, 209, 211, 220, 288, 391, 394, 399
Аввакум, библ. 422
Авраам, библ. 166, 425
Авраам, сын Мар Симхи 167, 387
Авраамий Ростовский, св. 272, 274
Агапий, патр. Александрийский 394
Адальберт, еп. Пражский, св. 328, 331, 344
Адальберт Трирский, еп. Магдебургский 30, 31, 76, 169, 171, 328
Адам, библ. 177
Адемар Шабаннский 76, 173, 376
Адиль, жена Владимира, вымышл. 120
Адуд (Азуд) ал-доула Фенна Хосров 189, 190, 194
Азбелев С. Н. 399
Айналов Д. В. 411
Акун (Якун), племянник Игоря Старого 371
ал-Азиз, Фатимид 196
ал-Айни 391
ал-Ауфи 159, 160
Александр, русский кн. (?) 378
Александр Ярославич Невский, св. 361
Александр (Алеша) Попович 314, 337, 338, 417
Алексей Комнин, имп. 262
Аллогия (Аурлогья) жена Владимира (?) 69—71, 171
Алмазов А. 402
ал-Макин 208, 394, 395
ал-Мамун Ибн-Мухаммед, хорезмшах 137, 139, 140, 159, 385
ал-Мукаддаси 373, 384, 385
ал-Муктади, халиф 197
Амалы, готская династия 366
Анастас Корсунянин 182, 226, 230—232, 237, 247, 267, 270, 283, 294, 388, 400, 413
Андрей, апостол 52, 245, 428, 431
Андрей Юрьевич Боголюбский, св. 272, 333
Андреян «скопец» 298
Андрих (Чешский) — см. Олдржих
Андрих Добрянков 339
Андроник Палеолог 262
Анемас, сын критского эмира 62
Аничков Е. В. 381
Анна, дочь имп. Феофила 401
Анна, дочь имп. Льва VI 401
Анна, дочь имп. Константина VII 401
Анна, «царица», жена Владимира 117, 119, 120, 183, 188, 199—201, 216, 218—220, 222, 224, 234—237, 239—241, 244, 245, 248—251, 257, 284, 287—289, 286, 335, 336, 343, 355, 358, 362, 363, 370, 382, 392, 398—401, 420, 433, 434
Анна, жена Ярослава Владимировича, св. 352
Антоний Печерский, св. 278
Аристакэс Ластивертци 191, 391
Арнольд, граф Фландрский 392
Арранц М. 392, 397, 402, 405
Арриньон Ж.-П. 402
Арсений Могилянский, митр. Киевский 362
Артамонов М. И. 372, 384
Артынов А. Я. 408
Арутюнова-Фиданян В. А. 391
Аскольд 52, 152, 153
Асмуд 28
Асохик (Степанос Таронский) 188, 203, 204, 209, 210, 217—219, 222, 262, 391, 392, 394, 396, 397, 399
Астахова А. М. 399
Аттила 26, 341, 342
Аумлунги, остготский род 341
Аун, конунг 144
Афанасий, учитель славян (ошибочно вместо Мефодия?) 386

Балид (Балду), рус (?) 164
Бандурий А. 386
Барац Г. М. 366
Барди, сын Гудмунда, исл. 325

В Указатель включены имена всех действующих в книге лиц за исключением самого князя Владимира Святославича, а также имен, упомянутых в названиях литературных сочинений и посвящениях церквей.

Бартольд В. В. 372, 373, 387
Баумгартен Н. А. 364, 377, 378, 394, 416
Бейлис В. М. 373
Бела, венг. 288
Беляев С. А. 224, 234, 244, 399, 400, 402—404
Бенедикт VIII, папа 176
Бернхард, маркграф Саксонский 311
Бертье-Делагард А. Л. 225, 229, 399, 400
Бестужев-Рюмин К. Н. 364, 378
Блуд 50, 88, 95—99, 378, 380
Богданова Н. М. 394—397
Богомил-Соловей, вымышл. 267, 268
Богусевич В. А. 405
Бодянский О. М. 410, 411, 431
Болеслав I Великий, польск. 99, 117, 120, 124, 127, 173, 230, 289, 307, 311, 312, 328, 331, 332, 334, 343—348, 350, 351, 354, 418, 434
Болеслав II, чеш. 78, 125, 127, 378, 379
Болеслав III, чеш. 418
Бонифаций, св. — см. Бруно
Борис Владимирович, св. 119, 120, 256, 271, 272, 285, 296, 304, 307, 349, 350, 354—358, 369, 370, 404, 413, 414, 421, 429, 431
Борис, болг. 59, 60, 65, 192, 217
Боровский Я. Е. 381
Бравлин 30, 238—240
Бруно (Бонифаций) Кверфуртский, св. 76, 77, 173, 320, 321, 327—332, 34, 345, 376, 377, 417, 434
Брячислав Изяславич 305, 336, 356
Бугославский С. А. 364, 379, 384, 390, 391, 404, 410, 413, 414, 419
Буды 99
Бучек К. 383
Бьёрн, исл. 316—318

Варда Склир — см. Склиры
Варда Фока — см. Фоки
Варяжко 95, 97—99, 122, 129, 308
Василий Великий, св. 206, 281
Василий I Македонянин 152, 386, 407
Василий II Болгаробойца 38, 56, 57, 63, 105, 180—182, 188—199, 201—204, 206, 208—214, 216—222, 224, 234, 235, 237, 257, 262, 263, 335, 386, 390, 392, 397—399, 426
Василий, паракимомен 188, 191—193
Васильев М. А. 381, 404
Васильевский В. Г. 215, 238, 364, 391, 394, 395, 401
Василько Владимирович, сын Владимира (ошибочно?) 120, 382
Василько Романович, кн. Галицкий 383
Василько Ростиславич, кн. Теребовльский 420
Велиханова Н. 386
Вельфы 377
Верещагин Е. М. 393
Вернадский Г. В. 406
Веселовский А. Н. 418
Виперт, спутник Бруно-Бонифация 376
Виссавальд 306, 414 (см. также Всеволод Владимирович)
Владивой, сын Мешка I 418
Владимир Василькович, кн. Галицкий 419
Владимир Всеволодович Мономах 92, 127, 129, 130, 227, 267, 271, 303, 333, 337, 338, 383, 420
Владимир Ярославич Новгородский, св. 54, 371
Влодарский Б. 384
Водов В. 364, 376, 397, 420
Волк 56
Волков В. 364
Володарь, «изменник» 337, 338
Володарь Ростиславич 337
Володислав, князь (?) 371
Волчий Хвост 135, 357
Вольга Всеславич, былин. 78
Воробей, сын Стоянов, вымышл. 268, 269
Воронин Н. Н. 409
«Враг» Колгович (Ольгович ?) 83
Всеволод Владимирович, кн. Владимиро-Волынский 117, 128, 304, 306, 414
Всеволод Мстиславич, кн. Новгородский 263
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо 135, 338
Всеволод Ярославич, кн. Киевский 359, 420
Всеслав Изяславич, внук Владимира 284, 305, 336, 412, 414
Вышеслав Владимирович 85, 117, 119, 304, 306, 350, 351, 434
Вятко 122
Вячеслав (Вацлав), св. 420

Вячеслав Ярославич, кн. Смоленский 420

Галл Аноним 418
Гальковский Н. М. 385
Гаральд Синезубый 125
Гардизи 159
Гаркави А. Я. 387
Гельмольд 144, 295, 385
Генрих II, имп. Германский 76, 327, 328, 331, 344, 345, 377, 417
Генрих Баварский 125
Георгий Амартол 238
Георгий I, груз. 191, 209
Герберштейн Сигизмунд 403
Геродот 403
Гильфердинг А. Ф. 400, 403
Глазырина Г. В. 375, 380
Глеб, брат Святослава (?) 66, 371
Глеб Владимирович, св. 119, 120, 129, 256, 271, 272, 285, 304, 350, 355, 357, 358, 370, 404, 421, 429, 431
Глеб Володьевич, былин. 227, 233, 399
Глеб Святославич, кн. Новгородский 227, 270
Голб Н. 373, 387
Головко А. Б. 383, 418
Голубинский Е. Е. 208, 364, 376, 379, 384, 386, 391, 394, 402, 406, 410
Горюнков С. В. 366
Греков Б. Д. 364, 384, 399, 400
Григорий, священник кн. Ольги 154
Григорий, «творец канонам» 360, 419
Грушевский Н. М. 364
Гуго Капет 392
Гумилев Л. Н. 372
Гупало К. Н. 387, 404

Давид, библ. 290, 361, 422, 425
Давид, болг. 192
Давид, куропалат Таикский 210
Давид, хазар. 167
Давыд Рогволодович (?) 92
Давыд, кн. Ятвяжский (?) 380
Даниил, библ. 291
Даниил Романович, кн. Галицкий 383
Даниил, игумен (автор «Хожения») 409
Даниил, митр. Московский 376
Даррузес Ж. 406
Дельфинас Калокир 195, 210
Джаксон Т. Н. 375, 376, 414
Дженкинс Р. 391
Димитрий Солунский, св. 215
Дир 52, 153
Дитрих, маркграф Саксонский 126, 311
Длугош Ян 117, 349, 366, 378, 382, 383, 419
Дмитриева Р. П. 371
Добравка, жена Мешка I 125
Добродомов И. Г. 384
Добрыня 13—17, 19, 51, 52, 54, 55, 84, 89, 91—96, 98, 104, 110, 134, 138, 225, 267—270, 304, 365
Долгорукова Нектария Борисовна 363
Дунай Иванович, былин. 231, 233, 249

Евгений (Болховитинов), митр. 407
Евдокия, дочь Константина VIII 219, 392
Евстафий Мстиславич359
Евфимий II, архиеп. Новгородский 401
Езекия, библ. 361, 425
Елена, мать имп. Константина Великого, св. 29, 423
Еловит 349
Ефимов Н. Е. 362, 420

Жданов Р. В. 391, 399, 401
Ждберн (Жьберн, Ижьберн) 227, 228, 231—234, 429
Жеротины, моравский род 83

Завитневич В. З. 364, 401
Закревский Н. 405
Захария, еп. Валаршакертский 191
Захария Копыстенский 407
Заходер Б. Н. 387
Земомысл, польск. (легенд.) 378
Зимин А. А. 364, 403, 413, 420
Зонара 286
Зосима, архиеп. Киево-Печерский 363, 420
Зоя, имп. 201, 219, 392

Иаков, библ. 166, 425
Иаков мних 5, 81, 87, 88, 97, 135, 139, 185, 222, 223, 284, 290, 295, 337, 356, 360, 361, 365, 378, 406, 410, 411, 415, 421
Ибн ал-Атир 188, 197, 208, 220, 288, 372, 390, 394
Ибн Мискавейх 159, 372

Ибн Русте 159
Ибн Фадлан 44, 158, 374, 386
Ибн Хаукаль 36, 372, 373
Ибн Хордадбех 153, 386
Ибн Якуб 124
Ивакин Т. Ю. 403
Иван Смера, вымышл. 335, 364, 417
Иванов В. В. 381
Иванов С. А. 373, 375, 391
Игнатий, патр. Константинопольский 151, 152
Игорь Старый 14—16, 19, 22, 28—30, 32, 35, 38, 43, 51, 52, 62, 74, 78, 79, 83, 107, 121, 122, 154, 249, 257, 280, 366—368, 370, 371, 374, 378, 421, 423, 427
Игорь, племянник Игоря Старого 371
Иезекииль, библ. 167, 209
Изяслав Владимирович, кн. Полоцкий 117, 118, 284, 287, 304—306, 336, 350, 351, 412, 434
Изяслав Мстиславич, кн. Киевский 399
Изяслав Ярославич, кн. Киевский 359, 363
Икмор 61, 62
Иларион, митр. Киевский 5, 186, 187, 207, 257, 278—281, 285, 288, 291, 294, 359, 360, 404, 410
Иларион, еп. Ростовский 271, 272, 408
Илдея, печенеж. 77
Илья Муромец, былин. 129, 301
Илья Ярославич 352
Иннокентий Гизель 254, 416
Иоаким Корсунянин, еп. Новгородский 67, 225, 267, 269—271
Иоанн Богослов, апостол 272, 329, 428, 431
Иоанн Златоуст, св. 360, 425
Иоанн Цимисхий 57—65, 180, 188—190, 192, 194, 195, 201, 213, 214, 316, 375
Иоанн Комнин 288
Иоанн Геометр 194
Иоанн Варяг, св. 146, 147, 150
Иоанн I, митр Киевский 264, 300, 407
Иоанн II, митр Киевский 276, 294, 297, 410, 413
Иоанн, еп. немецкий 144
Ирина (Ингигерд), жена Ярослава Владимировича 71, 352
Исаак, библ. 166
Исаевич Я. Д. 382
Исаия, библ. 279

Йазид 158

Казимир I Восстановитель, польск. 382
Калинина Т. М. 372, 373
Калокир, патрикий 38, 40, 42, 60
Кальдимар (?) 317, 318
Каплюша Малец, вымышл. 365
Карамзин Н. М. 363, 364, 420
Каргер М. К. 385, 405, 411, 420
Карл Великий 26
Карпов А. Ю. 373, 377, 389, 402
Карташев А. В. 364, 407, 413
Кедрин Георгий 386, 417
Кезма Т. 391
Кий 41, 106
Килиевич С. Р. 381
Киннам Иоанн 412
Киприан, митр. Московский, св. 401
Кирик, св. 355, 361
Кирилл, св. — см. Константин (Кирилл) Философ
Кирилл, собеседник Владимира (?) 175
Кирилл Кожемяка, сказоч. 315
Кистерев С. Н. 409
Клеркон, эст 69, 70
Климент Римский, св. 246—248, 283, 336, 411, 426, 434
Клосс Б. М. 376
Ключевский В. О. 67, 339, 375, 409, 417
Ковалевский А. П. 374
Кожинов В. В. 372
Козьма Индикоплов 381
Колесов В. В. 385
Коменский Ян Амос 378
Комеч А. И. 411
Коновалова И. Г. 386
Константин Великий, св. 29, 200, 202, 358, 360, 361, 423, 425
Константин VII Багрянородный 29, 43, 44, 64, 122, 152, 200—202, 220, 237, 368, 374, 375, 386, 392, 401
Константин VIII, имп. 38, 56, 57, 63, 105, 180—182, 188—190, 197, 201, 203, 210, 213, 216, 219, 221, 234, 237, 257, 263, 335, 392, 397, 426
Константин (Кирилл) Философ, св. 153, 155, 156, 172, 175, 179, 206, 244, 246, 386

Константин Муромский, св. 275, 409
Константин Всеволодович, кн. Ростовский 338
Константин Добрынич 304
Копанев А. И. 408
Копыленко М. М. 373, 375, 394, 396
Королюк В. Д. 382, 418
Костомаров Н. И. 364
Крымский А. 391
Кузьмин А. Г. 364, 379, 381, 384, 388, 390, 391, 393, 406, 410, 417
Кукша, св. 273
Кулаковский Ю. А. 417
Куно (Конрад), граф Эннинген 289, 377, 378, 382
Купранис А. 407
Куркуас Иоанн 61
Куря, печенеж. 66
Кучкин В. А. 383, 408
Кучюг, печенеж. 327

Лавров П. А. 402
Ламперт Херсфельдский 73, 74, 376
Лебедев Г. С. 105, 375
Лев VI Мудрый, имп. 401
Лев Диакон 25, 40, 41, 56, 57, 61, 64, 213—216, 368, 373—375, 391, 394—397, 401, 403
Леванда И. 420
Левченко М. В. 386, 391, 394, 395, 412, 417
Леон (Леонт), митр. Киевский (?) 262—264, 270, 271, 298, 339, 406, 407
Леон (Лев), митр. Переяславский 407
Леон Девгеневич, царевич 338
Леонтий, еп. Ростовский, св. 272
Лешко Белый, польск. 383
Лжеанна 204, 222
Лимонов Ю. А. 408
Линниченко И. А. 382, 383
Лисовой Н. Н. 366, 411
Литаврин Г. Г. 371, 374, 375, 392, 409, 416
Лиутпранд, еп. Кремонский 201, 374, 392
Лихачев Д. С. 364, 372, 400, 401, 410, 413, 417
Лохвицкий К. 363
Лука, евангелист 290, 421, 428, 431
Лысенко П. Ф. 380
Львов А. С. 388
Любарский Я. Н. 386, 391
Людовик III Слепой, кор. Провансский 401
Лют, сын Свенельда 15, 79—81, 366
Ляшко 349

Мавродин В. В. 364, 364, 376, 380, 384
Маймун бен Ахмад, эмир Дербенда 163, 164
*Макаренко М.*365
Макарий (Булгаков), митр. 364, 385, 410, 412, 420
Максимов С. В. 417
Мал Древлянский 14, 15, 366
Малвред Сильный, вымышл. 339
Малеин А. И. 403
Малуша 11—16, 18, 71, 91, 365, 369
Малфред (?) 339, 365,
Малфредь 120, 336, 339, 365
Малък Любечанин 13—15, 366
Малышевский И. И. 364, 365, 402, 417, 419
Мальфрид, вымышл. 120
Мануил Комнин, имп. 288
Марвази Шараф аз-Заман Тахир 159, 160, 309, 387
Маринка, дочь Кайдаловна, былин. 233
Мария-Добронега Владимировна 120, 287, 382
Марк, евангелист 428, 431
Марк Македонянин 332
Марков А. В. 385, 400
Масуди 159
Матвей Эдесский 193
Матфей, евангелист 279, 290, 292, 295, 387
Медынцева Г. Г. 417
Мелиссин Лев 192, 195, 210
Мельникова Е. А. 371, 375
Метигай, печенеж. 228, 249, 327
Мефодий, св. 153, 155, 156, 172, 206, 386
Мешко I, польск. 125—127, 131, 311, 378, 383, 384
Миллер Вс. 417
Мильков В. В. 410
Минорский В. Ф. 387
Минь Ж.-П. 374
Мистиша Свенельдич 80, 366
Михаил III, имп. 152
Михаил Синкелл 407
Михаил, митр. Киевский (?), св. 262—264, 267, 270, 271, 334, 406, 407
Могут, разбойник 301

Моисей, библ. 295, 425
Моисей, болг. 192
Молдован А. М. 391, 417
Молчанов А. А. 418
Мохаммед Кятиб 159, 160
Мстислав Владимирович Тьмутороканский 84, 117, 120, 140, 256, 304, 315, 317, 335, 358, 359, 381, 404
Мстислав (2-й?) Владимирович 120, 381, 382
Мстислав Изяславич, кн. Киевский 399
Мстислава (?) Владимировна 117
Муса ат-Тузи, гилянец 163—165
Мухаммед бен Ахмад, ширваншах 163, 164
Мюллер Л. 364, 397, 406
Мюнежжим-баши 163

Навуходоносор, библ. 291
Назаренко А. В. 364, 370, 371, 376—379, 382—385, 387, 388, 390, 403, 406, 411, 412, 416, 418, 419
Насонов А. Н. 371, 408
Недошивина Н. Г. 409
Неофит, еп. Черниговский 271
Нестор, св. 5, 186, 251, 252, 264, 279, 349, 350, 355, 391, 413, 414, 419
Нетимер, кн. прусский (?) 376
Никита, еп. Белгородский 271
Никита Кожемяка, сказоч. 315
Никифор Каллист 203, 219, 406
Никифор Ураник — см. Ураник
Никифор Фока 38—42, 56—59, 188—190, 194, 196, 198, 201, 213, 224, 227
Никола «комит», болг. 192
Николай II Хрисоверг, патр. Константинопольский 180, 201
Никольский Н. К. 364, 388, 389, 393, 402, 405, 410, 413, 419
Никон, патр. Московский 256
Нискиня, кн. древлянский (?) 366
Новосельцев А. П. 367, 372, 373, 387
Ной, библ. 177
Носов Е. Н. 374, 375

Оболенский Д. Д. 395, 397—399, 402
Оболенский М. А. 403
Оглоблин Н. Н. 377, 417
Ода, жена Мешка I 126, 131, 311
Ода Штаденская, жена кн. Святослава Ярославича 378
Одд Снорасон, исл. 375
Олав Трюггвассон 68—72, 79, 84, 151, 171, 172, 323, 375, 376
Олав Шётконунг 352
Олава, варяжка (?), жена Владимира, вымышл. 85
Олеарий Адам 110, 254, 381
Олег Вещий 15, 16, 19, 22, 27, 28, 32, 52, 86, 107, 122, 123, 310, 368, 378
Олег Святославич, брат Владимира 16—19, 43, 44, 50—52, 73, 77—83, 86, 120, 353, 367, 378, 427, 433
Олег Святославич, сын Святослава Ярославича 373, 383
Олег, кн. (?), воевода Владимира 223, 234, 429
Ольга 11—16, 18, 19, 22, 28—32, 37, 38, 43—51, 71, 74, 76, 77, 147, 154, 171, 182, 257, 284, 365, 367—369, 371, 378, 411, 421—424, 426, 433, 434
Ольджих, чеш. 127, 334
Опраксия «королевична», былин. 231, 249
Осия, библ. 279, 361, 425
Оттон I 29, 30, 74, 76, 125, 201, 289
Оттон II 76, 78, 125, 126, 170, 201, 219, 377
Оттон III 170, 201, 311, 328

Павел, апостол 9, 155, 168, 170, 236, 237, 421, 428, 430
Павел, еп. греческий (?) 171
Павлова Р. 385
Папроцкий Бартоломей 83
Пархоменко В. А. 364, 376
Пахомий Логофет 401
Пашуто В. Т. 364, 372, 382, 383, 416—418
Переяслав, отрок (ошибочно) 314
Петр, апостол 170, 329, 330, 347, 428, 430
Петр, царь болг. 38, 42, 59, 192, 200
Петр, патрикий 58
Петр, стратопедарх 162
Петр Дамиани, еп. Остиенский 76, 376, 377
Петр Могила, митр. Киевский 285, 362, 420
Петрона Каматир 34
Петрухин В. Я. 372
Подскальски Г. 397

Позвизд Владимирович 120, 304, 358
Пономарев А. Л. 395—398
Попов А. И. 366
Попов А. Н. 388, 404
Поппэ А. В. 364, 366, 391, 392, 394, 396—398, 406, 407, 420
Предслава, родственница (?) кн. Игоря 367
Предслава, жена Ярополка, вымышл.) 119
Предслава Владимировна 117, 353, 357
Пресняков А. Е. 375, 381
Претич 45—47
Претич Демьян, вымышл. 408
Приселков М. Д. 364, 406
Прицак О. 373, 387, 401
Прозоровский Д. И. 366
Пселл Михаил 190, 191, 196, 211, 212, 391, 394
Путша 267, 349
Путята, воевода Владимира (?) 267, 268
Путята, тысяцкий 267
Пушкин А. С. 115
Пчелов Е. В. 382
Пятышева Н. В. 399, 400

Рагдай Удалой, былин.(?) 338
Радим 122
Раппопорт П. А. 411
Рапов О. М. 364, 367—370, 381, 393, 395, 396, 402, 408, 415—417
Регинон Прюмский 371
Редедя, кн. Касожский 316
Рейнберн, еп. Колобжегский 346—349, 418
Робер Капет 392
Рогволод, кн. Полоцкий 17, 89—92, 118, 121, 122, 305, 378, 380
Рогнеда 17, 71, 90—93, 98, 117—119, 223, 224, 232, 287, 304, 305, 336, 377, 379—381, 433, 434
Родман, печенеж. 338
Рожер, принц Норманнский 288
Рожнецкий С. 385
Розен В. Р. 215, 216, 364, 390—392, 394—399
Роман I Лакапин 188, 200, 202
Роман II, имп. 38, 43, 56, 105, 188, 191, 199, 200, 219, 257, 401
Роман, болг. 59, 192, 217
Романчук А. И. 400
Ромуальд, блаженный 76, 328, 376
Ронин В. К. 393
Руднев В. А. 364
Русанова И. П. 85, 409
Рыбаков Б. А. 364, 366, 376, 378, 381, 384, 412, 416, 417
Рыдзевская Е. А. 375, 376, 386, 414, 416, 419
Рюрик 16, 54, 368, 374, 375

Саксон Грамматик 295
Саманиды 137
Самсам ал-доула 194
Самуил (Комитопул), болг. 192, 193, 218
Самуил Мирославский, митр. Киевский 420
Сауд ал-доула 193
Сахаров А. Н. 372, 386
Свенельд 15, 28, 50, 60, 63, 65, 66, 79—82, 88, 89, 366, 378
Свердлов М. Б. 376, 412, 413, 416—418
Святополк Владимирович (Ярополкович) Окаянный 6, 103, 119, 120, 256, 267, 304, 306, 307, 330, 346—351, 353—358, 370, 404, 412, 418, 419, 434
Святослав Владимирович 119, 120, 304, 307, 339, 350, 358
Святослав Игоревич 11, 12, 15—19, 22, 25—32, 34—38, 40—48, 50—53, 56—67, 74, 75, 78—80, 84, 86, 89, 102, 107, 112—114, 119, 121, 122, 128, 138, 140, 142, 143, 150, 162, 166, 169, 198, 211, 224, 249, 280, 308, 316, 338, 342, 348, 367—375, 417, 421, 427, 429, 433
Святослав Ярославич 275, 359, 378, 383
Седов В. В. 381, 409
Семенов В. П. 214
Сементовский Н. 405
Серебрянский Н. И. 364, 385, 386, 399, 401, 404, 405, 409, 411
Сериков Н. И. 373, 395—398
Сигрид Гордая 306, 414
Сигурд, скандинав 68, 69, 84
Сильвестр II, папа 328
Симеон, болг. 39, 368
Симон, еп. Владимиро-Суздальский, св. 146
Синеус 16
Скилица Иоанн 41, 62, 64, 211, 375, 386, 391, 394, 399, 417

Склиры:
— Варда 58, 59, 62, 189, 190, 194—196, 201, 204, 208, 211, 212, 214, 218, 234, 390, 397
— Константин, брат Варды 189, 195
— Роман, сын Варды 189, 195
Славнитский М. 419
Смирницкая О. А. 375
Смирнов П. П. 403
Снорри Стурлусон 69, 323, 375, 385, 414
Соболевский А. И. 364, 371, 389, 390, 400, 401, 417, 429
Соколов Б. М. 364
Солженицын А. И. 277, 410
Соловей-разбойник, былин. 129, 301
Соловьев А. В. 364, 366, 373
Соловьёв В. С. 364
Соловьев С. М. 364
Соломон, библ. 116, 290
Сотникова М. П. 380, 412, 418
Сперанский М. Н. 404
Спиридон-Савва 371
Срезневский В. И. 378, 379, 381, 384, 389, 392, 399, 401, 404, 406, 410, 412, 415, 419, 427
Станислав Владимирович 120, 304, 358, 382
Стасов В. П. 285, 362
Стеблин-Каменский М. И. 375
Степанос Таронский — см. Асохик
Стефан, еп. Сурожский, св. 238—240, 250, 401
Стефан, еп. Владимиро-Волынский, св. 271, 415
Стефан, кор. Венгерский 127, 334
Стрыйковский Мацей 127, 135, 136, 310, 335, 381, 383, 384, 415
Судислав Владимирович 120, 304, 358, 359
Сулакадзев А. И. 365
Сусанна, жена Робера Капета 393
Сфенгос, брат Владимира (?) 335
Сфенкел (?) 60, 61
Сюзюмов М. Я. 375

Талец 349
Талис Д. Л. 399
Тараиш (ошибочно: вместо Туры) 380
Таронит Григорий 196, 398
Татищев В. Н. 56, 67, 75, 91, 94, 127—130, 134—136, 257, 258, 260, 267, 300, 301, 304, 311, 314, 321, 322, 333, 334, 338, 346, 364, 365, 367, 369, 375, 376, 379, 381, 382, 384, 404, 405, 408, 413—418, 434
Творогов О. В. 364, 419
Темир, печенеж. 339
Теодорих Остготский 26, 340—342, 418
Тидрек Бернский — см. Теодорих Остготский
Тидрек, сын конунга Вальдимара, вымышл. 341, 342
Тимошук Б. А. 385, 409
Тимофей, ученик апостола Павла 421
Титмар, еп. Мерзебургский 116, 120, 188, 248, 285, 286, 289, 290, 344—347, 350, 354, 356, 370, 390, 406, 411, 418, 419
Тихомиров М. Н. 364, 368, 384, 402
Тихонравов Н. С. 387
Тихонюк И. А. 371
Толочко А. П. 371, 381
Толочко П. П. 367, 370, 380, 381, 385
Толстов С. П. 384, 387, 414
Топоров В. Н. 381
Торольв, скандинав 69
Торстейн Бычья Нога 316
Траян, имп. 246
Трендафилов Х. П. 388
Трувор 16
Трюггви, конунг 68
Тур, варяг (?) 385, 405
Туры 90, 121, 380

Угоняй, вымышл. 268
Улеб, посол (?) 371
Улита, св. 355, 361
Ураник Никифор 190

Фасмер М. 365, 384
Фатимиды 192, 197
Федотов Г. П. 364
Феодор Стратилат, св. 63
Феодор Варяг, св. 146
Феодор, еп. Ростовский 271, 272
Феодор, митр. Севастийский 392
Феодора, имп. 201, 219
Феодосий Печерский, св. 166, 271, 278
Феодосий «грешный», книжник 5
Феоктист, иг. Киево-Печерский 264
Феопемт, митр. Киевский 261, 282, 406

Феофано, жена имп. Романа II 38, 57, 189, 191
Феофано, жена имп. Оттона II 170, 201
Феофил, адресат евангелиста Луки 421
Феофил, имп. 401
Феофил, еп. Евхаитский 63—65
Феофилакт, митр. Севастийский, Русский (?) 203, 204, 206, 217, 219, 222, 262
Фив, св. 247, 248, 283, 336, 411, 434
Филарет (Гумилевский), архиеп. 364
Филипповский Г. Ю. 408, 409
Фиркович А. С. 387
Флоровский А. В. 378, 384
Флоря Б. Н. 386, 409, 413
Фоки:
— Варда, отец имп. Никифора 38
— Варда, полководец 59, 189, 192—197, 201, 203, 208, 210—212, 214, 218, 394, 395, 397
— Лев, сын Варды 212, 294, 397
— Никифор, имп. — см. Никифор Фока
— Никифор, брат Варды 195, 210
— Никифор Кривошеий, сын Варды 211
Фома, еп. Туровский 347
Фома, еп. Ростовский (?) 271
Фотий, патр. Константинопольский 151, 152, 209, 263, 264, 270, 271, 406, 407, 415
Фрелаф Демьян, вымышл. 408
Фризе Хр. 378
Фроянов И. Я. 403

Хазе К. Б. 395, 416
Хаммер Й. де 387
Хвольсон Д. А. 387
Хлодвиг 26
Ходота 129
Хонигман Э. 392
Хосров Ануширван 163
Христофор, сын Романа I Лакапина 200

Цимисхий — см. Иоанн Цимисхий
Цуло Георгий 335

Черепнин Л. В. 417
Членов А. М. 366

Шахматов А. А. 183, 184, 364—366, 370, 375, 378—382, 385, 387—390, 399, 400, 402, 404, 410—413, 417
Шевченко И. 388, 416
Шестаков С. П. 404
Шмид К. 378
Шрайнер П. 399, 401
Шукруллах 159, 160

Щавелева Н. И. 382
Щапов Я. Н. 369, 392, 403, 406—409, 413, 418

Эймунд, норвежец 356
Эйрик, сын Хакона, ярл 322, 323, 434
Эйольв Дадаскальд 323
Эмин Н. 392
Эрка, королева, вымышл. 342

Юзбашян К. Н. 391
Юрченко А. И. 391, 394, 404, 410, 412, 419
Юстиниан, имп. 283
Юшков С. В. 364, 412

Якобсон А. Л. 399, 400
Ян Святославич 339, 371
Ян Усмошвец 314, 338
Янин В. Л. 269, 373, 404, 406, 408, 414, 420
Янь Вышатич 275
Ярополк Святославич 16, 18, 19, 43, 44, 50—52, 67, 73—78, 80—84, 86—90, 93—100, 112, 119, 121, 122, 126, 129, 170, 171, 173, 185, 308, 317, 348, 352, 353, 367, 377—380, 382, 389, 390, 427, 433
Ярослав Владимирович Мудрый 6, 54, 71, 77, 83, 85, 99, 102, 117, 118, 120, 186, 256, 261, 264, 265, 273, 278, 287, 289, 296, 297, 302—304, 306, 310, 317, 330, 348—354, 356—359, 363, 370, 371, 374, 377, 379, 381, 382, 404, 412, 420, 434
Ярослав Святославич, кн. Муромский 409
Яхъя Антиохийский 188, 193, 195—198, 202, 212, 215—217, 284, 288, 390—392, 394—396, 398, 399, 406

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

«А се князи русьстии» 408
«Беседа трех святителей» 108
Договоры Руси с греками
— *907 г.* 315
— *944 г.* 367, 368, 371
— *971 г.* 63, 75, 197, 198
Житие преп. Авраамия Ростовского 272, 408
Житие св. Александра Невского 361
Житие варягов-христиан — см. Сказание о святых мучениках Варяге и сыне его Иване
Жития св. Владимира:
— «древнейшее» — см. «Память и похвала князю Русскому Владимиру»
— обычное 5, 7, 111, 185, 201, 208, 225, 236, 241, 247, 253, 258, 265, 381, 389, 392, 399, 400
— особого состава (особая редакция) 93, 223, 225 ,227, 231, 232, 234, 236, 241, 399, 400
— проложное 258, 260, 282, 360, 385, 386, 405, 411, 427—429
— проложное особого состава 186, 223, 232—234, 391, 400, 429—431
— Чудовская редакция 282, 370, 400, 404, 411
См. также «Память и похвала князю Русскому Владимиру», «Похвальное слово князю Владимиру»
Житие св. Константина (Кирилла) Философа 179, 386, 387
Житие св. Константина Муромского 272
Житие св. Леонтия Ростовского 408
Жития св. княгини Ольги:
— проложное 411
— распространенное проложное 411
— редакция Степенной книги 369, 411, 412
Житие св. Петра, митрополита Московского 401
Житие св. Стефана Сурожского 238—240, 249, 400, 401
Житие преп. Феодосия Печерского *преп. Нестора* 186
«Завет Володимиров» — см. Устав церковный князя Владимира
Канонические ответы митрополита Иоанна II 276, 294, 297, 410, 412
Киевский Синопсис *Иннокентия Гизеля* 254, 260, 404, 405, 416
Летописи:
— Академическая (Московско—Академическая) 169, 241, 243, 314, 381. См. также «Повесть временных лет»
— Архангелогородский летописец 365, 375, 380, 402, 419
— Владимирский летописец 402
— Воскресенская 367—369, 412
— Галицко—Волынская — см. Ипатьевская
— Густынская 107, 271, 407, 412, 413
— Ермолинская 375, 380
— Иоакимовская 66, 67, 75, 85, 89, 93—95, 117, 119, 120, 127, 263, 267—269, 367, 371, 382, 383, 404, 412
— Ипатьевская 135, 145, 150, 169, 241, 247, 367—369, 372, 381—383, 388, 405, 410, 414, 419. См. также «Повесть временных лет»
— Киевская — см. Ипатьевская
— Лаврентьевская 91, 117, 150, 169, 241—243, 247, 313, 361, 365, 368—370, 372, 378, 385, 388, 402, 410, 414. См. также «Повесть временных лет»
— Львовская 408
— Никоновская 12, 75, 77, 82, 86, 88, 153, 228, 232, 247, 260, 263, 264, 270, 271, 285, 297, 298, 300, 305, 309, 312, 314, 327, 331—335, 337—339, 365, 371, 376, 377, 384, 386, 405, 413—415
— Новгородская Первая младшего извода 79, 145, 150, 169, 241, 255, 263, 267, 282, 302, 352, 372, 373, 378, 386—388,

393, 400, 401, 404, 406, 408, 410, 412, 413, 417, 419
— Новгородская Четвертая 175, 241, 382, 388
— «Новгородский летописец» 367
— Переяславля Суздальского летописец 241, 296, 314, 350, 369, 370, 381, 400, 402
— Пинежский летописец 270, 408
— Псковская Первая 256
— Радзивиловская 102, 169, 241, 243, 314, 372, 380, 388, 402, 404, 405, 410, 414. См. также «Повесть временных лет»
— Рогожский летописец 382, 402
— «Ростовский летописец» 367
— Симеоновская 263
— Софийская Первая (в том числе Софийская Первая по списку Царского) 99, 175, 241, 382, 388, 412
— Степенная книга царского родословия 130, 232, 260 304, 337, 369, 405, 406, 411, 434
— Тверская (Тверской сборник) 232, 241, 282, 284, 287, 367, 375, 380, 411, 412, 419
— Типографская 404
— Устюжский летописец по списку Мациевича 380
— Устюжский летописный свод — см. Архангелогородский летописец
— «Хлебниковский летописец» 408
— Холмогорская 380
— «Хрущовский летописец» 334
См. также «Повесть временных лет»
Любечский синодик 404
Молитвенник князя Владимира (подлож.) 365
Мучение св. Климента, папы Римского 248
«Написание о вере» — см. Символ веры
Номоканон 296
Опись Московского Успенского собора *1701 г.* 420
Палея Толковая 177, 387
Палинодий *Захарии Копыстенского* 407
«Память и похвала князю Русскому Владимиру» *Иакова мниха* 6, 81, 87, 88, 135, 136, 139, 140, 185, 186, 222, 284, 337, 356, 360, 361, 365, 378, 379, 389, 390, 402, 406, 410, 411, 415, 421—427
«Память иже во святых отца нашего Германа, патриарха Константинограда» (проложная) 411
«Память иже во святых отца нашего Епифания, архиепископа Кипрского» (проложная) 411
Патерик Киевского Печерского монастыря 146, 386, 409
Письмо половца Ивана Смеры князю Владимиру (подлож.) 364, 365
«Повесть временных лет» 13, 16, 17, 19, 25, 27, 29—311, 34, 41, 44, 46—48, 51, 57, 63, 65, 73, 75, 77, 79—81, 86—88, 90, 91, 96, 97—99, 1023, 106, 108, 109, 116, 117, 119, 120, 124, 126, 128—130, 132—135, 143, 145, 149, 150, 153, 155, 156, 166, 168—170, 173, 175, 180, 183—186, 198, 208, 216, 220, 226, 230, 236, 241, 247, 250, 252, 258, 260, 261, 265, 267, 286, 290, 293, 294, 296, 298, 301, 304, 309, 310, 312—314, 319, 321, 324, 333, 334, 336, 337, 339, 351, 360, 365, 367—370, 372, 373, 377—379, 381, 382, 385, 387—390, 393, 400, 402, 407, 408, 410—415, 417, 419, 433, 434. См. также летописи: Академическая, Ипатьевская, Лаврентьевская, Радзивиловская
Повесть о водворении христианства в Ростове — см. Житие преп. Авраамия Ростовского
Повесть о Николе Заразском 400, 401
Послание о Мономаховом венце *Спиридона—Саввы* 371
Поучение *Владимира Мономаха* 92, 129, 303, 383
Поучение «о казнях Божиих» 286
Поучение «о смерти и о суде» (проложное) 411
«Похвальное слово князю Владимиру» 26, 340, 417

Пролог 6, 146, 282, 405, 410, 411, 427, 431, 432
«Речь Философа» («Слово из Палеи выведено на жиды», «Слово о бытии всего мира») 158, 176—179, 184, 388
«Родословие государей Российских» 365, 369
«Русская Правда» 274, 297, 302, 303, 413
Сильвестровский сборник 102
Символ веры («Написание о вере») 206, 388, 393, 394, 407
«Сказание об обретении славянской грамоты» 155, 170
«Сказание об освящении Десятинной церкви» (проложное) 283, 294, 389, 410, 411, 413, 415, 431, 432
Сказание о князьях Владимирских 371,
Сказание о построении града Ярославля 273
«Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе» 102, 185, 264, 350, 353—355, 357, 369, 380, 384, 419
«Сказание о святых мучениках Варяге и сыне его Иване» (проложное) 146, 150, 385
Сказание о Соломоне и «ужичкой царице» 366
Сказание «о холопьей войне» 403
Слово на обновление Десятинной церкви 248, 365, 402, 403
Слово на перенесение мощей св. Климента Римского 244
«Слово о законе и благодати» *митрополита Илариона* 186, 207, 278, 279, 291, 359, 360, 391, 404
Слово о крещении Владимира — см. «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь»
«Слово о полку Игореве» 107, 108, 315, 371
«Слово о твари» 412
«Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» 5, 184, 186, 242, 243, 258, 260, 294, 388—390, 393, 402, 404, 405, 413, 419
«Слово святого Григория о том, како первое погани сущие языци кланялись идолам...» 144
Служба святому Владимиру 9, 360, 365, 419
«Список городов Русских, дальних и ближних» 282
Степенная книга царского родословия — см. Летописи
Толковая Палея — см. Палея Толковая
Требник 259—261, 392
Успенский сборник 387, 408
Устав церковный князя Владимира 6, 262, 263, 274, 275, 284, 288, 296—298, 306, 369, 370, 406, 407, 409, 413
Устав церковный князя Всеволода Мстиславича 263
Устав церковный князя Ярослава Владимировича 274, 275, 296, 297, 409
Хожение в Святую землю *игумена Даниила* 409
Христианская топография Козмы Индикоплова 381
Хроника Георгия Амартола 237, 238
Хронограф Русский западнорусской редакции 153, 386
Хронограф Русский *1512 г.* 263, 267
«Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе» *преп. Нестора* 186, 251, 264, 279, 349, 354, 355, 391, 413, 414, 419
Чудо св. Климента о отрочати 402

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Глава первая. **Рождение** 11
Глава вторая. **Святослав. Смерть Ольги** 25
Глава третья. **Новгород** 50
Глава четвертая. **Война. Братоубийца** 73
Глава пятая. **Киев. Язычник** 101
Глава шестая. **Выбор** 142
Глава седьмая. **Крещение. Киев** 174
Глава восьмая. **Корсунь** 213
Глава девятая. **Свержение Перуна** 251
Глава десятая. **Киев. Христианин** 280
Глава одиннадцатая. **Войны и миры** 308
Глава двенадцатая. **Последние годы жизни. Смерть** 343

Примечания 364
Приложения 421
Основные даты жизни князя Владимира Святославича 433
Указатель имен 435
Указатель древнерусских письменных источников 444

Карпов А. Ю.

Владимир Святой. — М.: Мол. гвардия — ЖЗЛ; Русское слово, 1997. — 446[2] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 738).

ISBN 5-235-02274-2

Эта книга посвящена великому киевскому князю Владимиру Святославичу, Крестителю Руси. В русской истории нет более значимого имени. Владимир Святой, Владимир Великий, в памяти народа — Владимир Красное Солнышко — сами прозвища говорят об отношении потомков к своему великому предку. Но каким был князь Владимир в жизни? Как произошло превращение язычника и братоубийцы, гонителя христианства и законопреступника в просветителя Отечества, великого государственного мужа, человека высочайшего духовного подвига? Мы слишком мало знаем о личности этого человека; многое окутано тайной, легендами и преданиями. Настоящая книга представляет собой первую попытку воссоздать подлинную биографию князя на основе скрупулезного изучения сохранившихся источников. В приложении к книге помещены тексты древнейших русских сочинений о святом князе Владимире, часть из которых публикуется впервые.

УДК 947.027
ББК 63.3(2)43

Карпов Алексей Юрьевич

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**
Редактор **А. В. Никитин**
Художественный редактор **К. Г. Фадин**
Технический редактор **Н. А. Тихонова**
Корректоры **И. В. Ларина, Н. Д. Овсянникова**
Набор и верстка **А. А. Горкин, А. В. Никитин**

Лицензия ЛР № 040224 от 20.01.92 г.

Сдано в набор 13.11.96. Подписано в печать 17.02.97. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 23,52 + 1,68 вкл. Тираж 10 000 экз. Заказ 392.

Издательство «Молодая гвардия». 103030, Москва, Сущевская ул., 21.

Издательство «Русское слово». 119034, Москва, Пречистенская набережная, д. 15, стр. 2.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ISBN 5-235-02274-2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ